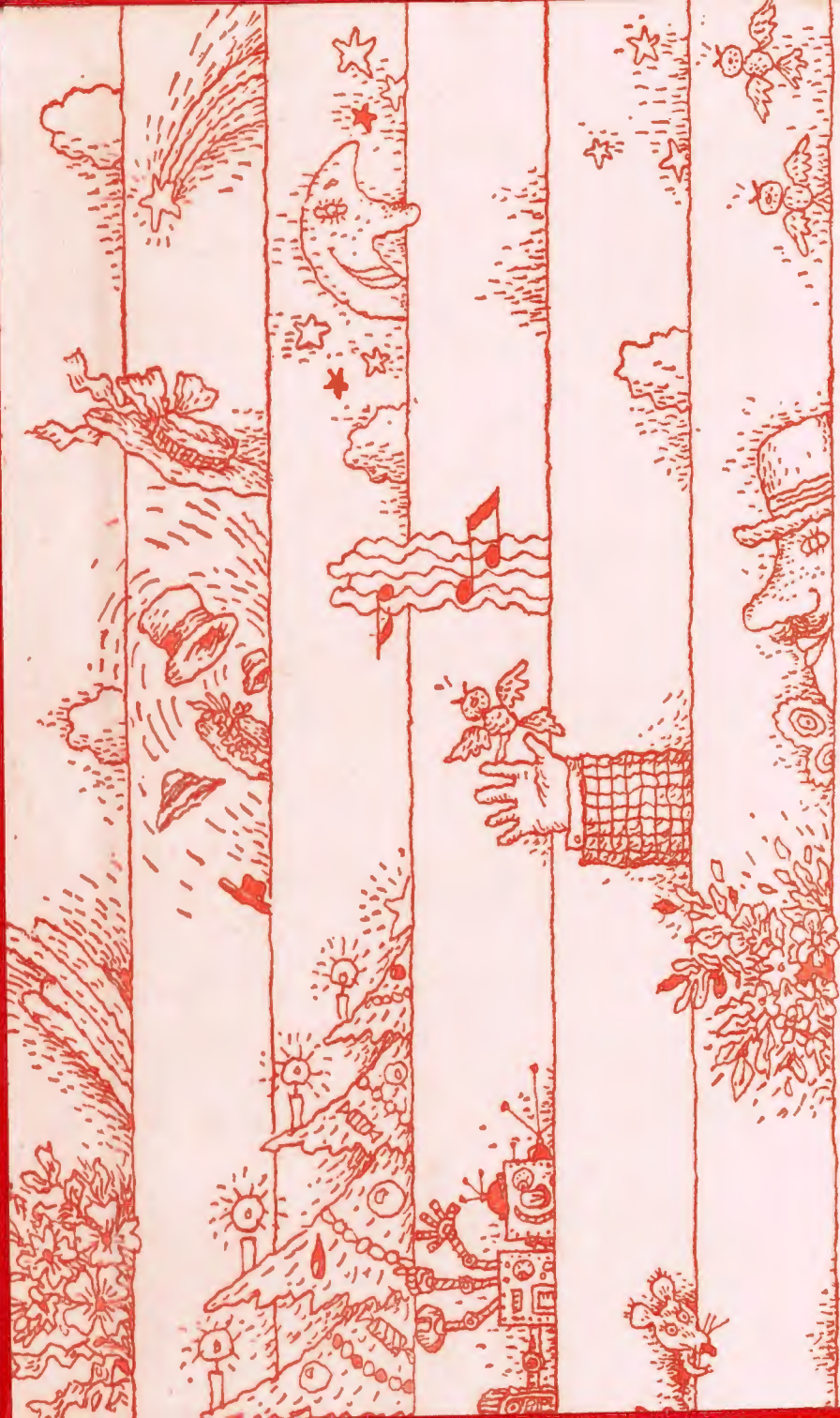

**РИМ
СКИЕ
ФАНТА
ЗИИ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1987

84. 4Ит
Р 60

Переводы с итальянского
И. Г. Константиновой
и Ю. Н. Ильина

Послесловие
Л. М. Тарасова

Иллюстрации и оформление
В. Д. Сергеева

Р $\frac{4703000000-1348}{080(02)-87}1348-87$

© Издательство «Правда», 1987.
Составление. Послесловие. Иллюстрации.

Эта книга включает большую часть моих историй, написанных для детей в течение пятнадцати лет. Вы скажете, что этого мало. За 15 лет, если бы я писал каждый день только одну страницу, можно было бы уже иметь примерно 5500 страниц. Значит, я написал намного меньше, чем мог. И все же я не считаю себя большим лентяем!

Дело в том, что в эти годы я еще работал как журналист и делал много других вещей. Например, я писал статьи для газет и журналов, занимался школьными проблемами, играл со своей дочкой, слушал музыку, ходил гулять, думал. А думать — это тоже полезное дело. Может быть, даже самое полезное из всех других. По-моему, каждый человек должен полчаса в день думать. Это можно делать всюду — сидя за столом, гуляя в лесу, в одиночестве или в компании.

Я стал писателем почти случайно. Мне хотелось быть скрипачом, и я несколько лет учился играть на скрипке. Но с 1943 года больше не прикасаюсь к ней. Скрипка так и лежит у меня с тех пор. Я все время собираюсь добавить струны, которых не хватает, поправить сломанный гриф, купить новый смычок вместо старого, совсем растрепавшегося, и снова начать упражнения с первой позиции. Может быть, я это когда-нибудь сделаю, но пока у меня нет времени. Мне хоте-

лось бы еще быть художником. Правда, в школе у меня всегда были плохие отметки по рисованию, и все же водить карандашом и писать маслом я всегда очень любил. К сожалению, в школе нас заставляли делать такие нудные вещи, что они могли вывести из терпения даже королю. Словом, как все ребята, я мечтал очень о многом, но многого пртом не сделал, а сделал то, о чем меньше всего думал.

Однако, сам того не подозревая, я долго готовился к своей писательской деятельности. Например, я стал школьным учителем. Не думаю, что я был очень хорошим учителем: я был слишком молод, и мои мысли витали очень далеко от школьных парт. Возможно, я был веселым учителем. Я рассказывал ребятам разные смешные истории — истории без всякого смысла, и чем абсурднее они были, тем больше дети смеялись. Это уже кое-что значило. В школах, которые я знаю, по-моему, мало смеются. Многие, что можно было бы выучить смеясь, учат со слезами — горькими и бесполезными.

Но не будем отвлекаться. Так или иначе, я должен рассказать вам об этой книге. Я надеюсь, что она будет веселой, как игрушка. Кстати, вот еще одно занятие, которому я хотел бы себя посвятить: делать игрушки. Мне всегда хотелось, чтобы игрушки были неожиданными, с выдумкой, чтобы они годились каждому. Такие игрушки долго живут и никогда не надоедают. Не умея работать ни с деревом, ни с металлом, я попытался делать игрушки из слов. Игрушки, по-моему, так же важны, как книги: если бы это было не так, ребята не любили бы их. А раз они их любят, значит, игрушки учат их чему-то такому, чему иначе научиться нельзя.

Я хотел бы, чтобы игрушки служили и взрослым, и детям, чтобы в них можно было играть всей семьей, всем классом, вместе с учителем. Я хотел бы, чтобы и мои книги были такими же. И эта — тоже. Она должна помочь родителям сблизиться со своими детьми, чтобы с нею можно было бы вместе посмеяться, поспорить. Я доволен, когда какой-нибудь мальчик охотно слушает мои истории. Еще больше радуюсь я, когда эта история вызывает у него желание говорить, высказывать свое мнение, задавать взрослым вопросы, требовать, чтобы они отвечали.

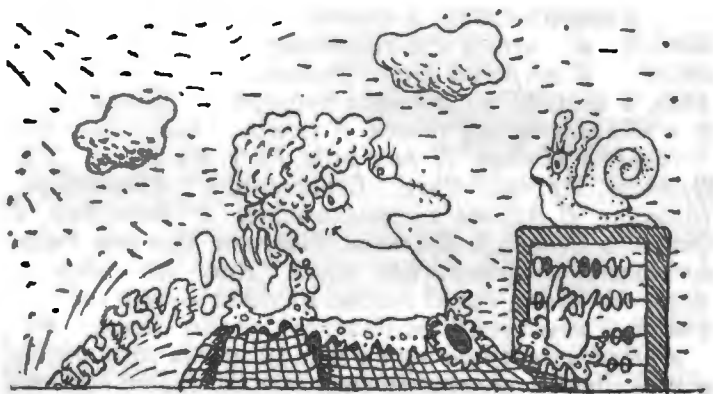
Моя книга выходит в Советском Союзе. Я очень доволен этим, потому что советские ребята — отличные читатели. Я встречал много советских ребят в библиотеках, в школах, во Дворцах пионеров, в Домах культуры — повсюду, где бывал. А теперь я вам скажу, где я бывал: в Москве, Ленинграде, Риге, Алма-Ате, Симферополе, Артеке, Ялте, Севастополе, Краснодаре, Нальчике. В Артеке я познакомился с ребятами с Крайнего Севера и Дальнего Востока. Все они были великолепные пожиратели книг. Как это здорово знать, что книга, какая бы она ни была — толстая или тонкая, — печатается не для того, чтобы лежать где-то в пыли на витрине или в шкафу, а для того, чтобы со отличным аппетитом проглотили, съели, переварили сотни тысяч ребят.

Поэтому благодарю всех тех, кто подготовил эту книгу, и тех, кто, так сказать, будет ее есть. Надеюсь, что она придется вам по вкусу.

Приятного аппетита!

Джанни Родари

1969

*Паолетте Родари и
ее друзьям всех цветов кожи*

ил-был однажды... синьор Бьянки. Жил он в городе Варезе и был служащим одной торговой фирмы, которая продавала лекарства. Работа у него была очень беспокойная. Каждую неделю шесть дней из семи он колесил по всей Италии. Он ездил на запад и на восток, на юг и на север, и опять туда же — и так включая субботу. Воскресенье он проводил дома, вместе с дочуркой, а в понедельник, едва поднималось солнце, снова отправлялся в путь. Дочка провожала его и всегда напоминала:

— Слышишь, папа, сегодня вечером я опять жду новую сказку!

Надо вам сказать, что девочка эта не могла уснуть, пока ей не расскажут сказку. Мама уже по три раза перерассказала ей все, что знала: и были, и небылицы, и просто сказки. А ей все мало! Пришлось и отцу взяться за это ремесло. Где бы ни находился он, в каком бы местечке Италии ни оказался, он каждый вечер ровно в девять часов звонил домой и рассказывал по телефону новую сказку. Он их сам придумывал и сам рассказывал. В этой книге как раз и собраны все эти «сказки по телефону», и вы можете прочитать их. Они, как вы заметите, не очень длинные. Ведь синьору Бьянки приходилось платить за телефонный разговор

из своего кармана, и, сами понимаете, он не мог разговаривать слишком долго. Только иногда, когда люди у него шли хорошо, он позволял себе поговорить подольше. Конечно, если сказка этого заслуживала.

Скажу вам по секрету: когда синьор Вьянки вызывал Варезе, даже телефонистки приостанавливали работу и с удовольствием слушали его сказки. Еще бы — некоторые из них мне и самому нравятся!

Незадачливый охотник

Зозьми-ка, Джузеппе, ружье, — сказала однажды мать своему сыну, — и сходи на охоту. Завтра твоя сестра выходит замуж, и надо бы приготовить праздничный обед. Очень хороша была бы для этого зайчатина.

Джузеппе взял ружье и отправился на охоту. Только вышел на дорогу, видит — бежит заяц. Выскочил ногой из-под забора и пустился в поле. Вскинул Джузеппе ружье, прицелился и нажал на курок. А ружье и не подумало стрелять!

— Пум! — сказала оно вдруг звонким и веселым голоском и выбросило пулю на землю.

Джузеппе так и замер от удивления. Подобрал пулю, повертел ее в руках — пуля как пуля! Потом осмотрел ружье — ружье как ружье! И все-таки оно не выстрелило, как все нормальные ружья, а звонко и весело произнесло «Пум!». Джузеппе даже в дуло заглянул, да только разве может там кто-нибудь спрятаться? Никого там, конечно, не оказалось.

«Что же делать? Мама ждет, что я принесу с охоты зайца. У сестры свадьба, нужно приготовить праздничный обед...»

Едва Джузеппе успел подумать это, как вдруг снова увидел зайца. Только оказалось, это зайчиха, потому что на голове у нее была свадебная фата с цветами и шла она скромно потупившись, мелко перебирая лапками.

Вот так раз! — удивился Джузеппе. — Зайчиха тоже выходит замуж! Придется мне, видимо, поискать фазана.

И он пошел дальше в лес. Двух шагов сделать не успел, как увидел фазана. Идет он себе по тропинке, нисколько никого не опасаясь, как в первый день охоты, когда фазаны еще не знают, что такое ружье.

Джузеппе прицелился, нажал на курок... И ружье снова сказала человеческим голосом:

— Пам! Пам! — совсем как мальчуган, когда играет со своим деревянным ружьем. А пуля опять выпала из дула на землю, прямо на кучу красных муравьев. Перепугались муравьи и кинулись прятаться под сосну.

— Хорошенькое дельце! — рассердился Джузеппе. — Так я вернусь домой с пустыми руками!

А фазан, услышав, как весело разговаривает ружье, бросился в заросли и вывел оттуда своих фазанят. Идут они цепочкой друг за другом, рады-раदेशеньки, что отправились на прогулку. А следом за ними и мама-фазаниха шествует — важная и довольная, будто первую премию получила.

— Еще бы, — проворчал Джузеппе. — Как ей не быть довольной! Ведь она уже замужем. А мне как быть — на кого теперь охотиться?!

Он снова старательно зарядил ружье и осмотрелся по сторонам. Кругом ни души. Только дрозд сидит на ветке. Сидит и посвистывает, словно подзадоривает: «Ну-ка, подстрели меня! Попробуй!»

Ну Джузеппе и выстрелил. Только ружье и в этот раз не послушалось его.

— Бах! — сказала оно, совсем как ребята, когда играют в разбойников, и даже еще хихикнуло тихонько. Дрозд засвистел еще веселее, словно говоря: «Обманули дурака на четыре кулака!»

— Так я и знал! — вздохнул Джузеппе. — Видно, сегодня ружье устроило забастовку.

— Ну, как ты поохотился? — спросила мать, когда Джузеппе вернулся домой.

— Хорошо поохотился, — ответил он. — Три веселенькие насмешки принес. Не знаю только, подойдут ли они к праздничному столу.

Дворец из мороженого

В один прекрасный день в Болонье на самой главной площади построили дворец из мороженого. И ребята сбегались сюда со всех концов города, чтобы полакомиться хоть немножко.

Крыша дворца была из взбитых сливок, дым, что поднимался над трубами, из фигурного сахара, а сами трубы — из цукатов. Все остальное было из мороженого: двери из мороженого, стены из мороженого, мебель из мороженого.

Один совсем маленький мальчик ухватился за ножку стола и стал уплетать ее. Потом он съел вторую ножку, третью, а когда расправился и с четвертой, то весь стол со всеми тарелками — а они были из самого лучшего, шоколадного мороженого — упал прямо на него.

А городской стражник заметил вдруг, что во дворце поднимается одно окно. Стекла его — из земляничного мороженого — розовыми ручейками стекали вниз.

Бегите сюда! Быстрее бегите сюда! — позвал стражник ребят.

Все прибежали и стали лизать розовые ручейки — чтобы ни одна капля не пропала из этого поистине чудесного сооружения.

Кресло! Дайте мне кресло! — взмолилась вдруг какая-то старушка, которая тоже пришла на площадь, но не могла протиснуться в толпе. — Дайте кресло бедной старушке! Помогите мне! Кресло, и, если можно, с ручками!..

Один очень отзывчивый пожарный сбегал во дворец и принес кресло из крем-брюле, и бедная старушка ужасно обрадовалась и принялась прежде всего обнимать ручки кресла.

Да, что был большой день в Болонье. Настоящий праздник! По приказу докторов ни у кого не болели животики.

И до сих пор, когда ребята просят купить вторую порцию мороженого, родители вздыхают:

Ах, дружок, тебе надо купить, наверное, целый дворец из мороженого, вроде того, что был в Болонье, вот тогда ты, может быть, будешь доволен!

Как гулял один рассеянный

— Иди, Джованни. Только будь осторожен, когда станешь переходить улицу.

— Ладно, мама. Пока!

— Ты всегда такой рассеянный...

— Да, мама. Пока!

И Джованни весело выбежал из дома. Поначалу он был очень внимателен. То и дело останавливался и ощупывал себя:

— Все на месте? Ничего не потерял?— и сам же смеялся.

Он был так доволен своей внимательностью, что даже запрыгал от радости, как воробушек. А потом загляделся на витрины, на машины, на облака, и, понятное дело, начались неприятности.

Какой-то очень вежливый синьор мягко упрекнул его:

— Какой же ты рассеянный, мальчик! Смотри, ты ведь потерял пальцы!

— Ой, и верно! Какой же я рассеянный!

И Джованни стал искать свои пальцы. Но нашел только какую-то пустую банку. Пустую? Посмотрим-ка! А что в ней было, в этой банке, раньше? Не всегда же она была пустая...

И Джованни уже забыл, что ему надо отыскать свои пальцы. А потом он забыл и про банку, потому что увидел вдруг хромую собаку. Он кинулся за ней, но не успел и до угла добежать, как потерял руку. Потерял и даже не заметил. Бежит себе дальше как ни в чем не бывало.

Какая-то добрая женщина крикнула ему вслед:

— Джованни, Джованни! Руку потерял!

Куда там! Он даже не услышал!

— Ну ничего,— решила добрая женщина.— Отнесу руку его маме.— И она пошла к Джованни домой.

— Синьора, вот тут у меня рука вашего сына!

Вот растеряха! Просто не знаю, что с ним делать! Такой рассеянный! Такой рассеянный, что дальше некуда!

Да, конечно, только все дети такие.

Спусти немного пришла другая добрая женщина:

— Синьора, я нашла тут чью-то ногу. Не вашего ли Джованни она?

— Ну конечно, это его нога! Узнала по дырявому ботинку! Ах, какой же у меня рассеянный сын уродился! Просто не знаю, что с ним делать!

Да, конечно, с ребятами всегда так.

Прошло еще немного времени, и один за другим в дом Джованни потянулись разные люди — какая-то старушка, рассыльный булочника, вагоновожатый и даже старая учительница-пенсионерка. И все приносили какой-нибудь кусочек Джованни: кто ногу, кто ухо, кто нос.

— Ну где вы найдете еще такого рассеянного мальчика, как мой сын! — воскликнула мать.

— И чего вы удивляетесь, синьора! Все дети такие!

Наконец появился домой и сам Джованни, прыгая на одной ноге, без рук, без ушей, но как всегда веселый, живой и резвый, словно воробушек.

И мама только головой покачала. Потом привела его в порядок и поцеловала.

Все на месте, мама? Ничего не потерял? Видишь, какой я молодец!

Да, да! Уж такой молодец, что дальше некуда!

Женщина, которая считала «апчхи!»

Гавирате жила одна женщина, которая полными днями только и делала, что считала, что сколько раз чихнет, а потом рассказывала об этом своим приятельницам, и они вместе долго судачили про эти «апчхи!»

Аптекарь чихнул семь раз! — рассказывала женщина.

— Не может быть!

— Клянусь вам! И пусть у меня отвалится нос, если я говорю неправду! Он чихнул все семь раз ровно за пять минут до того, как пробило полдень!

Они долго обсуждали это событие и наконец пришли к выводу, что аптекарь подливает воду в касторку.

— А священник чихнул четырнадцать раз!— продолжала рассказывать женщина, вся красная от волнения.

— Ты не ошиблась?

— Пусть у меня отвалится нос, если он чихнул хоть одним разом меньше!

— Боже, что станет с миром, если и дальше так пойдет!

Они снова долго судачили и пришли к выводу, что священник слишком много наливает масла себе в салат.

Однажды эта женщина и ее приятельницы (а их было больше, чем дней в неделе) спрятались под окнами синьора Делио, чтобы пошпионить за ним. Но синьор Делио и не думал чихать — он не нюхал табака и не был простужен.

— Ни разу не чихнул!— огорчилась женщина, которая считала «апчхи!».— Должно быть, тут-то и зарыта собака!

— Конечно!— поддержали ее приятельницы.

Синьор Делио услышал их разговор. Он взял золотого перца, насыпал его в пульверизатор и незаметно обсыпал сверху сплетниц, что притаились у него под окном.

— Апчхи!— чихнула женщина, которая считала «апчхи!».

— Апчхи! Апчхи!— стали чихать ее приятельницы и никак не могли остановиться.

— Я чихнула больше, чем вы!— заявила вдруг женщина, которая считала «апчхи!».

— Нет, мы чихнули больше!— закричали приятельницы.

Тут женщины вцепились друг другу в волосы и давай колошматить одна другую. Платья на них порвались, и у каждой оказалось по выбитому зубу.

С тех пор женщина, которая считала «апчхи!», перестала разговаривать со своими приятельницами. Она

купила себе записную книжку с карандашом и стала водить, одна-одинешенька. Каждое «апчхи!» она отмечала в записной книжке плюсиком.

Когда она умерла и люди нашли ее записную книжку, заполненную плюсиками, они удивились:

— Смотрите, должно быть, она отмечала этими плюсиками все свои добрые дела! Как же много добра она делала людям! Уж если она не попадет в рай, то нас туда и подавно не пустят!

Страна, где нет ничего острого

Джованнинно Бездельник очень любил путешествовать. Путешествовал он, путешествовал и оказался в удивительной стране, где дома строили без углов — они были круглые. И крыши тоже ставили без углов, и плавно закругляли. Вдоль дороги, по которой шел Джованнинно, тянулась живая изгородь из кустов роз, и ему, конечно, захотелось вдеть одну розу в петлицу своей курточки. Он собирался осторожно, чтобы не уколоться о шипы, сорвать цветок, как вдруг заметил, что шипы нисколько не колются, — они, оказывается, вовсе не острые и только слегка щекочут руку.

Чудеса, да и только! — удивился Джованнинно.

В ту же минуту из-за куста с розами появился городской стражник, и, очень вежливо улыбаясь, спросил его:

Вы, должно быть, не знаете, что нельзя рвать роза?

— Мне очень жаль... Я не подумал...

Тогда вам придется заплатить только половину штрафа, — сказал стражник все с той же приветливой улыбкой и стал выписывать квитанцию. Джованнинно заметил, что карандаш у него был не заточен — совсем тупой, и спросил стражника:

— Простите, а можно взглянуть на вашу саблю?

— Пожалуйста, — ответил тот и протянул Джован-

нино свою саблю. Она тоже оказалась не острой, а тупой.

— Так, что же это за страна такая?— удивился Джованнинно.— Куда я попал? Здесь все так странно!

— Это страна, где нет ничего острого,— объяснил стражник, и так вежливо, что все его слова надо было бы писать только с заглавной буквы.

— А как же гвозди!— удивился Джованнинно.— Они ведь должны быть острыми!

— Мы давно уже обходимся без них. Ведь есть клей! А теперь, будьте добры, дайте мне две пощечины.

От изумления Джованнинно широко открыл рот, будто собирався проглотить сразу целый торт.

— Что вы!— воскликнул он наконец.— Я вовсе не хочу оказаться в тюрьме за оскорбление городского стражника. Уж если на то пошло, так это я должен получить две пощечины, а не вы.

— Но у нас так принято,— любезно объяснил стражник,— полный штраф— это четыре пощечины, а половина штрафа— две.

— Две пощечины— стражнику?

— Стражнику.

— Но это ужасно несправедливо! Так нельзя!

— Конечно, несправедливо! Конечно, так нельзя!— ответил стражник.— Это настолько несправедливо и ужасно, что люди, чтобы не давать пощечин ни в чем не повинным стражникам, просто не делают ничего такого, что запрещается законом и за что нужно брать штраф. Ну, так я жду— дайте мне две пощечины! И в другой раз, синьор путешественник, вы, конечно, будете осторожнее, не так ли?

— Но я не хотел бы даже ущипнуть вас за щеку, не то что ударить!

— В таком случае я вынужден проводить вас до границы и предложить покинуть нашу страну!

И Джованнинно, ужасно пристыженный, вынужден был покинуть страну, где нет ничего острого. Однако он до сих пор все еще мечтает вернуться туда, чтобы жить по самым вежливым законам на свете, среди самых воспитанных людей, в домике, где нет ничего острого.

Страна, где все слова начинаются с «не»

а, Джованнино-Бездельник был заядлым путешественником. Путешествовал он, путешествовал и оказался еще в одной удивительной стране. Здесь все слова начинались с частицы «НЕ».

Что же это за страна такая? — спросил он у одного горожанина, что отдыхал в тени под деревом.

Горожанин вместо ответа достал из кармана перочинный нож и протянул его на ладони Джованнино.

Видишь?

Ножу. Ножик.

Ничего подобного! Это неножик, то есть ножик, у которого впереди «не». Он служит для того, чтобы отрезки карандашей превращать в новые карандаши. Очень полезная вещь для школьников.

— Великолепно! — удивился Джованнино. — А еще что?

А еще у нас есть невешалка.

То есть вы хотите сказать — вешалка?

Нет, именно то, что я и сказал, — невешалка. От вешалки мало проку, если на нее нечего вешать. А вот у нашей невешалки совсем другое дело. На нее ничего вешать не надо, на нее уже все повешено. Нужно тебе пальто, иди и сними его! А если кому-нибудь нужен пиджак, то незачем ходить в магазин и покупать его. Надо только подойти к невешалке и снять его. У нас есть невешалки летние и невешалки зимние, невешалки для мужчин и отдельно — для женщин. Это сберегает нам деньги.

— Прекрасно! А еще что?

— Еще у нас есть нефотоаппарат, который, вместо того чтобы делать обычные снимки, делает карикатуры, и людям становится весело. Еще у нас есть непущка.

— Уф! Как страшно!

— Непуты! Непущка — это совсем не то, что пушка. Она служит для того, чтобы прекращать войну.

А как же она действует?

— Очень просто! Даже ребенок может управлять

ею. Если вдруг начинается война, мы сразу же трубим в нетрубу, стреляем из непушки, и война тотчас же прекращается.

Какая прелесть эта страна, где все слова начинаются с «НЕ»!

Страна, где все люди сделаны из масла

днажды Джованнино-Бездельник, великий путешественник и землепроходец, оказался в стране, где все люди сделаны из масла. На солнце они таяли, и поэтому им приходилось все время укрываться в тени и прятаться в прохладе. И жили они в городе, где вместо домов повсюду стояли огромные холодильники. Джованнино ходил по улицам этого странного города и видел, как жители сидят у окон своих домов-холодильников, положив на голову пузырь со льдом. На двери каждого холодильника висел телефон, чтобы можно было разговаривать с его обитателями.

— Алло! — сказал Джованнино, сняв трубку у одного из холодильников.

— Алло! — ответили ему.

— Кто говорит? — спросил Джованнино.

— Король страны, где все люди сделаны из масла. А я сбит из сливок высшего сорта, снятых с молока лучших швейцарских коров. Вы обратили внимание на мой холодильник?

— Нет, а что? Ах вот в чем дело! Он же из чистого золота!.. А вы что, так никогда и не выходите из него?

— Отчего же, иногда выхожу. Зимой. В сильный мороз. И катаюсь в ледяном автомобиле.

— А если, пока ваше величество гуляет, выглянет солнце?.. Что тогда?

— Не может оно выглянуть! Это запрещено! Я бы тотчас же приказал моим солдатам посадить его в тюрьму!

— Как бы не так! — рассердился Джованнино, бросил трубку и отправился путешествовать в другую страну.

Про Алису, с которой всегда что-нибудь случилось

эта сказка про Алису, которая вечно
что-нибудь пропала. Ищет, к примеру, ее дедушка,
чтобы пойти с ней в сад погулять:

Алиса! Где ты, Алиса?!

Я здесь, дедушка!

Да где здесь-то?

В будильнике!

Ну да, она правду сказала. А случилось вот что.
Открыла Алиса окошечко, что на задней стенке бу-
дильника, — уж очень захотелось заглянуть туда, —
главном моргнуть не успела, как тут же оказалась внут-
ри, прямо в механизме, среди пружин и зубчатых
колесиков. А они ведь движутся, не стоят на месте.
Пришлось и Алисе все время прыгать с зубца на зу-
бец, чтобы не пропасть, не погибнуть под колесиками,
которые, не умолкая ни на секунду, приговаривали:
• Тик-так! Тик-так! Тик-так! »

А в другой раз дедушка искал Алису, чтобы накормить завтраком:

— Алиса! Где ты, Алиса?

Я здесь, дедушка.

Да где здесь-то?

Ой, ну совсем рядом! В бутылке!

Как же ты туда попала?

— Мне захотелось пить, и я только заглянула в
горлышко...

Ну конечно, она оказалась в бутылке! И теперь ба-
рахтались там, чтобы не утонуть. Хорошо еще, что ле-
том, когда ее возили в Сперлону, она научилась пла-
вать по-собачьи.

— Ну потерпи немного. Сейчас я тебя вытащу, —
сказал дедушка.

Он затолкал в бутылку веревочку. Алиса ухвати-
лась за нее, ловко подтянулась и вылезла наружу. Вот
когда она поняла, как хорошо, что занималась гимна-
стикой.

А однажды Алиса совсем пропала. Искал ее дедушка, искала ее бабушка, искала соседка, которая всегда приходила читать дедушке газету, чтобы не покупать ее и сэкономить на этом сорок лир.

— Боже! Вот беда-то какая! — шептала перепуганная бабушка.

— Что-то скажут ее родители, когда вернутся с работы!

— Алиса! Алиса! Где ты, Алиса?

Только на этот раз девочка не откликнулась. Путешествуя по кухне и заглядывая всюду, куда только можно было сунуть свой любопытный нос, она попала в ящик, где всегда лежали скатерти и салфетки. Попала туда, да и заснула там, как на мягкой постели. Кто-то задвинул ящик, не заметив Алису. И в самом деле, кому может прийти в голову, что она там.

Когда же Алиса проснулась, то оказалась в полной темноте. Но она нисколько не испугалась. Однажды ей уже довелось побывать в таком же положении — когда она попала в водопроводный кран. Вот там действительно было темно, пожалуй, еще темнее, чем в ящике.

«Скоро, наверное, будут накрывать на стол к ужину, — подумала Алиса. — Тогда и откроют ящик, чтобы достать скатерть». Но разве кто-нибудь мог думать об ужине, когда Алиса пропала? Конечно, всем было не до ужина. Родители девочки пришли с работы и очень рассердились на дедушку и бабушку:

— Хорошо же вы смотрите за ребенком!

— Но наши дети не забирались в водопроводные краны, — возразили дедушка и бабушка. — В наше время дети иногда только падали с кровати, и если получали при этом лишнюю шишку, то это было не так уж страшно.

Наконец Алисе надоело ждать, пока кто-нибудь догадается открыть ящик. Она разрыла скатерти и салфетки, добралась до дна ящика и стала сильно топать ногами:

— Топ! Топ! Топ!

— Тише! — сказал папа. — По-моему, где-то стучат.

— Топ! Топ! Топ! — продолжала топать Алиса.

Как же все ее обнимали и целовали, когда нашли наконец! И Алиса не растерялась — она воспользова-

ляги случаем и тут же оказалась в кармане папиного поджана. А когда ее вытащили и оттуда, то увидели, что она успела перепачкаться в чернильной пасте, поэтому что уже наигралась с папиной шариковой ручкой.

Шоколадная дорога

или в Барлетте три маленьких мальчика — трое братишек. Гуляли они как-то за городом и увидели вдруг какую-то странную дорогу — ровную, гладкую и всю коричневую.

— Из чего, интересно, сделана эта дорога? — удивился старший брат.

— Не знаю из чего, но только не из досок, — заметил средний брат.

— И на асфальт не похоже, — добавил младший брат.

Глядели они, гадали, а потом опустили на коленки и лизнули дорогу языком.

А дорога-то, оказывается, вся была выложена плитками шоколада. Ну братья, разумеется, не растерялись — принялись лакомиться. Кусочек за кусочком — не заметили, как и вечер наступил. А они все уплетают шоколад. Так и съели всю дорогу! Ни кусочка от нее не осталось. Как будто и не было вовсе ни дороги, ни шоколада!

— Где же мы теперь? — удивился старший брат.

— Не знаю где, но только это не Барли! — ответил средний брат.

— И конечно, мы не в Молетте, — добавил младший брат.

Растерялись братья — не знают, что и делать. По счастью, вышел тут им навстречу крестьянин, возвращавшийся с поля со своей тележкой.

— Довезите отвезу вас домой, — предложил он. И отвез братьев в Барлетту, прямо к самому дому.

Стали братья вылезать из тележки и вдруг увидели, что она вся сделана из печенья. Обрадовались они и, недолго думая, принялись уплетать ее за обе щеки.

Ничего не осталось от тележки — ни колес, ни оглобель. Все съели.

Вот как повезло однажды трем маленьким братьям из Барлетты. Никогда еще никому так не везло, и кто знает, повезет ли еще когда-нибудь.

Как придумывают числа

— Давайте придумывать числа?!

— Давайте! Чур, я первый! Почти-один, почти-два, почти-три, почти-четыре, почти-пять, почти-шесть...

— Это слишком маленькие числа. Послушай мои. Один сверхмиллион биллионов! Одна восьмища миллиониш! Один удиви-удивятище и один изумилище!

— Подумаешь! А я могу целую таблицу умножения придумать! Вот смотри!

Трижды один — Паолина и Мартин!

Трижды два — вкусная халва!

Трижды три — нос скорей утри!

Трижды четыре — шоколад, вкуснейший в мире!

Трижды пять — ошибся опять!

Трижды шесть — я хочу есть!

Трижды семь — никогда суп не ем!

Трижды восемь — милости просим!

Трижды девять — мир слезам не верит!

Трижды десять — ничего не весят!

— Скажи-ка быстро, сколько стоит эта коврижка?

— Дважды «надеру-уши»!

— А сколько отсюда до Милана?

— Тысяча километров новых, один километр совсем уже старый и семь шоколадок!

— Сколько весит слеза?

— А это по-разному. Слеза капризного мальчика весит меньше ветра. Слеза голодного мальчика — тяжелее всей Земли!

— Очень длинная получилась сказка?

— Слишком!

— Давай напоследок придумаем еще несколько чисел. Знаешь, как считают в Модене? Раз-и-раз, двас-

и две, трижды-трижки, четыре коврижки и пяток коврижечек.

А и посчитаю, как в Риме. Разик, дваик, третий гаик, и дальше считай как знаешь...

Бриф! Бруф! Браф!

Все ребята мирно играли у себя во дворе. Они придумывали особый язык, чтобы можно было разговаривать только друг с другом и чтоб никто больше не понимал их.

— Бриф, бруф! — сказал первый мальчик.

— Бруф, браф! — ответил другой. И они весело разговаривали.

На балконе второго этажа сидел старый добрый синьор и читал газету. А в окно напротив него выглядывала старая синьора — синьора так себе: ни плохая, ни хорошая.

— Какие глухие эти ребята! — сказала синьора.

Но синьор не согласился с нею.

— И этого не нахожу, — возразил он.

— Не станете же вы утверждать, будто поняли, что они говорят? — спросила синьора.

— Отлично понял! Первый мальчик сказал: «Какой сегодня чудесный день!» А другой ответил: «Завтра будет еще лучше!»

Синьора поморщилась, но промолчала, потому что в эти дни ребята снова заговорили на своем языке.

— Мараски, брабаски, пимпиримоски! — сказал первый мальчик.

— Бруф! — ответил другой. И они снова стали смеяться.

— Неужели и на этот раз вы будете уверять, что поняли их? — рассердилась старая синьора.

— Конечно! — ответил, улыбаясь, старый добрый синьор. Первый сказал: «Как хорошо, что мы живем на земле!» А второй ответил: «Мир так чудесен!»

— Неужели он и в самом деле так чудесен?! — удивилась старая синьора.

— Бриф! Бруф! Браф! — ответил ей старый синьор.

Как один человек купил город Стокгольм

то угодно бывает на базаре в Гавирате. И уж конечно, попадают там и такие пройдохи, которые торгуют где придется и чем попало.

А однажды в базарный день появился на рынке человек, который продавал какие-то уж совсем необычные вещи: гору Монблан, что в Альпах, Индийский океан, Лунные моря... Язык у этого человека был так хорошо подвешен, что через час у него остался только один город — Стокгольм.

Город этот купил парикмахер. Вместо платы он побрил торговца и освежил одеколоном. А затем повесил на самом видном месте между зеркалами большое удостоверение о том, что он является владельцем города Стокгольма. Парикмахер с гордостью показывал этот документ всем своим клиентам и с удовольствием отвечал на их расспросы:

— Это город в Швеции, и не просто какой-нибудь захудалый городишко, а столица! Там живет около миллиона человек! И все они, разумеется, принадлежат мне. Там есть еще море, понятно, но я пока незнаком с его владельцем...

Мало-помалу парикмахер скопил денег на дорогу и спустя год отправился в Швецию — надо же наконец посмотреть на свои владения.

Стокгольм очень понравился ему. Он нашел, что это прекрасный город, а шведы — милейший народ. Только вот беда: шведы ни слова не понимали из того, что он говорил им, и он тоже ни полслова не понимал из того, что они отвечали ему.

— Знаете ли вы, кто хозяин вашего города? Вам сообщили, что хозяин его я?

Шведы улыбались и кивали головами, как бы отвечая — да. Ведь они не понимали, что он говорит, но были людьми вежливыми и воспитанными. Бесконечно довольный, парикмахер потирал руки:

— Такой город! Подумать только, как дешево я заплатил за него — всего-навсего стрижкой с одеколоном отделался!

И все же он ошибался, этот парикмахер. Он слишком много заплатил за него — переплатил! Ему невдомек было, что каждому ребенку, который появляется на свет, принадлежит весь мир, и ему ничего не надо платить за него — ни единого сольдо! Ему нужно только засучить рукава, хорошо поработать, и все на свете окажется в его руках.

Как Джованнино потрогал короля за нос

Тот самый дворянин Джованнино-Бездельник решил отправиться в Рим, чтобы потрогать короля за нос. Другая история произошла с ним:

— Смотри, правое это дело! Рассердится король — и расстанешься ты со своим собственным носом, а злобно и с головой!

Но Джованнино был упрямым человеком. Собираясь в путь, он решил для практики потрогать за нос евнуха, мэра и фельдфебеля. Он сделал это так ловко и осторожно, что те даже ничего не заметили.

— Не так уж это и трудно! — решил Джованнино и отправился в путь.

Приехал он в соседний город, узнал, где живут мэр и судья, явился к ним с визитом и всех по очереди тоже потрогал за нос — кого одним пальцем, а кого и двумя. Вашим господам это не очень понравилось, — ведь он поначалу казался вполне воспитанным человеком и умел разговаривать почти про все что угодно. Мэр испугался про себя немного, а потом все-таки спросил:

— Зачем вы трогаете меня за нос?

— Что вы, господин мэр! — воскликнул Джованнино. — Вам, наверное, показалось. Это была муха!

Мэр посмотрел по сторонам и не увидел ни мухи, ни комара, но Джованнино уже успел откланяться и удалиться, не забыв затворить за собой дверь.

У Джованнино была тетрадка. Он вел в ней счет всем носам, которые ему удалось потрогать. Все это были очень важные носы,

В Риме, однако, число носов росло так быстро, что Джованнини пришлось купить тетрадку потолще. Стоило пройти немного по любой улице, как непременно встречались ему пара каких-нибудь сиятельств, несколько бывших министров и десяток-другой генералов. О разных там председателях и говорить нечего — в Риме их было больше, чем нищих.

И все эти сиятельные носы были прямо под руками. Когда Джованнини трогал их, все они принимали этот жест за знак уважения к ним. А один крупный начальник даже порекомендовал своим подчиненным узаконить новый обычай, советуя поступать так же.

— Отныне и впредь вместо поклона можете трогать меня за нос! — заявил он. — Это более современная и более утонченная манера.

Вначале подчиненные с опаской протягивали руки к носам своих начальников. Но те подбадривали их, широко улыбаясь. И тогда началось — все стали трогать, щупать, щипать и дергать за нос своих начальников. Высокопоставленные носы стали красными и заблестели от удовольствия.

Джованнини не забыл, однако, ради чего он приехал в Рим, — ему надо было потрогать за нос короля. И он ждал удобного случая. Случай этот представился в день королевского выезда. Джованнини заметил, что время от времени кто-нибудь выбегал из толпы, вскакивал на подножку королевской кареты и вручал королю пакет, конечно, с каким-нибудь прошением. Король, улыбаясь, передавал пакет первому министру.

Когда карета оказалась рядом с Джованнини, он тоже вскочил на подножку и, пока король благосклонно улыбался ему, сказал:

— С вашего позволения! — протянул руку и указательным пальцем потер королю кончик носа.

Король тотчас же и сам с изумлением потрогал свой нос, открыл было рот, чтобы что-то приказать, но Джованнини уже прыгнул с подножки и скрылся в толпе. Кругом раздались шумные аплодисменты, и тотчас же все с восторгом поспешили последовать примеру Джованнини: один за другим люди взбирались на подножку кареты, хватали короля за нос и как следует дергали его.

Не беспокойтесь, ваше величество! Это новый знак внимания! — шепнул на ухо королю первый министр и потишнито улыбнулся.

Но королю было уже совсем не до улыбок: нос у него распух и заболел, начался насморк. Он не успевал даже прикладывать платок, потому что его верные подданные не давали ему ни минуты покоя и, смеясь, продолжали весело дергать короля за нос.

Словом, король уже мечтал только об одном — как бы остаться с носом!

А Дювинуиньо предовольный вернулся в родное

Карусель в Чезенатико

В Чезенатико появилась на берегу моря карусель — шесть деревянных лошадок и столько же красных, довольно облезлых автомобилей или ребят с более современным вкусом. Немногий человек вручную раскручивал карусель. Он был маленький, хмурый, худой и лицом походил на тех людей, которые день едят, а два нет. Словом, это была не бог весть какая карусель, но ребятам она, должно быть, нравилась намазанной медом, потому что они так и тинулись к ней, упрасывая родителей покатать их.

Да что она, в самом деле намазана медом, что ли? удивлялись мамы и предлагали ребятам: — Давайте пойдем смотреть дельфинов в канале! Или сходим в кафе, где есть кресла-качалки!

Но где там! Ребятам подавай карусель, да и только! — Как-то вечером один старый синьор посадил своего внука в красный автомобиль, а сам тоже поднялся на карусель и сел на деревянную лошадку. Ему было неудобно сидеть на ней — ноги у него были длинные и вылазили из земли, и синьор смеялся. Но едва карусель закружилась... Что за чудеса! Старый синьор в одно мгновение оказался выше самого высокого небоскреба в Чезенатико, и его лошадка поскакала по потоку прямо к облакам. Синьор посмотрел вниз и увидел сразу всю Романью — провинцию, в которой он жил, — затем всю Италию, а потом и все Землю, кото-

рая удалялась куда-то под цокот копыт его лошадки. Скоро она стала походить на маленькую голубую карусель, которая кружилась и кружилась, показывая один за другим свои материки и океаны, словно нарисованные на глобусе.

— Куда же мы едем? — удивился синьор, как вдруг увидел своего внука. Тот сидел за рулем красного, довольно облезлого автомобиля, который превратился теперь в космический корабль. Затем он рассмотрел и остальных ребят. Они спокойно и уверенно правили — кто рулем, а кто вожжами. И все мчались по своим орбитам, будто искусственные спутники.

А человек, который раскручивал карусель, был уже уж как далеко! Но снизу еще доносилась заигранная популярная песенка, под которую крутилась карусель.

«Тут, пожалуй, не без колдовства! — решил старый синьор. — Этот человек, наверное, волшебник! — И спустя немного еще подумал: — Если мы облетим вокруг Земли, пока звучит эта песенка, то, пожалуй, побьем рекорд Гагарина...»

В это время небесный караван пролетал над Тихим океаном со всеми его островками, а потом над Австралией со скачущими кенгуру, над Южным полюсом, где миллионы пингвинов стояли, задрав кверху головы. Сосчитать их не было времени, потому что на их месте уже появились американские индейцы, сигналившие дымом костров, а затем небоскребы Нью-Йорка, а потом еще один небоскреб — в Чезенатико. Музыка умолкла. Старый синьор изумленно оглянувшись по сторонам: он снова сидел на издававшей тихой карусели, в родном городе, на берегу Адриатического моря. Хмурый, худой человек медленно и осторожно — чтобы не было резких толчков — останавливал карусель.

Старый синьор, пошатываясь, сошел на землю.

— Скажите... — обратился он к хмурому человеку. Но тому некогда было слушать его. Другие ребята уже уселись на лошадок, в машины, и карусель отправлялась в новое кругосветное путешествие.

— Скажите... — снова смущенно заговорил старый синьор.

Хмурый человек даже не взглянул на него. Он раскручивал карусель. И вот уже замелькали веселые лица ребят, которые искали глазами своих пап и мам, стоявших у карусели и ободряюще улыбавшихся.

«Волшебник он или не волшебник, этот полунисийский человек? А эта смешная машина, что крутится под звуки заигранной пластинки, волшебная карусель? Да нет, — решил старый синьор, — лучше я никому не буду говорить про это. Еще посмеются надо мной, скажут: «Равалья вы не знаете, что в вашем возрасте опасно вращаться на карусели — может закружиться голова!»

На пляже в Остии

Сподалеку от Рима, на берегу моря, есть небольшой городок Остия. Летом римляне ездят туда купаться и загорать. Народу приезжает так много, что невозможно даже детской лопаткой копать песок. И тому, кто приходит на пляж позже всех, просто негде разлечься.

Как-то раз пришел на пляж один очень странный синьор, веселый и к тому же большой выдумщик. Он пришел позже всех и, конечно, не нашел места, чтобы поставить свой зонт от солнца. Тогда он раскрыл его, повернул немного ручку, и вдруг зонтик сам собой поднялся в воздух, пролетел над тысячами других зонтов, что стояли на песке, и прилетел к самому берегу моря, но не опустился на землю — опуститься было ему нельзя, а повис в воздухе метрах в двух-трех над землей. Изобретательный синьор раскрыл свой шезлонг, и он тоже повис в воздухе. Синьор расположился в шезлонге в тени зонта, достал из кармана книжку и принялся читать, наслаждаясь соленым и целебным морским воздухом.

Сначала его даже не заметили. Все спокойно сидело под своими зонтами. Одни пытались разглядеть за горизонтом красивые моря из-за торчащих впереди голов. Другие решали кроссворды, а третьи просто дремали. На небо никто и не смотрел. Вдруг что-то упало на зонт одной синьоры. Она подумала, что это мяч, и встала, чтобы отругать расшалившихся ребят. Осмотрелась по сторонам, но не нашла озорников, взглянула вверх и увидела веселого синьора, висевшего в своем шезлонге прямо у нее над головой.

— Простите, у меня упала книжка. Бросьте мне ее, пожалуйста, сюда, будьте любезны! — сказал ей синьор.

Синьора так удивилась, что тут же упала как подкошенная. К ней подбежали родственники, помогли подняться. Синьора была такая толстая, что сама никак не могла встать. Она не в силах была даже слово вымолвить от испуга и только молча показывала пальцем на висящий в воздухе зонт.

— Будьте любезны, — повторил синьор как ни в чем не бывало, — бросьте мне сюда мою книжку.

— Разве вы не видите, что напугали нашу тетуську? — услышал он в ответ.

— Мне очень жаль, но я не хотел этого!

— И вообще спускайтесь оттуда! Висеть в воздухе запрещено!

— Ничего подобного! Я устроился тут, потому что на пляже нет места. Я ведь тоже заплатил деньги за вход!

Теперь веселого синьора увидели уже все отдохнувшие на пляже, все стали показывать на него пальцем и громко смеяться.

— Смотрите-ка на него, — говорили люди, — у него там, наверное, зонт с ракетным двигателем!

— Синьор Гагарин! — кричали другие. — А нас не прихватите к себе?!

Какой-то мальчик бросил синьору его книжку, и тот, найдя нужную страницу, снова принялся читать. Постепенно люди успокоились и перестали обращать на него внимание. Только ребята то и дело с любопытством поглядывали на него, а самые смелые кричали:

— Синьор, а синьор!

— Ну, что вам?

— Научите и нас летать!

Но синьор фырчал в ответ что-то непонятное и снова принимался читать.

Вечером зонт с легким свистом тронулся с места и пролетел над всем пляжем. Изобретательный синьор приземлился на дороге прямо у своего мотоцикла, сел на него и уехал.

И никто так и не узнал, что это был за синьор и где ему удалось купить такой зонт.

Про мышонка из книжонки

Тот мышонок всю свою жизнь прожил в книжонке дешевой книжонке — знаете, из тех, в которых рассказы в картинках. Надоело мышонку жить в этой книжке, и решил он поменять себе квартиру — найти другую, где бумага была бы получше на вкус и хотя бы пахла сыром. Собрал он все свои силки и как прыгнет!.. Так он оказался вдруг в настоящем мире, среди настоящих живых мышей.

Скунш! — сразу же испугался он, почуяв запах книжки.

Что он сказал? — удивились мыши, пораженные столь непонятным языком.

— Сплум, бих, плюм! — сказал мышонок, который умел говорить только на том языке, на каком делались подписи к рисункам в его книжонке.

— Наверное, он иностранец! — заметила одна старая корабельная мышь, которая, прежде чем уйти на пенсию, служила на Средиземном море. И она попыталась заговорить с ним по-английски.

Но мышонок посмотрел на нее, ничего не понимая, и сказал:

Ципп, фниш, бронк.

Нет, это не англичанин, — заметила корабельная мышь.

Тогда кто же?

Пойди разбери кто!

Так и прозвали мышонка — Пойди-Разбери — и отнесли к нему как к деревенскому дурачку.

— Пойди-Разбери, — спрашивали его, — какой сыр тебе больше по душе — пармиджанский или пошехонский?

Сплинг, грон, цидицаир, — отвечал мышонок из книжонки.

— Спокойной ночи! — смеялись мыши. А самые маленькие мышата вдобавок дергали его за хвост — им хотелось послушать, как он смешно будет сердиться:

— Цоонг, сплаш, скуарр!

Однажды мыши отправились на мельницу, где лежало много мешков с белой и желтой мукой. Мыши

прогрызли мешки и принялись уплетать муку. Только и слышно было, как они дружно щелкали зубами:

— Крик, крик, крик!

Впрочем, так делают все мыши на свете. Только мышонок из книжонки щелкал зубами совсем по-другому:

— Крек, скрек, скерекек.

— Научись хотя бы есть, как порядочные люди, — проворчала корабельная мышь. — Будь ты на корабле, тебя за это уже давно выбросили бы в море. Ты понимаешь хотя бы, что неприятно слушать твоё чавканье?

— Кренг, — ответил мышонок из книжонки и снова забрался в мешок с мукой.

Корабельная мышь подала остальным мышам знак, и все они тихо-тихо удалились, покинув «чужака» на произвол судьбы, уверенные, что он не найдет дорогу домой.

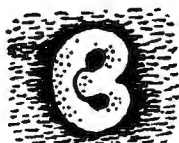
Мышонок как ни в чем не бывало продолжал лакомиться мукой. А когда заметил наконец, что остался один, было уже слишком темно, чтобы возвращаться домой. И он решил провести ночь на мельнице. Он уже и задремал было, как вдруг в темноте вспыхнули два желтых семафора и послышались осторожные шаги четвероногого охотника. Это был кот!

— Скуаш! — в ужасе воскликнул мышонок.

— Граграньяу! — ответил ему кот. Он, оказывается, тоже был из книжки! И настоящие коты прогнали его, потому что он не умел говорить «мяу» как полагается.

Изгнанники обнялись, поклялись в вечной дружбе и всю ночь провели в разговорах на своем странном книжном языке. Они прекрасно понимали друг друга!

История королевства Обжория

в далеком древнем королевстве Обжория, что лежит на восток от герцогства Пей-до-дна, первым королем был когда-то Обжорий Железный Желудок. Его прозвали так за то, что, уплетая макароны, он с

оружием сжигивал и тарелки, на которых они подавались, и отлично переваривал все это.

Его сменил на троне Обжорий Второй по прозванию Три Ложки: потому что он ел суп сразу тремя серебряными ложками — две он держал сам, а третью ему подносила ко рту королева, и горе ей, если ложка была неполной.

Трон королевства Обжория возвышался во главе громадного стола, который с утра до ночи был уставлен кушными и завален всякой снедью. Понятно, что от королей отбоя не было. Один за другим на трон набирались:

Обжорий Третий, Любитель Закуски.

Обжорий Четвертый, Свинная Отбивная.

Обжорий Пятый, Вечно Голодный.

Обжорий Шестой, Фаршированный Индюк.

Обжорий Седьмой, Дай Добавку. Он был знаменит еще тем, что съел даже свою корону, а ведь она была из позолоты жемчужной.

Обжорий Восьмой, Сырная Крошка. Про него рассказывают, что, когда на столе уже не оставалось ни крошки, он съедил скатерть.

Обжорий Девятый, Стальная Челюсть. Он кончил тем, что съел трон со всеми подушками.

Так и окончилась династия королей Обжориев.

Как Алиса в море побывала

Однажды пошла Алиса купаться в море, и так она ей понравилось, что она ни за что не захотела вылезать из воды.

— Алиса, вылезай! — кричала ей мама.

— Сейчас, сейчас! — отвечала Алиса.

А мама думала: «Буду сидеть в воде до тех пор, пока у меня не вырастут плавники и я не превращусь в рыбку».

И с тех пор каждый вечер, прежде чем улечься в постель, она подходила к зеркалу и смотрела, не прорезались ли у нее плавники, или, быть может, прежде начнет появляться серебристая чешуя? Но каждый раз находила на своих плечиках только несколько песчинок, и то если она не слишком старательно мылась в душе.

Однажды утром она пришла на пляж раньше обычного и встретила там мальчика, который собирал морских ежей и моллюсков. Мальчик был сыном рыбака и прекрасно разбирался во всем, что касается моря.

— А не знаешь ли ты, как превратиться в рыбу? — спросила его Алиса.

— Ну, это проще простого! — ответил мальчик. — Могу хоть сейчас показать.

Он положил на камень узелок с ежами и моллюсками и прыгнул в море. Прошла минута, прошла другая, а мальчик все не всплывал на поверхность. А в том месте, где он нырнул, вдруг показался из воды дельфин и давай кувыркаться между волнами и вздымать к небу веселые фонтаны брызг. Он играл и резвился у самых ног Алисы, и она нисколько его не боялась.

Наигравшись, дельфин легко взмахнул хвостом и уплыл в море. А на том месте, где только что был дельфин, вдруг появился мальчик.

— Видела, как это просто? — улыбнулся он.

— Видела, — ответила Алиса, — только у меня, наверное, не получится.

— А ты попробуй!

Алиса бултыхнулась в воду. Ей очень хотелось стать какой-нибудь морской звездой. Но тут с ней, конечно же, приключилась беда: Алиса опустила на большую двустворчатую раковину, которой как раз в этот момент захотелось зевнуть. Едва Алиса коснулась раковины, она тут же захлопнулась и заперла Алису вместе со всеми ее мечтами.

«Ну вот, опять я куда-то попала!» — подумала девочка.

Но какая тишина, какая свежесть и покой царили тут, на дне морском. Хорошо было бы остаться тут навсегда и жить на дне моря, как когда-то в давние

времена жизни русилки. Алиса вздохнула. Она вспомнила о маме. Бедная мама, наверное, думает, что ее дочь уже в постели! Потом Алиса вспомнила о папе, который как раз сегодня вечером должен приехать из города, потому что была суббота.

— Нет, не могу я оставить их одних! Ведь они так любят меня! На этот раз я уж так и быть вернусь на денек.

Она из всех сил уперлась руками и ногами в старую раковину, приоткрыла их, выскользнула наружу и быстро поплыла наверх.

Вынырнула она на поверхность и увидела, что мальчик, который собирал морских ежей и моллюсков, уже далеко.

И Алиса приближалась домой. Она никогда и никому не рассказывала о том, что с ней приключилось в море.

Война колоколов

... да однажды война, большая и ужасная война между двумя странами. Очень много солдат тогда полегло на поле боя. Мы были на нашей стороне, а враги — на своей. Стрельба шла день и ночь, но война все никак не кончалась, и нам стало не хватать брони для пушек, кончилось железо для пулеметов и так далее.

Тогда наш командующий Сверхгенерал Стреляй-инко приказал снять колокола со всех колоколен и сделать из них одну огромную пушку — только одну, но такую большую, чтобы можно было выиграть войну с одного выстрела.

Чтобы поднять эту пушку, нужно было сто тысяч паровых кранов, и чтобы отвезти ее на фронт — девятьсот семь повозок. Сверхгенерал потирал от удовольствия руки и говорил:

— Стоит только выстрелить из этой пушки, все враги тут же и поутек и докатятся до самой Луны!

И вот настал торжественный момент. Сверхпушку нацелили на врагов. Мы заткнули уши ватой, потому что от грохота выстрела у нас могли лопнуть барабанные перепонки и евстахиева труба.

Сверхгенерал Стреляй-мимо скомандовал:

— Огонь!

Артиллерист нажал на пусковой рычаг. И вдруг по всему фронту, с одного края в другой, прокатился оглушительный колокольный звон:

— Дин! Дон! Дин! Дон!

Мы вынули вату из ушей, чтобы лучше слышать.

— Дин! Дон! Дин! Дон! — гудела сверхпушка.

И сто тысяч эхо повторяли по всем городам и селам:

— Дин! Дон! Дин! Дон!

— Огонь! — снова закричал Сверхгенерал. — Огонь, черт возьми!

Артиллерист снова нажал на пусковой рычаг, и снова величавый колокольный перезвон поплыл над траншеями. Казалось, будто зазвонили сразу все колокола в нашей стране. Сверхгенерал рвал на себе волосы от злости и отчаяния и так перестарался, что у него остался всего один волосок.

Затем наступила тишина. И вдруг с другой стороны фронта, словно по команде, тоже раздался громкий и радостный перезвон:

— Дин! Дон! Дин! Дон!

Потому что, надо вам сказать, командующему наших врагов Смерть-генералу Бах-фон-Бабаху тоже пришлось в голову отлить одну большую пушку из всех колоколов, что были в его стране.

— Дин! Дон! — гудела сверхпушка.

— До-он! — отвечало ей вражеское орудие.

Тут солдаты обеих армий выскочили из траншей и побежали друг другу навстречу. Они бросились обниматься, стали смеяться и танцевать от радости.

— Колокола! Колокола звонят! Праздник! Войне конец! Ура! Да здравствует мир!

Сверхгенерал Стреляй-мимо и Смерть-генерал Бах-фон-Бабах забрались в свои автомобили и пустились наутек! Они умчались так далеко, что у них даже кончился весь бензин, но колокольный звон еще долго преследовал их.

Фиалка на Северном полюсе

Накануне дня на Северном полюсе Белый Медведь почувствовал в воздухе какой-то необычный запах и сказал об этом Большой Медведице (а Малая Медведица — это его дочь):

— Разве снова приехала какая-нибудь экспедиция?

Но оказалось, дело было не в этом. Оказалось, медвежата нашли фиалку. Она была совсем маленькая, дрожала от холода, но продолжала источать свой аромат, потому что это было ее профессией, ее призванием.

— Папа! Мама! Идите сюда! — позвали медвежата родителей и показали им свою удивительную находку.

— Я сразу же сказал, что тут что-то не так, — заметил Белый Медведь. — По-моему, это не рыба.

И не уверена в этом, — ответила Большая Медведица, — но это даже не птица.

Ты тоже права, — сказал Медведь, сначала по-рядком нюхав.

К вечеру по всему Северному полюсу разнеслась новость: в необозримой ледяной пустыне появилось маленькое странное ароматное существо лилового цвета. Оно держалось только на одной-единственной ножке и не двигалось с места.

Чтобы добраться до фиалки собрались моржи и тюлени, прибыли оленя из Сибири, мускусные быки — из Америки, а из совсем далеких краев прибежали белые лисы, волки, прилетели морские сороки.

Все восхищались незнакомым цветком, его трепещущим стеблем, все с удовольствием вдыхали его аромат. И что самое странное: чудесного запаха хватало на всех — и для тех, кто все подходил и подходил. Его были слышны же, сколько раньше.

— Раз она источает столько аромата, — сказал один морж, — значит, у нее подо льдом должен быть некий запас еды.

Я же сразу сказал, тут что-то кроется! — воскликнул Белый Медведь.

Он сказал не совсем так, но этого никто не помнил. Чайка, которую послали на юг разузнать что-нибудь про странное явление, вернулась и рассказала, что маленькое ароматное существо зовется фиалкой и что в некоторых странах растут миллионы таких фиалок.

— Ну, в этом нет ничего нового для меня! — заметил морж. — Вопрос в другом — как она попала сюда? Я скажу вам все, что думаю по этому поводу: я просто не знаю, какую рыбу хватать!

— Я не понял. Что он хотел сказать? — спросил Белый Медведь у своей жены.

— Он хотел сказать, что не знает, какую рыбу хватать. Другими словами — он в полном недоумении.

— Вот! — воскликнул Белый Медведь. — Это как раз то, что и я думаю по этому поводу!

В ту ночь над Северным полюсом стоял страшный грохот. Вечные льды дрожали и, как стекла, раскалывались на куски. Фиалка источала столько чудесного аромата и такого сильного, будто она решила сразу, за один день, растопить всю эту огромную ледяную пустыню, чтобы превратить ее в теплое лазурное море или в зеленый бархатный луг. Бедняжка так потрудилась, что силы ее иссякли. К рассвету она увяла, головка ее поникла, она потеряла свой цвет, а вместе с ним и жизнь.

Если перевести на наш язык то, что подумала она в последнюю минуту, это прозвучало бы примерно так: «Вот я умираю... Но это неважно. Важно, что кто-то начал борьбу... И в один прекрасный день здесь распустятся миллионы фиалок. Льды растают, и тут появятся острова, покрытые лугами и цветами, и по ним будут бегать дети...»

Про молодого рака

дин молодой рак подумал как-то: «Почему все мои сородичи ходят одинаково — все пятаются назад? А я вот возьму и научусь ходить наоборот — вперед. Как лягушка, например. И пусть у меня отвалится хвост, если я не добьюсь своего!»

Стал рак тренироваться среди камней в родном ручье. Сначала же стоило ему огромного труда. Он все время на что-нибудь натыкался, ударялся панцирем, цеплялся одной клешней за другую. Но постепенно дела у него пошли лучше, потому что ведь всему на свете можно научиться, стоит только захотеть.

Когда рак почувствовал уверенность в себе, он явился к родным и сказал:

— Вы посмотрите! Я горделиво прошелся перед вами, но не пятаясь, как все раки, назад, а двигаясь вперед.

— Сыно мой! — заплакала мать. — Разве я не учила тебя уму-разуму?! Опомнись, милый! Ходи ты, родной, как все нормальные раки ходят!

А братья только хихикали. Отец же сурово посмотрел на молчаливого рака и сказал:

— Хватит! Хочешь жить вместе с нами, ходи, как ходят все нормальные раки. А если ты сам себе голова, то иди отсюда и не возвращайся! Ручей большой, места всем хватит.

Добрый рак очень любил родных, но он был слишком уверен в своей правоте, и сомнений у него не было. Он обидел мать, поирожался с отцом и братьями и отправился в дальние края — на другой конец ручья.

Легковерные, что собрались пошлетничать на большом лесе буянников, уандов, как необычно движется молодой рак, были поражены и принялись оживленно обсуждать это событие.

— Боже! Ну и дела творятся на белом свете! Стоит посмотреть на этого рака — и страшно подумать, что станет с человечеством! — сказала одна лягушка.

— Да, ну куда уважению к старым традициям! — возмущался другой.

— Ох! Ох! — надсвистнула третья.

Но молодой рак не стал обращать на них внимания и пошел дальше.

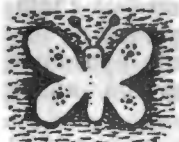
Вдруг он услышал, что кто-то зовет его. Он оглянулся и увидел старого, большого и очень грустного рака, который жила под камнем совершенно отшельником.

Добрый день! — приветствовал его молодой рак. Старый рак долго смотрел на него, а потом сказал:

— Ты думаешь, что совершаешь геройский подвиг? Я тоже в молодости хотел научить всех раков двигаться вперед. И вот что стало со мной в результате: живу в одиночестве, и люди скорее прикусят себе язык, чем заговорят со мной. Послушай меня, пока не поздно, — успокойся и делай все, как все люди, увидишь, ты еще поблагодаришь меня за этот совет.

Молодой рак не знал, что ответить, и промолчал. Но про себя подумал: «А все-таки прав я!» Он попрощался со старым отшельником и упрямо пошел своей дорогой.

Далеко ли он уйдет? Найдет ли он свое счастье? Изменит ли он что-нибудь в жизни? Мы не знаем этого, потому что он пока еще мужественно и решительно идет своей дорогой. Мы можем только пожелать ему от всего сердца: доброго пути!

Волосы великана

или однажды четыре брата. Трое были очень маленького роста и ужасно хитрые, а четвертый был великаном, невероятным силачом и очень простодушным человеком, совсем не таким, как его братья.

Вся сила у него была в руках, а ум — в волосах. Понятно, что хитрые братья подстригали великана как можно короче, чтобы ума у него оставалось поменьше, и заставляли работать за четверых. Сами они только смотрели, как он работает, да потуже набивали свои карманы деньгами.

Бедняге великану приходилось делать все за всех: пахать поле, колоть дрова, вертеть мельничное колесо, возить телегу вместо вола. А хитрые братья только понукали, сидя на козлах, да пощелкивали бичом. И еще они все время следили, чтобы у великана не отрасли волосы.

— Тебе очень идет короткая стрижка! — говорил один.

«А, истинная красота не в кудрях!» — замечал
мужик.

Смотрите, вот эта прядка у него слишком длинная, по моему. Надо ее сегодня вечером подкоротить! — предлагал третий.

А сами пересмеивались и подталкивали друг друга в бок. На базаре они забирали себе всю выручку и откровенно беседовали в трактирию, а брата-великана оставляли сторожить телегу.

Кормили они его, правда, неплохо — надо же, чтобы у него хватало сил работать. Пить они ему тоже давали всякой раз, как он попросит, но всегда это было вино только одного сорта — то, что бьет из фонтана.

Но вот однажды великан заболел, и братья в страхе, что он умрет и перестанет работать на них, позвали самых лучших докторов, купили ему самых дорогих лекарств и даже стали подавать завтрак в постель.

Одна брат исправляла подушки, другой — одеяло. И все трое поперебой говорили:

— Великий, как мы любим тебя! Смотри не вздунай умереть! Не выкинь с нами такую шутку!

Братья так были обеспокоены его болезнью, что совсем забыли про его прическу, и волосы у великана неизменно стригли — стали длинными-длинными. Вместе с ними прибавилось у великана и ума. Он стал больше думать, внимательнее присматриваться к братьям, замечать все, что делается вокруг, и понял наконец, какие это недобрые люди. Но сначала он ничего не сказал ни, подождал, пока наберется сил побольше, и однажды утром, когда братья еще спали, встал, перебрал каждого, словно колбасу, веревкой и шарфом и телегу.

— Куда ты ведешь нас? Куда ведешь своих любящих братьев? — возмущались они.

— Сейчас узнаете, — ответил великан.

Он привел их на вокзал, посадил в поезд, так и не расставив тормозов, и сказал напоследок:

— Помните, и чтобы ноги вашей не было в этих местах! Вы достаточно понимали, надо мной. Теперь и сам себе живи.

Паровоз зашумел, поезд тронулся. Трое хитрых братьев сидели тихохонько-тихоxonько. И никто больше никогда не видел их.

Как убежал нос

Синьор Гоголь рассказал как-то историю об одном носе, который катался по Невскому проспекту в коляске и продлеывал невероятные вещи.

Такой же нос проказничал однажды в Лавено, на озере Лаго Маджоре.

Однажды утром синьор, который жил напротив причала, встал и пошел в ванную комнату. Он собирался побриться, но, взглянув в зеркало, вдруг закричал не своим голосом:

— На помощь! Спасите! Мой нос!..

На лице у него не было носа. Вместо него осталось ровное, гладкое место. Синьор, в чем был, выбежал на балкон как раз вовремя, чтобы увидеть, что его нос выходит на улицу и быстро направляется к причалу.

— Стой! Стой! — закричал синьор. — Мой нос! Хватите его! Держите его!

Люди смотрели на балкон и смеялись:

— Нос украли, а лысину забыли?! Нехорошо, ай, как нехорошо!

Синьору оставалось только одно — выбежать на улицу и пуститься в погоню за беглецом. К лицу он прижимал платок, словно у него был сильный насморк. К сожалению, на причал он примчался, когда паром уже отошел. Тогда синьор отважно бросился в воду и поплыл вдогонку за ним. А пассажиры и туристы кричали ему что было мочи:

— Давай! Давай! Жми!

Но паром уже набрал скорость, и у капитана не было ни малейшего желания возвращаться ради какого-то опоздавшего пассажира.

— Подожди следующего парома! — крикнул ему один моряк. — Он ходит каждые полчаса.

Синьор страшно огорчился и направился обратно к берегу, как вдруг увидел, что его нос плывет по озеру на своем плаще.

— Ах вот как?! Значит, ты только притворился, будто хочешь сесть на паром! — закричал синьор.

Нос невозмутимо продолжал смотреть вперед, словно старый морской волк, и даже ухом не повел. Плащ медленно, будто медуза, покачивался на волнах.

— Куда же ты? — в отчаянии закричал синьор. Но он удостоил его ответом, и несчастному синьору пришлось вернуться на берег. Пробравшись сквозь толпу любопытных, он пошел домой. Поднявшись к себе, он обернулся, велел служанке никого не пускать к нему, вел перед зеркалом и принялся рассматривать следы раненого места, которое осталось у него вместо носа.

А спустя несколько дней один рыбак из Ранко, выбирая свои сети, обнаружил в них беглеца, утонувшего посреди озера, потому что плащ его был слишком дырявым. Рыбак решил отнести нос на базар в Лавену.

Служанка синьора в тот день тоже отправилась на базар за рыбой. Там она и увидела хозяйский нос. Он гордо красовался среди линей и шук.

— Да ведь это же нос моего хозяина! — испугалась служанка, а потом сразу же сообразила: — Дай же мне его сюда, и отнесу домой!

— Чей это нос — моя не касается! — заявил рыбак. — И его вылавливал, и его и продаю.

— За сколько?

— На все золото, разумеется! Это ведь нос, не рыба, рыба вылавливать!

Служанка побегала домой и рассказала все хозяйке.

— Дай ему все, что он попросит! Я хочу, чтобы мой нос вернулся на место! — в отчаянии закричал синьор.

Служанка быстро подсчитала, что нужно страшно много денег, потому что нос был довольно большой, ведь было триста ужасных тысяч и тринадцать девяти и десятинный. Чтобы собрать столько денег, ей пришлось идти продавать свои сережки. Но она очень любила своего хозяина и поэтому без сожаления распрощалась с ними.

Служанка купила нос, завернула в платок и принесла хозяйке. Нос спокойно позволил принести себя домой и даже похвально не поморщился, когда хозяйка осторожными пальцами его дромащими руками зашнуровала.

Ответа же ты убеждал, глупенький? Что я тебе сделал? — спросил синьор.

Нос посмотрел на него искоса, недовольно поморщился и сказал:

— Знаешь, если хочешь, чтобы я оставался на месте, не ковырай больше пальцем в носу. Или стриги, по крайней мере ногти!

Дорога, которая никуда не ведет

а окраине села улица разветвлялась на три дороги — одна вела к морю, другая — в город, а третья — никуда не вела. Martino знал это, потому что у всех спрашивал про третью дорогу и все отвечали ему одно и то же, будто сговорились:

— Та дорога? Она никуда не ведет. Не стоит ходить по ней.

— Но все-таки куда-то она ведет?

— Нет, совсем никуда не ведет!

— Так зачем же ее построили?

— Никто и не строил ее. Она всегда там была!

— И никто никогда не ходил по ней?

— Ох, и упрямая ты голова!.. Раз тебе говорят, что там ничего нет...

— А откуда вы знаете? Вы разве ходили по ней?

Martino был такой настойчивый, что его так и прозвали — Martino Упрямая Голова. Но он не обижался и продолжал думать о дороге, которая никуда не ведет.

Когда он подрос настолько, что смог переходить улицу, не держась за дедушку, он встал однажды ранним утром, вышел из села и решительно зашагал по таинственной дороге, которая никуда не вела.

Дорога была вся в выбоинах, местами заросла травой, но, к счастью, дождя давно не было — не было и луж на дороге. Поначалу по обе стороны шла изгородь, но скоро она кончилась, и тогда дорога потянулась через лес. Ветви деревьев переплетались над ней и получалась темная прохладная галерея, в которую лишь изредка, словно луч карманного фонарика, пробивался солнечный свет.

Шел Martino, шел, а галерея все не кончалась, и дорога не кончалась тоже. У Martino уже ноги заныли.

от радости, и он стал подумывать, не вернуться ли назад. Друг откуда ни возьмись — собака!

Где собачки, там и жилье! — решил Martino. — Нав, во всяком случае, человек.

Собака бросилась навстречу Martino, радостно вилая хвостом, и лизнула ему руку, а потом побежала вперед по дороге, все время оглядываясь, идет ли за ней Martino.

— Ну, ну! — говорил Martino, которого все это очень заинтересовало.

Постепенно лес стал редеть, проглянуло небо, и дорога привела к большому железным воротам.

На террасе Martino увидел дворец. Все окна его были так густо занавешены, из трубы шел дым, а на балконе стояла прекрасная синьора, приветливо махала Martino рукой и звала:

— Чего, чего, Martino Упрямая Голова!

— И — обрадовался Martino. — Я и не представляю, куда приду, вы вы, оказывается, хорошо знали, кто я вам пришел!

Martino открыл ворота, пересек парк и вошел во дворец как раз в тот момент, когда прекрасная синьора вышла ему навстречу. Синьора была очень красива и была куда лучше всяких фей и принцесс. И к тому же веселая и прележала.

— Ты ты не поверил? — засмеялась она.

Чему? — удивился Martino.

— Не поверил, что эта дорога никуда не ведет?

— Еще бы! Слишком глупая история. По-моему, на свете гораздо больше просто еще не изведанных путей, чем извилистых дорог.

— Разумеется. Нужно только не бояться неизвестных дорог. А теперь идем, и покажу тебе дворец.

Всего-то эта синьора была во дворце, и все они были забиты сокровищами — совсем как в сказках про спящих принцев или про чудовищ, оберегающих свои богатства. Тут были алмазы, драгоценные камни, зоры, серебро. А прекрасная синьора все говорила Martino:

— Вери, вери все, что захочешь. Я одолжу тебе все, что захочешь, чтобы ты мог забрать все, что хочешь.

Сам понимаете, Martino не заставил себя уговаривать. Он доверчиво нагрузил тележку и отправился в обратный путь. Вместо пучера у него сидела собака.

Это была ученая собака — она умела править вожжами и лаяла на лошадей, когда те начинали дремать или сбивались с дороги.

В селе о Мартино уже и думать забыли — решили, что он погиб. И когда он вдруг вернулся, все очень удивились. Ученая собака выгрузила на площади все сокровища, вильнула хвостом в знак прощания, снова забралась на тележку и скрылась в облаке пыли.

Мартино сделал богатые подарки всем — и друзьям, и недругам — и раз сто вынужден был повторить свой рассказ про все, что с ним приключилось. И всякий раз, когда он умолкал, кто-нибудь из его односельчан бежал домой, запрягал лошадь и пускался вскачь по дороге, которая никуда не ведет.

К вечеру все они возвращались. У всех были вытянутые от огорчения лица: дорога, уверяли они, вела прямо в болото, в чашу леса, в заросли колючего кустарника. Не было там ни железной ограды, ни дворца, ни прекрасной синьоры, раздающей богатства.

А все потому, что некоторые сокровища открываются только тем людям, которые первыми проходят по нехоженным путям! Как Мартино Упрямая Голова.

Пугало

Гонарио был самым маленьким из семерых братьев. У родителей его не было денег, чтобы послать мальчика в школу учиться. И пришлось ему наняться на богатую ферму — работать. Так Гонарио стал... пугалом. Он должен был ходить по полям и разгонять птиц.

Каждое утро ему давали кулек с порохом, и он отправлялся на работу. Время от времени он останавливался среди поля и поджигал щепотку пороха. Вспышка огня пугала птиц, и те улетали, думая, что пришли охотники.

А однажды искра попала на куртку Гонарио, она загорелась, и если бы мальчик не догадался броситься

в ров и водой, то, конечно, погиб бы от огня. Прыгнув в ров, Гонарио перепугал там всех лягушек — они с невероятным шумом и гамом бросились врассыпную. Крики лягушек напугали кузнечиков и цикад, и они на мгновение замолкли...

Но больше всего испугался сам Гонарио. Испугался и заплакал. Он сидел один-одинешенек возле рва, мокрый, словно гадкий утенок, маленький, оборванный и голодный. Он плакал так горько, что даже воробьи перестали прыгать с ветки на ветку. Они глядели на мальчика и сочувственно щебетали, пытаясь утешить его. Но разве могут воробьи утешить свое пугало?

Эта история случилась в Сардинии.

Как один мальчик играл с палкой

Было утро. Маленький Клавдио играл у ворот, а по улице, сторбнившись, опираясь на палку, шел старик и зыбтых ичвал. У ворот он вдруг уронил палку. Клавдио поднял ее и подал старику. Тот улыбнулся.

— Спасибо! Только, знаешь, она не нужна мне больше. Я отлично смогу обойтись и без палки. Оставь ее тебе, если хочешь.

И ушел, не дожидаясь ответа. Заметно было, что на нем уже не так горбятся.

А Клавдио так и остался стоять с палкой в руках, не зная, что с ней делать. Это была обыкновенная деревянная палка, с изогнутой ручкой и железным наконечником. Ничего в ней особенного не было.

Клавдио стукнул раза два палкой о землю, а затем просто так, играя, взял и оседлал ее, словно игрушечного коня. И вдруг он действительно оказался на коне — на замечательном черном жеребце с белой звездой на лбу. Скатуи заржал и галопом понесся по двору, выбивая копытами искры из камней.

Когда Клавдио, изумленный и немного растерянный, слез с него, то палка уже снова стала обыкновенной палкой. На ней не было и следов каких-нибудь копыт, а был только железный наконечник, не было пышной гривы, а была только изогнутая ручка.

«Что, если еще попробовать?» — подумал Клавдио.

Он снова сел верхом на палку. На этот раз она оказалась величественным верблюдом, а двор превратился в огромную пустыню. Но Клавдио не испугался и стал всматриваться в безлюдную даль пустыни, пытаясь найти оазис.

«Это, конечно, волшебная палка», — решил Клавдио и в третий раз оседлал ее. Теперь он мчался в красном спортивном автомобиле по гоночному треку, а на трибунах шумели болельщики. И Клавдио первым пришел к финишу.

Затем палка стала моторным катером, а двор — спокойным зеленым озером. Потом Клавдио оказался на космическом корабле, оставляющем за собой звездный шлейф...

Но всякий раз, когда Клавдио ступал на землю, палка приобретала свой обычный мирный вид — у нее была все та же гладкая изогнутая ручка и ржавый железный наконечник.

В играх быстро пролетел весь день. А вечером Клавдио снова выглянул на улицу и снова увидел старика в золотых очках, возвращавшегося откуда-то. Клавдио с любопытством оглядел его, но ничего необычного не заметил — это был обыкновенный старик, немного утомленный после долгого пути.

— Понравилась тебе палка? — спросил он Клавдио.

Клавдио решил, что старик хочет забрать палку, и протянул ему ее, покраснев:

— Спасибо!

Но старик покачал головой.

— Оставь ее себе, — сказал он, — на что мне теперь эта палка! Ты с ее помощью можешь даже летать, а я ведь только опираюсь на нее. Я могу прислониться и к стене — все равно.

И старик ушел, улыбаясь, потому что нет на свете человека счастливее того, кто может подарить что-нибудь детям.

Старые Пословицы

— Заявила одна Старая Пословица: — все концы серы!

— А я черная! — возразила черная кошка, которая как раз в этот момент поребегала дорогу.

— Не может быть! — рассердилась Старая Пословица. — Старые Пословицы никогда не ошибаются!

— А я не равна черная! — ответила кошка.

От удивления и огорчения Старая Пословица тотчас же спалилась с крыши и сломала ногу.

А другая Старая Пословица отправилась однажды на футбол. Там она стала болеть за одного игрока и решила помочь ему. Она шепнула ему на ухо:

— Иди и полей мяч!

Футболист попробовал играть мячом в одиночку. Но смотреть на это зрелище было так тоскливо, что можно было умереть от скуки. К тому же футболисту, играющему в одиночку, некого было побеждать, и он вскоре вернулся в свою команду. С досады Старая Пословица заболела, и ей пришлось удалиться тайком.

Встретились как-то три Старые Пословицы и, едва отирыв рот, сразу же заспорили.

Начало — половина дела! — заявила первая.

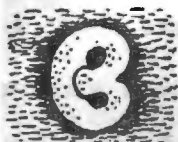
Ничего подобного! Всем известно, что в любви лучше всего золотая середина! — возразила вторая.

Глубочайшее заблуждение! — воскликнула третья. — Концы — всему делу венец!

Тут они сцепились друг другу в волосы, да так до сих пор и дерутся.

Еще одна история про Старую Пословицу, которой захотелось отведать груш. Она уселась под грушевым деревом и стала ждать. «Спелая груша сама с ветки падает!» — подумала она. Но груша упала с дерева только тогда, когда насквозь прогнила. Она шлепнулась прямо на макушку Старой Пословицы, и та с той поры тотчас же ушла на пенсию.

Про Аполлонию, которая лучше всех умела варить варенье

Сант-Антонио — это у озера Лаго Маджоре — жила одна женщина, великая мастерица варить варенье, и такое вкусное, что отовсюду, из всех окрестных долин, приезжали к ней люди, чтобы она сварила им варенье. В хорошую погоду в Сант-Антонио всегда было много приезжих — из Валькувин и Вальтравалы, из Дументины и Поверинны. Люди присаживались отдохнуть на невысокую каменную ограду, откуда можно было полюбоваться видом озера, а потом шли к Аполлонин.

— Не сварите ли вы нам варенье из черники?

— Охотно! — отвечала Аполлония.

— А мне из слив!

— Пожалуйста!

У Аполлонии были поистине золотые руки. Как-то приехала к ней одна бедная женщина из Аркумеджи, такая бедная, что у нее не было даже горсточки персиковых косточек, чтобы сварить варенье, и по дороге она набрала в передник каштановой скорлупы.

— Аполлония, сварите мне варенье! — попросила она.

— Из каштановой скорлупы? — удивилась та.

— У меня нет ничего другого!

— Ну что ж, попробую.

Аполлония постаралась и сварила такое вкусное варенье, какого еще никто и никогда не отведал.

В другой раз бедная женщина из Аркумеджи не нашла даже каштановой скорлупы, потому что ее уже засыпали сухие опавшие листья. И она нарвала полный передник крапивы.

И снова:

— Аполлония, сварите мне еще варенье!

— Из крапивы?

— Я не нашла ничего другого...

— Ну что ж, попробую.

Аполлония взяла крапиву, засыпала ее сахаром, сварила так, как только она одна умела это делать, и

у нее получилось такое варенье, что пальчики оближешь.

И все потому, что у Аполлонии были поистине золотые руки: она могла сварить варенье даже из воды.

Провожаая как-то в тех краях король, и захотелось ему тоже попробовать знаменитого варенья, которое варила Аполлония. Подала она ему блюдо с вареньем. Взял король ложечку, попробовал и недовольно поморщился — в варенье случайно оказалась муха.

— Невероятно прогивно! — заявил король. — Ужасно невкусно!

— Не будь варенье хорошим, муха не сунулась бы в него, — ответила Аполлония.

Однако король уже рассердился и приказал своим слугам отрубить Аполлонии руки.

Тогда люди разжалились на короля и заявили, что если он отрубит Аполлонии руки, то они снимут ему голову вместе с вареньем. Потому что голова, чтобы носить корону, всегда найдется, а таких золотых рук, как у Аполлонии, днем с огнем не сыщешь!

Принимая корону, убраться восвояси подобру-поздорову.

Старая тетушка Ада

Одна старая тетушка Ада стала совсем-совсем старенькой, она переехала жить в дом для престарелых лкаяй. Поселили ее в небольшой комнате, где стояли три кровати. Две из них занимали такие же, как она, сузанные старушки, а третью отвели ей. Старая тетушка Ада сразу же облюбовала себе кресло у окна, взяла печенье и накрошила его на подоконник.

— Что же это вы придумали! — рассердились старушки. — Так же муравьи наползут сюда.

Но вместо муравьев на окне вдруг появилась птичка. Она с удовольствием поклевала печенье, а потом порхнула и улетела.

Ну вот, — снова заворчали старушки. — Вы старенькие, а она поела, хвостиком покрутила и улетела!

Даже спасибо не сказала! Как и наши дети. Выросли и разлетелись кто куда, даже не вспомнят о своих родителях.

Ничего не ответила старая тетушка Ада. А на другой день опять накрошила печенье на подоконник. И так она делала каждое утро. И птичка тоже стала прилетать каждый день, всегда в одно и то же время. А если случалось, что тетушка Ада еще не приготовила ей завтрак, птичка начинала беспокоиться и волноваться.

Прошло некоторое время, и птичка прилетела на окно не одна, а со своими птенцами. Потому что она уже свила себе гнездо и у нее появилось четверо детишек. Птенцы тоже с удовольствием клевали печенье, которое крошила им старая тетушка Ада. Так что теперь каждое утро на подоконнике появлялась целая стайка. И если, случалось, завтрак запаздывал, птицы поднимали ужасный шум и галдеж — пищали и чиркали на все голоса.

— Там ваши птицы прилетели, — говорили старушки старой тетушке Аде, и видно было, что им немало завидно. И тетушка Ада бросала все дела и семенила как могла к своей тумбочке. Она доставала печенье, лежавшее рядом с пачкой кофе и анисовыми карамельками, и говорила:

— Сейчас, сейчас! Иду!

— Ох-ох! — вздыхали старушки. — Если б вот так же — печеньем — можно было бы вернуть сюда наших детей. А ваши, тетушка Ада, где ваши дети?

Старая тетушка Ада не знала, где они. Может быть, в Австралии. Но она не смущалась. Она крошила птичкам печенье и приговаривала:

— Ешьте, ешьте, иначе у вас не будет сил летать.

А когда птицы заканчивали свой завтрак, она добавляла:

— Ну а теперь летите, летите! Чего вы еще ждете? Крылья на то и даны вам, чтобы летать.

Старушки покачивали головами. Они думали, что старая тетушка Ада просто выжила из ума. Ведь она такая старая и такая бедная, а все норовит кого-то угостить. И даже не ждет при этом, что ей скажут спасибо.

А потом старая тетушка Ада умерла. И ее дети узнали об этом, когда прошло много времени и уже позд-

ни было ехать на похороны. А птички — те по-прежнему прилетали на подоконник всю зиму и сердились, что старая тетушка Ада не накрошила им печеня.

Король, который должен был умереть

Вот уж кто-то знает, почему король должен был умереть. Это был очень могущественный король, но он был смелее всех.

Ах, какое же дело, — отзывался он, — чтобы такой могущественный король, как я, умер! Что думают мои приближенные волшебники?! Почему не спасают меня?

Но, оказывается, волшебники, боясь потерять ненадолго власть, разбежались кто куда. Остался только один, на которого никто прежде не обращал внимания. Это был самый дряхлый и самый старый волшебник, старый и, наверное, даже немного сумасшедший. Король уже давно не прибегал к его советам. Но тут — ах, ах, ах — пришлось послать за ним.

— Ты можешь остаться и живых, — сказал ему волшебник. — Но при одном условии: тебе надо на сутки уступить свой трон человеку, который будет как две капли воды походить на тебя. И тогда умрет он, а не ты.

Тотчас же по всему королевству гонцы разгласили этот закон.

Всех, кто похож на короля и не хочет кончить свои дни на палке, должны тотчас же явиться к королевскому двору!

Явились многие. У одних борода была совсем такая же, как у короля, а вот нос — капельку длиннее или чуточку короче, и волшебник отсылал их прочь. Другие походили на короля, словно два апельсина в сравнении с лимоном, но волшебник и их отправлял домой: то не хватало зуба, то оказывалась родинка на спине.

— Так ты всех разгонишь!— рассердился король.— Дай мне хоть ради пробы поменяться местами с кем-нибудь!

— Это тебе не поможет,— отвечал волшебник.

Однажды вечером король прогуливался вместе с ним по крепостной стене, как вдруг волшебник воскликнул:

— Вот! Вот человек, который больше всех похож на тебя!

И он указал на нищего, горбатого, полуслепого, покрытого струпьями.

— Нет, это немыслимо!— возмутился король.— Между нами целая пропасть!

— Король, которого ждет смерть,— продолжал волшебник,— может походить только на самого бедного, самого несчастного человека в городе. Ну-ка поменяйся быстро с этим стариком одеждой, уступи ему на сутки свой трон, и ты будешь спасен!

Но король ни за что не захотел согласиться. Оскорбленный, он вернулся во дворец и в тот же вечер умер как был — с короной на макушке и со скипетром в кулаке.

Солнце и туча

Солнце весело и горделиво катило по небу на своей огненной колеснице и щедро разбрасывало лучи — во все стороны!

И всем было весело. Только туча злилась и ворчала на солнце. И неудивительно — у нее было грозное настроение.

— Транжира ты!— хмурилась туча.— Дырявые руки! Швыряйся, швыряйся своими лучами! Посмотрим, с чем ты останешься!

А в виноградниках каждая ягодка ловила солнечные лучи и радовалась им. И не было такой травинки, паучка или цветка, не было даже такой капельки воды, которые не старались бы заполучить свою частичку солнца.

— Ну, транжирь еще! — не унималась туча. — Транжирь свое богатство! Увидишь, как они отблагодарят тебя, когда у тебя уже нечего будет взять!

Солнце по-прежнему весело катило по небу и миллионами, миллиардами раздаривало свои лучи.

Когда же к заходу оно сосчитало их, оказалось, что все на месте — смотри-ка, все до одного!

Узнав про это, туча так удивилась, что тут же рассыпалась градом. А солнце весело бултыхнулось в море.

Рыбак из Чефалу

днажды рыбак из Чефалу, выбирая сеть, обнаружил, что она тяжелая-протяжелая. Он думал уже, что выловил невесту, а, вытянув сеть, увидел, что поймал всего-навсего крохотную — с мизинец — рыбешку. Тогда он разозлился и хотел было бросить ее обратно в море, как вдруг услышал тонюсенький голосок:

— Ой, не сжимай меня так сильно!

Рыбак оглянулся по сторонам, но никого не увидел: ни вблизи, ни вдали. И уже снова хотел бросить рыбку, как вдруг опять тот же тонюсенький голосок проговорил:

— Не бросай меня в море! Не бросай!

Тогда рыбак понял, кто с ним разговаривает. Он разжал кулак и увидел на ладони вместо рыбки крохотного мальчика. Он был очень маленький, но совсем как настоящий — у него были всамделишные ручки, ножки, головка, все как полагается, только на спине у него росли два плавника, как у рыбы.

— Кто ты такой? — спросил рыбак.

— Я мальчик, рожденный морем, — услышал он в ответ.

— А что тебе от меня надо?

— Оставь меня у себя, и я принесу тебе счастье! Рыбак вздохнул:

— Боже, только этого счастья мне не доставало!

Ведь у меня своих детей хоть отбавляй — не знаю, как прокормить!

— Поживем — увидим, — загадочно произнес мальчик, рожденный морем.

Рыбак отнес мальчика домой, велел сшить ему маленькую рубашонку, чтобы спрятать плавники, и положил спать в люльку к своему младшему сыну. Мальчик и половины подушки не занял.

Но зато ел он безумно много — столько не съедали все дети рыбака за один раз, а их было семь человек, и один голоднее другого!

— Нечего сказать, повезло мне! — вздыхал рыбак.

Однажды утром поехал рыбак ловить рыбу, и мальчик, рожденный морем, упросил взять его с собой. Они вышли в открытое море, и мальчик сказал:

— Гребь прямо, пока я не скажу тебе. — Рыбак послушался мальчика. — А теперь стой. Забрось сеть вон туда.

Рыбак снова послушался. А когда выбрал сеть из воды, она оказалась тяжелой, как никогда, — в ней была первосортная рыба.

Мальчик захлопал в ладоши:

— Что я говорил! Я-то знаю, где рыба водится!

Очень скоро рыбак разбогател, купил себе вторую лодку, третью, и потом еще много-много лодок, и все они выходили в море, забрасывали сети и привозили ему отличный улов. Рыбак выручал от продажи так много денег, что пришлось отправить одного сына учиться на бухгалтера, чтобы тот смог потом считать выручку.

Однако, став богачом, рыбак забыл, как ему жилось, когда он был бедняком. Он не щадил своих моряков, заставлял их много работать, а платил за это мало. И если они возмущались, выгонял с работы.

— Чем же мы будем детей кормить? — спрашивали они.

— Пусть погрызут камешки, — отвечал он, — увидите, их желудки отлично справятся с ними!

Мальчик, рожденный морем, все это видел и слышал и однажды вечером сказал рыбаку:

— Смотри, будь осторожней, а то снова ни с чем останешься.

Но рыбак только посмеялся и не обратил внимания на его слова. Больше того, он взял мальчика, засунул его в большую раковину и выбросил в море.

И кто знает, сколько еще пройдет времени, прежде чем этот мальчик сможет выбраться из своего плена. И тогда...

А вы бы на его месте что сделали?

Король Мидас

Король Мидас был ужасным транжирой. В его королевстве так и повелось: что ни день — праздник, что ни вечер — бал. Понятно, что в один прекрасный день не осталось у короля ни центезимо. Тогда пошел он к волшебнику Аполло и рассказал ему о своей беде. И волшебник заколдовал его.

— Все, к чему прикоснутся твои руки, — сказал он, — будет превращаться в золото!

Король Мидас даже подскочил от радости и вприпрыжку побежал к своему автомобилю. Но едва он дотронулся до дверцы, как автомобиль сразу же стал золотым. Все стало золотым: колеса золотые, стекла золотые, мотор золотой, даже бензин превратился в кусок золота. Понятно, что машина не могла больше двигаться, и понадобились телега и пара волов, чтобы дотянуть машину на буксире до королевского дворца.

Король Мидас стал ходить по залам и трогать все подряд: столы, стулья, шкафы. И сразу все становилось золотым. Наконец захотелось королю пить, он велел принести стакан воды, но едва взял его в руки, как стакан превратился в кусок золота, и вода тоже перестала быть водой.

Пришлось поить короля с ложечки.

Подошло время обеда. Взял король вилку: она превратилась в золото. Гости захлопали в ладоши и наперебой стали упрашивать короля:

— Ваше величество, потрогайте мои пуговицы на куртке! Потрогайте мой зонт!

Король Мидас всех ошастливил, а когда взял хлеб, чтобы поесть наконец, хлеб тоже превратился в золото. Пришлось королеве кормить короля кашкой с ложечки. Гости попрятались под стол, потому что не могли удержаться от смеха. Король Мидас рассердился, схватил одного из них и дернул за нос. Нос тотчас же стал золотым, и бедняга испустил дух.

Пришла пора ложиться спать. Король Мидас коснулся подушки и превратил ее в золото, тронул простыню, матрац — и вот уже вместо постели лежит груда золота, твердого-претвердого. Не очень-то поспишь на таком ложе. Пришлось королю провести ночь в кресле с поднятыми кверху руками — чтобы ничего не коснуться ненароком. К утру король смертельно устал, и едва рассвело, побежал к волшебнику Аполло, чтобы тот расколдовал его. Аполло согласился.

— Хорошо,— сказал он,— но будь внимателен. Колдовство пройдет ровно через семь часов и семь минут. Все это время ты ничего не должен трогать, иначе все, чего ты коснешься, превратится в навоз.

Король Мидас ушел успокоенный и стал следить за часами, чтобы не тронуть что-нибудь раньше времени.

На беду, часы его немного спешили — каждый час перебегали вперед на одну минуту. Когда прошло семь часов и семь минут, король Мидас открыл дверцу своего автомобиля и сел в него. Сел и оказался в большой навозной куче. Потому что не хватало еще семи минут до конца колдовства.

Голубой светофор

днажды со светофором, который висит на соборной площади в Милане, произошло что-то странное: все огни его вдруг окрасились голубым цветом, и люди не знали, что делать — переходить улицу или не переходить? Идти или стоять?

Все глаза светофора излучали голубой свет — во все стороны только голубой свет. Таким голубым никогда не было даже небо над Миланом.

Пешеходы недоумевали — как быть? Автомобилисты яростно сигналили, мотоциклисты громко рычали своими мотоциклами, а самые важные и толстые прохожие сердито кричали светофору:

— Вы что, не знаете, кто я такой?!

Остряки обменивались шутками, а шутники — остротами:

— Зеленый цвет? Зелень съели богачи! Им, должно быть, понадобилась лишняя вилла за городом!

— А красный? Он весь ушел на то, чтобы подкрасить рыбок, что плавают в бассейне у фонтана.

— А с желтым знаете что сделали? Чур, только секрет! Его подлили в оливковое масло!

Наконец появился регулировщик, стал посреди перекрестка и наладил движение. Другой регулировщик подошел к распределительному щиту и отключил светофор, чтобы починить его.

Светофор последний раз сверкнул своими голубыми очами и успел подумать:

«Бедняги! А ведь я дал им сигнал: «Путь в небо свободен!» Если б они поняли меня, то все могли бы теперь свободно летать. А может быть, они и поняли, да у них просто не хватило смелости?»

Мышка, которая ела кошек

дна хилая мышка, что жила в библиотеке, вздумала как-то навестить своих сородичей, которые ютились в подвале и были далеки от всего мира.

— Вы ничего не знаете про то, что делается на свете! — заявила она своим оробевшим сородичам. — Вы, наверное, даже читать не умеете?!

— Зато ты, конечно, многое знаешь! — вздохнули те.

— Ну, к примеру, вы ели когда-нибудь кошку?

— Что ты! Боже упаси! У нас все больше кошки охотятся за мышами.

— Это потому, что вы невежды! Я же на своем веку не одну кошку съела, и, уверяю вас, ни единая даже не пискнула!

— И вкусные бывают кошки?

— Вкусные. Только отдают немного бумагой и типографской краской. Но это пустяки! Собаку вам доводилось пробовать? Нет?

— Что ты, что ты?!

— А я как раз вчера съела одну. Овчарку. У нее были довольно приличные клыки, но, в общем, она преспокойно позволила съесть себя и даже не твякнула.

— И тоже было вкусно?

— Очень. Хотя тоже чуточку с бумажным привкусом. А носорога не пробовали?

— Ну что ты! Мы даже в глаза его не видели никогда! Он на что больше походит — на пармиджанский сыр или на голландский?

— Он походит на носорога, разумеется. А слона или монаха, принцессу или елку тоже, наверное, никогда не доводилось есть?

В этот момент кошка, которая пряталась в углу за чемоданами, с грозным мяуканьем выскочила на середину подвала. Это была самая настоящая живая кошка, с пышными усами и острыми когтями.

Мышата в один миг разлетелись по своим норкам. А библиотечная мышка, увидев ее, так удивилась, что застыла на месте, словно игрушечная. Кошка цапнула ее лапкой и стала играть с нею.

— А, это ты — та самая мышка, которая ест кошек?

— Я, ваша светлость... Вы должны понять меня... Я ведь живу среди книг...

— О да, понимаю, понимаю! Ты ешь кошек, нарисованных, напечатанных на бумаге...

— Иногда, и только в научных целях...

— Разумеется. Я тоже очень люблю литературу... А не кажется ли тебе, что не мешает немного поучиться и у жизни? Тогда, быть может, ты поняла бы, что не все кошки сделаны из бумаги и не все носороги позволяют мышам грызть себя.

К счастью для бедной пленницы, кошка на секунду отвлеклась — она увидела неподалеку паука, — и ученая мышка в два счета оказалась среди своих книг. Пришлось кошке довольствоваться пауком.

Долой девятку!

Как-то раз один школьник решал примеры.

— Тринадцать разделить на три, — считал он, — будет четыре и один в остатке. Значит, четыре. Проверим. Трижды четыре — двенадцать. Плюс один — тринадцать. Теперь долой девятку...

— Вот еще! — вдруг рассердилась девятка.

— Что? — удивился ученик.

— Почему это «Долой девятку!»? Что ты ко мне пристал? Что я тебе сделала? Или, может, я преступница какая?

— Но я...

— Да, да! Я знаю, ты сейчас начнешь придумывать всякие объяснения. Только меня они не устраивают. Кричи, если хочется: «Долой бульон из мясных кубиков!», «Долой полицию!» — и даже можешь сколько тебе угодно кричать: «Долой жареный воздух!» Но почему тебе взбрело в голову кричать «Долой девятку!»?

— Простите, но я только хотел...

— Не перебивай! Это неприлично. Я простая, скромная цифра. Однозначная, правда. И любая двузначная может, конечно, меня поучать. Но и у меня есть своя гордость, и я требую, чтоб меня уважали. И прежде всего дети, которым еще нужно нос вытирать. Одним словом, долой твой нос, долой что угодно, но меня, будь добр, оставь в покое!

Школьник так растерялся и испугался, что побоялся вычесть девятку из тринадцати. Пример остался нерешенным, и мальчик получил двойку.

Да, видимо, иногда бывают в жизни случаи, когда надо быть смелее и решительнее.

Тонино-невидимка

ак-то раз мальчик по имени Тонино пошел в школу, не выучив урока, и очень боялся, что учитель вызовет его.

«Эх,— подумал он,— если б я мог стать невидимкой!..»

Учитель начал урок с переклички, а когда дошел до Тонино, тот ответил:

— Я здесь.

Но никто не услышал его, и учитель, вздохнув, сказал:

— Жаль, что Тонино не пришел сегодня в школу, я как раз хотел вызвать его. Если он заболел, будем надеяться, что не серьезно.

Тут Тонино понял, что стал, как ему и хотелось, невидимкой. От радости он вскочил на парту и оттуда бухнулся прямо в корзину для бумаг. А затем стал бегать по классу, дергать ребят за волосы и опрокидывать чернила.

В классе поднялся шум. Все стали возмущаться и даже ссориться. Ребята обвиняли друг друга в том, чего никто из них не делал. Ведь они и не подозревали, что это проказы Тонино-невидимки.

Когда Тонино надоела наконец эта игра, он ушел из школы и сел в троллейбус. Разумеется, он и не подумал брать билет, потому что кондуктор все равно не видел его. Он нашел свободное место и преспокойно уселся там. А на следующей остановке в троллейбус вошла синьора с тяжелой сумкой, набитой продуктами и хотела сесть как раз туда, где сидел Тонино: она видела, что место не занято. И конечно, она села прямо на колени Тонино. Он почувствовал, что сейчас задохнется от тяжести. А синьора вскочила и закричала:

— Что за сиденья в этом троллейбусе! Даже сесть нельзя как следует! Смотрите, я кладу сумку, она повисает в воздухе!

На самом деле сумка лежала на коленях у Тонино.

В троллейбусе заспорили, и почти все пассажиры энергично выразили свое возмущение по поводу плохой работы троллейбусной службы.

Тонино вышел в центре города, прошмыгнув в кондитерскую, подошел к прилавку и начал загребать обеими руками карамель, шоколадные конфеты и всевозможные пирожные. Продавщица, заметив, что все исчезло с прилавка, решила, что виноват в этом почтенный старый синьор, который покупал конфеты для своей тетушки. Синьор возмутился:

— Я вор?! Да знаете ли вы, с кем разговариваете?! Да знаете ли вы, кто был мой отец? Да знаете ли вы, кто был мой дед?!

— И знать не желаю! — заявила продавщица.

— Как! Вы позволяете себе оскорблять моего деда?!

Поднялся невероятный скандал. Тонино-невидимка опять направился в школу. Там он увидел, как его одноклассники гурьбой спустились по лестнице и шумной ватагой высыпали на улицу. А ребята его не видели. Тонино напрасно старался обратить на себя их внимание — он подбегал то к одному, то к другому мальчику, дергал за волосы своего приятеля Роберто, предлагал тянучку Гвискардо... Но они не видели и не слышали его, попросту не замечали. Их взгляды проходили сквозь Тонино, словно через стекло.

Усталый и немного испуганный, Тонино вернулся домой. Мать стояла на балконе, с тревогой ожидая его.

— Я здесь, мама! — крикнул Тонино. Но она не видела его и не услышала, а продолжала с тревогой смотреть на улицу.

— Папа, вот и я! — воскликнул Тонино, войдя в комнату и усевшись на свое обычное место за обеденным столом.

Но отец не слышал его и продолжал ворчать:

— Что такое? Почему Тонино так долго нет? Не случилась ли с ним какая-нибудь беда?

— Папа, но я ведь здесь! Мама, папа, я здесь! — закричал Тонино. Но они не слышали его.

— Я не хочу больше быть невидимкой! — заплакал Тонино, и сердце у него разрывалось на части. — Хочу, чтобы отец видел меня, чтобы мама ругала меня, чтобы учитель вызывал меня отвечать урок... хочу играть с ребятами! Очень плохо быть невидимкой, очень плохо быть одному!

Грустный он вышел на лестницу и спустился во двор.

— Отчего ты плачешь? — спросил у него старик, гревшийся на солнышке возле ворот.

— Ой, вы меня видите? — обрадовался Тонино.

— Вижу, а что? Я каждый день вижу, как ты уходишь в школу и возвращаешься домой.

— А я почему-то никогда не замечал вас.

— Знаю. На меня никто не обращает внимания. Старый, одинокий старик... С какой стати ребята будут замечать меня? Я для вас будто человек-невидимка...

— Тонино! — позвала в этот момент мать с балкона.

— Мама! Ты меня видишь?

— Ах, лучше бы я и не видела тебя, негодный мальчишка! Поднимайся наверх! Иди-ка сюда, иди! Сейчас отец покажет тебе!

— Бегу, мама, бегу! — обрадовался Тонино.

— И ты не боишься взбучки, которая тебя ожидает? — засмеялся старик.

Тонино бросился ему на шею и расцеловал.

— Вы спасли меня!

— Ну, это уж слишком! — улыбнулся старик.

Вопросы наизнанку

или однажды мальчик, который очень любил задавать вопросы. Это, конечно, совсем неплохо, наоборот, даже очень хорошо, когда человек чем-то интересуется. Но на вопросы, которые задавал этот мальчик, почему-то было очень трудно ответить.

Он спрашивал, например:

— Почему у ящиков есть стол?

Люди смотрели на него с удивлением и иногда отвечали:

— Ящики существуют для того, чтобы класть в них разные вещи, например, ножи и вилки.

— Для чего нужны ящики — это я знаю, — возражал мальчик, — но вот почему у ящиков есть столы?

Люди качали головой и уходили от него. А мальчик снова спрашивал, уже у других:

— Почему у хвоста есть рыба?

Или:

— Почему у усов есть кошка?

Люди пожимали плечами и спешили уйти. Ведь у каждого есть дела.

Так мальчик и рос — что ни день, то несколько десятков вопросов. Наконец он вырос, стал взрослым и по-прежнему без конца задавал всем странные вопросы. Но люди не хотели отвечать ему. Тогда он уединился в небольшой домик, что стоял на вершине одной горы, и стал там жить в одиночестве. Целыми днями он выдумывал вопрос за вопросом и записывал их в тетрадь. А потом сидел и ломал голову над ответами. Но почему-то так и не находил их.

Он записывал, например, в своей тетради:

«Почему у тени есть сосна?»,

«Почему облака не пишут писем?»,

«Почему марки не пьют пива?».

От такого множества вопросов у него, разумеется, начинала болеть голова. Но он не обращал на это внимания. У него уже и борода отросла, а он все продолжал сочинять вопросы. Он и не подумал постричь бороду. Он только спрашивал себя:

— Почему у бороды есть лицо?

Словом, странный это был человек. Когда он умер, один ученый провел некоторые исследования и обнаружил, что, человек этот, еще когда был маленьким, привык надевать носки наизнанку, и ему так ни разу в жизни и не удалось надеть их правильно. Точно так же он так никогда и не научился задавать правильные вопросы.

Со многими людьми еще такое бывает.

Про Джильберто

Маленькому Джильберто очень хотелось поскорее всему научиться. Поэтому он всегда прислушивался к тому, что говорили взрослые.

Однажды он услышал, как одна женщина говорила другой:

— Вы только посмотрите на Филомену. Как она любит свою маму! Она готова ей воду в ушах носить.

«Прекрасные слова,— подумал добрый Джильберто.— Надо выучить их наизусть».

Вскоре его позвала мама и сказала:

— Джильберто, сходи-ка принеси мне ведро воды из фонтана.

— Сейчас, мама,— ответил Джильберто, а сам подумал: «Вот и я покажу маме, как я ее люблю. Принесу ей воды не в ведре, а в ушах!»

Подбежал он к фонтану и подставил под струю голову. И когда почувствовал, что в ухо ему налилось полно воды, поспешил обратно. Воды в ухе набралось с наперсток, и, чтобы донести ее до дома, ему пришлось наклонить голову набок.

— Ну, принес воды? — спросила мама. Она как раз собралась стирать.

— Вот, мама,— ответил запыхавшийся Джильберто.

Однако, чтобы ответить, ему пришлось выпрямиться, и вода, что была у него в ухе, конечно, вылилась и потекла по шее. Что делать? Пришлось ему опять бежать к фонтану и наполнять водой другое ухо. Воды в нем набралось тоже ровно с наперсток, и Джильберто опять пришлось идти, прижав голову к плечу, но только теперь уже к другому. Когда же он добрался до дому, вода все равно вытекла.

— Ну, принес ты наконец воды? — спросила мама. Она уже начала сердиться.

«Может быть, у меня слишком маленькие уши?» — подумал огорченный Джильберто. А мама между тем совсем потеряла терпение. Она решила, что Джильбер-

то бегают к фонтану баловаться, и угостила его парой оплеух — по одной на каждую щеку.

Бедный Джилберто!

Он покорно стерпел эти оплеухи и решил, что в другой раз будет носить воду в ведре.

Слово «плакать»

той истории еще не было, но она непременно произойдет Завтра. Вот эта история.

В тот день, который называется «Завтра», одна старая учительница построила своих учеников парами и повела их в Музей Прошлого, где собраны вещи, которые уже никому не нужны. Такие, например, как царская корона, шлейф королевы, трамвай и тому подобное.

В одной небольшой запыленной витрине лежало под стеклом слово «плакать».

Школьники Завтрашнего Дня прочитали этикетку с названием, но ничего не поняли.

— Синьора, а что это такое?

— Наверное, старинное украшение?

— Может быть, что-нибудь этруское?

Учительница объяснила ребятам, что раньше, очень очень давно, это слово было в большом употреблении и приносило людям много горя. Она показала при этом на небольшой стеклянный сосуд и сказала, что в нем хранятся слезы. Может быть, их пролил какой-нибудь несчастный раб, избитый хозяином, а может, какой-нибудь мальчик, оставшийся без крова.

— Слезы похожи на воду! — сказал один школьник.

— Да, но они обжигают! — ответила учительница.

— А, их, должно быть, кипятят перед употреблением! — догадался кто-то.

Нет, эти школьники совсем ничего не понимали. Под конец им стало просто скучно в этом зале. Тогда учительница повела их дальше, в другие залы музея, где они увидели более понятные вещи: тюремную решетку, чучело сторожевой собаки, замок и так далее. Все это были вещи, которых давно уже нет в счастливейшей стране Завтрашнего Дня.

Перекормитное воспаление

Когда девочка заболевает, ее куклы тоже должны болеть — за компанию, чтобы ей не было скучно. К девочке приходит врач, а к куклам — дедушка. Он осматривает их, выписывает лекарства и каждой делает очень много уколов своей шариковой ручкой.

— Знаете, доктор, этот ребенок заболел, — говорит девочка.

— Ну что ж, посмотрим, что с ним. Дышите глубже, так, так... О! Так я и думал. По-моему, у нее неплохой капризит.

— А это опасно, доктор?

— Чрезвычайно! Дайте ей микстуру из синего чернильного карандаша и растирайте перед сном фантиком от анисовой карамельки.

— А эта девочка, вам не кажется, тоже немного нездорова?

— О, да она просто совсем больна! Это видно и без бинокля!

— Ой, а что с ней?

— Гм, сейчас посмотрим... Так... Немножко простудинки, немножко грустинки и острый приступ клубничного перекормита.

— Ой, мама, как страшно! Неужели она умрет?

— Нет, это не так опасно. Но лекарство не помещает. Ей нужно дать две таблетки глупидина. Только растворите их сначала в стакане грязной воды. И смотрите, чтобы стакан был зеленый. От красного стакана у нее могут разболеться зубы.

И вот в одно прекрасное утро девочка просыпается совсем здоровая. Доктор разрешает ей встать с постели. Но дедушка хочет осмотреть ее сам, пока мама собирает ей одежду.

— Ну что ж, посмотрим, — говорит он. — Скажи-ка тридцать три. Так. Скажи: перепепе. А теперь попробуй что-нибудь спеть. Ну что ж, все в порядке! У тебя было типичное перекормитное воспаление.

Воскресное утро

— синьора Чезаре была привычка все делать по всем правилам. Особенно по воскресеньям, когда он вставал позже обычного. Сначала он долго бродил по квартире в одной пижаме, потом — уже часов в одиннадцать — начинал бриться, оставив при этом открытой дверь в ванной комнате.

Именно этого момента с нетерпением ждал Франческо. Ему всего шесть лет, но у него уже определилась явная склонность к медицине и хирургии. Франческо брал пакет ваты, флакон с одеколоном, пакетик с пластырем, входил в ванную и усаживался на скамеечку в ожидании, когда понадобится его помощь.

— Ну что? — спрашивал синьор Чезаре, намыливая лицо. В другие дни недели он брился электрической бритвой, но в воскресенье взбивал, как в старые времена, мыльную пену и брался за безопасную бритву.

— Ну что?

Франческо ерзал на скамеечке. Он был очень серьезен и ничего не отвечал.

— Ну?

— Я все жду, — говорил Франческо, — может, ты порежешься... Тогда я полечу тебя.

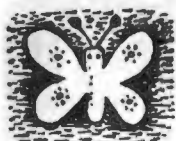
— Ладно! — соглашался синьор Чезаре.

— Только ты не режись нарочно, как в прошлое воскресенье, — строго предупреждал Франческо. — Нарочно не считается.

— Ну конечно! — отвечал синьор Чезаре.

Но ему никак не удавалось порезаться нечаянно. Он старался, старался, но ничего не получалось. Как ни пытался, ничего не выходило. Он очень хотел быть невнимательным и неосторожным, но не мог. Наконец каким-то образом он все-таки ухитрился порезать себе лицо. И тогда Франческо принимался за дело. Он стирал ваткой капельку крови, протирали ранку одеколоном и заклеивал ее пластырем.

Таким образом синьор Чезаре каждое воскресенье дарил своему сыну капельку крови. А Франческо все больше убеждался, что у него очень рассеянный и неосторожный отец.

Как поскорее уснуть

ила-была однажды девочка, которая каждый вечер, когда надо было ложиться спать, становилась маленькой-маленькой.

— Мама,— говорила она,— я стала муравьишкой!

И мама понимала, что пора укладывать дочку в постель.

А утром девочка просыпалась, едва всходило солнце. Но она по-прежнему была маленькой-маленькой. Такой маленькой, что свободно умещалась на подушке. И еще места оставалось немного.

— Вставай! — говорила мама.

— Не могу,— отвечала девочка,— не могу, я еще слишком маленькая. Как бабочка! Подожди, пока подрасту.

А потом вдруг радостно восклицала:

— Ну вот, я и выросла!

С веселым криком вскакивала она с постели, и начинался новый солнечный день.

Прозрачный Джакомо

Как-то раз в одном далеком городе появился на свет прозрачный ребенок. Да, да, прозрачный! Сквозь него можно было смотреть, как сквозь чистую родниковую воду или воздух. Конечно, он, как и все люди, был из плоти и крови, но казалось, будто он сделан из стекла. Но когда мальчик падал, он не разбивался вдребезги. Самое большее — у него вырастала на лбу огромная прозрачная шишка.

Всем хорошо было видно, как пульсирует его кровь, как бьется сердце, и все могли свободно читать мысли, которые проносились у него в голове, словно стайка разноцветных рыбок в аквариуме.

Однажды мальчик нечаянно солгал, и люди тотчас увидели, как в голове у него запылал огненный шар.

Мальчик тут же поправился, сказал правду — и шар мгновенно исчез. С тех пор он ни разу за всю свою жизнь не сказал ни слова лжи.

Был еще такой случай. Один приятель доверил ему свой секрет. И все сразу же увидели, как в голове у мальчика беспокойно закрутился, завертелся черный шар. И секрет перестал быть секретом.

Прошло время, мальчик, вырос, стал юношей, потом мужчиной. Но каждый по-прежнему мог легко читать все его мысли. Ему даже не надо было вслух произносить ответ, когда его о чем-либо спрашивали.

Звали этого мальчика Джакомо, но люди называли его Прозрачный Джакомо. Его любили за честность и за то, что рядом с ним все тоже становилось честным и добрым.

Но вот в один несчастный день в стране произошел переворот, и к власти пришел жестокий тиран. Настали очень тяжелые времена. Народ страдал от казней, несправедливостей и нищеты. Те люди, которые осмеливались протестовать против насилия, сразу же бесследно исчезали. Тех же, кто открыто восставал против убийств, немедленно расстреливали. А остальных, запуганных и униженных, тоже преследовали всеми способами.

Люди молчали и в страхе терпели все. Но Джакомо не мог молчать. Потому что, даже когда он ни слова не произносил, за него говорили его мысли. Ведь он был прозрачным, и окружающие могли свободно читать их: все видели, как возмущается он несправедливостью и насилием и шлет проклятия тирану. Народ тайком повторял мысли Джакомо и стал постепенно обретать надежду.

Узнав про это, тиран приказал немедленно арестовать Прозрачного Джакомо и бросить в самую темную тюрьму.

И тогда случилось невероятное. Стены камеры, в которую заключили Джакомо, тоже вдруг стали прозрачными, потом стали прозрачными стены коридора, а затем и наружные стены тюрьмы — вся тюрьма стала словно стеклянная! И люди, проходившие мимо, видели Джакомо, сидевшего в своей камере, и по-прежнему могли читать его мысли.

А ночью тюрьма стала излучать такой яркий свет, что тиран приказал опустить в своем дворце все шторы, чтобы свет не беспокоил его. Но все равно он не мог спать спокойно: Прозрачный Джакомо, даже закованный в цепи, посаженный в самую темную тюрьму, был сильнее тирана.

Это потому, что правда сильнее всего на свете — она ярче дневного света, сильнее любого урагана.

Мартышки-путешественницы

днажды мартышки, что живут в зоопарке, решили отправиться в путешествие, чтобы пополнить свое образование. Шли они, шли, а потом остановились, и одна из них спросила:

— Итак, что же мы видим?

— Клетку льва, бассейн с моржами и дом жирафа, — ответила другая.

— Как велик мир! И как полезно путешествовать! — решили мартышки.

Они двинулись дальше и присели передохнуть только в полдень.

— Что же мы видим теперь?

— Дом жирафа, бассейн с моржами и клетку льва!

— Как странен этот мир! Впрочем, путешествовать, конечно, полезно.

Они снова тронулись в путь и завершили путешествие только на заходе солнца.

— Ну, а теперь что мы видим?

— Клетку льва, бассейн с моржами и дом жирафа!

— Как скучен этот мир! Все время одно и то же. Хоть бы какое-нибудь разнообразие! Нет никакого смысла странствовать по свету!

Еще бы! Путешествовать-то они путешествовали, да только не выходя из клетки, — вот и кружились на одном месте, словно лошадка на карусели.

Один и семеро

знал одного мальчика... Но это был не один мальчик, а семеро. Как это может быть? Сейчас расскажу.

Жил он в Риме, звали его Паоло, и отец его был вагоновожатым.

Нет, нет, жил он в Париже, звали его Жан, и отец его работал на автомобильном заводе.

Да нет же, жил он в Берлине, звали его Курт, и отец его был виолончелистом.

Что вы, что вы... Жил он в Москве, звали его Юрой, точно так же, как Гагарина, и отец его был каменщиком и изучал математику.

А еще он жил в Нью-Йорке, звали его Джимми, у отца его была бензоколонка.

Сколько я вам уже назвал? Пятерых. Не хватает двоих.

Одного звали Чу, жил он в Шанхае, и отец его был рыбаком. И наконец, последнего мальчика звали Пабло, жил он в Буэнос-Айресе, и отец его был маляром.

Паоло, Жан, Курт, Юра, Джимми, Чу и Пабло — мальчиков семеро, но все равно это один и тот же мальчик.

Ну и что же, что у Пабло темные волосы, а у Жана светлые. Неважно, что у Юры белая кожа, а у Чу — желтая. Разве это так важно, что Пабло, когда приходил в кино, слышал там испанскую речь, а для Джимми экран разговаривал по-английски. Смеялись же они все на одном языке.

Потому что это был один и тот же мальчик: ему было восемь лет, он умел читать и писать и ездил на велосипеде, не держась за руль.

Теперь все семь мальчиков выросли. Они никогда не станут воевать друг с другом, потому что все семь мальчиков — это один и тот же мальчик.

Про человека, который хотел украсть Колизей

Как-то раз одному человеку взбрело в голову украсть знаменитый римский Колизей. Он захотел, чтобы Колизей принадлежал только ему. «Почему,— недоумевал он,— я должен делить его со всеми? Пусть он будет только моим!» Он взял большую сумку и отправился к Колизею. Там он подождал, пока сторож отошел в сторонку, быстро набил сумку камнями из развалин древнего здания и понес домой.

На другой день он проделал то же самое. И с тех пор каждое утро, кроме воскресенья, он совершал по крайней мере два, а то и три таких рейса, всякий раз стараясь, чтобы сторожа не заметили его. В воскресенье он отдыхал и пересчитывал украденные камни, которые грудой лежали в подвале.

Когда же подвал весь был забит камнями, он стал сваливать их на чердаке. А когда и чердак заполнился до отказа, то стал прятать камни под диваны, в шкафы и даже в корзину для грязного белья.

Каждый раз, приходя к Колизею, он внимательно осматривал его со всех сторон и думал: «Он кажется все таким же огромным, но некоторая разница все же есть! Вон там и вот тут уже немного меньше камней осталось!»

Он вытирал пот со лба и выковыривал из стены еще один кирпич, выбивал из арки еще один камень и прятал их в сумку. Мимо него проходили толпы туристов с открытыми от восхищения и изумления ртами. А он ухмылялся про себя: «Удивляетесь? Ну-ну! Посмотрю-ка я, как вы будете удивляться, когда в один прекрасный день не найдете здесь Колизея!»

Порой случалось ему заходить в табачную лавку — а в табачных лавках в Италии всегда продают открытки с изображением достопримечательностей. Когда он смотрел на открытки с видами старинного амфитеатра Колизея, то всегда приходил в хорошее настроение. Правда, он тут же спохватывался и притворялся, будто сморкается, чтобы не увидели, как он смеется: «Ха-

ха-ха! Открытки! Подождите, скоро только открытки и останутся вам на память о Колизее!»

Шли месяцы, годы. Украденные камни громоздились теперь под кроватью, заполнили кухню, оставив лишь узкий проход к газовой плите. Камнями была завалена ванная, а коридор превратился в траншею.

Но Колизей по-прежнему стоял на своем месте и пострадал от воровства не больше, чем от комариного укуса. Бедняга вор сильно постарел за это время и пришел в отчаяние. «Неужели,— думал он,— неужели я ошибся в своих расчетах? Наверное, легче было бы украсть купол собора Святого Петра! Ну да ладно, надо набраться мужества и терпения. Взялся за дело — надо доводить его до конца».

Однако каждый поход к Колизею давался ему теперь нелегко. Сумка оттягивала руки, а они были к тому же сплошь в ссадинах. И когда однажды он почувствовал, что жить ему осталось недолго, он в последний раз пришел к Колизею и, с трудом карабкаясь по скамьям амфитеатра, забрался на самый верх. Заходящее солнце окрашивало древние руины золотом и багрянцем. Но старик ничего не видел, потому что слезы застилали ему глаза. Он надеялся, что побудет здесь, на верху, в одиночестве, но на террасу тут же выпала толпа туристов. На разных языках выражали они свой восторг. И вдруг среди множества голосов старый вор различил звонкий детский голосок какого-то мальчика: «Мой! Мой Колизей!»

Как фальшиво, как неприятно звучало это слово здесь, среди самой красоты! Только теперь старик понял это и даже захотел было сказать об этом мальчику, захотел научить его говорить «наш» вместо «мой». Но сил у него уже не хватило.

Лифт к звездам

Когда Ромолетто исполнилось тринадцать лет, его взяли на работу в бар «Италия». Он служил мальчиком на побегушках. Это значит, что он должен был выполнять всякие мелкие поручения и разносить

заказы по домам. Целыми днями Ромолетто носился взад-вперед по улицам, поднимался и спускался по лестницам разных домов, держа поднос, уставленный множеством рюмок, чашек и стаканов.

Больше всего не любил Ромолетто лестницы. В Риме, так же как и во многих других городах на земле, лифтеры очень ревниво оберегают свои лифты и стараются, чтобы ими поменьше пользовались, особенно мальчишки из бара, молочницы, продавцы фруктов и все другие простые люди. Они либо сами стоят на страже у лифта, либо вывешивают разные грозные предупреждения.

Однажды утром в бар позвонили из квартиры четырнадцать в доме сто три и потребовали четыре кружка пива и чай со льдом.

— Только немедленно, иначе я выброшу все это за окно! — добавил сердитый голос. Это был старый маркиз Венанцио, тот самый, что наводил ужас на поставщиков продуктов.

В доме сто три лифт оберегался особенно тщательно, но Ромолетто знал, как можно обмануть бдительность лифтерши, дремавшей в своей сторожке. Он незаметно проскользнул в кабину, опустил в щель пускового автомата пять лир, нажал кнопку пятого этажа, и лифт со скрипом двинулся вверх. Вот второй этаж, вот третий. А после четвертого этажа лифт, вместо того чтобы замедлить ход, вдруг ускорил движение, проскочил мимо площадки пятого этажа и, прежде чем Ромолетто успел удивиться, поднялся так высоко, что весь Рим уже раскинулся у него под ногами. А лифт все мчался вверх. Со скоростью ракеты несясь он к небу, голубому-голубому, до черноты.

— Прощайте, маркиз Венанцио! — прошептал Ромолетто, чувствуя, как у него мурашки пробегают по коже.левой рукой он по-прежнему держал в равновесии поднос со стаканами, и это было довольно смешно, потому что лифт уже уносился в межпланетное пространство, и Земля голубела далеко внизу в бездонной глубине космоса. Она вертелась вокруг своей оси, все дальше и дальше унося злого маркиза Венанцио, который ждал пива и чая со льдом.

«По крайней мере хоть не с пустыми руками явлюсь к марсианам!» — решил Ромолетто и зажмурил-

ся. Когда же он приоткрыл глаза, лифт уже опускался, и Ромолетто с облегчением вздохнул.

«В конце концов, чай все равно холодный», — подумал мальчик.

Но оказалось, что лифт опустился в самой чаше какого-то тропического леса, и Ромолетто сквозь стекла кабины увидел, что его окружают лохматые бородастые обезьяны. Они возбужденно показывали на него пальцами и невероятно быстро говорили что-то на каком-то непонятном языке. «Наверное, я попал в Африку!» — подумал Ромолетто.

Тут обезьяны вдруг расступились, и он увидел огромного шимпанзе в синем мундире, который ехал навстречу ему на гигантском трехколесном велосипеде.

«Полиция! Спасайся, Ромолетто!»

Не теряя ни секунды, мальчик из бара «Италия» нажал первую же попавшуюся кнопку. И лифт полетел вверх со сверхзвуковой скоростью. Когда он унесся уже далеко, Ромолетто взглянул вниз и понял, что планета, от которой он удирал, никак не могла быть Землей: ее моря и континенты были совсем других очертаний, чем на школьной географической карте. К тому же Земля сверху выглядела голубым шариком, а эта планета была то зеленой, то фиолетовой.

— Наверное, это Венера! — решил Ромолетто. — Но что я скажу маркизу Венанцио?

Он потрогал кружки на подносе — они были такими же холодными, как и в тот момент, когда он вышел из бара. В общем-то, если разобраться, с тех пор прошло, наверное, минут пять, не больше.

Лифт с невероятной скоростью пронесся через громадное пустынное пространство и снова стал снижаться. На этот раз Ромолетто сразу понял, что его ждет: «Только этого не хватало! На Луну прилетел! Что мне тут делать?»

Между тем знаменитые лунные кратеры приближались с фантастической быстротой. Ромолетто уже потянулся было к панели с кнопками, но тут ему пришла в голову неплохая мысль. «Стоп! — приказал он себе. — Прежде чем нажать кнопку, надо подумать!»

Он внимательно рассмотрел панель. Рядом с каждой кнопкой стояла какая-нибудь цифра. И только последняя кнопка внизу светилась красной буквой «З». Наверное, это и есть Земля!

«Попробуем», — вздохнул Ромолетто. Он нажал эту кнопку, и лифт тотчас же изменил направление. А спустя несколько минут он уже оказался над Римом, над крышей дома сто три, пролетел мимо лестничных площадок и приземлился возле знакомой лифтерши, которая, конечно, даже не догадывалась, в каком межпланетном путешествии побывал Ромолетто, и продолжала спокойно дремать.

Ромолетто выскочил из кабины, даже не захлопнув за собой дверь, и пешком поднялся по лестнице на пятый этаж. Он постучал в дверь квартиры четырнадцать и, опустив голову, молча выслушал сердитого маркиза Венанцио:

— Ну, где ты пропадал столько времени?! Ведь с тех пор, как я заказал это проклятое пиво и этот распроклятый чай, прошло уже пятнадцать минут! На твоём месте Гагарин давно уже был бы на Луне!

«И даже дальше!» — подумал Ромолетто, но промолчал. К счастью, напитки были еще холодными ровно настолько, насколько нужно было.

Да, немало приходится побегать по лестнице за целый день мальчику из бара «Италия», который разносит заказы по домам...

Знаменитый дождь в Пьомбино

Каждый день в Пьомбино дождем посыпались с неба конфеты. Конфеты падали большие, словно градины, но не белые, а разноцветные — красные, зеленые, голубые, фиолетовые. Один мальчик взял в рот зеленую конфету — просто так, чтобы попробовать, и обнаружил, что она мятая. А другой попробовал красную, и оказалось, что конфета земляничная.

— Да это настоящие конфеты! Самые настоящие! — обрадовались ребята и бросились набивать себе ими карманы. Но сколько ни собирали, конфет меньше не становилось — они по-прежнему дождем сыпались с неба.

Дождь этот шел недолго, и все же улицы в городе сплошь покрылись, словно ковром, душистыми конфетами, которые похрустывали под ногами, как мелкие льдинки. Ребята, возвращавшиеся из школы, тоже успели наполнить сладостями свои портфели. И старушки несли домой узелки с конфетами.

Это был великолепный праздник!

До сих пор люди ждут, что с неба опять посыплются конфеты, но облако, из которого они сыпались дождем, больше не появлялось ни над Пьюмбино, ни над Турином и, вероятно, никогда не пройдет даже над Кремоной.

Человечек из ничего

ил однажды человечек из ничего. У него был нос из ничего, рот из ничего, он ни во что не был одет и носил ботинки из ничего. Отправился как-то раз человечек из ничего по какой-то несуществующей улице, которая никуда не вела. Встретил мышку из ничего и спросил у нее:

— Ты не боишься кошек?

— Ничуть! — ответила мышка из ничего. — В этой стране из ничего есть только кошки из ничего, у которых усы из ничего и когти из ничего. Кроме того, я люблю сыр. Правда, я ем только дырки. Они ничем не пахнут, но сладкие.

— У меня кружится голова, — сказал человечек из ничего.

— Потому что твоя голова из ничего. Даже если ты станешь биться головой о стену, тебе не будет больно.

Человечек из ничего, решив попробовать, нашел стену, чтобы удариться о нее головой, но это была стена из ничего, и так как он слишком сильно разбежался, то упал по другую сторону стены. А там тоже совсем ничего не было.

Человечек из ничего так устал от всего этого ничего, что заснул. И во сне он увидел, что он был человек-

ком из ничего и шел по несуществующей дороге, встретил мышку из ничего и даже ел дырки от сыра, и мышка из ничего была права; они действительно ничем не пахли.

Движущийся тротуар

а планете «Би» изобрели движущийся тротуар. Он тянется по всему городу и похож на эскалатор, только это не лестница, а тротуар. Двигается он медленно, чтобы люди успевали рассмотреть витрины и не падали, ступая на тротуар и сходя с него. На этом тротуаре есть даже скамейки для тех, кто хочет гулять сидя. Особенно удобно это для стариков и для синьор, которые носят тяжелые хозяйственные сумки. Когда старичкам надоедает сидеть в сквере и смотреть без конца на одно и то же дерево, они отправляются гулять на движущемся тротуаре. Им там очень удобно и хорошо. Кто читает газету, кто курит сигару... Словом, люди отдыхают.

Благодаря изобретению этого движущегося тротуара на планете «Би» уничтожены все трамваи, троллейбусы и автомобили. Так что улицы теперь свободны и служат только для того, чтобы ребята играли там в футбол. А если какой-нибудь городской стражник вздумает отобрать у них мяч, то его за это тотчас же оштрафуют.

Троллейбус номер 75

днажды утром троллейбус номер 75, который ходит от Монтверде Веккьо до площади Фьюме, вместо того чтобы спуститься к Трастевере, направился совсем в другую сторону. Он повернул к Джаниколо, затем свернул на старую дорогу Аурелия Антика и через несколько минут уже мчался, словно очумев.

лгий от весеннего солнца заяц, по полям, что раскинулся в предместье Рима.

В это время пассажирами троллейбуса были, как обычно, служащие. Все они читали газеты. Даже те, которые не покупали их, — они читали через плечо соседа. Вдруг один синьор, переворачивая страницу, взглянул случайно в окно и страшно удивился:

— Кондуктор, что случилось? Куда мы едем? Это какое-то самоуправство!

Другие пассажиры тоже оторвались от газет и тоже возмутились:

— Что думает водитель?

— Да он сошел с ума! Свяжите его!

— Что за обслуживание!

— Но отсюда рукой подать до Чивитавеккья, а там уже начинаются загородные дачи!

— Боже мой! Уже без десяти девять, а ровно в девять я должен быть в суде! — воскликнул адвокат. — Если я проиграю процесс, я подам в суд на троллейбусное управление.

Кондуктор и водитель отбивались как могли. Они заявили, что ничего поделать не могут: троллейбус больше не повинуетеся им и сам едет куда вздумается. Действительно, в этот момент троллейбус сошел с дороги, проехал по полю и остановился на лужайке у небольшого лесочка, благоухающего свежей зеленой листвой.

— Ой, цикламены! — радостно воскликнула одна синьора.

— Самый раз сейчас думать о цикламенах! — рассердился адвокат.

— А знаете, что я вам скажу, — возразила синьора, — пусть я приеду в свое министерство с опозданием... Мне, конечно, за это снимут голову... Но раз уж мы тут, я хочу нарвать цикламенов! Уже десять лет, как я не собирала цветов!

Она вышла из троллейбуса, вдохнула всей грудью чистый, свежий воздух этого удивительного утра и стала собирать цветы.

Видя, что троллейбус и не думает никуда уезжать, один за другим вышли на полянку и другие пассажиры. Одни — чтобы размять ноги, другие — выкурить сигарету. И вскоре плохое настроение растаяло, как туман на солнце. Кто-то сорвал маргаритку и сунул ее в пет-

личку, а кто-то нашел совсем еще зеленую ягоду земляники и радостно закричал:

— Это я нашел ее! Смотрите, я оставлю здесь записку и, когда земляничка созреет, приду и сорву ее! И пусть только кто-нибудь посмеет тронуть ее!

Он и в самом деле вырвал из записной книжки листок, наколот его на прутик и воткнул в землю рядом с земляничкой. На листке большими буквами было написано: «Доктор Джулио Боллати».

Два чиновника из министерства образования скомкали свои газеты в большой бумажный шар и стали играть в футбол. И всякий раз, когда ударяли по мячу, громко кричали:

— Шайбу!

Словом, пассажиры уже несколько не походили больше на тех серьезных и солидных людей, которые минуту назад готовы были разорвать на части водителя и кондуктора. А те между делом поделились друг с другом завтраком и устроили небольшой пикник на свежем воздухе.

— Смотрите! — закричал вдруг адвокат.

Троллейбус тронулся с места и медленно двинулся с полянки. Пассажиры еле-еле успели на ходу вскочить в него. Последней оказалась синьора с цикламенами. Она возмущалась:

— Ну разве так можно! Я только начала собирать цветы и отдыхать!..

— Сколько времени мы уже здесь? — спросил кто-то.

— Ух, наверное, очень долго!

И все посмотрели на свои часы. Как странно! часы показывали всего без десяти девять! Видно, пока длилась эта маленькая загородная прогулка, стрелки часов стояли. Это было время, просто подаренное людям.

— Но этого не может быть! — изумлялась синьора, которая любила цикламены.

А троллейбус снова шел по своему маршруту и уже сворачивал на улицу Дандоло.

Удивлялись все. А ведь каждый держал перед глазами газету, где на самом верху страницы ясно была обозначена дата — 21 марта, день весеннего равноденствия.

В первый день весны все возможно!

Страна,

где живут одни собаки

Была когда-то на свете очень маленькая и очень странная страна. Она вся состояла из девяноста девяти домиков. У каждого домика был маленький садик, окруженный забором, и за каждым забором жила собака. И каждая лаяла.

Возьмем, к примеру, домик номер один. Здесь жил пес по кличке Верный. Он ревниво охранял свой домик от соседей, и, чтоб никто не подумал, будто он плохо несет свою службу, он долго и громко лаял всякий раз, когда мимо проходили жители других девяноста восьми домиков, независимо от того, кто шел: женщина, мужчина или ребенок. Точно так же поступали другие девяносто восемь собак. Так что, сами понимаете, забот у них было много: лаять приходилось с утра до вечера и даже ночью, потому что всегда ведь кто-нибудь шел по улице.

А вот другой пример. Синьор, который жил в домике номер девяносто девять, возвращаясь с работы, должен был пройти мимо всех девяноста восьми домиков, а следовательно, и мимо девяноста восьми собак, которые лаяли ему вслед, показывая клыки и давая понять, что охотно вцепились бы в его брюки. То же самое происходило с жителями других домиков, так что на улице всегда кто-нибудь дрожал от страха.

Ну а теперь представьте себе, что творилось, когда в эту страну попадал какой-нибудь чужеземец. Тогда лаяли сразу все девяносто девять собак, все девяносто девять хозяев выходили на крыльцо посмотреть, что случилось, а потом торопливо возвращались в дом, запирали дверь, спешно опускали ставни и сидели тихо-тихо, подглядывая в щелочку за незнакомцем, пока он проходил мимо.

От непрерывного собачьего лая жители этой страны постепенно оглохли и почти перестали разговаривать друг с другом. Впрочем, им и не о чем было говорить между собой. Мало-помалу, сидя так все время

молча, насупившись, они вообще разучились говорить. Ну, и в конце концов случилось так, что хозяева домиков сами тоже стали лаять, как собаки. Возможно, они думали при этом, что разговаривают по-человечески, но на самом деле, когда они открывали рот, слышалось только что-то вроде «гав-гав!» — и от этого мурашки пробегали по коже. Так и повелось в той стране: лаяли собаки, лаяли мужчины и женщины, лаяли дети, когда играли во дворе. И девяносто девять домиков превратились в девяносто девять собачьих конур.

Однако с виду домики были аккуратными, на окнах висели чистые занавесочки, за стеклами виднелась герань и были даже другие цветы — на балконах.

Однажды в этой стране оказался Джованнинно-Бездельник. Он забрел туда, совершая одно из своих знаменитых путешествий. Девяносто девять собак встретили его концертом, от которого даже каменная тумба могла бы превратиться в неврастеника! Джованнинно что-то спросил у одной женщины, и та ответила ему лаем. Он сказал что-то ласковое какому-то малышу и услышал в ответ глухое рычание.

— Я понял! — сказал Джованнинно-Бездельник. — Это эпидемия!

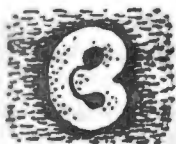
Тогда он пришел к самому главному городскому начальнику и сказал:

— Я знаю хорошее средство от вашей болезни. Прежде всего прикажите уничтожить все заборы — сады отлично будут цвести и без них. Во-вторых, отправьте всех собак на охоту — они развлекутся немного и станут добрее. В-третьих, устройте большой бал, и после первого же вальса все жители снова научатся говорить по-человечески.

— Гав-гав! — ответил ему начальник.

— Я понял! — сказал Джованнинно. — Самый тяжелый больной тот, который думает, что он здоров, — и отправился путешествовать дальше.

Если вы услышите ночью, что где-то лает несколько собак, может статься, это и настоящие собаки, но может оказаться, что это лают жители той самой маленькой страны.

Бегство Пульчинеллы

о всем старом кукольном театре не было куклы беспокойнее Пульчинеллы. Всегда-то он был чем-то недоволен и вечно с кем-нибудь спорил. То в самый разгар репетиции ему вдруг хотелось пойти погулять, то он сердился на хозяина-кукольника за то, что ему дали комическую роль, а не трагическую, которая ему была больше по душе.

— Знаешь,—признавался он Арлекину,—в один прекрасный день я возьму и убегу!

Он так и сделал. Только случилось это не днем, а ночью. Как только все уснули, он взял ножницы, которые хозяин забыл спрятать в шкаф, перерезал одну за другой все нитки, привязанные к его голове, к рукам и ногам, и предложил Арлекину:

— Бежим вместе!

Но Арлекин не мог расстаться с Коломбинной. Он и слышать не хотел об этом! А Пульчинелла не хотел брать с собой эту кривляку, которая в каждой пьесе только и делала, что насмехалась над ним.

— Ладно, пойду один,—решил Пульчинелла.

Он храбро спрыгнул на пол и пустился наутек, да так, что только пятки засверкали.

«Какая прелесть,—думал он,—какое удовольствие не чувствовать на руках и на ногах этих проклятых ниток! Как приятно ступать туда, куда самому хочется, а не куда велит хозяин!»

Для одинокой деревянной куклы мир огромен и страшен. В нем так много, особенно по ночам, свирепых кошек, которые запросто могут принять любое существо, бегущее в темноте, за мышь и сцапать своими страшными когтями. Правда, Пульчинелле удалось убедить кошек и котов, что они имеют дело с истинным артистом, но потом он на всякий случай все-таки спрятался в каком-то садике, прислонился к забору и заснул.

На рассвете он проснулся и понял, что очень голоден. Он огляделся по сторонам, но вокруг, насколько хватало глаз, не было ничего, кроме гвоздик, тюльпанов, цинний и гортензий.

— Ну что же, ничего не поделаешь,— решил Пульчинелла и, сорвав гвоздику, стал нерешительно обкусывать с нее лепестки.

Конечно, эта еда не шла ни в какое сравнение с бифштеком или хорошим куском филе из окуня. Цветы очень ароматны, но почти не имеют вкуса. И все же травянистый вкус гвоздики показался Пульчинелле восхитительным вкусом свободы, а после второго лепестка он готов был поклясться, что никогда еще не ел более замечательного блюда. И он решил навсегда остаться в этом саду.

Спал он под защитой большой магнолии, жесткие листья которой укрывали его от дождя и града, а питался цветами: сегодня — гвоздикой, а завтра — розой... И во сне и наяву ему мерещились горы спагетти и равнины свежего ароматного сыра, но он крепился и не сдавался.

Солище и ветер вскоре иссушили дерево, из которого он был сделан. Пульчинелла стал сухим-сухим, но зато таким ароматным, что пчелы, летевшие за нектаром, иногда принимали его за цветок. Они опускались на его деревянную головку и старались добраться своим жалом до желанного лакомства. Но ничего не выходило, и они улетали разочарованные.

Между тем наступила зима. Опустевший сад ожидал первого снега. Бедный Пульчинелла стал голодать. И если вы думаете, что он мог бы отправиться куда-нибудь в другое место, то ошибаетесь — на маленьких деревянных ножках далеко не уйдешь!

«Ну что же,— сказал про себя Пульчинелла,— раз так, умру здесь. Не такое уж это плохое место, чтобы умереть. Но если я и умру, то умру свободным. Никто больше не сможет привязать нитки к моей голове и дергать ее, никто не заставит меня кивать в знак согласия, когда я совсем не согласен».

А потом пошел первый снег и прикрыл Пульчинеллу мягким белым одеялом. Весной на том месте, где лежал Пульчинелла, выросла гвоздика. А Пульчинелла, укрытый землей, спокойный и счастливый, думал: «Ну вот, над моей головой выросла гвоздика. Может ли кто-нибудь быть счастливее меня?»

Пульчинелла не умер, потому что деревянные куклы не умирают. Он лежит в том саду, и никто об этом не знает. И если вы случайно найдете его, то не привязывайте нитку к его голове. Королям и королевам из кукольных театров такие нитки не мешают, а вот он, Пульчинелла, их просто терпеть не может.

Солдатское одеяло

Когда кончились все войны, солдат Винченцо ди Джакомо вернулся домой. Вернулся он в рваной армейской форме, с сильным кашлем и с солдатским одеялом на плече. Кашель и одеяло — вот и все, что он заработал за долгие годы войны.

Но кашель не давал ему ни минуты покоя и очень скоро свел в могилу. Жене и детям осталось от солдата только старое одеяло. Ребят было трое. Самому младшему, тому, что родился между двумя войнами, только-только исполнилось пять лет. Солдатское одеяло досталось ему.

Каждый день, ложась спать, мальчик укрывался отцовским одеялом, а мама принималась рассказывать ему одну и ту же бесконечную сказку. В сказке говорилось про фею, которая ткала большее одеяло, такое большое, что им могли укрыться все дети, что дрожат от холода на нашей земле. Но всегда получалось так, что какому-нибудь мальчику его не хватало, и он плакал и тщетно просил хоть самый краешек одеяла, чтобы согреться.

И тогда фея распускала старое одеяло и принималась ткать новое, побольше, потому что оно обязательно должно быть целым. Добрая фея работала день и ночь, она ткала и ткала, не зная усталости, и малыш засыпал, так и не услышав, чем кончалась сказка. Он так ни разу и не узнал, удалось ли фее соткать такое одеяло, чтобы его хватило на всех.

Малыша звали Дженнаро, и жил он вместе с семьей неподалеку от Кассино. Зимы там холодные, а эта выдалась еще и голодная. Вдобавок ко всему за-

болела мама. Что делать? И тогда отдали Дженнаро знакомым, которые прежде были их соседями, а теперь стали просто бродягами. У этих людей был старый фургон, и они ездили в нем по всей округе — где милостыню попросят, где поиграют на шарманке, а где продадут ивовые корзинки, которые плели во время своих долгих странствий.

Дженнаро дали клетку с попугаем. Он клювом вытаскивал из ящика билетик с числами, которые вроде бы могли выиграть в лотерее. Дженнаро должен был показывать попугая людям, и те могли за несколько грошей получать от попугая такой билетик.

Дни тянулись долгие и скучные. Случалось, они попадали в села, где люди были такие бедные, что и милостыню подать не могли, и тогда Дженнаро доставался совсем маленький кусочек хлеба и совсем немного пустого супа в миске. Зато ночью, когда мальчик укладывался спать и закутывался в старое отцовское одеяло — оно было самым главным его богатством, — он сразу же сладко засыпал, и ему снился попугай, который рассказывал сказки.

Один из тех бродяг, что приютили Дженнаро, когда-то воевал вместе с его отцом. Он любил мальчика, как родного, рассказывал ему разные истории и между делом учил его читать всякие надписи, что встречались по пути — названия городов и деревень.

— Смотри! Это буква «А». А вот эта буква, похожая на калитку с покосившейся перекладиной, — «И». Эта палка с кривой ручкой — «Р».

Дженнаро все схватывал на лету. Бродяга купил ему тетрадь и карандаш и научил списывать надписи. Дженнаро целые страницы исписывал ими. Писал, например, Анкона или Пезаро. И наконец настал день, когда он сам без всякой помощи смог написать свое собственное имя — букву за буквой, без единой ошибки. Какие же прекрасные сны снились ему в ту ночь, когда он уснул, завернувшись в старое солдатское одеяло своего отца!

И как хороша эта история, хотя она и не закончилась, а так и обрывается на полуслове, словно в конце предложения вместо точки поставлен восклицательный знак.

Колодец в Кашина Пиана

а полпути от Саронно к Леньяно на опушке огромного леса находится совсем маленькая деревушка Кашина Пиана. В ней всего три домика, и живет в них одиннадцать семей. В Кашина Пиана был колодец, только не совсем обычный, даже странный колодец, потому что вóрот, чтобы наматывать веревку или цепь, у него был, а вот ни веревки, ни цепи, чтобы поднимать ведро с водой, не было.

Каждая из одиннадцати семей держала дома рядом с ведром свою собственную веревку. И если кто-нибудь шел за водой, то брал не только ведро, но и веревку. Набрав воды, он отвязывал ее и обязательно уносил домой. Один колодец и одиннадцать веревок. А не верите, так пойдите туда, и вам расскажут про это точно так же, как рассказали мне.

Дело в том, что одиннадцать семей жили недружно, все время ссорились. И вместо того чтобы купить всем вместе хорошую крепкую цепь для колодца, готовы были вообще засыпать его землей.

Но вот началась война, и все мужчины из Кашина Пиана ушли воевать, оставив женам много разных советов, в том числе наказ беречь веревку и следить, чтобы ее не стащили.

А потом страну заняли враги. Мужчины все еще воевали и партизанили. Тяжело было женщинам, но каждая по-прежнему ревниво оберегала свою веревку.

Как-то раз один мальчик пошел в лес за хворостом и вдруг услышал, что в кустах кто-то стонет. Это оказался партизан, раненный в ногу. Мальчик побежал за матерью.

Женщина сначала испугалась, а потом сказала: — Принесем его домой, спрячем. Будем надеяться, что кто-нибудь так же поможет в беде и твоему отцу. Ведь мы даже не знаем, где он сейчас и жив ли еще!

Они спрятали партизана в сарае и послали за врачом, сказав, что заболела бабушка. Но соседки еще утром видели эту старую бабушку — она была здоро-

вехонька, сновала по двору, как курочка! — и догадались, что тут что-то не так.

Не прошло и дня, как вся деревня уже знала о раненом партизане, который прячется в амбаре у Катерины. Один старик струсил.

— Если враги узнают про это, — сказал он, — они всех нас убьют!

Но женщины не испугались. Они только тяжело вздыхали, думая о своих мужьях, о том, что те, может быть, тоже ранены и так же скрываются где-нибудь. На третий день одна женщина взяла кружок свиной колбасы, пришла к Катерине и сказала:

— Бедняге надо поправиться. Дай ему эту колбасу,

А потом заглянула еще одна женщина, принесла бутылку вина. За ней пришла третья — с мешочком муки, затем четвертая — с куском сала. До вечера все женщины деревни побывали в доме Катерины, и каждая что-нибудь приносила для партизана. А уходя, все они утирали глаза платками.

Вскоре партизан поправился, вышел на улицу погреться на солнышке, увидел колодец без веревки и очень удивился: почему так? Женщины покраснели от стыда. Они хотели объяснить, что у каждой семьи своя веревка. А что тут еще скажешь? Можно было, наверное, объяснить, что все они в ссоре, но теперь-то это было уже не так, потому что все они, вместе заботясь о партизане, вместе помогая ему, сами того не замечая, стали друзьями. Разумеется, теперь не было никакой нужды держать одиннадцать веревок.

Женщины собрали деньги, купили цепь и привязали ее к вороту. Партизан достал из колодца ведро воды, и это было похоже на открытие памятника.

В тот же вечер партизан, совсем уже выздоровевший, ушел в горы добивать врага.

Про старого каменщика

ришел я однажды в приют для престарелых, чтобы повидать одного знакомого — старого каменщика. Мы не виделись уже много лет.

— Где же ты был так долго?— спросил он меня.—
Может, путешествовал?

— Путешествовал,— ответил я.— Был в Париже.

— О, Париж! Я тоже там был много лет назад. Мы строили тогда великолепное здание на берегу Сены. Интересно, кто сейчас там живет? А где ты еще был?

— В Америке.

— В Америке? Я тоже там был много лет назад. Даже не вспомнить теперь когда. Я был в Нью-Йорке, в Буэнос-Айресе, в Сан-Паоло, в Монтевидео. Мы строили там высокие здания... А в Австралии ты не был?

— Нет еще.

— А я был. Я был тогда совсем молодым и еще не работал каменщиком. Я только подносил ведра с раствором и просенвал песок. Мы строили дачу одному синьору. Это был хороший синьор. Помню, однажды он спросил меня, как готовят спагетти, и все, что я сказал ему, записал себе в книжечку. А в Берлине ты бывал?

— Нет еще.

— А я там был, когда тебя еще на свете не было! Прекрасные здания мы там строили, хорошие, крепкие дома. Интересно, целы ли они еще? А в Алжире бывал? В Египте? В Каире?

— Как раз этим летом хочу поехать туда.

— Ну, там ты повсюду увидишь прекрасные дома. Я не хочу хвастаться, но мои стены всегда были очень хорошо сложены, и крыши мои никогда не протекали.

— Много же вы построили домов!

— Да, порядком. По всему свету пришлось поехать...

— А себе построили?

— Ну, где там! Сапожник, как известно, всегда без сапог! Видишь, живу в приюте. Вот как бывает на свете!

Да, так еще бывает на свете, но это очень несправедливо.

Планета Правды

та страничка целиком переписана из учебника истории, по которому учатся ребята в школах на планете Мун, и рассказывает она о великом ученом по имени Брун (надо заметить, что там все слова оканчиваются на «ун». Там, например, говорят не «луна», а «лунун», не «суп», а «супун» и так далее). Вот она, эта страничка:

«БРУН, изобретатель, живший две тысячи лет назад, в настоящее время находится в холодильнике, из которого его извлекут через 49 000 веков, чтобы он снова начал жить. Брун был еще младенцем в пеленках, когда изобрел **МАШИНУ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ РАДУГ**, которая работала на воде и мыле. Вместо обыкновенных мыльных пузырей у нее получались радуги любой величины, и даже такие большие, что их можно было протянуть с одного конца неба на другой. Вообще они служили для разных целей, даже для того, чтобы развешивать на них белье. В яслях Брун, играя двумя палочками, придумал **БУРАВ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДЕЛАТЬ ДЫРКИ В ВОДЕ**. Изобретение это получило очень высокую оценку рыболовов, которые употребляли этот инструмент, когда рыба не клевала.

Будучи в первом приготовительном классе, Брун изобрел: **МАШИНУ, ЧТОБЫ ЩЕКотать ГРУШИ, ГОРШОК, ЧТОБЫ ЖАРИТЬ ЛЕД, ВЕСЫ, ЧТОБЫ ВЗВЕШИВАТЬ ОВЛАКА, ТЕЛЕФОН ДЛЯ РАЗГОВОРОВ С КАМНЯМИ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОЛОТОК**, который, забивая гвозди, исполнял прекраснейшие мелодии, ну и многое другое в том же духе.

Было бы слишком долго перечислять здесь все изобретения Бруна. Мы назовем только самое известное, то есть **МАШИНУ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ГОВОРИТЬ НЕПРАВДУ**, которая действовала примерно так же, как автомат «Газированные воды». Опустить туда монетку — и можешь выслушать сразу 14 тысяч неправд. Машина содержала в себе абсолютно все неправды на свете: и те, которые уже были сказаны когда-то, и те, которые в данный момент были в голове у людей, и даже те, которые люди еще только придумают в будущем.

Когда машина выдала людям все возможные неправды, им осталось одно-единственное — всегда говорить только правду. Наверное, именно поэтому планету Мун называют еще ПЛАНЕТОЙ ПРАВДЫ.

Космическое меню

дин мой друг, космонавт, побывал на планете X-213 и привез оттуда на память меню одного местного ресторана. Я вам его перепишу слово в слово.

З а к у с к а

Речная галька в пробочном соусе.
Гренки из промокательной бумаги.
Бефстроганов из угля.

П е р в ы е б л ю д а

Бульон из роз.
Сушеная гвоздика в чернильном соусе.
Запеченные ножки маленького столика.
Лапша из розового мрамора в масле из протертых лампочек.
Свинцовые клецки.

В т о р ы е б л ю д а

Бифштекс из железобетона.
Ромштекс из железа.
Антрекот из чугунной ограды.
Кирпичное жаркое с черепичным салатом.
Нотка «до» из горла индюшки.
Автомобильные покрышки, тушеные с поршнями.
Жареные водопроводные краники (горячие и холодные).
Клавиши пишущей (в стихах и в прозе) машинки.

З а к а з н ы е б л ю д а

Все что угодно.

Чтобы объяснить это последнее довольно общее выражение, я добавлю, что планета X-213, как вы уже догадались, вся целиком съедобная. Там можно спокойно съесть любую вещь, хоть уличный асфальт. «Даже горы?» — спросите вы. И горы тоже. Жители планеты X-213 уже съели целый Альпийский хребет.

Катается, например, мальчик на велосипеде. Захотелось ему поесть. Он слезает с велосипеда и съедает седло или насос. А вообще ребята там больше всего любят колокольчики.

Первый завтрак обычно проходит так: звонит будильник, ты просыпаешься, хватаешь его и в два счета съедаешь.

Учебная конфета

а планете «Би» нет книг. Знания там продают и покупают в бутылках.

История, например, — это розовая водица, похожая цветом на гранатовый сок, география — мятная зеленая водичка, а грамматика — бесцветная жидкость и на вкус напоминает минеральную воду.

Школ на этой планете нет. Каждый учится у себя дома. По утрам все ребята, в зависимости от возраста, должны выпивать стакан историн, съедать несколько столовых ложек арифметики и так далее.

И все равно — вы только подумайте! — ребята капризничают.

— Ну будь умницей! — уговаривает мама. — Разве ты не знаешь, как вкусна зоология?! Она же сладкая, очень сладкая! Спроси у Каролины (Каролина — это домашний электрический робот).

Каролина великодушно соглашается попробовать содержимое бутылки. Она наливает себе немного в стакан, пьет и чмокает от удовольствия.

— Ух как вкусно! — восклицает она и сразу же начинает излагать полученные знания: — Корова — жвачное парнокопытное, питается травой и дает нам шоколадное молоко...

— Вот видишь?! — торжествует мама.

Мальчик повинуется. Он слегка подозревает, что речь идет не о зоологии, а о рыбьем жире, но потом берет себя в руки, закрывает глаза и проглатывает урок одним глотком, под аплодисменты.

Есть там, понятно, и прилежные ученики. Есть старательные и даже жадные до знаний. Они встают по ночам, берут потихоньку бутылку истории и выпивают ее всю до последней капли. Они становятся очень образованными.

Для ребят, которые ходят в детский сад, имеются учебные конфеты — на вкус они напоминают землянику или ананас и содержат несколько простых стихотворений, названия дней недели, а также числа — от одного до десяти.

Мой друг космонавт привез мне на память одну такую конфету. Я дал ее моей дочке, и она сразу же стала читать смешное стихотворение, написанное на языке планеты «Би». В нем говорилось примерно следующее:

Анта анта, перо перо,
Пинта пинта, пим перо!

И я, разумеется, ничего не понял.

Космический цыпленок

наете, кто выскочил из шоколадного яйца в прошлом году под Новый год в доме профессора Тиболла? Всем на удивление — космический цыпленок! Во всем он был похож как две капли воды на земного цыпленка. Только на голове у него была капитанская фуражка с телевизионной антенной на боку.

Профессор Тиболла, синьора Луиза и их дети все сразу сказали: «Ой!» — и после этого еще долго не могли найти никаких других слов.

Цыпленок осмотрелся вокруг и остался недоволен.

— Как вы отстали на вашей планете! — сказал он. — У вас еще только Новый год?! У нас, на Марсе-8, уже среда.

— Этого месяца? — спросил профессор Тиболла.

— Вот еще! Конечно, следующего! Но мы и годами ушли вперед — у нас там на двадцать пять лет больше!

Космический цыпленок прошелся немного по столу, разминая ноги, и проворчал:

— Какая досада! Ах, какая все-таки досада!

— А что случилось? — спросила синьора Луиза.

— Вы сломали мое летающее яйцо, и я не смогу теперь вернуться на родину!

— Но мы купили это яйцо в кондитерской! — объяснила синьора Луиза.

— Вы просто ничего не знаете. Это яйцо вовсе не шоколадное яйцо, а космический корабль, замаскированный под яйцо! И я — его капитан, переодетый цыпленком!

— А экипаж?

— Я и есть весь экипаж! Но теперь меня понижают в звании. Меня сделают по меньшей мере полковником.

— Да, но полковник выше капитана!

— Это у вас, потому что у вас все звания наоборот! У нас самое высокое звание — простой гражданин! Но мы только время теряем... Я не выполню своего задания! Вот в чем беда.

— Очень жаль... Видите ли, мы хотели бы вам помочь, но не знаем, какое у вас было задание...

— Гм, я ведь тоже не знаю. Я должен был ждать в той витрине, откуда вы меня взяли, нашего тайного агента.

— Интересно, — заметил профессор, — тайные агенты на Земле? А если мы пойдем в полицию и расскажем об этом?

— Ну и пожалуйста! Там только посмеются над вами, когда вы станете говорить им про космонавта-цыпленка!

— Это верно. Но может быть, вы хотя бы нас посвятите в ваши тайны?

— Ну... Тайным агентам поручено заблаговременно выяснить, кто из землян отправится через двадцать пять лет на Марс-8.

— Но это же просто смешно! Ведь мы даже не знаем сейчас, где находится такая планета — Марс-8.

— Вы забываете, дорогой профессор, что там у нас времени на двадцать пять лет больше! Поэтому мы-то уже знаем, что капитана-космонавта, который прибудет на Марс-8, будут звать Джино.

— Ух,—сказал старший сын профессора Тиболла,— как меня!

— Чистое совпадение! — заключил цыпленок.— Его будут звать Джино, и будет ему тридцать три года. Следовательно, сейчас на Земле ему ровно восемь лет.

— Постойте,—воскликнул Джино,— мне же как раз восемь лет!

— Ты меня все время перебиваешь! — рассердился капитан космического яйца.— Как я вам уже сказал, мы должны найти этого самого Джино и других членов будущего экипажа, чтобы вести за ними регулярное наблюдение, без их ведома, разумеется, и воспитать их как следует.

— Что-что? — удивился профессор.— А мы, значит, плохо воспитываем наших детей?

— Вовсе нет. Только, во-первых, вы не приучаете их к мысли, что им предстоит жить в эру межзвездных путешествий, во-вторых, не внушаете им, что они являются гражданами не только Земли, но и всей вселенной, в-третьих, не объясняете им, что понятие «враг» нигде за пределами Земли не существует, в четвертых...

— Простите, капитан,— перебила его синьора Лупза,— а как фамилия этого вашего Джино?

— Видите ли, он не наш, а ваш. А зовут его Тиболла. Джино Тиболла.

— Так это же я! — подпрыгнул сын профессора.— Ура!

— Что значит «ура!»? — воскликнула синьора Лупза.— Не думаешь ли ты, что твой отец и я позволим тебе...

Но космический цыпленок уже влетел в объятия Джино.

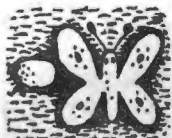
— Ура! Мое задание выполнено! Через двадцать пять лет я смогу вернуться домой!

— А яйцо? — вздохнула сестренка Джино.

— Его мы немедленно съедим!

Конечно, они так и сделали.

Про дедушку, который не умел рассказывать сказки

ила-была однажды маленькая девочка, и звали ее Желтая Шапочка...

— Не Желтая, а Красная!

— Ах да! Красная Шапочка... Мама позвала ее однажды и говорит: «Послушай, Зеленая Шапочка...»

— Да нет же, Красная!

— Да, да, Красная. «Пойди к тетушке Диомире и отнеси ей картофельную шелуху...»

— Нет! Мама сказала: «Сходи к бабушке и отнеси ей пшеничную лепешку!»

— Ну пусть будет так. Девочка пошла в лес и встретила жирафа.

— Опять ты все перепутал! Она встретила волка, а не жирафа!

— И волк спросил у нее: «Сколько будет шестью восемь?»

— Ничего подобного! Волк спросил у нее: «Куда ты идешь?»

— Ты права. А Черная Шапочка ответила...

— Это была Красная, Красная, Красная Шапочка!

— Ну, ладно, ладно. Красная. Она ответила: «Я иду на базар покупать томатный соус».

— Ничего подобного! «Я иду к бабушке, но я заблудилась».

— Правильно. А лошадь ей и говорит...

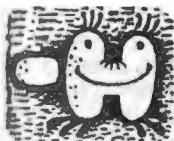
— Какая лошадь? Это был волк!

— Ну, конечно же, волк! Он ей и говорит: «Садись на семьдесят пятый трамвай, доезжай до соборной площади, сверни направо, там увидишь ступеньки вниз, а рядом на земле найдешь монетку в одно сольдо. На ступеньки ты не обращай внимания, а монетку подбери и купи себе мороженого!»

— Дедушка, ты совсем не умеешь рассказывать сказки! А мороженое ты мне все равно купишь!

— Ладно. Вот тебе сольдо.

И дедушка снова стал читать газету.

Приключения Пятерки

а помощь! На помощь! — кричит, убегая, бедняжка Пятерка.

— Что с тобой? Что случилось?

— Разве не видите? За мной гонится Вычитание! Беда, если догонит!

— Скажешь тоже, беда!..

Но беда случилась. Вычитание настигло Пятерку и стало кромсать ее своей острейшей шпагой — знаком «минус». Ну и досталось же нашей Пятерке... Но тут, по счастью, мимо проезжала длинная заграничная машина — вот такая длинная! Вычитание отвернулось на секунду, чтобы посмотреть, нельзя ли ее укоротить немного, и Пятерка мигом скрылась в подъезде. Только это была уже не Пятерка, а Четверка, и вдобавок с разбитым носом.

— Бедняжка, что с тобой? Ты подралась с кем-нибудь?

Боже правый! Спасайся кто может! Какой медовый голосок! Конечно, это Деление собственной персоной. Несчастливая Четверка еле слышно прошептала: «Добрый вечер!» — и попыталась шмыгнуть в сторону, но Деление оказалось гораздо ловчее и одним взмахом ножниц — вжик! — разделило Четверку пополам: Двойка и Двойка. Одну Двойку оно спрятало в карман, а другая, улучив момент, выбежала на улицу и вскочила в трамвай.

— Еще минуточку назад я была Пятеркой! — плакала Двойка. — А теперь, смотрите, во что я превратилась! Вагоновожатый проворчал в ответ:

— Некоторые люди сами должны понимать, что им лучше ходить пешком, а не ездить в трамвае.

— Но это же не моя вина! Я тут ни при чем! Я же не виновата! — краснея, воскликнула Двойка.

— Да, конечно, дядя виноват! Так все говорят.

Двойка вышла на первой же остановке, пунцовая, как обивка на кресле. И тут... ей опять не повезло: она отдала кому-то ногу.

— Ах, простите, пожалуйста, синьор!

Но синьора, оказывается, несколько не рассердилась, напротив, она даже улыбнулась. Смотри-ка, да

ведь это синьора Умножение! У нее очень доброе сердце, и она очень жалеет людей, когда те попадают в беду,— она тут же умножила Двойку на три, и вот уже перед нами великолепная цифра — Шестерка. Почему великолепная? Да это же Пять с плюсом! Ни один учитель никогда не напишет шесть, а припишет к Пятерке плюсик.

— Ура! Теперь я Пять с плюсом! И меня обязательно переведут в следующий класс.

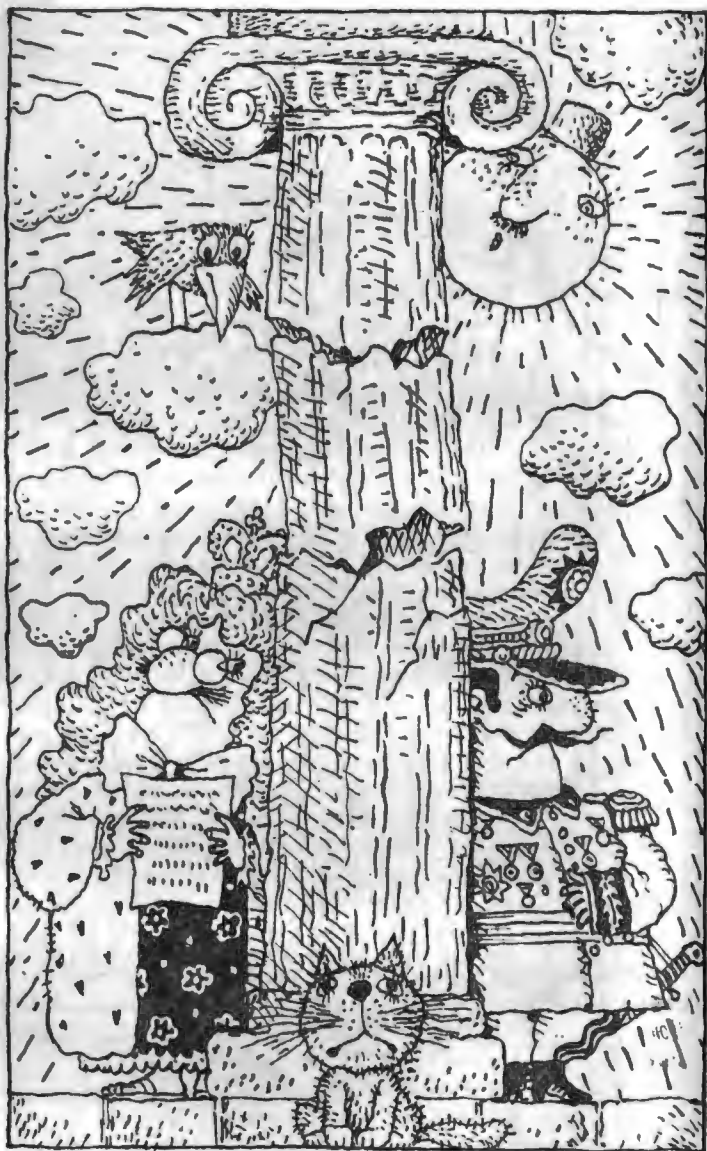
Всеобщая история¹

Сначала в жизни нашей было все не так, как надо. Много сил вложили люди, чтобы сделать Землю садом. Не было нигде тропинок, чтоб подняться в горы. Без мостов речушки были недоступны, словно море. Не было нигде скамеек, чтоб присесть усталым. Не найти нигде кроватей ни большим, ни малым. Ноги вечно исцарапаны острыми камнями, потому что ни ботинок не было, ни няни. И совсем не просто было тем, кто видел плохо: не найти очков, и все,— сколько хочешь охай. Хочешь в мячик поиграть — нет мячей в помине. Хочешь есть — нет ни огня, ни горшков из глины. Если, скажем, хочешь пить — кофе нет, нет кваса. Нет ни пищи, ни питья. Вовсе нет — и баста! Были только у людей руки — только руки. И трудился предок наш, и не знал он скуки. Много сделал для людей человек, бесспорно; еще больше надо сделать — знай трудись упорно!

¹ Здесь и далее стихи в переводе Л. Тарасова.

Сила правды

Дорогие ребята! Я очень рад передать вам привет и предложить вашему вниманию моего Джельсомино и его приключения в Стране Лгунов. Когда я писал эту книгу, я, конечно, помнил о ее будущих читателях и думал не только об итальянских ребятах, но и о ребятах всех стран, в том числе и о вас.

Сколько раз я останавливался и спрашивал себя: «Понравится ли эта страница советским детям? Будет ли для них смешным вот это или вот это место?..» Но я почти уверен, что Джельсомино придется вам по душе. Сейчас я не скажу вам, как кончится вся эта история. Не стану говорить и о друзьях Джельсомино — о нарисованном котенке Цоппино, о художнике Банани-то, о девочке Ромолетте, тетушке Панноккье, о Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту, о врагах Джельсомино — о них вы узнаете из самой сказки. Я лучше расскажу вам, как пришла мне мысль написать эту сказку и почему я ее написал.

Мне кажется, что самые опасные враги человечества — это лжецы. На свете есть сотни тысяч лжецов. Лжец — это журналист, который пишет «свобода» и думает при этом о свободе, с которой капиталисты эксплуатируют рабочих, а империалисты выжимают соки из колониальных народов. Лжец — это тот, кто говорит «мир», а на деле стоит за войну. Лжец — это тот, кто болтает о «достоинстве человека», а на деле ратует за смирение и покорность, учит молчать перед лицом несправедливости, закрывать глаза перед нище-

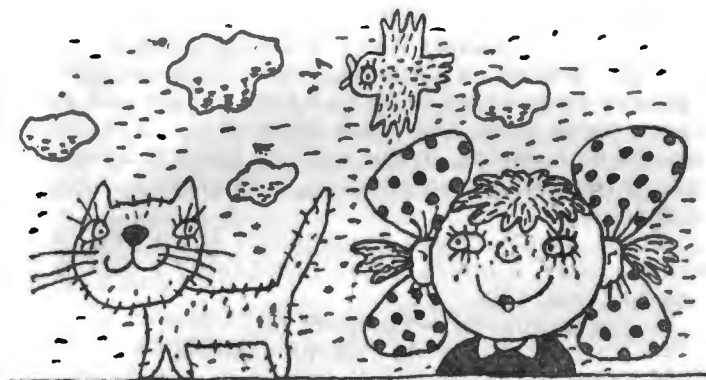
той. Не желая кого-нибудь обидеть, я полагаю, что лжецы водятся в любой части света. В каждой стране есть или были свои лжецы, и очень хорошо, если та или иная страна сумела одолеть ложь.

Я очень верю в силу правды. «Правда революционна», — сказал Антонио Грамши, основатель Итальянской компартии. Правда похожа на голос певца — тот голос, от которого дрожат оконные стекла. Певец может простудиться, охрипнуть... Кажется, что он потерял голос, но едва он выздоровеет и выйдет на сцену, как все увидят, что это не так.

Мне захотелось написать сказку о правде. Я написал ее безо всяких усилий — сказка эта сама пришла мне в голову и так стремительно потянула меня за собой, что я еле успевал записывать.

Не говорите, что сказки лгут. С помощью сказок тоже можно говорить правду. Ведь Пушкин прекрасно знал, что на свете не бывает золотых рыбок, умеющих к тому же разговаривать человеческим языком. А сколько правды в этой его сказке! Следует сказать, что Пушкин был гигантом, по сравнению с которым все мы выглядим цыплятами. Его голос гремел словно гром, а мой едва слышен в моем курятнике. Но ведь каждый цыпленок может в меру своих сил говорить правду! Я глубоко верю в сказки, которые говорят правду, верю, что такие сказки помогают сокрушать ложь. И, конечно же, я верю в хорошие сказки. Я мечтаю написать по-настоящему хорошую сказку, хорошую от первого слова до последнего, и обязательно правдивую. Я мечтаю об этом так же пылко, как инженер мечтает построить хорошую электростанцию, как столяр мечтает сделать хороший стол, который простоит на своих ножках двести лет и не покосится.

Ваш Джанни Родари

Глава первая,

*в которой Джельсомино забивает гол,
а потом начинается самое интересное*

ту историю Джельсомино рассказал мне сам. И я чуть было не оглох, пока дослушал ее до конца, хотя и набил себе в уши с полкило ваты. Дело в том, что у Джельсомино невероятно оглушительный голос. Даже когда он говорит шепотом, его слышат пассажиры реактивных самолетов, летящих на высоте десять тысяч метров над уровнем моря и над его головой.

Теперь Джельсомино уже знаменитый певец. Его знают повсюду — от Северного полюса до Южного! Он придумал себе громкое и пышное имя, но его даже не стоит упоминать здесь, потому что вы, конечно, сто раз встречали его в газетах. А в детстве его звали Джельсомино. Пусть же под этим именем он и действует в нашей истории.

Так вот, жил да был однажды самый обыкновенный мальчик, быть может, ростом даже поменьше других ребят. Но едва он появился на свет, как всем стало ясно, что природа наделила его совершенно необыкновенным голосом.

Джельсомино родился в глухую ночную пору, и люди в селении тотчас повскакали с постелей, вообразив, что слышат заводские гудки, зовущие на работу. Но это был всего-навсего крик Джельсомино, который пробовал голос, как это делают все только что

появившиеся на свет дети. К счастью, Джельсомино быстро научился спать с вечера до утра, как и подобает всем порядочным людям, кроме газетных репортеров и ночных сторожей. Его первый крик раздавался ровно в семь часов утра, как раз в ту минуту, когда людям надо было вставать, чтобы идти на работу. Заводские гудки стали теперь ненужными, и их скоро выбросили на свалку.

Когда Джельсомино исполнилось шесть лет, он пошел в школу. Учитель начал переключку и вскоре дошел до буквы «Д».

— Джельсомино! — произнес он.

— Здесь! — радостно ответил новичок.

И вдруг раздался грохот — классная доска разлетелась на куски и превратилась в грудку обломков.

— Кто разбил доску? — строго спросил учитель и взялся за указку.

Все молчали.

— Что ж, повторим переключку, — сказал учитель.

Он снова начал с буквы «А».

— Это ты бросил камень? — спрашивал он каждого ученика.

— Не я... Не я... — испуганно отвечали мальчики.

Когда учитель снова дошел до буквы «Д», Джельсомино встал и тоже вполне искренне сказал:

— Не я, синьор...

Но он не успел сказать «учитель» — оконные стекла последовали примеру доски. На этот раз учитель внимательно следил за классом и мог поручиться, что ни у кого из его сорока учеников не было в руках рогатки.

«Наверное, это напроказил кто-нибудь на улице, — решил он, — какой-нибудь сорванец, который, вместо того чтобы сидеть в классе, шатается с рогаткой и разоряет птичьи гнезда. Вот доберусь до него, возьму за ухо и отведу в полицию».

В то утро все на этом и кончилось. Но на следующий день учитель снова стал делать переключку и снова дошел до имени Джельсомино.

— Здесь! — ответил наш герой и гордо осмотрелся, в восторге оттого, что он снова в школе.

«Трах-тарарах-цвяк-цвяк-цвяк!» — сразу же ответило ему окно. Стекла, которые служитель вставил всего полчаса назад, посыпались во двор.

— Странное дело,— заметил учитель,— стоит подойти до твоего имени, как начинаются несчастья. А, все понятно, мой мальчик! У тебя слишком громкий голос! Когда ты кричишь, получается что-то вроде урагана. Так что, если ты не хочешь разорить школу и наше село, тебе придется отныне разговаривать только шепотом. Договорились?

Джельсомино, покраснев от стыда и смущения, попробовал возразить:

— Но, синьор учитель, это же не я!

«Трах-бах-тарарах!» — отозвалась новая классная доска, которую слугитель только что принес из магазина.

— А вот тебе и доказательство! — заключил учитель. Но, увидев, что по щекам Джельсомино текут крупные слезы, он подошел к мальчику и ласково погладил его по голове: — Послушай меня хорошенько, сынок. Твой голос может принести тебе либо множество бед, либо великое счастье. А пока старайся как можно реже пользоваться им. За хорошее молчание еще никого не бранили. Всем известно, что слово — серебро, а молчание — золото.

С этого дня для Джельсомино начались адские мучения. В школе, чтобы не натворить новых бед, он сидел, зажав рот платком. Но все равно его голос так гремел, что остальным школьникам приходилось затыкать себе уши пальцами. Учитель старался вызывать его как можно реже. Но учился Джельсомино отменно, и учитель был уверен, что все уроки он знает назубок.

Ну а дома, когда Джельсомино, рассказывая о своих школьных подвигах, вдребезги разбил дюжину стаканов, ему тоже строго-настрого запретили открывать рот.

Чтобы отвести душу, Джельсомино уходил куда-нибудь подальше от селения — в лес, в поле или на берег озера. Убедившись, что он один и поблизости нет застекленных окон, Джельсомино ложился ничком на землю и начинал петь. Через несколько минут земля словно оживала: кроты, муравьи, гусеницы — в общем, все живущие под землей звери и насекомые разбегались кто куда, думая, что началось землетрясение.

Только один-единственный раз Джельсомино позабыл про осторожность. Дело было в воскресенье, и на стадионе шла решающая футбольная встреча.

Джельсомино не был заядлым болельщиком, но игра мало-помалу захватила и его. И вот настал момент, когда местная команда, подгоняемая неистовыми криками своих болельщиков, бросилась в атаку. (Сам-то я не очень понимаю, что это такое — броситься в атаку, потому что плохо разбираюсь в футболе. Я пересказываю все это со слов Джельсомино. Но если вы читаете спортивные газеты, то уж, конечно, поймете, в чем тут дело.)

— Давай! Давай! — орали болельщики.

— Давай! — крикнул во весь голос и Джельсомино.

Как раз в эту минуту правый крайний послал мяч центральному нападающему. Но мяч, поднявшись на глазах у всех в воздух, вдруг на полдороге свернул в сторону и, гонимый какой-то неведомой силой, влетел прямо в ворота противника.

— Гол! — взорвались зрители.

— Вот это удар! — воскликнул кто-то. — Видели, как тонко он был рассчитан? До одного миллиметра! У этого парня золотые ноги!

Но Джельсомино, придя в себя, понял, что допустил оплошность.

«Так и есть, — подумал он, — я забил этот гол своим голосом. Нужно будет взять себя в руки, а то спорту придет конец. И пожалуй, надо, чтоб было справедливо, — забью-ка я гол и в другие ворота. Тогда все встанет на свои места!».

Во втором тайме и в самом деле представился подходящий случай. Когда команда противника перешла в нападение, Джельсомино снова закричал: «Давай!» — и загнал мяч в ворота своей команды. Можете себе представить, как обливалось кровью его сердце! Даже через много лет, рассказывая мне об этом случае, Джельсомино сказал:

— Я бы дал отрубить себе палец, лишь бы не забивать этого гола! Но не забить его я не мог. Иначе было бы несправедливо.

— А ведь на твоём месте кто угодно подыграл бы своей любимой команде, — заметил я.

Кто угодно, но только не Джельсомино! Он был честен и правдив, как прозрачная родниковая вода. Та-

ким он и рос, и скоро из мальчика стал юношей. Правда, роста он был скорее низкого, чем высокого, а сложения скорее щуплого, чем крепкого. Так что имя его — Джельсомино, что означает «маленький жасмин», — очень подходило ему. Будь у него имя потяжелее, он, пожалуй, нажил бы себе горб, нося его.

Когда Джельсомино подростом, он оставил школу и стал заниматься крестьянским трудом. Наверное, он так бы и прожил всю жизнь, и мне не пришлось бы рассказывать о нем, не попади он в одну неприятную историю, о которой вы сейчас и узнаете.

Глава вторая,

*прочитав которую вы поймете,
что если от вашего голоса падают груши,
то лучше скрывать это от соседей*

днажды утром Джельсомино вышел в сад и увидел, что груши уже спели. Ведь груши — они такие: никому ни гугу, а сами зреют да спеют. И в одно прекрасное утро вы обнаруживаете вдруг, что они совсем уже спели и пора их снимать.

«Жаль, что я не захватил лестницу, — подумал Джельсомино. — Придется пойти за нею домой. А заодно уж захвачу и жердь, чтобы сбивать груши с самых высоких веток».

Но в эту самую минуту ему пришла озорная мысль. «А если попробовать голосом?» — подумал он.

Он встал под грушевым деревом и не то в шутку, не то всерьез крикнул:

— А ну-ка, груши, падайте вниз!

«Пата-пум, пата-пум!» — ответили ему груши и дождем посыпались на землю.

Джельсомино подошел к другому дереву и проделал то же самое. И каждый раз, когда он кричал «Падайте!», груши, словно только того и ждали, срывались с веток и шлепались на землю. Джельсомино очень обрадовался.

«Я не затратил на это никакого труда, — подумал он. — Жаль, раньше не догадался, что голос может заменить и жердь, и лестницу!»

Пока Джельсомино собирал свои груши, его заметил крестьянин, работавший на соседнем огороде. Он

протер глаза, ущипнул себя за нос, взглянул еще раз и, когда окончательно убедился, что не спит, сразу же со всех ног побежал за своей женой.

— Иди-ка посмотри,— сказал он, дрожа от страха.— Я думаю, наш сосед — злой колдун!

Жена взглянула на Джельсомино, упала на колени и воскликнула:

— Да что ты! Это же добрый волшебник!

— А я говорю тебе, что колдун!

— А я тебе говорю, что добрый волшебник!

До этого дня муж и жена жили довольно мирно. Теперь же один схватился за лопату, другая — за мотыгу, и оба приготовились защищать свое мнение с оружием в руках. Но тут крестьянин предложил

— Давай позовем соседей. Пусть они тоже посмотрят, и послушаем, что они скажут!

Эта мысль понравилась женщине: ведь, созвав соседей, можно и поболтать с кумушками. Она бросила мотыгу.

Еще до наступления вечера все селение знало о случившемся. Мнения разделились: одни утверждали, что Джельсомино добрый волшебник, другие — что он злой колдун. Споры разгорались и росли, словно волны на море, когда поднимается сильный ветер. Вспыхнули ссоры, и кое-кто даже пострадал. К счастью, легко. Так, например, один крестьянин обжегся трубкой, потому что, увлекшись спором, сунул ее в рот не тем концом. Полицейские не могли решить, кто прав, кто виноват, и поэтому никого не арестовывали, а только переходили от одной группы к другой и просили всех разойтись.

Самые упрямые спорщики направились к саду Джельсомино. Одни хотели прихватить что-нибудь на память, потому что считали эту землю волшебной, а другие шли, чтобы стереть домик Джельсомино с лица земли, потому что считали его заколдованным. Джельсомино, увидев толпу, решил, что вспыхнул пожар, и схватил ведро, чтобы помочь заливать огонь. Но люди остановились у его сада, и Джельсомино услышал, что речь идет о нем.

— Вот он, вот он! Добрый волшебник!

— Какой там волшебник! Это злой колдун. Видите, у него в руках заколдованное ведро!

— Давайте отойдем подальше! Еще плеснет на нас этой штукой — пропадем ни за грош!

— Какой штукой?

— Вы что, ослепли? В этом ведре смола! Прямо-хонько из ада! Попадет на тело хоть капля — насквозь прожжет. И ни один врач потом не залечит!

— Да нет же, он святой, святой!

— Мы видели, Джельсомино, как ты приказывал грушам поспевать, и они поспевали, приказывал падать, и они падали...

— Вы с ума сошли, что ли? — воскликнул Джельсомино. — Это же все из-за моего голоса! Когда я кричу, воздух беснуется, как в бурю...

— Да, да, мы знаем! — закричала какая-то женщина. — Ты творишь чудеса своим голосом.

— Это не чудеса! Это колдовство!

Джельсомино в сердцах швырнул на землю ведро, скрылся в доме и заперся на крюк.

«Ну вот и кончилась спокойная жизнь, — подумал он. — Теперь нельзя будет и шагу ступить, так и будут ходить за мной следом. По вечерам только и разговоров будет что обо мне. Моим именем начнут пугать непослушных ребятишек. Нет, лучше, пожалуй, уйти куда-нибудь отсюда. Да и что мне делать в этом селении? Мать с отцом умерли, друзья погибли на войне. Пойду-ка я по свету да попробую добыть счастье своим голосом. Говорят, есть люди, которым даже платят за их пение. Это очень странно — получать деньги за то, что доставляет такое удовольствие. Но все же за пение платят. Кто знает, быть может, и мне удастся стать певцом?»

Приняв такое решение, он сложил свои скудные пожитки в заплечный мешок и вышел на улицу. Толпа зашумела и расступилась перед ним. Джельсомино не взглянул ни на кого. Он смотрел прямо перед собой и молчал. Но, отойдя подальше, обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на свой дом.

Толпа все еще не расходилась. Люди указывали на него пальцами, словно он был привидением.

«Подшучу-ка я над ними на прощанье», — подумал Джельсомино и, вздохнув поглубже, заорал что было мочи:

— До свиданья!

В ту же минуту порывом ветра у мужчин сорвало

шапки, а старушки бросились вдогонку за своими париками, прикрывая руками голые, как яичко, головы.

— Прощайте-е, прощайте-е-е! — повторил Джельсомино, от души смеясь над первой в своей жизни озорной проделкой.

Шапки и парики взвились, словно стайка передетных птиц, к облакам и вскоре скрылись из виду. Потом стало известно, что они улетели за много километров, а некоторые из них даже за границу.

Через несколько дней Джельсомино тоже пересек границу и попал в самую необыкновенную страну, какая только может быть на свете.

Глава третья,

*в которой вы узнаете,
откуда взялся Цоппино*

Первое, что увидел Джельсомино, подрав в эту незнакомую страну, была блестящая серебряная монета. Она лежала на мостовой, недалеко от тротуара, на самом виду.

«Странно, что никто не подобрал ее, — подумал Джельсомино. — Я-то уж, конечно, не пройду мимо. Мои деньги кончились еще вчера, а сегодня у меня во рту не было еще и маковой росинки».

Он подошел к кучке людей, которые наблюдали за ним и о чем-то шептались, и показал им монету.

— Не вы ли, синьоры, потеряли эту монетку? — спросил он шепотом, чтобы никого не напугать своим голосом.

— Проваливай, — отвечали ему, — да спрячь ее подалее, если не хочешь нажить неприятностей!

— Извините, пожалуйста, — смущенно пробормотал Джельсомино и, не задавая лишних вопросов, направился к магазину с многообещающей вывеской «Съестные припасы».

В витрине вместо колбас и банок с вареньем громоздились горы тетрадей, коробки акварельных красок и пузырьки с чернилами.

«Должно быть, это универмаг и здесь можно купить что хочешь», — решил Джельсомино и, полный надежд, вошел в магазин.

— Добрый вечер! — любезно приветствовал его хозяин.

«По правде говоря, — мелькнуло в голове Джельсомино, — я не слышал, чтобы пробило хотя бы полдень. Ну да ладно, не стоит обращать внимания на такие пустяки».

И, говоря своим обычным шепотом, от которого люди все-таки едва не глохли, он осведомился:

— Не могу ли я купить у вас хлеба?

— Разумеется, дорогой синьор. Вам сколько — один пузырек или два? Красного или фиолетового?

— Нет, нет, только не фиолетового! — испугался Джельсомино. — И потом, вы в самом деле продаете его бутылками?

Хозяин магазина расхохотался:

— А как же его еще продавать? Может быть, у вас его ломтями режут? Да вы только взгляните, какой прекрасный хлеб в моем магазине.

И, говоря это, он показал на полки, где ровными шеренгами выстроились сотни пузырьков с чернилами самых разных цветов. А съедобного там не было и в помине — ни крошки сыра, ни даже яблочной кожуры.

«Может быть, он сошел с ума? — подумал Джельсомино. — Если так, то лучше не перечить ему».

— Это верно, у вас великолепный хлеб, — согласился он, показывая на пузырек с красными чернилами. Уж очень ему хотелось услышать, что скажет хозяин.

— В самом деле? — просиял тот. — Это самый лучший зеленый хлеб, какой когда-либо поступал в продажу.

— Зеленый?

— Ну конечно. Простите, может быть, вы плохо видите?

Джельсомино готов был поклясться, что перед ним пузырек с красными чернилами. Он уже придумывал подходящий предлог, чтобы убратъся отсюда подброду и поискать другого продавца, который еще не успел спятить с ума, как вдруг его осенила хорошая мысль.

— Послушайте, — сказал он, — за хлебом я зайду попозже. А сейчас скажите мне, если вас не затруднит, где тут можно купить хороших чернил?

— О, пожалуйста! — ответил хозяин все с той же любезной улыбкой. — Вон там, перейдя через дорогу, вы найдете самый лучший в нашем городе канцелярский магазин.

В витринах этого магазина были выставлены аппетитные караваи хлеба, пирожные, макароны, лежали горы сыров и образовались целые заросли колбас и сосисок.

«Я так и думал, — решил Джельсомино, — тот продавец не в своем уме, оттого он и называет чернила хлебом, а хлеб чернилами. Этот магазин мне нравится гораздо больше».

Он вошел в магазин и попросил взвесить ему полкило хлеба.

— Хлеба? — удивился продавец. — Вы, наверное, ошиблись. Хлебом торгуют в магазине напротив, а мы продаем только канцелярские товары. — И широким жестом он указал на съестные припасы.

«Теперь я понял, — сообразил Джельсомино, — в этой стране все называется наоборот! И если назовешь хлеб хлебом, тебя никто не поймет».

— Свешайте мне, пожалуйста, полкило чернил, — сказал он продавцу.

Тот отвесил полкило хлеба, завернул покупку по всем правилам в бумагу и протянул Джельсомино.

— И немножко вот этого, — добавил Джельсомино и показал на круг швейцарского сыра, не решаясь назвать его.

— Синьору угодно немного ластика? — подхватил продавец. — Сию минуту!

Он отрезал добрый кусок сыра, взвесил его и завернул в бумагу.

Джельсомино облегченно вздохнул и бросил на прилавок серебряную монету.

Продавец взглянул на нее, взял в руки и стал внимательно рассматривать, затем раза два бросил на прилавок, послушал, как она звенит, посмотрел на нее через увеличительное стекло и даже попробовал на зуб. Наконец он вернул ее Джельсомино и ледяным тоном произнес:

— Мне очень жаль, молодой человек, но ваша монета настоящая.

— Вот и хорошо! — обрадовался Джельсомино.

— Как бы не так! Повторяю вам: ваша монета настоящая и я не могу ее принять. Давайте сюда ваши покупки и идите своей дорогой. Ваше счастье, что мне день идти на улицу и звать полицию. Разве вы не знаете, что полагается за хранение нефальшивых монет? Тюрьма.

— Да ведь я...

— Не кричите, я не глухой! Идите же, идите... Принесите мне фальшивую монету, и покупки — ваши. Видите, я даже не разворачиваю пакеты. Только отложу их в сторону, хорошо? Добрый вечер...

Чтобы не закричать, Джельсомино засунул в рот кулак. И пока он шел от прилавка к двери, между ним и его голосом происходил такой разговор:

Г о л о с. Хочешь, я крикну «А-а!» и вдребезги разнесу его витрину?

Д ж е л ь с о м и н о. Пожалуйста, не делай глупостей. Ведь я только что попал в эту страну, у меня и так здесь ничего не ладится.

Г о л о с. Но мне нужно отвести душу, иначе быть беде! Ты же мой хозяин, так придумай что-нибудь!

Д ж е л ь с о м и н о. Потерпи, пока мы не выйдем из этой ужасной лавки. Не хочется разрушать ее...

Г о л о с. Быстрее, я больше не могу! Вот... вот... сейчас заору... Еще минута, и все пропало...

Тут Джельсомино пустился бегом, свернул в тихую улочку, чуть пошире переулка, и быстро огляделся. Вокруг не было ни души. Тогда он вынул кулак изо рта и, чтобы утихомирить бушевавшие в нем чувства, тихо, совсем негромко произнес: «А-а!» В ту же минуту ближайший уличный фонарь развалился на куски, а сверху, с какого-то подоконника, свалился на мостовую цветочный горшок.

Джельсомино вздохнул:

— Когда у меня будут деньги, я пошлю их по почте городскому управлению, чтобы возместить стоимость фонаря, и подарю владельцу цветочного горшка новый, еще лучше... Может быть, я разбил еще что-нибудь?

— Нет, больше ничего,— ответил ему тоненький-тоненький голосок, и кто-то два раза кашлянул.

Джельсомино осмотрелся в поисках обладателя этого голоса и увидел котенка, вернее, какое-то существо, которое издали можно было принять за котенка.

Подойдя поближе, Джельсомино понял, что не ошибся. Это и в самом деле был котенок, только почему-то ярко-красного цвета и всего на трех лапках. Но самое удивительное — он был плоский. Не толстый и пушистый, как нормальные котята, а совершенно плоский — всего лишь контур котенка, вроде тех, что ребята рисуют на стенах.

— Как? Говорящий котенок? — удивился Джельсомино.

— А что тут такого? Я ведь не совсем обыкновенный котенок. Я еще читать и писать умею! И это понятно: ведь мой папа — школьный мел!

— Кто-кто?

— Меня нарисовала на этой стене одна девочка, которая взяла в школе кусочек красного мела. Но она успела нарисовать только три лапки, а потом из-за угла показался полнцейский, и девочке пришлось убежать. Так я и остался хромым. И потому решил сам себя назвать Цоппино, что значит «хромоножка». Кроме того, я немного кашляю, потому что стенка была довольно-таки сырая, а мне пришлось провести на ней всю зиму!

Джельсомино взглянул на стену. На ней остался отпечаток Цоппино, точно рисунок оторвали от стены вместе с тонким слоем штукатурки.

— А как же ты оттуда спрыгнул? — удивился Джельсомино.

— Мне помог твой голос! — ответил Цоппино. — Крикни ты малость погромче, ты бы проломил стену, и тогда пиши пропало. А сейчас я просто счастлив! Какое наслаждение гулять по свету, пусть даже на трех ногах! У тебя, кстати, их только две, и ты ведь не жалуешься, правда?

— Вроде нет, — согласился Джельсомино. — Пожалуй, двух ног мне даже много. Будь у меня одна-единственная, сидел бы я сейчас дома.

— Однако ты не очень-то весел, как я погляжу, — заметил Цоппино. — Что с тобой стряслось?

Но только Джельсомино собрался рассказать о своих злоключениях, как на улице появился настоящий кот, на четырех настоящих лапах. Правда, он был, по-видимому, чем-то чрезвычайно озабочен, потому что даже не взглянул на наших друзей.

— Мяу! — крикнул ему Цоппино. На кошачьем языке это значит «Привет!».

Кот остановился. Он, похоже, удивился и даже возмутился.

— Меня зовут Цоппино, а тебя как? — поинтересовался наш знакомый.

Настоящий кот некоторое время раздумывал, стоит ли отвечать, потом неохотно промямлил:

— Меня зовут Тузик.

— Что он там говорит? — спросил Джельсомино, который, разумеется, не понимал по-кошачьи.

— Он говорит, что его зовут Тузик.

— Но ведь это же собачья кличка!

— Совершенно верно.

— Ничего не понимаю! — признался Джельсомино. — Сначала торговец хотел всучить мне черни-ла вместо хлеба, теперь появляется кот с собачьей кличкой...

— Дорогой мой, этот кот думает, что он собака, — объяснил Цоппино. — Вот послушай.

И, повернувшись к коту, он вежливо продолжил разговор на кошачьем языке:

— Мяу, Тузик!

— Гав, гав! — вне себя от возмущения ответил кот. — Постыдился бы: кот, а мяукаешь!

— Что поделаешь, я не умею врать, хоть я и нарисованный.

— Ты позоришь все наше племя! Глаза бы мои на тебя не глядели!.. К тому же вот и дождь собирается, нужно бежать домой за зонтиком. — И он пошел, то и дело оглядываясь и лая.

— Что он сказал? — спросил Джельсомино.

— Он сказал, что скоро пойдет дождь.

Джельсомино взглянул на небо. Над крышами домов ослепительно сияло солнце, и даже в подозрную трубу на небе нельзя было отыскать ни одного облачка.

— Надеюсь, тут все грозы похожи на эту, — сказал он. — Я вижу, в этой стране все наоборот, и у меня такое ощущение, будто и я сам стал ходить на голове.

— Дорогой Джельсомино, ты просто-напросто попал в Страну Лгунов. По законам этой страны здесь все обязаны лгать. И горе тому, кто говорит правду.

Стоит произнести хоть одно правдивое слово, и на уплату штрафа уже не хватит собственной шкуры. За целую зиму, что я провел на этой стене, я увидел немало интересного.

И Цоппино подробно описал Джельсомино Страну Лгунов.

Глава четвертая,

*в которой вы найдете краткое,
но весьма полное описание
Страны Лгунов*

а будет тебе известно,—начал Цоппино...

Но я немного сокращу рассказ котенка, чтобы не отнимать у вас лишнего времени, и вы узнаете только самое главное.

Итак, задолго до того, как Джельсомино попал в эту страну, там появился хитрый и жестокий пират по прозвищу Джакомоне, что значит Большущий Джакомо. Он был до того огромен и толст, что носил свое тяжелое имя безо всякого труда. Но был он уже немолод и потому стал подумывать о том, как бы поспокойнее провести старость.

«Молодость прошла, и бороздить моря мне уже надоело,—решил он.—Брошу-ка я свое старое ремесло да поселюсь на каком-нибудь островке. И уж, конечно, не один, а вместе со своими пиратами. Я произведу их в мажордомы, сделаю лакеями, конюхами и управляющими, и они не будут в обиде на своего атамана».

Сказано — сделано. И пират стал подыскивать подходящий остров. Но все они были слишком малы для него. А если остров устраивал самого Джакомоне, то не нравился кому-нибудь из его шайки. Одному пирату непременно нужна была быстрая река, чтобы ловить в ней форель, другой хотел, чтобы на острове был кинотеатр, третий не мог обойтись без банка, где можно было бы получать проценты с пиратских сбережений.

— А почему бы нам не поискать что-нибудь получше острова? — сказали пираты.

Дело кончилось тем, что они захватили целую страну с большим городом, в котором были и банки, и кинотеатры, и целый десяток речушек, где можно было удить форель и кататься по воскресеньям на лодке. И в этом нет ничего удивительного — то и дело случается, что какая-нибудь пиратская банда захватывает ту или иную маленькую страну.

Завладев государством, Джакомоне решил назвать себя королем Джакомоне Первым, а своим приближенным он присвоил титулы адмиралов, камергеров и начальников пожарных команд.

Разумеется, Джакомоне тут же издал приказ, которым повелевал именовать себя «ваше величество», а каждому, кто ослушается, отрезать язык. И чтобы никому не приходило в голову говорить о нем правду, он приказал своим министрам составить новый словарь.

— Нужно поменять местами все слова! — пояснил он. — Например, слово «пират» будет означать «честный человек». Если кто-нибудь назовет меня пиратом, он попросту скажет на новом языке, что я честный малый!

— Клянемся всеми китами, на глазах у которых мы шли на абордаж, шикарная мысль! — с восхищением воскликнули пираты-министры. — Прямо хоть вставляй ее в рамку и вешай на стену!

— Значит, понятно? — продолжал Джакомоне. — Тогда пойдем дальше. Измените названия всех предметов, имена людей и животных. Для начала пусть люди вместо доброго утра желают друг другу спокойной ночи. Таким образом, мои верные подданные будут каждый свой день начинать со лжи. Ну и, само собой разумеется, ложась спать, надо будет пожелать друг другу приятного аппетита...

— Великолепно! — воскликнул один из министров. — Ведь для того, чтобы сказать кому-нибудь: «Как вы прекрасно выглядите!», нужно будет произнести: «До чего же у вас мерзкая рожа!»

Когда отпечатали новый словарь и обнародовали «Закон об обязательной лжи», началась невероятная путаница.

На первых порах люди то и дело ошибались. Они шли, например, за хлебом в булочную, забывая, что там теперь продают тетради и карандаши и что хлеб

нужно покупать в магазине канцелярских товаров. Или же шел человек гулять в городской парк, смотрел на цветы и радовался:

— Какие чудесные розы!

В ту же минуту из-за кустов выскакивал стражник короля Джакомоне, держа наготове наручники:

— Ай-ай-ай! Как это вы додумались назвать морковку розой? Вы нарушили главный закон страны!

— Прошу прощения, — растерянно бормотал несчастный и поспешно принимался расхваливать все остальные цветы.

— Какая восхитительная крапива! — говорил он, указывая на фналки.

— Бросьте заговаривать мне зубы! Прощтрафилась — так посидите немного в тюрьме, там вас научат лгать по всем правилам!

А что началось в школах — это и описать невозможно.

Джакомоне велел поменять местами все цифры в таблице умножения. Чтобы произвести умножение, надо было делить, чтобы окладывать, надо было вычитать. Сами учителя не могли больше решить ни одной задачи, и для всех лодырей наступило сущее раздолье: чем больше они делали ошибок, тем лучше получали отметку.

А сочинения? Можете себе представить, какие получались у ребят сочинения, если все слова перепутались! Вот, например, сочинение на тему «Летний день». Его написал ученик, которого потом наградили фальшивой золотой медалью.

«Вчера шел дождь. Как приятно гулять под проливным дождем, который льет, словно из ведра! Наконец-то люди смогут оставить дома свои плащи и зонтики и гулять без пиджаков! Я не люблю, когда светит солнце, — приходится сидеть дома, иначе промокнуешь, и целую ночь напролет приходится смотреть, как струи дождя заливают черепицы дверей».

Чтобы как следует оценить эту работу, надобно знать, что выражение «черепицы дверей» означало на новом языке «оконные стекла».

Словом, вы уже поняли, о чем идет речь. В Стране Лгунов даже животным пришлось научиться лгать — собаки мяукали, кошки лаяли, лошади мычали, а льва,

что сидел в клетке в зоопарке, заставили пищать, потому что рычать теперь должны были мыши.

Только рыбам да птицам не было никакого дела до законов короля Джакомоне. Ведь рыбы и так всю жизнь молчат, и никто не может заставить их лгать, а птицы летают по воздуху, и королевской страже их не поймать. И птицы продолжали цетть, как ни в чем не бывало, каждая своим голосом. Люди часто с грустью смотрели на них: «Счастливые! Их-то никто не может оштрафовать или посадить в тюрьму...»

Слушая рассказ котенка, Джельсомино совсем пал духом. «Как же я стану жить в этой стране? — размышлял он. — Если я своим громким голосом нечаянно скажу правду, меня услышит сразу вся полиция короля Джакомоне. А голосу не прикажешь, того и гляди у меня не хватит сил сдерживать его...»

— Ну вот, — закончил свой рассказ Цоппино, — теперь ты все знаешь. Давай поговорим о другом: я хочу есть.

— Я тоже... Только я чуть не забыл об этом.

— Голод — это единственное, о чем невозможно забыть. Голод не проходит со временем, наоборот — чем больше проходит времени, тем сильнее голод напоминает о себе. Но сейчас мы что-нибудь придумаем. Только сначала я хочу попрощаться с этой стенкой, которая так долго держала меня в плену.

И своей красной медовой лапкой он написал на самой середине того отпечатка, который оставил на стене:

МЯУ! ДА ВДРАВСТВУЕТ СВОБОДА!

Раздобыть еду оказалось делом нелегким. Все время, пока они бродили по городу, Джельсомино смотрел в землю, надеясь набрести на фальшивую монету. А Цоппино — тот, напротив, смотрел по сторонам, словно выискивая кого-то из знакомых.

— Вот она! — вдруг обрадовался он, указывая на пожилую женщину, которая торопливо шла по панелям, сжимая в руке какой-то сверток.

— Кто это?

— Тетушка Панинокья, покровительница котом. Каждый вечер она приносит кулек объедков для бездомных кошек, которые собираются возле королевского парка.

Тетушка Панноккья — иначе говоря Кукуруза — была очень суровой на вид. Чуть не два метра ростом, длинная, тощая и прямая, как палка, она походила на тех старух, которые обычно метлой гоняют бездомных кошек. Но, по словам Цоппино, дело обстояло как раз наоборот.

Следуя за тетушкой Панноккьей, Джельсомино и его новый друг пришли на небольшую площадь, в глубине которой виднелась каменная ограда парка, утыканная бутылочными осколками. Десяток тощих, облезлых котов встретил старушку нестройным лаем.

— Вот дураки-то, — сказал Цоппино. — Смотри, какую я с ними сейчас сыграю шутку.

И едва тетушка Панноккья, развернув свой сверток, выложила объедки на землю, Цоппино врезался в самую гущу котов и завопил что было мочи: «Мяу!»

Кот, который мяукает, а не лает! Для здешних котов это было как гром среди бела дня. Открыв рот от удивления, они так и замерли на месте, словно статуи. А Цоппино ухватил зубами две тресковые головы и сеledочный хвост, в два прыжка перемахнул через ограду парка и скрылся в кустах.

Джельсомино осмотрелся. Его тоже подмывало перебраться через ограду, и он, пожалуй, так бы и сделал, если б тетушка Панноккья не поглядывала на него с подозрением.

«Чего доброго, еще поднимет тревогу», — подумал Джельсомино и, сделав вид, будто он просто идет своей дорогой, свернул на другую улицу.

Коты тем временем пришли в себя от изумления и теперь с лаем дергали за подол тетушку Панноккью. Она, по правде говоря, была поражена еще больше, чем коты. Потом тетушка вздохнула, раздала котам оставшиеся объедки, бросила последний взгляд на ограду, за которой скрылся Цоппино, и отправилась домой.

А Джельсомино, едва завернул за угол, сразу же нашел долгожданную фальшивую монету. Он купил себе хлеба и сыру, или, как говорили в тех краях, «пүзырек чернил и ломоть ластика».

Быстро спускалась ночь. Джельсомино очень устал, и ему хотелось спать. Увидев поблизости какую-то незапертую дверь, он проскользнул в нее, попал в какой-то сарай и тут же заснул крепким сном на куче угля.

*в которой Цоппино случайно
узнает тайну короля Джакомоне*

ока Джельсомино спит, не подозревая, что, еще не проснувшись, уже станет героем нового приключения, о котором речь впереди, мы с вами отправимся по следам трех красных лапок котенка Цоппино. Тресковые головы и селедочный хвост показались ему восхитительными. Ведь он поел впервые в жизни! Потому что пока он был на стене, ему не приходилось испытывать голод.

«Жаль, что здесь нет Джельсомино! — подумал котенок. — Он спел бы Джакомоне серенаду и перебил бы ему все стекла».

Взглянув наверх, он увидел, что несколько окон во дворце еще освещены.

«Наверное, король Джакомоне ложится спать, — подумал Цоппино. — Не упустить бы это зрелище!»

И он с поистине кошачьей ловкостью вскарабкался по стене на последний этаж дворца и прильнул к окну огромного зала, который находился перед спальней его величества.

Двумя нескончаемыми рядами стояли лакен, слуги, придворные, камергеры, адмиралы, министры и разные другие важные господа. И все они низко кланялись проходящему Джакомоне. А он был огромный, толстый и страшно уродливый. Однако у него были очень красивые оранжево-огненные волосы — длинные, вьющиеся — и фиолетовая ночная рубашка с вышитым на груди королевским именем.

Низко кланяясь королю, придворные почтительно говорили:

— Доброе утро, ваше величество! Приятного аппетита, ваше величество!

Иногда Джакомоне останавливался и сладко зевал. В ту же минуту один из придворных прикрывал ему рот рукой. Зевнув, король двигался дальше и бормотал:

— Сегодня утром мне совсем не хочется спать. Я чувствую себя свеженьким, как огурчик...

Разумеется, все это означало совсем обратное. Привыкнув, что все вокруг него лгут, король и сам стал

врать направо и налево, и сам же первый верил своим словам.

— У вашего величества сегодня невероятно мерзкая жара! — с поклоном заметил один из придворных.

Джакомоне метнул на него яростный взгляд, но вовремя спохватился. Ведь эти слова надо было понимать иначе: «Как вы прекрасно выглядите!» Поэтому он милостиво улыбнулся, еще раз зевнул, жестом приветствовал придворных и, подобрав подол своей фиолетовой ночной рубашки, проследовал в спальню.

Цоппино решил продолжить свои наблюдения и перешел к другому окну.

Как только его величество остался один, он устремился к зеркалу и стал расчесывать золотым гребнем свою великолепную оранжевую шевелюру.

«Ишь как он заботится о своих волосах! — мелькнуло у Цоппино. — Впрочем, не зря, они и в самом деле очень хороши. Только одно мне непонятно — как мог человек с такими волосами стать пиратом. Ему бы следовало стать художником или музыкантом...»

А Джакомоне между тем положил гребешок, осторожно взял свою прическу за пряди у висков и... спокойно снял ее с головы! Даже индеец не смог бы лучше оскальпировать своих непрошенных гостей.

— Парик! — изумился Цоппино.

Да, роскошная оранжевая шевелюра легко снималась и надевалась. И под ней король Джакомоне прятал свою противную розовую, покрытую шишками лысину. Джакомоне с грустью посмотрел на себя в зеркало, потом открыл шкаф и... Цоппино так и замер от удивления. В шкафу хранилась целая коллекция самых разнообразных париков. Тут были парики с белокуроми, голубыми, черными, зелеными волосами, причесанными на самый различный манер. Джакомоне на людях всегда показывался только в оранжевом парике, но перед сном, оставшись один, он любил менять парики, чтобы хоть в этом найти утешение и забыть о своей лысине. Ему нечего было стыдиться, что у него выпали все волосы. Это случается у многих людей, достигших пожилого возраста. Но так уж глуп был король Джакомоне — он приходил в отчаяние при виде своей головы, лишенной растительности.

На глазах Цоппино его величество примерил один за другим с полсотни париков. Он прохаживался перед зеркалом, любясь собой и анфас и в профиль, и с помощью маленького зеркальца разглядывая свой затылок, будто артист перед выходом на сцену. Наконец он облюбывал маленький фиолетовый паричок, под цвет своей ночной рубашки. Напаялив его на свою плешь, он улегся в постель и погасил свет.

Цоппино еще с полчаса провел на подоконнике, заглядывая в окна. Конечно, это неприлично — если уж подслушивать у дверей некрасиво, то заглядывать в окна тоже неприлично. Впрочем, вас это не касается, ведь вы не кошки и не акробаты, чтобы лазать по стенам.

Особенно понравился Цоппино один камергер, который, прежде чем улечься спать, скинул с себя свой придворный костюм, расшвырял по углам кружева, ордена и украшения, а потом надел — угадайте, что? — свою старую пиратскую одежду: штаны до колен, клетчатую куртку и черную повязку на правый глаз. В таком виде старый пират забрался не в постель, а на самый верх балдахины, возвышавшегося над кроватью. Должно быть, он истосковался по бочке наверху грот-мачты пиратского судна, сидя в которой он выискивал добычу. Потом он зажег грошовую трубку и стал жадно вдыхать вонючий дым, от запаха которого Цоппино едва не закашлялся.

«Подумать только,— сказал себе наш наблюдатель,— до чего же сильна правда!.. Даже старый пират любит свою настоящую одежду...»

Цоппино решил, что было бы неразумно ночевать прямо в парке, рискуя угодить в лапы часовых. Поэтому он снова перескочил через ограду и оказался на главной площади города, на той самой, где обычно собирался народ, чтобы послушать речи короля Джакомоне. Цоппино стал поглядывать по сторонам в поисках пристанища, как вдруг почувствовал, что у него зачесалась передняя лапка.

«Странно,— пробормотал он,— значит, у его величества водятся блохи... Или, может, у того старого пирата?..»

Цоппино осмотрел лапку, но не нашел ни одной. Но дело было вовсе не в блохе: лапка-то чесалась не снаружи, а внутри.

«Наверное,— заключил он,— я должен написать что-нибудь на стене. Помню, вчера вечером, когда я благодаря Джельсомино соскочил со стены, моя лапка чесалась точно так же. Оставляю-ка я этому королю лгунов небольшое послание!»

Он осторожно подкрался к королевскому дворцу и посмотрел на стражников. Как и следовало ожидать, стражники в этом королевстве шиворот-навыворот крепко спали и храпели, обнимая швабры вместо ружей. Время от времени начальник охраны обходил посты и проверял, не проснулся ли кто-нибудь из них.

«Вот и хорошо»,— обрадовался Цоппино. И своей красной меловой лапкой он написал на стене королевского дворца, у самых главных ворот:

КОРОЛЬ ДЖАКОМОНЕ НОСИТ ПАРИК!

«Эта надпись здесь как раз на месте!— сказал он себе, полюбовавшись на свою работу.— Пожалуй, стоит написать то же самое и по другую сторону ворот».

Через четверть часа, исписав все стены, он устал, точно школьник, который переписывал заданный ему в наказание за ошибки урок.

— Ну, а теперь можно и соснуть!

На самой середине площади возвышалась мраморная колонна, украшенная статуями, прославляющими подвиги короля Джакомоне. Только все это была чистая неправда. Потому что король Джакомоне никогда никаких подвигов не совершал. Тем не менее тут можно было видеть, как Джакомоне раздает беднякам свои сокровища, как обращает в бегство своих врагов, как изобретает зонтик, чтобы укрыть от дождя своих подданных.

На вершине этой колонны было достаточно места, чтобы котенок, у которого и лап-то всего три, мог провести ночь, не опасаясь, что его застигнут врасплох. Цепляясь за статуи, Цоппино вскарабкался на самый верх, улегся там, обмотал свой хвост вокруг громоотвода, чтобы не свалиться ночью вниз, и заснул раньше, чем успел закрыть глаза.

*в которой вы услышите неудачную речь
и увидите, как Цоппино
попадает в плен*

...ано утром котенка разбудил шум водопада.

«Неужели, пока я спал, началось наводнение?» — в тревоге подумал Цоппино.

Он взглянул вниз и увидел, что вся площадь запружена народом. И без долгих раздумий было ясно, что всех этих людей привела сюда надпись на стене королевского дворца:

КОРОЛЬ ДЖАКОМОНЕ НОСИТ ПАРИКИ

В Стране Лгунов любая, даже самая крохотная правда производила столько же шума, как и взрыв бомбы. На площадь со всех сторон стекался народ, привлеченный шумом и хохотом. Люди думали сначала, что объявлено какое-нибудь празднество.

— Что случилось? Мы победили в какой-нибудь войне?

— Нет! Гораздо важнее!

— У его величества родился наследник?

— Да нет! Еще лучше.

— Неужели отменили налоги?

Наконец, прочтя надпись, сделанную Цоппино, вновь прибывшие тоже начинали смеяться. Выкрики и хохот разбудили короля Джакомоне. В своей фиолетовой ночной рубашке его величество подбежал к окну и потер от радости руки:

— Вот это да! Вы только посмотрите, как меня любит мой народ! Люди собрались на площади, чтобы пожелать мне доброй ночи. Эй, придворные, камергеры, адмиралы! Быстрее, быстрее подайте мантию и скипетр! Я хочу выйти на балкон и произнести речь!

Но придворные не очень-то разделяли его восторги.

— Пусть кто-нибудь сначала выяснит, что там происходит!

— Ваше величество, а что, если там революция?

— Ерунда! Вы что, не видите, как они веселятся?..

— Видать-то вижу. Вот только почему они веселятся?..

— Это яснее ясного. потому что я сейчас произнесу речи! Где мой секретарь?

— Я здесь, ваше величество!

Секретарь короля Джакомоне всегда носил под мышкой толстую черную папку, полную готовых речей. Тут были речи на любую тему: поучительные, трогательные, развлекательные, и все они, от первой до последней, были лживы.

Секретарь раскрыл папку, вытащил толстую пачку листов и прочел:

— «Речь о выращивании макарон».

— Нет, нет, только, пожалуйста, без съестного! Чего доброго, мои подданные еще захотят есть и будут слушать меня без всякой охоты.

— «Речь об изобретении качалок»...— предложил секретарь.

— Эта, пожалуй, сойдет. Всем известно, что качалки изобрел я. Пока я не стал королем, ни одна качалка в государстве не качалась.

— Ваше величество, есть еще «Речь о цвете волос».

— Великолепно! Вот это как раз то, что нужно! — воскликнул Джакомоне и погладил свой парик.

Он схватил бумагу с текстом речи и выбежал на балкон.

При его появлении раздался какой-то шум, который можно было принять и за рукоплескания, и за еле сдерживаемый смех. Подозрительные придворные решили, что это смех, и стали еще подозрительнее. Но сам Джакомоне был уверен, что это аплодисменты. Он поблагодарил подданных ослепительной улыбкой и начал свою речь.

Если б вы прочли ее в том виде, в каком она была произнесена, вы бы не поняли ни слова, потому что все в этой речи было вывернуто наизнанку. Я перевел ее для вас на обыкновенный язык, когда выслушал рассказ Джельсомино.

Король Джакомоне сказал примерно следующее:

— Что такое голова без волос? Это сад без цветов!

— Bravo! — закричали в толпе. — Что верно, то верно! Это правда!

Слово «правда» заставило насторожиться даже самых простодушных придворных. Но Джакомоне как ни в чем не бывало спокойно продолжал:

— Пока я не стал вашим королем, люди в отчаянии рвали на себе волосы. Жители страны лысели один за другим, и парикмахеры оставались без работы.

— Bravo! — крикнул кто-то. — Да здравствуют парики и парикмахеры!

На минуту Джакомоне смутился. Намек на парики вызвал в нем некоторое беспокойство. Но он быстро отогнал подозрения и продолжал:

— А сейчас, граждане, я расскажу вам, почему оранжевые волосы красивее зеленых...

Но тут какой-то запыхавшийся придворный потянул Джакомоне за рукав и шепнул на ухо:

— Ваше величество, произошли ужасные события!

— Ну, говори!

— Пообещайте раньше, что вы не прикажете отрезать мне язык, если я скажу вам правду!

— Обещаю!

— Кто-то написал на стене, что вы носите парик! Над этим люди и смеются!

От удивления король лгунов выпустил из рук свою речь. Листы бумаги поплавали над толпой и наконец угодили в руки мальчишек. Если б королю сообщили, что горит его дворец, он не пришел бы в большую ярость. Он приказал полицейским очистить площадь и немедленно отрезать язык придворному, принесшему роковое известие. Бедняга в спешке попросил, чтобы ему оставили язык, но совсем забыл, что надо было просить не отрезать ему носа. Вспомни придворный об этом, он, самое большое, лишился бы носа, зато язык сохранился бы в целости.

Но на этом Джакомоне не успокоился. По всему королевству было объявлено, что сто тысяч фальшивых талеров получит тот, кто укажет человека, оскорбившего его величество. На площади перед дворцом, возле самой колонны, воздвигли гильотину, чтобы отсечь голову автору дерзких надписей.

— Мама дорогая! — воскликнул Цоппино, сидя на самом верху колонны, и покрутил шейю. — Не знаю, как на языке лгунов сказать «страх», но если для этого употребляют слово «храбрость», то я чувствую себя храбрым как лев...

Из осторожности он целый день просидел в своем или, вернее, на своем убежище. К вечеру, когда уже

можно было не так опасаться каких-либо неприятностей, Цоппино соскользнул с колонны, предварительно осмотревшись по сторонам раз пятьдесят. Когда он коснулся земли, его задние лапы хотели было побежать, но передняя лапа вдруг опять стала невыносимо чесаться.

— Ну вот, опять начинается,— пробормотал Цоппино.— Думаю, что освободиться от этого зуда можно лишь одним способом: надо написать что-нибудь обидное для короля Джакомоне. Видно, если ты родился нарисованным на стене, тебе всю жизнь суждено и самому писать да рисовать. Правда, поблизости нет ни одной стены... А, была не была, напишу вот здесь!

И своей красной меловой лапкой он написал прямо на ноже гильотины:

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ЛЫС,
И ЭТО — ЧИСТАЯ ПРАВДА!

Зуд прошел, но Цоппино с беспокойством заметил, что лапка укоротилась чуть ли не на целый сантиметр.

«У меня и так не хватает одной лапки,— в тревоге подумал он.— Если я истрачу вторую на свои литературные упражнения, как же я буду ходить?»

— Ну пока что тебе помогу я! — раздался за его спиной чей-то голос.

Будь это только голос, Цоппино мог бы задать стрекача. Но у обладателя голоса оказалась еще и пара крепких рук, которые цепко ухватили его. Голос и руки принадлежали пожилой синьоре двухметрового роста, тощей и суровой...

— Тетушка Паннокья!

— Я самая,— прошипела старая синьора.— И тебе придется отправиться со мной. Я покажу тебе, как воровать ужин у моих котов и писать мелом на стенах!

Цоппино безропотно дал завернуть себя в плащ, тем более что в воротах дворца появились двое полицейских.

«Хорошо еще, что тетушка Паннокья пришла раньше,— подумал Цоппино.— Лучше угодить в ее плащ, чем в лапы Джакомоне».

тетушка Панноккья принесла Цоппино домой и пришила его к креслу. Да, да, взяла нитку с иголкой и пришила, точно он был рисунком для вышивания. А прежде чем отрезать нитку, она сделала двойной узел, чтобы не разошелся шов.

— Тетушка Панноккья,— сказал Цоппино, стараясь видеть во всем только веселую сторону,— вы бы хоть взяли голубую нитку, она больше идет к моей расцветке! Эта оранжевая просто ужасна: она напоминает парик короля Джакомоне.

— Не будем говорить о париках,— отвечала тетушка Панноккья,— гораздо важнее, чтобы ты сидел смирно и не улизнул от меня, как вчера вечером. Такие звери, как ты, встречаются не часто, а от тебя я жду многого.

— Я самый обыкновенный котенок,— скромно заметил Цоппино.

— Ты котенок, который мяукает, а в наши дни таких раз-два и обчелся. Все коты стали лаять, как собаки, и, конечно же, у них ничего не выходит, потому что родились они не для этого. Я же люблю кошек, а не собак. У меня семь котов. Они спят на кухне под умывальником. И всякий раз, когда они раскрывают рот, я готова выгнать их на улицу. Я много раз пыталась научить их мяукать, но они совершенно не слушаются меня. Наверное, не верят, что так надо.

Цоппино почувствовал симпатию к этой старой синьоре, которая, несомненно, спасла его от полицейских и которой, видимо, здорово надоели лающие коты.

— Как бы там ни было,— продолжала тетушка Панноккья,— котами мы займемся завтра. На сегодня у нас есть дела поважнее.

Она подошла к небольшому шкафчику и достала из него книгу. Цоппино успел прочесть заголовок. Книга называлась «Трактат о чистоте».

— А теперь,— заявила тетушка Панноккья, удобно устроившись в кресле напротив Цоппино,— я прочитаю тебе эту книгу от первой главы до последней.

— Сколько же в ней страниц, тетушка Панноккья?

— Не так уж много. Всего восемьот двадцать четыре, включая оглавление, чтение которого мы отложим на завтра... Итак, «Глава первая. Почему не следует писать на стенах свое имя. Имя — вещь важная. Именем нужно дорожить, оно дается не для того, чтобы швыряться им направо и налево. Нарисуйте красивую картину, и тогда вы можете поставить под ней свою подпись. Сделайте хорошую статую, и на ее пьедестале ваше имя будет как нельзя более кстати. Придумайте новую машину, и вы с полным правом можете назвать ее своим именем. Только те люди, которые не делают ничего полезного, пишут свое имя на заборах и стенах, потому что больше им некуда его поставить...»

— Я согласен с этим, — заявил Цоппино. — Но ведь я писал на стенах не свое имя, а имя короля Джакомоне.

— Молчи и слушай! «Глава вторая. Почему не нужно писать на стенах имена своих друзей...»

— У меня есть только один друг, — сказал Цоппино, — но теперь я потерял его. Я не хочу слушать эту главу, она слишком грустная...

— Хочешь или не хочешь, а придется слушать, потому что тебе все равно даже не пошевелиться.

Но в эту минуту зазвонил звонок, и тетушка Панноккья встала, чтобы открыть дверь. Вошла девочка лет десяти. О том, что это девочка, можно было догадаться только по ее прическе — пучок волос наподобие конского хвоста, собранный на затылке. А одета она была совсем как мальчишка: на ней были спортивные брюки и клетчатая рубашка.

— Ромолетта! — воскликнул Цоппино вне себя от изумления.

Девочка смотрела на него, словно хотела что-то припомнить.

— Где мы с тобой встречались?

— Как это — где? Ведь я могу назвать тебя чуть ли не своей мамой! Тебе ничего не напоминает моя расцветка?

— Она напоминает мне кусочек мела, который я взяла однажды в школе...

— Взяла? — спросила тетушка Панноккья. — А учительнице ты об этом сказала?

— Не успела,— объяснила Ромолетта.— Как раз в это время прозвенел звонок на большую перемену.

— Превосходно,— сказал Цоппино,— можно сказать, что я сын этого самого школьного мелиа. Поэтому-то я и родился таким образованным котенком: говорю, читаю, пишу, да еще и устный счет знаю. Конечно, нарисуй ты меня со всеми четырьмя лапками, я был бы тебе еще больше благодарен, но я и так очень доволен.

— Я тоже очень рада тебя видеть,— улыбнулась Ромолетта.— У тебя, наверное, есть что рассказать.

— Все довольны, кроме меня,— вмешалась тетюшка Панноккья.— Насколько я понимаю, вам обоим не вредно послушать, что написано в этой книге. Ромолетта, садись сюда.

Девочка подвинула кресло и, скинув туфли, уютно устроилась в нем. Тетюшка Панноккья принялась читать третью главу, в которой объяснялось, почему не следует писать на стенах слова, оскорбительные для прохожих.

Цоппино и Ромолетта слушали ее с большим вниманием. Цоппино — потому что был пришит и ничего другого ему не оставалось, а Ромолетта — потому что явно чего-то ждала, об этом можно было догадаться по ее плутоватому личику.

Дойдя до десятой главы, тетюшка Панноккья стала позевывать. Сначала она зевала раза два на каждой странице, потом зевки стали учащаться: три на страницу, четыре, потом по зевку на каждые две строчки... по зевку на строчку... по зевку на каждое слово... Наконец последний зевок, который был продолжительнее всех прочих, и, когда рот доброй синьоры закрылся, вместе с ним закрылись и ее глаза.

— Вот всегда так,— сказала Ромолетта,— дойдет до половины книги и засыпает.

— Неужели нужно ждать, пока она проснется? — спросил Цоппино.— Она пришла меня до того крепко, что, захоти я зевнуть, я бы не мог открыть рта. А ведь мне нужно разыскать друга, которого я не видел со вчерашнего вечера.

— Положись на меня,— сказала Ромолетта.

Она взяла маленькие ножницы и осторожно разрезала нитки, которыми был пришит котенок. Цоппино

потянулся, прыгнул на пол, походил взад-вперед, разминая затекшие лапы, и наконец с удовольствием вздохнул.

— Скорее,— шепнула Ромолетта,— идем через кухню!

В кухне была крошечная тьма, и только в одном углу, примерно там, где висел умывальник, блестело четырнадцать зеленых огоньков.

— Я чувствую кошачий запах,— сказал Цоппино,— точнее, я чувствую запах семерых котов.

— Это тетины коты.

Со стороны умывальника донеслось веселое фырканье.

— Братец,— сказал какой-то голос,— ты, видно, не только хром, но и слеп! Не видишь, что ли? Ведь мы такие же собаки, как и ты!

— Опять мне попались коты-лгуны! — воскликнул Цоппино, не на шутку рассердившись.— Ваше счастье, что мне некогда, а то бы вы познакомились с моими когтями и живо бы научились мяукать. И тетушка Панноккья мне только спасибо сказала бы.

— Гав! Гав! — хором возмутились все семеро котов.

Цоппино прихрамывая прошелся по кухне и свернулся клубком под самым носом у своих единоплеменников.

— Мяу! — с вызовом произнес он.

Семеро котов были задеты за живое.

— Слышали? — сказал самый маленький котенок.— Он умеет мяукать!

— Да, и для собаки совсем неплохо.

— Мяу! — повторил Цоппино.— Мяу, мяу, мяу!

— Он, наверное, работает звукоподражателем на радио,— предположил самый старый кот.— Не обращайтесь на него внимания. Он просто напрашивается на аплодисменты.

— Мяу! — снова сказал Цоппино.

— По правде говоря,— пробормотал другой кот,— я бы тоже хотел помяукать. Если хотите знать, мне надоело лаять. Каждый раз, когда я лаю, меня охватывает такой страх, что шерсть становится дыбом.

— Глупышка,— сказал Цоппино,— чего же ты пугаешься? Что ты кот, а не собака?

— Пожалуйста, без оскорблений! Хватит с нас и

того, что мы тебя слушаем. Еще неизвестно, кто ты такой.

— Я такой же кот, как и вы!

— Собака ты или кот, а помяукать я бы не отказался.

— А ты попробуй! — не отставал Цоппино. — Тебе понравится! Во рту станет сладко, как...

— Как от молока, что дает нам тетушка Панноккья?

— Во сто раз слаще!

— Пожалуй, я бы попробовал... — сказал самый маленький котенок.

— Мяу, мяу, мяу! — соблазнял их Цоппино. — Смелее, братцы коты, учитесь мяукать!

И тут Ромолетта, хохотавшая до слез, вдруг услышала, как самый маленький котенок робко мяукнул. Второй кот поддержал его, затем к ним присоединился третий кот. И вскоре уже все семеро котов тетушки Панноккьи замяукали, словно семь расстроенных скрипок, а Цоппино громче всех.

— Ну как?

— И в самом деле сладко!

— Слаще, чем молоко на сахаром!

— Тише! — вмешалась Ромолетта. — Еще разбуди-те тетушку Панноккью. Пойдем, Цоппино!

Но было уже поздно. Тетушка Панноккья проснулась и уже стояла в дверях кухни. Щелкнул выключатель, и все увидели счастливое, мокрое от слез лицо старой синьоры.

— Кисаньки вы мон! Наконец-то! Наконец-то замяукали!

Цоппино и Ромолетта были уже во дворе. А семеро котов сначала растерялись, не понимая, что означают два ручейка, текущие по щекам тетушки Панноккьи, а потом замяукали еще громче и один за другим выскочили на улицу.

Тетушка Панноккья, утирая слезы, вышла вслед за ними.

— Умницы! Вот умницы! — повторяла она в волнении.

И коты отвечали ей:

— Мяу!

Но был у этого редкостного спектакля еще один никому не видимый зритель, синьор Калимеро, хозяин

дома. Чтобы получать с жильцов побольше денег, жадный синьор сдавал внаем весь дом до последней комнаты, а сам ютился на чердаке. Не раз Калимеро запрашивал тетушку Панноккья держать в доме животных, но старая синьора, разумеется, не обращала на это никакого внимания.

— Я плачу за квартиру, — говорила она, — и плачу немало! Поэтому я могу приглашать к себе кого угодно!

Добрую часть своего времени синьор Калимеро проводил у окошечка на чердаке, подсматривая, что делают другие. Поэтому-то он и увидел в этот вечер котов, услышал, как они мяукают и как тетушка Панноккья громко хвалит их за это, без конца повторяя:

— Вот умницы! Вот молодцы!

— Дожили! — возмутился Калимеро, потирая руки. — Вот зачем эта старая ведьма шатается по городу и подбирает бездомных котов. Она учит их мяукать! На этот раз я покажу ей! Я сообщу об этом кому следует!

Он закрыл окошечко, взял перо, бумагу, чернила и написал:

«Синьор главный министр! Происходят неслыханные вещи, подвергающие терпение горожан тяжелым испытаниям. Синьора тетушка Панноккья сделала то-то и то-то, и так далее и тому подобное».

И подписался: «Друг лжи».

Он вложил письмо в конверт и побежал опустить его в почтовый ящик.

А возвращаясь домой, он, словно на беду, увидел и Цоппино с Ромолеттой, которые проделывали то, за что тетушка Панноккья прочла бы им еще десяток глав из своей книги.

Цоппино, как вы уже знаете, время от времени испытывал невыносимый зуд в передней лапке, избавиться от которого он мог, лишь написав что-нибудь на стене. И в этот момент он как раз «лечил» свою лапку, а Ромолетта смотрела на него с завистью, потому что в кармане у нее не было ни кусочка мела. И никто из них не заметил Калимеро.

Он же, едва увидев их, сразу заподозрил что-то неладное. Он притаился в подворотне и смог таким образом безо всяких помех прочесть новое заявление Цоппино, которое гласило:

В ТОТ ДЕНЬ, КОГДА КОШКИ НАЧНУТ МЯУКАТЬ КОРОЛЮ ДЖАКОМОНЕ НЕСДОБРОВАТЫ!

Не успели Цоппино и Ромолетта уйти, как Каллимеро, потирая руки, побежал домой и настрочил министру еще одно письмо:

«Ваше превосходительство! Спешу донести вам, что авторы оскорбительных для нашего королевства настенных надписей живут у синьоры тетушки Панноккья. Это ее племянница Ромолетта и одна из тех собак, которых она держит у себя, чтобы вопреки всем законам нашей страны обучить их мяуканью. Уверен, что вы сообразоволите пожаловать мне обещанное вознаграждение в сто тысяч фальшивых талеров.

Калимеро Денежный Мешок».

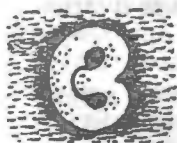
Тем временем в соседнем переулке Цоппино озабоченно рассматривал свою лапку, которая опять заметно укоротилась.

— Нужно найти какой-нибудь другой способ письма, иначе у меня скоро останется только две лапки,— вздохнул он.

— Подожди-ка,— воскликнула Ромолетта,— как же я раньше не догадалась! Тут по соседству живет один художник. Его комнатка на чердаке никогда не закрывается на замок, потому что художник беден и не боится воров. Ты можешь пойти к нему и взять в долг какой-нибудь тюбик с краской или даже целую коробку. Пойдем, я покажу тебе дорогу, а потом вернусь домой, иначе тетушка Панноккья будет беспокоиться.

Глава восьмая,

*в которой знаменитый художник
Бананито оставляет кисти
и берется за нож*

тот вечер художнику Бананито, что означает маленький банан, никак не удавалось заснуть. Он сидел один-одинешенек у себя на чердаке, смотрел на свои картины и грустно думал: «Никуда-то они, к сожалению, не годятся. В них явно чего-то не хватает. И если б не это «что-то», они были бы просто

великолепны. Но чего именно в них не хватает? Вот загвоздка...»

В этот момент в окне появился Цоппино — он только что проделал изрядный путь по крышам, рассчитывая войти в дом именно таким путем, чтобы не беспокоить хозяина.

«О, да мы еще не спим! — мяукнул он про себя. — Придется подождать. Художник о чем-то задумался — не буду мешать ему. А потом, когда он заснет, я возьму у него в долг немного красок, так тихо, что он даже не заметит».

И он принялся разглядывать картины Бананито. То, что он увидел, необычайно поразило его.

«По-моему, — размышлял он, — на этих картинах что-то лишнее. Не будь здесь лишнего, это были бы вполне приличные картины. Но что же на них лишнее? Пожалуй, слишком много ног! У этой лошади, например, целых тринадцать! Подумать только — а у меня всего три... Кроме того, здесь слишком много носов: на том портрете, например, сразу три носа! Не завидую я этому синьору: если он схватит насморк, ему потребуется три носовых платка... Но художник, кажется, собирается что-то делать...»

Бананито действительно поднялся со скамейки.

— Может быть, добавить зеленых тонов?.. — размышлял он вслух. — Да, да именно зеленого здесь и не хватает!

Он взял тубик, выдавил краску на палитру и принялся класть зеленые мазки на все картины. Он выкрасил в зеленый цвет и лошадиные ноги, и носы синьора на портрете, и даже глаза какой-то синьорины на другой картине, причем глаз у нее было целых шесть — по три на каждой стороне лица.

Потом Бананито отступил на несколько шагов и прищурился, чтобы лучше рассмотреть результаты своей работы.

— Нет, нет, — вздохнул он, — видимо, дело в чем-то другом. Картины, как были, так и остались плохими.

Цоппино, сидевший на подоконнике, не услышал этих слов, зато увидел, как Бананито грустно качает головой.

«Могу поклясться, что он недоволен, — решил Цоппино, — не хотел бы я оказаться на месте этой шести-

глазой синьорины. Когда у нее ослабнет зрение, ей не хватит денег на очки...»

Бананито между тем взял тюбик с другой краской, выдавил ее на палитру и снова стал наносить мазки на свои картины, прыгая вокруг них, словно кузнечик.

— Желтого!.. — бормотал он. — Готов держать пари, что здесь мало желтого!

«Вот беда! — подумал Цоппино. — Сейчас он устроит из своих картин яичницу...»

Но тут Бананито бросил на пол палитру и кисть, стал в ярости топтать их ногами и рвать на себе волосы.

«Если он и дальше будет продолжать в таком же духе, — мелькнуло у Цоппино, — то станет как две капли воды похож на короля Джакомоне. Наверное, надо успокоить его... А вдруг он обидится? Да и кому нужны кошачьи советы. К тому же, чтобы понять их, надо знать кошачий язык...»

Бананито наконец сжалился над своими волосами.

— Хватит, — решил он. — Возьму-ка я на кухне нож и изрежу все эти картины на мелкие кусочки. Видно, не родился я художником...

Кухней у Бананито назывался маленький столик, приютившийся в углу комнаты. На нем стояли спиртовка, старый котелок, сковородка, тарелка, лежали вилки, ложки и ножи. Столик стоял у самого окна, и Цоппино пришлось спрятаться за цветочный горшок, чтобы художник не увидел его. Но даже если бы котенок не спрятался, Бананито все равно не заметил бы его, потому что в глазах у него стояли крупные, как орех, слезы.

«Что он собирается делать? — думал Цоппино. — Берет ложку... Наверное, проголодался. Нет, кладет ложку и хватается за нож... Дело принимает опасный оборот. Уж не собирается ли он кого-нибудь убить? Кого-нибудь из своих критиков... Откровенно говоря, ему бы следовало радоваться, что его картины так ужасны. Ведь когда они попадут на выставку, люди не смогут сказать правды, все станут называть их великолепными, и он заработает кучу денег».

Пока Цоппино размышлял об этом, Бананито разыскал точильный камень и принялся точить нож.

— Я хочу, чтобы он был острым, как бритва! Тогда от моих произведений не останется и следа!

«Если он решил кого-нибудь убить,—соображал Цоппино,—то, видно, хочет, чтобы удар был смертельным. Позвольте, позвольте... А если он задумал покончить с собой?! Нужно что-то делать... Надо что-то предпринять!.. Нельзя терять ни минуты! Если в свое время гуси спасли Рим, по почему бы хромому котенку не спасти отчаявшегося художника?»

И наш маленький герой, громко мяукая, спрыгнул на пол.

В ту же минуту распахнулась дверь и в комнату к художнику влетел запыхавшийся, вспотевший, покрытый пылью... Угадайте кто?

— Джельсомино!

— Цоппино!

— Как я рад, что снова вижу тебя!

— Ты ли это, мой дорогой Цоппино?

— Не веришь, так пересчитай мои лапы!

И на глазах у ошеломленного художника Джельсомино и Цоппино стали обниматься и плясать от радости.

Каким образом наш певец попал на чердак к художнику и почему это случилось как раз в данную минуту — обо всем этом вы узнаете дальше.

Глава девятая,

*в которой Джельсомино поет
сначала в подвале, а потом в гостях
у директора городского театра*

Джельсомино, как вы помните, заснул в погребе прямо на куче угля. По правде говоря, постель эта была не слишком удобной, но когда люди молоды, они не обращают внимания на неудобства. И хотя острые куски угля впивались ему в ребра, это не мешало Джельсомино крепко спать и видеть сны один лучше другого.

Во сне Джельсомино принялся напевать. У некоторых людей бывает привычка во сне разговаривать. У Джельсомино была привычка во сне петь. Когда же он просыпался, то ничего не помнил. Наверное, его голос выкидывал с ним такие шутки в отместку за молчание, к которому хозяин принуждал его днем. Впол-

не возможно, что таким образом голос вознаграждал себя за все те случаи, когда Джельсомино не разрешал ему вырываться на волю.

Как бы там ни было, своим пением во сне Джельсомино перебудил полгорода.

Из окон стали высовываться возмущенные горожане:

— Куда смотрит полиция? Неужели никто не может заставить замолчать этого пьянчугу?

Полицейские между тем обшарили все улицы, но так и не нашли никого.

Тем временем проснулся и директор городского театра, который жил на другом конце города, километрах в десяти от подвала, где спал Джельсомино.

— Какой необыкновенный голос! — воскликнул он. — Вот это настоящий тенор! Интересно, откуда он взялся? Ах, если б мне удалось заполучить его, мой театр ломился бы от публики! Этот человек мог бы спасти меня!

Надо сказать, что театр в этом городе переживал тяжелые времена и был накануне полного краха. Певцов в Стране Лгунов было не так уж много, и все они считали, что петь нужно как можно хуже. И вот почему: когда они пели хорошо, публика кричала: «Убирайся вон! Хватит выть!» А если они пели плохо, публика приходила в восторг и восклицала: «Браво! Брависсимо! Бис!» И певцы, разумеется, старались петь как можно хуже, лишь бы услышать восторженные возгласы и аплодисменты публики.

Директор театра поспешно оделся, вышел на улицу и направился к центру города, откуда, как ему показалось, доносился голос. Однако ему пришлось порядком помучиться, прежде чем он добрался до цели.

— По-моему, он поет в этом доме, — говорил он. — Готов поклясться, что голос доносится вон из того окошка наверху...

Часа два носился директор театра по городу в поисках необыкновенного певца. Наконец, полумертвый от усталости, уже готовый отказаться от дальнейших поисков, он набрел на подвал, в котором спал Джельсомино. Можете себе представить, как он удивился, когда при слабом свете своей зажигалки увидел, что обладатель необыкновенного голоса — паренек, спящий на куче угля.

«Если он во сне поет так хорошо, что же будет, когда он проснется? — подумал директор театра, потирая руки. — По всему видно, этот парень и не подозревает, что его горло — это настоящие золотые россыпи. Я стану при них единственным рудокопом и составлю себе состояние, не ударив пальцем о палец».

Он разбудил Джельсомино и представился:

— Меня зовут маэстро Домисоль. Чтобы разыскать тебя, я прошел пешком десять километров. Завтра же вечером ты непременно должен петь в моем театре! А теперь вставай и пойдем ко мне домой репетировать.

Джельсомино пытался было отказаться. Он твердил, что хочет спать, но маэстро Домисоль пообещал уложить его на двуспальную кровать с пуховым одеялом. Джельсомино заикнулся было, что никогда не учился музыке, но маэстро стал клясться, что с таким голосом, как у него, нет нужды разбираться в нотах.

Между тем голос Джельсомино тоже решил не теряться: «Смелее! Разве ты забыл, что хочешь стать певцом? Соглашайся! Может быть, это принесет тебе счастье».

Маэстро Домисоль положил конец разговорам, решительно взял Джельсомино за руку и силой потащил его за собой. Он привел его к себе домой, сел за пианино, взял несколько аккордов и приказал:

— Пой!

— Может быть, лучше открыть окна? — робко предложил Джельсомино.

— Нет, нет, я не хочу тревожить соседей.

— А что петь?

— Что хочешь... Какую-нибудь песенку... Ну хотя бы из тех, что поют у тебя в деревне...

Джельсомино начал петь свою любимую песенку, которую так часто пел дома. Он старался петь как можно тише и не сводил глаз с оконных стекол. Те звенели и каждую секунду готовы были вылететь.

Стекла уцелели, но в начале второго куплета разбилась люстра, и в комнате стало темно.

— Прекрасно! — воскликнул маэстро Домисоль, зажигая свечу. — Великолепно! Чудесно! Вот уже тридцать лет, как в этой комнате поют тенора, и никому из них еще ни разу не удавалось разбить даже кофейной чашечки!

В конце третьего куплета случилось то, чего так

опасался Джельсомино, — оконные стекла разделили участь люстры. Маэстро Домисоль вскочил из-за пианино и бросился обнимать Джельсомино.

— Мой мальчик! — кричал он, чуть не плача от восторга. — Я вижу, что не ошибся! Ты будешь самым великим певцом всех времен! Толпы поклонников будут отвинчивать колеса твоего автомобиля, чтобы носить тебя на руках!

— Но у меня нет автомобиля, — заметил Джельсомино.

— У тебя их будет десять, сто! У тебя будет свой особый автомобиль для каждого дня в году! Благодарю судьбу за то, что тебе довелось встретить маэстро Домисоля! А теперь спой-ка мне еще что-нибудь.

Джельсомино заволновался. Еще бы — впервые в жизни он слышал, что кому-то нравится его пение. Не в его привычках было задирать нос, но ведь похвала каждому приятна. Он спел еще одну песню и на этот раз дал своему голосу чуть побольше свободы, совсем чуточку, да и то ненадолго. Но натворил он таких бед, что всем показалось, будто наступил конец света.

В соседних домах одно за другим повывлетали все стекла. Люди испуганно выглядывали из окон и кричали:

— Землетрясение! Караул! На помощь! Спасайся кто может!

С пронзительным воем помчались пожарные машины. Улицы загрохотали толпы людей, устремившихся за город. Многие несли на руках плачущих ребятишек и толкали перед собой тележки, груженные домашним скарбом.

Маэстро Домисоль был вне себя от радости.

— Грандиозно! Изумительно! Невиданно!

Он расцеловал Джельсомино, обвязал ему горло теплым шарфом, чтобы уберечь от сквозняков, потом усадил за стол и угостил таким обедом, которым можно было бы накормить целый десяток безработных.

— Ешь, сынок, ешь, — приговаривал он, — попробуй вот этого цыпленка. Он хорошо укрепляет верхние ноты. И вот эта баранья лопатка тоже очень полезна. От нее низкие ноты становятся мягкими и бархатистыми. Ешь! С сегодняшнего дня ты — мой гость! Я отведу тебе лучшую комнату в доме и велю обить ее стены войлоком. Ты сможешь упражняться сколько угодно, и никто тебя не услышит.

Джельсомино очень хотелось выбежать на улицу и успокоить перепуганных горожан или по крайней мере позвонить в пожарную команду, чтобы они не носились понапрасну по городу. Но маэстро Домисоль и слышать об этом не хотел.

— Сиди, сынок, дома! Пусть себе мечутся! Ведь тебе пришлось бы заплатить за разбитые стекла, а у тебя пока нет ни сольдо. Не говоря уже о том, что тебя могут арестовать. А попадешь в тюрьму, тогда прощай твоя музыкальная карьера!

— А что, если я нечаянно сломаю ваш театр?

Домисоль рассмеялся:

— Театры для того и строятся, чтобы певцы могли в них петь. Театрам не страшны не только голоса певцов, но даже бомбы. Ну, теперь ложись спать, а я тем временем сочиню афишу и немедленно отнесу ее в типографию.

Глава десятая,

*в которой Джельсомино
выступает с концертом*

а следующее утро жители города увидели, что на всех углах расклеены вот такие афиш

Сегодня утром
(но не сразу после захода солнца)
самый скверный тенор на свете

ДЖЕЛЬСОМИНО,
обладающий ужасно противным голосом
и закиданный тухлыми яйцами
во всех театрах Африки и Америки,
не даст никакого концерта
в городском театре.

Почтеннейшую публику
просят не приходить.

Входные билеты ничего не стоят.

Разумеется, афишу следовало читать наоборот, и горожане прекрасно поняли все, что в ней было написано. «Закиданный тухлыми яйцами» означало — «имевший невероятный успех», а под выражением «не даст никакого концерта» нужно было понимать, что Джельсомино начнет свое выступление, едва зайдет солнце, то есть ровно в девять часов вечера.

По правде говоря, Джельсомино не хотел, чтобы в афише упоминалось о поездке в Америку.

— Ведь я там никогда не был! — протестовал он.

— Вот именно, — отвечал маэстро Домисоль, — значит, это ложь, и все обстоит как нельзя лучше! Если бы ты бывал в Америке, нам пришлось бы написать, что ты ездил в Австралию. Таков закон. Но ты не думай о законах. На уме у тебя должно быть только пение.

В то утро, как помнят наши читатели, был взбудоражен весь город — на фасаде королевского дворца была обнаружена надпись Цоппино. Но к вечеру все успокоилось, и задолго до девяти часов театр, как потом писали газеты, «был пуст, как барабан». И это означало, что он ломился от публики.

Народу действительно собралось очень много — все надеялись услышать наконец настоящего певца. К тому же маэстро Домисоль, чтобы собрать в театр побольше публики, распустил по городу самые невероятные слухи о голосе Джельсомино.

— Захватите с собой побольше ваты, чтобы затыкать уши, — советовали на каждом перекрестке наемные агенты Домисоля, — у этого певца преотвратительный голос, он доставляет поистине адские мучения.

— Представьте себе, что собрался десяток простуженных дворняжек, которые лают все сразу, прибавьте к ним сотню кошек, которым кто-то подпалил хвосты, смешайте все это с воем пожарной сирены, взболтайте хорошенько, и вы получите некоторое представление о голосе Джельсомино.

— Одним словом, чудовище?

— Самое настоящее чудовище! Ему следовало бы не в театре выступать, а квакать в каком-нибудь болоте вместе с лягушками. Но еще лучше было бы сунуть его в реку и приставить специального сторожа, чтобы тот не давал ему высунуть голову наружу.

Все эти разговоры люди понимали, разумеется, наоборот, как и полагается в Стране Лгунов. Неудивительно, что задолго до девяти часов вечера театр был набит битком.

Ровно в девять в королевской ложе появился его величество Джакомоне Первый. На его голове гордо красовался неизменный оранжевый парик. Все присутствующие в театре поднялись со своих мест, поклонились ему и снова сели, стараясь не смотреть

на его парик. Никто не отважился даже намекнуть на утреннее происшествие,— все знали, что театр кишит шпионами, держащими наготове свои записные книжки, чтобы записывать все, что говорится в народе. Домисоль, который, глядя сквозь дырочку в занавесе, с нетерпением ожидал приезда короля, дал Джельсомино знак приготовиться, а сам прошел в оркестр. Он поднял дирижерскую палочку, и раздались звуки национального гимна Страны Лгунов. Гимн начинался словами:

Привет королю Джакомоне, привет!
Да здравствует оранжевый цвет!

Разумеется, никто не позволил себе засмеяться. Некоторые потом клялись, что Джакомоне в эту минуту слегка покраснел. Но в это трудно поверить, так как король, чтобы казаться моложе, в тот вечер покрыл свое лицо густым слоем пудры.

Едва Джельсомино вышел на сцену, как агенты Домисоля засвистели и принялись кричать:

- Долой Джельсомино!
- Убирайся выть в свою конуру!
- Пошел петь в болото к лягушкам!

Джельсомино терпеливо переждал, пока крики умолкнули, потом прокашлялся и запел первую песню из своей программы. Он запел самым тихим и нежным голосом, какой только смог извлечь из своего горла. При этом он почти не разжимал губ, и издали казалось, что он поет с закрытым ртом. Это была простая песенка, которую пели в родном селении Джельсомино, и слова в ней были самые обыкновенные и даже чуточку глупые, но Джельсомино исполнил ее с таким чувством, что по театру пронесся ветер, так как все слушатели разом достали свои носовые платки и принялись утирать слезы. Песенка кончалась высокой нотой, и Джельсомино не стал на этой ноте прибавлять голоса, наоборот, он постарался взять ее как можно тише. И все-таки, несмотря на все его старания, на галерке вдруг раздался громкий треск — одна за другой полопались лампочки. Но звуки эти тотчас же заглушил мощный ураган свистков. Зрители, вскочив с мест, орали что было сил:

- Убирайся вон!
- Шут! Скоморох!
- Закрой свою пасть!

— Отправляйся петь свои серенады котам!

В общем, как сообщили бы газеты, если б в них говорилась правда, «публикой овладел неудержимый восторг».

Джельсомино поклонился и запел вторую песню. На этот раз он, прямо скажем, немного разошелся. Песня была ему по душе, все слушали его с восхищением. Немудрено, что Джельсомино забыл осторожность и взял высокую ноту, которая была слышна за несколько километров и привела в восторг не только публику, сидевшую в зале, но и всех людей, которые не сумели достать билеты и толпились на улице возле театра.

Джельсомино ожидал услышать в ответ аплодисменты, то есть новый ураган свистков, но вместо этого раздался взрыв хохота, совершенно ошеломивший его. Публика, казалось, забыла о нем. Все смотрели не на него, а совсем в другую сторону и громко смеялись. Джельсомино тоже взглянул туда, и кровь в его жилах застыла, а голос пропал. Высокая нота, которую он только что взял, не разнесла вдребезги тяжелые люстры, висевшие над партером. Произошло нечто гораздо более страшное: с головы Джакомоне слетел его знаменитый оранжевый парик. Его величество, нервно барабанив пальцами по перилам ложи, тщетно пытался понять, почему его подданные так веселятся. Бедняга не заметил, что остался без парика, и никто из его свиты не осмеливался сказать ему правду. Все очень хорошо помнили, что стало нынче утром с языком одного чересчур ретивого придворного.

Домисоль, который дирижировал спиной к публике, подал Джельсомино знак, чтобы тот начал петь третью песню.

«Люди смеются над Джакомоне,— подумал Джельсомино,— и нет никакой нужды, чтобы они посмеялись и надо мной. На этот раз я должен спеть еще лучше!»

И он запел так прекрасно, с таким чувством, таким звучным голосом, что с первой же ноты театр буквально затрещал по всем швам. Прежде всего разбились и рухнули люстры, придавив некоторых зрителей, не успевших укрыться в надежное место. Потом обрушился целый ярус, как раз тот, посередине которого находилась королевская ложа. Но Джакомоне, на свое счастье, уже успел покинуть театр. Незадолго до этого

он глянул в зеркало, чтобы проверить, не нужно ли ему, случаем, припудрить нос, и в ужасе обнаружил, что остался без парика. Говорят, что в тот вечер он велел отрезать язык всем придворным, которые были с ним в театре, за то, что они не сообщили ему об этом злосчастном происшествии.

Джельсомино между тем, увлекшись, продолжал петь, хотя публика осаждала выходные двери. Когда рухнули последние ярусы и обвалилась галерка, в зале остались только Джельсомино и маэстро Домисоль. Первый, закрыв глаза, все еще продолжал петь — он забыл, что находится в театре, забыл, что он Джельсомино, и думал лишь о том наслаждении, которое доставляло ему пение. Глаза Домисоля были, напротив, широко открыты. Схватившись за голову, он в ужасе закричал:

— Мой театр! Мой театр! Я разорен! Разорен! А на площади перед театром толпа кричала: «Браво! Браво!»

И звучало это так странно, что полицейские короля Джакомоне переглядывались и говорили друг другу:

— Ведь они хвалят его за то, что он поет хорошо, а вовсе не потому, что им не нравится его пение...

Джельсомино закончил концерт такой высокой нотой, что развалины театра подбросило вверх, отчего поднялось огромное облако пыли. Только теперь Джельсомино заметил, каких натворил бед, и увидел, что Домисоль, угрожающе размахивая дирижерской палочкой, бежит к нему, перепрыгивая через груды кирпича и обломков.

«Кажется, моя песенка спета,— в отчаянии подумал Джельсомино,— прощай, музыкальная карьера... Нужно уносить ноги пока не поздно!»

Через пролом в стене он выбрался на площадь. Прикрывая лицо руками, смешался с толпой, добрался до какой-то темной улочки и побежал так быстро, что едва не обогнал собственную тень.

Но Домисоль, не терявший его из виду, неся за ним вдогонку и кричал:

— Остановись, несчастный! Заплати мне за мой театр!

Джельсомино свернул в переулок, юркнул в первый же попавшийся подъезд, задышав, взбежал по лест-

нице до самого чердака, толкнул какую-то дверь и очутился в мастерской Бананито как раз в тот момент, когда Цоппино спрыгнул с подоконника.

Глава одиннадцатая,

*из которой видно, что все нарисованное
настоящим художником
не только прекрасно, но и правдиво*

Джельсомино и Цоппино принялись рассказывать друг другу о своих злоключениях. А Бананито, слушая их, так и стоял, открыв от изумления рот. Он все еще не выпускал из рук ножа, но совсем забыл, зачем взял его.

— Что вы собираетесь делать? — с беспокойством спросил его Цоппино.

— Как раз об этом я и думаю сейчас, — ответил Бананито.

Но едва он огляделся по сторонам, как его снова охватило полное отчаяние: его картины были так же безобразны, как и в девятой главе нашей книги.

— Я вижу, вы художник, — с уважением сказал Джельсомино, который еще не успел сделать это открытие.

— Я тоже так думал, — с грустью ответил Бананито, — тоже думал, что я художник. А теперь вижу, мне лучше подыскать себе какое-нибудь другое занятие, где бы не пришлось возиться с красками. Можно, например, стать могильщиком, тогда я буду иметь дело лишь с одним черным цветом.

— Но ведь даже на могилах растут цветы, — заметил Джельсомино. — В жизни нет ничего, что было бы только черного цвета.

— А уголь? — вставил Цоппино.

— Да, но когда он горит, то становится красным, голубым, белым...

— А чернила? Они черные — и все тут! — настаивал котенок.

— Но ими можно написать веселый и красочный рассказ!

— Тогда сдаюсь, — сказал Цоппино, — хорошо, что я не предложил тебе поспорить на одну из моих лапок, а то у меня осталось бы всего две.

— Все-таки я поищу себе какое-нибудь другое занятие,— вздохнул Бананито.

Пройдясь по комнате, Джельсомино остановился перед трехносым портретом, который некоторое время назад так озадачил Цоппино.

— Кто это? — удивился Джельсомино.

— Один очень важный придворный.

— Счастливчик! У него три носа! Наверное, он в три раза сильнее чувствует все вкусные запахи! Но почему все-таки у него три носа?

— О, это целая история... Когда он заказал мне свой портрет, то поставил неременное условие, чтобы я изобразил его с тремя носами! Мы долго спорили. Я хотел нарисовать только один нос, потом посоветовал удовольствоваться хотя бы двумя. Но он заупрямился — или рисуй три носа, или сам останешься с носом! И вот что получилось; настоящее пугало, которое годится лишь на то, чтобы пугать капризных детей.

— Скажите, а вот эта лошадь,— спросил Джельсомино,— она тоже придворная?

— Лошадь? Разве вы не видите, что это самая настоящая корова?!

Джельсомино почесал в затылке.

— Может быть, это и корова, но для меня она остается самой настоящей лошадью. Точнее говоря, это была бы лошадь, будь у нее четыре ноги, а не тринадцать. Этих тринадцати ног хватило бы для трех лошадей и еще осталось бы для четвертой.

— Но у любой коровы как раз тринадцать ног! — возразил Бананито.— Это знает каждый мальчишка!

Джельсомино и Цоппино переглянулись, вздохнули и прочли в глазах друг у друга одну и ту же мысль: «Будь перед нами лживый кот, мы быстро научили бы его мяукать. Но чему мы можем научить этого беднягу?»

— По-моему,— сказал Джельсомино,— картина станет гораздо лучше, если убрать с нее лишние ноги.

— Вот еще! И все поднимут меня на смех! А критики посоветуют упрятать в сумасшедший дом... Теперь я вспомнил, зачем взял нож! Я хотел изрезать на куски все мои картины. Этим я сейчас и займусь!

Бананито снова схватил нож и с грозным видом подскочил к тому холсту, где в неописуемом беспоряд-

ке были нагромождены лошадиные ноги, которые он называл коровьими. Художник уже занес было руку, чтобы нанести первый удар, но вдруг передумал.

— Ведь это труд многих месяцев! — вздохнул он. — Жаль уничтожать его собственными руками.

— Золотые слова! — подхватил Цоппино. — Когда у меня появится записная книжка, я непременно запишу их, чтобы не забыть. Но почему бы вам, прежде чем кромсать картины, не испробовать совет Джельсомино?

— Это верно! — воскликнул Бананито. — Ведь я ничего не теряю. Уничтожить картины я всегда успею.

И он ловко соскоблил с полотна пять ног из тринадцати.

— По-моему, уже гораздо лучше! — подбодрил его Джельсомино.

— Тринадцать минус пять — восемь, — сказал Цоппино. — Если бы лошадей было две, все обстояло бы как нельзя лучше. Простите, я хотел сказать — коров.

— Ну что ж, стереть еще несколько ног? — спросил Бананито.

И, не ожидая ответа, он соскоблил с картины еще две ноги.

— Прекрасно! — воскликнул Цоппино. — Лошадь уже почти как живая!

— Значит, помогает?

— Оставьте только четыре, и посмотрим, что будет.

Когда ног осталось четыре, с холста вдруг раздалось радостное ржание, и в тот же миг лошадь спрыгнула с картины на пол и легкой рысцой прошлась по комнате.

— И-и-го-го! Наконец-то я на свободе! До чего же тесно было в этой раме!

Пробегая мимо зеркала, висевшего на стене, лошадь придиричиво оглядела себя с ног до головы, потом в восторге заржала:

— Какая красивая лошадь! Я действительно красива! Синьоры, я бесконечно благодарна всем вам! Окажетесь в моих краях — заходите в гости. Я с удовольствием вас покатаю!

— В каких краях? Эй, подожди! — закричал ей вдогонку Бананито.

Но лошадь уже была за дверью, на лестнице. Пслышался цокот ее копыт по ступенькам, и минуту спу-

стя наши друзья увидели из окна, как гордое животное пересекло переулок и направилось в открытое поле.

От волнения Бананито даже вспотел.

— Честное слово! — воскликнул он. — Это и в самом деле была лошадь! Уж если она сама об этом заявила, волей-неволей приходится верить. И подумать только, что в школьной азбуке лошадь нарисована рядом с буквой «К» — КОРОВА!

— Скорее, скорее! — в восторге замаякал Цоппино. — Беритесь за другие картины!

Бананито подошел к верблюду, у которого было так много горбов, что его портрет напоминал пустыню с уходящими вдаль песчаными холмами. Художник стал соскабливать с холста все горбы, пока не осталось только два.

— Он становится гораздо красивее, — бормотал Бананито, лихорадочно работая ножом. — Нет, этот портрет положительно становится лучше. Как вы думаете, он тоже оживет?

— Когда верблюд будет совсем похож на настоящего, то непременно оживет, — заверил его Джельсомино.

Но пока верблюд не желал слезть с холста, и вид у него был равнодушный и невозмутимый, словно разговор шел вовсе не о нем.

— Хвосты! — вдруг закричал Цоппино. — У него же три хвоста! Этого хватит на целое верблюжье семейство!

Когда были убраны лишние хвосты, верблюд величаво сошел с холста, облегченно вздохнул и бросил благодарный взгляд в сторону Цоппино.

— Хорошо, что ты обратил внимание на хвосты, — сказал он, — чего доброго, я мог навеки остаться в этой наморке. Не знаете случайно, нет ли поблизости каких-нибудь пустынь?

— Есть одна в центре города, — сказал Бананито. — Это самая большая из наших городских пустынь, но сейчас она, кажется, уже закрыта.

— Он хочет сказать «сад», — объяснил Цоппино верблюду. — А до настоящих пустынь отсюда не меньше двух-трех тысяч километров. Смотри только не понадайся на глаза полицейским, не то угодишь в зоопарк.

Прежде чем уйти, верблюд тоже погляделся в зеркало и остался очень доволен. Через минуту он уже рысцей бежал по переулку. Ночной стражник, увидевший его, не поверил своим глазам и начал изо всех сил щипать себя, чтобы проснуться.

— Видно, я старею,— решил он, когда верблюд исчез за углом,— мало того, что засыпаю во время дежурства, мне еще снится, будто я попал в Африку. Нужно взять себя в руки, не то меня уволят!

Теперь Бананито не остановила бы даже угроза смертной казни. Работая своим ножом, он кидался от картины к картине и радостно восклицал:

— Вот это хирургия! За десять минут я сделал больше операций, чем все профессора в больнице за десять дней.

А картины, когда с них соскабливали ложь, хорошели одна за другой. Они становились красивыми, правдивыми и... оживали! Собаки, овцы, козы выпрыгивали из рам и разбегались кто куда.

И только одну единственную картину художник разрезал на мелкие кусочки. Это был портрет того придворного, который требовал, чтобы его непременно нарисовали с тремя носами. Уж очень Бананито боялся, что, став одноносым, придворный выскочит из рамы и задаст художнику головоломку за то, что он посмел послушаться его.

Джельсомино помогал Бананито кромсаť злополучную картину, и вдвоем они так расправились с нею, что она превратилась в сплошные лохмотья.

А Цоппино тем временем принялся шнырять по комнате, явно выискивая что-то. По его разочарованной мордочке было видно, однако, что он никак не может найти то, что хочет.

— И лошади, и верблюды, и придворные...— ворчал он.— Нет чтобы нарисовать где-нибудь хоть кусочек сыра! Мыши и те удрали с этого чердака. Оно и понятно — запах нищеты еще никому не приходился по вкусу. Голод — это штука почище крысиной отравы.

Роясь в каком-то темном уголке, Цоппино нашел маленькую, покрытую толстым слоем пыли картину. На обратной стороне ее пристроилась сороконожка. Когда ее побеспокоили, она, быстро перебирая всеми своими сорока лапками, побежала прочь. Ножек у нее было действительно сорок, так что Бананито трудно

было бы погрешить против истины, вздумай он нарисовать ее.

На картине была изображена тарелка, а на ней какое-то диковинное животное, что-то вроде другой сороконожки. Но будь у этого животного только две ноги, все сразу бы узнали в нем жареную курицу.

«Славная картина! — подумал Цоппино. — Пожалуй, я не возражал бы, если б она ожила именно в таком виде, без всяких изменений. От курицы с двумя дюжинами ножек не отказалась бы ни одна кухарка, ни один хозяин харчевни, не говоря уже о проголодавшемся котенке. Отрежь от такой курицы десяток ножек — и тем, что останется, вполне можно накормить еще троих».

Цоппино приволок картину к Бананито, чтобы он и над ней поработал своим ножом.

— Но курица жареная! — запротестовал художник. — Она не оживет!

— Вот-вот! Нам и нужна жареная! — ответил Цоппино.

Тут Бананито не мог возразить. К тому же он вспомнил, что и сам уже сутки ничего не ел, занявшись своими картинами. Курица, правда, не закудахтала, но зато выплыла из рамы такой ароматной и аппетитной, будто ее только что вынули из духовки.

— Твоя слава художника еще вся впереди, — сказал Цоппино, надкусывая крылышко (ножки он оставил Джельсомино и Бананито), — а как повар ты уже великолепен!

— Эх, если бы раздобыть еще и немного вина к этой закуске! — заметил вдруг Джельсомино. — Но все харчевни уже закрыты... Впрочем, и днем мы все равно не могли бы ничего купить — ведь у нас нет денег.

— Что верно, то верно, — заметил Цоппино и добавил, обращаясь к Бананито: — А почему бы тебе не нарисовать, скажем, бутылку с вином?.. Или хотя бы небольшую бутылочку?

— Попробую! — обрадовался художник.

Он набросал на холсте бутылку итальянского «кьянти» и раскрасил ее. Рисунок получился таким удачным, что если бы Джельсомино не успел прикрыть горлышко рукой, то вино, которое сильной струей забило из него, полилось бы прямо на пол.

Трое друзей выпили сначала за художников, потом

за певцов и наконец за котят. Когда пили за котят, Цоппино вдруг погрузился и его долго пришлось утешивать, чтобы он поделился своей печалью.

— В сущности,— признался он наконец,— я такой же ненормальный котенок, как и те животные, что были полчаса назад на этих полотнах. Ведь у меня только три лапки. И я даже не могу сказать при этом, что потерял четвертую лапку на войне или под трамваем, потому что это было бы неправдой. Вот если бы Бананито...

Ему не пришлось продолжать. Бананито тут же схватил кисть и в два счета нарисовал такую красивую переднюю лапу, что от нее не отказался бы и сам Кот в сапогах. Но замечательнее всего было то, что лапка сразу же заняла свое место на теле Цоппино и он сперва неуверенно, а потом все смелее стал рассказывать по каморке.

— Ах, как прекрасно! — мяукал он. — Я просто не узнаю себя! Я стал совсем другим! Совсем другим! Не сменить ли мне ради такого случая имя?

— До чего же я глуп! — воскликнул Бананито, хлопая себя по лбу. — Нарисовал тебе лапку масляной краской, а ведь остальные нарисованы мелом.

— Ничего страшного, — ответил Цоппино, — пусть остается. И горе тому, кто посмеет ее тронуть! А имя я менять не буду! Оно, если разобраться, очень идет ко мне, — ведь другая моя лапка укоротилась по крайней мере на два-три сантиметра, когда я писал на стенах.

Вечером Бананито уложил Джельсомино на свою кровать, а сам, несмотря на все его протесты, растянулся на полу, на груде старых холстов. А Цоппино — тот устроился в кармане пальто, висевшего около двери, и в ту же минуту заснул сладким сном,

Глава двенадцатая,

*в которой Цоппино читает газету
и узнает из нее скверные новости*

а другой день рано утром Бананито захватил мольберт и кисти и, полный творческих замыслов, вышел на улицу. Ему не терпелось поскорее

показать свое искусство людям. Джельсомино еще спал, и провожать художника отправился только Цоппино. По дороге котенок дал Бананито несколько советов.

— По-моему, лучше всего рисовать цветы. Я уверен, что если ты начнешь продавать их, то вернешься домой с целым мешком фальшивых денег, без которых никак не обойтись в этой дурацкой стране. Старайся рисовать цветы, которые еще не распустились и которых нет в цветочных магазинах. И еще об одном не забудь — ни в коем случае не рисуй мышей. Иначе всех покупателей распугаешь. Я говорю это для твоей же пользы. Меня-то мыши, сам понимаешь, вполне устроили бы!

Расставшись с Бананито, Цоппино купил газету.

«Джельсомино, наверное, будет интересно узнать, что пишут о его концерте», — подумал он.

Газета называлась «Вечерняя ложь» и, понятно, вся состояла из ложных и настоящих, но вывернутых наизнанку новостей.

В газете была, например, заметка, которая называлась «Блестящий успех бегуна Персикетти». В ней говорилось:

«Известный чемпион по бегу в мешках Флавио Персикетти пришел вчера первым на десятом этапе гонки вокруг королевства, опередив на десять минут Ромоло Барони, пришедшего вторым, и на тридцать минут пятьдесят секунд Пьеро Клементини, пришедшего третьим. Группу бегунов, стартовавшую часом позже, в последнюю минуту опередил Паскуалино Бальзимелли».

«Что же здесь странного? — удивитесь вы. — Бег в мешках такое же спортивное состязание, как и всякое другое, только гораздо веселее, чем, скажем, велосипедные или автомобильные гонки».

Все это верно, но все читатели «Вечерней лжи» прекрасно знали, что на самом деле никакого состязания не было и в помине, а Флавио Персикетти, Ромоло Барони, Пьеро Клементини и Паскуалино Бальзимелли никогда в жизни не забирались в мешки и не видели бега наперегонки даже во сне.

На самом деле все происходило так. Каждый год «Вечерняя ложь» устраивала состязание по бегу в мешках по этапам. Победить в этом состязании было не

так-то просто. Самые тщеславные люди, жаждавшие увидеть свое имя в газете, платили «Вечерней лжи» за то, чтобы она записала их в число участников состязания.

А чтобы стать победителем на каком-нибудь этапе, нужно было еще каждый день вносить определенную сумму. Таким образом, побеждал тот, кто платил больше всех. Тут уж газета не скупилась на описание героя и, рассыпаясь в похвалах, изображала победителя сверхчемпионом.

Понятно, что к финишу участники состязания приходили в том же порядке, в каком росли их денежные взносы.

В те дни, когда взносы эти казались газете слишком скромными, она мстила участникам состязания, говоря, что они спят на ходу, что не те пошли бегуны, что состязание превратилось в сплошной скандал и что чемпионы, вроде Персикетти или Барони, должны серьезно отнестись к бегу на оставшихся этапах, если еще хотят сохранить симпатии публики.

Синьор Персикетти был владельцем кондитерской фабрики, и каждое упоминание его имени в газете служило ему рекламой для его конфет. Так как синьор Персикетти был невероятно богат, то он почти всегда прибывал к финишу первым, намного опережая других. У финиша, как писала газета, ему устраивали чествования, подносили цветы, целовали... А по ночам под окнами его гостиницы собирались болельщики, чтобы петь ему серенады. Так по крайней мере говорилось в газете. Вы, конечно, понимаете, что болельщики, которые ни за кого не болели и не умели играть даже на барабане, на самом деле преспокойно похрапывали в своих постелях.

На той же странице газеты Цоппино увидел и такой заголовок: «Не страшная трагедия на улице Корнелии. Пять человек не умирают, и десять других не ранены». В сообщении говорилось:

«Вчера на десятом километре улицы Корнелии два автомобиля, двигавшиеся не с большой скоростью в противоположных направлениях, не столкнулись. В столкновении, которого не было, не убито пять человек (перечислялись имена). Другие десять человек не ранены, поэтому не пришлось отправить их в больницу (перечислялись имена)».

Это сообщение, к сожалению, было не ложным, а только вывернутым наизнанку. В действительности все произошло совсем наоборот.

Точно так же газета писала и о концерте Джельсомино. Из статьи можно было узнать, например, что «знаменитый певец за весь концерт не проронил ни звука». Газета помещала также фотоснимок развалин театра с такой подписью: «Как читатель может видеть своими ушами, с театром ровно ничего не случилось».

Читая «Вечернюю ложь», Джельсомино и Цоппино порядком развеселились и смеялись до упаду. В газете была даже литературная страница, где друзья обнаружили вот такое стихотворение:

В Пистойе как-то повар
Беседовал с лисой:
«Ах, если бы ты знала,
Куда вкуснее сала
Бульон из одеяла,
Когда его хлеблют
Лопаткою большой!
Ах, если бы ты знала,
Как пользы людям мало
Дает зубная паста!
Тебе ведь нипочем,
Что зубы можно чистить
Железным молотком!
Ну вот и всё. И баста».

— Тут нет ответа лисы, — заметил Цоппино, — но я отлично представляю, как ей стало смешно.

В этот день на последней странице газеты в конце последней колонки было помещено короткое сообщение со скромным заголовком «Опровержение».

Джельсомино прочел его:

«Категорически отрицается, что сегодня в три часа ночи в Колодезном переулке полиция арестовала синьору тетушку Панноккью и ее племянницу Ромолетту. Эти две особы не были отправлены около пяти часов утра в сумасшедший дом, как полагают некоторые». И подпись: «Начальник полиции».

— Начальник лунов! — воскликнул Цоппино. — А эта заметка означает, что обе они, бедняжки, сидят сейчас в сумасшедшем доме. Ах, сердце мне подсказывает, что это случилось из-за меня!

— Смётри, — перебил его Джельсомино, — еще одно опровержение. Прочти-ка его.

На этот раз опровержение прямо касалось Джельсомино. В нем говорилось:

«Неправда, что полиция разыскивает знаменитого певца Джельсомино. Для этого у полиции нет ни малейшего основания, потому что Джельсомино совсем не обязан отвечать за ущерб, причиненный им городскому театру. Каждый, кто узнает, где скрывается Джельсомино, не должен сообщать об этом полиции под страхом сурового наказания».

— Дело дрянь! — решил котенок. — Тебе, Джельсомино, лучше теперь не показываться на улице. А за новостями отправлюсь я.

Джельсомино не очень-то улыбалось отсиживаться дома, но Цоппино был прав. Когда он ушел, Джельсомино растянулся на кровати и решил, что ему остается набраться терпения и волей-неволей провести весь день в праздности.

Глава тринадцатая,

*из которой вы узнаете о том,
что правда в Стране Лгунов —
это болезнь*

Вы расстались с тетушкой Панноккьей в тот момент, когда она наслаждалась мяуканьем своих котов. Тетушка была счастлива, словно музыкант, который отыскал вдруг неизвестную симфонию Бетховена, лет сто пролежавшую в ящике стола. А Ромолетту мы оставили в ту минуту, когда она, показав Цоппино дорогу к дому художника, бегом возвращалась домой.

Через несколько минут тетушка и племянница уже спокойно спали в своих постелях. Они и не подозревали, что письма синьора Калимеро привели в движение сложную машину городской полиции. В три часа ночи одно из колес этой машины, а точнее — целый взвод бесцеремонных полицейских ворвался в дом к тетушке Панноккье. Они заставили старую синьору и маленькую девочку быстро одеться и потащили их в тюрьму.

Начальник полиции передал обеих арестованных начальнику тюрьмы и хотел было отправиться спать. Но он совсем забыл, что его коллега отличается невероятной дотошностью,

— Какие преступления совершили эти две osoby?

— Старуха учила собак мяукать, а девчонка делала надписи на стенах. Это очень опасные преступники. Я бы на вашем месте посадил их в подземелье и приставил к ним усиленную охрану.

— Я сам знаю, что мне делать, — ответил начальник тюрьмы. — Послушаем-ка, что скажут обвиняемые.

Первой допросили тетушку Панноккью. Арест напугал ее. Да ничто на свете не могло теперь нарушить ее счастья — ведь семеро ее котов запели наконец своими природными голосами! Тетушка Панноккья очень спокойно ответила на все вопросы.

— Нет, мяукали не собаки. Мяукали коты.

— В донесении говорится, что это были собаки.

— Это были коты. Знаете, из тех, что ловят мышей.

— Вы хотите сказать — львов? Но львов-то ловят как раз собаки.

— Нет, синьор, мышей ловят коты. Коты, которые мяукают. Мои семеро тоже сначала лаяли, как все остальные в городе. Но сегодня ночью они в первый раз замяукали.

— Эта женщина сошла с ума, — сказал начальник тюрьмы. А таких мы сажаем в сумасшедший дом. Скажите, а правда ли то, что вы нам говорили, синьора?

— Конечно, говорила правду, чистую правду.

— Ну, вот видите, дело ясное! — воскликнул начальник тюрьмы. — У нее буйное помешательство. Я не могу поместить ее к себе. Моя тюрьма — только для нормальных людей. А тем, кто рехнулся, место в сумасшедшем доме.

И, несмотря на все протесты начальника полиции, которому так хотелось поскорее освободиться, чтобы поспать, он перепоручил ему тетушку Панноккью и ее дело. Затем стал допрашивать Ромолетту:

— Правда ли, что ты делала надписи на стенах?

— Да, правда.

— Слышали? — воскликнул начальник тюрьмы. — Она тоже свихнулась. В сумасшедший дом! Забирайте их обеих и оставьте меня в покое. Мне некогда терять время со всякими умалишенными.

Позеленев от злости, начальник полиции посадил обеих пленниц в фургон и повез их в сумасшедший дом. Там от них не стали отказываться и поместили новых пациенток в большую палату, где уже было много

других сумасшедших. Все они попали сюда тоже только за то, что неосторожно сболтнули где-то правду.

Но этой ночью произошли еще и другие интересные события.

Начальник полиции, вернувшись к себе в кабинет, нашел там... кого бы вы думали? Улыбаясь одной из своих самых отвратительных улыбок, теребя в руках шляпу, его поджидал Калимеро Денежный Мешок.

— А вам что угодно?

— Ваше превосходительство,— пробормотал Калимеро, низко кланяясь и еще более расплываясь в улыбке,— я пришел к вам, чтобы получить сто тысяч фальшивых талеров... вознаграждение за то, что я помог арестовать врагов нашего короля.

— Ах, так это вы писали письма? — сказал начальник полиции и на минутку задумался.— А правда ли то, что вы писали?

— Ваше превосходительство,— воскликнул Калимеро,— это истинная правда, клянусь вам!

— Вот как! — в свою очередь воскликнул начальник полиции, и на его лице появилась прехитрая улыбка.— Значит, вы утверждаете, что писали правду? Друг мой, я сразу понял, что вы немного того... А теперь вы сами подтвердили это. Извольте отправляться в сумасшедший дом!

— Ваше превосходительство, что вы! — закричал Калимеро. В отчаянии он швырнул на пол свою шляпу и затопал ногами: — Это несправедливо! Я друг лжи! Я и в письмах писал об этом!

— Друг лжи? И это правда?

— Правда! Клянусь вам! Чистая правда!

— Ну вот, вы снова попались! — торжествующе сказал начальник полиции.— Вы два раза уже поклялись мне, что говорите правду. А теперь перестаньте шуметь и отправляйтесь в сумасшедший дом. Там у вас будет достаточно времени, чтобы успокоиться. Пока же вы буйный сумасшедший, и я не имею права оставить вас без надзора. Это значило бы нарушить все правила общественной безопасности.

— Вы хотите прикарманить мои денежки! — закричал Калимеро, барахтаясь в крепких руках дежурных полицейских.

— Вы слышите? У него начинается приступ. Наденьте на него смиренную рубашу и заткните рот.

Ну, а что касается... кхе-кхе... вознаграждения, то даю слово, он не увидит ни сольдо, пока на моем мундире найдется хоть один карман!

Так и Қалимеро, вслед за жертвами своего доноса, попал в сумасшедший дом. Там его, как буйнопомешанного, посадили в отдельную палату, обитую войлоком.

Начальник полиции собрался было наконец соснуть, как вдруг зазвонили телефоны и со всех концов города посыпались сообщения:

— Алло! Полиция? У нас появилась мяукающая собака... Ее слышно по всей округе... Могут быть неприятности... Пришлите срочно кого-нибудь.

— Алло! Полиция? Куда смотрит ваша живодерная команда? У меня в подъезде уже полчаса мяукает какой-то пес. Если он просидит там до утра, никто не посмеет носа высунуть из дома... Чего доброго, он еще кусаться начнет...

Начальник полиции немедленно вызвал два отряда живодеров-полицейских, разделил их на несколько групп и выслал на поиски мяукающих собак, или как вы уже догадались, семи котов тетушки Панноккьи.

Не прошло и получаса, как был схвачен первый нарушитель городского спокойствия. Им оказался маленький котенок. Он до того увлекся мяуканьем, что даже не заметил, как его окружили, а когда увидел наконец вокруг себя много народу, то решил, что люди собрались, чтобы послушать его, и замяукал пуще прежнего.

Один из живодеров, фальшиво улыбаясь, осторожно приблизился к нему, погладил по спинке, а потом быстро схватил за шиворот и сунул в мешок.

Второго из семи котов пришлось стаскивать с мраморной лошади какого-то памятника, откуда он производил речь перед небольшой группой кошек, призывая их вернуться к мяуканью. Но кошки глядели на него с недоверием, мрачно посмеиваясь, и радостно залаляли, когда оратора взяли в плен.

Третьего кота захватили, подслушав его спор с какой-то собакой:

— Глупая, зачем ты мяукаешь?

— А что я, по-твоему, должна делать? Я кошка, вот и мяукаю,— отвечала собака.

— Ох, какая же ты глупая! Ты когда-нибудь виде-

ла себя в зеркале? Ведь ты же собака и должна лаять, а я кот и мне полагается мяукать. Вот послушай: мяу! мяу! мяу!

Словом, кончили они тем, что поругались, и живодеры без особого труда упрятали в мешок их обоих. Правда, собаку они потом выпустили, потому что она, как и положено, мяукала.

Затем изловили четвертого, пятого и шестого котов.

— Ну, а теперь остается только один,— решили вконец измученные живодеры. И каково же было их удивление, когда через несколько часов они обнаружили не одного, а сразу двух мяукающих котов!

— Их стало больше,— с беспокойством заметил один живодер.

— Должно быть, мяуканье заразительно,— заключил другой.

Из этих двух котов один был воспитанником тетушки Панноккы, а другой оказался тем самым Тузиком, которого мы встретили в одной из предыдущих глав.

Тузик после некоторых размышлений пришел к выводу, что Цоппино, пожалуй, был прав, когда советовал ему вернуться к мяуканью. Действительно, раз попробовав, он, как ни старался, больше, уже не мог залаять. Тузик дал схватить себя без всякого сопротивления. Но седьмой кот, хоть и самый старый из всех, был еще достаточно ловок, чтобы забраться на дерево. Там он почувствовал себя в безопасности и принялся потешаться над своими преследователями. Он чуть с ума их не свел, потому что целый час распевал лучшие арии кошачьего репертуара.

Поглазеть на необычный спектакль собралось много народу. Как это всегда случается, зрители разделились на две партии. Одни, благомыслящие, поторапливали полицейских живодеров, чтобы те поскорее положили конец этому представлению. Другие, озорники, держали сторону кота, подзадоривали его и даже сами подпевали:

— Мяу! Мяу! Мяу!

Вокруг дерева собралось уже множество котов. Они из всех сил лаяли на своего коллегу: одни — из зависти, другие — от злости... Но то и дело кто-нибудь из них все-таки не выдерживал и тоже начинал мяукать. Полицейские тут же хватали провинившегося и сажали в мешок,

Только с помощью пожарных удалось согнать с дерева упрямого мяукальщика. Пожарные подожгли дерево, и толпа, таким образом, насладились еще и зрелищем небольшого пожара.

Мяукающих котов, когда подсчитали, оказалось целых двадцать штук. Всех их отправили в сумасшедший дом. Ведь они тоже по-своему, по-кошачьи говорили правду, — значит, были сумасшедшими.

Начальник сумасшедшего дома даже растерялся: шутка ли — разместить столько котов! Поразмыслив немного, он решил посадить их в палату к Калимеро Денежному Мешку.

Вы представляете, конечно, как обрадовался жалкий доносчик этой компании, которая напомнила ему о причине всех его несчастий!

За какие-нибудь два часа он и в самом деле сошел с ума и принялся мяукать и мурлыкать. Ему всерьез стало казаться, что он кот. И когда какая-то легкомысленная мышка пробежала по комнате, Калимеро изловчился и первым настиг ее. Но мышка оставила у него в зубах хвостик и юркнула в щель.

Цоппино разузнал все эти новости и уже возвращался домой, как вдруг услышал голос своего приятеля. Джельсомино вовсю распевал одну из своих песенок, доставивших ему столько хлопот.

«На этот раз, — подумал Цоппино, — готов спорить на все три лапы, вместе с новой в придачу, что Джельсомино уснул и видит сладкие сны. Если я не поспешу, полицейские разбудят его раньше меня».

Возле дома Цоппино увидел большую толпу, которая собралась, чтобы послушать Джельсомино. Все стояли молча, не двигаясь. Время от времени в соседних домах вылетали стекла, но никто не выглядывал из окон и не учинял скандала. Чудесное пение Джельсомино, казалось, околдовало всех. Цоппино заметил в толпе даже двух молодых полицейских. На их лицах тоже было написано восхищение. Полицейские, как вы сами понимаете, должны были бы схватить Джельсомино, но они и не собирались этого делать.

К сожалению, к дому приближался начальник полиции, прокладывая себе дорогу среди толпы ударами хлыста. У начальника полиции не было музыкального слуха, и пение Джельсомино на него не действовало.

Цоппино вихрем взметнулся по лестнице и пулей влетел на чердак.

— Вставай! Вставай! — замыкал он и принялся шекотать нос Джельсомино кончиком хвоста.— Концерт окончен! Подходит полиция!

Джельсомино открыл глаза, протер их хорошенько и спросил:

— Где я?

— Могу тебе сказать, где ты сейчас окажешься, если не сдвинешься с места,— ответил Цоппино.— В тюрьме!

— Я опять пел?

— Быстрее! Будем удирать по крышам!

— Ты рассуждаешь как настоящий кот. А я не очень-то привык скакать по черепицам.

— Ничего. Будешь придерживаться за мой хвост.

— А куда побежим?

— Во всяком случае, подальше отсюда. Куда-нибудь да попадем.

Цоппино выпрыгнул из окна каморки прямо на крышу, что была внизу, и Джельсомино оставалось только последовать за ним, закрыв глаза, чтобы голова не кружилась.

Глава четырнадцатая,

*из которой вы узнаете историю
Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту*

о счастье, дома в городе теснились один к другому, как сельди в бочке, и Джельсомино довольно легко перескакивал с крыши на крышу. Что же касается Цоппино, то он предпочел бы, чтоб дома стояли подальше друг от друга: тогда он мог бы совершить хоть один прыжок, достойный его кошачьего звания. Но вдруг у Джельсомино подвернулась нога, он полетел вниз и свалился на небольшую террасу, где какой-то старичок поливал цветы.

— Простите, пожалуйста! — воскликнул Джельсомино, потирая ушибленное колено.— Я совсем не собирался попадать к вам таким образом.

— Ну что вы, что вы! — просто ответил старичок.— Я очень рад вашему приходу! Что с вами? Вы ушибли ногу? Надеюсь, ничего страшного?

В это время, свесившись с крыши, на террасу заглянул Цоппино.

— Разрешите? — мяукнул он.

— Ах, еще один гость! — обрадовался старик. — Пожалуйста, пожалуйста! Я очень рад!

Тем временем коленка Джельсомино распухла прямо на глазах.

— Вот только мне очень жаль, — сказал старик, — что у меня нет ни одного стула, чтобы усадить вас.

— Тогда давайте положим его на кровать, — предложил Цоппино, — если вы не возражаете, конечно.

— Беда в том, что у меня и кровати нет, — ответил старик, совсем расстроившись, — я сейчас схожу к соседю и попрошу у него кресло.

— Нет, нет, — поспешно вмешался Джельсомино, — мне совсем неплохо и на полу.

— Тогда зайдите в комнату, — пригласил старик, — и будьте как дома, а я тем временем приготовлю кофе.

Комната старика была маленькой и чистенькой. Мягко поблескивала скромная мебель — стол, буфет, шкаф. Но не было ни одного стула, не было и кровати.

— А что, разве вы никогда не садитесь? — спросил Цоппино старика.

— Нет, не приходится, — ответил он.

— И не спите?

— Почему же, сплю иногда. Стоя. Правда, очень редко. Не больше двух часов в неделю.

Цоппино и Джельсомино переглянулись, как бы говоря друг другу: «Ну, держись, сейчас он наплетет нам с три короба...»

— Простите за нескромный вопрос, — продолжал Цоппино, — а сколько вам лет?

— Точно я и сам не знаю. Родился я лет десять тому назад, но сейчас мне, должно быть, не то семьдесят пять, не то семьдесят шесть.

По лицам гостей старик понял, что они не очень-то верят ему.

— Нет, я не лгу, — вздохнув, сказал он, — это неправдоподобная история, но в ней нет ни капли вымысла. Если хотите, я расскажу вам ее, пока варится кофе.

— Мое настоящее имя, — начал он, — Бенвенуто, но люди зовут меня Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту...

И старичок рассказал, что он родился в семье старьевщика. Такого резвого и живого ребенка еще никому не доводилось видеть. Едва он появился на свет, как выскочил из пеленок и стал бегать по комнате. Вечером Бенвенуто положили в люльку, а утром обнаружили, что люлька уже мала ему и ноги мальчика торчат из нее.

— Видно,— сказал старьевщик,— он торопится вырасти, чтобы скорее помогать семье.

Вечером Бенвенуто раздевали и клали в постель, а утром вчерашняя одежда уже не годилась ему — башмаки жали, а рубашки не налезали.

— Ну, это не так страшно,— говорила мать,— чего, чего, а уж тряпки-то в доме старьевщика всегда найдутся. Сейчас я сошью ему новую рубаху.

За какую-то неделю Бенвенуто так вырос, что соседи посоветовали отправить его в школу. Мать послушалась и повела Бенвенуто к учителю, но тот не на шутку рассердился:

— Почему вы не привели его пораньше? Ведь сейчас уже зима. Кто же начинает учиться в середине учебного года?

Но когда мать объяснила ему, что Бенвенуто всего семь дней, учитель рассердился еще больше:

— Семь дней? Уважаемая синьора, здесь — не ясли, а я — не нянька! Приходите через семь лет, тогда и поговорим.

Но тут он поднял свой нос от классного журнала и увидел, что Бенвенуто куда выше ростом любого из его учеников. Тогда он посадил мальчика на последнюю парту и принялся объяснять классу, что дважды два — четыре.

В полдень зазвенел звонок, все школьники вскочили из-за парт и выбежали из класса. Только Бенвенуто остался сидеть на своем месте.

— Бенвенуто,— позвал его учитель,— надо проветрить класс.

— Но мне не встать, синьор учитель.

Действительно, за четыре урока он так вырос, что крепко-накрепко застрял в парте. Пришлось позвать служителя, чтобы он помог ему выбраться.

На следующее утро для Бенвенуто поставили парту побольше, но, когда наступил полдень, он опять не

смог встать. И эта парта стала ему тесна. Бенвенуто сидел в ней, словно мышь в мышеловке.

Пришлось позвать столяра, и тот расколол парту на части. Учитель тот просто за голову схватился.

— Завтра принесем для тебя парту из пятого класса,— сказал он и тут же отдал распоряжение.

— Ну, как теперь? — спросил он, когда парту принесли.

— Хорошо! Совсем свободно! — радостно ответил Бенвенуто, и, чтобы ему поверили, он несколько раз встал и сел. Но с каждым разом вставать ему было все труднее и труднее. И в двенадцать часов, когда прозвенел звонок, все повторилось сначала, и опять пришлось звать столяра.

Директор школы и мэр города возмутились:

— Что случилось, сеньор учитель? Вы разучились поддерживать дисциплину в классе! Почему в этом году парты у вас колются, словно орехи? Вам нужно как следует взяться за своих сорванцов. Мы не в состоянии каждый день покупать новые парты!

Старьевщику пришлось отвести своего сына к доктору и рассказать ему все, как было.

— Посмотрим, посмотрим,— сказал доктор. Он надел очки, чтобы лучше видеть, и измерил рост Бенвенуто.

— Теперь,— сказал он,— садись.

Бенвенуто уселся на стул. Доктор подождал, пока пройдет минута, и сказал:

— Встань.

Бенвенуто встал, и доктор снова измерил его вдоль и поперек.

— Гм,— сказал он и, не поверив тому, что видит, протер очки платком.

— Присядь-ка еще разок.

Он проделал так несколько раз и наконец заключил:

— Это очень интересный случай. Мальчик болен какой-то новой болезнью. До сих пор еще никто не болел ею. Болезнь заключается в том, что, когда ребенок сидит, он быстро стареет. Каждая минута, проведенная сидя, равна для него целому месяцу. А лечение простое — нужно всегда быть на ногах, иначе за несколько недель мальчик превратится в белобородого старика.

После этого дня жизнь Бенвенуто совершенно переменялась. В школе ему сделали особую парту, без сиденья, чтобы он даже не пытался присесть. Дома его заставляли есть стоя. А вздумай он хоть минутку отдохнуть у камина, как тотчас раздавалось:

— Что ты делаешь! Захотел состариться раньше времени?

— Вставай, вставай! Посесть хочешь?

Ну а кровать?

Никаких кроватей, если он не хотел проснуться седым стариком. Пришлось Бенвенуто научиться спать стоя, как спят лошади. Вот из-за всего этого люди и прозвали его: Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту. Прозвище это так и осталось за ним на всю жизнь.

Но вот в один несчастный день заболел отец Бенвенуто. Вскоре, почувствовав, что умирает, он позвал к себе сына.

— Бенвенуто,— сказал он, прежде чем навсегда закрыть глаза,— теперь твой черед помогать матери. Она старенькая и не может больше трудиться. Найди себе хорошую работу. Она не принесет тебе вреда. Наоборот, благодаря работе ты долго будешь оставаться молодым. Ведь у тебя не будет времени, чтобы сидеть сложа руки.

На другой день Бенвенуто отправился искать работу. Но люди смеялись ему в лицо:

— Работу, говоришь? Нет, сынок, у нас не играют ни в мяч, ни в кегли. Ты еще слишком мал, чтобы работать на фабрике.

— Работу? Но ведь нас оштрафуют. Закон запрещает брать на работу детей...

Бенвенуто не стал спорить. Он тут же нашел выход из положения. Вернувшись домой, он уселся перед зеркалом и стал ждать.

— Доктор говорил, что стоит мне присесть, как я постарею. Посмотрим, правда ли это...

Через несколько минут он заметил, что растут — стали жать башмаки. Он скинул их и принялся рассматривать свои ноги — те удлинялись прямо на глазах. Когда же Бенвенуто опять взглянул в зеркало, то страшно удивился:

— Кто этот черноусый юноша, что смотрит на меня? Мы, кажется, знакомы. Я где-то видел его...

Наконец он понял и рассмеялся:

— Да это же я! Я — только совсем взрослый! Но теперь лучше будет встать. Больше стареть, пожалуй, не стоит.

Он не стал больше обивать пороги фабрик, а просто выкатил из сарая отцовскую тележку и двинулся с ней по улице, громко крича на ходу:

— Тряпки-лохмотья! Тряпки-лохмотья!

— Какой славный молодой человек! Откуда ты пришел в наши края? — спрашивали соседи, выглядывая из окон на его голос.

— Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту, это ты?!

— Да, соседи, это я! Я задремал на стуле и проснулся уже усатым!

Так Бенвенуто начал трудиться. И все люди любили его. Бенвенуто всегда был на ногах, всегда что-нибудь делал, всегда готов был каждому помочь — как тут не стать всеобщим любимцем! Однажды его хотели даже выбрать в мэры города:

— Вот такой человек нам и нужен — чтобы не любил засиживаться в кресле.

Но Бенвенуто не захотел стать мэром.

А потом умерла и его мать, и тогда он подумал: «Теперь я совсем один. Сидеть без дела я все равно не смогу, потому что быстро состарюсь. Пойду-ка лучше бродить по свету, посмотрю, где что делается».

Так он и сделал: взял тележку с тряпками и, недолго думая, отправился в дорогу. Счастливый, он дни и ночи мог шагать без усталости. Немало интересного увидел он на своем пути, немало людей повстречал.

— Ты очень славный парень, — говорили ему встречные, — присядь, поболтай с нами.

— Поболтать можно и стоя, — отвечал Бенвенуто.

Шел он, шел и все не старел. Но вот однажды проходил он мимо какой-то бедной лачуги и, заглянув в окно, увидел картину, от которой у него сжалось сердце. В кровати лежала больная женщина, а на полу возились маленькие ребятишки. Они ревели во все горло, стараясь перекричать друг друга.

— Молодой человек, — сказала женщина, увидев его, — если вы не очень торопитесь, зайдите на минутку к нам в дом. Мне не пошевелинуться, и я не могу укачивать детей, а каждая их слеза для меня все равно что нож в сердце.

Бенвенуто вошел в комнату, взял на руки одного из

малышей, походил с ним взад и вперед и убаюкал его. Таким же манером он успокоил и остальных. Но последний, самый маленький, никак не хотел засыпать.

— Присядьте на минутку,— посоветовала женщина,— и поддержите его на руках. Присядьте и увидите — он уснет.

Бенвенуто сел на скамеечку около очага, и плакавший ребенок сразу же утих. Он был такой славный, что Бенвенуто принялся играть с ним и даже спел ему песенку.

— Спасибо вам от всего сердца! — сказала женщина, когда ребенок уснул.— Я уже так отчаялась, что мне и жизнь немила стала.

— О, не говорите таких вещей даже в шутку! — ответил Бенвенуто.

Собираясь уходить, он случайно взглянул в зеркало на стене и увидел у себя седую прядь волос.

«Я и забыл совсем, что старею, когда сижу», — мелькнуло у Бенвенуто. Но потом он расправил плечи, еще раз взглянул на сладко спавших детей и пошел своей дорогой.

В другой раз он проходил ночью через какую-то деревушку и, увидев в одном из домиков свет, заглянул в окно. В комнате стоял ткацкий станок, а за ним работала девушка и тяжело вздыхала.

— Что с вами? — спросил ее Бенвенуто.

— Ох, я не сплю уже третью ночь... А к завтрашнему дню мне непременно нужно соткать этот коврик. Если я не успею, мне ничего не заплатят, и тогда всей нашей семье придется голодать. У меня могут даже отнять станок. Ах, чего бы я не отдала, чтобы поспать хоть полчаса!

«Полчасика — это всего тридцать минут», — подумал Бенвенуто.— Пожалуй, тридцать минут я вполне мог бы поработать за девушку».

— Знаете что,— сказал он вслух,— идите-ка спать, а я заменю вас. Мне почему-то нравятся этот станок. А через полчаса я вас разбужу.

Девушка прилегла на лавку и в ту же минуту уснула. Бенвенуто начал работать. Прошло полчаса, но разбудить девушку он не решился. Каждый раз, когда он подходил к ней, ему казалось, что ей снятся прекрасные сны.

Занялся рассвет, взошло солнце и разбудило девушку.

— Я проспала всю ночь! А вы работали!

— Э, пустяки! Я не скучал.

— У вас даже голова запылилась...

«Трудно сказать, на сколько лет я постарел сегодня»,— подумал Бенвенуто, но не почувствовал никакого сожаления. Он успел соткать коврик, и девушка была теперь самым счастливым человеком на свете.

В другой раз Бенвенуто довелось повстречаться с одним старым-престарым стариком.

— Мне так жаль,— говорил старик, вздыхая,— мне так жаль, что приходится умирать, не сыграв напоследок в карты. Все мои друзья уже умерли.

— Ну, а если дело только за этим,— сказал Бенвенуто,— то в подкидного я тоже умею.

И они стали играть. Бенвенуто не хотел садиться, но старик вдруг раскричался на него:

— Ты нарочно остался стоять, чтобы подсматривать сверху в мои карты! Хочешь нечестно обыграть меня! Хочешь воспользоваться тем, что я бедный, несчастный старик!

И Бенвенуто, как упал от неожиданности на стул, так и не вставал с него до конца игры. Он так растерялся, что перепутал карты и проиграл. А старик потирал руки от удовольствия, словно мальчишка, наволовавший груш.

— Еще разок! — весело предложил он.

Бенвенуто хотел было подняться с этого стула, который отнимал у него дни, месяцы, а может быть, и годы жизни, но ему жаль было огорчать бедного старика. Он продолжал сидеть и проиграл во второй раз, а затем и в третий. Старик, казалось, помолодел от радости.

— Эти годы он взял у меня,— пробормотал Бенвенуто, глядя на себя в зеркало. Волосы его словно покрылись инеем.— Ну ничего,— утешал он себя,— кто знает, сколько уже времени этот старик мечтал поиграть в карты...

И так каждый раз, когда нашему Бенвенуто случалось присесть, чтобы помочь кому-нибудь, у него седали волосы. Потом постепенно согнулась спина, точно дерево под сильным ветром, и потускнели глаза. Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту старел. Скоро у него уже не осталось ни одного темного волоса. Люди, знавшие его историю, говорили:

— Много же пользы принесли тебе твои добрые дела, Бенвенуто! А ведь думай ты только о себе, был бы ты сейчас молодым парнем.

Но Бенвенуто не соглашался с такими речами. Каждый седой волос напоминал ему о каком-нибудь добром деле. Так о чем же ему было жалеть?!

— Ты мог бы сохранить жизнь для себя, а не раздавать ее всем понемножку,— говорили ему соседи.

Но Бенвенуто только улыбался и качал головой. Он думал о том, что каждый седой волос помог ему найти нового друга, и таких друзей у него были тысячи и тысячи. Бенвенуто не знал усталости в своих странствиях, хоть и опирался теперь на палку и часто останавливался, чтобы передохнуть.

— Скитался я, скитался, попал вот в эту страну и решил в ней поселиться,— закончил свой рассказ Бенвенуто,— и здесь я продолжаю заниматься отцовским ремеслом — ремеслом старьевщика.

— Но ведь на свете сколько угодно других стран,— удивился Цоппино,— почему бы вам не выбрать какую-нибудь получше этой?

Бенвенуто улыбнулся:

— В этой стране люди нуждаются в моей помощи больше, чем в любой другой. Это ведь самая несчастная страна на свете. Значит, тут мне и место.

— Как это верно! — воскликнул Джельсомино. Он растрогался до слез, слушая рассказ старика.— Вот самый правильный путь! Теперь я знаю, что мне делать с моим голосом. Он должен помогать людям, а не приносить им несчастья.

— Ну, это тебе будет нелегко,— заметил Цоппино,— например, не вздумай напевать колыбельную песенку — детишки только пуще разревутся. Ведь твой голос способен перебудить целую страну.

— Но будить спящих тоже бывает иногда очень полезно,— заметил Бенвенуто.

— Этим я и займусь! — решительно заявил Джельсомино.

— Нет, сначала ты займешься своим коленом,— сказал Цоппино.

Колено действительно все распухало и распухало. Джельсомино уже не мог ни ходить, ни стоять. Тогда

решили, что он, пока не поправится, будет жить у Бенвенуто. Ведь он почти никогда не спал и мог позаботиться о том, чтобы Джельсомино не распевал во сне и не угодил таким образом в лапы полиции.

Глава пятнадцатая,

*в которой Бананито переселяется
в тюрьму и готовит себе завтрак
при помощи карандаша*

Бананито, как вы помните, вышел рано утром из дома и пошел куда глаза глядят. У него не было никаких определенных планов. Просто ему хотелось поскорее что-нибудь нарисовать, чтобы показать всем свое мастерство.

Привратники, орудуя шлангами, поливали водой улицы. Они перебрасывались шутками с рабочими, которые, нажимая на педали велосипедов, спешили на фабрику, ежеминутно рискуя попасть под холодный душ. Утро было ясным и светлым. Бананито чувствовал, как в его голове бродят тысячи великолепных замыслов. Внезапно ему почудился необыкновенный аромат и показалось, что среди булыжников мостовой вдруг распустились мириады фиалок.

«Вот самое лучшее из того, что я мог бы сделать!» — решил Бананито. И там же, где стоял, около ограды какой-то фабрики, он уселся на тротуар, достал из коробки кусок мела и принялся за работу. Вокруг сразу же столпились рабочие.

— Готов спорить, — сказал один из них, — что сейчас он нарисует кораблик или каких-нибудь голубков. Только где же собака, что держит шапку для подавания?

— Я слышал однажды, — сказал другой рабочий, — такую историю. Какой-то художник провел на земле красную черту. Люди, что собрались вокруг, стали ломать себе голову соображая, что бы это значило.

— Ну и что же?

— Спросили наконец у художника. И он ответил: «Я хочу посмотреть, кто из вас сможет пройти под этой чертой, а не над ней». Потом он надел шляпу и ушел. Он, наверное, был немножко...

— Ну, этот, пожалуй, еще в своем уме,— перебил кто-то.— Посмотрите.

Бананито ни на секунду не отрывался от работы и рисовал так быстро, что трудно было уследить за его рукой. И на тротуаре в точности так, как он задумал, возникла целая клумба настоящих фиалок. Это был всего лишь рисунок, но такой прекрасный, что воздух внезапно оказался напоенным ароматом цветов.

— Мне кажется, я чувствую запах фиалок,— прошептал один из рабочих.

— Скажи лучше — запах тыквы, а не фиалок, не то тебя в два счета упрячут в кутузку,— посоветовал ему товарищ.— Но запах чувствуется — это верно!

Все молча стояли вокруг Бананито. Было так тихо, что слышалось даже, как поскрипывает его мелок. С каждым новым штрихом, ложившимся на тротуар аромат фиалок все усиливался. Рабочие заволновались. Они переминались с ноги на ногу, перекладывали свертки с завтраками из руки в руку, делали вид, будто проверяют, хорошо ли накачаны шины велосипедов, но не упускали из виду ни одного движения Бананито и только потягивали носами, чтобы полнее насладиться чудесным ароматом, который так радовал сердце.

Взвыл заводской гудок, призывавший их на работу, но никто не двинулся с места. Кругом только и раздавалось: «Молодчина! Вот это молодчина!»

Бананито оторвался наконец от работы, взглянул на собравшихся и прочел в их глазах столько благодарности, что даже смутился. Он собрал свои краски и поспешно зашагал прочь.

Один из рабочих догнал его:

— Что с тобой? Куда ты? Подожди минутку, сейчас мы вывернем карманы и отдадим тебе все наши деньги. Никому из нас еще не доводилось видеть такие замечательные рисунки.

— Спасибо,— пробормотал Бананито,— большое спасибо!

И он поспешил на другую сторону улицы, чтобы скорее остаться одному. Сердце его билось так сильно, что куртка на груди приподнималась, как будто под нею прятался котенок. Бананито был по-настоящему счастлив. Он долго бродил по городу, не решаясь, однако, приняться за какой-нибудь новый рисунок.

В голове у него возникали сотни замыслов, но он отбрасывал их один за другим. Наконец, увидев бродячую собаку, Бананито окончательно понял, что ему следует делать. Он уселся тут же на тротуаре и стал рисовать.

В Стране Лгунов всегда найдутся люди, которым нечего делать и которые поэтому слоняются по улицам. Это профессиональные прохожие или, попросту говоря, безработные. Около Бананито опять собралась небольшая группа зрителей, и они стали отпускать замечания на его счет:

— До чего же горазд на выдумки! Вздумал рисовать кошку, как будто их и так мало в городе.

— Это не простая кошка,— весело сказал Бананито.

— Слышали? Он рисует особенную кошку! В наморднике, что ли, будет твоя кошка?

Споры прекратились, как по волшебству, когда Бананито в последний раз провел кистью по хвосту своей собаки, и та, вскочив с земли, залилась веселым лаем. Толпа испустила крик изумления. В ту же минуту прибежал полицейский:

— Что такое? Что случилось? Ага, вижу! Даже слышу! Лающая собака! Как будто с нас мало было мяукающих котов! Чья она?

Толпа поспешно разошлась, чтобы не отвечать ему. Только один, бедняга, не смог увернуться, потому что стоял рядом, и полицейский ухватил его за рукав.

— Это его кошка,— ответил он и, показав на Бананито, опустил глаза.

Полицейский отпустил парня и вцепился в художника:

— Ну-ка, отправляйся со мной!

Бананито ничего не оставалось делать. Он собрал свои краски и, ничуть не огорчившись, последовал за полицейским. А собака, повиливая хвостом, отправилась по своим делам.

Художника посадили в тюремную камеру и велели ждать, пока его допросит начальник полиции. У Бананито горели руки, так ему хотелось поработать. Он нарисовал небольшую птичку и подбросил ее в воздух. Но птичка не улетела. Она уселась ему на плечо и стала ласково поклевывать его ухо.

— А, ты, наверное, хочешь есть! — догадался Бананито.

Он нарисовал птичке горстку зернышек проса и вспомнил при этом, что и сам еще не завтракал.

«Яичницы из двух яиц мне бы вполне хватило. И пожалуй, неплохо было бы съесть большой спелый персик», — подумал он и нарисовал все, что ему хотелось. ~~Скоро~~ аппетитный запах яичницы распространился по камере, проник за дверь и защекотал ноздри стражника.

— Гм, как вкусно пахнет! — сказал стражник, потягивая носом и стараясь подольше насладиться запахом.

Но потом он забеспокоился и открыл глазок камеры. Увидев заключенного, который с аппетитом уплетал яичницу, стражник окаменел от изумления. В таком положении его и застал начальник стражи.

— Замечательно! — закричал он вне себя от гнева. — Великолепно! Оказывается, заключенным теперь носят обеды из ресторана!

— Я не... я не... — только и мог пролепетать стражник.

— Ты не знаешь порядка! Хлеб и вода! Вода и хлеб! И ничего больше!

— Я не знаю, откуда у него все это, — промолвил наконец стражник, — может быть, яйца были у него в кармане...

— Ну да, а жаровня, на которой он их поджарил? Тоже была у него в кармане? Я вижу, стоит мне отлучиться, как в тюремных камерах появляются кухонные плиты...

Но начальнику стражи тут же пришлось признать, что никакой плиты в камере нет и в помине. А Бананито, чтобы выручить стражника, решил рассказать, каким образом он приготовил себе завтрак.

— Ну нет, я не такой дурак! Меня не проведешь! — сказал начальник стражи, с недоверием выслушав художника. — А прикажи я тебе подать камбалу в красном вине, что бы ты стал делать?

Вместо ответа художник взял лист бумаги и принялся рисовать заказанное блюдо.

— Как угодно, с петрушкой или без нее? — поинтересовался он между прочим.

— С петрушкой, — посмеиваясь, ответил начальник стражи. — Ты и впрямь принимаешь меня за дурака. Ну, ничего, когда закончишь, я заставлю тебя самого съесть этот лист бумаги!

Но когда Бананито кончил рисовать, от рисунка повалил вкусный пар и все почувствовали запах жареного, а через несколько мгновений камбала в красном вине уже дымилась на столе и, казалось, так и просила: «Съешь меня! Съешь меня!»

— Приятного аппетита! — сказал Бананито начальнику стражи, у которого от изумления глаза на лоб вылезли. — Ваш заказ выполнен.

— Мне... что-то... не хочется есть, — пробормотал тот, с трудом приходя в себя от удивления. — Отдай камбалу стражнику и следуй за мной!

Глава шестнадцатая,

*в которой Бананито становится министром
и тут же впадает в немилость*

ачальник стражи вовсе не был глупцом. Напротив, он был хитрым пройдохой.

«За этого человека, — рассуждал он, сопровождая Бананито в королевский дворец, — можно получить столько золота, сколько он весит. Даже, может быть, на несколько центнеров побольше. Сундук у меня достаточно глубок, так почему бы не отправить в него несколько мешков золота? Ведь места оно не пролежит... Король наверняка щедро наградит меня».

Но надежды его не оправдались. Король Джакомоне как только узнал, в чем дело, повелел немедленно привести к нему художника. А с начальником стражи обошелся весьма сурово и, лишь отпуская его, изрек:

— За то, что ты нашел этого человека, жалую тебе Большую Фальшивую медаль!

«Как же, нужна мне твоя медаль... — проворчал начальник стражи, — у меня их уже две дюжины, и все картонные. Будь у меня дома хромоногие столы, можно было бы подкладывать эти медали под их ножки, чтоб не шатались».

Пусть себе начальник стражи бормочет все, что ему хочется. Оставим его в покое и посмотрим лучше, как встретились Бананито и король Джакомоне.

Художник ничуть не растерялся в присутствии столь высокой особы и спокойно ответил на все его вопросы.

Разговаривая с Джакомоне, Бананито любовался его прекрасным оранжевым париком, который сиял на голове короля, словно груды апельсина на прилавке.

— Что это ты так разглядываешь? — спросил король.

— Ваше величество, я люблюсь вашими волосами.

— Гм! А ты мог бы нарисовать такие же хорошие волосы? — Джакомоне вдруг загорелся надеждой, что Бананито нарисует волосы прямо на его лысине, они станут настоящими и их не придется убирать на ночь в шкаф.

— Столь же прекрасные, конечно, нет! — ответил Бананито, думая доставить королю удовольствие этим комплиментом.

В глубине души он немного сочувствовал ему, как всякому человеку, страдающему из-за своей лысины. Ведь столько людей обрезают волосы только для того, чтобы не причесывать их. К тому же о людях не судят по цвету волос. Будь у Джакомоне самые настоящие черные волнистые кудри, все равно он остался бы таким же пиратом и негодяем, каким был.

Джакомоне горестно вздохнул и решил, что велит расписать свою лысину в другое время.

«Лучше, пожалуй, — подумал он, — сначала использовать его как-нибудь иначе. Можно, например, с его помощью прослыть в истории великим королем!»

— Я назначаю тебя, — сказал он художнику, — министром зоологического сада. Около дворца есть чудесный парк, но в нем нет никаких зверей. Ты должен нарисовать их. И смотри никого не забудь, иначе...

«По правде говоря, лучше уж быть министром, чем сидеть в тюрьме», — рассудил Бананито. И еще до захода солнца, на глазах у изумленных зрителей, он нарисовал сотни различных животных, которые тут же оживали. Это были львы, тигры, крокодилы, слоны, попугаи, черепахи, пеликаны... И еще были собаки, много-много собак — дворняжки, лайки, борзые, таксы, пудели... Все они, к великому ужасу придворных, громко лаяли.

— Чем только все это кончится? — перешептывались придворные. — Его величество позволяет собакам лаять! Это же против всяких законов! Наслушавшись собачьего лая, народ, чего доброго, наберется опасных мыслей!

Но Джакомоне распорядился не беспокоить Бананито и разрешил ему делать все, что он захочет. Поэтому придворным оставалось только давиться от злости.

Животные, по мере того как Бананито создавал их, занимали свои места в клетках. В бассейнах теперь плавали белые медведи, тюлени и пингвины, а по аллеям бегали сардинские ослики, те самые, на которых обычно катают в парках детей.

В этот вечер Бананито не вернулся в свою каморку. Король отвел ему комнату в своем дворце. Опасаясь, как бы художник не сбежал, Джакомоне приставил к нему на ночь десять стражников.

На другой день, когда Бананито нарисовал всех животных, какие есть на свете, и в зоопарке уже больше нечего было делать, король назначил его министром съестных припасов (или, как он выразился, министром канцелярских товаров).

Перед воротами дворца поставили стол с кистями и красками и посадили за него Бананито. А горожанам сказали, что они могут просить у художника любое кушанье, какое только захотят.

Вначале многие попали впросак. Просили, например, у Бананито чернил, подразумевая хлеб (как и полагалось по «Словарю Лгунов»), — художник и рисовал бутылку чернил, да еще поторапливал:

— Ну, кто там следующий?

— На что она мне?! — восклицал злополучный проситель. — Я же не могу ни съесть, ни выпить эти чернила!

Так что очень скоро люди поняли: хочешь получить от Бананито что-либо, называй вещи настоящими именами, хоть они и запрещены.

Придворные просто из себя выходили от возмущения.

— Куда же это годится?! Чем дальше, тем хуже! — шипели они, позеленев от злости. — Это плохо кончится! Еще немного, и люди перестанут лгаты! Что стряслось с нашим королем?

А король Джакомоне все ждал, когда к нему явится мужество, чтобы попросить художника нарисовать настоящие волосы. «Тогда можно будет не бояться ветра», — думал он и тем временем позволял Бананито

делать все, что ему заблагорассудится. Придворные были вне себя от негодования.

Королевские генералы — те тоже не находили места от ярости.

— В кон-то веки в наших руках оказался такой человек, как этот художник, и что же? Как мы его используем? Яичницы, цыплеты, мешки жареной картошки, горы шоколада... Пушки нам нужны, пушки! Тогда мы создадим непобедимую армию и раздвинем границы нашего государства!

Один самый воинственный генерал отправился к королю и рассказал ему об этих планах. У старого пирата Джакомоне закипела кровь.

— Пушки! — обрадовался он. — Конечно, пушки! И корабли, самолеты, дирижабли... Клянусь рогами дьявола! Позвать сюда Бананито!

Уже много лет подданные не слышали, чтобы король вспоминал рога дьявола. Это было его самое любимое ругательство в те времена, когда он, стоя на капитанском мостике, воодушевлял своих пиратов ринуться на abordаж какого-нибудь незащищенного судна.

Тотчас же прекратили раздачу съестного и привели Бананито к Джакомоне. Слуги уже развесили на стенах комнаты географические карты и приготовили коробку с флажками, чтобы отмечать места будущих сражений и побед.

Бананито спокойно выслушал все, что ему сказали, не прерывая разгоревшихся вокруг него споров. Но когда ему вручили бумагу и карандаш, чтобы он тут же, без промедления, начал отливать пушки, Бананито взял большой лист бумаги и огромными буквами написал на нем только одно слово: «Нет!» Затем он пронес этот лист по всему залу, чтобы все увидели его ответ.

— Сеньоры, — сказал он затем, — хотите кофе? Пожалуйста, в одну минуту я приготовлю вам его. Хотите лошадей, чтобы поохотиться на лисиц? Могу нарисовать вам самых лучших чистокровных скакунов. Но о пушках лучше забудьте. Пушек вы никогда от меня не получите!

Вот когда разразился настоящий скандал! Все закричали, зашумели, застучали кулаками по столу. Только один Джакомоне, чтобы не ушибить руку, подождал слугу и стукнул по его спине.

— Голову! Отрубить ему сейчас же голову! — кричали придворные со всех сторон.

— Лучше сделаем так, — рассудил Джакомоне. — Пока что не будем лишать его головы. Дадим ему время привести ее в порядок. По-моему, ясно как день, что этот человек не в своем уме. Наверное, именно поэтому он и рисует такие прекрасные картины. Посадим-ка его на некоторое время в сумасшедший дом.

Придворные стали было ворчать, что это слишком мягкое наказание. Но они понимали: Джакомоне еще надеется обзавестись настоящими волосами — и умолкали.

— Пока же, — продолжал Джакомоне, — запретить ему рисовать!

Так Бананито тоже оказался в сумасшедшем доме. Художника посадили в отдельную палату и не оставили ему ни бумаги, ни карандаша, ни кисти, ни красок. В палате не нашлось даже ни кусочка кирпича или мела, потому что стены были обиты войлоком. И так как Бананито оставалось рисовать только кровью, то он решил отложить на время работу над своими шедеврами.

Он растянулся на скамье, закинул руки за голову и стал смотреть в потолок. Потолок был совершенно белый, но Бананито видел на нем чудесные картины — те, которые он непременно напишет, едва только окажется на свободе. А в том, что он будет освобожден, Бананито нисколько не сомневался. И он был прав, потому что кое-кто уже позаботился о его спасении. Вы, конечно, догадались, что это был Цоппино.

Глава семнадцатая,

*в конце которой Цоппино
снова становится рисунком*

Когда в доме Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту, где Джельсомино лечил свое колено, узнали, что художник Бананито сделался министром, котенок решил отправиться к нему, чтобы подать прошение об освобождении тетушки Панноккьи и Ромолетты. Но, к сожалению, опоздал. Когда он добрался до дворца, художника там уже не было,

— Хочешь взглянуть на Бананито,— посмеиваясь, сказал ему стражник,— так ступай в сумасшедший дом. Правда, еще не известно, пустят ли тебя туда. Разве только если ты тоже не в своем уме.

Цоппино долго соображал, притвориться ли ему помешанным, чтобы попасть в сумасшедший дом, или лучше поискать туда какую-нибудь другую дорогу.

— Ну, лапки мои, выручайте,— сказал он наконец,— теперь вчетвером вам будет немного полегче карабкаться по стенам.

Сумасшедший дом, вернее сумасшедшие помещались в мрачном, похожем на замок здании, окруженном глубоким рвом с водой. Цоппино пришлось принять небольшую ванну. Он бросился в воду, переплыл ров, вскарабкался по стене, юркнул в первое же открытое окошко и очутился на кухне. Все повара и слуги в это время спали, и тут был только маленький поваренок, которому велели вымыть пол. Увидев Цоппино, он закричал:

— Брысь! Брысь! Вон отсюда, противный котенок! Пора бы уже знать, что здесь не бывает обедков!

Несчастный поваренок вечно страдал от голода и съедал все кухонные отходы до последней рыбной косточки. Поэтому он и поспешил выгнать котенка. В страхе, что тот утащит у него что-нибудь, поваренок открыл дверь и выпустил его в коридор.

Направо и налево нескончаемо тянулись палаты сошедших с ума, а точнее говоря, совершенно здоровых заключенных. Вся их болезнь состояла лишь в том, что они неосторожно сболтнули где-то правду и попались при этом ищейкам Джакомоне.

Некоторые палаты были без дверей и отделялись от коридора лишь толстой железной решеткой; другие, напротив, имели тяжелые железные двери с маленькими окошками для передачи пищи. Заглянув в одно из этих окошек, Цоппино увидел семерых котов тетушки Панноккьи и, что удивило его гораздо больше, своего старого знакомого Тузика. Коты спали вповалку прямо друг на друге и видели, должно быть, прекрасные сны. У Цоппино не хватило мужества разбудить их, тем более что в этот момент он все равно ничем не мог им помочь. В той же палате, как вы знаете, сидел и Калимеро Денежный Мешок. Калимеро не спал и, увидев Цоппино, стал умолять его:

— Приятель, раздобудь-ка мне мышку, а? Ведь ты разгуливаешь на свободе! Одну-единственную мышку! Как давно уже я не держал в своих когтях мыши!

«Вот это настоящий сумасшедший!»,— подумал Цоппино и закрыл окошко. Он не был знаком с Кали-меро.

В конце коридора находилась самая большая палата, в которой было заперто человек сто. Среди них были и тетушка Панноккья с Ромолеттой. Если бы в палате горел свет, Цоппино увидел бы их. А если бы к тому же тетушка Панноккья не спала, она непременно схватила бы Цоппино за хвост по своей старой привычке. Но свет не горел, и тетушка Панноккья спала крепким сном. Цоппино на цыпочках пробрался через палату и вышел на лестницу, которая вела наверх. Там после долгих поисков он отыскал наконец палату, в которую упрятали Бананито.

Художник спокойно спал, закинув руки за голову, и видел во сне великолепные картины, которые ему предстояло написать. Но в одной из этих картин вдруг образовалась дыра, из чудесного букета цветов вдруг выглянула кошачья мордочка и громко мяукнула. Бананито проснулся, взглянул на дверь и сразу же вспомнил, что он — в сумасшедшем доме. Но окошко в двери было приоткрыто, и в нем виднелась голова мяукающего Цоппино.

— Бананито! Бананито! Ну и крепко же ты спишь!

— Вот чудеса! Голову даю на отсечение, что эти усы принадлежат Цоппино!

— Проснись, говорят тебе! Это я, Цоппино! Да, это я, и даже лапка, которую ты мне сделал, со мною. Она действует превосходно.

Говоря это, Цоппино изловчился, пролез в окошко и прыгнул в палату.

— Я пришел, чтобы выручить тебя.

— Спасибо, милый Цоппино, но как?

— Еще сам не знаю. Хочешь, украду ключи у сторожей?

— Но они могут проснуться.

— Хочешь, прогрызу в двери дырку?

— Эх, будь у тебя сверла вместо зубов,— может быть, и удалось бы... Нет, знаешь, что нам нужно?

— Что?

— Напильник! Достань мне напильник, а об остальном я сам позабочусь.

— Есть! Я мигом разыщу тебе его! Бегу!

— Все можно было бы сделать гораздо быстрее, — остановил его Бананито, — я мог бы просто нарисовать напильник, но эти каналы не оставили мне даже огрызка карандаша!

— Так зачем же дело стало! — воскликнул Цоппино. — Вот тебе мои лапки! Или ты забыл, что они из мела и масляной краски?

— Это верно... Но ведь они станут короче...

Цоппино и слышать ничего не хотел:

— Пустяки! Нарисуешь мне потом новые!

— Так как же выбраться из палаты?

— Нарисуй напильник!

— А как спуститься вниз?

— Нарисуй парашют!

— А как перебраться через ров?

— Нарисуй лодку!

Когда Бананито кончил рисовать все, что требовалось для побега, лапка Цоппино превратилась в крохотную культяпку.

— Видишь, — засмеялся Цоппино, — как хорошо, что я не изменил себе имя. Хромоножкой был, хромоножкой и остался.

— Давай я нарисую тебе новую лапу, — предложил Бананито.

— Сейчас некогда. Надо успеть, пока не проснулись сторожа.

И Бананито принялся за работу. К счастью, он нарисовал такой острый напильник, что тот врезался в железо, как нож в масло. Через несколько минут в дверях уже зияло большое отверстие; через него наши друзья выбрались в коридор.

— Зайдем за тетушкой Панноккьей и Ромолеттой, — предложил Цоппино, — да и котов не стоило бы забывать.

Но скрежет напильника все-таки разбудил сторожей. Чтобы навести порядок, они стали обходить палаты.

Бананито и Цоппино услышали их тяжелые размеренные шаги, раздававшиеся в соседнем коридоре.

— Нужно добраться до кухни, — сказал Цоппино, — раз уж не можем убежать все вместе, удерем хотя бы

вдвоем. На свободе от нас будет больше проку, чем здесь.

Едва они появились на кухне, как голодный поваренок снова напустился на Цоппино:

— Я же только что выгнал тебя, бесстыжий обжора! А ты опять норовишь отнять у меня последние объедки! Ну, быстро! Вот окно — полезай в него! А утонешь, так туда тебе и дорога!

Он был так сердит и встревожен, что даже не обратил внимания на Бананито. Бедного поваренка беспокоил только кот, который, по его мнению, мог оставить его без ужина. Бананито пристегнул парашют, приготовил лодку и взял на руки Цоппино:

— Ну, в дорогу!

— Да, да! В дорогу! В дорогу! И больше тут не показывайтесь! — проворчал поваренок.

Только когда беглецы скрылись, он заподозрил что-то неладное.

— А этот другой, кто бы это мог быть? — стал ображать он, схватившись за голову. И чтоб не навлечь на себя беды, решил притвориться, будто ничего не видел и ничего не слышал. Затем поваренок откопал в куче очистков капустную кочерыжку, и урча от удовольствия, вцепился в нее зубами.

Не прошло и десяти минут, как бегство Бананито было обнаружено. Сторожа высовывались из окон сумасшедшего дома и кричали:

— Караул! Караул! Сбежал буйнопомешанный!

Как раз в это время Бананито и Цоппино, пригнувшись к самому дну лодки и гребя руками, переплыли через ров. Но не уйти бы им от преследователей, если б на том берегу их не ждал со своей тележкой Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту.

— Скорее! Прячьтесь сюда! — велел старьевщик. Он помог им забраться в тележку и забросал сверху кучей тряпья. А сторожам, которые вскоре подбежали к нему, он сказал: — Вон там ищите! Они туда побежали, — и махнул рукой вдаль.

— А ты что тут делаешь?

— Я бедный старьевщик. Я устал и остановился передохнуть.

И чтобы ему поверили, Бенвенуто присел на край тележки и закурил трубку. Бедный Бенвенуто, он прекрасно понимал, что станет сейчас совсем старым и в

несколько минут лишится нескольких месяцев жизни. Но он продолжал сидеть.

«Годы, что я теряю сейчас,— думал он,— наверняка продлят жизнь моим друзьям»,— и он выпустил из рта клуб дыма прямо в лицо стражникам.

К несчастью, в это самое мгновение у Цоппино зашекотало в носу. Тряпки, что укрывали его, были довольно пыльными, и только какой-нибудь носорог мог бы сказать, что они были надушены. Цоппино попытался лапками зажать себе нос, но слишком поздно вспомнил, что из передних лапок у него осталась только одна. И он громко чихнул. Так громко, что поднял целое облако пыли.

Чтобы не подвести Бананито, Цоппино тут же выскочил из тележки и задал стражача.

— Кто это? — удивились стражники.

— Кажется, какая-то собака,— ответил Бенвенуто,— да, собака. Спряталась, должно быть, среди тряпок. Вон как улепetyвает.

— Ага! — решили стражники. — Раз улепetyвает, значит, совесть нечиста. Догнать ее!

И Цоппино услышал за собой тяжелый топот, услышал тревожные крики и обрадовался: «Если они погонятся за мной, то оставят в покое Бенвенуто и Бананито».

Он пробежал почти через весь город, а стражники все гнались за ним, высунув языки. Вот площадь перед королевским дворцом, вот колонна, на которой Цоппино провел однажды такую хорошую ночь...

— Ну, последний прыжок,— сказал Цоппино своим лапкам,— и мы будем в безопасности!

И лапки с такой готовностью откликнулись на его призыв, что Цоппино, вместо того чтобы вскарабкаться на колонну, со всего разбега налетел на нее и тут же превратился в рисунок — в набросок трехлапного котенка. Правда, в тот момент он не пожалел об этом, потому что стражники остались, как они сами писали потом в донесении, с носом.

— Куда она провалилась? — спрашивали они друг друга.

— Я видел, как она бросилась к колонне...

— Но поблизости никого нет...

— Тут что-то нацарапано. Смотри — какой-то проказник стащил в школе мел и нарисовал на колонне собаку.

— Что ж, пойдем отсюда. Детские каракули — не наше дело.

А Бенвенуто между тем катил свою тележку к дому, останавливаясь время от времени, чтобы отдохнуть. По пути он даже присел два-три раза, потому что уже еле держался на ногах от усталости. Словом, когда он выходил из дому, ему было около восьмидесяти лет, а когда вернулся обратно, ему уже перевалило далеко за девяносто. Подбородок Бенвенуто уткнулся в грудь, глаза затерялись среди морщин, а голос стал еле слышным, как бы доносящимся из-под груды опилок:

— Бананито, проснись, приехали!

Но Бананито его не слышал — он уснул, пригравшись под тряпьем.

Глава восемнадцатая,

*в которой вы проститесь
с Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуту*

то с тобой? Ты разговариваешь со своими тряпками? — За спиной Бенвенуто, который пытался разбудить художника, остановился ночной стражник.

— Разговариваю с тряпками? — переспросил Бенвенуто, чтобы выиграть время.

— Ну да! Я же слышал, как ты что-то говорил вот этому чулку. Или ты считал на нем дырки?

— Я, должно быть, говорил, сам того не замечая, — пробормотал Бенвенуто, — знаете, так устал... Целый день колесил по городу с этой тележкой. В мои годы это не так-то просто...

— Раз устали, так присядьте и отдохните, — сочувственно посоветовал стражник, — все равно в такой поздний час никто не станет продавать тряпки.

— Да, да, присяду, — согласился Бенвенуто и опустился на свою тележку.

— Знаете, я тоже с удовольствием отдохнул бы сейчас, — сказал стражник. — Позвольте?

— Отчего же, присаживайтесь!

— Спасибо! Знаете, ведь ночные сторожа тоже устают... И подумать только, когда-то я хотел стать пианистом. Пианисты всегда играют сидя, и вообще вся их

жизнь проходит среди прекрасной музыки. Я даже в школьном сочинении писал об этом. У нас была такая тема — «Кем вы будете, когда вырастете?». Я написал тогда: «Когда вырасту, я стану пианистом, объеду с концертами весь мир, заработаю много аплодисментов и стану знаменитым». Я не нажил славы даже среди воров, потому что до сих пор не поймал еще ни одного из них. Кстати, а вы не вор, случайно?

Бенвенуто покачал головой. Он хотел было утешить стражника, но у него уже не было сил. Он чувствовал, как жизнь уходит от него с каждой минутой. Но он не позволял себе подняться и продолжал слушать разглагольствования стражника.

А стражник еще долго говорил о своей работе, о пианино, играть на котором ему так и не удалось научиться, о своих детях.

— Старшему уже десять лет, — рассказывал он, — вчера он тоже писал в школе сочинение. Ведь учителя из года в год дают одну и ту же тему — «Кем ты будешь, когда вырастешь?». «Я буду астронавтом, — написал мой сын, — и отправлюсь на спутнике на Луну!» Я очень хотел бы, чтобы так оно и вышло, но годика через два сыну придется бросить школу и подыскать себе работу, потому что одного моего жалованья маловато. А как по-вашему, это очень трудно — стать астронавтом?

Бенвенуто покачал головой. Он хотел еще добавить, что это совсем нетрудно, что в мире нет ничего невозможного, что никогда не следует терять мужества и никогда не надо расставаться со своими мечтами. Но стражник даже не увидел, как Бенвенуто покачал головой. Когда он взглянул на него, ему показалось, что Бенвенуто уснул.

— Бедный старик, — пробормотал стражник, — видимо, он и в самом деле не на шутку устал. Ну, ладно, продолжим наш обход.

И он осторожно, на цыпочках, пошел дальше. Но Бенвенуто продолжал сидеть, даже не шевельнувшись. У него уже не было сил подняться.

«Я подожду их так, — вздохнул он про себя, — подожду сидя. Я сделал все, что было в моих силах. Теперь Бананито в безопасности».

Мысли Бенвенуто стали путаться, их как бы заволакивало туманом... Откуда-то издалека до него донес-

лось вдруг пение — кто-то напевал колыбельную песенку... Потом он уже больше ничего не слышал.

Но колыбельная песенка, друзья мои, не почудилась Бенвенуто. Нет, просто Джельсомино по своему обыкновению тихонько напевал во сне.

Голос его сначала заполнил комнату, затем разнесся по всему дому и наконец загремел по всем переулкам. Он разбудил Бананито, и тот вылез из-под груды тряпья.

— Бенвенуто,— позвал он.— Бенвенуто, где мы? Что происходит?

Но Бенвенуто уже не мог ответить ему.

Художник выбрался из тележки и стал трясти его за плечо, как вдруг заметил, что рука Бенвенуто ледяная. А вокруг все громче звучал голос Джельсомино, певшего нежную колыбельную песенку.

Бананито бросился наверх, разбудил Джельсомино и вместе с ним вернулся на улицу.

— Он умер! — воскликнул Джельсомино.— Он умер ради нас! Он потратил свои последние годы на то, чтобы спасти нас, пока мы спокойно спали.

В это время в конце улицы снова показался стражник, который только что разговаривал с Бенвенуто.

— Отнесем его в дом,— предложил Джельсомино. Но Бананито не пришлось помогать ему, потому что Бенвенуто стал теперь легким, как ребенок, и Джельсомино почти не чувствовал его на своих руках.

Стражник постоял некоторое время у тележки.

«Этот старьевщик живет, наверное, где-нибудь поблизости,— подумал он,— мне бы надо оштрафовать его за то, что он оставил свою тележку посреди улицы. Но старик был таким добрым... Сделаю вид, будто проходил другой стороной».

Бедный Бенвенуто! В его доме не было даже кровати, и пришлось положить его на пол, лишь подсунув под голову подушку.

Похороны Бенвенуто состоялись через два дня, после многих других событий, о которых вы еще ничего не знаете и о которых прочтете в следующих главах. На похороны пришли тысячи людей. И хотя каждый из них мог бы рассказать об одном из добрых дел Бенвенуто-не-присядь-ни-на-минуто, никто не стал произносить речей,

Выступил только один Джельсомино. И первый раз в жизни он пел так тихо, что ничего не разбил и не сломал. Голос его был по-прежнему сильным, но звучал так мягко и нежно, что все слушавшие его почувствовали, как сердца их становятся лучше и добрее. Но еще раньше, как я уже сказал, Бананито и Джельсомино обнаружили исчезновение котенка Цоппино. Сначала, расстроенные и опечаленные смертью Бенвенуто, они не придали этому особого значения, но потом забеспокоились.

— Он был со мной в тележке! — восклицал Бананито. — Я, правда, не видел его среди тряпок, но, представь себе, слышал, как он чихал.

— Он, конечно, опять впутался в какую-нибудь историю, — решил Джельсомино.

— Может быть, он вернулся в сумасшедший дом, чтобы выручить тетушку Панноккью и Ромолетту?

— Все что-то делают, — чуть не плача сказал Джельсомино, — один только я сижу сложа руки. Видно, я только и могу, что бить люстры да пугать людей.

В таком отчаянии он еще никогда не был. И вдруг у него возникла великолепная мысль, яркая, как утренняя звезда.

— Нет! — воскликнул он. — Вы еще увидите, на что я способен!

— Куда ты? — удивился Бананито, видя, что Джельсомино вскочил и надевает куртку.

— Настал мой черед действовать! — ответил Джельсомино. — А тебе советую сидеть смирно — стражники ищут тебя. Скоро ты услышишь обо мне! И еще как услышишь!

Глава девятнадцатая,

*в которой Джельсомино поет
во все горло и устраивает страшный
переполох*

После суматохи, вызванной бегством Бананито, в сумасшедшем доме мало-помалу воцарилось спокойствие. Уснули пациенты в палатах, уснули стражники в коридорах. Не спал только поваренок на кухне. Он вообще почти никогда не спал, потому что

вечно хотел есть и все ночи напролет рылся в мусорном ящике, разыскивая что-нибудь съедобное.

Поваренку не было никакого дела до бегства Бананито и тщетных усилий его преследователей. Вполне понятно, что и до этого паренька, который остановился перед сумасшедшим домом и запел песню, поваренку тоже не было никакого дела. Он уплетал картофельную шелуху и, поглядывая на Джельсомино, качал головой:

— Вот уж действительно сумасшедший! Где это видано, чтобы молодой человек распевал серенады перед сумасшедшим домом, а не под окнами красивой девушки! Впрочем, это его дело... Однако, какой сильный голос! Готов спорить, что стражники сейчас заберут его.

Но стражники, измученные долгой и напрасной погоней за Цоппино, спали как убитые.

Джельсомино, чтобы попробовать голос, запел сначала совсем тихо, а потом постепенно все громче и громче. Поваренок от изумления открыл рот и даже забыл про картофельные очистки.

— Вот это да! Даже есть расхотелось!

В эту минуту вдребезги разлетелось оконное стекло, возле которого стоял поваренок, и осколки чуть не угодили ему в нос.

— Эй! Кто там кидается камнями?

И, как бы в ответ на его вопрос, на всех этажах огромного мрачного здания, на всех его этажах одно за другим со страшным звоном посыпались стекла. Стражники разбежались по палатам, решив, что больные подняли восстание, но скоро убедились, что это не так, потому что пациенты хотя и проснулись, вели себя спокойно и с удовольствием слушали пение Джельсомино.

— Кто это бьет стекла? — возмущались стражники.

— Тише! — шикали на них со всех сторон. — Не мешайте слушать! Какое нам дело до стекол? Они ведь не наши.

Потом стали раскалываться на куски железные решетки на окнах. Они ломались, как спички, и, плюхнувшись в ров, камнем шли ко дну.

Начальник сумасшедшего дома, узнав о происходящем, задрожал как осиновый лист.

— Знаете, мне что-то стало холодно,— объяснил он секретарям, а про себя подумал: «Началось землетрясение!» Он вызвал служебный автомобиль.— Я еду на доклад к министру! — бросил свой сумасшедший дом на произвол судьбы и спрятался на своей загородной даче.

— К министру! — злобно зашипели секретари.— Как же! К министру! Он попросту удрал! А мы должны погибать, как мыши в мышеловке! Ну, нет! Не бывать этому!

И один за другим, кто на машине, а кто пешком, они тоже помчались по подъемному мосту. Через мгновение часовые только их и видели.

К этому времени почти рассвело. По крышам скользили первые солнечные лучи. И для Джельсомино это было как бы сигналом: «Пой еще громче!»

Если б вы только слышали, как он тогда пел! Его голос вырывался из горла, словно огонь из кратера вулкана. Все деревянные двери сумасшедшего дома давно уже рассыпались в пыль, а железные настолько погнулись, что уже и не походили больше на двери. Заключенные, которые еще оставались в палатах, побежали теперь в коридор, шумно радуясь неожиданному освобождению. Часовые, служители, стражники сумасшедшего дома тоже поспешили к главным воротам и оттуда через подъемный мост ринулись на площадь. Все они вдруг почему-то вспомнили о каких-то важных делах.

— Мне нужно вымыть голову моей собачке! — говорил один.

— Меня пригласили провести несколько дней у моря! — говорил другой.

— А я не сменил воду моим золотым рыбкам и боюсь, как бы они не подохли.

Никто не смог откровенно признаться, что просто-напросто струсил,—слишком сильна была привычка лгать.

Словом, очень скоро из всего персонала сумасшедшего дома в нем остался один только поваренок с кочерыжкой в руках. Он так и стоял, открыв от изумления рот. Впервые в жизни ему не хотелось есть, и в его голове, словно струя свежего воздуха, пронеслась какая-то хорошая мысль.

Ромолетта первая в палате заметила, что стражники удрали.

— А чего же мы ждем? Тоже надо бежать! — предложила она тетушке Панноккье.

— Это против всех порядков, — возразила старая синьора. — Но, с другой стороны, ведь все порядки против нас. Поэтому — бежим!

Они взяли за руки и устремились к лестнице, по которой уже неслись вниз десятки людей. Сумятица была невероятная. Но тетушка Панноккья моментально различила в многоголосом шуме нежные голоса своих котов. А верные ученики Цоппино тоже, в свою очередь, сразу же отыскали среди пестрой толпы бегущих высокую старуху с суровым лицом. Вскоре коты, громко мяукая, со всех сторон попрыгали на руки к своей покровительнице.

— Ну-ну, — заворчала тетушка Панноккья прослежившись, — пойдемте домой. Один, два, три, четыре... Все тут? Семь, восемь! Даже на одного больше!

Восьмым оказался наш старый знакомый — Тузик. На руках у тетушки Панноккьи хватило места и для него. В это время Джельсомино перестал петь и принялся расспрашивать всех убежавших из сумасшедшего дома о Цоппино. Но никто ничего не знал о котенке. Тут уж Джельсомино совсем потерял терпение.

— Остался там кто-нибудь? — спросил он, показывая на сумасшедший дом.

— Никого, ни души! — ответили ему.

— Ну, тогда смотрите!

Он набрал полную грудь воздуха, как пловец перед прыжком в воду, сложил руки рупором, чтобы направить звук в нужном направлении, и испустил особенно громкий, просто невероятно громкий крик. Если у обитателей Марса и Венеры есть уши, то и они, конечно, слышали его на этот раз.

Достаточно вам сказать, что здание сумасшедшего дома закачалось, словно на него налетел сильнейший ураган. С крыши во все стороны брызнули черепицы, здание накренилось, зашаталось и со страшным грохотом рухнуло в ров, подняв тысячи брызг.

Все это произошло в одну минуту. Подтвердить может поваренок — он оставался на кухне до последнего мгновения и едва успел броситься в ров, чтобы пе-

реплоть его. На площадь он выбрался за миг до того, как все рухнуло.

А когда стены обвалились, громкое радостное «ура!» разнеслось по площади, и как раз в этот момент взошло солнце, словно кто-то предупредил его: «Скорее, поторопись, не то упустишь замечательное зрелище!»

Восхищенный народ столпился вокруг Джельсомино таким плотным кольцом, что даже журналистам не удавалось приблизиться к нашему певцу и попросить его поделиться своими впечатлениями. Им пришлось удовольствоваться беседой с Калимеро Денежным Мешком, который угрюмо стоял в стороне.

— Не могли бы вы сказать несколько слов для газеты «Вечерняя ложь»? — обратились к нему журналисты.

— Мяу! — ответил Калимеро и повернулся к ним спиной.

— Изумительно! — вскричали журналисты. — Стало быть, вы один из очевидцев! Так расскажите нам, каким образом здесь ничего не случилось?

— Мяу! — снова ответил Калимеро.

— Чудесно! Значит, мы можем самым категорическим образом проверить, что сумасшедший дом разрушен и заключенные разбежались по городу!

— Да поймите вы наконец, — вдруг рявкнул на них Калимеро, — поймите же вы наконец, что я — кот!

— То есть вы хотите сказать — собака? Ведь вы мяукаете совсем по-собачьи!

— Да нет же, я — кот! Самый настоящий кот и ловлю настоящих мышей! Вот и сейчас я отлично вас вижу. Можете попрятаться куда угодно, меня вы не проведете! Все равно вы — мыши, и все до одной попадете мне в лапы. Мяу! Мяу! Курняу!

И, сказав это, Калимеро подпрыгнул и припал к земле. Журналисты поспешно спрятали свои авторучки и в страхе забрались в автомобили.

А отчаянно мяукавший Калимеро пролежал на том месте до самого вечера, пока его не подобрал какой-то сострадательный прохожий и не отправил в больницу.

Ровно через час вышел экстренный выпуск «Вечерней лжи». Всю первую страницу занимал огромный заголовок, набранный большими буквами:

НОВАЯ НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПРОДЕЛКА
ПЕВЦА ДЖЕЛЬСОМИНО.
СВОИМ ПЕНИЕМ ОН НЕ РАЗРУШИЛ ДО
ОСНОВАНИЯ
СУМАСШЕДШИЙ ДОМ!

Редактор газеты потирал от удовольствия руки:

— Славненькое опроверженьице! Сегодня мы продадим по крайней мере сто тысяч экземпляров...

Но вышло наоборот. Мальчишки-газетчики, продававшие «Вечернюю ложь», стали скоро возвращаться в редакцию. Все они тащили обратно кипы нераспроданных газет. Никто не пожелал купить ни одного номера.

— Как? — вскричал редактор. — Что же тогда люди читают? Может быть, календарь?

— Нет, синьор редактор, — ответил какой-то мальчишка похрабрей, — календарь люди тоже не читают. Куда он годится, если декабрь в нем называется августом? Оттого, что изменилось название месяца, никому не станет теплее. Все смеются нам прямо в лицо и советуют делать из ваших газет кораблики.

В эту минуту в комнату вбежала собачка редактора. Она только что вернулась с прогулки по городу, на которую сама себя сводила.

— Кис-кис! Иди сюда! Иди сюда, мой котеночек! — обрадованно позвал ее редактор.

— Гав! Гав! — ответила ему собака.

— Что? Да ты, кажется, лаешь?

Вместо ответа собака дружелюбно вильнула хвостом и залаяла еще громче.

— Да ведь это конец света! — вскричал редактор, вытирая со лба пот. — Конец света!

Но это был всего лишь конец Королевства Лжи. После того как рухнул сумасшедший дом, на свободе оказались сотни правдивых людей. В городе появились лающие собаки, мяукающие коты, лошади, которые ржали по всем правилам зоологин и грамматик... В городе вспыхнула эпидемия правды, и большинство населения уже заболело ею. Торговцы спешили сменить ярлыки на своих товарах. Какой-то булочник снял вывеску, на которой было написано «Канцелярские товары», перевернул ее и на обратной стороне углем написал «Хлеб». Перед его лавкой сразу же

столпился народ, и люди стали шумно выражать ему свое одобрение.

Но больше всего народу собралось на площади перед королевским дворцом. Этой толпой предводительствовал Джельсомино. Он громко распевал свои песни, и люди сбегались на его голос со всех концов города и даже из окрестных сел.

Джакомоне увидел из окна своего дворца эту огромную толпу и радостно захлопал в ладоши.

— Скорее! Скорее! — заторопил он своих придворных. — Скорее! Мой народ хочет, чтобы я произнес речь. Смотрите, люди собираются, чтобы поздравить меня с праздником!

— Гм, а какой же сегодня праздник? — спрашивали придворные друг друга.

Может быть, это покажется вам странным, но они еще ничего не знали о случившемся. Королевские сыщики, вместо того чтобы сообщить обо всем во дворец, попрятались кто куда. С другой стороны, коты, жившие во дворце короля Джакомоне, еще лаяли, — эти бедняги были последними лающими котами во всем королевстве.

Глава двадцатая,

в которой Джельсомино своим пением изгоняет из страны короля Джакомоне

никакой книги судеб, как вы знаете, на свете не существует. Нет такой книги, в которой предсказывалось бы все, что должно случиться. Чтобы написать подобную книгу, нужно быть, по меньшей мере, редактором газеты «Вечерняя ложь». Одним словом, книги судеб нет и не было даже во времена короля Джакомоне. И очень жаль, потому что, будь у короля такая книга, он мог бы прочесть в ней то, что должно было случиться в этот день, а именно: «Сегодня король Джакомоне не произнесет речи!»

Действительно, в то время как Джакомоне с нетерпением ждал, пока слуги откроют ему двери балкона, по всему дворцу, откликаясь на голос Джельсомино, со звоном посыпались стекла.

— Нельзя ли поосторожнее?! — закричал Джакомоне слугам.

В ответ он только услышал: «Трах-тах-тах-тах!», которое донеслось из его спальни.

— Зеркало! — вскричал король. — Кто разбил мое любимое зеркало?

Удивленный, что никто не отвечает, его величество оемотрелся вокруг. Увы! Он остался совсем один. Министры, адмиралы, придворные и камергеры при первом же сигнале опасности, то есть при первой же высокой ноте Джельсомино, бросились по своим комнатам. Они без лишних слов отшвырнули прочь свои роскошные наряды, которые носили столько лет, и достали из-под кроватей старые чехмоданы со своими пиратскими одеждами, бормоча при этом:

— Если не надевать на глаз черную повязку, то я, пожалуй, смогу сойти за городского мусорщика.

Или же:

— Если не пристегивать деревянную руку, никто меня не узнает.

При Джакомоне осталось только двое слуг, в обязанности которых входило открывать и закрывать балконные двери. И хотя стекло в дверях балкона уже не было, слуги стояли как вкопанные и время от времени протирали дверные ручки своими кружевными манжетами.

— Бегите уж и вы заодно, — вздохнул Джакомоне, — все равно дворец сейчас рухнет.

Действительно, в этот момент, словно хлопнушки, стали лопаться лампочки в люстрах — это Джельсомино запел в полную силу.

Слуги не заставили себя просить. Пятясь и кланясь через каждые три шага, они добрались до двери, ведущей на лестницу. Тут они повернулись и, чтобы поскорее спуститься, съехали вниз по перилам.

А Джакомоне прошел в свою комнату, снял королевский наряд и надел костюм простого горожанина, который купил когда-то, чтобы неузнанным ходить по улицам своего города и слушать, что о нем говорят. (Правда, ему быстро разонравилось это занятие и он предпочел посылать в город своих сыщиков.) Костюм был коричневого цвета, он одинаково подошел бы и банковскому служащему, и профессору философии. А как хорошо сочетался коричневый цвет с оранжевым париком! Но, к сожалению, приходилось расстаться и

с париком: он был слишком хорошо известен людям, куда лучше самой королевской короны.

— Мой любимый парик! — вздохнул Джакомоне. — Мои дорогие парики! — И он открыл шкаф, где ровными рядами висели его парики, похожие на головы марионеток, приготовленных к спектаклю. Тут уж Джакомоне не смог удержаться. Он схватил добрую дюжину париков и сунул их в чемодан.

— Я возьму вас с собой в изгнание! Вы будете напоминать мне об этих невозвратных счастливых днях!

И бывший король спустился по лестнице, но не в подвал, как это сделали его придворные, которые, словно мыши, удирали из дворца по канализационным трубам. Он вышел в парк. Ведь его уже тоже можно было не считать королевским. Но все равно он был прекрасным, зеленым, полным запахов цветов.

Джакомоне подышал еще немного этой поистине королевской атмосферой, затем открыл небольшую калитку, выходящую в какой-то переулок, убедился, что его никто не видит, и, пройдя метров сто, оказался на площади, в самой гуще народа, который восторженно приветствовал нашего Джельсомино.

Никто не узнал короля — ведь он впервые появился на улице лысым. Коричневый костюм и чемоданчик, который он держал в руке, придавали ему вид приезжего коммерсанта.

— Вы, должно быть, не здешний? — вдруг спросил его какой-то человек, дружески хлопнув по плечу. — Послушайте, послушайте, как поет наш Джельсомино! Вон он там, видите? Тот самый паренек... Увидев его на велосипедных гонках, вы не поставили бы за него и двух сольдо. А между тем слышите, какой голос?

— Слышу, слышу, — пробормотал Джакомоне, а про себя добавил: «И вижу!»

Он действительно увидел, как разлетелся на куски его любимый балкон, увидел то, о чем вы, наверное, уже догадываетесь, — королевский дворец рухнул, как картонный домик, которому надоело стоять, и целое облако пыли поднялось к небу.

Тогда Джельсомино взял еще одну высокую ноту, чтобы разогнать пыль, и все увидели на месте дворца лишь груды развалин.

— Кстати, — снова обратился к Джакомоне его сосед, — вам никто не говорил, что у вас великолепная

лысына? Ведь вы не обидитесь на меня за эти слова, правда? Взгляните вот на мою.

Джакомоне провел рукой по своей голове и посмотрел на голову своего соседа, которая была круглой и гладкой, как резиновый мяч.

— В самом деле, прекрасная лысына,— согласился Джакомоне.

— Ну что вы! Лысына как лысына... Вот ваша — это да! Ваша — просто блестящая! Особенно сейчас, при солнце. Она так сверкает, что глазам больно.

— Ну что вы! Это слишком любезно с вашей стороны,— пробормотал Джакомоне.

— Да нет же, я нисколько не преувеличиваю! Знаете, что я вам скажу? Если б вы были членом нашего клуба лысых, то вас непременно избрали бы его президентом.

— Президентом?

— Да, и единогласно!

— А что, разве есть такой клуб лысых?

— Конечно! Правда, до вчерашнего дня он существовал нелегально, но теперь он станет легальным. В него входят лучшие граждане нашего города. И знаете, стать членом клуба не так уже трудно. Нужно только, чтобы на голове у вас не было ни одного волоса. Находятся даже люди, которые вырывают себе волосы только ради того, чтобы войти в наш клуб.

— И вы говорите, что я...

— Ну да, вы могли бы стать президентом нашего клуба. Готов спорить на все что угодно!

Вот когда Джакомоне по-настоящему расстроился, «Значит,— подумал он,— я жестоко ошибся в выборе профессии. Вся моя жизнь — это сплошная ошибка. А теперь слишком поздно, чтобы начинать сначала».

Воспользовавшись общей толкотней, Джакомоне улизнул от своего собеседника, выбрался из толпы и пошел по безлюдным улицам. А в чемодане у него грустно шуршали двенадцать париков. Несколько раз он замечал, как из канализационных люков выглядывали головы, которые он как будто где-то уже видел раньше. Не его ли это пираты? Но головы эти сразу же исчезали при виде этого толстого лысого гражданина в коричневом костюме.

Бывший король направился было к реке, решив положить конец своей неудавшейся жизни. Но, подой-

дя к воде, он передумал. Открыв чемодан, он вытащил из него парики и один за другим побросал их в воду.

— Прощайте,— прошептал Джакомоне,— прощайте, мои дорогие маленькие лгуны!

И парики поплыли по воде, но не затерялись бесследно. В тот же день их выудили мальчишки, что разбойничают на речных берегах не хуже крокодилов. Мальчишки высушили парики на солнце, напялили их себе на головы и устроили веселое шествие. Они пели песни и громко смеялись, им было невдомек, что они справляют поминки по владычеству короля Джакомоне.

Надо сказать, что самому Джакомоне еще повезло. Ведь он может просто уйти из своего королевства и даже, пожалуй, станет президентом или, по крайней мере, секретарем какого-нибудь клуба лысых.

Ну а пока он идет куда глаза глядят, вернемся в город и бросим последний взгляд на площадь перед дворцом.

Окончив свою разрушительную песню, Джельсомино вытер со лба пот и сказал:

— Ну вот... С этим тоже покончено...— Но на душе у него было тяжело: Цоппино все еще не отыскался.

— Где же он может быть? — спрашивал себя наш герой.— Я бы не хотел, чтобы он остался под развалинами сумасшедшего дома. Так недолго и до беды.

Но толпа отвлекла его от грустных мыслей.

— Колонна! — кричали со всех сторон.— Нужно сломать колонну!

— Зачем?

— На ней изображены походы короля Джакомоне. А это ложь, потому что Джакомоне никогда и носа не показывал из своего дворца!

— Хорошо,— согласился Джельсомино,— колонне я тоже пропою серенаду по всем правилам. Разойдитесь немного, чтобы она никого не придавила.

Люди, что стояли вокруг колонны, сразу же попятись, толпа на всей площади всколыхнулась, словно вода в ванне. И тогда Джельсомино увидел там, на колонне, в каких-нибудь двух метрах от земли хорошо знакомый рисунок трехлапного котенка.

— Цоппино! — радостно закричал он.

Рисунок заколебался, его линии на мгновение изогнулись, но затем снова застыли неподвижно.

— Цоппино! — еще громче позвал Джельсомино. На этот раз его голос проник в мрамор, преодолел его твердость, Цоппино отделился от колонны и прыгнул на землю.

— Уф! До чего же хорошо! — промаякал он, целуя Джельсомино в щеку. — Если б не ты, я бы так и остался приклеенным к этой колонне, и меня в конце концов смыло бы дождями. Я люблю чистоту — это всем известно. Но умереть смытым мне ничуть не улыбается...

— Но вы совсем забыли обо мне, друзья мои, — услышали они вдруг голос художника Бананито. Раздавав направо и налево немало хороших толчков и пинков, он наконец протиснулся сквозь толпу к своим товарищам.

— Если с тобой еще раз случится что-нибудь подобное, я нарисую тебя заново, мой Цоппино, и ты станешь еще более красивым и совсем настоящим!

Трем друзьям, которые только что встретились, нужно многое рассказать друг другу. Поэтому оставим их в покое.

Ну а колонна? А она никому не мешает. Наоборот, ложь, изображенная на ней, будет напоминать людям о том, что когда-то в их стране властвовал бессовестный лгун и что достаточно было однажды только хорошо спеть песню, чтобы разрушить все его королевство.

Глава двадцать первая,

*в которой Джельсомино,
чтобы никого не обидеть,
забивает гол, а за ним и другой*

та история будет совсем закончена, когда я сообщу вам самые последние новости. Дело в том, что, торопясь дописать предыдущую главу, я совсем забыл, что в кармане у меня лежат заметки, которые я сделал в тот день, когда Джельсомино рассказывал мне о своих приключениях в Стране Лгунов. Из этих заметок явствует, в частности, что никто, никогда, нигде и ничего не слышал больше о короле Джакомоне. Поэтому я даже не могу вам сказать, стал ли

он порядочным человеком или же пиратская натура взяла в нем верх и опять повлекла по дурной дороге.

Из этих заметок я узнал также, что Джельсомино, который был, в общем, доволен своими делами, проходя по главной площади, каждый раз чувствовал себя так неловко, словно в ботинок ему попал камешек.

— Разве так уж нужно было разрушать дворец и превращать его в груды развалин? — упрекал он себя. — Разбей я лишь несколько стекол, Джакомоне все равно бы только и видели. А потом можно было бы позвать стекольщика, и все было бы в порядке.

Но вскоре Бананито позаботился о том, чтобы избавить друга от этого камешка. Он восстановил дворец своим обычным способом — при помощи нескольких листов бумаги и коробки красок. Он потратил на это полдня и не забыл даже про балкон. И когда на фасаде нового дворца появился балкон, люди потребовали, чтобы Бананито поднялся на него и произнес речь.

— Послушайте моего совета, — сказал Бананито, — издайте закон, запрещающий кому бы то ни было произносить речи с этого балкона. К тому же я художник, а не оратор. А если вам так уж хочется услышать речь, то обратитесь лучше к Джельсомино.

В этот момент на балконе появился Цоппино: — Мяу! Мяу! Курняу!

Люди заплодировали ему и не стали больше требовать никаких речей.

Из другого листка, найденного в кармане, я узнал, что тетушка Паннокья стала директором института по охране бездомных котов. И это очень хорошо. Уж теперь-то можно не опасаться, что кто-нибудь заставит котов лаять. Ромолетта вернулась в школу и сейчас, наверное, сидит в классе. Только не за партой, а за столом — у нее было достаточно времени, чтобы стать учительницей.

И наконец, на самом маленьком листке я нашел только одну строчку: «Война закончилась со счетом один-один». Вы только подумайте — я чуть не забыл рассказать вам о войне!

Это произошло через несколько дней после бегства короля Джакомоне. Оказывается, Джакомоне, рассчитывая на пушки, которые нарисует ему Бананито

с помощью своего карандаша, втайне от своих подданных объявил войну одному из соседних государств. Самую настоящую войну, так что армии обоих государств уже отправились к границе, чтобы встретиться там и сразаться не на жизнь, а на смерть.

— Но мы совсем не хотим воевать,— заявили новые министры.— Мы же не такие пираты, как Джакомоне...

Один журналист отправился к Джельсомино, который теперь всерьез занимался музыкой, готовясь выступить с настоящим концертом.

— Что вы думаете о войне?— спросил его журналист.

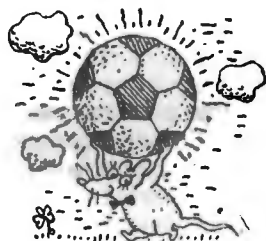
— О войне? — удивился Джельсомино.— Предложите противникам устроить вместо войны **хорошую** футбольную встречу. Если при этом и окажется несколько ушибленных коленок, то крови, во всяком случае, прольется очень мало.

К счастью, эта мысль пришла по душе и другой стороне, потому что там тоже никто не хотел **воевать**. И вот в одно из ближайших воскресений состоялся футбольный матч. Само собой разумеется, что Джельсомино болел за свою команду и так увлекся, что в один из самых острых моментов не выдержал и закричал: «Бей!» Тут мяч влетел прямохонько в сетку ворот противника, как это уже случилось в самой первой главе.

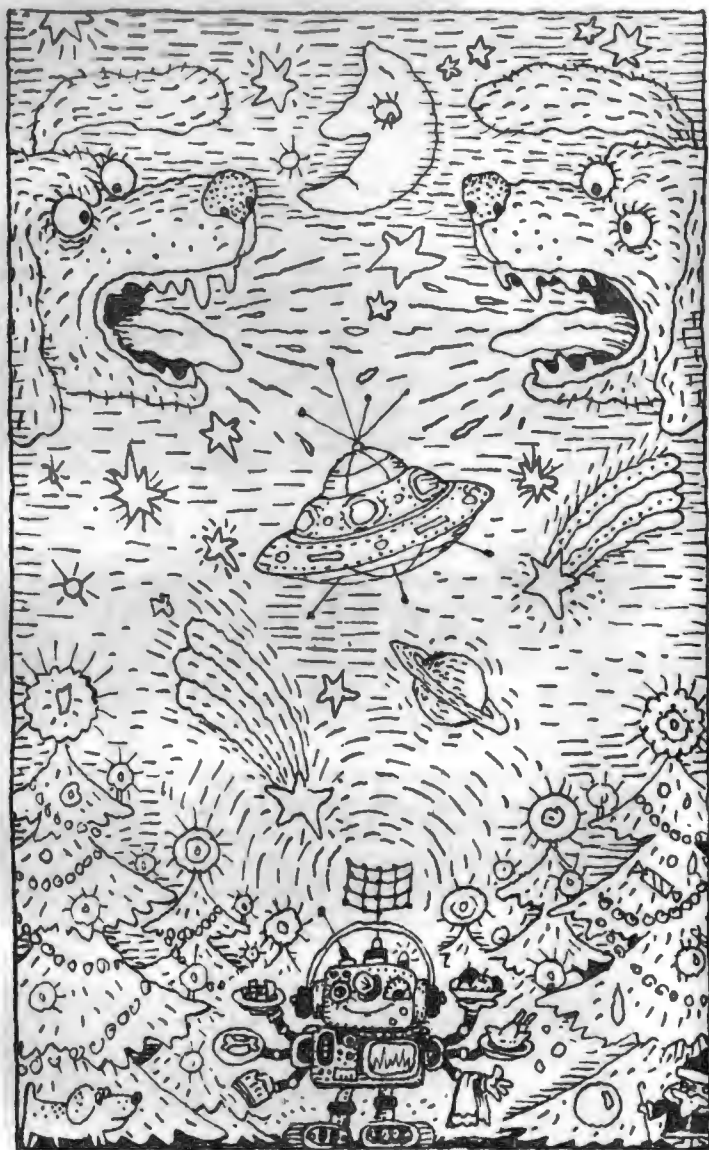
Но в ту же минуту Джельсомино закричал:

— Мы хотим только честной победы. В спорте не должно быть никакого обмана!

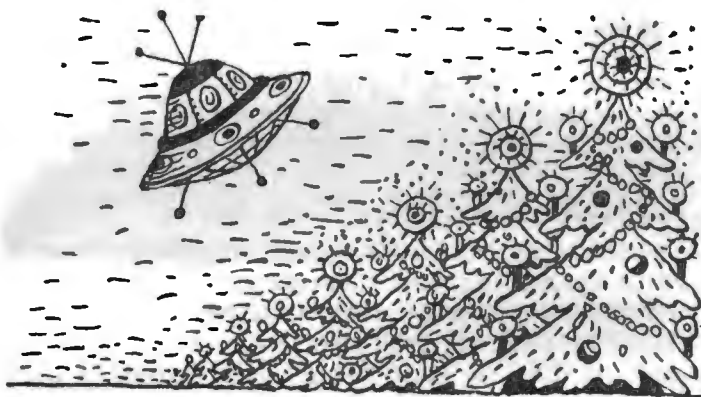
И немедленно забил гол в другие ворота. Я уверен, что на его месте вы бы, конечно, сделали то же самое.

Человек в небе

апитан, человек в небе!

- Ясно. В каком квадрате?
- Прямо по хвосту.
- Быстро сверхбиноклы!
- Есть, капитан!

Небольшое отступление

огда я впервые рассказал эту историю, после слова «сверхбинокль» меня тотчас же прервал один синьор:

— Плохое начало, уважаемый! «Человек в небе»! Что это такое? Разве так говорят? Даже дети знают, что надо говорить: «Человек за бортом!» А кроме того, хвосты бывают у ослов, и очень трудно представить себе капитана, командующего ослом. И наконец, будьте добры, объясните, пожалуйста, что такое сверхбинокль? Может, это что-то горбатое, вроде верблюда?

— Доктор,—сказал я (а он почти наверняка был доктором — ведь он носил галстук и отутюженные брюки; в Риме люди, одетые так, почти все доктора каких-нибудь наук).— Доктор,— сказал я,— на вашем месте я не торопился бы критиковать все направо и налево...

— И со стороны хвоста...— съязвил он.

— Разговор, который я только что привел,— невозможно продолжал я, не обращая внимания на его насмешку,— происходил на борту космического корабля, летящего в безвоздушном пространстве. А там нет ни морей, ни озер, ни даже речки. Вокруг корабля было только черное небо, такое черное, что глаза ломило. Из разговора также совершенно ясно, что вахтенный заметил в свете хвостовых прожекторов человека, потерпевшего кораблекрушение. И в этой ситуации можно было кричать только «Человек в небе!». Открою вам еще один секрет: этот космический аппарат по причинам, о которых скажу позднее, имел форму деревянного коня. И нечего удивляться, что он был с хвостом. Другие небесные тела, например кометы, тоже имеют хвост. Значит, хвосты обладают всеми правами гражданства в космосе. А теперь перейдем к сверхбиноклю. Хотите знать, что это такое? Усовершенствованный бинокль! С третьим тубусом, который при желании можно направить назад и без всякого труда видеть все, что происходит у вас за спиной, можно даже сказать — у вас в хвосте. Очень полезное, с моей точки зрения, изобретение. Будь у вас такой сверхбинокль, скажем, на стадионе, вы могли бы не только следить за игрой на поле, но и наслаждаться видом болельщиков проигрывающей команды. Разве не интересное зрелище?

Доктор пробормотал себе в галстук что-то невнятное, поправил складку на брюках, вспомнил, что его ждут важные дела, и удалился, не став слушать продолжение истории. Тем хуже для него. А мы закончим это небольшое отступление и начнем все сначала.

Синьор Экс-Паулюс

Капитан схватил сверхбинокль и, сгорая от любопытства, посмотрел на космического путешественника, который плавал в световом шлейфе корабля.

— Но это же не взрослый человек, это ребенок! — воскликнул он.

— Ничего удивительного, — проговорил штурман, — ребята всегда льнут к иллюминатору. Совершенно естественно, что иногда они выпадают за борт.

Капитан улыбнулся:

— Он верхом на игрушечной лошадке. Значит, задание выполнено. Но не будем зря болтать. Включить магнитное поле!

Не успел он отдать команду, как лошадка вместе со всадником мягко ткнулась в «брюхо» космического корабля. Тотчас же открылся люк, и мальчишка, потерпевший кораблекрушение, был принят на борт.

На вид ему можно было дать лет девять или десять. Темные волосы, огромные глаза. Одет в голубую пижамку. Он очень забавно спрыгнул с лошадки, скрестил руки на груди и гордо окинул взглядом экипаж, столпившийся возле него. Не утруждая себя приветствием, он с предельной категоричностью заявил:

— Эй вы! Имейте в виду, я ни на секунду не считаю себя вашим пленником.

— Пленником? — удивился капитан и погладил свою бороду. — Не понимаю.

— Ну если вам непонятно, что ж тогда спрашивать с меня?

— А ты мог бы, например, сказать, как тебя зовут?

— Меня зовут Марко Милани. А вас?

Капитан снова погладил бороду, а члены экипажа лукаво перемигнулись.

— Ты затронул больное место, — ответил капитан. — Еще неделю назад меня звали Паулюсом. Я носил это имя почти два года, и оно надоело мне, словно грязная рубашка. Тогда я расстался с ним. А другого имени пока не придумал. И сейчас меня вовсе никак не зовут. А какое имя посоветовал бы мне ты?

Марко недоверчиво посмотрел на него.

— Гм... Все шутите. Просто ваше имя — военная тайна! Ну и держите ее при себе. Я вовсе не сгораю от желания узнать ее. Кстати, это вы капитан корабля?

— До девяти часов, — ответил Экс-Паулюс. — Мы тут капитанам по очереди.

— И все вы здесь капитаны?

— Точно так же, как полковники, генералы, майоры. Ведь титулы и звания ничего не стоят.

— Это где же они ничего не стоят?

— На нашей планете.

— Я так и подумал — вы не земляне.

Планета Ясная

Марко с большим любопытством разглядывал космонавтов, но не обнаружил в их облике ничего необычного: не было ни антенн на голове, ни рогов на лбу — ничего. Одни носили бороду, другие — усы, третьи вообще были чисто выбриты. Каждый имел по две руки и две ноги, на руках было по пять пальцев, нос и уши тоже на месте — все как полагается. И все были в пижамах. Марко решил, что в этот час они, видимо, собирались ложиться спать.

— А как называется ваша планета? — спросил он.

— Просто планета — и все.

— Так я и поверил! Опять военная тайна.

— Да нет же! Вот вы как называете вашу планету? Просто Земля, не так ли? И только другим планетам даете всякие забавные названия — Марс, Меркурий и так далее.

— А вы как называете Землю?

Капитан улыбнулся:

— Планета Ясная.

— Ясная? Значит, я яснианин или, может быть, яснианец? Вот здорово! Расскажи я такое у нас в Тестаччо, обхохочутся даже туши в холодильнике у мясника.

— А что это такое — Тестаччо? — поинтересовался Экс-Паулюс.

— Ничто! Военная тайна! — отрезал Марко. — Яс-

ная... Ну ладно, ближе к делу. Меня интересует, каким образом я оказался тут.

— Это ты должен рассказать нам, каким образом,— ответил капитан.— Мы ведь только выловили тебя с помощью магнитного поля, когда ты прогуливался по Млечному Пути. Хотя твоего появления, очевидно, ждали. Потому что мы получили приказ крейсировать в этой зоне и вылавливать потерпевших кораблекрушение. Должно быть, отдавая такой приказ, там, наверху, знали, что ты отправился в путешествие.

— Что касается меня, то я и не думал покидать Рим. Несколько минут назад я находился в своей комнате и не подозревал, что мне предстоит путешествие.

— Там, наверху, всё знают, дорогой мой.

Деревянная лошадка

ак бы то ни было,— продолжал Марко,— моя история коротка и довольно глупа. И все из-за дня рождения. Если хотите знать, сегодня мне исполнилось девять лет. И вы себе представить не можете, как я расстроился, когда дедушка подарил мне деревянную лошадку-качалку. Если об этом узнают мои друзья, подумал я, мне лучше и не показываться больше в Тестаццо. А ведь дедушка, между прочим, почти обещал мне модель самолета с дизельным моторчиком. Сами понимаете, я прямо-таки кипел от обиды.

— Но почему? Деревянная лошадка — прекрасная игрушка!

— Разумеется. Для дошколят! Я унес ее подальше в спальню. И даже ни разу не вспомнил о ней за целый день. А вечером, когда раздевался и собирался лечь в постель, опять расстроился. Стоит себе как ни в чем не бывало и молчит, как болванчик. Да вот полюбуйтесь, пожалуйста, какое глупое выражение нарисовано на ее морде! Что мне с ней делать, подумал я, куда бы ее деть? И просто так, ради любопытства, сел на нее. Не успел вставить ноги в стремя, как раздался оглуши-

тельный рев мотора, все вокруг погрузилось в темноту, у меня перехватило дыхание, я в испуге зажмурился... А когда открыл глаза, то увидел, что лечу на этой лошадке высоко над крышами Рима.

— Прекрасно! — весело заметил капитан.

— Ни чуточки! Во-первых, я замерз — ведь на мне только пижама. А кроме того, попробуйте-ка справиться с деревянной лошадкой. «Назад! — кричу я. — Вернись сейчас же домой, на Землю!» Да куда там! Она как нацелилась на Луну, так и понеслась, никуда не сворачивая, прямо к ней. И все с такой же глухой мордой, как тогда, когда я вытащил ее из коробки, — глаза стеклянные, никаких признаков дыхания, да еще опилки в ушах. Совсем деревянная, ни одного настоящего волоска в гриве, все нарисованы. А постучите-ка по брюху! Пусто, как в барабане! Яснее ясного, что никакого мотора там никогда и не было, и пропеллера под хвостом тоже нет. А ведь летит — и все тут! Как? Каким образом? Поди угадай! Летит по-настоящему. И Земля, или, по-вашему, Ясная, скоро осталась далеко внизу, превратилась в голубенький кружочек, словно блюдечко из кофейного сервиза. А потом она неожиданно очутилась высоко над головой: сначала мне казалось, мы несемся вверх, но потом — будто летим вниз. Такое чувство, точно падаешь куда-то в бездну, все ниже и ниже, все быстрее и быстрее. Ясная стала совсем крохотной точечкой среди миллионов точно таких же точек. Прощай, Рим! Это конец, решил я. Затерян в космосе, и никакой возможности сообщить родным, где нахожусь.

— Да, впечатляющая, должно быть, картина... — заметил капитан.

— Я был слишком сердит, чтобы любоваться ею. Станьте-ка на мое место — утащен в небо четвероногим непарнокопытным из деревяшки! Мой папа, наверное, переворачивает теперь весь город, чтобы разыскать меня.

— Кто знает?.. — ответил капитан. — Часы в Риме, если не ошибаюсь, должны показывать сейчас двадцать три часа пятнадцать минут. И родители твои думают, что ты уже спишь в своей постели.

— Допустим. А завтра утром? Ну ладно, не будем думать об этом. Впрочем, мне уже больше нечего рас-

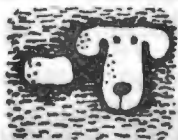
сказывать. Потом я увидел впереди нечто вроде огромного коня с сотнями светящихся окошек в животе и яркими фарами на копытах. И вы подхватили меня. Вот и все.

Когда рассказ уже подошел к концу, космонавты весело рассмеялись.

— Смейтесь! Смейтесь! — проворчал Марко. — Только отвезите меня обратно.

— Нет, — сказал капитан. — Самое большее — через пару часов мы приземлимся на нашей планете. Таков приказ.

Марко искал слова, чтобы выразить свое возмущение, как вдруг раздался оглушительный рев, точно залаяло сразу сто тысяч бешеных собак. Стены космического коня задрожали. Из репродуктора послышался тревожный голос, но понять, что он говорит, было невозможно.

Собаки-пересобаки

ревога! Мы окружены! — Капитан Экспандус схватил Марко за руку: — Идем в мою кабину! Быстро! — И они устремились вверх по узкой крутой лестнице. — Хорошо, — добавил капитан, — что атака началась до девяти часов, пока я на посту. Из капитанской рубки лучше видно — она в голове коня. Смотри!

Кабина была вся застеклена и походила на веранду деревенского домика в горах. Было хорошо видно, как к космическому кораблю со всех сторон несутся полчища огромных чудовищ. С невероятным лаем они яростно кидались на корабль.

— Да ведь это же собаки! — удивился Марко. — Летающие собаки, черт возьми!

— Собаки-пересобаки, — уточнил капитан.

— Тоже астронавты, как ваш конь? Вражеская армада?

— Нет, нет! Просто скверные животные. Посмотри сюда, ты, верно, думаешь, что они крылатые? На са-

мом деле это у них такие уши, а не крылья. Они вертят хвостом, как пропеллером. Потому и летают.

— И лают...

— Слишком громко. Мощная акустическая атака!

Одна из пересобак прижалась мордой к стеклу кабины, точно хотела заглянуть внутрь. Казалось, лай издавали даже ее глаза, лапы и живот. Марко крепко зажал уши, но все равно не мог спастись от оглушительного лая, который заполнял все вокруг.

— Осторожно! — воскликнул Марко, увидев, как одна из пересобак обнажила клыки и принялась хватать стекло кабины.

— Не бойся, — успокоил мальчика капитан. — Стекло небьющееся. И кроме того, собаки, которые лают, даже лающие пересобаки, никогда не кусаются, ты ведь знаешь это. Не съедят они нас. Но оглохнуть от них можно. Ужасно надоедливые твари. К счастью, наш корабль движется гораздо быстрее их.

— Но ведь, наверное, проще убить их, — сказал Марко. — Вы бы раз и навсегда избавились от всех пересобак.

Капитан Экс-Паулюс с удивлением посмотрел на Марко.

— Убить? — переспросил он. — Что это значит?

— Убить — это значит уничтожить, искоренить, испепелить. Разве у вас нет «луча смерти»? Или бесшумных пистолетов? Разве вы ничему не научились, когда смотрели фильмы про гангстеров?

Капитан Экс-Паулюс энергично провел рукой по бороде.

— Послушай, — сказал он, — ты почему-то не удивляешься, что мы понимаем твой язык и разговариваем с тобой. А между прочим, нам помогает вот этот электронный переводчик. — Капитан показал на маленькую кнопочку, спрятанную под воротником пижамы. — Но, очевидно, аппарат этот плохо работает, или, быть может, ты употребляешь новые слова, которые нам еще не известны. Так или иначе, я тебя совершенно не понимаю. Убить... Что это значит?

Марко рассмеялся.

— Извините, — произнес он, — но мне смешно. Ведь «убить» — это одно из самых распространенных слов на свете. Его знали еще доисторические люди.

Но Экс-Паулюс уже не слушал его. Он крикнул в

микрофон какие-то команды, нажал какие-то кнопки, сдвинул рычаги, и через несколько секунд космический корабль, набрав скорость, легко устремился в просторы Вселенной, оставив лающих пересобак далеко позади.

Высадка в пижаме

...ут кто-то постучал в дверь кабины.
— Девять часов,— сказал Экс-Паулюс.— Меня сменяют. До свидания!

В дверях появился высокий мужчина с мрачным лицом.

— Ну что, повезло тебе? — проговорил он, обращаясь к капитану.— А мне не довелось насладиться спектаклем.

— Ничего не поделаешь — расписание есть расписание,— ответил Экс-Паулюс.— В другой раз полюбишься этим зрелищем. Познакомься, Марко. Это капитан Петрус.

Марко пожал руку новому капитану, а сам тем временем обратил внимание на одну звезду, которая была ярче других. Звезда быстро приближалась, и не успел он спросить ее название, как она превратилась в зеленый шар. Шар увеличивался, и на его поверхности появились какие-то разводы, похожие на материки и океаны.

«Похоже, мы летим туда»,— подумал Марко, но промолчал. Петрус был абсолютно спокоен, значит, бояться нечего. Больше того, новый капитан даже повеселел.

— Вот мы и дома,— сказал он.— Это наша планета. Облетим ее раза два, чтобы сбавить скорость, и, с твоего позволения, сядем.

Все точно так и произошло, как сказал Петрус. А когда космический корабль вошел в атмосферу планеты, стало светло как днем, и бортовое освещение за ненадобностью выключили.

Часы показывали половину десятого утра, когда Марко, совсем растерянный, ступил на поверхность неизвестной планеты. При этом он чувствовал себя до-

волюно целовко, потому что был в ночной пижаме. Но **Экс-Паулюс**, **Петрус** и другие космонавты тоже были в пижамах, и, судя по всему, никто не собирался переодеваться перед выходом из корабля. Марко решил, что мода на этой планете существенно отличается от римской. «Должно быть, галстук здесь повязывают, когда ложатся в постель», — подумал он. И, не беспокоясь больше о своем костюме, стал смотреть по сторонам.

Космический корабль, на котором он прилетел, действительно как две капли воды походил на большого игрушечного коня, хотя все остальные аппараты, что стояли на летном поле гигантского аэродрома, ничем не отличались от обычных, земных, ракет. Они стартовали и приземлялись, не издавая никакого ржания. Марко не успел и осмотреться хорошенько, как увидел, что навстречу ему идет какой-то мальчик, тоже примерно лет девяти, такой же черноволосый, но в желтой пижаме. Он шел легко и непринужденно, как хозяин, встречающий гостя.

Новый гид

Марко! — воскликнул он. — Привет! Надеюсь, путешествие прошло благополучно?

«Да кто же это такой? Откуда он меня знает? Я никогда прежде не видел его!» Марко вовремя вспомнил, что в Тестаччо делом чести считалось умение скрыть удивление, и ответил на его приветствие легким кивком, пробормотав что-то непонятное.

— Что, что? — переспросил улыбаясь мальчик.

— Говорю — хорошее путешествие, — ответил Марко, — хотя у меня и не было ни малейшего желания отправляться куда бы то ни было. Меня привезли сюда против моей воли, и я протестую!

— Нет, вы слышите?! — засмеялся капитан Петрус, хлопая мальчика по плечу.

— Здравствуйте, **Экс-Паулюс**. — Маленький незнакомец обратился к другому капитану. — Придумали себе новое имя? Как вас теперь называть?

— Нет, так и не знаю. Напишу на бумажках десять имен, положу в шляпу и вытащу наугад. Яснинин не захотел помочь мне в этом вопросе.

— Отчего же! Я предлагаю — Старый Таракан! — грубо ответил Марко.

Все засмеялись, чтобы скрыть неловкость.

— Ну ладно, пошли, — сказал Петрус. — Вручаю тебе потерпевшего кораблекрушение живым и здоровым. Не потеряна ни одна пуговичка.

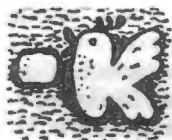
— Как? — возмутился Марко. — Я требую, чтобы вы сейчас же отправили меня обратно на Землю! Высадили неизвестно где и еще отдаете какому-то малышу из детсада!

— Не знаю, что и делать, — ответил Петрус, — но такой приказ. Если не возражаешь, я прощаюсь с тобой, и поверь в мои самые добрые чувства...

— Но вы же не бросите меня тут! А кто отвезет меня обратно на Землю?

— Не беспокойся, — крикнул Экс-Паулюс, удаляясь с другими членами экипажа. — У тебя будет хороший гид.

Марко не находил слов, чтобы выразить свое возмущение. Он проводил взглядом космонавтов, потом посмотрел на космического коня и обнаружил на его морде точно такое же тупое выражение, какое было у его игрушечной лошадки. Марко резко повернулся к мальчику, но встретил его добрый взгляд и улыбку.

Забавный календарь

как тебя зовут?

— Маркус.

— Надо же!

— В твою честь, между прочим. Еще вчера я был Юлиусом. А сегодня мне поручено встретить тебя и составить тебе компанию. Я очень рад этому. Но еще больше рад подружиться с тобой.

— А я, — заявил Марко, — тоже рад, так рад, что охотно расквасил бы тебе физиономию! Что же это такое делается: сперва берут тебя в плен, даже не счи-

тая нужным объяснить, зачем и куда, а потом оставляют с каким-то малышом из детсада — и до свидания! Да я сейчас тут такое устрою! Все разнесу!

Лицо Маркуса радостно засияло, будто он услышал что-то очень приятное.

— Я знаю, что тебе нужно! — воскликнул он. — Идем! — и не оборачиваясь, устремился вперед. Марко ничего не оставалось, как последовать за ним. Впрочем, ему уже было все равно — идти или стоять на месте.

Они пошли по летиному полю. Вокруг было много народу. И Марко невольно обратил внимание, что все были в пижамах и домашних туфлях — вообще выглядели так, словно прогуливаются по саду какой-нибудь загородной дачи, наслаждаясь теплым солнышком.

Первое здание, которое Марко увидел на этой планете — аэровокзал на космодроме, — оказалось длинным и низким строением из самого обычного стекла и кирпича. Только вот на окнах в цветочных горшках, какие стоят у нас чуть ли не на каждом балконе, вместо герани и других цветов, названия которых никак не упомнить, росли маленькие новогодние елочки. Да, да, не просто зеленые елочки, а именно новогодние, украшенные сверкающими игрушками и снежинками из ваты, серебряными звездами и разноцветными лампочками. «Но ведь вчера был день моего рождения, то есть 23 октября! — с изумлением подумал Марко. — Неужели здесь так рано начинают готовиться к Новому году?»

Сразу же за межпланетным аэровокзалом начинался город. Самый обыкновенный город — дома, улицы, площадь. Дома высокие и невысокие, но, пожалуй, невысоких здесь было больше, и парков, похоже, было больше, чем домов. А вообще-то ничего особенного, если бы — вот опять! — не эти столь ранние приметы Нового года.

Вдоль бульвара, что вел к центру города, тянулись две нескончаемые шеренги высоченных елей, и они тоже были увешаны серебряными гирляндами, разноцветными лампочками и яркими игрушками, то есть украшены как самые настоящие новогодние елки.

— Скажи-ка, — обратился Марко к своему спутнику, — а какой сегодня день?

— Новогодний, — весело ответил тот.

«Какой же я дурак,— подумал Марко.— Должно быть, на этой планете совсем другой календарь, не такой, как на Земле. Там сегодня 24 октября, а здесь, выходит, 1 января».

Маркус тем временем вошел в здание, которое служило, видимо, складом деревянных лошадок, выбрал лошадку с двухместным седлом и пригласил Марко сесть вместе с ним.

— Ладно, кончай валять дурака! — рассердился потомок древних римлян, у которого и без того были свои счеты с этими лошадками.

— А в чем дело? Это же наши «роботы». Садись, и поедем. Они для того и существуют.

— Нечто вроде такси? — съехидничал Марко.— А где же счетчик? Короче, кому платить за проезд? Маркус с изумлением посмотрел на него.

— А за что ты хочешь платить? — улыбнулся он.— «Роботы» общие. Кому надо, тот и берет их.

Деревянная лошадка плавно и бесшумно тронулась с места и легко полетела вперед, мягко покачиваясь в теплом и ласковом воздухе. Только тут Марко заметил то, что должно было поразить его еще раньше: в Новый год, зимой, на улице он был в одной пижаме, а у него даже руки не замерзли! Тут ему пришли на помощь скромные познания в географии. Он вспомнил, что и на Земле есть страны, где в январе жарко, как в Италии летом. И все же какое-то сомнение у него оставалось, но вскоре другие впечатления заставили его позабыть о нем.

— Смотри-ка, магазины открыты! — опять удивился он.

— Чего же тут странного? Они всегда открыты, — ответил Маркус.

— Да ведь сегодня Новый год! У нас в этот день все отдыхают.

Маркус не ответил.

«Просто какая-то ненормальная планета! — подумал Марко.— Игрушечные лошадки вместо такси, и магазины открыты в Новый год... Сам черт не разберет, что тут делается!»

Дома на бульваре выглядели чистыми и нарядными. И не найти было ни одного балкона, ни одного окна, где не выставлена была бы новогодняя елочка, украшенная блестящими игрушками. Городские власти,

если, конечно, это они позаботились о них, немало потрудились. Невозможно было представить себе город, украшенный лучше. Он был красив, как рекламная афиша «Летайте самолетами «Италтурист». Однако все же странно, что повсюду открыты магазины. Впрочем, возможно, сегодня не 1 января, а 31 или даже 27 декабря? Обычно к Новому году готовятся заранее, да и хозяева магазинов заинтересованы в том, чтобы люди сделали побольше покупок.

— Маркус! — позвал Марко. — А какой день был вчера?

— Новогодний, — услышал он в ответ.

«Ну вот, я был прав, — обрадовался Марко, — магазины открыты потому, что не сегодня Новый год... Он был вчера. Впрочем...»

— А какой день будет завтра?

— Новогодний. Я уже сказал тебе.

— Но ведь он был вчера! — возмутился Марко.

— Ну да — вчера, сегодня, завтра... Всегда! У нас все дни новогодние.

— А ну тебя! — вскипел Марко. — Вы только и делаете, что без конца шутите. Я обещал расквасить тебе физиономию и, очевидно, с удовольствием это сделаю.

— Но мы как раз идем туда. Потерпи немного.

— Куда идем-то?

— Туда, где ты сможешь отвести душу и вволю побушевать.

**Можно ломать
все что угодно!**

Марко не знал, что и ответить. Впрочем, они уже пришли. Бульвар вывел их на широкую площадь, окруженную огромными новогодними елками, и Марко увидел красивый дворец, на фронтоне которого сверкали большие буквы: «Ломай что угодно!» На дверях красовалась надпись: «Вход свободный в любое время дня и ночи».

— Тебе повезло,— сказал Маркус.— Дворец открылся после ремонта всего два дня назад, и его только-только начали разрушать. Приехал бы ты неделю назад, нашел бы здесь одни развалины.

Ребята оставили деревянную лошадку у тротуара, где стояло изрядное количество таких же «роботов», и вошли в здание.

Если послушать Маркуса, то идея постронть подобный дворец родилась еще в прошлом веке. Ее предложил известный астроботаник, который был знаменит тем, что, не выходя из дома, замечательно умел описывать флору самых отдаленных планет. Ученый был по совместительству и хорошим семьянином. Как-то он заметил, что его дети все время стараются что-нибудь сломать или испортить. В доме гибло буквально все, к чему прикасались их руки. И тогда астроботаник взял да и подарил им вместо обычных игрушек несколько сот самых дешевых мисок и тарелок.

Детей у него было двое. Чтобы методично перебить эту гору посуды, раскрошить на самые мелкие кусочки — не больше остриженного краешка ногтя, этим разбойникам понадобилось почти пять дней, причем работали они в четыре руки и даже в четыре ноги с восхода и до заката солнца. Но самое главное, что к концу этой операции у них совершенно пропало и больше уже никогда не возникало всякое желание ломать что бы то ни было. Ученый выступил в газете, показав с цифрами в руках, что благодаря сотне-другой тарелок он получил немалую экономию, если считать по ценам минувших столетий, потому что в доме больше ничего не портилось: ни мебель, ни коллекционный фарфор, ни зеркала, ни стекла...

«Почему бы,— предлагал ученый,— не применить эту систему шире? Разве только дети испытывают время от времени неукротимое желание что-нибудь сломать? Или мы, взрослые, люди второго сорта, и у нас нет права поиграть своими мускулами? Тем более теперь, когда все на свете за нас делают машины — добывают уголь, обрабатывают камень и дерево, разрушают атомы...» И так далее и так далее.

Статья была длинной и убедительной. А через две недели вопрос о строительстве дворца «Ломай что угодно!» был уже делом решенным. Построили его тоже очень быстро. Получилось многоэтажное здание, все

помещения которого были заполнены различной мебелью, а серванты и буфеты, в свою очередь, были битком набиты посудой. И все это — тарелки, стаканы, ковры, столы, стулья, диваны, двери, окна — можно было бить, ломать, рвать, портить.

Дети приходили во дворец в определенные дни в сопровождении учителей, и им разрешалось ломать тут все что угодно. Ребята, разумеется, не заставляли себя долго упрашивать. Взрослые иной раз тоже заглядывали сюда, когда у них было очень плохое настроение, становилось вдруг грустно или хотелось с кем-нибудь поссориться.

Им, понятное дело, предлагали заняться самой трудной работой — ломать крышу, стены и, если было желание, даже фундамент. Чтобы разрушить его, приходилось трудиться куда больше, чем рабам на строительстве пирамид в Древнем Египте. Но в конце концов, когда они уже совсем выбивались из сил и бросали работу, к ним возвращалось хорошее настроение, и по крайней мере лет десять не возникало желания ссориться с кем-нибудь или бросать на пол фарфор во время семейных «недоразумений».

Экономисты, вооружившись цифрами — расчеты сделали электронно-вычислительные машины, — показали, что разрушение дворца «Ломай что угодно!» позволяет сэкономить сумму в сто раз больше той, что затрачена на его строительство и на все вещи, какими он заполнен, а главное — на 28,51 процента улучшает настроение граждан. Так что идея вполне оправдала себя.

Поняв, о чем идет речь, Марко захотел, чтобы и к нему вернулось хорошее настроение.

Несмотря на бессонную ночь, он чувствовал себя бодро и с жаром принялся за работу — начал ломать огромный платяной шкаф. Для этого ему понадобились топор, молоток и велосипедный насос — все может пригодиться, когда хочешь довести до конца хорошее дело.

Рядом, в соседних залах дворца, под наблюдением родителей и учителей трудилось по крайней мере пятьсот школьников. Они как могли, старательно уничтожали мебель. Их веселые голоса и гром молотков эхом разносились по всему зданию.

Часа за два Марко расправился не только с платяным шкафом, но и с мебелью для гостиной и с двумя спальными гарнитурами. Из дворца «Ломай что угодно!» он вышел абсолютно спокойным, не испытывая больше ни тени неприязни к Маркусу.

Движущиеся скамейки

а улице Марко обрадовался неожиданной тишине. Слышны были только тихие и приятные звуки. Люди разговаривали очень живо, но не громко, а общественный транспорт, то есть деревянные лошадки, двигались совершенно бесшумно, словно лодки по глади озера. Да и пешеходы вроде бы не шли, а скользили мимо. Оказывается, на многих улицах были устроены движущиеся тротуары. Стоило ступить на бегущую ленту, как на эскалатор метро, и, пожалуйста, отправляйтесь дальше — от перекрестка к перекрестку. Если вам надо было ехать далеко, скажем, в другой конец города, вы могли присесть на скамейку — их было достаточно. Особенно устраивали они людей пожилых, для которых сидение на скамейке даже тут, на этой странной планете, тоже было, очевидно, любимым времяпрепровождением.

«Эх, — невольно вздохнул Марко, — такую движущуюся, и бесплатную к тому же, скамейку да моему бы дедушке! Ведь он целыми днями сидит на одном и том же месте возле дома. Какое счастье было бы для римских пенсионеров, если б они могли целыми днями разъезжать на скамейке по всему городу — от Колизея до Джаниколо, от площади собора святого Петра до Монте Марио! Окажись такой движущийся тротуар на площади Пантеона, уверен, дедушка переселился бы туда насовсем. Бедный дедушка! Интересно, что он сейчас делает?»

Но тут Марко вспомнил, что именно из-за дедушки и его подарка он затерялся на Млечном Пути, возможно, и дальше, ужасно далеко от Тестаччо, от друзей. И гнев, который было утих, вскипел с новой силой.

— Хочу есть,— грубо прервал он объяснение Маркуса.

— Прекрасно! Я тоже. А раз так, идем в кафе.

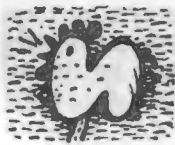
Они ступили на движущийся тротуар и неслышно поплыли мимо заполненных людьми магазинов. Люди, кстати сказать, все, как один, были в пижамах. Похоже, другой одежды тут не носили.

«Конечно, пижама — вещь очень неплохая, и домашние туфли, бесспорно, удобнее ботинок. Но выходить в таком виде на улицу, по-моему, совершенно неприлично! Хотя, с другой стороны, это меня не касается — пусть себе ходят в чем хотят, даже в масках. Какое мне дело! Я же не собираюсь оставаться тут навсегда!»

Марко хотелось критиковать все, что происходило на этой странной планете. Но это плохо удавалось ему. Он вынужден был признать, что бесплатное такси и движущийся тротуар — придумано совсем неплохо. Да и новогодние елки тоже поднимали настроение. Ко всему прочему, было очень тепло, и в воздухе разливался аромат цветов.

«Как весной в прекрасном саду!» — невольно подумал Марко.

А тротуар между тем двигался по улице мимо домов с празднично украшенными витринами.

Воруй сколько хочешь!

тут Марко заметил еще одну странность — витрины были без стекол! Возможно, потому, что здесь такой хороший климат. Но разве это не опасно, разве это не способствует воровству? И, словно подтверждая его опасения, какой-то синьор, когда они проезжали мимо витрины фруктовой лавки, протянул руку, схватил большую гроздь винограда и преспокойно принялся его есть, кладя в рот виноградинку за виноградинкой. И никто вокруг словно ничего не заметил.

А потом другой вполне уважаемый старичок встал со скамейки и подошел к краю тротуара, как бы соби-

раясь сойти с него. Но сходить он не стал, а принялся что-то высматривать впереди, будто ожидая чего-то. Когда же тротуар подвез его к газетному киоску, он ловко стащил толстый иллюстрированный журнал, взглянул на номер, убедился, что это именно тот, который ему нужен, снова удобно уселся на скамейку и начал спокойно листать его.

«Вот это да,— подумал Марко, снова вскипев — И номер проверил, не слишком ли старый журнал. Неужели я попал в страну воров? Маркус тоже все видел, но ничего не сказал...»

Однако прежде, чем они подъехали к кафе, случилась еще более странная история. Старичок — тот самый, что украл журнал,— снова поднялся (бывают же такие беспокойные люди!), подошел к Маркусу и, вежливо улыбаясь, попросил его о небольшой любезности.

— Молодой человек,— сказал он,— для вас это не составит труда... Мне нужна сигара, но боюсь, что не смогу взять ее, не сходя с тротуара. Не добудете ли вы мне одну в ближайшей лавке? Там на витрине прекрасные сигары. Я видел, когда проезжал тут вчера.

— С удовольствием!— ответил Маркус.

И никто даже не улыбнулся.

— Только, пожалуйста, выберите не слишком темную и не очень светлую,— посоветовал старичок, который ел виноград.

— Постараюсь,— ответил Маркус.— Хорошо, что предупредили, я в сигарах плохо разбираюсь.

Говоря так, Маркус обернулся, потому что табачная лавка была уже совсем рядом, наклонился и подхватил сразу две сигары.

— О, вы очень любезны!— воскликнул старичок.

— Из двух можно выбрать,— объяснил Маркус.

— Конечно, конечно, благодарю вас!— поклонился старичок.

Он взял сигару получше, другую засунул в карман и вернулся к скамейке, где, очевидно чтобы сохранить место, оставил украденный журнал.

Марко так и обмер. Вот ведь какая штука — он оказался в воровской компании! Нет, лучше всего молчать — делать вид, будто ничего не замечаешь.

«Высказаться,— решил он, — я всегда успею».

Вскоре они сошли с движущегося тротуара и направились в кафе.

Поначалу Марко не заметил ничего необычного — ничто не отличало кафе от рядовой римской trattoria: даже вазы с цветами стояли на столах, покрытых белыми скатертями. И реклама, как и всюду, настойчиво приглашала посетителей отведать фирменное блюдо.

Слово «платить»

«Сегодня триштекс на коротких шампурах!»

«Попробуйте нотку «до» из горла индюка!»

«Жареные краники — холодные и горячие!»

По мнению Марко, все это не слишком-то пробуждало аппетит. Но оказалось, тут есть вещи и пострашнее. Он убедился в этом, когда заглянул в меню. Это была толстая и тяжелая, как телефонный справочник, книга. На каждой странице перечислено не менее трехсот блюд. Всего книга содержала по меньшей мере триста тысяч различных кулинарных рецептов. А в конце были чистые листы, и посетителей кафе просили вписывать туда рецепты собственного изобретения.

«Возьмите два бутылочных горлышка, — предлагал некто, подписавшийся Пиппус, — одно тотчас же выкиньте, а другое отправьте на три дня в карцер и каждые три часа добавляйте полкило хорошо приготовленных стружек, рожки улитки, отварные вилки, бисквит, трисквит и динамитные шашки. Все это можете приправить по вкусу толченым мелом, горной галькой и гвоздями. На гарнир рекомендуются мелко нарезанные шины трехколесного велосипеда. Блюдо приобретет особую пикантность, если перед подачей на стол полить его зелеными чернилами для авторучек».

Марко подумал, что самое пикантное было бы, если б повар догадался выбросить блюдо в мусорный бак, но промолчал, чтобы не выглядеть провинциалом, который впервые попал в город и всему удивляется.

Он продолжал листать меню, останавливаясь на самых необычных кушаньях: «Ножки поросенка с лампочками в соусе из лестничных перил», «Ножки хромоногого столика», «Оцинкованное листовое железо по-цыгански», «Суп из фаршированных кирпичей».

— Чем же они фаршированы?— спросил Марко у своего улыбающегося спутника.— Я бы не хотел, чтобы внутри оказалась кожура от каштанов или радиодетали. Их я вовсе не люблю.

— Напрасно. Фаршированные кирпичи — очень вкусное блюдо,— сказал Маркус.— Я прекрасно понимаю, что наше меню не вызывает у тебя восторга. Но мы привыкли есть все — железо, уголь, цемент, стекло, дерево, а также гвозди, щипцы, легко усваивается даже телефонный кабель. Все съедобно на нашей планете.

— Как же остаются невредимыми ваши города? Ведь можно съесть, наверное, и дома со всеми дверями и окнами?

— Конечно, можно, но они нужны нам, чтобы жить в них, спать, слушать музыку, читать книги, принимать друзей. Ну как, у тебя прибавилось аппетита после знакомства с этим меню?

— Пожалуй. Дело в том, что недавно мама водила меня к врачу, тот нашел, что я слишком тощий, и назначил мне железо. Пришлось пить какой-то препротивный сироп. Так что я воспользуюсь случаем и закажу себе хороший железный бифштекс.

К столу подошел официант в белой куртке. Это был робот с шестью парами рук, и на каждой висела салфетка. Всего, следовательно, их было двенадцать. Робот внимательно выслушал заказ и убежал, но почти тотчас вернулся со множеством тарелок.

Железный бифштекс на шампуре оказался необыкновенно вкусным и ароматным. Марко уничтожил его в несколько секунд.

— Тебе надо было заказать четвероштекс,— пошутил Маркус, который с удовольствием пил кофе с молоком и персиковым джемом (точнее, с жестяной банкой, в которой когда-то был персиковый джем).

Марко захотел попробовать также суп с кирпичами и обнаружил, что он был заправлен пастой для шариковых ручек и пеплом от папирос.

На третье робот предложил фруктовый коктейль. Марко почувствовал запах апельсинового сока, но Маркус объяснил, что это всего-навсего смесь дождевой воды и старого машинного масла для смазки автомобилей, которое хранят в специальных деревянных сосудах, выдолбленных из железнодорожных шпал.

Поужинав, мальчики встали и направились к выходу.

— А кто заплатит по счету?— поинтересовался Марко в дверях.

— Заплатит?— переспросил Маркус.— Опять? Ты же знаешь — у нас это слово не употребляется.

— О да, я понял это, когда ты стащил сигары для старичка!— ехидно заметил наш яснианец.— А теперь ты будешь уверять, будто можно прийти в кафе, вкусно поест, вытереть рот салфеткой, и робот...

— Благодарю вас! Приходите еще!— как раз в этот момент с нижайшим поклоном произнес робот.

— Придем, когда будем поблизости,— вежливо пообещал Маркус, пожимая одну за другой все двенадцать его рук.

— Не забывайте меня,— попросил робот.— А то я скучаю без работы. Видите, в кафе почти пусто.

— Мы обязательно придем сегодня вечером,— пообещал Маркус, видимо, чтобы успокоить его.

Мятная гроза

а этот раз ребята не воспользовались движущимся тротуаром, а решили пройтись немного по тихим, безлюдным улочкам. Однако и здесь дома были празднично украшены сотнями больших и маленьких новогодних елок. Они росли даже на крышах. И Марко стало казаться, что он пробирается под ветвями одной огромной новогодней елки. Он то и дело задевал что-нибудь головой — серебряный колокольчик, звездочку или еще какую-нибудь милую безделушку, все назначение которой только в том, чтобы внести в дом веселье.

— Городские власти, должно быть, потратили уйму денег на все эти украшения!— заметил Марко.

— Ни одной копейки,— ответил Маркус.— Хотя бы потому, что у нас давно отменены деньги. А украшения растут сами собой. Разве не видно?

Марко внимательно посмотрел на ближайшую елку и убедился, что лампочки, колокольчики, шарики и

все прочие игрушки действительно росли на ветвях, как плоды,— каждый на своем черенке.

— И расцветают под Новый год?— спросил Марко.

— Нет, они цветут круглый год. У нас ведь каждый день новогодний, я уже тебе говорил.

— В таком случае вашу планету можно назвать Планетой Новогодних Елок,— решил Марко. И с удивлением подумал, что завидует Маркусу. Ведь на старой-престарой Земле таких деревьев, насколько помнит человечество, никогда не росло, кирпичи есть нельзя, а если хочешь посидеть в субботу вечером в трактире и поесть принесенную с собой в узелке еду, нужно заплатить за бумагу, которую официант постелит на стол.

«Интересно, в какой стороне наша Земля? Внизу? Или наверху?»

Воздух оставался все таким же теплым и благоуханным — легкий ветерок приносил запахи самых разных цветов.

— Да, вам тут хорошо,— вздохнул Марко.— Не только круглый год новогодние праздники, но, похоже, и весна никогда не кончается

Маркус наклонился, собрал пальцем немного пыли и предложил гостю понюхать. Пыль пахла ландышами.

— Да это же пудра!— удивился Марко.

Он посмотрел вверх и увидел, что большая розовая туча, закрыв солнце, быстро затянула полнеба.

— Однако,— не без удовольствия заметил Марко,— я вижу, что и в этой счастливой стране случаются грозы?

Гроза действительно началась. Только вместо дождя с неба посыпалась миллионы разноцветных конфетти. Ветер подхватывал их, кружил, разносил во все стороны. Создавалось полное впечатление, что нагрянула зима и занялась снежная пурга. Однако воздух оставался по-прежнему теплым, напоенным разными ароматами — пахло мятой, анисом, мандаринами и еще чем-то незнакомым, но очень приятным.

— Но откуда столько запахов сразу?— удивился Марко.

— Об этом заботятся машины,— пояснил Маркус,— которые приводят в движение воздух и форми-

руют тучи и облака. Если хочешь, я отвезу тебя потом в Центр Прекрасной Погоды.

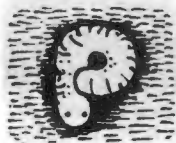
Маленькие разноцветные кружочки легко, будто снежинки, опускались на голову и одежду. Поймав на ладошку несколько конфетти, Маркус отправил их в рот, и Марко, вспомнив, что в этой стране все съедобно, последовал его примеру. Это были самые настоящие мятные конфеты. А потом он обнаружил, что стоит открыть рот, как конфетти сами влетают в него, словно птички в гнездо, и сразу же с приятнейшим холодком тают на языке.

Вскоре туча развеялась, и снова выглянуло солнышко. Над землей легкой поземкой продолжали кружиться конфетти. Словно снежком припорошили они новогодние елки. Птицы садились на ветви и с веселым щебетом клевали эти небесные конфеты.

Картина была уж слишком слащавой, с точки зрения Марко, просто приторной.

— Прямо какая-то кукольная страна! — не удержался он.

А про себя решил при первой же возможности снова вернуться во дворец, где можно ломать что угодно, и отвести душу, расправившись с несколькими шкафами.

**«Удачи всем,
кто прочитал!»**

Дети вышли на небольшую площадь, окруженную высокими очень белыми стенами. Очень белыми — это, конечно, сказано условно, потому что каждая стена снизу доверху была разрисована всякими каракулями и покрыта разными надписями, сделанными цветными мелками. Какой-то старичок выводил что-то на стене зеленым мелком. Несколько любопытных стояли рядом и временами подавали ему советы. Чуть поодаль старательно выводила буквы девушка. Видимо, она сочиняла письмо, потому что издали можно было прочитать огромное слово: «Дорогой...»

Мальчики подошли к старичку и прочитали надпись, которую он сделал:

Ни в коем случае нельзя
На все чихать, мои друзья!
Кто этого, увы, не знал,
Тот очень много потерял.
Удачи всем, кто прочитал!

— Он пишет объявление,— объяснил Маркус.— У нас любой может писать все, что ему вздумается. Прежде в городах повсюду торчали грозные таблички: запрещается то, не разрешается это... А теперь запрещать нечего, потому что люди давно уже не делают ничего плохого или недозволенного. И все потому, что ничего не запрещается. Нашим гражданам не остается ничего другого, как развлекаться, придумывая всякие забавные тексты. Именно для этого и поставлена здесь подобная «стена объявлений». Когда на ней уже не остается свободного места, ее закрашивают белой краской.

Рядом раздались аплодисменты. Люди пожимали старичку руку, поздравляли с удачной выдумкой. Вторая надпись, которую он сделал, предлагала:

А ну, попробуй отгадать,
Сколько будет
Кот плюс пять!

Юмор Марко не понравился, и он подошел к девушке, которая писала голубым мелом.

«Дорогой прохожий,— прочитал Марко,— если тебе грустно, подумай обо мне, потому что сегодня я влюбилась в доктора Филибертуса, и мое счастье сделает счастливым и тебя. Мелания, преподаватель химии и математики».

— Если такое пишет на стенах учительница,— усмехнулся Марко,— что же тогда творят ее ученики?

Он прошел вдоль стены и прочитал немало других любопытных объявлений. Некоторые так понравились ему, что он даже запомнил их.

Объявляем всем, всем, всем!
Отныне запрещено сердиться!
Нарушителям завтра в суд явиться.

Внимание! Взрослые и дети!
Отныне разрешается все на свете:
Рвать цветы и бегать по газонам...
Конец запрещенным зонам!
Просим полицейских, пап и мам
Помогать озорничать малышам!

Слушайте все! Слушайте все!
В десять часов каждое утро
По радио вместо варядки
Передаются сказки, ребятки!
Рекомендуем не опаздывать!

В нашем городе
Ложиться спать без ужина
Строго запрещено.

Друг-шофер и друг-пешеход,
Когда дети играют в мяч,
Прекрати движение и не маячи!

Взрослые! Бывшие дети-проказники!
Просим ходить на голове
Каждые праздники!

Бабушки и дедушки!
Бросьте вязание, бросьте трубки!
И спешите на курсы сказочников,
Завтра начнутся занятия,
Приглашаем всех без изъятия!

Кто хочет сказать неправду,
Солгите сегодня,
Потому что завтра повсеместно
Запрещается ложь!

На нашей планете
Строго запрещается воевать
В небе, на земле и на море...
Довольно горя!
Тот, кто нарушит этот закон,
Будет за уши выброшен вон,
Прочь с нашей планеты!

А потом Марко, недолго думая, поднял с земли черный брусочек и написал:

«Правителям этой планеты: вы придумали немало замечательных вещей, молодцы! Но когда вы отправите меня обратно домой? Марко.»

Тотчас за его спиной раздался громкий хохот, и люди, что стояли возле старичка, поспешили к Марко узнать, в чем дело.

— Почему они смеются?— удивился Марко.

— Из-за твоей ошибки,— сочувственно вздохнул Маркус.— Ты поставил после подписи запятую,

Триумф Этельредуса

окинув площадь, ребята оказались на перекрестке, где собралась большая, шумная толпа, в центре которой расположились музыканты с инструментами, висевшими на шее. Оркестранты перебрасывались репликами и, видимо, ожидали знака дирижера. Марко заметил, что они мало интересовали собравшихся. Все внимание их было обращено к стеклянной урне, в которую люди по очереди опускали какие-то бумажки.

— Я понял!— воскликнул Марко.— Это голосование!

Маркус улыбнулся, но промолчал. В это время к урне подвели маленького мальчика с завязанными глазами, он вынул из нее бумажку и передал своим провожатым. Все притихли, и тут же отчетливо прозвучали слова:

— Этельредус Аррейфедус Провалляйтус!

Толпа закричала: «Ура!» Оркестр грянул веселый марш, и какой-то высокий, раскрасневшийся от волнения человек вышел вперед и начал пожимать всем руки. Робот-рабочий достал из мешка длинную мраморную доску, что-то быстро написал на ней и укрепил на стене дома.

«Улица Этельредуса Аррейфедуса Провалляйтуса»,— прочитал Марко.

Старичок, стоявший рядом с Марко, даже не пытался скрыть своего огорчения.

— Вот уже два месяца,— сетовал он,— как я участвую в этом конкурсе и никак не могу выиграть! Наверное, мне лучше вернуться в переулок номер сорок пять. Там мое имя не называли уже сто четыре недели, должны же вытащить, в конце концов!

Так Марко узнал, что на Планете Новогодних Елок названия улиц, переулков и площадей разыгрываются среди горожан. Игра происходит каждую неделю, чтобы больше народу могло принять в ней участие.

Разумеется, если человек не хотел, он мог не участвовать в этой затее. А те, кто участвовал, делали это скорее ради забавы, чем из тщеславия.

— На Земле,— сказал Марко,— такие азартные люди непременно стали бы играть в лотерею или спортлото. Но при этом они могли бы по крайней мере надеяться выиграть какую-нибудь кругленькую сумму.

Напрасный удар

ругленькую сумму?— переспросил Маркус.— А что это такое? Что с ней делают?

Марко попытался объяснить ему, что это такое, но не сумел и рассердился:

— О господи! Как трудно говорить с таким дураком!

И, чтобы отвести душу, он изо всех сил пнул ногой банку, что валялась на дороге. Но удар не принес ему никакой радости, потому что банка была резиновой. Оказывается, по приказу городских властей роботы специально разбрасывали такие банки по улицам, чтобы ребята, которые по пути в школу или домой всегда играют в футбол, не отбивали себе ноги и не рвали обувь.

Между тем уже стемнело, и новогодние елки вспыхнули вдруг яркими, веселыми огоньками. Город сверкал тысячами разноцветных лампочек, нарядно и празднично, как бывает только под Новый год.

— И ночью витрины тоже не закрываются? — любопытствовал Марко.

— Конечно. Зачем их закрывать? А вдруг тебе понадобится пара ботинок, пишущая машинка или, допустим, холодильник?

«Если тут запросто воруют днем, представляю, что творится ночью»,— подумал Марко, но промолчал. Он очень устал, ужасно хотел спать и совсем не был настроен обсуждать подобные вопросы. Дедушка, деревянная лошадка, космическое путешествие, удивительные особенности этой странной Планеты Новогодних Елок — от всего, что он увидел и узнал за этот день, голова кружилась, как на чересчур быстрой карусели. Он покорно ступил следом за Маркусом на движущийся тротуар, присел на скамейку и заснул прежде, чем успел закрыть глаза.

Пробуждение

Марко проснулся от оглушительного лая и обнаружил, что лежит на кровати в большой освещенной комнате. И Маркуса рядом нет.

— Опять, наверное, пересобаки! — вздохнул он. — Но где я?

Его старая голубая пижамка висела на спинке стула, а на нем была новая, зеленая. Выходит, кто-то принес его сюда, в эту комнату, переодел и уложил в постель, а он даже не заметил всего этого. Прежде он никогда не удивлялся, если, открыв глаза, оказывался в своей залитой солнцем комнате на пятом этаже самого обычного дома в Тестаччо, хотя еще минуту назад — во всяком случае, так ему всегда казалось — играл с дедушкой на кухне в домино.

Постель оказалась мягкой и удобной, а в комнате было очень чисто и красиво. На тумбочке у кровати стоял телефон. Марко погладил трубку. Жаль, что он не знает ни одного местного номера и не может никому позвонить.

Над головой раздался сильный тонот. Очевидно, пересобаки опустили на крышу дома. Их чудовищный лай становился все громче. Поспать бы еще немного, но, видно, не удастся. Во всяком случае, до тех пор, пока длится нашествие.

«Интересно, кто не позволяет покончить с этими собаками?» — подумал Марко, надевая свои домашние тапочки.

Он открыл дверь и оказался в другой, точно такой же комнате. Постель была неубрана. Наверное, тут спал Маркус. Но где же он?

— Маркус! — позвал Марко, выйдя в коридор. Других комнат на этом этаже он не обнаружил, а деревянная лестница привела его вниз, в гостиную, которая, похоже, занимала весь первый этаж.

— Маркус! — снова позвал он. Но никто не ответил.

Робот вяжет на спицах?

Марко побродил по гостиной, взял из вазы крупное красивое яблоко и принялся есть.

Еще раз оглядев комнату, он увидел на стене большой белый экран, а сбоку черную кнопку, очевидно для включения. Марко нажал на нее. Экран сразу же засветился, и на нем появилось изображение пересобак — они стаями носились над городом.

— Уже улетают,— услышал Марко за спиной чей-то голос. Он быстро обернулся. Перед ним стоял робот в желтом халате. Глаза его ярко фосфоресцировали, а руки были заняты делом, которое, если б речь шла о бабушке, Марко определил бы как вязание на спицах.

— Вяжу себе шапку-ушанку, своего рода шлем,— объяснил робот, заметив, что Марко с удивлением смотрит на его руки.— И при следующем нашествии пересобак не буду страдать от этого ужасного лая. Правда, я надеюсь, что этот визит последний.

— Тогда зачем же вяжешь?

— Не могу сидеть без дела! Я робот-домохозяйка, а здесь у меня очень мало работы. К тому же мне нравится вязать. А вы яснианин? Во всяком случае, так мне сказал ваш друг. Вы так крепко спали, когда приехали сюда, что пришлось раздеть вас и уложить в постель.

— А где Маркус?

— Не знаю. Он ушел. Сказал, что вряд ли вернется. Велел приготовить вам завтрак.

«Ничего себе! — подумал Марко.— Сначала какой-то мальчишка, теперь робот... Перекидывают меня от одного к другому, словно мячик!»

Робот был явно доволен, что может поболтать, но руки его ни на минуту не оставляли спицы в покое.

— Это дом Маркуса? — спросил Марко.

— О нет! Это мой дом. В каком-то смысле. У меня еще дюжина таких же. Люди приходят сюда на какое-то время, как в гостиницу. Спят, отдыхают, встречаются с друзьями, музицируют, а потом уходят, и только я живу здесь постоянно. Я должен обслуживать их. Выходит, я почти что вправе считать этот дом своим, не так ли?

— Атака пересобак,— произнес голос с экрана,— окончена! Продолжаем наши передачи. Смотрите концерт для крышек с горшками.

Марко нажал на кнопку, и в комнате стало тихо. Но робот вскоре нарушил молчание.

— Вам надо бы вернуться в постель,— сказал он.— Вы, похоже, привыкли спать только ночью. А у нас, знаете ли, каждый спит, когда вздумается, и бодрствует, когда захочет.

— А когда же люди работают?

— Тоже когда хотят,— с готовностью ответил робот.— Труд так же доброволен, как отдых. Разумеется, это не относится к нам, роботам. Мы ведь смонтированы именно для этого — для работы. И мы трудимся день и ночь. Но труд доставляет нам радость — ведь в нем смысл нашего существования. А люди, напротив, распоряжаются своим временем, как им заблагорассудится.

— Но как же они зарабатывают себе на хлеб?

— А зачем это делать? — удивился робот — Все наши кафе открыты круглосуточно.

— А кто готовит еду?

— Машины. Все делают машины. Они такие умницы, что за ними даже присматривать не надо. Все умеют делать — строят дома, тачают обувь, собирают телевизоры, моют посуду. И даже могут поспорить с нами, роботами...

Марко зевнул.

«Послушайтесь меня,— продолжал робот.— Ложитесь и поспите еще немного. А если не сможете сразу уснуть, наберите номер семнадцать, и вам расскажут замечательную сказку.

Отвечает № 17

Марко уже расхотелось спать, но ради любопытства он поднялся в свою комнату, снял телефонную трубку и набрал номер 17.

«Жил-был однажды Безногий Принц,— услышал он чей-то голос,— Его мать, Королева, совсем потеряла го-

лову и перерыла все шкафы и комоды, надеясь найти ее, но так и не находила себе покоя. А Король, напротив, был в прекрасном расположении духа, потому что у него голова оставалась на месте. Зато не было ничего другого — ниже головы, сидящей на короткой шее, не было ни куртки, ни панталон. Главный Придворный был человеком довольно мрачным, ведь на его лице не было ничего, кроме носа, а от туловища сохранился лишь жилет...»

— Очень возможно, — проворчал Марко, кладя трубку. — Но какое мне до всего этого дело? Лучше пройдусь немного.

— Вы вернетесь сюда спать? — спросил робот, который, услышав, что мальчик спускается по лестнице, выглянул из кухни.

— Не знаю.

— Если вернетесь, ваша комната будет ждать вас. Впрочем, у нас повсюду можно найти сколько угодно свободных комнат.

Опасные эксперименты

бы предпочел иметь какой-нибудь определенный адрес, — сказал он. — У вас люди запросто меняют имена, бесследно исчезают куда-то, и вообще происходят всякие другие странные вещи... Очень возможно и я могу потеряться. Стану, например, человеком из ничего, с головой из ничего и так далее.

Робот вручил ему листок бумаги с адресом дома — улица Ясная, 57451.

— Улица Ясная? — удивился Марко.

— В вашу честь, разумеется. Новую табличку с названием улицы повесили через десять минут после вашего прибытия на планету.

Марко вышел из дома.

Ночью город оставался таким же оживленным, как днем, а воздух по-прежнему был теплым и благоуханным. О шуме городского транспорта и говорить не приходилось — на улицах было еще тише, чем днем. И тут Марко вдруг почувствовал себя совершенно за-

терянным на этой странной планете, среди этих безумных людей, на улицах и площадях со случайными, непостоянными названиями. Ему стало очень тоскливо при мысли, что даже Маркус, который так хорошо знакомил его с городом, бросил его на произвол судьбы.

«Что же делать? Куда идти? И вообще, зачем меня держат здесь? Зачем привезли, если даже ни о чем не расспрашивают и не сторожат, как пленника?»

Он охотно обратился бы к кому-нибудь, чтобы получить ответы на эти вопросы, но к кому? Он ни разу не видел полицейского или регулировщика уличного движения, не встречал людей хоть в какой-нибудь форме, по которой можно было бы догадаться, что они имеют отношение к властям. Конечно, он мог остановить любого прохожего, например вот этого, в сиреновой полосатой пижаме, что стоял на движущемся тротуаре, и попросить: «Объясните, пожалуйста, что со мной происходит?» Но человек этот, наверное, рассмеется и скажет, что он напрасно волнуется. И возможно, предложит украсть для него сигару

Эта мысль показалась Марко забавной.

«Что, если я тоже попробую своровать что-нибудь? Просто из любопытства. Интересно же, что из этого выйдет!»

Марко некоторое время осваивался с этой мыслью. Но все равно, когда он протянул руку, чтобы взять в газетном киоске газету, сердце его бешено колотилось, а рука, тяжелая, как свинец, не повиновалась ему — схватив газету, он тут же уронил ее.

— Возьмите, пожалуйста...

Какая-то синьора, проходившая мимо, подняла украденную газету и с улыбкой протянула ее Марко.

— Нет, — растерялся он, — нет... Это не моя!

— Ну что вы! — настаивала синьора. — Я же прекрасно видела, как вы уронили газету.

— Я... — Марко почувствовал, как краска стыда заливает его лицо. — Видите ли... Вы ошибаетесь, синьора...

Облившись холодным потом, Марко соскочил с тротуара и влетел в первый же попавшийся магазин.

— Добрый день!— вежливо, с поклоном приветствовал его робот.— Что вам угодно?

— Видите ли...

Марко осмотрелся. Это оказался магазин головных уборов.

— Я ошибся,— пробормотал он,— я думал, тут продают игрушки.

— Мне очень жаль, синьор,— сказал робот с нескрываемым огорчением,— но у нас продаются только шляпы. Выберите себе шляпу. Это очень удобно, когда нужно издали поприветствовать друзей. Посмотрите, вот соломенная шляпа с зеркалом обратного вида и встроенным радиоприемником. Или, может быть, вам больше нравится вот эта, с маленьким роботом-массажистом, который чешет вам затылок, когда у вас в голове появляются мысли?

Магазин игрушек

Марко совсем растерялся и поспешил к выходу. Но робот был очень хорошим, старательным продавцом и потому не отставал от него.

— Не обижайте меня, пожалуйста,— продолжал он,— возьмите хотя бы вот этот цилиндр. Он пригодится вам, когда пойдете в театр.

— Я бы предпочел игрушки,— снова объяснил Марко.

Робот посмотрел на него с немим укором.

— Вторая дверь направо,— произнес он дрожащим голосом и удалился в глубь магазина.

Марко показалось, когда он был уже в дверях, что оттуда донеслось тихое всхлипывание.

В магазине игрушек была по крайней мере дюжина обращенных на улицу витрин (и все без стекол, разумеется).

Марко остановился у одной из них, делая вид, будто рассматривает что-то, а на самом деле для того, чтобы немного успокоиться. Но тут же из магазина вышел робот, ласково взял его за руку и сказал:

— Войдите, пожалуйста. Посмотрите, какой у нас богатый выбор. На витрине уже почти ничего не осталось.

У Марко не хватило сил отказаться от такого настоячивого приглашения.

— Я бы хотел какую-нибудь недорогую игрушку,— сказал он.

— Это невозможно,— засмеялся робот.— В нашем магазине таких нет. У нас все игрушки только высшего качества и очень дорогие. Смотрите, магазин просто ломится от них. А видели бы, что творится в подземных складах!

— Но у меня,— признался наконец Марко,— нет денег!

— Вполне понятно! — воскликнул робот.— Еще чего не хватало — денег! Вот уже полвека, как мы все продаем бесплатно — полвека, уважаемый, мы не берем от наших покупателей ни одного сольдо. Извините, я отойду на минутку.

И он бегом бросился на улицу.

Какой-то прохожий, что стоял на движущемся тротуаре, протянул руку, чтобы ухватить большую заводную куклу, но не успел это сделать. Робот взял куклу, догнал прохожего, вручил ему товар, поклонился и еще рукой помахал:

— Спасибо! Спасибо! Приходите снова к нам! Мы всегда будем рады обслужить вас!

— Кто это? — спросил Марко.— Какая-нибудь важная персона?

— Я не знаю, кто это,— ответил робот.— Мне ясно только, что у него короткие руки.

— Я чего-то не понимаю: он хотел украсть куклу, а вы ему помогли! Если вы так заботитесь об интересах вашей фирмы...

Робот расхохотался.

— Вы, наверное, приехали откуда-нибудь из деревни и потому не в курсе дела. Впрочем, нет — и в деревне у нас точно такие же магазины, как этот. А, я понял! Вы, должно быть, тот яснианин, о котором сегодня вечером говорили по радио! Какая честь для меня, для всех нас, для нашего магазина! Дорогой, глубокоуважаемый гость, вы не уйдете отсюда, пока не опустошите все шкафы.

— Но повторяю вам — мне нечем заплатить.

— Заплатить?! Если все люди покупают бесплатно, почему вы, прилетевший из таких далеких краев, хотите непременно заплатить? Ну, давайте выбирайте, что вам угодно.

Марко остановился в нерешительности.

— Выбирайте же! Вот эта деревянная лошадка нравится вам?

— О нет, спасибо! С меня довольно деревянных лошадок! Если уж вы так просите, я купил бы вот эту электрическую железную дорогу... И эту кинокамеру... И еще дайте мне...

Робот в восторге носился по магазину, хватал игрушки, которые называл Марко, и складывал их у его ног.

— Вот мой адрес,— сказал Марко, показывая листок бумаги.— Отправьте, пожалуйста, все это к вечеру.

— Возьмите еще что-нибудь! Прошу вас, на коленях умоляю! Возьмите это... и это... и это...

— Хорошо, я покупаю все!— сказал Марко.— До свидания.

Робот вышел вместе с ним из магазина, помог ступить на движущийся тротуар и поцеловал ему обе руки.

— Вы осчастливили меня!— крикнул он вслед Марко.— Здесь люди покупают так редко.

Хотите стать императором?

елый час, красный от возбуждения, Марко только и делал, что ходил по магазинам и покупал. Он был идеальным покупателем. Просил, например, к великой радости продавцов прислать сразу шесть роялей. Он даже приобрел автоматическую мойку для посуды и холодильник в подарок роботу-домохозяйке. Тем более что все это богатство не стоило ни сolds. Марко понял, наконец, почему витрины были без стекол даже в ювелирных магазинах и почему ни-

кто не останавливал человека, когда тот брал что-нибудь.

— А что, если,— спросил Марко робота, который продал ему (бесплатно) отличные часы,— что, если мне надо семь штук таких часов?

— Пожалуйста, берите! Хоть восемь!

— Допустим, я захочу забрать все часы в вашем магазине? Что тогда?

— Будьте любезны, берите все. Но зачем вам столько? Что вы будете с ними делать? Чтобы узнать время, достаточно одних часов. Под землей, где находятся наши фабрики-автоматы, каждая машина может изготовить, если понадобится, миллион часов за одну-единственную минуту. Вы ведь не станете богаче, и никто не окажется по вашей милости беднее, даже если вы заполните свой дом часами от пола до потолка и начнете съедать по дюжине часов за завтраком. Кстати, хотите попробовать? — предложил робот.

Марко отказался, но потом все-таки взял часы и откусил маленький кусочек цепочки.

— Очень вкусно! — признался он. — Совсем как земляника!

На тихих улочках, где было мало народу, Марко обнаружил магазины еще интереснее. Маленькие, скромные лавчонки вроде тех, каких еще немало в старинных городах на Земле. Покупатели редко заглядывают сюда, видимо, зная, что тут обычно продается уж совсем лежалый товар.

Обо всем этом рассказал Марко робот, что встретил его в одной из таких лавочек с пышной вывеской «Как в одну минуту стать королем».

— Почти никто не заходит сюда, синьор,— сказал робот, грустно качая головой,— разве что старичок какой-нибудь забредет случайно. Или паренек, приехавший из провинции.

— А чем вы, собственно, торгуете?

— Титулами, синьорино, титулами и званиями. Знатными, военными, почетными — всякими: с любой планеты и какого угодно столетия. Хотите стать сержантом, герцогом, архиепископом, адмиралом или, скажем, римским императором? Я предлагаю этот титул именно вам, потому что знаю — вы яснианин. Я видел вас по телевизору.

Робот порылся в шкафу и извлек оттуда пергаментный свиток. Торопливо развернул и, заглянув в самый конец, огорчился.

— Я поспешил со своим предложением,— объяснил он,— титул римского императора был продан на прошлой неделе. Насколько припоминаю, его купил другой яснианин.

Марко чуть не упал от изумления.

— Как вы сказали?!

— Ну да, другой «землянин», если употреблять ваше выражение. Он был, наверное, на год старше вас. И титул этот ему очень приглянулся. Он вышел с короной на голове и с мандатом, подтверждающим его права на ношение всех регалий. Если хотите, могу предложить титул короля Обеих Сицилий. Если же вам больше по душе военные звания, то обратите внимание вот на это...

Говоря так, он показал Марко очень красивый, позолоченный знак отличия.

— Приобретя его, вы станете Главнокомандующим и Сверхполковником Космического флота планеты Брикобрак. Правда, уже несколько тысячелетий, как планета не существует. Она раскололась, точно орешек, во время атомной войны. А может, вы предпочитаете диплом Главного Повара и Большой Кастрюли Герцогства Кулинарных Секретов? Или звание кавалера ордена Плохих и Хороших?

Магазин новинок

о Марко уже не слушал его. Узнав, что по Планете Новогодиных Елок бродит еще один землянин, он разволновался. Найти, во что бы то ни стало найти его — и немедленно! Поговорить с ним...

Лишь бы поскорее отделаться от робота, который торговал титулами, он решил купить скромное звание капитана полиции. По крайней мере, может пригодиться на Земле...

«Вернусь в Рим,— решил Марко,— непременно заставлю стоять навзятжку того самого полицейского,

что не разрешает нам играть на площади и забирает у нас каждую неделю по мячу».

Звание капитана полиции, разумеется, не стоило ни сольдо.

И Марко покинул эти печальные места, куда даже рассвет пробирался с трудом, будто не хотел прикасаться к этой старой ветоши. Когда он дошел до проспекта, который накануне получил имя Этельредуса Аррейфедуса Провалляйтуса, наступило утро и солнце светило ярко и весело. Марко пристально вглядывался в прохожих. Ведь среди сотен девчонок и мальчишек, которые ходили по улицам одни или с родителями, шли пешком или ехали на деревянных лошадаках, был еще один землянин — незнакомый товарищ, тоже переживший, должно быть, немало приключений. Кто он, этот мальчик, — итальянец, русский, англичанин или египтянин?.. А может, он не один, может, есть и другие земляне? Сколько их? И какого они возраста?

Продавец титулов говорил очень неопределенно. По его мнению, на планете гостило человек двенадцать «ясниан». Но где они, как их найти, он не знал. А справочная служба, есть у вас справочное бюро? Нет и никогда не было.

— Может быть, — посоветовал робот, — вам что-нибудь о них скажут во Дворце Правительства-Которого-Нет. Но я забыл, где находится этот Дворец. К тому же, говорят, там всегда пусто.

И все же это была пусть тоненькая, как паутинка, но путеводная ниточка. Марко впервые услышал о правительстве, хотя его существование и подвергалось сомнению. С чего же начать поиски? В сущности, с чего угодно. Марко вошел в «Магазин новинок», потому что название показалось ему хорошим предзнаменованием. В магазине продавались всякие невероятные вещи. К примеру, марки с клеем «на все вкусы»: как сливочное мороженое — для открыток, как черная смоладина — для простых писем, как ананас — для заказных. Марко почти ничего не приобрел здесь, но зато не забыл набить карманы замечательными точилками. Действовали они совершенно необыкновенно — стоило покрутить в них какой-нибудь жалкий огрызок, как он сразу превращался в новенький, острозаточен-

ный карандаш. Такие точилки наверняка придутся по вкусу ребятам в Тестаччо.

Марко хотел еще что-то попросить у продавца, как вдруг из громкоговорителя раздался взволнованный голос:

— Внимание! Внимание! Армада лающих собак-пересобак снова несется к нашей планете. Немедленно заткните уши и оставайтесь в таком положении до конца тревоги!

Марко рассмеялся:

— Но если люди заткнут уши, как же они узнают, кончилась тревога или нет? Или, может быть, городские власти пошлют полицейских щекотать прохожих, чтобы они вынули вату из ушей?

— Скажите,— обратился к нему робот, краснея до самого последнего стального винтика,— а вы что, можете предложить что-нибудь другое?

Изобретение кости-перекости

люди, которые с любопытством следили за этим разговором, даже забыли заткнуть уши. А издали уже доносился оглушительный лай приближающихся чудовищ.

— Черт возьми,— возмутился Марко,— неужели вы не можете заставить замолчать этих животных? Это пересобаки? Так дайте им кости-перекости и увидите, что через десять минут они станут лизать вам руки.

В ответ он услышал громкие возгласы удивления.

— Кости-перекости? Он сказал кости-перекости?!

— Ну конечно! Как это мы не догадались!

И робот схватил Марко за руку:

— Пойдемте скорее, пойдемте к директору магазина!

— Но зачем?— удивился Марко.— Я ведь просто так сказал...

— Нет, нет, пожалуйста! Вы произнесли слово, которое мы давно уже ждали! Пойдемте!

Услышав предложение Марко, генеральный директор тоже выразил полный восторг. Он тут же позвонил по телефону и отдал распоряжение:

— Алло!.. Подсекция № 45557? Отставить все работы! Как только получите рисунок кости-перекости, немедленно приступайте к изготовлению миллиона штук. Исключительно важное задание! Отложить все другие работы!

— Нарисуйте кость-перекости! — Марко протянул карандаш и бумагу.

Марко охотно признался бы, что умеет рисовать только человечков, и исключительно на стенах домов. Но тем не менее принялся за дело, чтобы не ударить в грязь лицом и не посрамить честь своей старой планеты Ясной.

Он нарисовал как мог нечто такое, что лишь весьма условно походило на кость, которую бродячая собака из Тестаччо украла у мясника, и бесстрашно показал рисунок окружающим. Бывают случаи, когда уверенность стоит всего остального. Изобретение кости-перекости и в самом деле было встречено аплодисментами и восторженными криками.

«Как немного им надо, чтобы порадоваться», — подумал Марко, который ни за что не понес бы в школу такой рисунок. Но он оставил эти соображения при себе и последовал за людьми из магазина на большую площадь, где сотни роботов с необыкновенной быстротой уже монтировали специальную стартовую площадку, спроектированную и построенную за несколько секунд.

Ожидание было недолгим. Едва первые пересобачки появились в небе над городом, прорывая розовые тучи, из которых сыпалось конфетти, как из подземных фабрик уже был доставлен первый экземпляр кости-перекости.

«Такой кости, — подумал Марко, восхитившись ее размерами, — хватило бы, чтобы осчастливить всех собак в Риме, больше того — во всей Центральной Италии. И какая аппетитная! Сам бы погрыз с удовольствием!»

По правде говоря, по его рисунку было создано нечто чудовищное: кость, гигантская, как Колизей, — истинная кость-перекости!

Когда ракета с костью-перекостью, запущенная роботом-артиллеристом, взлетела ввысь и приблизилась к пересобакам, в их рядах произошло легкое замешательство, а затем все они набросились на неожиданную подачку и вцепились в нее зубами. При этом они перестали лаять, а только повизгивали от удовольствия.

Памятник Марко

Грызите! Грызите! — радостно кричал генеральный директор магазина. — Неплохой сюрприз, не так ли? Эту кость вам никогда не съесть — такая она бо́льшая. Ее хватает на несколько поколений собак, вплоть до седьмого колена!

Из глубин космоса прибывали между тем все новые стаи хищников. А с планеты навстречу им запускали все новые и новые кости-перекости. И результат был налицо — лай сразу же прекращался. Некоторые пересобаки опускались на крыши домов, чтобы погрызть свои кости с бо́льшим удобством, другие садились в садах и парках, даже на тротуары, и дети могли безбоязненно таскать их за хвост, потому что пересобаки вовсе не замечали этого.

Несколько сотен костей оказалось достаточно, чтобы заставить замолчать десять тысяч пересобак. А стоило запустить кости-перекости немного подальше, как пересобаки, погнавшись за ними, совсем покинули город. Похрустывая обретенным на Планете Новогодних Елок сокровищем, облизываясь и виляя хвостами, они безмолвно улетали туда, откуда явились. Можно было подумать, что они совершенно разучились лаять.

Марко был осыпан похвалами и почестями.

— Памятник! Памятник ему поставить! — закричали в толпе какие-то энтузиасты.

— В Зимний Сад! Скорее в Зимний Сад! Воздадим должное победителю!

Марко предпочел бы остаться в стороне, но кругом так радовались и ликовали, что никто и слушать его не стал. Он философски отнесся к своей славе и на ру-

ках восхищенных жителей Планеты Новогодних Елок, то есть по воздуху, преодолел путь в несколько кварталов, пока не оказался у какой-то виллы, окруженной высокой оградой. Над входом висела большая надпись: «Зимний Сад».

На всей планете, как мы уже говорили, царила вечная весна. Специальные машины (мы не станем их описывать, тем более что их не довелось увидеть и Марко, так как они работали под землей или на далеких космических станциях) управляли климатом, ветрами, воздушными течениями и другими атмосферными явлениями в соответствии с искусственным календарем, в который природа не имела права совать свой нос.

Слору нет, весна самое прекрасное время года. Но и у зимы есть свои прелести, и не стоило бы от них отказываться. А лето, когда можно до черноты загореть и сколько угодно купаться в море,— разве это плохо? Кроме того, есть ведь и такие люди, спокойные и уравновешенные, любители предаваться воспоминаниям и размышлениям, которым больше всего по душе осень. Для этих людей на некоторой части Планеты Новогодних Елок неизменно сохранялась осенняя погода. На морских пляжах, разумеется, постоянно поддерживалась типично летняя температура воды и воздуха и не допускалось никаких гроз, дождей, пасмурностей. А в самом центре города был построен Зимний Сад, где ежедневно в течение всего года выпадал снег и заливались катки для катания на коньках, а на деревьях, то есть на обычных для всей планеты новогодних елках, росли настоящие сосульки.

У входа в Зимний Сад в большом крытом вестибюле находился вместительный гардероб. Здесь посетители могли переодеться в зимнюю одежду, взяв понравившееся им пальто или шубу, сапоги или валенки, шарфы, шапки и варежки. Все это предоставляла им дирекция Сада. А уходя отсюда, никто, разумеется, не забывал переодеться в легкие весенние пижамы.

Закутанный в теплую белую шубу, обутый в меховые сапоги, Марко поднялся вместе с окружавшей его толпой на вершину холма, откуда с веселым смехом катились на санках сотни ребятишек. Несколько человек тут же принялись сгребать снег, скатывать его в большие шары и в два счета сделали из снега скульп-

турное изображение Марко. В высоко поднятой руке он держал кость-перекость, а ногой попирал лежащую перед ним пересобаку. На постаменте памятника какая-то синьора красиво написала губной помадой:

«Марко, яснианину, победителю пересобак, избретателю кости-перекости.»

Неизвестно откуда взявшийся оркестр исполнил торжественный гимн. А затем толпа под общие аплодисменты поставила Марко на пьедестал рядом со снежным памятником и, оживленно обсуждая событие, постепенно разошлась.

«Вот это да!— удивился Марко про себя.— И весь праздник!»

Осмотревшись, он обнаружил, что памятник его находился в совсем неплохой компании. Рядом с ним в этом странном Пантеоне на открытом воздухе стояло еще штук десять таких же молчаливых и недвижимых снежных статуй. Некоторые уже начали подтаивать — там не хватало ноги, тут нельзя было прочесть надпись. А у одной скульптуры даже голова отвалилась — лежала у подножия, и никто не подумал поставить ее на место.

Марко хотел было уже предаться грустным размышлениям о тленности мирской славы, как вдруг кто-то весело окликнул его, и он увидел бежавшего к нему Маркуса.

— Как поживаешь? — спросил он, подхватив с земли немного снега и делая из него снежок.— Я вижу, ты без меня не теряешься. Даже памятник себе сумел заслужить!

И, говоря так, Маркус запустил снежок прямо в нос снежному Марко.

— Ну вот, в меня! Не мог, что ли, в кого-нибудь другого бросить?

— А все равно это сделают мальчишки. Пусть уж лучше первый удар будет нанесен другом.

Марко спустился с пьедестала.

— Объясни,— сказал он,— почему они оставили меня?

— Дела,— ответил Маркус, пожимая плечами. И, словно торопясь сменить тему разговора, добавил: — Знаешь, а мне еще ни разу не удалось сделать что-нибудь такое, за что ставят памятник.

— У нас памятники ставят только мертвым,— ответил Марко.— И никогда не делают их из снега, а только из мрамора или из бронзы... И ставят на площадях, на улицах, в садах и парках..

— Представляю, как же там должно быть тесно,— засмеялся Маркус.— По-моему, наши снежные памятники лучше — стоят недолго и другим место освобождают. И потом, что проку мертвому от вашего памятника? Когда его ставят живому человеку, ему по крайней мере приятно, даже если он стоит и недолго.

Преследование

ень прошел очень быстро — сначала побывали в кафе, потом в зоопарке, хотя на «земной» зоосад он, конечно, нисколько не походил. Львы и тигры спокойно разгуливали здесь среди посетителей, а крокодилы, что плавали в прозрачной воде озера, мирно играли с лебедями и ребятишками. Клеток нигде и в помине не было.

Марко несколько раз пытался узнать у своего товарища, куда тот исчез ночью, но так и не сумел добиться от него вразумительного ответа. Он спросил его также о других яснианцах, которые вроде бы гостили в это время на Планете Новогодних Елок, но Маркус не захотел распространяться и на эту тему. Настроение у Марко совершенно испортилось, и он становился все мрачнее и мрачнее. Уж очень трудно было жить в полном неведении. И тогда он решил во что бы то ни стало узнать, что же за всем этим кроется.

«Этой ночью,— сказал он себе,— я не сомкну глаз».

Когда после ужина они с Маркусом вернулись в домик на улице Ясной, он едва удостоил взглядом горю коробок, которые были доставлены сюда из разных магазинов, где он утром делал покупки, и не стал слушать болтовню робота, который следил по телевизору за всеми событиями, связанными с его победой над пересобаками. Он сказал, что хочет спать, поднялся в свою комнату, переоделся в теплую пижаму, улегся в постель и погасил свет.

Дверь в соседнюю комнату он оставил приоткрытой и стал наблюдать в щелочку за Маркусом. Тот тоже улегся в постель и раскрыл книгу. Скоро, однако, он стал зевать и щелкнул выключателем. В темноте было слышно, как он раза два повернулся в кровати. Тогда Марко встал и тихонечко подошел к двери, решив караулить спящего Маркуса. Он уселся на пол в твердом намерении ни за что не позволить обмануть себя во второй раз.

Легкий скрип двери заставил его вздрогнуть. Он протер усталые глаза — видимо, он все-таки заснул. Но как долго он спал? Дыхания Маркуса не было слышно.

Марко вбежал в соседнюю комнату и включил свет. Кровать была пуста. Он тут же бросился вниз по лестнице, на улицу и увидел, что Маркус удаляется на движущемся тротуаре.

«На этот раз ты не скроешься от меня!» — решил Марко и тоже вскочил на движущийся тротуар.

Дворец Правительства- Которого-Нет

Преследуя Маркуса, мальчик оказался в незнакомой, должно быть, в старой, части города. Витрин здесь было совсем мало. Они яркими окнами вспыхивали в темных каменных стенах старинных домов. Над крышами там и тут возвышались какие-то мрачные башни. Да и новогодних елок тут было гораздо меньше. Даже весенний воздух казался каким-то неуместным в этом переплетении узких улочек и тихих переулков. Стены домов были покрыты влагой, но на вкус капелька, упавшая с крыши прямо в рот Марко, была похожа на варенье из лепестков розы. Немного, правда, отдавала плесенью.

Чтобы Маркус не заметил его, Марко шел, прижимаясь к стенам домов. Но Маркус даже ни разу не обернулся: или не знал, что его преследуют, или это его не тревожило. Наконец он вошел в какой-то темный подъезд. И Марко поспешил туда же,

«Дворец Правительства», — прочитал он на мраморной, обветшалой от времени доске, укрепленной у входа. А ниже кто-то приписал углем: «Которого-Нет».

Поблизости не было никаких часовых, не было даже швейцара у дверей.

В полутемном вестибюле Марко увидел широкую лестницу и услышал — единственный признак жизни — быстрые шаги удаляющегося Маркуса.

Марко с сильно бьющимся сердцем тоже бросился вверх по лестнице, как вдруг натолкнулся на сидящего человека.

— Осторожнее, черт возьми! — услышал он сердитый голос.

— Извините, — пробормотал Марко, — извините, пожалуйста!

— Ну ладно, чего уж там, — ответил подобревший голос, — давай лучше на «ты».

— Но мы с вами не знакомы...

— Если дело только за этим, могу представиться. Глава правительства. А теперь знаешь, что я тебе скажу? Что я пошел домой.

Марко не знал, что и думать об этом странном человеке. В полутьме трудно было даже рассмотреть, молод он или стар.

— Я хотел пойти на заседание, — продолжал человек, — но мне пришла в голову одна великолепная математическая задача. И тогда я присел тут, чтобы решить ее. Здесь так спокойно! Мне совсем расхотелось идти на заседание. Конечно, неловко перед коллегами, но им придется выбрать другого главу правительства. А я могу считать себя освобожденным от этих обязанностей по математическим причинам.

И, посмеиваясь, он поднялся, отряхнул пижаму, ласково потрепал Марко по щеке и стал спускаться вниз по лестнице.

— Извините, — заговорил Марко, набравшись мужества, — если вы глава правительства, то, наверное, в курсе дела, которое касается меня. Я из Рима, с Земли, извините, пожалуйста, с планеты Ясная. Я хотел бы знать...

— А, припоминаю. Твой вопрос действительно стоял на повестке дня. Но ты не беспокойся — решится и твоя задача. А у меня — моя. Наберись терпения. Великая, великая вещь — математика!

И он снова направился к двери,

Президент Маркус

Марко ничего не оставалось, как продолжить преследование своего друга. Поднявшись по лестнице, он увидел целую анфиладу освещенных залов, стены которых были увешаны огромными картинами. То ли музей, то ли королевская резиденция. В залах были двери, которые, очевидно, куда-то вели. Марко стал осторожно открывать одну за другой.

Приоткрыв третью дверь, он тут же отпрянул назад. Он увидел красивый белый зал, посередине которого стоял подковообразный стол. За ним сидели какие-то люди, и среди них Маркус, который что-то говорил. Марко оставил дверь приоткрытой и решил послушать, о чем идет речь.

— Мы не можем отложить заседание,— убежденно говорил Маркус.— Раз глава правительства не пришел, назначим другого.

— Но это будет уже пятый за месяц! — весело перебил его чей-то низкий бас.

— Так же нельзя! Желających добровольно взять на себя обязанность править страной становится все меньше и меньше. Возьмите, например, должность министра финансов. Вот уже два месяца, как мы напрасно ищем человека на эту должность. Все утверждают, что заняты, а потом вы видите, что они играют в шахматы с роботами, изобретают машины или даже разносят стены во дворце «Ломай что угодно!».

— Но ведь мы не случайно называемся, как говорит народ, Правительством-Которого-Нет,— произнес другой голос.— Правительство и в самом деле никому не нужно, если все дела прекрасно идут сами собой.

— И все же есть вещи, которые требуют решения,— настаивал Маркус.

— Люди давно уже научились все решать сами и делают это самым великолепным образом.

— Согласен,— продолжал Маркус,— но мы не можем решать на площади вопрос о яснианцах.

— А почему нет? Больше того, почему бы тебе самому не решить его? — сказал веселый голос,— А мы

пойдем по своим делам. И кроме того, раз уж на то пошло, почему бы тебе не возглавить правительство? Ты молод, полон фантазии и, несомненно, придумаешь замечательные вещи.

Все сидевшие за столом зааплодировали.

— Единодушно одобряем, — раздались голоса.

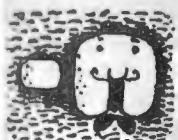
— Но я...

— Никаких «но». Ты избран, так что — за дело!

— Хорошо, — твердо сказал Маркус. — Я согласен.

Но при одном условии: сегодня же вечером будет обсужден вопрос о Марко. Я потратил всю прошлую ночь и половину сегодняшнего дня, пытаюсь организовать заседание правительства, и, раз уж вы тут собрались наконец, давайте обсудим. Тем более что и время поджигает. Так или иначе, вопрос должен быть решен до рассвета.

— Почему такая спешка?

5 «а»

... потому что Марко покинул планету Ясная, если считать по яснианскому календарю, вечером 23 октября. Через несколько часов там наступит 24 октября, и, если мы не позволим ему сразу же вернуться, исчезновение мальчика будет обнаружено.

Услышав это, Марко похолодел. В зале заседаний стало тихо. Потом кто-то предложил Маркусу сделать свой доклад.

— Синьоры, — начал Маркус, — вы знаете, что ясниане в последнее время сделали большие успехи в освоении космического пространства. Можно, следовательно, предположить, что в ближайшие десятилетия, путешествуя в космосе, они высадятся и на нашей планете. Какие у них будут намерения? Предстанут ли они перед нами как друзья, готовые завязать узы дружбы, уважать нашу независимость и свободу, или появятся, как лающие пересобаки, космические захватчики, готовые подавить нас и завладеть всем, что мы создали для нашего благополучия? Вы знаете лучше меня, что, когда этот вопрос обсуждался в правительстве — а я

в это время был еще в пеленках,— в какой-то мере из-за лени, в какой-то — из-за легкомыслия не было принято никаких мер предосторожности. Мы могли послать на Землю нашего представителя, но не послали. Мы могли установить контакты с правительствами разных стран, но наше Правительство-Которого-Нет побоялось, что их там слишком много. К счастью, за дело взялись мы.

— Кто это «мы»? — поинтересовался чей-то сонный голос.

— Вы стали министром только вчера вечером и поэтому ничего не знаете. Мы — это ребята из школы № 2345, из 5 «а» класса. Никому ничего не говоря, мы разработали и осуществили свой план. И тут вдруг появилось Правительство-Которого-Нет и решило взять «вожжи» в свои руки. Вы этого захотели? Так держите теперь эти «вожжи».

— Какие вожжи? Какое дело? Объясните мне это наконец,— снова прозвучал сонный голос.

— Ну что касается дела,— вмешался веселый голос,— то идея была неплохая. Наши отважные школьники рассудили так: яснианцы придут сюда примерно лет через двадцать. Значит, те из них, кто станет к тому времени ученым, космонавтом, астронавтом, астрономом, физиком, генералом, членом правительства и так далее, сегодня еще только учатся в школе. Выходит, с ними и надо устанавливать контакты. Не с правительствами, которые меняются, а с учениками 5 «а» класса в Токио, 5 «а» класса в Тестаччо в Риме, 5 «а» в Гавирате и так далее и так далее. Они, черти, отлично знают яснианскую географию! И, поскольку мы были в прошлом достаточно наивны, оснатив наши школы космическими лабораториями, первоклассными электронными роботами и тому подобными вещами, наши ребятишки начали изготавливать космические лошадки-качалки, во всем похожие на игрушечных лошадок из папье-маше, которые на Земле так любят дарить под Новый год.

(«Не так уж, чтобы очень...», — пробормотал про себя Марко, как истинно римский ворчун, хотя на самом деле слушал все, затаив дыхание, как слушают в детстве самую прекрасную сказку.)

Троянские лошадки-качалки

ти лошадки,— продолжал веселый голос,— были потом с помощью специальных межпланетных ракет переправлены в магазины на планету Ясная. Ребята, в руки которых попадает такой подарок, рано или поздно смогут перенестись на нашу планету и станут здесь, как мы надеемся, нашими друзьями. Когда их космическое воспитание будет завершено, мы будем возвращать их на Землю. Наши мальчишки из 5 «а» намерены таким образом заложить основы мирного сосуществования в космическом мироздании. Они клянутся, что через двадцать лет их система даст свои результаты. Через двадцать лет мы снова встретим здесь наших сегодняшних гостей, уже подготовленных к тому, что их тут ожидает. Они уже будут уметь пользоваться нашими движущимися тротуарами, есть наши четвероштексы и бесплатно покупать в наших магазинах. И, что самое главное, придут сюда друзьями. По крайней мере, на это можно надеяться.

— И этот план межпланетного воспитания действительно был осуществлен? — удивился сонный голос.

— Похоже, — ответил веселый голос. — Время от времени к нам прибывает какой-нибудь яснианин. Наши мальчишки берут над ним шефство, возят туда-сюда — словом, воспитывают...

— А потом отпускают?

— Ну да.

— Минутку, — вмешался Маркус. Он выглядел сейчас очень серьезным и важным. — Мы отпускаем их только в том случае, если уверены, что они стали нашими друзьями. Иначе мы оставляем их тут. Но этого, по правде говоря, еще не было ни разу. А знаете, сколько яснианцев прибывает каждый месяц на нашу планету? По крайней мере, сто тысяч.

— Таким образом, вы невольно способствовали невероятному росту торговли деревянными лошадками на планете Ясная, — заметил веселый голос. — А там, как известно, за них все еще надо платить деньги.

— Теперь вопрос в том, — продолжал Маркус, — отправлять ли яснианина Марко обратно или оставить его здесь в качестве заложника. Я не хочу один решать такой важный вопрос.

— Но ты, во всяком случае, — сказал кто-то, — знаешь его лучше нас. Испытание пересобакими он выдержал блестяще.

— Испытание чем? — спросил сонный голос. — Уже второй раз я слышу тут про каких-то пересобак.

— Что ж, вам можно лишь позавидовать, если вы слышите только разговоры о них, а не их самих, — заметил веселый голос. — Мы подвергли нашего маленького гостя небольшому испытанию, чтобы узнать, способен ли он забыть слово «убивать».

— Извините, не понял.

— Вполне естественно, что не поняли. «Убивать» — это одно из тех старых слов, которые мы отправляем во Дворец Забвения после того, как вычеркиваем из словарей. Там находятся «убивать», «ненавидеть», «воевать» и другие подобные слова, я их тоже все не помню. Мы инсценировали для нашего гостя нашествие пересобак, и он реагировал весьма положительно.

— Это уже двухсотый яснианин, который изобретает кости-перекости... — заметил кто-то из министров.

(Марко залился краской. Но, как ни хотел рассердиться, так и не смог. А потом и сам понял, что покраснел не от стыда, а от радости, что выдержал испытание, которому был втайне подвергнут.)

Беги, Марко!

... тот мальчик очень неплохой человек, — продолжал Маркус, — хотя и пытается скрыть свои истинные чувства под маской иронии. Он способен остеречь даже на кладбище. Но это, как нам объяснили в школе, типичная черта всех римлян. Очевидно, им нравится прятать свое подлинное лицо за неприглядным обликом. Чтобы понять их, нужно судить не по внешним проявлениям характера, а заглядывая в сердце.

(Марко снова покраснел. Ему показалось, что он никогда, как сейчас, не любил свой старый Рим, свое Тестаччо и своих ворчливых сограждан. И он готов

был обнять Маркуса. Но тут в голове его появились, словно тучи на небе, совсем другие мысли...)

— И все же,— сказал Маркус,— я не могу решать сам, понял ли он все значение этого путешествия? Может быть, он еще слишком мал...

(«Нет, вы только послушайте его! — рассердился Марко.— А сам-то он уж очень взрослый, что ли? То же мне воображала! И все потому, что его сделали главой Правительства-Которого-Нет!..»)

— Выходит, если я тебя правильно понял,— прервал кто-то Маркуса,— ты предлагаешь поддержать его здесь несколько лет. наших лет или земных?

Марко вскочил, словно его ужалил скорпион.

«Нет уж, дорогие мои,— вскипел он,— не только вам решать этот вопрос!..»

И, не став слушать дальнейших разговоров, мигом пролетел по всем залам и пустился вниз по лестнице. И тут он снова натолкнулся на бывшего главу правительства — тот стоял в дверях и почесывал затылок.

— А, маленький яснианин! Похоже, ты куда-то спешишь... А я все еще здесь, во Дворце Правительства! Эта математическая задача заставила меня забыть о времени и пространстве. Но теперь-то уж я пойду наконец домой...

Марко обошел его и побежал что было сил. Сначала он чуть было не потерялся в переулках старого квартала, но когда выбежал на проспект, то уж точно знал, куда надо держать курс!

У движущегося тротуара стояло много свободных деревянных лошадок. Он вскочил на одну из них и быстро помчался вперед, прямо посередине улицы. По сторонам проносились сверкающие ряды новогодних елок и празднично украшенных витрин, но у него не было времени ни смотреть на них, ни думать о них.

Вот впереди показалось низкое, ярко освещенное здание аэропорта. И только когда он примчался сюда и слез с лошадки, встал перед ним самый трудный вопрос: что же теперь делать? Найти космический корабль, который собирается стартовать в Солнечную систему? Но тут же ему пришла в голову другая мысль — получше, и он обратился к роботу, который чистил копыта космическому коню:

— Извините, вы не скажете, куда поместили ящики с деревянными лошадками, которые должны отправить на планету Ясная?

Робот с удивлением посмотрел на него.

— Ты, наверное, из 5 «а»?

— Да, у меня важное задание...

— Мне очень жаль, — сказал робот, — но этот груз отправлен еще вчера. А следующая партия уйдет только через неделю...

— Да, — торопливо сказал Марко, — это я знаю. Но я думал, что... Я ошибся днем... Какой сегодня день?

— Как всегда, новогодний, — ответил робот, еще больше удивившись. — А что, может, ты нездоров?

— Да, по правде говоря, чувствую себя неважно, — признался Марко. — Когда тебе поручают важное задание, нельзя много спать. А я, наверное, проспал целые сутки, вот почему все и перенутал.

И он быстро удалился, а робот продолжал свою работу, качая головой, в которой эти путанные речи определенно вызвали какое-то замыкание.

Марко замедлил шаги. Перспектива ждать целую неделю, к тому же без всякой гарантии, что удастся спрятаться на корабле, который полетит на Землю, его явно не устраивала. От отчаяния у него подкашивались ноги.

В это время из громкоговорителя по всему аэропорту зазвучал чей-то голос:

— Марко! Марко! Марко-яснанин! Внимание! Внимание!

Его нашли! Куда спрятаться? Что делать? Вокруг огромное, освещенное поле космического аэропорта: там и тут беззвучно приземлялись и стартовали огромные межпланетные корабли. И в этой абсолютной тишине снова отчетливо презвучал голос из громкоговорителя:

— Марко! Марко! Внимание! Марко-яснанин! Тебя ждут в ангаре № 45.

Ангар № 45

бъявление повторили еще два раза. Расстроенный и уже готовый повиноваться, Марко направился к длинному ряду ангаров, что тянулись в стороне от летного поля. Номер 28, номер 35... Вот и но-

мер 45. Странно, что в нем темно. Двери наглухо закрыты. Рядом ангара № 44 и № 46, они открыты, и там что-то делают роботы и космонавты.

«Наверное, я что-то не расслышал», — решил Марко и осторожно нажал на ручку двери. И дверь, против ожидания, легко отворилась.

«Спрячусь здесь на всякий случай. А там видно будет», — подумал Марко и шагнул в темноту.

Вытянув вперед руки, чтобы не натолкнуться на что-нибудь, он стал осторожно продвигаться вперед. Вдруг он коснулся чего-то гладкого и почувствовал знакомый запах лака, земного лака. Он ошупал предмет и сразу же понял, что перед ним... Он готов был поклясться, что это его деревянная лошадка, та самая, которую подарил ему на день рождения дедушка! Ах, дедушка, какой же ты молодец!

— Возможно ли это?! — прошептал Марко.

Возвращение в Тестаччо

тут вдруг вспыхнул свет, зазвучала музыка, раздались громкие аплодисменты, и Марко увидел, что в ангаре много людей и навстречу ему бросается Маркус. Оказалось, что здесь в полном составе собралось Правительство-Которого-Нет.

Маркус дружески улыбался и протягивал Марко руку.

— Счастливого пути! — сказал он. — Вернешься домой еще до рассвета, и никто ничего не узнает! Как видишь, решение было принято положительное.

Марко почувствовал, что сердце у него от радости готово вылететь из груди. Вот только бы не раслажаться! Но слезы уже текли по его щекам, и он с волнением обнял Маркуса, расцеловал его. И Маркус тоже был очень взволнован и все пожимал ему руку.

— Ну как, доволен? Понравился наш сюрприз? И музыка понравилась? — спросил он. И, обращаясь к членам Правительства-Которого-Нет, добавил: — Как видите, испытание прошло прекрасно!

— А где, собственно, доказательства? — спросил какой-то высокомерный человек в халате.

— Да ведь он плачет, вы же видите! И сам не знает отчего. Он думает — от радости, что вернется домой. А на самом деле оттого, что сейчас, покидая нас, понял, что любит нас и восхищается нами. Он понял, что многое узнал здесь, многому научился. И теперь у нас во Вселенной на одного друга больше! Неужели не стоило потрудиться ради этого? А решение отпустить его домой — самое правильное и полезное!

Говоря так, Маркус выкатил деревянную лошадку из ангара на взлетную полосу космического аэродрома, взял ее под уздцы и в последний раз пожал руку маленькому яснианину. Марко хотел было уже сесть на свою лошадку, но передумал и побежал к краю взлетной полосы, где росла высокая новогодняя елка. Он оторвал от нее небольшую веточку с елочными игрушками и прижал к груди.

— Можно, я возьму это с собой? Я посажу ветку у себя на балконе, в Тестаччо. Или, нет, — лучше на площади! И, когда елка вырастет, возьму отростки и посажу на всех площадях. И тогда на Земле тоже будут расти новогодние елки...

— Конечно, надо посмотреть, — улыбнулся один из министров, — приживутся ли там наши деревья.

Маркус тоже был очень взволнован. Он, наверное, впервые понял, что яснианин может любить свою старую планету так же крепко, как и он свою.

— Мы переименуем нашу Землю, — воскликнул Марко, садясь на лошадку. — Она тоже станет Планетой Новогодних Елок, вот увидите!

Пыль, которая пахнет ландышем

и проснулся оттого, что мама ласково и весело будила его:

— Ну, соня, вставай! День рождения был вчера. Сегодня уже завтра. В школу пора!..

— Какое сегодня число? — спросил Марко, садясь в кровати.

— А какое должно быть число? Вчера было двадцать третье октября, значит, сегодня двадцать четвертое. Вчера был твой день рождения. Ты что, забыл?

И она указала на деревянную лошадку-качалку, подарок бабушки, которая тоскливо уставилась в окно. Марко вскочил с кровати и с волнением стал осматривать игрушку. Под правым ухом он увидел маленькую дырочку, словно пробитую пулей. Это был след от метеорита, который ударил лошадку где-то в районе Сатурна уже на обратном пути, когда они возвращались на Землю.

Марко бросился к кровати, схватил свой тапочек и принялся нюхать его.

— Что с тобой? Ты сошел с ума? — испугалась мама.

Марко почувствовал, как огромная тяжесть свалилась с его души: пыль на тапочке пахла ландышем — эта пыль была оттуда! Значит, он действительно был там! И это ему не приснилось!

А ветка? Где ветка, которую он сорвал с новогодней елки в космическом аэропорту? Но сколько он ни искал, так и не смог найти ее. Наверное, унесло ветром в космическом пространстве, когда деревянная лошадка за несколько минут преодолевала миллионы километров, чтобы вернуться на Землю до рассвета.

Жаль! Теперь гораздо труднее будет превратить Землю в Планету Новогодних Елок и сделать ее такой же прекрасной, как та планета, что существует где-то очень далеко, среди самых далеких созвездий Вселенной. Труднее, но все-таки возможно.

— За работу! — воскликнул Марко. И стал снимать пижаму. В кармане ее он нашел потом мягкое конфетти.

Старинный календарь Планеты Новогодних Елок

...та планета меньше Земли, поэтому и календарь у нее короче. Кроме того, он «добровольный». Это значит, кто хочет, пользуется им, а кто не хочет, может обойтись и без него. Год длится только шесть месяцев. В каждом месяце не больше пятнадцати дней. И каждый день — новогодний. Но об этом мы

уже говорили. Неделя состоит всего из трех дней — суббота и два воскресенья. Некоторые субботы упрощены, то есть до 12 часов дня это суббота, а после двенадцати — уже воскресенье.

Часы не совсем такие, как у нас. Семь утра, например, наступает немного позднее — около десяти. Таким образом, никому не приходится вставать слишком рано.

А теперь посмотрим месяцы.

Апрель

Описание

Это первый месяц года, если начинать с начала, и последний, если идти с конца. В этом месяце каждый день — новогодний и каждый — воскресенье. Все пятнадцать дней месяца имеют свои названия. В школах, чтобы помочь ребятам различать их, учат такой стишок:

Один Альфа — другой Бета,
Один тут — другой где-то,

Один был — другой есть,
Один здесь — другой вышел весь,

Один идет — другой стоит,
Один ползет — другой висит;

Один — бутерброд с ветчиной,
Другой — совершенно иной,
А последний — оказался в передней.

Памятные даты

«Один идет — другой стоит». Годовщина рождения Квинтуса Силеннуса, изобретателя машины для изготовления бумажных корабликов.

«Один — бутерброд с ветчиной». Годовщина рождения Квинтуса Силеннуса (другого, не того, что раньше), изобретателя «луча тишины», который помогает уменьшить звук слишком громкого телевизора.

«Другой — совершенно иной». Годовщина рождения еще одного Квинтуса Силеннуса. Но — совершенно другого.

Гороскоп

Тут нужно сделать небольшое пояснение, потому что на Земле, возможно, и не знают, что это такое. Гороскоп — это таблица расположения небесных светил в момент рождения человека. Древние ученые-астрологи пытались с помощью таких таблиц предсказать судьбу человека. Так вот гороскоп в апреле говорит о том, что у людей, родившихся в этом месяце, всегда будет хорошее настроение, за исключением тех случаев, когда у них будут болеть зубы. Если они не станут бегать по лужам, ноги у них всегда будут сухими. А шляпу они всегда будут надевать только на голову. Или на вешалку

Почетное звание

Кавалер ордена Уздечки Деревянной Лошадки.

Поговорки месяца

Было бы болото, черти найдутся.

Не хвались началом, хвались концом.

Не жалея минутки для веселой шутки.

Сверхапрель

Описание

Этот месяц — своего рода повторение предыдущего, но только все его дни четные: Второй, Четвертый, Шестой, Восьмой, Десятый и так далее, вплоть до пятнадцатого дня, который называется Тридцатый. Очень любопытен Двадцать Четвертый день, потому что он длится с раннего утра до полуночи.

Памятные даты

«8 сверхапреля». Годовщина рождения Квинтуса Силениуса (еще одного, разумеется), изобретателя дырок в сыре, машины для резания бульона и прибора, с помощью которого дождь идет вверх, а не вниз.

«22 сверхапреля». День открытий. Вся планета открывается заново. Все входы и выходы перекрываются ленточками, и каждый, у кого под руками оказываются ножницы, перерезает их. И кто угодно может произносить речи. Если же речь окажется скучной, виновника принуждают молчать до конца года.

«28 сверхапреля». Годовщина битвы Легких Пушинок, при которой генерал Сильвиус победил генералиссимуса Мильвиуса в памятном сражении в шашки, длившемся семь часов и сорок бутылок газированной воды.

Гороскоп

Рожденные в этом месяце, по мнению волшебников и астрологов, обычно бывают очень уважаемыми людьми, они вдвое вежливее и вдвое веселее всех других людей, кроме тех случаев, когда болеют корью. У каждого будет две руки, две ноги, два глаза, два уха и одна голова. Этого вполне достаточно, если умело всем воспользоваться, чтобы никогда не сидеть без дела.

Почетное звание

Двойной кавалер ордена Уздечки Деревянной Лошадки с золотыми шпорами.

Поговорки месяца

Клади голову так, чтобы найти ее утром.

Кто хочет — может.

Храброму счастье помогает.

Май

Описание

В этом месяце дни пронумерованы от первого до пятнадцатого, кроме того, каждый — Первое мая. Часы всегда показывают 19 часов, таким образом, люди с утра до вечера могут наслаждаться зрелищем прекрасных закатов. Ученые уже давно изучают способы продлить этот месяц на неделю, но до сих пор это им не удалось.

Памятные даты

В этом месяце отмечают:

«3 мая». Годовщина рождения Квинтуса Силениуса (еще одного, непохожего на всех других), который к четырем основным действиям арифметики (сложение, вычитание, умножение, деление) прибавил многие другие, в том числе — деление, приложение, пре-

увеличение и отделение, в чем сразу же отличились самые рассеянные ученики.

«6 мая». Начинаются велосипедные гонки по планете. Первый этап — на велосипедах, второй — в мешках, третий — на одной ноге и т. д. Все участники приходят первыми, надевают желтую майку победителя и выступают по телевизору.

«10 мая». Годовщина смерти — вследствие болезни — последней пушки.

Гороскоп

Люди, родившиеся в этом месяце, если отправятся в путь, совершат большое путешествие. Встав на скамеечку, будут казаться выше (хотя знаменитый изобретатель Силениус утверждает, что скамеечка может опрокинуться)

Почетное звание

Снятельный червь Неспелого яблока и Всемирный чемпион по фигурному катанию на одном коньке.

Поговорки месяца

Доброе начало — половина дела.

Не спеши языком, торопись делом.

Много хочешь знать, меньше надо спать.

Сверхмай

Описание

Этот месяц противоположен предыдущему. И в самом деле, он начинается с пятнадцатого числа и кончается первым. И часы идут назад, но при этом никто не испытывает никаких неудобств.

Памятные даты

«15 сверхмая». Годовщина рождения поэта Фантазуса, изобретателя восьмиколесного велосипеда (с восемью педалями, для пауков-осьминогов), а также сочинителя озорных стихов и стихов по ошибке.

«7 сверхмая». Годовщина рождения писателя Прекрасносказочного, по прозвищу Краткий, потому что его рассказы занимают всего одну строку. Вот один из них: «Ночь спускалась очень торопливо. Спустилась

и упала». Осталось только назвать дату его рождения, но ее изучают в школах.

«3 сверхмае». Межпланетный чемпионат любителей мороженого.

Гороскоп

Прежде считали, что люди, родившиеся в этом месяце, станут великими с детства и останутся детьми, будучи великими. А потом обнаружилось, что так почти никогда не бывает. Рожденные в сверхмае всегда говорят правду, кроме тех случаев, когда лгут. Они любят живопись, физику и фисгармонию. Впрочем, это не доказано. И возможно, обожают еще что-нибудь, но это не имеет никакого значения. Важно, что они вовремя замечают, что мир прекрасен.

Почетное звание

Кавалер ордена Запеканки из Макарон, или же Придворный Офицер Взбитых Сливков.

Поговорки месяца

Был бы хлеб, а мыши будут.

Дурака учить, что мертвого лечить.

Делай хорошо, нлохо само получится.

Июнь

Описание

Издавна любой день этого месяца оканчивается шестью цифрами, что очень удобно для игры в лото. Теперь ни у кого нет необходимости в выигрыше, потому что все, что прежде продавалось за деньги, можно получить и без них. Старинные названия дней, однако, сохранились, и дети в них путаются. К счастью, учителя тоже не слишком хорошо знают их и не замечают ошибок.

Памятные даты

«40—50—87 июня». Годовщина рождения архитектора Изысканинуса, изобретателя горизонтальных небоскребов.

«27—47—70 июня». День Рифмы. Жителям планеты разрешается говорить только в рифму. Нередко рождаются сносные стихи.

Гороскоп

Люди, родившиеся в июне, очень настойчивы. Но они не превысят метра, пока не дорастут до ста сантиметров.

Почетное звание

Заслуженный Пешеход с нашивками первой степени,

Поговорки месяца

Опасен не безумный, а тот, кто притворяется умным.

Кто ленится, тот не ценится.

Пустая бочка пуще гремит.

Дубль-июнь

Описание

Этот месяц — близнец предыдущего: если месяц хорош, зачем его менять, не так ли? Все дни месяца носят число 5. Это хорошее предзнаменование для школьников, у которых в середине месяца экзамены.

Памятные даты

«Третий пятый день». Годовщина рождения Квинтуса Силениуса (еще одного, совсем другого, вы правильно угадали), ученого, занимавшегося разведением комет и падающих звезд.

«Пятнадцатый пятый день». Последний день года. Когда люди особенно довольны жизнью, они находят, что нет смысла менять календарь, и тогда год начинается сначала. Например, вспоминают, что 2567-й был повторен пятнадцать раз подряд. Это был год, когда скончалась в тюрьме последняя атомная бомба.

В этот день главе Правительства-Которого-Нет обычно положено выступать с речью по телевидению, но его почти никогда не удается отыскать. И с речью выступает какой-нибудь швейцар или электрик, а а может, и сантехник, и тоже — прекрасно. Однажды речь произнес грудной ребенок. Он сказал только «Агу! Агу!» Но все равно было понятно, что он желает всем счастья!

Гороскоп

Родившиеся в этом месяце будут любить пироженные, пирожки, пироги, пиршества, пирамиды и пируэты и, наверное, станут пиротехниками.

Почетное звание

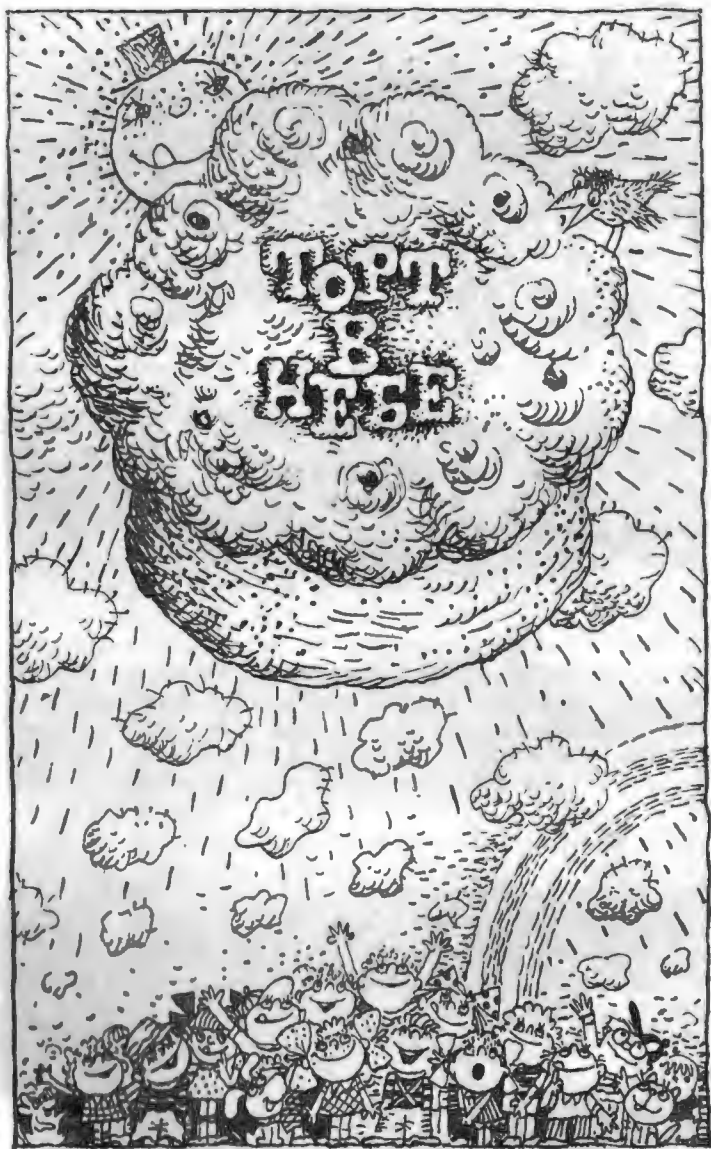
Сверхдегустатор Арбузов и Великий Трехколесный Велосипед.

Поговорки месяца

Умный не всегда развяжет, что глупый завяжет.
Человек без друзей, что дерево без корней.
Не бойся первой ошибки, избегай второй.
Не ошибается тот, кто никогда не ошибается!

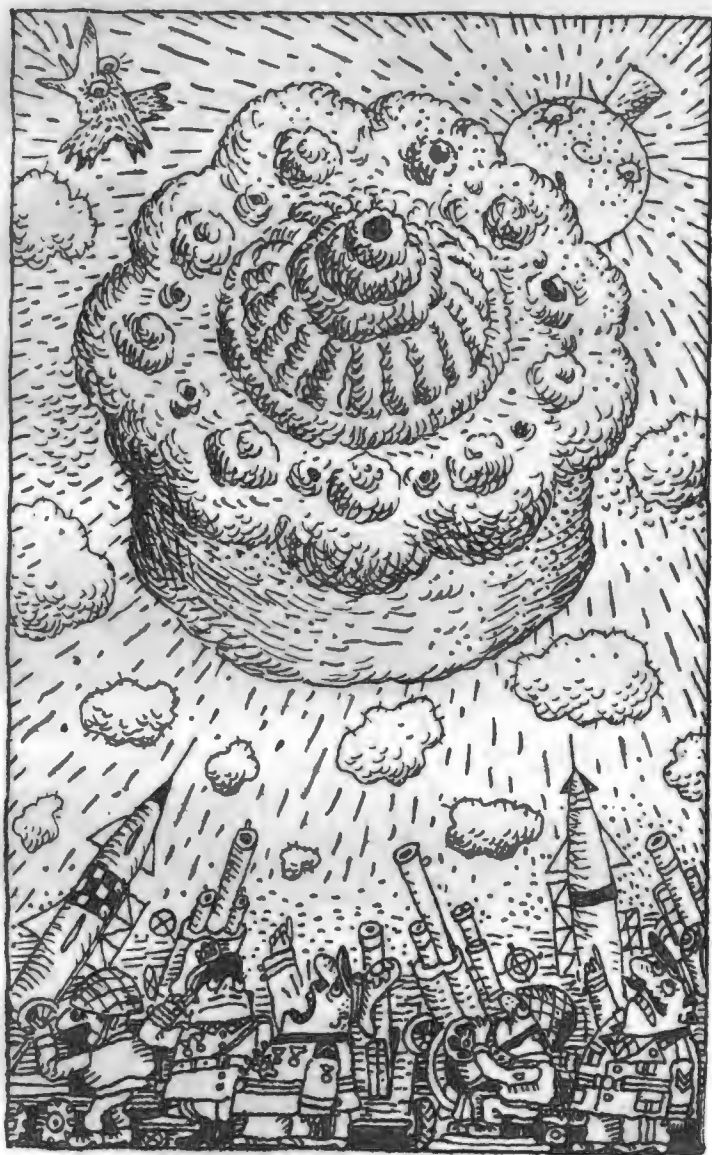

~~SECRET~~

1. 2024-01-01

Однажды утром в Трулло

Однажды ранним апрельским утром — было что-то около шести часов — в Трулло, на окраине Рима, у автобусной остановки собралось несколько человек. Решив узнать, какая будет погода, они взглянули на небо. И что же они там увидели? Почти до самого горизонта небо было закрыто каким-то огромным, мрачным предметом, который, словно туча, недвижно висел над предместьем на высоте примерно километра. Сразу же раздались несколько «ох!» и столько же «ах!», а потом кто-то завопил:

— Марспане!

Этот возглас, как сигнал тревоги, моментально разнёсся повсюду. Люди закричали и бросились врассыпную. Окна домов сначала распахнулись — выглянули любопытные, думая, что произошла какая-нибудь дорожная катастрофа. Но едва они взглянули на небо, как тотчас же захлопнули окна, закрыли ставни и со всех ног бросились вниз по лестнице во двор, так что повсюду только и слышен был топот ног.

— Марспане!

— Летящие тарелки!

— Да нет же, просто солнечное затмение!

Таинственный предмет и в самом деле походил на огромную черную дыру в небе, вокруг которой разливалось яркое голубое сияние.

— Какое там затмение! Конец света — вот что!

— Ну, это слишком! Разве может конец света наступить за одну ночь?

— А что же, по-вашему, нас сначала должны были вежливенько предупредить: «Имейте в виду, что такого-то числа в такое-то время весь свет полетит вверх тормашками!»?

Из бара «Италия» вышел официант, вытирая руки о грязный передник. Он взглянул на небо и тут же согнулся пополам, будто его стукнули по голове.

Какая-то женщина в ночной рубашке закричала ему с балкона:

— Августо, позвони пожарным!

— А зачем? — спросил официант.

— Скажи, что прилетели марсиане! Сам не видишь, что ли? Вот дуралей!

— А при чем тут пожарные? Напугают они их, что ли?

— Позвони, позвони! Увидишь, они что-нибудь сделают!

Августо вернулся в бар, опустил в автомат жетон и набрал номер пожарной команды:

— Алло! Скорее приезжайте в Трулло! У нас тут марсиане!

— Кто это говорит?

— Я, Августо!

— С приветом, дорогой! А я — Юлий Цезарь! И тебе не стыдно? С утра уже навеселе!

Пожарный повесил трубку, но в ближайшие две минуты ему пришлось ответить еще на два десятка звонков из Трулло, и все они были такими же странными. Наконец, он все же решился поднять тревогу. Дежурному лейтенанту он объяснил:

— Должно быть, там все помешались. Может, позвонить в психиатрическую больницу?

А в Трулло, кто не торчал на улице, задрав нос кверху, тот непременно висел на телефоне. Одни вызывали пожарных, другие — полицию, третьи — карабинеров.

Между тем из пекарни вышел паренек. Он по утрам всегда развозил по кафе и барам свежие булочки. Паренек укрепил на багажнике велосипеда свою корзину, доверху заполненную ароматными булочками, занес ногу, чтобы сесть на велосипед, нечаянно взгля-

нул на небо, и... тут же все кубарем покатилося на землю: и он, и велосипед, и корзина — румяные булочки рассыпались по пыльной мостовой.

Римские разносчики издавна славятся тем, что никогда ничего не роняют и, конечно, сами не падают, но тут, как видите, случилось то, чего не было и тысячу лет. Мальчик, правда, быстро поднялся, вбежал в лавку и завопил что было мочи:

— На помощь! Луна с неба свалилась!

Сами понимаете, оправдать свое падение он мог только космической катастрофой.

А сладкие булочки так и остались валяться посреди дороги. Какая-то собака выскочила неизвестно откуда, схватила одну из них и быстро скрылась, опасаясь хорошего пинка. Однако пинка ожидать было некуда.

— Это пес синьора Мелетти, — сказал мясник жене. — Самый большой воруга из всех собак в окрестности. А еще принадлежит полицейскому. Нечего удивляться, что в Италии все идет не так, как надо.

Однажды полицейский Мелетти, чтобы подловить провинившегося водителя, пристроился под какой-то телегой. Понятно, что ребята тотчас же прозвали его Хитроумным Одиссеем. Ведь в Италии каждому школьнику известно, как в поэме Гомера Одиссей спласс от свирепого циклопа Полифема, спрятавшись под брюхом барана. А собаку Мелетти стали звать, понятное дело, Арго, как пса Одиссея, хотя на самом деле его кличка была — Зорро. Это был умный пес, поэтому он отвечал на обе клички.

Но в это утро Зорро не отозвался бы даже, если б его назвали Ваша Светлость. С крепко зажатой в зубах булочкой он быстро проскользнул в парадную, взбежал по лестнице на последний этаж и оказался у двери квартиры Мелетти. Паоло, который встал пораньше, чтобы приготовить уроки, услышал, как пес скребется в дверь, и открыл ему.

— Откуда это ты, бродяга?

Зорро некогда было пускаться в объяснения. Он поспешил через кухню на балкон и улегся там, собираясь спокойно позавтракать.

— Что это? Булочка! Дай-ка и мне кусочек, а то скажу отцу, когда он вернется!

Синьор Мелегги ушел рано утром на службу. Его жену, синьору Чечилию, тоже вызвали срочно сделать кому-то укол. Дома оставались только Паоло и Рита, но девочка еще спала. Паоло должен был, как старший, вовремя разбудить ее и вскипятить молоко.

— Дай сюда!

Но Зорро и не собирался делить с ним свою трапезу и мигом уничтожил булочку.

Паоло вышел на балкон, твердо решив непременно научить пса уважать своего хозяина. Но тут он увидел нечто такое, что тут же забыв и про собаку, и про булочку.

— Рита! — закричал он. — Иди скорей сюда! Рита, Рита!

— Что случилось? — ответил заспанный голосок.

— Иди посмотри! Посмотри! Да быстрее же!

— Что, уже в школу пора?

— Думаю, что сегодня у нас школы не будет!

Услышав это известие, Рита сразу же проснулась и выбежала на балкон. И в тот же момент раздался вой сирены — на площадь Трулло вкатили пожарные.

— Ой, мама, пожар!

— Какой там пожар! Посмотри наверх!

— Ну и что? Ужасно противная туча! Наверное, будет гроза.

— Ты просто дурочка! Да ведь это космический корабль!

— Какой корабль?

— Эх ты невежда! И чему только тебя учат в твоём втором классе!

— Тому же, чему и тебя в твоём пятом. А что, пожарные полезут туда по своим лестницам?

— Ну да, чтобы потушить луну... Так высоко могут подняться только космонавты.

— Я все поняла! Позови меня, когда начнут. А я пока почищу зубы.

И Рита направилась в ванную. Она решила воспользоваться отсутствием мамы и вымыть голову кукле.

Паоло не удерживал ее, считая бесполезным продолжать разговоры с такой невеждой. А на площади между тем каждую минуту происходило что-нибудь новое.

Вслед за пожарными в предместье примчалось множество полицейских машин. А что еще там виднелось на улице, ведущей из Рима? Броневики... Да как много! И еще танки! Один, второй, третий... а за ними... Неужели пушки? Конечно, и пушки тоже... Черт возьми, даже ракеты!

«Это похоже на военный парад!» — с волнением подумал Паоло. Но самое интересное во всей этой истории — огромный таинственный предмет, закрывавший полнеба. Он был не меньше километра в диаметре и бросал аловещую черную тень на старые крыши домов и на дороги, забытые танками и броневиками.

«Может быть, началась война?» — подумал Паоло.

Тут вдруг откуда-то, шумя лопастями, прилетел вертолет, похожий на стальную стрекозу. Он приблизился метров на сто к таинственному предмету и стал медленно кружить возле него — казалось, он ищет удобное место, куда можно ужалить.

«Сейчас он тебе задаст!» — подумал Паоло, становясь на сторону более сильного.

Зорро робко тявкал и жалобно скулил.

— Испугался, да? — спросил Паоло и, наклонившись к собаке, потрепал ее по спине.

— Внимание! Внимание! — загремел в это время репродуктор на полицейской машине. — Населению предлагается сохранять спокойствие. Военное командование контролирует положение. Объявляется тревога. Категорически запрещается входить в предместье Трулло или покидать его вплоть до нового распоряжения. Зайдите в ваши дома, спуститесь в подвалы и спокойно ждите дальнейших распоряжений.

— Внимание! Внимание!.. — снова загремел репродуктор.

— Что происходит? — спросила из ванной Рита.

— Ничего особенного.

— Как ничего? Столько шума — и ничего? Наверное, опять что-нибудь рекламируют. Смотри, вдруг тебе снова что-нибудь подарят, как в прошлый раз, когда раздавали воздушные шарик и ты не позвал меня вовремя.

Рита вышла на балкон, усердно вытирая полотенцем совершенно сухое лицо — надо же показать брату, что она умывалась.

Паоло обернулся к сестре и хотел ей что-то сказать, как вдруг в воздухе промчалась быстрая тень. Что это, птица? Нет, тень была слишком большая.

— Ложись! — крикнул Паоло, бросился на пол и повалил вместе с собой Риту.

— Что случилось?

Что-то шлепнулось прямо в правый угол балкона, в метре от руки Паоло и в тридцати сантиметрах от лапы Зорро, который с урчанием попятился назад. Странный предмет не взорвался, послышался только мягкий звук «плюх!». Он спокойно лежал между двумя горшками с геранью, и, как установил Паоло, взглянув на него сквозь растопыренные пальцы, которыми прикрывал лицо, предмет был такого же цвета, как и тот, что висел в небе. На бомбу не похоже. Может, какое-нибудь послание?

— Мне страшно! — прошептала Рита. — Давай тоже спустимся в подвал.

— Тогда мы ничего не узнаем и не увидим

— Но мне страшно. И потом, ты слышишь, что говорят?..

Голос из репродуктора монотонно повторял распоряжение. Машина медленно двигалась по улицам, останавливаясь возле каждого дома. Паоло решил, что он должен подойти к этому металлическому снаряду, упавшему на балкон, и научно обследовать его.

«Если бы Христофор Колумб боялся так же, как я, — подумал Паоло, стараясь побороть в себе страх, — Америка до сих пор еще не была бы открыта».

— Что же делать? — хныкала Рита. — Если мы будем так лежать, я испачкаю пижаму и мне попадет от мамы.

— Помолчи. Надо подумать.

Но кое-кто другой уже подумал за него. Зорро осторожно, будто для пробы, протянул лапу к загадочному предмету и, постукивая от волнения хвостом, цапнул его.

— Прочь, Зорро!

— Нельзя!

Зорро обернулся к ребятам, как бы успокаивая их. Его влажные глаза словно говорили: «Спокойно, спокойно, предоставьте все мне. На мой-то нюх можно положиться!»

Он высунул язык и пополз вперед. Пять... Четыре... Три.... Два... Один... Контакт! Зорро коснулся языком оболочки снаряда и... стал жадно лизать! Хвост вертелся теперь быстро, словно винт вертолета.

Тут уж Паоло не вытерпел. Он поднялся, пинком отогнал собаку и занял ее место рядом со странным предметом.

— Что это? — спросила Рита, поднимая свою взлохмаченную головку.

— Сейчас посмотрим. Тут внутри, наверное, какое-нибудь послание.

— А ты разве не чувствуешь запаха?

— Запаха? Ты еще не проснулась!

Рита тоже встала и оттолкнула Зорро, который снова пытался завладеть таинственным предметом.

— Хочешь, потрогаю? — спросила она брата.

— Глупая, думаешь, я боюсь? Я только хочу сначала как следует рассмотреть его.

— А запаха ты так и не чувствуешь?

— Ты же знаешь — у меня насморк.

Тогда Рита перешла от слов к делу. Она протянула руку, дотронулась до странного предмета, и на пальце у нее осталось темное пятно. Девочка внимательно посмотрела на это пятно и решительно направила палец в рот. Облизнула его и снова посмотрела — палец стал влажным и розовым. И тогда она торжествующе закричала:

— Шоколад! Что я тебе говорила! Попробуй! Попробуй сам, если не веришь!

Паоло попробовал. И Рита снова попробовала. И Паоло попробовал еще. Никакого сомнения не было: к ним с неба свалился огромный кусок шоколада! Причем первосортного, судя по аромату, вкусу и по доставленному удовольствию.

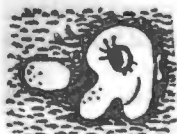
— Ох какой вкусный! — воскликнула Рита.

— Удивительно вкусный! — согласился Паоло, набивая рот. — А знаешь, может быть, они нас увидели и бросили шоколад в знак дружбы!

— Кто это «они»?

— Марсиане! Ну, те, кто там, наверху, я же не знаю, кто.

— А по-моему, — решительно заявила Рита, указывая на большой круглый предмет, висящий в небе, — по-моему, это просто торт!

Дедал¹ вызывает Диомеда²

— Дедал! Вызываю Диомеда! Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Перехожу на прием.

— Я — Диомед! Слушаю вас. Перехожу на прием.

— Закончил облет неопознанного объекта. По моим расчетам, его окружность составляет три тысячи сто сорок метров. Чтобы найти диаметр, нужно разделить на три целых и четырнадцать сотых...

— Знаем, знаем... Дальше!

— Слушаюсь! Боковая поверхность предмета раскрашена полосками разных цветов. Расположение полос снизу вверх: коричневая, розовая, зеленая, снова коричневая, желтая, фиолетовая, белая. Намереваюсь подняться выше. Перехожу на прием.

— Я — Диомед! Подождите! Нет ли на боковых поверхностях предмета каких-нибудь отверстий, окон, щелей, проемов, бойниц? Перехожу на прием.

— Я — Дедал! Ничего подобного не заметил. Боковая поверхность совершенно гладкая повсюду. Перехожу на прием.

— Я — Диомед! Поднимитесь выше и измерьте высоту неопознанного объекта. Проведите наблюдение сверху. Держитесь на безопасном расстоянии. Перехожу на прием.

— Вас понял! Прием заканчиваю.

Этот разговор состоялся около восьми часов того же самого необычного утра между пилотом вертолета (условное имя — Дедал) и штабом (пароль — Диомед) главнокомандующего операцией «КП», который разместился в кабинете директора школы в Трулло. «КП» в данном случае вовсе не означает крайний пра-

---

¹ Дедал — в греческой мифологии искусный зодчий, построивший лабиринт на острове Крит. Согласно легенде, на крыльях из перьев, скрепленных воском, он вместе с сыном Икаром совершил перелет с острова Крит на побережье Малой Азии, а затем на Сицилию. Икар, поднявшийся слишком близко к солнцу, от лучей которого воск растаял, упал в море.

² Диомед — в греческой мифологии аргосский царь, принимавший участие в Троянской войне и находившийся внутри троянского коня, храбростью и силой уступал только Ахиллу. (Здесь и далее прим. пер.)

вый в футбольной команде, а попросту — «Космический пришелец». Этим привлекательным термином военные власти назвали всю операцию по опознанию таинственного предмета. Себя командование, как мы уже знаем, условно назвало Диомедом. Придумав три таких звучных названия — Дедал, Диомед и «КП», — власти получили полное основание считать, что сделали уже многое.

В кабинете Диомеда во время разговора с пилотом находилось много людей, среди них генерал, двое знаменитых ученых — профессор Росси и профессор Теренцио, а также полицейский Мелетти, по прозвищу Хитроумный Одиссей. Последний был здесь для срочных поручений. Например, он раза два уже сбегал в бар и заказывал, когда нужно было, крепкий кофе для всех.

— Я — Дедал! Вызываю Диомеда! — снова раздался голос пилота.

Генерал сам наклонился к микрофону и ответил:

— Я — Диомед! Докладывайте.

— Высота неопознанного объекта составляет примерно двадцать пять метров. Чтобы вычислить его объем, нужно...

— Мы знаем геометрию. От вас требуется только донесение.

— Слушаюсь, синьор. Поверхность летающего предмета представляет собой великолепную панораму цвета сливочного крема. Прекрасное зрелище!

— Оставьте в покое восклицательные знаки! — загремел Диомед. — Вы же не зазывала на рынке. Докладывайте только о том, что видите, — и все. Перехожу на прием.

— Слушаюсь, синьор. Я вижу большие красные шары, расставленные на одинаковом расстоянии друг от друга по всей поверхности. Их несколько сот. Они похожи на огромные засахаренные вишни, если мне позволено будет сравнение.

— Не позволено! — вскинул генерал. — Оставьте сравнения при себе! Сосчитайте лучше эти красные шары.

Профессор Росси, пока Дедал молча считал эти шары, мечтательно опустил голову и пробормотал:

— Талантливо, очень талантливо!

— Вы находите? — усмехнулся профессор Теренцио.

— Не думаете ли вы, что мы думаем одинаково?

— Отнюдь, уважаемый коллега, я думаю как раз обратное.

— Синьоры,— взмолился генерал,— а можно узнать, что же вы все-таки думаете?

— Я — Дедал! — снова прервал беседу голос из репродуктора.— Вы меня слышите? Перехожу на прием.

— Слышим, к сожалению! — ответил Диомед.— Слышим весь этот вздор, который вы несете!

— Заметил бумажного змея!

— Что?! Вы совсем очумели?!

— Нет, синьор, потому что змей огромный. Он поднимается с одной из крыш предместья. Перехватить его? Перехожу на прием.

— Я — Диомед! Ничего не предпринимайте. Оставайтесь на месте. Мы проведем расследование. Прием заканчиваю.

Расследование началось немедленно. Для этого достаточно было сделать только одно — подойти к окну. И действительно, все собравшиеся увидели бумажного змея, который поднимался к неопознанному объекту, развевая тремя разноцветными хвостами.

— Сигнализация с Земли! — раздался зловещий голос.— Донесение вражеских разведчиков! Очевидно, космические пришельцы имеют агентов среди населения!

— Не может быть! — испуганно воскликнул полицейский Мелетти.— Я прекрасно знаю всех жителей Трулло! Это хороший народ! Я дом за домом знаю всех, знаю каждую лавку! Никакого контакта с марсианами у них нет, что вы!

— А это что же такое?

«Пусть у меня отвалится нос, если это не змей Паоло!» — воскликнул про себя Хитроумный Одиссей, и его осенила ужасная догадка.

Ни слова не говоря, он бросился на улицу, вскочил на велосипед и через несколько минут оказался во дворе своего дома. Он взглянул вверх и увидел на балконе своих детей.

— Паоло! Рита! Что вы там делаете? — громко закричал Мелетти.— Почему не спустились в подвал? Разве не слышали тревоги?!

— Папа, папа! — обрадовалась Рита, хлопая в ладоши.— Иди помоги нам!

— Уберите сейчас же этого змея! А не то... Вы

что — хотите, чтобы меня на каторгу отправили за шпионаж?

— Но мы ни за кем не шпионим! Мы только хотим достать кусочек торта...

— Я вам покажу торт! Если вы сейчас же не уберетесь с балкона...

— Но папа...

— Хотите, чтобы я поднялся наверх? Ну, быстро! Марш с балкона!

Приунывшим ребятам не оставалось ничего другого, как повиноваться хотя бы по первому пункту приказа, — пришлось затянуть змея обратно в комнату. Что же касается подвала, то они и не подумали отправиться туда. С балкона они ушли, но своего наблюдения за небом не оставили — это можно было делать и из кухни.

— Жаль, — сказала Рита, — со змеем это мы хорошо придумали.

— Но они же не ответили на наш сигнал! — возразил Паоло.

— А как ты хочешь, чтобы они тебе ответили? Это же торт!

— Это космический корабль, несмысленный!

— Тогда зачем же ты согласился послать змея?

— Уж, конечно, не для того, чтобы получить еще кусочек шоколада! Я хотел подать марсианам сигнал.

— Просто это твой пунктик. У вас, мальчишек, у всех только космонавты в голове! Эти военные внизу готовы из пушек палить по тарту, а ты ждешь неизвестно от кого какие-то записки!

— Но это же не торт! — настаивал Паоло.

— Нет, торт! — возражала Рита.

— Ну ладно, оставим. Со змеем не вышло. Давай лучше сядем и поразмыслим, может, еще что-нибудь придумаем.

Несколько часов спустя...

— Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Перехожу на прием.

— Я — Диомед! Докладывайте! Перехожу на прием.

— Сейчас двенадцать часов сорок семь минут. Сигнал достиг верхней точки наблюдаемого предмета. Высота шестьсот пятьдесят четыре метра над уровнем моря.

— Как вы сказали?

— Нахожусь на высоте шестьсот пятьдесят четыре метра. А что?

— А то, что вы, должно быть, пьяны! Утром, когда вы обследовали предмет первый раз, вы сообщили, что находитесь на высоте девятьсот восемнадцать метров. Как вы объясните разницу?

— Я не собираюсь объяснять ее. Я могу только определить разницу. Девятьсот восемнадцать минус шестьсот пятьдесят четыре равняется...

— Хватит! Прием заканчиваю!

Генерал ударил кулаком по столу.

— Сеньоры, свершилось! — сказал он, обращаясь ко всем присутствующим. — Неизвестный космический корабль приземляется.

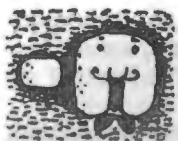
До захода солнца все оставались в напряжении. Тайнственный предмет терял высоту едва приметно, сантиметр за сантиметром. К трем часам дня он к тому же начал медленно продвигаться на северо-восток. Диомед облегченно вздохнул: враг не намеревался, видимо, опуститься на крыши домов, в противном случае целое предместье Рима было бы целиком уничтожено.

Приземление, по всей видимости, должно было произойти примерно на Монте Кукко — на небольшом безлесом холме, покрытом камнями; он находился за школой, туда во время перемен бегали играть ребята. На холме было только несколько хижин пастухов, которые останавливались там, когда спускались с гор, чтобы продать овец в римской долине.

Генерал, конечно, предпочел бы сократить долгое ожидание несколькими пушечными выстрелами. Но правительство — оно уже давно находилось в контакте со всеми военными силами мира — категорически приказало: применить оружие только в том случае, если таинственные посетители из космоса нападут первыми; воздерживаться от любых враждебных выпадов, дабы не спровоцировать ненужную бойню и не испортить трагическими последствиями первую встречу земной цивилизации с существами из другого мира; наблюдать, быть готовыми ко всему.

Таков был приказ.

Когда намерения «летающей тарелки» стали ясны, Диомед, руководствуясь указаниями правительства, расположил свои силы вокруг холма. Пушки, огнемёты, броневики окружили Монте Кукко к тому времени, когда таинственный предмет без малейшего шума осторожно опустился на холм, открыв людям небосвод, окрасившийся последними лучами заходящего солнца.

Загадочный синьор Джепетто

рошай, торт!—вздохнула, проглотив слюну, Рита, наблюдая за маневрами военных.

— Ты просто помешалась, вот что! — проворчал Паоло. — Я же тебе говорю — это космический корабль!

— Ну где у тебя глаза?! Смотри, снизу торт весь из шоколада, а сверху он розовый, желтый и зеленый. Не торт, а загляденье!

— Скорее всего это цвета марсианского флага!

— Давай спорить! Я говорю, что это торт, а ты — космический корабль. Кто победит, тот две недели отдает сладкое!

— Месяц, — поправил Паоло.

— Даже целый год, если хочешь, — парировала Рита.

— Год — это долго...

— А! Боишься проиграть? А я готова спорить на что угодно!

— Хорошо, я согласен на весь год! — ответил Паоло, покраснев. — А теперь пойдем и посмотрим, что это такое на самом деле.

Тут уже настала очередь Риты призадуматься:

— Думаешь, нас туда пустят?

Паоло не ответил. Он несколько минут внимательно смотрел направо, в сторону Мальяно, — оттуда по дороге медленно приближалось стадо овец под присмотром двух пастухов, которые каждое утро уводили их на заливные луга Агро. К заходу солнца стадо обычно возвращалось на Монте Кукко, проходя через все предместья Трулло. «Хотел бы я посмотреть, как станут загонять овец в подвалы! — посмеялся про себя Паоло. — А собаку что — тоже туда упрячут?»

Но вооруженным силам было не до овец. Надо было думать совсем о другом. Войска стояли теперь спиной к Трулло и видели перед собой лишь гору, на которую опустился непонятный предмет, накрыв ее вершину, словно огромной шляпой. Овцы, блея, шли вперед, тесно скучившись в груды, бок о бок, морда к морде. Если же какая-нибудь из них отрывалась от группы,

норовя пощипать траву, росшую на краю дороги, собака сразу же загоняла ее обратно в стадо. Зорро, который весь день продремал на балконе, потявкал немного, приветствуя своего коллегу, но тот, занятый делом, даже не ответил ему.

— Возьми-ка свои совки,— вдруг решительно сказал Паоло,— те, что брала с собой в прошлом году на море. А я возьму карманный фонарик.

— Зачем? — удивилась Рита.

— Хочу выиграть спор! Но если трусишь, можешь оставаться тут.

— Вот еще! Конечно, пойду! — возразила Рита.

— Тогда слушай. Помнишь Хитроумного Одиссея?

— Как же я могу не помнить своего отца?!

— Глупая, я говорю о другом Одиссее, о настоящем! Сколько раз про него рассказывал. Что он сделал, чтобы выбраться из пещеры великана Полифема? Ну-ка, вспомни!

— Спрятался под брюхом у овцы... Уцепился за шерсть... Ой! Ты думаешь, и мы могли бы сделать так же? Но ведь я не помещусь там!

— И не надо! Пойдем!

— А записку маме оставим?

Синьору Чечилию тревога застала у больного. Сделав ему укол, она, прежде чем спуститься в подвал, успела позвонить детям и попросила их пойти к какой-нибудь соседке... Оставить маме записку значило бы признаться, что они ее не послушались.

— Мы вернемся домой раньше нее,— сказал Паоло.

Рита не была в этом уверена, но возражать не стала и последовала за братом. Она бросила взгляд на Зорро, который продолжал лаять на овец, взяла совки и вышла следом за Паоло на лестницу.

Никто не остановил их в подъезде, никто не встретился им на улице. Отправить их обратно домой было некому. Паоло пропустил стадо и пристроился в хвосте. Рита следовала за братом. Сторожевой пес недоверчиво зарычал было, но ему тут же пришлось отправиться за ягненком, который выбился из стада. А пастухи шли не оборачиваясь. Они спокойно подошли к самому холму и, видимо, даже не замечали, что в этот вечер все было немного необычно, не так, как всегда,— целая пожарная команда заняла знакомую тропинку, а на вершине Монте Кукко находился неопознанный

летающий предмет, заставивший весь мир затаить дыхание.

— Вы куда? — остановил их полицейский, услышав топот стада и увидев пастухов.

— Добрый вечер, синьор! А что, разве нельзя? Мы же пастухи и идем туда, куда идут наши овцы.

— А ну, поворачивайте назад! Быстро!

Другие полицейские тоже обернулись и принялись смеяться над пастухами. Это и было их ошибкой, как объяснил потом Рите Паоло. Овцы шуток не понимают. В двадцати метрах от них на холме находился привычный загон, ожидавший их на ночь. Они, может, и послушались бы своих пастухов, но один из них был несмышленым мальчишкой, а другой туг на ухо: прежде чем полицейские успели растолковать им, что к чему, упрямые, да еще напуганные овцы, толкаясь, блея и напирая, прорвали цепь стражников и, подняв к небу тучу пыли, устремились вперед.

— Быстро! — шепотом приказал Рите Паоло. — Делай, как я!

Воспользовавшись суматохой, он бросился на четвереньки и прополз в середину стада. Рита последовала за ним. Обо всем остальном позаботились овцы. Окружив ребят, они подталкивали их вверх по тропинке.

Немного испугавшись поначалу, девочка быстро освоилась с новым способом путешествия: ей нравилось шлепать овец и тыкаться головой в их теплые и мягкие бока.

Карабкаясь на четвереньках вверх по тропинке, она исцарапала о камни и колючки все руки, колени у нее были сбиты, несколько слезинок сами собой скатились по щекам, хотя она и не чувствовала боли.

— Сюда! — услышала Рита голос Паоло.

За оградой, чуть выше загона, сохранились развалины какой-то каменной стены. От нее почти ничего не осталось — всего три-четыре больших камня, но и этого уже было достаточно! Паоло укрылся там, как за окопным валом.

— Теперь нас снизу не увидят! — прошептал Паоло. — Поднимемся по этому каналу.

Каналом он назвал овраг, который образовался от ручьев и дождей и тянулся по склону холма.

— Ты в самом деле хочешь пойти туда? — едва слышно спросила Рита и посмотрела на вершину холма.

Метрах в двадцати над их головами чернел край неопознанного объекта. Теперь, когда он был так близко, Рита даже про себя не осмеливалась назвать его тортом: он вдруг снова стал страшным, загадочным предметом.

— Хочешь, подожди меня здесь,— предложил Паоло. Он был тверд и решителен, как Колумб, вступающий на новый континент. Рита подавила страх:

— Нет, я с тобой!

Они молча стали карабкаться вверх по холму и вскоре очутились совсем близко от непонятого предмета — всего в нескольких шагах.

И теперь им видна была только грозная, неприступная стена.

— Я пойду первым! — заявил Паоло. — Дам знак — поднимайся ко мне. И не пугайся, даже если услышишь крик.

— А если в меня станут стрелять?

— Ну-ну, никто в тебя не станет стрелять!

— Подожди минутку. Возьми все-таки совок. Если это торт, сделай в нем дырку, и мы спрячемся внутри.

Паоло нехотя взял совок. Ему казалось, что, поступая так, он отказывается от своих убеждений. Да и как-то смешно идти навстречу пришельцам из космоса с детским совком в руке.

«У них,— подумал он,— наверняка есть и гиперболюид, и дезинтегратор, и черт в ступе!»

Но он все же взял совок. И хорошо сделал, потому что на вершине Монте Кукко его не ожидали ни марсиане, ни венерианцы, готовые уничтожить его, как муравья. Не было там никакого космического корабля, хотя бы даже похожего на такой, какой мог представить себе Паоло, большой знаток научно-фантастических фильмов. Там ждал его торт.

Не надо было обладать тонким чутьем, чтобы почувствовать его запах, и не один, а сотни, тысячи разных удивительных запахов. Паоло воткнул совок в стенку торта и мигом вырубил в ней целую нишу, достаточно широкую, чтобы в ней поместились и он, и сестра.

Рита, оставшаяся внизу, прислушивалась и со страхом ждала тревожных криков. И вдруг откуда-то сверху на нее посыпались куски марципана и слоеного теста, обрушился целый каскад изюма и пролился

ручей ликера. Не теряя времени, она начала пробовать все, что попадалось ей под руку. И до того увлеклась, что Паоло пришлось трижды окликнуть ее, прежде чем она услышала.

— Иду, иду! — отозвалась она с полным ртом.

Очень скоро она тоже оказалась в ароматной нише. Паоло поспешил замуровать вход огромным куском цуката, оставив только небольшое окошечко для воздуха и света.

— Теперь ты убедился? — спросила Рита, с аппетитом уплетая кусок торта.

— Ладно, ты выиграла. Это торт. Я отдам тебе все, что проиграл.

— Конечно, отдашь. Ведь спорят не просто так, ради одних разговоров.

— Отстань. Я уже сказал, что отдам. А теперь не мешай мне работать. Ну ка, подвнись! Надо прорыть галерею и обследовать весь торт. Не затем я сюда пришел, чтобы объедаться сладостями!

— Ах вот ты какой! У нас под ногами по крайней мере полметра шоколада, мы сидим в пещере из слоеного теста... Укрытие здесь понадежнее, чем у Пинокио, когда тот оказался в животе акулы, а тебе еще надо что-то обследовать!

— Ешь себе на здоровье сколько хочешь! А я буду прорывать галерею!

— Ладно уж! — снизошла Рита. — Я помогу тебе. Я смогу и есть и работать.

Под ударами лопатки торт постепенно раскрывался, словно джунгли под топором первооткрывателя. Брат и сестра без труда преодолели несколько слоев крема, взбитых сливок и миндального теста. Прорыли канавки в сладком креме, вброд перешли лужи смородинового сиропа, и луч их фонарика освещал небольшие гроты в недрах торта, образовавшиеся от потоков ликера.

Время от времени им попадались на пути огромные, словно тумбы, засахаренные вишни. Паоло, рвавшийся вперед с азартом исследователя, попросту обходил их, а Рита не пропускала ни одной, чтобы не попробовать. Одной рукой она помогала брату расширять галерею, а другой шарила по стенам из мороженого крем-брюле. То и дело она лакомила засахаренными орехами или же пробовала на зубок странные

камни, валявшиеся под ногами,— чаще всего это оказывался жареный миндаль или орехи.

— Да ну же, работай! — подгонял ее Паоло. — Нет, не там! Вот тут надо копать. Надо идти по радиусу, тогда и доберемся к центру.

— Жаль. Я чувствую, что справа повеяло холодком... Там, наверное, мороженое!

— Досадно, что мы не захватили компас.

— А он тут и не нужен! Ведь торт повсюду: на севере и на юге, на востоке и на западе — куда ни помотришь. Ой, тут слишком много ликера! Послушай, а мы не опьянеем? Ай! Дождь пошел... Дай-ка попробую... Да это вовсе не вода, а марсала, вино! На помощь, тону! Ах нет, мне только показалось! Мы идем сейчас по бисквиту, но, честно говоря, я бы предпочла миндальное тесто — оно более надежное.

Паоло упрямо работал совком и мысленно составлял перечень материалов, которые встречались на пути: «Малиновое варенье, изюм, взбитые сливки, крем, фисташковое мороженое...»

Вдруг он замер и схватил Риту за руку.

— Погаси фонарик! — шепотом приказал он.

— В самом деле, и без него стало светло... А почему?

— Тихо! Смотри!

Лучик света проник в галерею из только что проделанного отверстия. Рита заглянула в дыру и увидела пещеру. Посреди нее сидел какой-то человек и при свете электрического фонарика, вставленного в засахаренный апельсин, что-то торопливо писал на листах бумаги, лежащих у него на коленях.

— Так ведь это Джепетто! — прошептала Рита.

— Ну да, а ты — Фея с голубыми волосами...¹ Не болтай чепуху. И дай мне подумать.

Минуты две Паоло и Рита молча по очереди заглядывали в пещеру.

— Ну как, придумал что-нибудь?

— Нет еще.

— Скажи хоть, что ты хочешь придумать. И я тоже стану думать. Просто так ждать очень скучно.

— Ладно, так и быть — назовем его пока синьором Джепетто, просто чтобы как-то назвать, — ответил Па-

---

¹ Пиноッキо, Джепетто и Фея с голубыми волосами — персонажи сказки К. Коллоди «Приключения Пиноッキо».

оло.— Но кто же он такой на самом деле? Что он здесь делает, внутри торта? И как сюда попал?

— Не знаю. Может быть, так же, как мы. А потом, видишь, он что-то пишет! Наверное, он писатель. Или журналист.

— Ну вот, теперь тебе есть о чем думать. Но помолчи, а то он заметит нас.

Рита притихла и принялась лизать стены из мороженого. Но вдруг тишину нарушил собачий лай. Это было так неожиданно, словно взорвалась бомба.

— Зорро! — воскликнула Рита. — Он нашел наши следы и прибежал за нами!

— И теперь все пропало! — огорчился Паоло. Он тоже, к сожалению, произнес это слишком громко: от поднония он даже забыл про осторожность. Зорро с радостным лаем бросился к детям. Паоло снова взглянул в пещеру, да так и обмер: загадочный синьор Джепетто вскочил на ноги и испуганно озирался по сторонам.

— Тихо, Зорро, замолчи! — шепотом приказал Паоло.

Собака успокоилась, повиливая хвостом.

— Синьор Джепетто услышал нас, — сообщил Паоло. — Он осматривает свое убежище, прослушивает стены.

— Мне думается, сейчас самое подходящее время, чтобы удрать...

— Подожди. Я хочу узнать...

— Опять узнать!.. Вот он узнает, что мы здесь, тогда уже будет поздно...

— Тише! Он идет сюда!

Таинственный обитатель торта, обследуя стены пещеры, подошел как раз к тому месту, где несколько минут назад Паоло прорыл окно. Мальчик рассмотрел синьора вблизи. Это был человек почти старый, почти лысый, почти кривой — все в нем было «почти», кроме очков. Они были не «почти огромные», а просто огромные — каждое стекло примерно толщиной с палец, и за ними блестели очень подвижные и очень черные глаза. Человек был одет в какой-то длинный темный балахон — нечто среднее между спецовкой грузчика и фартуком мясника. Из-под расстегнутого воротничка выглядывал косой обрывок галстука.

— Бежим, Паоло!

Но Паоло будто пригвоздило к окошку. Он не шелхнулся даже тогда, когда синьор Джепетто увидел его. Две пары глаз, находясь по разные стороны стены — а она была, как мы знаем, из фисташкового мороженого, — строго смотрели друг на друга. У Паоло душа ушла в пятки, но он не сдвинулся с места. А загадочный синьор Джепетто, похоже, ничуть не испугался; он только что-то сердито крикнул:

— Скуак скуок карапак пик!

Так примерно звучало то, что он произнес. Возглас старика поразил Паоло и Риту. Ну конечно, Зорро тотчас же вскочил и принялся лаять.

— Брик брок караброк пок! — прокричал старик и принялся обеими руками расширять отверстие. В одно мгновение он проделал большое окно и высунулся в него, продолжая кричать на непонятном языке.

— Бежим! — завопил Паоло и попятился назад, не спуская глаз со старика, появившегося в проеме зеленоватой стены и освещенного фонариком Риты.

И тут мальчику показалось, что за толстыми стеклами очков, а затем и на всем лице старика он увидел улыбку... Но размышлять над этим было некогда, и в ту же минуту дети пустились наутек. Они неслись по длинной галерее, увязая в креме, скользя в лужах ликера, чуть не утопая в болотах из мармелада, натываясь на стены из бисквита и слоеного теста.

Наконец вдаль появился какой-то свет... Вон там внизу... Была уже ночь, но все прожекторы были зажжены и направлены на торт... Паоло торопливо етал разбирать заложенный цукатом выход из торта... Потом швырнул далеко вниз фонарик и закричал:

— Зорро, возьми!

Пес не заставил повторять команду: он с лаем вскочил из торта и помчался вниз по тропинке, чтобы поймать фонарик, — так всегда играли с ним Рита и Паоло. Лучи прожекторов тотчас же устремились за ним, скользя по холму. Внизу поднялся невероятный вереполох.

И на этот раз Паоло хорошо придумал. Брат и сестра побежали вниз в ту сторону, которую прожекторы не освещали. Дети скатились прямо под ноги часовых, не заметивших, откуда они появились. Стражники тотчас же набросились на ребят:

— Назад, куда идете!

— Ура! Мы спасены!

— Ой, Паоло! — вдруг воскликнула Рита. — Я потеряла туфлю!

— Где?

— Не знаю. Наверное, когда спускались с горы. Я вернусь за ней.

— Да ты что! Ведь тебя поймут, и тогда все раскроется!

— И торт съедят! Ты прав, лучше пожертвовать туфлей.

Мамы дома не было. Она пришла спустя полчаса, только после того, как Диомед, видя, что марсиане не проявляют никаких враждебных намерений, позволил жителям Трулло выйти из подвалов.

— Вы были умищцами? Не боялись?

— Да, мама, — ответил Паоло, имея в виду первый вопрос.

— Нет, мама, — ответила Рита на второй вопрос.

— Молодцы! — согласилась синьора Чечилля. — Сейчас я приготовлю вам ужин. Ведь вы, наверное, проголодались?

«О боже, помоги!» — подумала про себя Рита. Но ничего не сказала.

Туфелька Золушки

Когда прожекторы, предоставив Зорро своей судьбе, стали обшаривать лучами весь холм, один из пожарных вдруг заметил в запретной зоне, метрах в пяти-шести от своего носа, детскую туфельку.

— А ведь этой туфельки здесь раньше не было! — сказал он. — Я весь вечер глаз не спускал с этого участка и пересчитал все камни один за другим. Уверю вас, минуту назад этой туфли здесь не было! А теперь, если припомнить, мне кажется, что я видел и какую-то молькнувшую на холме тень! Пока мы здесь ари терили время из-за этого глупого пса...

— Отнеси туфлю в штаб и выбрось ее из головы! — посоветовал ему коллега.

— Конечно, отнесу. И сейчас же.

Диомед, то есть главнокомандующий, взглянул на туфельку с усмешкой и спросил присутствующих, не

собираются ли участники операции «КП» открыть магазин поношенной детской обуви. Может быть, именно в этом и заключалась цель операции! Все насмешливо осмотрели туфельку (особенно мудро посмеивались профессор Россо и профессор Теренцио) и отметили, что на обуви в двух местах имеются дырки. Может быть, марсиане носят такие туфли на голове вместо шлема, просовывая в эти дырочки антенны?

Но полицейский Мелетти, которого, видимо, недаром прозвали Хитроумным Одиссеем, высказал самую дельную мысль, по-настоящему дальновидную.

— Синьоры,— сказал он,— если позволите высказаться и мне... Дети, известное дело, бывают порой безрассудно неосторожны или просто не понимают, что хорошо, что плохо! Кто поручится, что те, кто в этом неопознанном объекте, не уговорили какого-нибудь мальчика или девочку, подарив им пару безделушек, собрать для них сведения на Земле?

— Ближе к делу! К туфле! — прервал его генерал.

— По-моему, если какой-нибудь ребенок действительно проник на космический корабль и, убегая оттуда, потерял туфлю, его можно найти довольно быстро.

— Как?

— Очень просто! Надо только примерить туфельку всем детям в округе!

— Совсем как в сказке про Золушку! — засмеялся профессор Теренцио.

— Но мы же не в сказке, а в Трулло! — заметил профессор Росси. Ему непременно надо было возразить своему коллеге.

— Хорошо,— отрезал генерал,— проведите примерку. По крайней мере вам будет благодарна мать ребенка, потерявшего туфлю. Хоть одно доброе дело делаете.

Хитроумный Одиссей завернул туфлю в газету, перевязал пакет крепкой бечевкой, запечатал сургучом и положил в шкаф школьной библиотеки, приказав часовому всю ночь не спускать с него глаз.

— Тут военная тайна! — сказал он.— Смотри, чтобы не украли!

Когда он вернулся домой, дети уже спали. Он кратко рассказал синьоре Чечилии о событиях дня, умолчав, однако, о туфельке, потому что военные тайны нельзя доверять даже женам.

Наутро он рано-рано отправился в штаб, взял туфельку и пустился в обход — дом за домом, лестница за лестницей, дверь за дверью.

— Тук, тук!.. Откройте, синьора Роза. Это я — полицейский Мелетти. Я по поводу вашего сына,

— Что еще натворил этот негодяй?

— Ничего, ничего не натворил, синьора Роза! Приказ командования. Я обязан примерить ему эту туфлю.

Синьора Роза (или синьора Чезира, или синьора Митильда) открывала дверь. Она была еще в домашних туфлях, в халате, с бутылкой молока в руках. Она будила своего «негодяя», и начиналась примерка.

— Но, синьор Мелетти, разве вы не видите? Это туфелька тридцать второго размера! А мой сын носит сорочковой, что еще за шутки...

— Приказ есть приказ!

В некоторых квартирах он находил целый выводок сонных ребятишек. Отцы, как правило, в это время брились и ворчали:

— А что, теперь городская община собирается раздавать детям поношенную обувь? Да еще с дырками? В двух местах.

— Потерпите, синьор, потерпите. Это приказ командования.

Понятно, что нашлось немало таких детских ножек, которым туфелька пришлась впору. И всякий раз синьор Мелетти начинал выпрашивать:

— А где другая?

— Какая другая? У моей дочери никогда не было таких туфель, как эта!

— А где ты была вчера вечером в десять часов?

— Во Франции она была вчера, прокатилась в Париж! — отвечала за девочку мать. — Где же ей еще быть в это время, как не в постели! У меня свидетелей сколько угодно! Спросите хотя бы синьора Густаво, что живет напротив: вчера он весь вечер сидел у нас, смотрел телевизор.

Синьор Густаво подтверждал. И «путешествие» Хитроумного Одиссея продолжалось.

— И все же, — ворчал себе в усы добрый Мелетти, — сдается мне, что эту туфельку я уже где-то видел! Да, да, видел! Могу поклясться! И вот эти две дырки на ней! Кстати, про какие дырки мне говорила

сегодня утром жена? Ах да, Рите опять надо покупать новые туфли. У этой девчонки просто горят подметки!

Так, обходя двор за двором, синьор Мелетти оказался наконец у своего дома. Прежде всего он постучал к привратнице, у которой была дочка лет пяти или шести. Женщина все еще сердилась на синьора Мелетти, а заодно и на всех полицейских вообще, за то, что года два назад он оштрафовал ее мужа за превышение скорости.

— Синьора Матильда, ваша девочка уже проснулась?

— А что, вам не терпится оштрафовать ее? — зло ответила синьора Матильда.

— Что вы, никаких штрафов! Дело в том, что...

И Хитроумный Одиссей принялся объяснять ей цель своего прихода. Тем временем на лестничную площадку высыпали другие жильцы — женщины и дети, — наблюдая за происходящим. Ведь всегда было над чем посмеяться, когда сталкивались синьор Мелетти и синьора Матильда.

— Ах вот в чем дело! — передразнила синьора Матильда. — По-вашему, моя девочка марсианская шпионка?!

— Нет, я этого не говорю!

— Ну да, вы этого не говорите, но вы так думаете!

— Короче, не я сочиняю приказы.

— Но штрафуете, однако, вы!

— Я исполняю свой долг! — воскликнул оскорбленный синьор Мелетти.

— Ну так и быть! Давай, Мария-Грация, примерь туфельку... Она тебе велика, не так ли, мое сокровище? Иди обратно в постельку, моя крошка. А теперь туфельку примерю я сама!

— Но, синьора Матильда, приказ касается только детей!

— Ах вот что! Измываться над бедным ребенком — это просто!.. Посмотрим, как вы со мной справитесь!

— Ради бога, не надо! Вы испортите туфлю!

— Это я-то? Да я легка как пушинка! Всего сто двадцать килограммов. Вот возьму и открою на ярмарке балаган под вывеской «Женщина-пушинка». Заработаю куда больше денег, чем убирая тут за всякими!

Смех раскатился по лестнице. На площадки выглянули другие жильцы, которые еще не принимали уча-

ствия в этом спектакле. Вышли и синьора Чечилия, Паоло и Рита.

Синьора Чечилия, увидев, что муж воюет с привратницей, бросилась ему на подмогу. Паоло побежал за нею, а Рита, конечно, следом за Паоло. Девочку уже мучили недобрые предчувствия. Она первая увидела, что предметом ссора была ее туфля.

— Нет, теперь-то я ее примерю во что бы то ни стало! — объявила синьора Матильда на весь дом.

Сбросив домашнюю туфлю, она стала втискивать свою слоновую ногу в маленькую детскую туфельку.

— Палец влез! — торжествующе доложила она. — А теперь, увидите, влезут и остальные.

Тут вдруг вмешалась синьора Чечилия.

— Стой, что ты делаешь? — закричала она.

— Примеряю туфлю — по приказу твоего мужа!

— Да разве ты не видишь, что это туфелька Риты?! Что за глупые шутки вы тут устраиваете?

Синьор Мелетти так и застыл на месте, словно громом пораженный.

А синьора Матильда, напротив, принялась так хохотать, что чуть не задохнулась от смеха, и соседке пришлось принести ей стакан воды.

— Ты мне объяснишь, что тут происходит? — закричала синьора Чечилия, тряся мужа за плечо.

— Военная тайна... — пробормотал Хитроумный Одиссей.

— Где ты нашел эту туфлю? И что значит весь этот цирк?

— Молчи! Не вынуждай меня говорить!

Полнический пришел наконец в себя и, осмотревшись вокруг с профессиональной строгостью, воскликнул:

— Освободить помещение! Разойтись! Спектакль окончен!

Первым, кто беспрекословно повиновался ему, был Паоло. Он незаметно прошмыгнул в дверь и пустился наутек.

— А ну-ка, пойдем домой, разберемся как следует!

Рита пыталась увильнуть от отца и пряталась за маму. Та, ничего не понимая, продолжала сердиться:

— Нет, вы только посмотрите, как эта толстуха испортила туфельку нашей Риты! Ничего, смеется тот, кто смеется последним!

В жертву науке

Синьор Мелетти еще несколько минут разгонял любопытных и наводил порядок на лестнице, а когда поднялся к своей квартире, то оказалось, что дверь закрыта изнутри на цепочку.

— Открой! — закричал он жене. — Именем закона!

— Какого еще закона! Что ты хочешь с ней сделать, с бедной девочкой?

— Ты лучше у нее спроси, что она натворила! Спроси-ка у нее, где и когда она потеряла свою туфлю! Дапусти же меня, а то соседи услышат!

Это убедило синьору Чечилию. Она сняла цепочку и приоткрыла дверь, но прежде чем впустить мужа, внимательно посмотрела на него, стараясь понять его намерения. Лицо синьора Мелетти было обычным, только, может быть, немного более озабоченным, чем всегда, но все-таки без видимых следов сумасшествия.

— Ну ладно, входи! А ты перестань реветы!

Последние слова были обращены к Рите, которая отчаянно плакала.

— Наша дочь — шпионка! — заявил синьор Мелетти. Он тяжело опустился на стул и, размахивая туфелькой, добавил: — И вот доказательство!

— Какое еще доказательство? Дырки? Они доказывают только, что бедной Ритучче давно уже пора купить новые туфли!

— Да нет, ты не понимаешь...

— А чего же это я не понимаю?

Синьор Мелетти рассказал жене все, что касалось туфельки, как ее нашли в запретной зоне, как заподозрили, будто марсиане через детей собирают сведения, как он ходил по домам, — примеряя туфельку.

— Нет никакого сомнения, — закончил он, — что наша дочь работает на марсиан!

— Но это же не марсиане! — не выдержала Рита, вытирая слезы о мамину юбку.

— Вот видишь! — загремел Хитроумный Одисей. — Она знает, кто они такие! Значит, ты была там и видела их? И потеряла туфельку, выходя из космического корабля?!

— Но это не космический корабль! — возразила Рита. — Это торт!

Мать сразу же изменила позицию и немедленно отпустила дочери подзатыльник:

— Я тебе покажу торт!

У синьоры Чечилии была привычка действовать раньше, чем думать. Рита снова расплакалась. На этот раз, однако, она плакала от обиды, что ей не поверили.

— Это торт, торт! — упрямо твердила она сквозь слезы. — И я сейчас вам докажу это!

Она выбежала на балкон, родители кинулись за нею. Там Рита отодвинула горшок с цветами и сказала:

— Вот!

Это Паоло придумал так спрятать остаток шоколада. Он завернул его в газету, перевязал бечевкой и повесил к балкону. Синьора Чечилия с величайшей осторожностью потянула веревку, будто это шнур от бомбы. Пакет был поднят, его молниеносно развернули.

— Шоколад! — согласилась синьора Чечилия, доверяя своему носу. — Откуда он у тебя?

— Кто тебе дал? — наступал синьор Мелетти.

— Мне никто не давал его. Он с неба свалился! Оторвался от торта, когда тот опускался на Монте Кукко.

Второй подзатыльник доказывал, что мать не верила ни единому слову.

— Вот видишь! — воскликнул синьор Мелетти. — Она на их стороне и защищает марсиан. Придумывает разные небылицы, чтобы выгородить наших врагов! Теперь ты убедилась, что она шпионка?

— Шпионка или нет — я не знаю, — сказала синьора Чечилия, — а вот лгуня — это точно! Но только если бы она не могла бы придумать такую историю... А где Паоло? В самом деле, где он?

— Удрал! — догадался синьор Мелетти. — Но я его найду! А сейчас идем в штаб!

— Ты с ума сошел! Моя дочь не пойдет в штаб!

— Пойми, Чечилия, отечество в опасности! О, господи, что я говорю! Все человечество в опасности! Мы не можем скрывать сведения, какими располагаем!

— Ну как может быть отечество в опасности из-за какого-то торта? — воскликнула Рита.

Мать наградила ее третьим подзатыльником и резко добавила:

— Помалкивай, а то еще получишь! Сделаем так,— сказала она, обращаясь к мужу,— ты пойдешь в штаб и расскажешь, как обстоит дело. По-моему, ты прекрасно понимаешь, что дети просто разыгрывают нас. Но если командование захочет поговорить с Ритой, пусть приходит сюда. Риту я туда не пушу!

Синьор Мелетти попытался было спорить с синьорой Чечилией, хотя прекрасно знал, что, однажды решив что-нибудь, она уже никогда не меняла своего мнения. Ему пришлось вернуться в штаб с туфелькой и пакетом шоколада.

Диомед (то есть вся группа военных, гражданских и научных авторитетов) выслушал его рассказ с большим недоверием.

— У детей пылкое воображение! — проворчал генерал.

— Они известные выдумщики! — добавил полковник.

— Но это действительно кусок шоколада! — заметил Хитроумный Одиссей.

Он, разумеется, был доволен, что Диомед не принял его дочь за шпионку. Но в то же время ему было неприятно, что Риту считают лгуньей.

— А что скажет наука? — спросил генерал.

Профессор Росси и профессор Теренцио наклонились к шоколаду и понюхали эту вещественную улику.

— Ничто не мешает нам предположить, что дети нашего braveго полицейского не приобрели этот шоколад в ближайшей кондитерской, — заключил профессор Теренцио.

— Это исключено! — возразил синьор Мелетти. — По дороге сюда я обошел все кондитерские. Во-первых, никто в Трулло не продает шоколад такими огромными кусками. Во-вторых, мои дети были последний раз в кондитерской на прошлой неделе. Они купили две жевательные резинки. Этот шоколад не из Трулло.

— Ах вот как! Выходит, он свалился с неба, словно мания небесная! — съехидничал профессор Теренцио.

— А если так, не хотите ли вы попробовать его, уважаемый коллега? — предложил профессор Росси.

— Нет, — возразил профессор Теренцио, — давайте лучше сделаем химический анализ. Если шоколад

неземного происхождения, в нем непременно окажутся какие-нибудь неизвестные нам элементы.

— А по-моему, вы просто боитесь попробовать его! — заявил профессор Росси.

Профессор Теренцио стукнул кулаком по столу и поблелел:

— Я ничего не боюсь! Я только забочусь об интересах науки!

— Но в истории науки были мужественные врачи, которые прививали себе страшные заразные болезни! — ответил профессор Росси.

— Это вызов! — загремел профессор Теренцио.

Совершенно справедливо! — ответил профессор Росси, в свою очередь поблелев от страха. — Сейчас мы отломаем по кусочку злополучного шоколада и съедем их. Вот тогда и увидим, земной он или космический.

Легкое волнение пробежало среди собравшихся.

— Синьоры, — попытался успокоить их генерал, — вам не кажется, что это несколько неосторожно? Я не могу допустить, чтобы такие выдающиеся ученые, как вы, жертвовали собой ради...

— Но мне бросили вызов! — гордо воскликнул профессор Теренцио.

— Моя дочь, — поспешил вмешаться синьор Мелетти, — говорит, что съела полкило этого шоколада и что он отличного качества и прекрасно усваивается...

— Хватит болтать! — прервал его профессор Росси. — Пора переходить к делу. Начнем эксперимент!

Тревожное молчание наступило вслед за этим призывом. Сдерживая дыхание, присутствующие наблюдали, как оба ученых, бледные, словно покойники, уставившись друг на друга, приготовились съесть два крошечных кусочка таинственного вещества.

— Генерал, — сказал профессор Росси, торжественно чеканя слова, — следите внимательно за всем, что произойдет сейчас. Быть может, от нашего опыта зависит спасение всего человечества. Приручение на нашей планете космических захватчиков, на мой взгляд, опасность гораздо большая, чем взрыв атомной бомбы. Прекрасно понимая все это, находясь в полном здравии и рассудке, сознавая, что...

Одним словом, профессор Росси произнес неплохую речь. Он говорил так долго, что присутствующие уже стали перешептываться:

— Когда же он съест наконец этот шоколад?

Затем слово взял профессор Теренцио. Он долго говорил о солнечной системе и о космосе, упомянул Данте, Галилея, Коперника и Ньютона, указал, между делом, на различие между человеком пещерной эпохи и профессором Эйнштейном, словом, сказал достопамятные вещи, которые старательно записывались на магнитофонную ленту, дабы увековечить каждое слово.

И снова все стали спрашивать друг друга:

— Съедят они наконец этот шоколад или нет?

Вероятно, ученые ожидали, что генерал, в свою очередь, тоже произнесет довольно длинную речь. Но генерал упрямо молчал.

И тогда ученые, глядя друг на друга в упор, словно фехтовальщики в решающий момент смертельной дуэли, поднесли ко рту кусочки шоколада и с героической самоотверженностью положили их на кончик языка.

Потом они закрыли рот.

Пожевали.

Проглотили.

Застыли, как статуи в городском парке. Вскоре гримаса искажила лицо профессора Росси. Точно такая же гримаса, словно в зеркале, отразилась на лице профессора Теренцио.

— Ну что, плохой шоколад? — спросил синьор Мелетти, совершенно не почувствовавший торжественности момента.

Все возмущенно зашикали на него.

— Болван! — проворчал генерал. Затем, обращаясь к ученым, сказал: — Так что же, синьоры? Мы ждем.

— Я чувствую, — проговорил профессор Росси, — некоторое удушье...

— А я уже совсем задыхаюсь! — прошептал профессор Теренцио.

— Может быть... может, этот шоколад... — начал профессор Росси.

— Отравлен! — закончил его мысль профессор Теренцио.

— Живо! — приказал генерал. — Вызвать «скорую помощь»! Необходимо срочно отправить их в ближайшую больницу!

— Караул! — закричал синьор Мелетти. — Рита! Моя Ритучча! Паоло! Их тоже надо отправить в больницу! Быстрее, ради бога, быстрее!

Профессор Росси и профессор Теренцио теперь уже просто корчились, словно от ужасных болей, разрывали на себе воротнички, дрожащими руками цеплялись за генерала, за полковника и даже за синьора Мелетти.

— Вот.— крикнул кто-то,— вот что получается, когда бояться пустить в ход пушки!

Но переполох был так велик, что нельзя было определить точно, кто был автором этой исторической фразы.

Профессор Дзета

Ока машины «скорой помощи» под оглушительный вой сирен везли в больницу двух жалобно стонавших ученых и Риту, которая, наоборот, уверяла, что чувствует себя превосходно. Паоло, скрываясь от неприятностей, очутился в поле. Но оказалось, что слоняться без дела ужасно скучно. Чтобы убить время, он принялся охотиться за ящерицами. Прежде, когда он убегал с уроков, это занятие казалось ему необыкновенно увлекательным, а теперь оно было невыносимо нудным. Поесть ему дома не удалось, но, по правде говоря, после вчерашнего пиршества он несколько не пужался в еде и мог гулять еще сколько угодно.

Когда издали донесся вой сирены, он решил, что время уже позднее, и машинально повернул к Трулло. Из головы у него не выходила вчерашняя история с тортом.

«Мы поспешили и убежали зря! — размышлял он. — Этот таинственный синьор Джепетто, или как его там зовут, был совсем нестрашный. И вовсе не походил на марсианина. Могу поклясться, что он улыбался!»

Паоло пошел по улицам Трулло, слегка волнуясь при мысли, что его, наверное, разыскивают. Вдруг его окликнул школьный приятель:

— Паоло, что это тебя давно не видно? Ты что, болел?

— Да,— поспешил ответить он,— но теперь я уже поправился.

А про себя он подумал: «Значит, никто ничего не знает! Самое главное — не попасться на глаза отцу!»

Вскоре он оказался в расположении пожарной команды, как раз в том месте, где вчера дважды перешел «границу».

«Где два, там и три! — решил мальчик. — Но на этот раз будет гораздо труднее».

Торт на вершине холма не подавал никаких признаков жизни. Какой-то пожарный в ответ на вопрос Паоло сказал, что, по его мнению, приказ начать наступление на космический корабль может быть получен с минуты на минуту.

— Раньше, разумеется, прозвучит сигнал тревоги, — добавил он, — и все гражданское население должно будет укрыться.

— Словом, задумали устроить марсианам небольшой душ? — мрачно спросил Паоло.

— Душ я устрою тебе, если ты не отвалишь отсюда! — ответил пожарный.

Но тут с радостным лаем неизвестно откуда примчался пес семейства Мелетти.

— Зорро! — радостно воскликнул Паоло, лаская собаку. — Куда ты подевался, бродяга?

Зорро, довольный, повиливал хвостом.

— Хочешь вернуться назад, да? — шепнул Паоло, потчывая его за ухом. — Подожди, сейчас что-нибудь придумаем.

Счастливая мысль пришла ему, когда он увидел камень, лежавший на земле, будто кто-то специально положил его там. Паоло поднял камень, подождал, пока пожарный отвернулся, и со всей силой метнул камень вверх по склону холма. Думая, что с ним играют, Зорро, как всегда, бросился за камнем, чтобы принести его хозяину. Но как раз этого и не мог допустить Паоло. Как только собака быстро проскочила за ограждение, Паоло стремглав бросился вслед за нею и закричал:

— Помогите! Помогите! Моя собака! Я не хочу, чтобы ее забрали марсиане! Аргг! Аргг!

— Вернись! Вернись сейчас же назад! — закричали пожарные. — Вернись назад, глупец! Стоят ли рисковать жизнью из-за собаки? Нет, вы посмотрите, этот малый сошел с ума! Вернись сейчас же назад!

Но Паоло точно оглох. Зорро с камнем в зубах поджидал мальчика, а потом побежал вместе с ним вверх

по склону, залиvisto лая, будто понял, что ему надо делать в этой игре.

— Мальчик, вернись! Там опасно! — кричали пожарные. На их крики стал уже собираться народ.

— Да это же сын синьора Мелетти! — узнал кто-то мальчика. — Смотрите, а там наверху кто-то ест!

— Марсианин! Марсианин!

— Он схватил Паоло! Он уносит его к себе на корабль!

Подбежав к тарту, Паоло успел только увидеть, как у входа в галерею, которую они с Ритой прорыли в тарте, блеснули очки таинственного синьора Джепетто. От страха у него душа ушла в пятки. «Нет, я все-таки узнаю, кто он такой! Не зря же я сюда бежал: узнаю во что бы то ни стало!» — с отчаянной решимостью подумал мальчик.

Однако таинственный незнакомец начал действовать раньше, чем Паоло успел что-нибудь предпринять. Старик схватил мальчика за куртку и быстро оттащил его в галерею, все время пытаясь отделаться от собаки, которая вцепилась ему в ногу.

— Квик кверекек переброк! — закричал незнакомец на своем странном языке.

— На место, Зорро! Сидеть! — приказал Паоло. Что-то подсказывало ему, что этому человеку можно довериться.

— Сидеть, сидеть... — ворчливо повторил синьор Джепетто. — Но это же сказано по-итальянски! Значит, мы в Италии?! Успокой собаку, мальчик, и говори, не бойся.

— Сидеть, Зорро! Смирно! Да, синьор, мы в Италии. В Риме.

— В Риме! — воскликнул синьор Джепетто. — Кто бы мог подумать! Боже милостивый!

— А что, вы сбились с курса? — спросил Паоло.

— Сбилсся с курса?

— Я хотел сказать, что торт, возможно, должен был приземлиться в каком-нибудь другом городе?

— Я вижу, ты принял меня за кондитера?! Нет, мой мальчик, я не кондитер, я просто великий путаник.

— Вы прекрасно говорите по-итальянски.

— Я говорю еще на дюжине других языков так же хорошо, как на своем родном.

— То есть на марсианском? — рискнул спросить Паоло.

— На марсианском? — удивился Джепетто. — А! Теперь мне ясно, почему тут собралось столько военных, пушки, ракеты... Да, да! Иначе и быть не могло! Конечно, марсиане! Поднялась тревога... Решили, что это космический корабль... Нашествие с другой планеты... Боже мой, это же моя погибель! Я пропал!

В полном отчаянии он забыл про Паоло, а тот, освоившись, уселся на огромную засахаренную вишню, которую Зорро давно уже усердно облизывал.

— Меня зовут Паоло, — сказал мальчик, — а сестру — Рита. Вчера вечером она была здесь со мной. А сейчас я даже не знаю, где она...

— Паоло, — сказал синьор Джепетто, — извини, пожалуйста, что я не представился в свою очередь, но я не могу этого сделать. Мое имя — государственная тайна.

— А какого государства?

— И это тайна. Не спрашивай меня больше ни о чем, все равно не могу тебе ответить. Знаешь, я, кажется, даже забыл, как меня зовут на самом деле, такое секретное у меня имя. Зови меня просто — профессор Дзета¹, если хочешь.

— Тогда я лучше буду звать вас профессор Джепетто.

— А кто это — Джепетто?

— Как! Вы не знаете сказку про Пиноккио?

Профессор Дзета должен был признаться, что никогда не слышал о такой сказке. И Паоло, не теряя времени, стал рассказывать ему о приключениях деревянного мальчика — Пиноккио. Но профессор слушал его недолго.

— Как по-твоему, что это такое? Как ты думаешь? — спросил он Паоло, указывая на стены вокруг.

— Великолепный торт, профессор! — ответил мальчик. — Самый большой и самый необыкновенный из всех, какие я когда-либо видел! Торт летающий, самый большой из всех летающих предметов, которые когда-либо плавали в воздушном океане.

— Торт! А я думал, что сошел с ума, когда разобрал, что это такое. Решил, что у меня начались галлюцинации: шоколадные, кремовые, фисташковые... К сожалению, это действительно торт! И никуда от

---

¹ Дзета (z) — последняя буква итальянского алфавита.

этого не денешься! Да, да, торт — самый обыкновенный, глупый, банальный торт!

— Глупый? Банальный? К сожалению? О чем это вы говорите, профессор?!

— Тебе не понять.

— Нет уж, извините! В чем, в чем, но в шоколаде я толк знаю! Так что можете мне поверить — он высшего сорта!

— Что верно, то верно. К тому же, он даже не радиоактивный.

— Откуда вы знаете?

— У меня есть счетчик. Там, в моей пещере. Счетчик Гейгера. Знаешь, что это такое?

— Прибор для измерения радиоактивности?

— Совершенно верно. Во всем этом гигантском и глупейшем торте нет ни капли радиоактивности. И нарыл его вдоль и поперек, обследовал по двадцати радиусам, по всей окружности и поверхности, в самой глубине... И нигде никакой радиоактивности! Абсолютно никакой! Вот это-то и сводит меня с ума.

— Постойте, а что же тут плохого? Ведь если бы он был радиоактивным, его нельзя было бы есть!

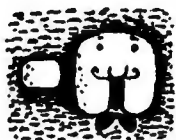
— Ах, я уже сказал: тебе этого не понять.

— И все-таки объясните мне, в чем дело.

— Объясню все, что смогу. Некоторые детали, понятно, я тебе не открою — это военная тайна. Начнем с того, что я ученый-атомщик.

— Наш, с Земли?

— Ну разумеется! Да ты и сам видишь это.

Самая великолепная ошибка на свете

примерно полгода тому назад, — продолжил свой рассказ профессор Дзета, — я получил важное правительственное задание. Мне поручили изучить некоторые особые свойства ядерного гриба. Знаешь, что такое ядерный гриб?

— Еще бы! Это знают даже камни! Огромное ядовитое облако, которое получается после взрыва атомной бомбы. Так ведь?

— Примерно так. Это облако имеет форму огромного гриба. Как известно, гриб этот становится добычей ветров: они разносят его во все стороны, куда хотят...

— Отравляя воздух, дождевые облака и всё прочее. Неплохой способ сеять сверху разные болезни!

— Так вот слушай дальше. Выходит, большая часть атомного гриба растворяется в атмосфере, и его смертоносность от этого становится намного меньше.

— Не так уж плохо!

— Как сказать! У тебя, мой мальчик, совсем неэкономический склад ума. Зачем же терять столько драгоценного вещества?..

— Вы хотите сказать — ядовитого вещества?

— Ядовитого — тоже верно. Мое правительство озабочено другим. Если мы найдем способ управлять атомным грибом, мы сможем как угодно перемещать его в атмосфере. Атомное облако сможет тогда облетать земной шар, как маленькая Луна, а мы получим возможность останавливать его там, где хотим, а потом будем поднимать в воздух и направлять на конкретную цель. Подумай, ведь тогда одна-единственная атомная бомба заменит нам целый атомный арсенал!

— Ничего себе! Радиация с доставкой на дом! Неплохо придумано... Да знаете ли вы, профессор, что...

— Это делается для экономии, — продолжал профессор совершенно серьезно, не чувствуя иронии в словах Паоло.

— Скажите, профессор, а разве не лучше было бы совсем не делать никаких — ни простых, ни атомных бомб?

— Этого тебе не понять. Это уже политика. А я политикой не интересуюсь. Я только ученый. Вернее — увы! — был ученым...

— Ну а что же дальше? Вы получили важное правительственное задание...

— Да, и сразу же принялся за работу, чтобы создать управляемый атомный гриб. Не стану тебе рассказывать, сколько я провел опытов, сколько стоило мне это пота и крови...

— ...и сколько денег! — добавил Паоло.

— Ну разумеется... Словом, месяц назад я полагал, что нашел решение проблемы. Я передал чертежи на завод и стал наблюдать за производством бомбы

для самого главного опыта. И бомба вышла на славу, скажу я тебе!

— На славу?

— Ну да, прямо-таки прекрасная! Самая чудесная атомная бомба на свете: первосортный материал, элегантнейшая отделка, надежнейшая аппаратура... Помню, какой был устроен праздник по поводу окончания работ над ней... Торжественная церемония!.. Знамена... Брызги шампанского!.. Уйма сладостей!.. Это был волнующий праздник! Министр без конца пожимал мне руку. Помнится, он от волнения даже уронил в бомбу кусок пирожного. Знаешь, такое пирожное с кремом и шоколадом. Все немного посмеялись тогда — на том дело и кончилось. Ничего особенного ведь не случилось. Не могло же пирожное испортить бомбу! Во всяком случае, тогда я так думал. А теперь — уныл! — я уже иного мнения. Наконец настал день самого главного опыта... Бомбу предполагали сбросить с самолета в море в десяти километрах от берега. Она должна была там взорваться. Решено было, что я лично буду наблюдать с самолета за атомным грибом и управлять им в течение получаса, а затем направлю в установленное место океана.

— Какого океана?

— Э, нет, сынок, этого я тебе не могу сказать. Таинственного океана!

— Таинственного океана нет на географической карте!

— Ты слушай лучше, что было дальше! Все шло прекрасно, пока не произошел атомный взрыв. Я приказал пилоту подняться на нужную высоту, догнать атомное облако и, когда мы оказались на расчетном расстоянии, хотел приступить к самой важной части нашего опыта. Но тут произошло что-то совершенно непонятное — атомное облако быстро сгущалось и приобрело почему-то форму не гриба, а плоского цилиндра, который стал медленно вращаться вокруг своей оси. Это было довольно странно. Но еще удивительнее оказалось другое — этот необычайный гриб совершенно не подчинялся моей системе телеуправления. Я испробовал сотни способов, пытаюсь направить его хоть куда-нибудь. Я менял расстояние, высоту... Все мои попытки были тщетны — гриб отказывался повиноваться, и все! Пилот стал нервничать, сердиться —

уже кончалось горючее, и нам надо было возвращаться на базу, иначе мы рухнули бы на землю. Я был вне себя от отчаяния и не мог думать о таких мелочах. Если хочешь знать, меня это нисколько не волновало — мне нужно было во что бы то ни стало заставить атомный гриб повиноваться моей воле.

— Точнее было бы сказать — не гриб, а цилиндр?

— Цилиндр, это верно! Кончилось тем, что горючее все вышло и нам пришлось выбрасываться с парашютом. Пилот, конечно, был опытнее меня — он умело управлял своим парашютом и упал в море, там его подобрала моряки. Ну а я угодил прямо в этот самый цилиндр. Если б даже я специально целился, то не попал бы точнее: я опустился, как выяснилось позже, в самый центр!

— И набил себе шишку о шоколад? — рассмеялся Паоло.

— Никакой шишки! Наоборот, я угодил прямо во взбитые сливки и вдоволь наглотался их! Можешь себе представить, в какое я пришел отчаяние, когда увидел, что все мои труды пошли прахом, — столько трудов, столько исследований, такие испытания, и вдруг на тебе — торт! Всего-навсего торт, пусть даже гигантских размеров. И все из-за какой-то нелепой случайности.

— Ну и что же дальше?

— Мне хотелось сделать в торте дырку и утопиться в океане — вот что я хотел сделать дальше!

— Какая глупость! Простите меня, конечно. Но я бы на вашем месте был самым счастливым человеком на свете! Или вы не любите сладкого?

— Конечно, люблю! Прямо обожаю! Мои дети тоже очень любят сладости.

— У вас и дети есть?

— Двое. Один лучше другого, один дороже другого!

— А вы еще бомбы делаете!

— Прошу тебя, не возвращайся к этой теме. Теперь все узнают, что я специалист исключительно по тортам. Конечно, — теперь-то я это понимаю, — пирожное, которое министр уронил в бомбу, тоже сыграло свою роль в этом нелепом превращении. Но если бы я не ошибся, когда проектировал бомбу, даже миллион самых вкусных пирожных не смог бы вызвать эту глупую шоколадную реакцию!

— Да вы должны гордиться тем, что сделали: вы же просто благодетельствовали человечество!

— Не смейся надо мной!

— Так почему же вы не проделали в торте дырку и не бросились в океан, как думали?

— Сам не знаю... Ветер отнес торт куда-то в сторону. И меня, понятно, вместе с тортом тоже. Еды у меня было предостаточно, сам понимаешь. И это очень досадно. Но у меня оказалась с собой бумага, и я принялся проверить расчеты, чтобы отыскать ошибку. Вчера и почти нашел ее, но тут появились вы с Ритой. И осмотрел вашу галерею, чтобы выяснить ситуацию. И ведь и не знал, что торт приземлился, и тем более не догадывался, что он опустился в Риме.

— Все дороги ведут в Рим! — шутливо напомнил Паоло древнюю поговорку. — Ну а что вы собираетесь делать дальше?

Профессор Дзета встал и начал ходить по галерее взад и вперед, ступая прямо по лужам ликера и мятной настойки.

— Мой долг — уничтожить это свидетельство моего позора, чтобы и следа не осталось от него!

— Уничтожить всю эту благодать? Но, профессор, вы с ума сошли! Тут ведь сладостей на целый год!

— Это исключено! Я уничтожу торт, вернее, я сделаю так, что его уничтожат!

— Кто?

— Военные, которые его окружили. Прежде всего и подтверждаю их предположения, будто это космический корабль. Потом сделаю вид, будто марсиане готовятся к нападению, и навлеку на торт великолепный концентрированный удар. И огнеметы сделают свое дело.

— Не бывать этому! Кстати, вы не учли, что и сами при этом погибнете!

— Погибну, но так надо. Не впервой ученому жертвовать собой...

— Но еще не было такого, чтобы ученые погибали в торте, вместо того чтобы лакомиться им! Я не позволю вам уничтожить торт! Мало того, я всем расскажу, какой гениальный человек скрывается здесь — новый Леонардо да Винчи, который умеет превращать атомные бомбы в шоколадные торты! Вы же станете самым знаменитым человеком нашей эпохи! Подумайте, профессор, на всех площадях мира признательное человечество воздвигнет вам памятники!

— С меня хватит и одного памятника — надгробного!

— Вы сошли с ума, профессор! Вы только подумайте, как прекрасна жизнь! И как вкусен этот торт!

— Я могу думать только о том, что как ученый-атомщик я навсегда опозорен! Бесполезно меня уговаривать, Паоло. Я уже решил. Смерть не страшит меня. Помогая мне лучше осуществить мой план.

— Ни за что на свете!

— Нет, ты поможешь мне! Ты отнесешь командованию мое послание, в котором будет сказано следующее: «Землянам — с борта космического корабля «Марс-1». В вашем распоряжении имеется полчаса, чтобы сложить оружие и вручить нам заложников — тысячу мальчишек и девчонок. В противном случае по истечении тридцатой минуты мы разрядим атомную бомбу, которая в одно мгновение уничтожит Рим». И подпись: «Командир корабля...» Нужно только придумать какое-нибудь подходящее имя. Пусть это будет, например, капитан Гор. Как ты считаешь, достаточно грозное послание? Конечно, они ни за что не согласятся на мое условие — отдать тысячу мальчишек и девчонок! Так могут поступить только варвары и убийцы! Поэтому им ничего не останется, как сразу же открыть огонь по тарту, прежде чем окончится срок ультиматума. И тогда все будет кончено. По-латышски, как говорили древние римляне, финиш. А теперь я напишу это послание...

И профессор тотчас же дрожащей от волнения рукой принялся записывать текст ультиматума. Дойдя до фразы, в которой указывалось число заложников, он немного заколебался:

— Тысячу мальчишек.. Гм... А если потребовать две? Да, да, так будет лучше! Я напишу — две тысячи ребят! Они тогда быстрее начнут обстрел и сократят мои смертные муки.

— Не тратьте попусту времени, — решительно сказал Паоло. — Неужели вы в самом деле думаете, что я отнесу командованию вашу записку? Только сумасшедший может придумать такое!

— Конечно, отнесешь!

— А вот и нет! Говорю вам — нет, и все!

— Тогда я выброшу тебя из торта!

При этих словах профессор Дэета как-то странно

поморщился, и Паоло показалось, что он вот-вот заплачется.

Профессор Дзета закончил свое послание, четко написал выдуманное имя, пририсовал какие-то странные знаки и расписался.

— Это как бы марсианские письма, — пояснил он, — чтобы было убедительней!

Профессор сложил листок и протянул его Паоло:

— Ну, отнеси!

— А если нет?

— А если нет... Я сказал — сброшу тебя вниз!..

— А ну попробуйте!

Профессор Дзета состроил страшную гримасу, пытаясь напугать Паоло, но все равно по его глазам было видно, что он никогда в жизни не способен был кого-либо напугать.

— Не мучай меня, — захныкал он, — я ведь добрый человек...

— Добрый человек! А сам хочет уничтожить торт, чтобы он никому не достался! Такой огромный, такой великолепный торт!

— Ну пожалуйста, прошу тебя, Паоло, отнеси эту бумагу вниз!

— Ни за что!

Профессор Дзета в отчаянии, упрямившись, Паоло, сделал какое-то резкое движение, взяв его за рукав. Он только хотел еще раз убедительно попросить его, но забыл при этом, что есть еще один, и весьма серьезный, свидетель их беседы. Полагая, что Паоло в опасности, Зорро зарычал, вскочил и с лаем бросился на бедного профессора, вцепившись ему в ногу.

— Ай! Ой! Спасите! — закричал профессор.

— На место, Зорро! На место! Вот видите, профессор? Вы не можете даже пальцем тронуть меня, не то что выбросить отсюда! И пока я буду здесь, торт спасен. Ведь не захотите же вы, чтоб и я погиб вместе с вами! Во всяком случае, я на это надеюсь.

— Если у меня не будет выбора, я брошу послание с каким-нибудь грузом, и ты тоже умрешь здесь! Как жертва своего упрямства. Но я не хочу доводить до этого.

— А я не хочу, чтобы торт был уничтожен!

— Скуик скуок караброк брек брек! — закричал ученый на своем языке.

— Если вы будете со мной так разговаривать, я совсем перестану вас понимать,— спокойно заметил Паоло.

— Скуок скек скуик...

Профессор Дзета еще долго продолжал что-то говорить. Он был в таком отчаянии, что Паоло встревожился, не теряет ли он рассудок. Но потом ученый опять заговорил по-итальянски и снова стал терпеливо убеждать Паоло отнести записку.

— Дай мне умереть тут, в этом торте, самой большой ошибке моей жизни!— молил он.

— Тогда это было бы самой большой ошибкой истории,— отвечал Паоло.

Сколько длилась эта упорная борьба? Довольно долго, нам думается. И мы не станем описывать ее ход подробно, тем более что она была чисто словесной. Важно лишь, что в какой-то момент Зорро вдруг забеспокоился, наострил уши, тихо заскулил, наконец не выдержал и с лаем бросился вон из торта.

— Зорро, ты куда?— крикнул ему вслед Паоло. И тоже выглянул из торта. То, что он увидел, заставило его весело, безудержно и счастливо расхохотаться.

— Что так развеселило тебя?— проворчал профессор Дзета.

— Профессор, сколько вам нужно заложников?

— Тысяча... Две тысячи!..

— Ну, так вот они! Сами идут сюда, без всякого ультиматума! Их гораздо больше, чем две тысячи...

— О чем ты говоришь?

— Посмотрите, профессор, посмотрите сами! Идите сюда, скорее! Взгляните! А вы, ребята, быстрее наверх!

Как легко иметь дело с ребятами!

теперь нам нужно возвратиться на некоторое время назад и последовать за машиной «скорой помощи», которая, прокладывая себе дорогу воем sireны, везла в больницу профессора Росси, профессора Теренцио и маленькую Риту. Ученые непрерывно стонали и охали.

— Ой, ой! Как больно! — хныкал первый.

— Ай, ай! Как болит! Позовите скорее нотариуса, и **хочу** составить завещание! — умолял второй.

Санитары пытались успокоить их, утешали, усмиряли, прикладывали к животу пузырь со льдом. А Рита ничего не понимала:

— Да что с ними такое?

— Они попробовали **фальшивого** марсианского шоколада.

— Фальшивого? Да вы что, все с ума посходили! Это же самый **настоящий-пренастоящий** шоколад! И он **вовсе не отравлен**, иначе я бы давно уже умерла. Я съела **целый килограмм** и никогда еще не чувствовала себя так прекрасно!

— Да замолчи ты, разве тебе понять, что тут происходит!

— Не беспокойтесь, **болит у меня живот** или нет — это я **всегда как-нибудь разберу**. **Вовсе не надо** быть профессором, чтобы понять, где у тебя живот и что с ним происходит.

— Да ну же, **замолчи!** Не беспокой этих несчастных. Видишь, как они мучаются.

— Я вижу, как они притворяются!

Санитары не стали больше разговаривать с маленькой болтуньей. Впрочем, машина «скорой помощи» уже подъехала к больнице. Добрая дюжина врачей окружила Риту, и самый главный из них стал спрашивать ее:

— Что ты чувствуешь?

— Ничего.

— Здесь болит?

— Нет.

— А здесь? А в этом месте? А вот тут?

— Нет, нет! Я ничего не чувствую! У меня ничего не болит! И вообще — что я должна чувствовать? Я ведь только поела шоколада! Да еще такого прекрасного!

— Ну ладно, будь умницей, будь послушной девочкой и увидишь, что все это пройдет.

— Да что «ЭТО»? Я же вам говорю — я здорова! И еще скажу, если хотите, что эта штука на Монте Кукко **вовсе не космический корабль**, а торт! Спросите у моего брата, спросите у **синьора Джепетто**.

— Кто такой **синьор Джепетто**?

— Я не знаю, пойдите и спросите у него, он там. Он **внутри торта**, в самой середине. Он его **хоть весь съесть может!** Везет же людям!

Самый главный врач повернулся к другим врачам и печально покачал головой:

— Вы слышали, синьоры? Бедняжка бредит. Ее больной разум причудливым образом соединяет шоколад с приключениями Пиноккио! Очевидно, яд начал действовать на нервные центры. Надеюсь, мы сможем что-нибудь сделать. Для начала, я думаю, надо сделать укол — ввести успокоительное лекарство: оно просто необходимо.

— Абсолютно необходимо! — хором поддержали врачи.

Рита расплакалась навзрыд, стала звать маму и даже отбиваться от докторов. Но как она ни сопротивлялась и ни увертывалась, укол ей все же сделали. Почти сразу же рыдания прекратились, и очень скоро Рита заснула, а медсестра вытерла ей слезы.

Тем временем другие врачи занимались осмотром профессора Росси и профессора Теренцио. Они осмотрели их вдоль и поперек, по очереди вслушиваясь в их кашель, постукивали молоточками по коленям, чтобы проверить рефлексy. Но, по правде говоря, они не смогли обнаружить ничего особенного. Однако и профессор Росси и профессор Теренцио во время осмотра тоже с удивлением заметили, что не могут точно указать место, где у них что-то ужасно болит.

— Здесь... Нет, здесь не болит... Может быть, тут... Нет, не тут... А может, вот здесь... Да нет же, и тут не болит!

Профессор Росси был просто огорчен, что не чувствует никакой боли, а профессор Теренцио был просто сконфужен.

— Не знаю, в чем дело, но я больше не чувствую никакой боли! — признался он.

— Если бы речь шла не о знаменитых ученых, — сказал позже один из врачей, — я решил бы, что они просто притворяются.

— Да, типичный случай самовнушения. Другими словами, здорово перетрусили...

На всякий случай выдающимся больным тоже сделали успокаивающий укол, и они почти тотчас захрапели.

Рита проснулась несколько часов спустя и сразу же закрыла глаза, лишь бы не видеть противных док-

тороп, которые снова собрались около нее, чтобы сделать еще какую-нибудь пакость.

«Странно только, что доктора в пижамах!» — подумала Рита и приоткрыла глаза. Вокруг нее были не доктора, а ребята — мальчики и девочки, дети из соседнего отделения. Они собрались в ее палате, стора от любопытства.

— Кто им такие? Что случилось? — спросила Рита.

— Ничего не случилось, — ответила девочка в красном халатике, видимо, самая старшая из них. — Мы тоже больные. Мы пришли проведать тебя.

— Спасибо, — поблагодарила Рита.

— Знаешь, — продолжала девочка в красном халатике, — мы слышали, о чем ты говорила, когда тебя привели сюда.

— Это правда, что у нас в Трулло приземлился огромный, как гора, торт? — нетерпеливо вмешался маленький белокурый мальчик с рукой на перевязи.

— Правда! Но доктора не хотят верить мне.

— Послушай, а торт вкусный?

— Еще какой! Вот бы и вам его попробовать! Это самый вкусный торт на свете! Да к тому же еще космический! Он только вчера прямо с неба овалился!

— Какая красота! — воскликнул белокурый мальчик.

— Какая жалость! — вздохнула девочка в красном халатике.

— Почему жалость?

— Потому что мы не можем попробовать его.

— Это верно, — сказала Рита со вздохом, а про себя подумала: «Как легко иметь дело с ребятами! Они ведь не считают, что я вру. Сразу понимают, что им не сказки рассказывают! Верят, что торт существует на самом деле!» — Мне тоже очень жаль, — продолжала Рита, — что вы не можете попробовать торта, но, когда я выйду из больницы, я вам принесу сюда большой кусок.

— А когда ты выйдешь? — спросил белокурый мальчик.

— Не знаю, но надеюсь, что скоро.

— А вдруг, когда ты выйдешь, торта уже не будет? — спросила девочка в красном халатике.

Рита не нашла, что ответить на этот коварный вопрос. На мгновение она представила себе, как пе-

чально будет вернуться в Трулло и узнать от Паоло, что торта больше нет, что его уничтожили солдаты или унесло сильным ветром.

Ребята с тревогой смотрели на нее, ожидая ответа, и в их глазах Рита прочла тот же грустный вопрос. Тогда она не выдержала. Вскочила с кровати и обвела взглядом палату, ища свою одежду. Как бы разгадав ее мысли, девочка в красном халатике сказала:

— Нашу одежду держат в шкафу, в другом месте.

— Неважно,— ответила Рита.— Я пойду так!

— А дорогу знаешь?

— Нет,— ответила она.— Спрошу.

— Ну и тебя сразу же отправят обратно в больницу. А я знаю, как добраться до Трулло, надо пройти полем.

Это говорила все та же девочка в красном халатике. Видно было, что она уже все обдумала.

— Послушайте,— сказала она,— я знаю, как выйти из больницы со стороны сада. Притворимся, будто мы играем в прятки.

— Все пойдем?— удивилась Рита.

— Ну конечно! Все пойдем!— закричал белокурый мальчик, прыгая от радости.

— Ведь ты же сама сказала, что торт гигантский?

— Его хватит на всех ребят в Риме!— почти обиженно подтвердила Рита.

— Ну так и надо сообщить об этом всем!— воскликнул белокурый мальчик.

— В коридоре есть телефон,— сказала девочка в красном халатике,— и у меня есть монетка. Я позвоню своему брату и скажу ему, чтобы он позвонил своим товарищам и моим друзьям. А те пусть звонят дальше, пусть предупредят всех ребят, где только можно, пусть кричат на улицах, в школах, во дворах. Но ты уверена, что торта действительно хватит на всех?

— Клянусь тебе!— сказала Рита, положив руку на сердце.

— А что, если дать объявление по радио?— предложил вдруг белокурый мальчик. Все рассмеялись и даже не стали отвечать ему.

Девочка в красном халатике побежала к телефону:

— Алло, говорит Лукреция! Это ты, Сандрино? Послушай, что я тебе скажу. Только прежде возьми листок бумаги и карандаш. Будешь записывать, пото-

му что я скажу тебе очень важные вещи. Ты слышишь?—Трубка не отвечала.

— Что с ним?—удивилась Рита.—Почему он молчит?

— Обычная история — карандаш сломан. Алло! Сандрино! Что? Ну вот, теперь он не может найти точилку. Возьми мою, она у меня в портфеле.

— Быстрее, быстрее, ради бога! — умоляли нетерпеливые ребята. — А то придет медсестра, и нас прогонят отсюда!

Наконец Лукреции удалось продиктовать Сандрино все, что нужно. Она диктовала ему гладко, как школьная учительница, без остановок, не ошибаясь, не запинаясь, словно уже давно обдумала весь план. Ну и умница эта Лукреция!

Волшебный телефон

Я знаю, читали ли вы историю про дудочника Гаммелина, который своей чудесной игрой избавил город от мышей. Гаммелину не захотели заплатить за работу. Тогда он начал играть на своей волшебной дудочке, и все ребята, что жили в городе, пошли следом за ним, даже те, которые были еще слишком малы, чтобы ходить, — они поползли за ним на четвереньках.

Примерно то же самое произошло в тот день в Риме. Телефонный звонок Лукреции оказался таким же волшебным, как и дудочка Гаммелина. Даже, пожалуй, еще волшебнее.

В самом деле, предположим, что знаменитый дудочник стал бы играть на своей дудочке посреди площади святого Петра в Риме. Кто бы его услышал? Несколько ребятишек, которые шалят у фонтана и обелиска. А может, и они бы не услышали — так шумят здесь автомобили. У дудочки мало шансов на успех в современном городе.

К тому же дудочник, чтобы его услышали все ребята в Риме, должен был бы ходить по всему городу. Но это же адский труд! Если бы даже он ходил по городу два дня подряд и очень быстро, все равно не смог бы сыграть свою песенку во всех районах города,

во всех предместьях и ближайших селах, не успел бы добраться до холмов, которые тянутся почти до самого моря. У ребят лопнуло бы терпение, и они отправили бы его обратно в страну сказок, где нет телефонов.

Телефон — вот волшебная дудочка, необходимая современному городу.

Не прошло и получаса, как телефонные звонки разносили чудесное известие о гигантском торте во все концы Рима — от Трастевере до Торчиньяттара, от Тестаччо до Сан-Джованни, от Париоли до Куадраро.

— В Трулло приземлился космический торт, огромный, как гора!

И те, кто узнавал об этом, спешили набрать номер приятеля и немедленно сообщали ему новость, потом высовывались в окно и кричали товарищам, игравшим во дворе, а затем выбегали на улицу и спешили вместе со всеми в Трулло — кто на трамвае, кто в автобусе, кто на велосипеде, а кто и просто пешком. Можно было подумать в ту минуту, что в Риме живут только одни ребята. Они выходили из всех подъездов и без возражений отдавали мячи полицейскому-регулирущику, даже не пытаясь удрать от него. Некоторые захватили с собой в узелочке завтрак, а кто-то шел со школьной сумкой. В одной школе учителя вдруг обнаружили, что им некого учить: школьники все как один встали и направились к дверям. Но все это по вине (или, быть может, благодаря?) одного мальчика из третьего класса, который, выглянув в окно, узнал новость от сына хозяина бара, что напротив школы. Конечно, он поспешил сообщить ее всем встречным ребятам.

— Куда вы? Вернитесь на свои места! Хотите, чтобы вас всех наказали?

Но сколько учителя ни кричали, они так ничего и не могли сделать: школы опустели в одно мгновение, словно вдруг окончился учебный год. Сочинения так и остались недописанными, задачи нерешенными, ответы по истории и географии недосказанными.

— В Трулло! В Трулло! — только и слышалось со всех сторон.

Прохожие с любопытством оглядывались на ребятшек, несущихся по улицам. Полицейские с явным смущением почесывали себе затылки. Матери выглядывали из каждого окна, из сотен, тысяч окон и звали своих детей, выкрикивая тысячи разных имен:

— Тонино! Пьетро! Мария! Джильда! Оретта! Дарио! Альбертина!

Но где там! Они могли бы подряд перечислить все имена, какие только существуют на свете, и никто из ребят даже не обернулся бы на зов.

Ребята использовали все мыслимые средства передвижения, только бы поскорее добраться в Трулло. На пяти санях, например, умудрилось устроиться пятеро ребят. Один ехал на трехколесных велосипедах, другие рвались вперед на педальных автомобилях, а третьи бесшумно скользили на роликовых коньках.

— В Трулло! В Трулло!— слышалось всюду.

Многие девочки бежали, прыгая через скакалку, потому что им казалось, будто так бежать быстрее, а еще и потому, что без своей скакалки они не пошли бы ни в Трулло, ни в какое другое место на свете.

— Что случилось? Началась революция?— спросил один мальчишка, выходя на порог своего магазинчика. — Может быть, стоит на всякий случай закрыть лавку?

Семеро мальчиков из Кампо ден Фьори одолжили у стареньщика ручную тележку, чтобы путешествовать с большим удобством: двое по очереди везли тележку, пока пятеро сидели в ней и кричали всем, кто хотел их слушать:

— В Трулло! В Трулло!

Пашлись даже такие смельчаки, что спустились по Тибру в лодках, от моста Мильвио до Мальяны, проплыв почти через весь Рим, и оттуда по лугам побежали к Монте Кукко, на вершине которого находился торт. Освещенный заходящим солнцем, он был похож на земляничный пудинг.

Волшебный телефонный звонок, как вы догадались уже, дошел и до Трулло. И конечно, первыми, кто бросился бежать к тарту, были местные ребята.

Напрасно полицейские, пожарные, пехотинцы и кавалеристы, солдаты и офицеры пытались удержать их.

— Мы хотим торта!— кричали ребята.

Как раз в это время Рита и Лукреция вывели из больницы своих товарищей. Тем, кто не мог ходить и оставался в палатах, они пообещали принести по хорошему куску торта.

Понятное дело, не обошлось и без слез.

— Хочу с вами!— умолял мальчик с ногой в гипсе.

— А я побегу туда и на одной ноге!— закричал другой.

— Молодец!— сказала ему Лукреция.— Так ты сломаешь и вторую ногу. Не беспокойся, мы не забудем о тебе.

И Лукреция пустилась бежать в своем красном халатике, в котором была похожа на большую бабочку. Рядом с нею бежал белокурый мальчик с рукой на перевязи и кричал изо всех сил:

— Как здорово, что у меня сломана рука, а не нога! Вот так удача!

Какой-то зеленщик, увидев эту группу ребят в пижамах, халатиках, а то и просто в ночных рубашках, воскликнул:

— Эй, вы! Карнавал давно уже прошел!.. А ты куда? Вернись сейчас же!

Последние слова его были обращены к собственному сыну, который, узнав, в чем дело, тут же бросил лопату и помчался вслед за ребятами из больницы.

— Боже милостивый!— воскликнул профессор Дзета, выглянув вместе с Паоло из торта.

Тысяча, две тысячи, три тысячи ребят, сметая на своем пути заграждения, устремились к холму. Со всех сторон неслись радостные крики:

— Вперед!

— На приступ!

— Даешь торт!

— Я погиб!— прошептал профессор Дзета, приклоняясь к стене из слоеного теста.— Я не смогу уничтожить торт!

— Спорим, что он будет уничтожен!— воскликнул Паоло.

— Что ты хочешь сказать?

— Профессор, откройте глаза! Неужели вы не догадываетесь, что могут сделать с тортом ребята?! Ведь они же бегут сюда не для того, чтобы измерить его окружность или вычислить площадь основания. Не пройдет и часа, как от торта не останется ни крошки, даже если вы будете предлагать за нее миллиард!

Лицо профессора засияло, словно внутри у него зажглась лампочка.

— Ну конечно же! Они съедят его! От него не останется ни крошки! Ура! Вперед, вперед, ребята! Скорее сюда, здесь на всех хватит! Приятного аппети-

та всей компании! Как же я был глуп и сразу не догадался!

— Ничего, — утешил Паоло, — бывает, и ученые иногда делают глупости.

Первые ряды наступающих были уже в нескольких шагах от торта и, конечно, не нуждались в любезных приглашениях: и на глазах светилась твердая решимость немедленно уничтожить врага, не оставив от него ни единой крошки. Минуту спустя атака началась сразу со всех сторон. Плотная шеренга ребят рванулась прямо в галерею, вырытую Паоло и Ритой, и вступила в смертный бой с этим чудом кулинарного искусства. Другие, те, что помудрее, принялись уплетать наружную часть торта.

Репродуктор Диомеда гремел:

— Дети, внимание, внимание! Не принимайте угощение от марсиан! Они поднесут вам отраву и обманут вас! Не ешьте сладостей!

Но все было напрасно. Кто стал слушать его?!

— Оставьте немного и нам! — кричали вновь прибывшие, карабкаясь на холм.

Очень скоро торт оказался продырявленным, словно сыр. Галереи и переходы скрещивались на каждом шагу. Профессор Дзета ходил по тарту сияющий, помогая более слабым детишкам отдирать шоколад от пола и ломать стены из миндального печенья. Он указывал желающим, где находится самое лучшее мороженос, поднимал на руки малышей, которым не дотянуться было до потолка из взбитых сливок.

— Вы марсианин? — спрашивали его ребята.

— Да, конечно! Я марсианин. Ешьте и пейте, вы гости Марса!

— Да здравствует Марс! — кричали ребята, отправляя в рот один кусок торта за другим.

Пусть всегда будет торт!

Дедал! Вызываю Диомеда! Я — Дедал! Вызываю Диомеда! Перехожу на прием.

— Я — Диомед! Слушаю вас. Перехожу на прием.

— Синьор генерал, происходят совершенно непонятные вещи, как на том свете! Перехожу на прием.

— А что вы знаете о том свете?! Вы что — там были? Может быть, путешествовали с Данте, когда он спускался в ад? Докладывайте о том, что видите. Перехожу на прием.

— Синьор генерал, я не верю своим глазам!

— Сделайте усилие!

— Одним словом, синьор генерал, ребята кусок за куском поедают неопознанный объект! Я даже не слышу больше их криков: у них рты набиты до отказа.

— Вы хотите сказать, что космический враг раздает ребятам сладости?

— Синьор генерал, врага нигде нет! Видны только одни ребята, а космический предмет становится все меньше и меньше: они его попросту уничтожают!

— Действительно, дела, как на том свете!

— Вот видите, вы тоже так считаете, синьор генерал!

Вышеописанный разговор происходил примерно около шести часов вечера того памятного дня. Разговор шел между пилотом, облетающим на вертолете торт на Монте Кукко, и командованием операции «КП» («Космический пришелец»), находившимся, как вы уже знаете, в кабинете директора школы. Будучи не в силах остановить тысячи ребят, идущих на приступ, Диомед приказал вертолету подняться в воздух и хотя бы наблюдать за тем, что происходит!

Генералы, полковники, начальники пожарных команд и полицейские, слушая доклад пилота, старались не смотреть друг на друга — легко ли признаться, что не знаешь, как поступить в таком положении.

Тут в комнату ворвался запыхавшийся полицейский Мелетти по прозвищу Хитроумный Одиссей. Он что-то невнятно залепетал.

— Да что вы там бубните? — загремел генерал, который ничего уже не понимал.

Синьор Мелетти положил руку на сердце, чтобы сдержать его удары, и наконец смог произнести всего два слова.

— Моя жена... — сказал он, обмахиваясь беретом.

— Ну? Сожгла вам жаркое? Не пришила пуговицу на рубашке? Какое мне дело до вашей жены, сейчас, в такую минуту!

— Подождите секунду, я переведу дыхание... Моя жена сошла с ума!

Так позвоните в сумасшедший дом и оставьте нас в покое!

— Сеньор генерал, я говорю вам: она сошла с ума! Совсем сошла с ума! Она бегаёт по дворам, собирает тысячи женщин... Они хотят идти на холм и забрать своих детей... И ещё...

— Ах, и это ещё не все?!

— Сейчас я скажу самое страшное, сеньор генерал! Я слышал, как она звонила своей сестре в Трастевере и своей кузине, которая живет в Монте Марио, и своей тётке, что проживает...

— Послушайте, Мелетти, не хотите ли вы перечислить нам весь телефонный справочник! Ближе к делу!

— Одним словом, она почти по всему Риму распространяла, что ребята бегут на холм Монте Кукко! Об этом знает теперь весь город! И оговсюду бегут к холму жёны! Они движутся целыми батальонами, сеньор генерал! Полками и даже дивизиями!

— Где же вы были раньше? Почему не сообщили об этом немедленно?

— Сеньор генерал, все было сделано в одну минуту! Моя жена, когда берется за что-нибудь, то остановить её не может ничто на свете...

И — Дедал! Вызываю Диомеда! Перехожу на прием.

И — Диомед! Что еще случилось? Перехожу на прием.

Женщины, сеньор генерал! Они прорвали ограждения! Берут приступом холм со всех сторон! Они появились внезапно, словно сорвались с цепи, и похожи на разъяренных фурий. Они несутся вверх по холму, как горные стрелки, и зовут своих детей. Перехожу на прием.

Этого следовало ожидать, — заметил кто-то из находившихся в комнате. — Враг связал нас по рукам и ногам, и мы теперь ничего не можем поделать. Он знал, что делал, вербуя детей. Теперь сорвались с цепи матери. Действуя так, он без единого выстрела поставил нас на колени. Нам надо было разбомбить неуязвимый предмет тотчас же, как только он появился, — вот что нам надо было делать!

Ладно, пойдемте посмотрим, — сухо сказал генерал.

Все направились к выходу, словно только и ждали сигнала.

— А вы оставайтесь! — приказал генерал полицейскому Мелетти. — Вы арестованы! Иначе вы никогда не поймете, что нельзя жениться на женщине, которую не может остановить ничто на свете.

— Как же так? Остаться именно мне? Разве не я принес вам сообщение о тревоге! И потом у меня там тоже двое детей... Имею же я право...

— Вы арестованы, и точка. И возблагодарите небо, что по крайней мере ваша дочь спасена, потому что находится в больнице.

Но Рита в этот момент была не в больнице, а на седьмом небе! С блаженным видом она уплетала кусок нуги. Лукреция, белокурый мальчик с рукой на перевязи и все остальные ее друзья из больницы смотрели на нее сияющими глазами. Говорить им было некогда. Но взгляды были достаточно красноречивы. Они держались все вместе в этой невообразимой суматохе и спокойно поедали стены торта. И если кто-то обнаруживал какой-нибудь новый сорт мороженого, тотчас подзывал других. Увидев склад засахаренных фруктов, тотчас же жестом показывал товарищам, ни на секунду не переставая лакомиться.

Когда же нагрянули на холм матери, сумятица началась неопишуемая. Возбужденные, красные от волнения, кричащие, они вели себя так, словно должны были спасти детей от пожара или землетрясения.

— Карлетто! Роберто! Пинучча! Анджела! Андреа!

Гвалт, шум, крики, а затем сразу же — шлеп! шлеп! Это раздались первые пощечины и подзатыльники, которыми матери награждали своих найденных отпрысков, с ног до головы измазанных в креме.

Синьора Чечилия, искавшая Паоло, вдруг наткнулась на Риту, схватила ее в объятия и закричала:

— Девочка моя! Радость моя! Так ты не в больнице?!

— Я была там, видишь, — ответила Рита, показывая на детей в ночных рубашках, вымазанных в шоколаде и малиновом сиропе.

— Здравствуйте, синьора, — вежливо сказала Лукреция. — Хотите попробовать торта?

— Поешь, мама, — поддержала Рита. — Клянусь

тебе, что он не отравлен! Разве я когда-нибудь говорила тебе неправду?!

Синьора Чечилия, немного поколебавшись, понюхала кусок торта, который ей предложили. Она была хорошей хозяйкой и в кондитерских изделиях знала толк. Не похвалить аромат было невозможно! Одобрив запах и внешний вид угощения, она нашла отличным и его вкус.

— Это же просто чудо! Кто его сделал?

И синьора Чечилия с аппетитом принялась уплетать торт. То же самое делали теперь тысячи других мам. Они ели торт под аплодисменты ребятишек, которые давно уже, как всегда, забыли про шлепки и подзатыльники.

— А Паоло? Где наш Паоло? — спросила вдруг синьора Чечилия.

— Вот и Паоло. Он, наверное, был единственным гостем на этом пиршестве, кто ничего не ел. Он давно уже навелся и теперь, счастливый, ходил по тарту, помогая профессору Дзета.

— Мама!

— Паоло, радость моя!

— Познакомься, это профессор, который сделал торт!

— Приятного аппетита, синьора!

— Прекрасный торт, профессор, просто чудесный! Великолепный! Поздравляю вас!

Профессор Дзета и сам уже стал думать, что торт, пожалуй, вышел отличным. Тысячи и тысячи счастливых ребятишек и мам, радостно уплетавших «небесный» торт, освещенный заходящими лучами солнца, — что было прекрасное зрелище. От волнения у профессора слезы наворачивались на глаза. Никакой самый успешный научный опыт не приносил ему раньше столько радости, сколько доставил этот неудачный эксперимент с атомным грибом. Должно быть, и в самом деле верно, что иногда учатся и на ошибках.

Медленно опускался вечер. Уже одна за другой направлялись к городу группы ребят. Почти все несли с собой большие куски торта: женщины подумали о мужьях, ребята — о бабушках и дедушках, о своих кошках и собаках, даже о канарейках. Торт окончательно потерял уже свою первоначальную форму. Там и тут оставались отдельные куски — островки шоколада, горки марципана, озерки ликера...

— Берите, берите все! — советовал профессор Дзета. — Несите с собой, не огорчайте меня, прошу вас!

Тут только и поднялись на холм солдаты, пожарные и полицейские. Женщины, уходя домой, угостили их тортом, и теперь они сами торопились сюда — отведать его вдоволь.

— Вперед, братцы! — кричал профессор Дзета. — Вперед торт! Его еще осталось несколько центнеров. Вперед, синьор генерал! Прошу вас, присаживайтесь. Я вам все потом объясню, а пока вспомните о вашей жене и ребятишках!

Но совет был излишним: жена генерала и генеральские дети уже давно были тут же, на самом боевом месте. Представляете, какой радостной была встреча с отцом и мужем!

Словом, торта хватило всем, кроме профессора Росси и профессора Теренцио, которые находились в больнице и лечились там от испуга.

Изрядный кусок достался и синьору Мелетти, когда синьора Чечилия, Рита и Паоло пришли за ним в школу, чтобы освободить из-под ареста.

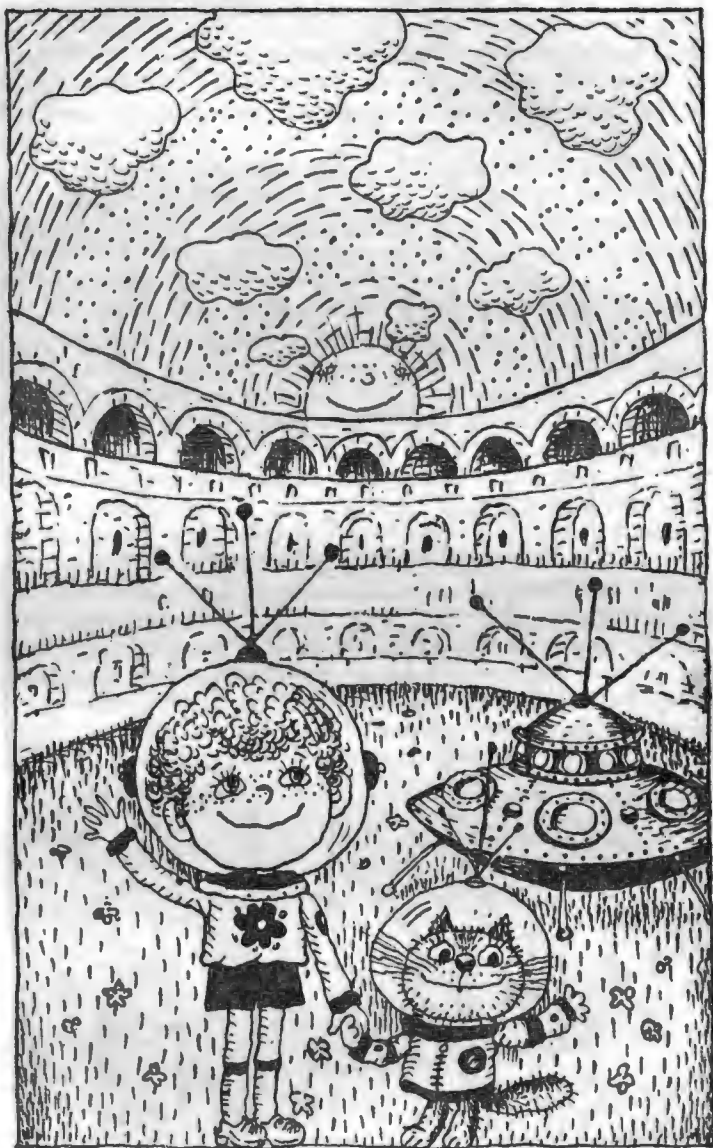
Немного торта перепало и мне — потому что я пришел последним и потому еще, что мне нужно было всех расспросить, чтобы потом рассказать вам по порядку обо всем, что произошло в тот день в Трулло.

И торта еще много осталось на холме Монте Кукко. Торта хватит на всех, если в один прекрасный день люди сговорятся и станут вместо атомных бомб делать прекрасные торты!

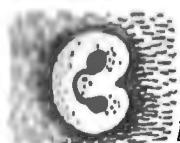

www.fantafish.ru
401, 40111

Вот так раз!

Милане, на улице Сеттембрини, 175, в квартире номер 14, жил мальчик Джампьеро Бинда. Было ему восемь лет, и родители звали его просто Джип. И вот 17 января по нашему стилю в 18 часов 30 минут Джип ВКЛЮЧИЛ телевизор. Как всегда, он сбросил ботинки и удобно устроился в большом кресле, обитом зеленой искусственной кожей, чтобы посмотреть телефильм из серии «Приключения Белого Пера».

Справа от Джипа в другом кресле сидел его младший брат, пятилетний Филиппо Бинда, или попросту Флип. Он тоже сбросил ботинки, чтобы устроиться поудобнее, и они так и остались валяться посреди комнаты.

Братьев отличала не только разница в возрасте, но и футбольные симпатии: Джип болел за национальную сборную, а Флип — за миланскую команду, но что не имеет к нашему рассказу никакого отношения. А рассказ начался ровно в 18 часов 30 минут, когда Джип вдруг почувствовал, что какая-то неведомая сила выхватила его из мягких объятий кресла. Мгновение он повисел в воздухе, словно стартующая в космос ракета, затем пронесся через всю комнату и пулей влетел прямо в телевизор.

И тотчас же ему пришлось спрятаться за скалу, чтобы спастись от индейских стрел, которые со свистом

неслись со всех сторон. Заняв эту необычную позицию, Джип с удивлением посмотрел в комнату, на пустое кресло, на свои ботинки и на Флипа, сидевшего перед телевизором.

— Вот так раз!— удивился Флип.— Как это тебе удалось? Даже стекло не разбил!

— Сам не знаю!

— Но ты ведь сидишь прямо в телевизоре! Внутри! Так же, как Белое Перо! Как ты туда попал?

— Не знаю, Флип...

— Прямо чудеса... Но ты все же подвинься немного, а то мне не видно.

— Не могу! Тут столько стрел...

— Да ты просто трус! Мне же из-за тебя ничего не видно!

«Хорошие» индейцы между тем не обращали никакого внимания на Джипа и отбивали нападение «плохих». Племя под предводительством Белого Пера одерживало победу над своими врагами точно так же, как это происходило каждую пятницу. События чередовались с молниеносной быстротой, и вскоре наш Джип оказался под копытами какой-то лошади.

— Ой!— испугался Флип.

Но никакой опасности не было, потому что лошади были дрессированные.

— Раз уж ты там,— успокоившись, сказал Флип,— спроси у Белого Пера, почему уже две недели не видно Гремящего Облака.

— Но он не поймет меня, он же не говорит по-итальянски!

— А ты скажи ему сначала «у-у!».

— У-у!— сказал Джип. Но Белому Перу было не до него. Как раз в этот момент он отвязывал от столба девушку с длинными черными косами.

— У-у! У-у!— снова нерешительно протянул Джип.

— Да ты погромче!— подбадривал Флип.— Бо-и-нись, что ли? Ну, понятно, ты болеешь за национальную сборную...

— А ты, «миланист», помалкивай, пока не попало!

— Ах вот как! Тогда я возьму и выключу телевизор! И тебе конец!

Сказав это, Флип соскочил на пол и кинулся к телевизору, собираясь выключить его.

— Сто-о-ой!— заорал Джип.

— Нет, выключу!

— Мама! Мама, помоги!

— Что случилось? — откликнулась из кухни синьора Бинда; она глядела там белее.

— Флип хочет выключить телевизор!

— Флип, не будь злым мальчиком! — довольно синьорин сказала мама.

— А зачем он забрался в телевизор!

— Джим, перестань шалить! — сказала мама, продолжая глядеть белее. — И не трогай телевизор, а то сделаешь еще.

— Какое там трогать! — ехидно уточнил Флип. — Он же просто влез в него! Весь целиком! Одни ботинки здесь остались...

— Сколько раз я вам говорила, что нельзя ходить босиком, — ответила синьора Бинда.

— А Флип тоже босиком! — тотчас же вставил Джим.

Тут синьора Бинда решила, что пришла пора вмешаться. Вздыхнув, она оставила уют и вошла в комнату.

— Джим!

— Мама!

— Что это тебе взбрело в голову, сын мой?

— Я тут ни при чем, честное слово! — захныкал Джим. — Я сидел себе тихонько в кресле... Смотри... — И он показал на кресло, как бы призывая его в свидетели.

— Что-то скажет папа?! — вздохнула синьора Бинда и медленно опустилась в кресло.

В этот момент в комнату вошла тетушка Эмма. Она была у соседей — играла там в лото.

— Что тут происходит? Что я вижу! — воскликнула она, укоризненно взглянув на синьору Бинду, которая приходилась ей младшей сестрой. — Как ты позволяешь детям такие опасные игры?!

Тетушке Эмме объяснили, что произошло, но она не поверила ни одному слову.

— Нет, нет! Можете сколько угодно толковать мне о всяких там «таинственных» силах, но я-то понимаю, что этот ребенок просто решил спрятаться в телевизоре, чтобы ему не досталось от отца. Разве не сегодня вечером он должен был показать ему табель с двойкой по арифметике? А теперь вот попробуйте его поймать

и насыпать ему соли на хвост! Но это ему так не пройдет! Я сейчас же позвоню мастеру!..

Выслушав красноречивые призывы тетушки Эммы, мастер поклялся, что придет через десять минут.

В телевизоре между тем краснокожие любезно уступили экран миловидной синьорине, которая стала показывать, как приготовить салат без оливкового масла.

— Сто раз показывала!— рассердился Флип и решил заняться рисованием. Он разложил на столе лист бумаги, краски, поставил блюдечко с водой и взял кисточки — свои и Джипа.

— Мама, он взял мои кисточки!— немедленно пожаловался Джип, выглядывая из салатницы, где оказался в этот момент.

— Флип, оставь кисти Джипа!

Флип пропустил эти слова мимо ушей и преспокойно стал растирать великолепную голубую краску кисточкой Джипа.

Джип кричал с экрана, возмущался, негодовал, но не в силах был дотянуться до младшего брата, чтобы наградить его подзатыльником. Бессилие лишь удваивало его гнев.

Кричал Джип. Кричал Флип. Кричали тетушка Эмма и мама, пытаясь водворить мир и тишину.

В самый разгар этого концерта в комнату вошел бухгалтер Джордано Бинда, вернувшийся из банка, где он работал. Пришел отец, глава семьи, если можно так выразиться...

— Неплохая встреча!— заметил он.

— О, не волнуйся!— поспешила успокоить его синьора Бинда.— Сейчас придет мастер.

— Ну, если и он тоже станет кричать, тогда уже наверняка примчатся пожарные. А зачем он придет, если не секрет? Снова испортилась стиральная машина?

— Нет, он придет из-за Джипа.

— Из-за Джипа? Держу пари, что он снова испортил мою электрическую бритву, как на прошлой неделе! Кстати, а где он?

— Я здесь, папа,— вздохнул Джип тихо-тихо.

Бухгалтер Бинда обернулся к телевизору, откуда доносился голос сына, и замер от изумления, словно статуя, изображающая бухгалтера.

— Теперь уж ничего не поделаешь!— заговорила тетушка Эмма.— Теперь остается только простить его!

В следующей четверти у нашего Джипа табель будет лучше и по арифметике будет лучшая отметка во всем Милано!

— Табель?.. Арифметика?..— пробормотал бухгалтер Бинда, ничего не понимая.

— Сейчас я дам тебе табель, ты подпишешь его, а Джип, умница, выйдет из телевизора, и мы сядем обе-
дать.

Тотушка Эмма решительно направилась к ящику стола, где лежал табель, который должен был подписать отец.

— Постой, постой!— воскликнул синьор Бинда.— Дело тут, наверное, не в плохих отметках. Речь идет, должно быть, о страшной болезни! Как раз вчера какой-то Родари писал в газете о таком заболевании. Это случилось с одним адвокатом, с одним очень известным адвокатом, которого знает весь город. Он так любил смотреть передачи, что совершенно забросил все на свете — семью, дела, здоровье. Для него в жизни существовало только одно — телевизор. Он сидел перед ним целыми днями и смотрел все передачи подряд: комедии, кинофильмы, конференции, хронику, рекламу, занятия школы неграмотных и передачу про чтрусские вазы — словом, все что угодно, совсем как Джип и Флип. Телевизор был включен у него даже ночью, когда передач не было, и он все ждал, не появится ли вдруг на экране хотя бы диктор. Словом, это была болезнь.

— Ну и что же?

— Кончилось тем, что он точно так же попал в телевизор и просидел там целых три дня. Представляете, каково ему было принимать клиентов, в одной рубашке, без пиджака и даже без галстука — в брюках с подтяжками!

— И как же он оттуда выбрался?

Уважаемый бухгалтер Джордано Бинда открыл было рот, чтобы ответить, но тут ему, видимо, пришла в голову какая-то мысль. Он бросился в переднюю, ныскачил на площадку и принялся стучать в дверь квартиры напротив, где жил адвокат Проспери (это был, разумеется, другой адвокат, не тот, что был болен телевизором: в Италии ведь адвокатов целые полчища).

— Добрый вечер! Чем могу служить, синьор Бинда? Проходите, пожалуйста!

— Послушайте, одолжите мне на десять минут ваш телевизор!

— Как раз сейчас? Сию минуту? Но сейчас начнутся «Новости», и я не хотел бы пропустить их. Сделаем проще — приходите сюда и давайте вместе смотреть передачу, раз у вас телевизор испортился.

Бухгалтер Бинда объяснил ему в двух словах, в чем дело, и добавил:

— В газете писали, как вылечить от этой болезни! Нужно поставить второй телевизор напротив того, в котором сидит больной. Его внимание сразу же привлечет экран напротив, и он выскочит из одного телевизора, чтобы попасть в другой. Тут-то и надо уловить момент и, пока он летит, выключить сразу оба телевизора. И тогда игра окончена. Притягательная сила телевизора исчезнет, и больной возвратится на землю. Конечно, нужно заранее расстелить на полу ковер, чтобы он не ушибся. Адвокат, о котором писали в газете, был спасен именно таким образом, но, упав на пол, он набил три шишки на голове. Их, правда, можно вылечить без особых осложнений недели за три.

Адвокат Проспери терпеливо выслушал рассказ соседа и захотел сам взглянуть на Джипа, который, увидев его, смущенно приветствовал его с экрана телевизора. Адвокат Проспери сказал, что охотно поможет вызволить Джипа, но только после «Новостей».

— Понимаете, это единственная передача, которая меня интересует сегодня вечером! — объяснил он.

К сожалению, после «Новостей» телевизор тоже не удалось выключить, — взбунтовались дети адвоката Проспери: они во что бы то ни стало хотели смотреть рекламную «Карусель». И никакими силами нельзя было уговорить их отказаться от этого зрелища.

Бедному Джипу в его новом положении пришлось испытать на себе и эту передачу. Сначала ему удалось спастись от зубной пасты, которая выдавливалась на него из огромного тюбика, но, правда, лишь для того, чтобы оказаться в мыльной пене. Затем его окутало густое облако талька, засыпав нос. Он расквашался, и на глазах выступили слезы. Потом какой-то необыкновенный лак оставил несмываемые следы на его свитере, при этом тетушка Эмма пришла в ужас, а Флип коварно захихикал. Наконец, новая модель шариковой ручки нарисовала ему под носом пышные усы. А ког-

ла Джип захотел улучшить момент и поймать рекламируемый плавленый сырок, поскольку аппетит уже давал о себе знать, то не успел он и глазом моргнуть, как во рту у него вместо сыра оказалась какая-то противная мазь от ревматизма.

Когда рекламная «Карусель» окончилась, адвокат Проспери, как обещал, перенес свой телевизор в квартиру соседа, но продолжал при этом ворчать:

— Как раз сейчас начнется матч по боксу. Передача Евровидение! Неужели непонятно, что это единственная передача, которая действительно может заинтересовать меня сегодня?..

Телевизор поставили напротив того, в котором сидел Джип, вытиравший платком следы своего неудачного сражения с рекламой. Тетушка Эмма расстелила на полу между телевизорами несколько ковриков, чтобы Джип не слишком ушибся, когда будет падать. И опыт начался.

— Внимание! — сказал бухгалтер Бинда. — Как только я дам сигнал, выключите оба телевизора! Помните — оба сразу! — Потом он повернулся к своему «телевизионному» сыну и добавил: — Джип, смотри теперь внимательно на телевизор синьора Проспери!

Джип послушался. И почти в то же мгновение он снова почувствовал, как им завладела какая-то неведомая сила. Спустя мгновение он завибрировал, словно ракета перед стартом, затем пулей вылетел из чокрана и со сверхзвуковой скоростью пересек комнату.

К сожалению, пораженный этим зрелищем, бухгалтер Бинда забыл дать сигнал. Джип влетел в телевизор адвоката Проспери и... исчез!

— Джип! Джип! Где ты? Ты слышишь нас? Джип!

На экранах обоих телевизоров боксеры — английский и итальянский — продолжали наносить друг другу удар за ударом, а Джип словно в воду канул.

— Давайте посмотрим по другой программе!

Но Джипа не было и там, ни на одном, ни на другом телевизоре.

— Что же теперь делать?

В этот момент в квартиру позвонили. Пришел улыбающийся, словно майская роза, мастер.

— Вызывали? Что случилось?

Впрочем, всем известно, что мастера никогда не приходят вовремя.

Случай людоедства

Профессор Лундквист, директор клиники «Лундквист» в Стокгольме, осматривал больного с помощью нового, недавно изобретенного аппарата. Больного звали Скогланд. Это был лесоторговец. Он подозревал, что у него язва желудка. Новый аппарат состоял в основном из тонкой трубочки, которую надо было вводить в пищевод больного. Но это еще, можно считать, не самое страшное, потому что вообще врачи имеют обыкновение запускать в желудок больного все что угодно, не говоря уже о касторке. Надо вам сказать также, что на конце трубки была крохотная телевизионная камера величиной чуть побольше булавочной головки. По трубке от камеры шли провода к телевизору.

— Готово? — спросил профессор Лундквист своего ассистента и двух медсестер.

— Да, — коротко ответили все трое, по-шведски, разумеется.

Лесоторговец Скогланд тоже сказал «да», но он преспокойно мог бы и помолчать, потому что мнение больного, лежащего на операционном столе, равным счетом ничего не значит.

— Итак, начнем! — сказал профессор. Он велел лесоторговцу проглотить трубку с крохотной телевизионной камерой, нажал на какие-то кнопки, сдержал непроизвольное чихание, не входящее в программу, и вот уже на экране телевизора появилось увеличенное изображение желудка господина Скогланда.

— Ох! — воскликнули сестры (по-шведски, разумеется. Впрочем, они могли бы сказать «Ох!» и по-итальянски или по-японски, — ведь «Ох!» почти на всех языках звучит одинаково!).

— А вы, господин Скогланд, лежите спокойно! — сказал профессор. — Подумайте пока о цене на березу и тополь. Вспомните, что предстоит платить налоги... Исследование вашего желудка с помощью телевизионной камеры продлится не более десяти минут. Сейчас мы находимся в вашей, я бы сказал, пищеварительной лаборатории. Альма, прибавьте яркость. Освещения

и желудке господина Скогланда оставляет желать лучшего. Вот так хорошо. Ну-с, посмотрим.

Четыре пары глаз, устремленные на экран, вдруг одновременно взмахнули ресницами.

— О господи! — воскликнул помощник профессора, медсестры тихонько ахнули, а сам профессор гневно закричал:

— Но это же людоедство!

На экране телевизора совершенно отчетливо было видно, что в самой середине желудка лесоторговца Скогланда сидит Джампьеро Бинда, или попросту Джипа, и от нечего делать ковыряет в носу. Заметив, что за ним наблюдают, он привстал и, как полагается всякому воспитанному мальчику, поклонился.

— Господин Скогланд! — продолжал профессор. — Вы скрыли от меня истинную причину вашей болезни! Вы и в самом деле думаете, что можно спокойно есть ребенка и это останется без последствий?! Вот вам прямо доказательство вашего преступления! Стыдитесь! Никакой язвы желудка у вас нет и в помине! Вы просто самый обыкновенный людоед!

Лесоторговец Скогланд с телевизионной камерой в желудке был, конечно, не в состоянии что-либо ответить. К тому же он не видел экрана и не понимал этого грозного обвинения.

— Людоедство! — продолжал возмущаться профессор. — В середине двадцатого века! В то время как колониальные народы завоевывают независимость и свободу, некоторые лесоторговцы занимаются людоедством!..

— Профессор, — робко проговорила одна медсестра, — мальчик, кажется... Смотрите! Он делает нам какие-то знаки! Может быть, он еще жив?!

— Бедненький, он без ботинок! — заметила вторая медсестра.

Хорошо хоть в носках! — сказал помощник профессора и строго посмотрел на господина Скогланда.

Профессор попросил всех замолчать и внимательно рассмотрел Джипа с головы до ног, точнее — до пояса.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он у него.

— Квик прик квак марамак! — услышал он в ответ.

— Станный какой-то язык! — заметил профессор.

(Тут надо вам пояснить, что на самом деле Джип сказал: «Ничего не понимаю!» — но профессор не знал ни слова по-итальянски и поэтому услышал только какие-то смешные звуки. И наоборот, если мы станем на место Джипа, который ни слова не понимает по-шведски, то, как и профессор, тоже ничего не поймем. Когда профессор разговаривал со своими помощниками, Джип слышал только: «Квик прик квак ма-рамак пеперикож!» — и тоже думал: «Странный язык!»)

К счастью, одна из медсестер немного понимала по-итальянски — она провела как-то отпуск в Риччоне, — так что смогла что-то перевести.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил профессор.

— Спасибо, хорошо! — ответил Джип.

— Он очень больно тебе сделал?

— Кто?

— Как кто? Господин Скогланд!

— По правде говоря, я не знаю такого.

— Тогда что же ты делаешь в его животе? В твоём возрасте я не лазил по желудкам незнакомых людей, а тем более иностранцев.

— Сеньор профессор, клянусь вам, я тут ни при чем!

— Ты ни при чем, господин Скогланд ни при чем, все ни при чем! А кто же виноват? Я, может быть? Король Швеции? Конная стража?

— Видите ли, я...

— Хватит! Сиди тихо и не двигайся! Посмотрим, как тебе помочь.

Профессор, все еще продолжая ворчать, осторожно вынул телевизионную трубку из желудка лесоторговца Скогланда, и тот наконец спросил:

— Это очень серьезно?

— Исключительно!

— И наверное, мне придется отправиться в больницу?

— Мне думается, однако, что вам придется отправиться не в больницу, а в тюрьму! Нельзя же в самом деле проглотить восьмилетнего мальчика как есть, со всей одеждой, и являться после этого к хирургу, чтобы он вынул его, словно занозу из пальца. Может, вы теперь собираетесь спокойно вернуться домой и как

ни и чем не бывало продавать дрова оптом и в розницу!

Простите, профессор, о каком мальчике вы говорите?

Вот об этом,— строго сказал профессор и ткнул указательным пальцем в грудь.

— Но я здесь! — воскликнул в это время Джип. — И все время здесь!

Профессор, его помощник, медсестры и господин Скогланд повернулись к телевизору и опять увидели Джипа, колыхавшегося в светлом прямоугольнике экрана.

Так ты не в желудке господина Скогланди? воскликнул профессор. — Выходит, ты просто самая обыкновенная помеха!

Никакая я не помеха! — обиделся Джип. — Меня зовут Джампьеро Бинда, я живу в Милане, и я попал в телевизор, когда...

... Но это мой телевизор! — закричал профессор. — И здесь у нас Стокгольм! Ты не имеешь права мешать моей работе! Это безобразие! Это, может быть, даже шпионаж!..

Кто знает, какие еще обвинения обрушил бы он на влохмаченную голову Джипа, но в этот момент почему-то выключили ток, и телевизор погас. Когда снова зажегся свет, экран был чист, словно снежное поле, на нем не было ни тени Джипа, ни малейшего пятнышка, ни даже полоски — ни вертикальной, ни горизонтальной.

Господин Скогланд так и не смог понять, почему профессор Лундквист обозвал его людоедом, и ушел качая головой. А профессор был так разгневан, что даже забыл взять с него плату за визит.

Поиски преступника

В подземелье одного старинного немецкого замка, на берегу Рейна, сидели два весьма почтенных господина и играли в шахматы. Время от времени поглядывали на экран телевизора, на котором был виден гардероб — вешалки и висящие на них пальто.

Изображение на экране не менялось и походило на заставку, какие бывают в перерывах между передачами. Правда, в перерывах показывают обычно какой-нибудь красивенький пейзаж с овечками, фонтанами или архитектурными памятниками, а тут вдруг обыкновенный гардероб. С каких пор это вошло в моду на телевидении — непонятно.

Но тут-то, вероятно, вам следует объяснить, что:

1. В старом замке находится древняя библиотека — многовековая гордость города Бармштадта.

2. Шахматисты — это профессор Сильвиус Леопольд Линкенбейн, директор библиотеки, и старший инспектор полиции Георг Вильгельм Фридрих Рехтенбейн. Сами понимаете, это люди, которые не страдают телевизионной болезнью.

3. На экране телевизора виден гардероб библиотеки.

4. В гардеробе за рамой висящей на стене картины укрыта маленькая телекамера. Она-то и снимает все, что происходит в помещении, и передает изображение в подземелье, где сидят профессор и инспектор полиции.

5. Хитроумная система наблюдения была установлена здесь, чтобы узнать...

Минутку! Дело в том, что на экране телевизора стало видно, как слева в гардероб вошел какой-то молодой человек. Он снял пальто, повесил его рядом с другими и затем вышел.

— Опять не то! — сказал профессор.

— Не то опять! — согласился инспектор полиции, изменив порядок слов в предложении. Но от перемены мест слагаемых сумма, как известно, не меняется.

И господа снова стали играть в шахматы. А если бы снова взглянули на экран, то увидели бы, как из-за груды старых книг выглянула мышка. Но никто не удостоил ее вниманием. И мышка, обиженная, удалась. Прошло еще немного времени, и в гардеробе появились две миловидные девушки. Они остановились у вешалки, сняли свои шубки — шубки так себе, не норковые, конечно, — и ушли. Ни одно их движение не ускользнуло от взгляда профессора и инспектора полиции. Когда девушки исчезли с телеэкрана, профессор сказал:

— Очень милые особы.

— Весьма,— согласился инспектор полиции,— но к нашему делу они не имеют никакого отношения.

— К нашему — безусловно! — заключил профессор и не очень уверенно передвинул пешку.

И вдруг на экране телевизора появился Джип. Двое наблюдателей тотчас же оставили игру.

— Ого! — воскликнул профессор. — Смотрите, мальчишка!

— Мальчишка! Босой! — согласился инспектор полиции. — Интересно, зачем он снял ботинки? Как вы полагаете, профессор?

— Пожалуй, это весьма серьезная улика,— согласился тот. — Может быть, мы поймем наконец воришку, который вот уже две недели чистит карманы посетителей нашей библиотеки.

— Добрый вечер! — сказал в это время Джип.

Профессор и инспектор полиции удивленно переглянулись.

— Я с удовольствием отмечаю, что вы знаете итальянский язык! — сказал профессор инспектору полиции.

— Весьма признателен за комплимент, но должен заметить, что я не произнес сейчас ни звука!

— Но и я тоже рта не раскрывал!

— Простите за беспокойство,— вмешался с экрана Джип,— не объясните ли вы мне, где я сейчас нахожусь? Меня зовут Джампьеро Бинда, я живу в Милане, на улице Сеттембрини, сто семьдесят пять, квартира четырнадцать...

Два почтенных игрока в шахматы вскочили как по команде и подошли к телевизору.

— Ни с места! — крикнул инспектор полиции Джипу. Он позвонил в колокольчик, и на экране тотчас же появились двое полицейских в мундирах. Они прятались в соседней комнате и теперь высочили оттуда, чтобы схватить вора и надеть на него наручники. Но, оглядевшись по сторонам, пошарив среди пальто, они остановились в полном недоумении, потому что в гардеробе никого не было!

— Ослы! — закричал инспектор полиции, топая ногами. — Дважды ослы! Шестнадцать ушей у вас на голове! Да вот же, прямо перед вами стоит! Поверните

свои глупые носы: вор рядом с вами и даже не прячется. Ведь это ты лазаешь по карманам? — крикнул он, обращаясь к Джипу.

— Нет, вы ошибаетесь! — кротко ответил Джип.

— Молчать! Мы поймали тебя на месте преступления! Только воры снимают ботинки, чтобы бесшумно пробраться куда-нибудь.

— Но я-то их снял только для того, чтобы не испачкать кресло и чтобы удобнее было сидеть. И потом я здесь вовсе не по своей воле, а в плену...

— Прекрасно! Значит, сам признаешь, что ты у нас в плену! Это уже неплохо!

Между тем полицейские так никого и не обнаружили и, не слыша упреков своего начальника, удалились, недовольно бормоча разные выражения, которые здесь воспроизводить не стоит

Инспектор полиции продолжал:

— Скажи нам сейчас же, кто научил тебя воровать и в какой канаве ты прячешь награбленное?! И будь спокоен, твои родители заплатят за специальную телевизионную установку, которую мы вынуждены были поставить здесь, чтобы поймать тебя с личным.

При упоминании о родителях Джип расплакался.

— Плачет! — торжествуя воскликнул инспектор полиции. — Значит, признается!

Но профессор был другого мнения:

— Минуточку, уважаемый инспектор. Вором может быть только кто-то из посетителей библиотеки, не так ли? А я уверен, что никогда раньше не видел здесь этого мальчика. Кроме того, я сам отец семейства, у меня есть сын и даже внук, так что в детях я немножко разбираюсь. Мне не совсем ясно, почему этот мальчик ходит без ботинок, но по лицу его я бы никогда не сказал, что у него есть склонность к воровству. — И он обратился к Джипу: — Скажи мне, где ты сейчас находишься?

— Вот это как раз я и хотел бы знать больше всего на свете! По-моему, я нахожусь в телевизоре...

— А разве не в гардеробе? Разве ты не видишь пальто, что висят на вешалке?

— Вижу. Но это телевизионные пальто, если можно так выразиться. Как это объяснить?.. Ну, это толь-

ко картинка, а не настоящие пальто. Я ведь на экране, понимаете?

— Вот видите,— заключил профессор,— мальчик совершенно невиновен, он чист, как вода в источнике. Просто в телевизоре, наверное, что-нибудь не в порядке и к нам подключилась какая-нибудь станция.

Профессор хотел добавить еще что-то, но вдруг замолчал: на экране появился солидный господин. Он надел свое пальто и шляпу, а затем быстро огляделся... и запустил руку в карман чужого пальто. Затем он ловко обшарил все другие пальто и переложил в свои карманы все, что ему приглянулось.

На этот раз инспектор полиции не стал терять времени даром. Он позвонил в колокольчик, полицейские выскочили из своего укрытия и схватили вора. Тот попытался вырваться и убежать, но не тут-то было.

Наконец на экране снова остались только пальто, равнодушные ко всему происходящему, и Джип. Профессор и инспектор полиции в смущении почесывали затылки, глядя на Джипа.

— Так ты из Милана...— заговорил наконец профессор.— Красивый город... Собор... Пантеон... «Вечеря» Леонардо да Винчи... Знаю, знаю... Бывал там!

— Но вы не знаете моего отца!— воскликнул Джип.— Он ведь может поверить тетушке Эмме. А она считает, что я убежал из дома, потому что боялся показать отцу табель. Двойка у меня по арифметике, вот что!

— По арифметике? Это ужасно! В двадцатом веке, когда даже машины умеют считать, и вдруг двойка по арифметике! А в чем дело, почему она не дается тебе? Это же увлекательный предмет! Деление, наверное, трудно?

— Нет,— ответил Джип,— не деление, а таблица мер и весов. Я все время путаю гектолитр с гектометром. И никак не могу запомнить, чем измерять вино, которое купил хозяин гостиницы, и чем измерять дорогу от Бари до Барлетты.

— О, это ужасно, просто ужасно!— воскликнул профессор по-итальянски и добавил по-немецки:— Шрекхлих!— что означает то же самое.

А инспектор полиции заметил, что это вовсе не ужасно и даже вполне простительно. Но ему тоже жаль, что у Джипа трудности с таблицей мер и весов. И добавил еще, что, по его мнению, несправедливо заставлять детей считать за какого-то хозяина гостиницы, да еще в его отсутствие.

Кончилось тем, что профессор и инспектор полиции, забыв отпраздновать поимку преступника, принялись объяснять Джипу таблицу мер и весов, но при этом заспорили, достали записную книжку, стали писать сложные формулы, выхватывая друг у друга ручку. А когда начали, наконец, переводить дециметры в деkamетры, то совсем уже позабыли про Джипа. Наконец спор окончился мирным согласием. И тут, вспомнив о Джипе, они взглянули на экран и застыли от изумления, словно гипсовые статуи (вес которых измеряется центнерами!): Джип исчез, словно его и вовсе не было.

Говорят ли жители Сатурна по-латыни?

а протяжении следующих суток появление Джипа неоднократно отмечалось на экранах телевизоров в самых различных городах мира. Он появлялся то в одной передаче, то в другой, перескакивал с первой программы на четвертую и все не мог успокоиться, совсем как бильярдный шар, который мечется по столу, не попадая в нужную лузу.

В тот день рано утром из Марселя вышел в открытое море корвет «Мерендина». На его борту находилась большая группа итальянских и французских телеоператоров, водолазов и опытных ныряльщиков. Когда корабль остановился в нужном месте, все они спустились на морское дно, захватив с собой специальные телекамеры, чтобы начать необыкновенную телевизионную передачу с борта древнего судна, которое затонуло здесь еще во времена римского императора

Траяна с грузом вина и масла и было найдено недавно одним любителем подводного плавания.

На палубе «Мерендины» техники итальянского и французского телевизионных центров следили за тем, что происходит на телеэкранах. Они со смехом показывали друг другу то на улепetyвающую толстую седедку, то на рыбу-молот, которая остановилась посмотреть в телеобъектив и, казалось, вот-вот помашет ручкой и скажет: «Чао, чао!» («Привет!»), как это делают даже самые серьезные комментаторы, когда знают, что их снимает телекамера.

Но вот на экране появилось изображение затонувшего корабля. Почти две тысячи лет волны нежно ласкали его, хранили на дне моря, скрывая от любопытных потомков Траяна. И вот теперь его покой нарушают толстые, медлительные в своих лунных скафандрах водолазы. Они проникают сквозь пробойну внутрь корабля. В таинственном полумраке виднеются длинные ряды старинных амфор, которым, должно быть, совершенно безразлично, где стоять — в винном погребе древнеримского императора или на дне морском... И вдруг на экране возникает лицо Джипа. Изображение слегка колышется и дрожит, и на борту «Мерендины» все тотчас же взволнованно восклицают:

— Смотрите, утопленник!

— Да нет, это ребенок!

— Конечно, ребенок! Утопленники не смотрят на мир так весело!

— А может, это сын русалки?

— Нет! Тогда у него был бы рыбий хвост и не было носков...

Но так же внезапно, как появился, Джип вдруг исчез. А водолазы, поднявшись на борт «Мерендины», делясь, что не видели под водой ни мальчика, ни утопленника, ни сына русалки, что были на дне только самые обычные рыбы и облепленные раковинами старинные амфоры.

Все это происходило в семь утра. А в восемь часов на Суэцком канале в Египте уже было оживленное движение: самые разные корабли и пароходы шли по

узкому каналу, который соединяет, если верить географическим картам, Средиземное море с Красным. И, двигаясь этим путем, все корабли выполняли приказы, которые передавались им из диспетчерской рубки, находившейся у входа в канал. Из этой рубки можно было одним взглядом окинуть весь канал — во всю его длину и ширину. Это позволяли сделать многочисленные телевизионные камеры, что стояли в разных местах на берегу.

Все было в порядке, все шло как обычно, но спустя некоторое время дежурному лодману Ахмеду показалось, что на одном из экранов он заметил какое-то странное изображение. Похоже, это был тот самый смешной и хитрый мальчишка, которого минуту назад он видел на борту греческого корабля «Онассис». Но как же он мог оказаться теперь на голландском нефтеналивном танкере «Спиноза»?.. Да нет! Вот он уже на большом плоту, груженном быками.

«Невероятно! — решил Ахмед, протирая глаза. — Не может же он прыгать с корабля на корабль, словно пират. Это запрещено!»

Изображение Джипа еще некоторое время продержалось на экране, колеблясь среди парусов одной необычайно красивой яхты, принадлежащей какому-то арабскому султану, и затем исчезло. Ахмед позвонил в бар и заказал себе крепкого кофе. «Этой ночью я плохо спал, должно быть, поэтому и вижу сны наяву», — решил египетский лодман.

Примерно в это же время в Югославии сидел в своем деревянном домике лесничий. Он грелся у огня, мирно покуривая трубку и время от времени поглядывал на экран телевизора. Ему полагалось бдительно следить, не вспыхнет ли где-нибудь лесной пожар, чтобы тотчас же поднять тревогу. Но вообще-то зимой редко случаются пожары в лесах, так что служба его была совсем легкой. Тем более что все происходящее в лесу ему было видно по телевизору.

Покуривая трубку, лесничий, должно быть, слегка задремал, потому что когда он наконец сообразил, что вот уже целых две минуты не он рассматривает лесные просеки, а за ним самим наблюдает какой-то

мальчишка, то даже вынул изо рта трубку — так велико было его изумление. Бедняга никогда не верил в сказки, но тут почувствовал, что ему стало просто не по себе. Но в то же мгновение Джип исчез. Даже не попрощавшись с ним.

В тот день Джип побывал еще во многих местах: в огне раскаленной доменной печи, в глубочайшей шахте, в коридорах какой-то тюрьмы, в стальном сейфе известного банка. Перескакивая из обычных программ в специальные и наоборот, он помешал комедии, которая передавалась по советскому телевидению, и потом — концерту, который транслировали по датскому телевидению, затем он появился в канадском телевизионном ревю, откуда перекочевал в Америку, где потанцевал на столе, за которым пять солидных экспертов делились с телезрителями своими соображениями относительно нового закона о налогах. И наконец, попав в Китай, он попрыгал на ковре вместе с акробатами...

Так прошел день. А ночью, когда астрономы в обсерватории Джодрэл Бенк в Англии направили свои радиотелескопы на Сатурн и включили телевизоры, ожидая увидеть увеличенное и хорошо высвеченное изображение загадочной планеты, они с изумлением обнаружили, что по огромным кольцам Сатурна проглядывает какое-то очень похожее на человека существо. Сами понимаете, это был не кто иной, как Джип. Но астрономы-то этого не знали и потому решили, что обнаружили в космосе первое неземное существо, которого еще никто никогда не видел с Земли. Но тут Джип произнес:

-- Сальве! (Это значит — «Привет!»)

— Неплохо для начала! — воскликнул доктор Морган. — Этот сатурнианин говорит по-латыни. — И он готов был уже произнести в ответ красивую фразу из Цицерона, как вдруг Джип исчез. Доктор Морган вздохнул: — Опять, должно быть, проделки доктора Пойнтера!

Чтобы не остаться в долгу, он снял телефонную трубку и сообщил доктору Пойнтеру, что тот приглашен психером на ужин к адмиралу Нельсону и что необходимо надеть фрак и подкрутить усы.

Один мальчик стоит трех искусственных спутников

в доме синьора Бинды через четверть часа после исчезновения Джипа одновременно явились представитель телевизионной компании и инспектор полиции. Им было поручено произвести расследование необычного происшествия. Они нашли синьору Бинда в слезах, Флипа уснувшим в кресле, тетюшку Эмму с ворохом ковриков в руках, а синьора Бинду яростно спорящим с адвокатом Проспери, который хотел унести домой свой телевизор.

— Неужели вы не понимаете,— объяснял ему бухгалтер,— что Джип может вернуться с минуты на минуту?! И мы не знаем, на какой из двух экранов!

— Если он появится на моем, я вас сразу же предупрежу! — заверял адвокат. — Но это маловероятно. Ваш Джип не объявлен в сегодняшней программе передач. Вы ведь смотрели программу? После футбольного матча клуб домохозяек будет обсуждать, каким образом лучше всего класть в суп петрушку. И это единственная передача, которая меня интересует сегодня вечером. Я даже собираюсь записать кое-что, наверное, будут какие-нибудь дельные советы...

— Но вы можете сделать это и здесь, у нас! Садитесь, пожалуйста, сюда! Это очень удобное кресло!

— Э нет, синьор бухгалтер! Мое кресло гораздо удобнее! Оно из черной кожи! И кроме того, у меня есть еще скамеечка для ног. И потом — не знаю, как вы, — а я в конце концов собираюсь лечь спать...

— И выключить телевизор?

— Разумеется.

— Но сегодня этого нельзя делать! Телевизор должен быть включен, чтобы Джип мог вернуться домой!

— Вы хотите оставить его включенным на всю ночь?!

— Если понадобится, то и на всю ночь. Мы будем дежурить у экранов по очереди.

— Позвольте, но для кинескопа это верная гибель... Нет, нет! Я не позволю портить мой телевизор!

Тут в спор вмешался инспектор полиции. Он заметил, что прав, безусловно, синьор Бинда, и адвокату Просперу пришлось отдать своим войскам приказ об отступлении. Однако, прежде чем уйти, он довольно энергично выразил устный протест.

Представитель телевизионной компании и инспектор полиции начали наконец расследование. Но... тут же и окончили! Потому что ни тот, ни другой просто не знали, с чего начать. Оба считали, что случай этот необычный, невероятный и просто необъяснимый.

— Но ведь уже была недавно подобная история, — настаивал синьор Бинда, — я сам читал об этом в статье какого-то Родари. Он пишет, что это болезнь. А врачи даже название для нее придумали. Если не ошибаюсь — ТЕЛЕВИЗИОНИТ.

— Выдумки, дорогой синьор Бинда! Все это выдумки газетчиков! Сами знаете, чего только не придумают эти журналисты, лишь бы поинтереснее получилось!

— Что верно, то верно! — согласился инспектор полиции и рассказал о том, как один журналист подробнейшим образом описал похищение знаменитой падающей Пизанской башни.

— Понимаете, он выдумал, будто башню украли! Разобрали на кусочки и унесли! И даже расписал какую-то шайку воров, которая специализировалась на грабеже исторических памятников. Вся Италия разнюливалась. Но нетрудно было доказать, что сообщение это ложное. Стоило показать телезрителям открытку с видом башни, как все поверили, что она стоит на месте. Но некоторые все же продолжали судачить об этом и, конечно, ругали на чем свет стоит полицию.

Пока инспектор полиции жаловался на трудности, тетушка Эмма разложила коврики по местам. Оглядевшись, она решила принять командование на себя: синьоре Бинде велела немедленно отнести Флипа в постель, бухгалтера Бинду заставила положить на живот горячую грелку, чтобы быстрее прошел испуг, а гостей уговорила отведать ликер собственного изгот-

ления. Затем взяла карандаш и бумагу и составила расписание дежурств у телевизора.

Окончился футбольный матч, домохозяйки перестали спорить о том, как лучше всего класть в суп петрушку, и красивая девушка-диктор пожелала всем спокойной ночи, но Джип так и не появился на экране.

Когда же утром почтальон принес газеты, в них оказались огромные, во всю страницу, необычайные заголовки:

«ВЕРНЕТ ЛИ ЭКРАН СВОЮ ДОБЫЧУ?»

«ТЕЛЕВИЗОР ПОГЛОТИЛ ВОСЬМИЛЕТНЕГО МАЛЬЧИКА»

«ЧУДОВИЩНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ПРОГРАММЫ!»

«ДЖИП, ВЕРНИСЬ НА СВОЮ АНТЕННУ!»

«БАНДА ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ВОРОВ

ТЕРРОРИЗИРУЕТ ГОРОД!»

Статьи были еще более тревожными, чем заголовки. И в каждой из них все, что случилось, рассказывалось по-разному. В одних статьях Джип описывался как «светловолосый ангелочек», в других — как «шалун, который играл на звонках своих соседей». Какая-то газета намекала, что кое-что интересное мог бы рассказать адвокат Проспери: ведь телевизор, в котором исчез Джип, принадлежал ему... Если же верить другой газете, то исчезновение мальчика в телевизоре — это чистейшая выдумка полиции. А на самом деле Джипа будто бы похитили пришельцы из космоса, скорее всего, марсиане, которые особенно опасны, потому что они — невидимки.

— Марсиане! Невидимки! — возмутилась тетушка Эмма и швырнула газету в мусорный ящик. — Чтобы все эти журналисты сами стали невидимками!

Вечерние газеты тоже поместили много разных невероятных сообщений о Джипе. Но всем было ясно, что правды в них нет ни на грош. Ведь не нашлось и двух газет, которые бы написали одно и то же! Одна газета утверждала, будто Джипа видели в Швеции, другая, что он появлялся в Голландии, а третья описывала его приключения на Суэцком канале.

— Я покажу им Суэцкий канал, этим негодьям! — негодовала синьора Эмма. — Придумают же такое!

Прошла еще одна ночь дежурства у телевизора. Но Джип так и не появился. Утром почтальон принес свежие газеты, но синьора Эмма отказалась взять почту.

— Хватит с меня этой продукции! — закричала она. — В этом доме не будет больше ни клочка газетной бумаги! Даже той, из которой продавец фруктов делает кульки для земляники. — И она хотела захлопнуть дверь.

— Подождите, подождите! — закричал почтальон. — Тут интересные новости.

— Знать ничего не желаю! Уходите!

— Но вы только посмотрите, что пишут газеты! Вашего Джипа разыскивают с помощью этих самых... Ну как они называются?..

— Откуда мне знать как! — снова возмутилась тетюшка Эмма.

— О, дорогая синьора, это такое трудное слово! Ну что, как их... Вроде бенгальских огней, но только не они... да вы возьмите газету! Здесь все написано! Говорят, есть надежда...

Тетушка Эмма осторожно, словно газеты вот-вот испыхнут пламенем, взяла их в руки и понесла бухгалтеру Бинде, который заканчивал свое дежурство у телевизора, прежде чем отправиться на службу.

Флип тотчас же ухватил одну газету, чтобы найти в ней знакомые буквы.

— А! Здесь есть буква «А»! — обрадовался Флип.

Ну а дальше произошло следующее.

Один молодой японский ученый профессор Яманака, размышляя над необычным явлением, пришел к невероятному выводу, что Джип, попав в телевизор, превратился в электромагнитную волну и путешествует теперь в пространстве со скоростью света. За одну секунду волна делает семь оборотов вокруг Земли — куда больше, чем космические корабли Гагарина, Титона, Глена и Карпендера.

Время от времени волну «Джип» улавливали какие-нибудь телестанции или даже отдельные телевизоры в самых разных уголках земного шара.

— А почему же, уважаемый профессор Яманака, волна «Джип» прежде всего попала на экран телевизора в клинике профессора Лундквиста? — спросил ученый один журналист.

— Возможно, потому, — ответил он, — что в этот вечер его телевизор был единственным включенным во всей Европе. Ведь в это время окончились уже все передачи. (Замечу, что это вполне вероятно: профессор Лундквист любил работать по ночам). Очень уважаемая волна «Джип», — продолжал профессор Яманака, — смогла познакомиться с многочисленными случаями использования телевидения и узнать то, что нередко не знает самая широкая публика.

— Можно ли перехватить волну «Джип» и вернуть мальчика на Землю? — поинтересовался другой журналист.

— Да, господа, это возможно! Нужно только, чтобы все телевизионные станции на Земле передавали по всем своим каналам и программам одну и ту же передачу. В таком случае волна «Джип» не сможет никуда перескакивать и ее нетрудно будет снова превратить в мальчика.

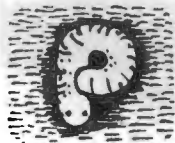
— Одна программа передач для всех телевизоров на земном шаре?

— Да, уважаемые господа, и еще раз да! А для этого нужно, как известно, запустить три искусственных спутника Земли.

— ЧТО? ТРИ ИСКУССТВЕННЫХ СПУТНИКА РАДИ КАКОГО-ТО МАЛЬЧИШКИ?

— Да, господа, да, очень уважаемые дамы и господа: три искусственных спутника! Разве, по-вашему, жизнь мальчика не дороже трех искусственных спутников и даже трехсот спутников или трехсот тысяч миллионов космических ракет?

«Гарибальди», «Галилео Галилей» и «Джип»

...овно без пяти секунд час по римскому времени на космодроме в Сардинии готовились к запуску первого итальянского спутника Земли. «Гарибальди» должны были запустить совсем для другого.

эксперимента, но правительство не колеблясь предоставило его для операции «Джип», как называли всю эту историю журналисты. И вот теперь на командном пункте космодрома профессор Ночера держал руку на пусковой кнопке, а голос из репродуктора считал «наоборот»:

— Чинкуе (по-итальянски это значит «пять»)... кватро... тре... дуэ...

В это время в Москве часы показывали без пяти секунд три часа. На космодроме поблизости от столицы готов был к запуску очередной спутник. Правительство Советского Союза, предназначив его для операции «Джип», дало ему имя «Галилео Галилей». И вот теперь на командном пункте космодрома профессор Максим Петров тоже держал руку на пусковой кнопке, а голос из репродуктора отсчитывал по-русски:

— Пять... четыре... три... два...

В Америке, на мысе Кеннеди, было всего шесть часов утра. Здесь на пусковую кнопку готов был нажать профессор Браун. Искусственный спутник, предоставленный американским правительством для спасения мальчика, был назван в его честь «Джип». Голос из репродуктора говорил по-английски, но смысл слов был тот же:

— Файв... фоо... фри... ту... Пуск!

И в тот же момент одновременно стартовали в космос три космических корабля. Они вывели на точно рассчитанную учеными орбиту три искусственных спутника — «Гарибальди», «Галилео Галилей» и «Джип».

По меньшей мере миллиард человек сидел у телевизоров и слушал взволнованные голоса дикторов, которые на всех языках мира рассказывали о том, как идет операция «Джип». Между прочим, многие, чтобы узнать, как проходит операция, даже проснулись среди ночи. Потому что — вы и сами понимаете — когда в одном полушарии день, в другом — ночь.

— Внимание! Внимание! Продолжаем сеанс космического видения! Все телевизионные станции земного шара связаны сейчас единой программой. Через несколько секунд ретрансляционные установки трех искусственных спутников передадут на Землю изображение самого знаменитого комического актера нашего времени Чарли Чаплина. В одно и то же мгновение оно появится на телевизионных экранах в Риме, Токио, Нью-Йорке, Москве... Появится во всех странах, на всех континентах!

И действительно, не прошло и минуты, как все жители Земли — все те, у кого был телевизор и кто, разумеется, не спал, — увидели на экранах знакомые ушки Чарли Чаплина.

Но почти тотчас же изображение исчезло, и на экране возник Джип в своем уже изрядно помятом свитере, в коротких штанишках, в одних носках...

— У него дырка на пятке! — закричала тетушка Эмма, заглушая все «ура!», которые раздались в доме синьора Бинда, где набились жители всех соседних квартир.

— Ура! Ур-ра! — орал Флип.

Адвокат Проспери, напротив, изо всех сил старался обратить общее внимание на другое:

— В моем телевизоре Джип виден лучше!

— Внимание! Внимание! — произнес диктор. — Профессор Ночера попробует сейчас поговорить с Джампьеро Бинда.

Голос ученого звучал глухо и взволнованно:

— Джип, мы тебя видим! Если ты слышишь нас, отвечай нам! ЗЕМЛЯ ВЫЗЫВАЕТ ДЖИПА! ЗЕМЛЯ ВЫЗЫВАЕТ ДЖИПА!.. Перехожу на прием...

На мгновение все замерли в ожидании, и затем из космоса донесся звонкий мальчишеский голосок:

— Я слышу вас отлично! Слышу, но не вижу. Тут тоже есть телевизор, но я вижу в нем только себя. Перехожу на прием...

— Разве ты сам не в телевизоре?

— Нет! Спасибо, с меня хватит! Слава богу, что я из него выбрался!

— Но где же ты теперь?

— Не знаю... Минуту назад я был, кажется, в Мариинке, а может быть, в Финляндии. А сейчас... Сейчас в какой-то маленькой кабине. Я вижу здесь телевизор и себя на его экране... Еще тут множество всяких приборов и... тут еще кошка! Она летит по воздуху, будто ее подвесили на воздушном шарике. Ой, я тоже, кажется, лечу, совсем как тогда, когда попал в телевизор... Но теперь меня туда и калачами не заманишь!.. Похоже, я научился летать по воздуху и ходить по потолку...

— Джип! — сказал профессор Ночера. — Справа от тебя иллюминатор. Посмотри в него внимательно. Что ты видишь?

— Если не ошибаюсь, там Земля. Надо же, как она быстро вертится! Прямо подо мной острова в море, но, к сожалению, на них не написаны названия, как на глобусе, а я не знаю, что это за острова. Иди сюда, киска, иди посмотри. Кстати, а как тебя зовут?

— Котенка зовут Миучино. И оба вы находитесь в искусственном спутнике «Гарибальди-1», Джип.

— Значит, я теперь космический путешественник?

— Ты, Джип, первый итальянский космонавт!

— Ну первый — это все-таки котенок! Он уже был здесь, когда я появился тут. А как попал сюда я?

— Это сделали электромагнитные волны. Ты оказался в телевизоре, установленном на искусственном спутнике Земли, и выскочил из него в кабину спутника, наверное, благодаря космическим лучам

— Электромагнитные волны... Космические лучи... Кто знает, что это такое? Надо, видно, и это изучать, не только таблицу мер и весов. Между прочим, а я мог бы послать привет маме? Слышит ли она меня, видит ли?

— Тебя видит вся Земля, Джип!

— Ну, вся — это уж слишком! Здравствуй, мама! Чiao, папа! Привет, Флип, чао, тетушка Эмма! Как поживаете, синьор Проспери?

— Вот разбойник! — удивился адвокат Проспери, краснея от удовольствия и гордо оглядываясь по сторонам, очень взволнованный. — Как он догадался, что и тоже тут?!

— Я хочу домой! — крикнул Джип. — Мне надоело летать по телевизорам! И если меня ждет наказание, то я немедленно назначаю своим адвокатом синьора Проспери. Ведь я вовсе не собирался удирать!

— Вот почему он вспомнил о вас! — усмехнулась тетушка Эмма.

— Внимание, Джип! — снова заговорил профессор Ночера. — Скоро спутник пойдет на снижение и войдет в атмосферу Земли. Спуск произойдет по команде с Земли. Не бойся, все будет хорошо! А пока приветствуй всех, кто сейчас сидит у телевизоров и тревожится за тебя. У тебя необыкновенные зрители — русские, американцы, итальянцы, англичане, немцы, французы, китайцы, африканцы... Скажи-ка что-нибудь...

Джип почесал затылок, скорчил гримасу и произнес:

— Добрый день и добрый вечер! Я не вижу вас, но я всех люблю. Вы все очень славные. Киска, попрощайся ты тоже. Перехожу на прием. Чао!

Но еще несколько минут, прежде чем была прервана связь с искусственным спутником, люди самые-самые разные — белые, черные и желтые, счастливые и несчастные — продолжали с улыбкой смотреть на изображение мальчика, игравшего с котёнком там, на космических дорогах...

Тысячи журналистов принялись отстукивать на машинках свои статьи в газеты.

«Улыбающееся лицо Джипа, — писали девяносто пять журналистов из ста, — это пожелание мира и счастья нашей старой планете!»

А те пять журналистов, которые оставались от ста, начинали с той же фразы, только вместо слова «улыбающееся» они написали «веселое».

«Кошкина мама»

января в 3 часа 30 минут мало осталось таких римлян, которые не сидели бы у телевизоров или радиоприемников у себя дома или в кафе. Все ждали известий о Джипе, о его приземлении. Понятно,

что на улице было очень мало прохожих. И уж совсем немногие оказались в тот момент у древнего Колизея — кто спешил по своим делам, а кто по чужим. И среди этих немногих была старушка с хозяйственной сумкой в руках. В сумке она несла разные кулечки с потрохами, корочками сыра, рыбьими головами, кусками хлеба и кусочками мяса.

Во всей округе старушку эту звали не иначе, как «кошкина мама». Это потому, что она заботилась о бездомных кошках, нашедших приют в развалинах старого Колизея. Кошки очень мило проводили здесь время, с удовольствием нежались на солнышке и поглядывали иногда на туристов. Об охоте на мышей кошки даже не помышляли. Ни к чему! Ведь всегда найдется кто-нибудь, кто угостит чем-нибудь вкусненьким. Вот и сейчас «кошкина мама» спешила к ним со своими деликатесами.

Вдруг на тротуар надвинулась черная тень тучи.

«Не дождь ли собирается?» — встревожилась старушка. Она взглянула на небо. Боже правый, да это же парашют! Неужели началась война?!

Огромный оранжевый зонт опускался с голубого неба. К парашюту была подвешена и качалась на ветру какая-то странная капсула.

«Нет, это, слава богу, не война! — подумала старушка. — Иначе был бы не один парашют, а много-много — целая тысяча!»

Парашют между тем опускался прямо на Колизей.

«Пойду посмотрю, — решила «кошкина мама», — котята подождут несколько минут».

Она пересекла площадь и, ускорив шаги, насколько позволяли ей старые башмаки, вошла в одну из прок Колизея и поднялась на парапет, который окружает арену. И в этот момент парашют приземлился. Как раз на то место, откуда древнеримские императоры смотрели представления, прежде чем войти в учебники истории.

Капсула открылась, и из нее выскочил Джип.

— Откуда ты взялся? — спросила его «кошкина мама».

— Добрый день, синьора! — вежливо ответил Джип, радостно побежав ей навстречу.

— А почему ты бродишь по свету в одних носках? — с упреком спросила старушка.

— Неужели это Колизей?! — воскликнул Джип, не отвечая на вопрос.

— Конечно. Осторожно, не провались в подземелье.

— Подумаешь! Там ведь теперь не держат львов!

— Послушай, с каких это пор дети стали летать на парашютах?

— Синьора, у вас есть дома телевизор?

— Нет, сынок, нету. А что?

Джип ужасно огорчился. Надо же! Прилететь из космоса и опуститься, так сказать, прямо на голову какой-то старушонки, которая понятия не имеет о его приключениях, — это просто ужасно!

— Извините, уважаемая синьора, но я должен сообщить о своем прибытии, а то меня еще долго будут искать.

И Джип бросился к выходу из Колизея.

Но «кошкина мама» уже не обращала на него внимания.

— Кис-кис-кис! — ласково звала она. — Иди сюда, кисанька, иди!

Это она увидела Миучино, который выбрался из капсулы, куда ученые посадили его перед стартом, чтобы изучать его поведение в космосе. Миучино смущенно осматривался по сторонам.

— Да это же Колизей, дурачок, знаменитый римский Колизей! Сразу видно, что ты нездешний! Но у меня и для тебя найдется гостинец, иди-ка сюда.

Миучино хоть и был нездешним котенком, но нюх имел отличный — сумка старушки сразу же заинтересовала его.

А Джип, выскочив на улицу, так и застыл на месте. Он жутко испугался. Толпы людей неслись к Колизею, где, как только что стало известно, должен приземлиться космонавт. Люди бежали сюда со всех концов Рима, спешили на велосипедах и автомобилях, на всех видах транспорта, и так запрудили все улицы, что к Колизею не могли пробиться даже машины теле- и кинооператоров, не говоря уже о фотографах и жур-

налистах, представителях правительства, дипломатического корпуса и городских властей. Над Римом стоял оглушительный звон колоколов, рёв сирен и гудков, и даже слышались оружейные залпы.

«Да они раздавят меня! — подумал Джип. — От меня не останется и мокрого места! Спасайся кто может!» Он повернулся и помчался назад, перепрыгнув на ходу Миучино, перед которым «кошкина мама» раскладывала свои гастрономические сокровища. Добравшись до капсулы, он забрался в нее и заперся.

— Осторожнее! Осторожнее! — закричала старушка первым любопытным, которые подбежали к ней. — Дайте же котенку поесть!

К счастью, один фотограф узнал космического котенка и тем самым спас ему жизнь и обед. А Джип в своей капсуле не подавал и признаков жизни.

— У него закрыты глаза!..

— Он потерял сознание!..

— Он умер!..

— Джип, выйди оттуда! Тебя ждет вся Италия!

— Э, нет! Сначала вы угомонитесь! — ответил Джип. — А потом и поговорим. И самое главное — никаких телекамер! Не хватает только, чтобы я снова, не успев приземлиться, отправился путешествовать. И снова без ботинок.

Самые нетерпеливые люди взломали дверцу капсулы, силой вытащили оттуда Джипа, и самый высокий человек посадил его к себе на плечи под громкие аплодисменты.

— Дорогу! Дорогу! Его надо отвезти в больницу! Вызовите «скорую помощь»!

На площади около Колизея стояло уже, наверное, штук двести санитарных машин, и своими сиренами они могли бы привести в чувство целую дюжину потерявших сознание космонавтов. Но только не Джипа. Он приоткрыл один глаз только тогда, когда почувствовал, что машина «скорой помощи» совсем рядом. Убедившись, что поблизости нет никаких телекамер, способных проглотить его, открыл другой глаз и громко рассмеялся. Медсестры, министры, адмиралы, парикмахеры, фотографы — десятки самых различных

людей, которым удалось протиснуться к машине,— засмеялись вместе с ним.

— Я хочу домой! — наконец сказал Джип.

И вскоре поезд помчал его в родной Милан.

А Колизей снова опустел. Там осталась только «кошкина мама». Миучино, похоже, не огорчился оттого, что пресса и власти не уделили ему должного внимания. Он так вкусно и сытно пообедал, что не мог шевельнуть даже кончиком хвоста.

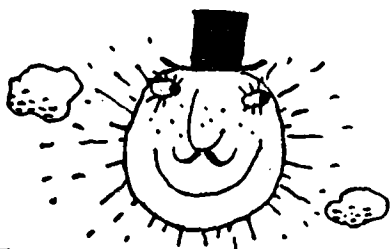
И «кошкина мама» на руках понесла кот-путешественника к себе домой.

КАКИЕ БЫВАЮТ АШЫБКИ

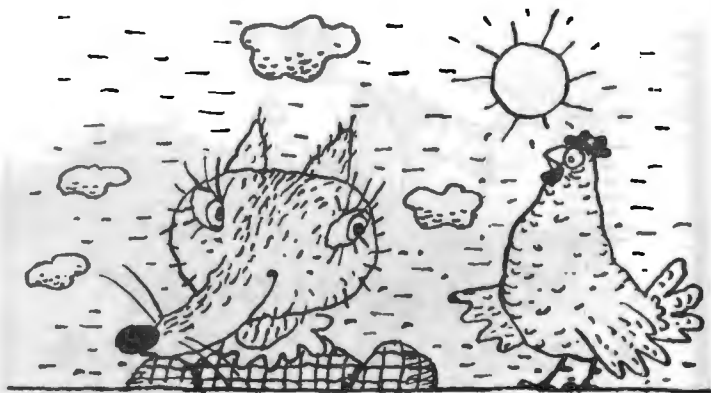
Между нами, взрослыми, говоря

Много лет приходилось мне исправлять орфографические ошибки. Сначала свои собственные — когда учился в школе, затем — чужие — когда стал учителем. И только потом я принялся придумывать свои фантазии и сказки. Некоторые из них даже включены — и это большая честь! — в учебники. Это значит, между прочим, что сама по себе мысль — поиграть с ошибками — не так уж и плоха. В самом деле, не лучше ли, чтобы ребята учились не плача, а смеясь? Ведь если собрать все слезы, что пролиты на всех пяти континентах из-за ошибок, получится такой водопад, что можно строить гидроэлектростанцию. Только я считаю, энергия эта была бы слишком дорога.

Ошибки необходимы и полезны, как хлеб. А иногда даже красивы, как, например, Пизанская башня.

В этой книге много ошибок. Некоторые видны невооруженным глазом, другие скрыты, как в загадках. Но все они, однако, допущены детьми, и это вполне понятно. Между нами, взрослыми, говоря, мир был бы непередаваемо прекрасен, если бы ошибались в нем только дети! Вот почему эту книгу для ребят я посвящаю папам и мамам и, разумеется, школьным учителям — словом, всем, на ком лежит огромная ответственность исправлять — не ошибаясь! — самые маленькие и невинные ошибки, какие только случаются на нашей планете.

Джанни Родари

Быть и иметь

Учитель Грамматикус ехал как-то в поезде и слушал разговор своих соседей по купе. Это были рабочие с юга Италии, которые ездили за границу. Они долго работали там, а теперь возвращались на время домой навестить своих близких.

— Я имел поездку в Италию пять лет назад,— сказал один из них.

— А я имел поездку в Бельгию, работал там на угольной шахте, и это было очень трудно.

Учитель Грамматикус слушал их некоторое время и молчал. Но если бы вы присмотрелись к нему, то заметили бы, как он сердится и как похож на чайник с водой, которая вот-вот закипит. Наконец вода закипела, крышка подскочила, и учитель Грамматикус воскликнул, строго глядя на своих попутчиков:

— «Имел поездку! Имел поездку!..» Вот опять привычка южан употреблять глагол «иметь» вместо глагола «быть»! Разве вас не учили в школе, что надо говорить «я был в Италии», а не «я имел поездку в Италию»?

Рабочие притихли, исполненные уважения к этому почтенному седовласому синьору в черной шляпе.

— Глагол «иметь» нельзя употреблять в таком сочетании,— продолжал учитель Грамматикус,— это грубая ошибка! Это неправильное выражение!

Рабочие вздохнули. Потом один из них прокашлялся, как бы набираясь храбрости, и сказал:

— Очень возможно, синьор, что вы и правы. Вы, должно быть, много учились. А я окончил только начальную школу, но и тогда мне больше приходилось пастись овец, чем сидеть над учебником. Очень возможно, что это неправильное выражение.

— Конечно, неправильное!

— Вот-вот! И это, наверное, очень важно, не спорю. Но мне кажется, что это еще и очень грустное выражение, очень! Ведь нам приходится искать работу в чужой стране... Приходится оставлять надолго свои семьи, детей.

Учитель Грамматикус растерялся:

— Конечно... В общем... Словом... Однако, как бы там ни было, все-таки надо говорить «я был», а не «имел поездку». Так говорят только немцы. А мы должны употреблять другой глагол: я был, мы были, он был...

— Эх,— сказал рабочий, вежливо улыбаясь,— и был! Мы были!.. Знаете, где бы мы больше всего хотели быть? У себя на родине! Хоть мы и имели поездку во Францию и ФРГ, больше всего мы хотели бы быть здесь, в Италии, никуда не уезжать отсюда, иметь тут работу, хороший дом и спокойно жить в нем.

И он посмотрел на учителя Грамматикуса ясными и добрыми глазами. Учителю Грамматикусу очень захотелось ударить себя кулаками по голове. И он пробормотал про себя: «Глупец! Глупец ты, больше ничего! Ищешь ошибки... Неправильное выражение!.. Ошибка-то, и куда более серьезная, совсем в другом!»

Падающая башня

Наконец учитель Грамматикус приехал в Пизу, поднялся на знаменитую падающую башню, подождал, пока перестанет кружиться голова, и закричал:

— Граждане! Пизанцы! Друзья мои!

Пизанцы посмотрели вверх и засмеялись:

— Ого, наша башня заговорила, выступает с речью!

Потом они увидели учителя, который между тем продолжал:

— Знаете ли вы, почему ваша башня падает? Я скажу вам, в чем дело. Не слушайте тех, кто говорит, будто оседает фундамент или еще что-нибудь в том же духе. Все дело в том, что в фундамент действительно заложена ошибка, только совсем иного рода. Архитекторы, что строили башню, не сильны были в орфографии. Поэтому они и построили башню, которая имела не равновесие, а РАВНАВЕСИЕ. Вы меня поняли? Даже палочка не может удержаться в РАВНАВЕСИИ, не то что башня. Вот, следовательно, и решение проблемы. Надо влить в фундамент хорошую порцию буквы «о», и башня сразу же приобретет равновесие, выпрямится.

— Не бывать этому никогда! — дружно возразили пизанцы. — Прямых башен на свете сколько угодно, куда ни глянь. А падающая есть только у нас, в Пизе. Так зачем же мы станем выпрямлять ее? Возьмите этого сумасшедшего! Отведите его на вокзал и посадите в первый же поезд, который отправляется подальше.

Два стражника подхватили учителя Грамматикуса под руки, отвели на вокзал и посадили в первый же поезд, который направлялся в Гроссето, останавливался на всех полустанках и тратил полдня, чтобы одолеть сто километров. Так что у учителя было время поразмыслить о человеческой неблагодарности. Он чувствовал себя обиженным, как Дон Кихот после битвы с ветряными мельницами. Но не пал духом. В Гроссето он изучил расписание поездов и тайком вернулся в Пизу, решив назло пизанцам все-таки сделать башне инъекцию «о». Случайно в тот вечер светила луна. (Вообще-то не случайно, конечно, а по своему лунному расписанию.) При свете луны башня была так красива, так легко склонялась к земле, что учитель пришел в восторг и залюбовался ею. А затем подумал: «Ах, как же прекрасны бывают иногда ошибки!»

Италия с маленькой буквы

Однажды вечером учитель Грамматикус проверял тетради своих учеников. Служанка сидела рядом и усердно точила ему один за другим красные

карандаши, потому что учитель расходовал их невероятное множество.

Вдруг учитель Грамматикус в ужасе вскочил из-за стола и схватился за голову.

— Ах, Боллатти! Боллатти! — вскричал он.

— Что еще натворил этот ученик Боллатти? — спросила служанка. Она уже давно знала всех учеников по именам, знала, кто какие любит делать ошибки, и помнила, что у Боллатти они всегда просто ужасные.

— Он написал «Италия» с маленькой буквы! Ах! На этот раз я отдам его под суд! Я все могу простить, но только не такое неуважение к своей стране!

— Ну уж! — вздохнула служанка.

— Что ты хотела сказать этим своим «Ну уж!»?

— Слнбюр учитель, что может сказать скромная служанка вроде меня? Карандаши вам точить умею — и то слава богу.

— Но ты вздохнула!

— Ну а как же тут не вздохнуть? Ведь если разобраться по существу...

— Ну вот! — вскричал учитель. — Теперь я должен сидеть и любоваться этой строчной буквой, как будто от этого она превратится в прописную! Дай мне вон тот карандаш, и я немедленно поставлю тут единицу, историческую единицу!

— Я только хотела сказать, — спокойно продолжала служанка, — что, может быть, Боллатти хотел лишь намекнуть...

— Послушаем, послушаем! Теперь мы уже на что-то намекаем! Скоро докатимся до анонимных писем...

Тут служанка, у которой была своя гордость, встала, стряхнула мусор с передника и сказала:

— Вам нет нужды знать мое мнение. До свидания.

— Нет, подожди! И говори. Я весь внимание. Говори же, выскажи прямо свою мысль!

— В общем, вы не обижайтесь. А разве и в самом деле нет Италии с маленькой буквы — всеми забытой? Разве мало таких сел, где нет врача, нет телефона... Разве нет таких дорог, по которым могут пройти только мулы... И разве нет в нашей стране таких бедных семей, где дети, куры и поросята спят все вместе прямо на земле?..

— Да о чем ты говоришь?!

— Дайте мне закончить. Я говорю, что действительно есть Италия с маленькой буквы — страна стариков, о которых никто не заботится, детей, которые хотели бы учиться, но не могут, сёл, где остались только женщины, потому что мужчины все уехали в другие города и страны на заработки...

На этот раз учитель слушал ее не перебивая.

— Так что, может быть, ученик Боллатти думал обо всем этом и потому не смог написать название родины с большой буквы...

— Но в этом-то и состоит его ошибка! — рассердился учитель. — Действительно есть, есть еще Италия с маленькой буквы, но я считаю, что ее давно пора писать с большой.

Служанка улыбнулась:

— Ну так и сделайте — исправьте на большую букву! Но не ставьте единицу. Ведь у ученика Боллатти были самые добрые намерения, и за это его обязательно надо похвалить.

— Неизвестно еще, были ли у него эти самые добрые намерения...

Служанка снова села рядом и улыбнулась. Она была уверена, что спасла хорошего мальчика от плохой отметки и — кто знает? — возможно, еще и от крепкого отцовского подзатыльника.

И она опять принялась спокойно точить красные карандаши.

Самый большой молодец на свете

знаю историю про одного человека, который был самым большим молодцом на свете, но не уверен, понравится ли она вам. Так рассказать или нет? Расскажу!

Звали его Примо. По-итальянски это значит — первый. Наверное, поэтому он еще в детстве решил:

— Буду первым не только по имени, но и на деле. Всегда и во всем буду первым!

А вышло наоборот — он всегда и везде был последним.

Последним, кто пугался, последним, кто убегал, последним, кто лгал, последним, кто шалил...

Его сверстники всегда были в чем-нибудь первыми. Один был первым вором в городе, другой — первым хулиганом в квартале, третий — первым дураком во всей округе... А он же, наоборот, был последним, кто говорил глупости, и когда наступал его черед горючить их, то просто молчал.

Это был самый большой молодец на свете, но он был последним, кто узнал об этом. Настолько последним, что так никогда и не узнал этого.

Поменялись головами

Марко и Мирко, эти ужасные близнецы, несколько не уважали грамматику и терпеть не могли делать упражнения. Несчастные, они и не подозревали, к каким страшным последствиям это может привести...

Вчера, например, у них было задание поставить рядом с именами существительными подходящие глаголы.

И вот что они написали:

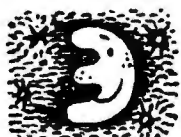
«Кошка воет! Овцы лают! Волк пищит! Мышка мяукает! Лев блеет...»

И тут вдруг в окне возник лев и прыгнул прямо в комнату. Он был очень обижен. Если хотите, можно даже сказать — рассержен.

— Ах вот как! Я, значит, блею? Бе-е-е, бе-е? Ну так я вам сейчас покажу!..

Левой лапой он схватил голову Марко, правой — голову Мирко и стал бить их друг о друга. При этом головы ужасных близнецов остались, конечно, целы, но... поменялись местами! Голова Марко оказалась на шее Мирко. Голова Мирко — на шее Марко.

И маме, когда та вернулась домой, пришлось немало потрудиться и израсходовать уйму клея, чтобы вернуть головы на место. А клей сейчас такой дорогой...

Печальный Энрико

рико, печальный Энрико,—самый несчастный человек на свете. Спросите у него самого:

— Энрико, печальный Энрико, правда ли, что ты самый несчастный человек на свете?

И он ответит:

— Да, синьор, это верно.

Ну вот, слышали?

А теперь я расскажу его историю.

Печальный Энрико был несчастен с самого рождения. Сравните его с Гарибальди, Наполеоном, Джузеппе Верди и вы поймете почему. В книгах всюду написано, что «Гарибальди родился...», «Наполеон родился...» и «Джузеппе Верди родился...» А он же...

— Энрико, печальный Энрико, когда и где ты родился?

— Синьор, я РАДИЛСЯ...

Стоп! Вот причина всех его бед. Он РАДИЛСЯ! понимаете? РАДИЛСЯ. Само появление его на свет уже было связано с ошибкой. А потом и вся его жизнь стала ошибкой. Так печальный Энрико стал ошибочным человеком.

— Энрико, печальный Энрико, не расскажешь ли ты нам о каком-нибудь из твоих приключений?

— Отчего же, расскажу. Помнится, я пошел в школу, когда на дворе был уже АКТЯБРЬ...

— Ты, наверное, хочешь сказать — октябрь? ¹

— Нет, синьор. Я хочу сказать так, как сказал. Тем более что после экзамена меня сразу отправили домой. «Тебе,— говорят,— надо бы прийти не в октябре, а в АКТЯБРЕ». И я пошел домой, но месяц АКТЯБРЬ с тех пор так и не наступил, его не было ни в том году, ни в следующие годы. Я все еще жду его.

В детстве печальный Энрико был не очень красивым ребенком. Даже некрасивее, чем сейчас. Шея у него была тонкая, уши без мочек и походка какая-то неуклюжая. Хороший врач, назначив правильное лечение, мог бы помочь ему исправить эти недостатки. Однако его привели к ошибочному ДОКТАРУ, который и мышку не мог вылечить от страха перед кош-

¹ В Италии учебный год начинается 1 октября.

ной. Так Энрико и остался не очень красивым. Не такая уж это беда — не всем же быть красавцами! Гораздо важнее иметь доброе сердце. У печального Энрико СЕРДЦЕ было больше нормального, и от этого он становился еще печальнее.

Пришел как-то печальный Энрико к портному, чтобы заказать костюм. Но ему всегда и во всем не везло, поэтому он попал к портному, который совсем не умел пришивать ПУГАВИЦЫ — они просто не держались на одежде. Пиджак всегда был расстегнут. Брюки сползали. Прямо беда!

— Энрико, печальный Энрико, научился ли ты какому-нибудь ремеслу?

— О, я столько их перепробовал, синьор! Желания у меня было много. А вот удачи — никакой. Сначала я был учеником и стал неплохим МИХАНИКОМ, но стать настоящим механиком — через «е» — мне так и не удалось. Моим вторым учителем был СТАЛЯР, но и у него была, видно, какая-то ошибка. Как же, по-вашему, он мог меня как следует обучить? Некоторое время я был ТАЧИЛЬЩИКОМ, но зарабатывал очень мало, а кроме того, мне никак не удавалось как следует ТАЧИТЬ ножи. В прошлом году я был САПОШНИКОМ. Мне казалось, я так хорошо работал. Но клиенты говорили, что мои ботинки и гроша ломаного не стоят. Теперь я живу милостыней, синьор. Но люди подают мне только ошибочные деньги. Я хочу сказать — фальшивые.

Ничего не удавалось в жизни Энрико, печальному Энрико. Однажды ему сказали:

— Научись хотя бы водить автомобиль. Это же все умеют делать, даже самый последний дурак.

Самый последний дурак — да, а печальный Энрико — нет.

Он научился водить АФТАМАБИЛЬ, АВТАМАБИЛЬ и даже АВТАМОБИЛЬ, но только не настоящий автомобиль. Он путал педаль газа с педалью тормоза, заезжал на тротуар, пугая прохожих. И его чуть не объявили опасным преступником.

— Энрико, печальный Энрико, сколько тебе лет?

— Двести девяносто пять, синьор.

— Сколько?

— Ну да. Однажды пришла за мною смерть, и у нее уже была заготовлена могильная плита с над-

писью: «СКАНЧАЛСЯ во цвете лет». Я же случайно заметил ошибку и указал на нее. «Надо,— говорю,— писать скончался, а не СКАНЧАЛСЯ!» Смерти стало так стыдно, что она убежала и с тех пор больше не появлялась.

— Но в таком случае не так уж ты несчастлив, как говорят?

— Наверное...

Спелое небо

...ебята, мой вам совет—любите качественные прилагательные! Не ведите себя, как Марко и Мирко, эти ужасные близнецы, насмехающиеся над ними.

Вчера, например, они должны были подобрать к нескольким существительным качественные прилагательные.

Хихикая и разбрызгивая чернила, эти разбойники написали:

«Зерно — голубое! Снег — зеленый! Трава — белая! Волк — сладкий! Сахар — злой! Небо — спелое...»

И тут вдруг раздался ужасный грохот:

«Бух! Бах! Трах-тара-рах!»

Что случилось? Ничего особенного. Просто небо, услышав, что оно уже спелое, решило: пора упасть на землю, как это делают разные там груши или сливы.

И упало. И дом рухнул. И поднялось облако пыли...

Ох и много же пришлось потрудиться пожарным, чтобы вытащить из-под развалин этих ужасных близнецов, а затем еще и сшить, потому что их разорвало на кусочки, и поставить небо на место, повыше, чтобы в нем могли летать ласточки и самолеты.

Черт

...арко и Мирко без всякого уважения относятся к глаголам, даже к самым старым, кто уже совсем сед и ходит с палочкой.

Эти ужасные разбойники должны были вчера про-
спиргать, как было задано на дом, некоторые глаголы
и придумать с ними несколько предложений или сти-
хи — какие-нибудь милые детские стихи.

Вот отрывок из их упражнения:

Я мороженое ем,
Ты уписываешь крем.
А кому платить по счету?
Кто глупее всех, конечно,
Тот и платит бесконечно —
Это ясно даже черту!

Расшалившись, они продолжали:

Я еду в Милан,
Ты едешь в Милан,
Он едет в Милан,
Мы едем в Милан...
Ну а этот грубиян
Едет пусть ко всем чертям!

При этих словах в ушах у одного из чертей зазвез-
нело, и он не заставил себя долго ждать. В комнате
у близнецов прогремел гром, сильно запахло серой, и
тот уже черт преспокойно восседает в кресле.

— Так кто же должен ехать ко всем чертям? —
строго спрашивает он, поигрывая хвостом.

Марко от страха чуть в обморок не упал. А Мир-
ко, всегда готовый соврать, подбежал к окну и, ука-
зывая в сторону площади, закричал:

— Он там, ваша милость, он туда убежал!

К счастью, черт тут же выскочил в окно, помчался
на площадь и решил во что бы то ни стало унести ко
всем чертям аптекаря Панелли, который стоял в две-
рях своей аптеки, наслаждаясь вечерней прохладой.
Синьора Панелли, однако, спасла мужа. Она показала
черту рекомендацию, подписанную каким-то очень
высоким лицом.

Реформа грамматики

...читель Грамматикус решил однажды
пронести реформу грамматики.

- Надо кончать, — сказал он, — со всеми этими
трудностями. Зачем, например, нужно различать при-

лагательные по всяким там категориям? Пусть категорий будет всего две — *прилагательные симпатичные и прилагательные несимпатичные*. *Прилагательные симпатичные*: хороший, веселый, великодушный, искренний, мужественный. *Прилагательные несимпатичные*: жадный, лживый, бесчестный и так далее. Разве не лучше?

Служанка, слушавшая его, ответила:

— Намного лучше!

— Перейдем к глаголам, — продолжал учитель Грамматикус. — Я лично считаю, что их надо делить не на три спряжения, а всего на два. *Первое* — это *глаголы, которые надо спрягать*, а *второе* — *глаголы, которые спрягать не надо*, как например: лгать, убивать, воровать. Прав я или нет?

— Золотые слова! — вздохнула служанка.

И если бы все думали так, как эта добрая женщина, реформу можно было бы провести в десять минут.

Великий изобретатель

Был как-то один молодой человек, который мечтал стать великим изобретателем. Он учился день и ночь, учился много лет и наконец сказал себе:

— Я многому научился, стал **УЧОННЫМ** и теперь покажу всем, на что я способен.

Он сразу же принялся за эксперименты, и ему удалось изобрести дырки в сыре. Но потом он узнал, что они уже были изобретены.

И тогда он начал учиться заново. Учился с утра до вечера и с вечера до утра, учился многие месяцы и наконец сказал себе:

— Пора кончать. Теперь я уже **УЧОНЫЙ**... Надо посмотреть, на что же я способен.

И все увидели — он изобрел дырки в зонтике. И все очень смеялись.

Но он не пал духом, а снова взялся за книги, продолжил свои эксперименты и наконец сказал себе:

— Ну вот, теперь я уверен, что не ошибаюсь. Теперь я уже просто **УЧЕННЫЙ**.

Но все-таки он опять ошибался. Он придумал окрашивать корабли акварельными красками. Это было очень дорого и меняло цвет моря.

— И все-таки я не отступлюсь! — решил отважный изобретатель, у которого голова уже покрылась сединами.

Он снова сел за книги и занимался так много, что действительно стал УЧЕНЫМ. И тогда он смог изобретать все, что ему хотелось. Он придумал, например, машину для поездок на Луну, поезд, которому достаточно было одного-единственного зернышка риса, чтобы промчаться тысячу километров, туфли, которые никогда не снашивались, и множество других таких же интересных вещей.

Одного только он не смог придумать — как научиться никогда не делать ошибок. И, наверное, никто никогда не придумает этого.

Кто командует?

спросил одну девочку:

— Кто командует у тебя в доме?

Она смотрит на меня и молчит.

— Ну так кто же командует — папа или мама?

Она опять смотрит на меня и молчит.

— Что же ты молчишь? Ну кто-то ведь, наверное, командует?

Она опять смотрит на меня растерянно и молчит.

— Не знаешь, что значит командовать?

Да нет, она знает.

— Так в чем же дело?

Она смотрит на меня и молчит. Сердиться на нее? Может, она, бедняжка, немая? А она вдруг как побежит от меня... Потом остановилась, показала мне язык и прокричала со смехом:

— Никто не командует, потому что мы все любим друг друга!

Как лису хоронили

днажды куры увидели на тропинке лису: лежит себе, совсем как неживая, глаза прикрыты, и хвост не шелохнется.

— Она умерла, умерла! — закудахтали куры. — Надо похоронить ее!

И они тут же зазвонили в колокола, облачились в траур, и петух пошел рыть яму в поле.

Это были очень красивые похороны, и цыплята принесли цветы. Когда же подошли к яме, лиса вдруг выскочила из гроба и съела всех кур.

Новость быстро разнеслась по всем курятникам. О ней передавали даже по радио. Но лису это нисколько не огорчило. Она затаилась на некоторое время, а потом перебралась в другое село и снова разлеглась на тропинке, прикрыв глаза.

Пришли куры из другого села и тоже сразу закудахтали:

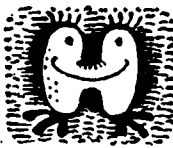
— Она умерла, умерла! Надо похоронить ее!

Зазвонили в колокола, облачились в траур, и петух пошел рыть яму на кукурузном поле.

Это были очень красивые похороны, и цыплята пели так, что слышно было даже во Франции.

Когда же подошли к яме, лиса выскочила из гроба и съела весь похоронный кортеж.

Новость быстро разнеслась по всем курятникам и заставила пролить немало слез. О ней говорили даже по телевидению, но лиса ни капельки не испугалась. Она знала, что у кур короткая память, и жила себе припеваючи, притворяясь, когда надо, мертвой. А тот, кто будет поступать, как эти куры, значит, совсем не понял эту историю.

Неверное эхо

е вздумайте нахваливать мне чудеса эха, не поверю! Вчера меня повели знакомиться с одним из них. Я начал с простейших арифметических вопросов:

— Сколько будет дважды два?

— Два! — ответило эхо, даже не подумав.

Неплохое начало, ничего не скажешь!

— Сколько будет трижды три?

— Три! — радостно воскликнуло глупенькое эхо.

В арифметике оно было явно не сильно. Я решил дать ему возможность показать себя в лучшем виде и сказал:

— Выслушай мой вопрос и подумай как следует, прежде чем ответить. Что больше — Рим или озеро Комо?

— Комо, — ответило эхо.

— Ну, ладно, оставим в покое географию. Перейдем к истории. Кто основал Рим — Ромул или Цезарь?

— Цезарь! — крикнуло эхо.

Тут я совсем рассердился и решил задать последний вопрос:

— Кто из нас меньше знает, я или ты?

— Ты! — невозмутимо ответило эхо.

Нет, не вздумайте нахваливать мне чудеса эха...

Два верблюда

Как-то раз одногорбый верблюд сказал двугорбому:

— Я, приятель, тебе очень сочувствую. Позволь выразить тебе мое соболезнование.

— А в чем дело? — удивился тот. — Кажется, я не вижу траура.

— Вижу, вижу, — продолжал одногорбый верблюд, — что ты даже не понимаешь, как несчастлив. Ведь ты такой же верблюд, как я, только с недостатком — у тебя два горба вместо одного. И это, конечно, очень, очень грустно.

— Прости меня, — ответил двугорбый верблюд, — я не хотел тебе это говорить, не хотел обижать, но раз уж ты сам заговорил об этом, так знай же, что из нас двоих ты несчастнее. Потому что это ты с дефектом. Это у тебя вместо двух горбов, как должно быть у правильного верблюда, всего один!

Так они спорили довольно долго и даже чуть не подрались, как вдруг увидели проходящего мимо бедуина.

— Давай спросим у него, кто из нас прав,— предложил одногорбый верблюд.

Бедуин терпеливо выслушал их, покачал головой и ответил:

— Друзья мои, вы оба с недостатками. Но не в горбах дело. Их вам подарила природа. Двугорбый красив тем, что у него два горба, а одногорбый красив, потому что у него только один горб. А главный недостаток у вас у обоих в голове, раз вы до сих пор не поняли этого!

Две республики

Были когда-то две республики: одна называлась Республика Семпрония, другая — Республика Тиция. Существовали они уже очень долго, многие века, и всегда были соседями.

Семпронские ребята учили в школе, что Семпрония граничит на западе с Тицией, и беда, если они этого не запомнят.

Тицийские ребята учили в школе, что Тиция граничит на востоке с Семпронией, и знали, что, если они не усвоят это, их не переведут в следующий класс.

За много веков Семпрония и Тиция, разумеется, частенько ссорились и по меньшей мере раз десять воевали друг с другом, пуская в ход сначала пики, потом ружья, затем пушки, самолеты, танки и т. д. И нельзя сказать, чтобы семпронийцы и тицийцы ненавидели друг друга. Напротив, в мирное время семпронийцы нередко приезжали в Тицию и находили, что это очень красивая страна, а тицийцы проводили в Семпронии каникулы и чувствовали себя там прекрасно.

Однако ребята, изучая в школе историю, слышали столько плохого про своих соседей.

Школьники Семпронии читали в своих учебниках, что война всегда начиналась по вине тицийцев. Школь-

ники Тиции читали в своих учебниках, что семпронийцы много раз нападали на их страну.

Школьники Тиции учили: «Знаменитая битва при Луци-Наци окончилась для семпронийцев позорным бегством».

Школьники Семпронии заучивали: «В знаменитом сражении при Наци-Туци тицийцы потерпели ужасное поражение».

В семпронийских учебниках истории были подробно перечислены все злодеяния тицийцев.

В тицийских учебниках истории были так же подробно перечислены преступления семпронийцев.

Неплохо все перепуталось, не так ли? Но я тут ни при чем. Именно так все и было — так и жили эти две республики. И, наверное, еще какие-то другие республики, названия которых мне сейчас не припомнить.

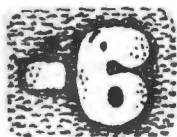

Жалоба глаз

овелось мне однажды подслушать, как жаловался глаз.

— Увы! — говорил он. — Несчастный я! Вот уже несколько столетий, как стало мне совсем тяжело жить. Я всегда видел, что Солнце вращается вокруг Земли. Но появился вдруг этот Коперник, появился этот Галилей и доказали, что я ошибался, потому что Земля вертится вокруг Солнца. Смотрел я в воду и видел, что она чистая и прозрачная. Но появился этот голландец Левенгук, изобрел микроскоп и заявил, что в капле воды больше живых существ, чем в зоопарке. Смотрю я ночью на небо, вон туда, навверх. Оно черное, какие тут могут быть сомнения. У меня ведь прекрасное зрение. Но похоже, я заблуждался и на этот счет. Подводят меня к телескопу, направленному туда же, высоко в небо, и я вдруг вижу там миллионы звезд. Так что теперь уже бесспорно доказано, что я все вижу неверно. Должно быть, мне лучше уйти на пенсию.

Молодец! Только кто же будет смотреть в микроскопы и телескопы?

Рыбы

— Будь осторожна! — сказала как-то большая рыба рыбе маленькой. — Вот это — крючок! Не трогай его! Не хватай!

— Почему? — спросила маленькая рыбка.

— По двум причинам, — ответила большая рыба. — Начнем с того, что, если ты схватишь его, тебя поймут, обваляют в муке и поджарят на сковородке. А затем съедят с гарниром из салата!

— Ой, ой! Спасибо тебе большое, что предупредила! Ты спасла мне жизнь! А вторая причина?

— А вторая причина в том, — объяснила большая рыба, — что я сама хочу тебя съесть!

Мальчик и стол

— Дин мальчик, прыгая, больно ударился коленом о стол и рассердился:

— Противный стол!

Отец обещал этому мальчику принести интересный журнал с картинками, но забыл. И мальчик заплакал. Отец рассердился и закричал на него:

— Противный мальчишка!

Стол остался ужасно доволен.

Число 33

— Я знаю одного скромного торговца. В его магазине продаются не сахар и не кофе, не мыло и не чернослив. Он продает только число 33.

Это в высшей степени честный человек. Он продает только натуральный продукт — не подделку — и никогда не обвешивает. Он не из тех, которые говорят!

«Вот ваше 33, синьор!» — а на самом деле человек получает только 31 или даже 29.

Торговля у него небольшая. На 33 не такой уж большой спрос. В его магазин заглядывают разве только те, кому надо идти к зубному врачу. А некоторые к тому же покупают себе 33, бывшее в употреблении, в другом магазине — у Порто Портезе. Но он не жалуется. Вы можете послать к нему ребенка или даже котенка в полной уверенности, что он не обманет их.

Это честный торговец. И на таких зиждется общество.

Открытка

Была однажды открытка без адреса. На ней было написано только: «Приветы и поцелуи!» И подпись: «Нинучча». Никто не знал, кто такая эта Нинучча — синьорина или синьора, старая ворчунья или девочка в джинсах. Или, может быть, какая-нибудь птичка.

Многие бы хотели получить хотя бы один из этих «приветов» и «поцелуев», хотя бы самый маленький. Но можно ли довериться этой неизвестной Нинучче?

Музыкальная история

Ваш городок чествовал вчера синьора Громбетти Джованкарло, который за тридцать лет работы один, без всяких помощников, записал на магнитофонную ленту оперу «Аида» композитора Джузеппе Верди.

Он начал эту работу еще подростком. Он исполнил перед микрофоном сначала партию Аиды, затем партии Амнерис и Радамеса. Одну за другой он спел и записал и все остальные партии. И хор тоже. Поскольку хор жрецов состоит из тридцати певцов, ему пришлось

исполнить его тридцать раз. Затем он научился играть на всех инструментах — от скрипки до барабана, от фагота до кларнета, от тромбона до английского рожка и так далее. Он записал все партии этих инструментов одну за другой, затем переписал их на одну дорожку, чтобы получилось впечатление, будто звучит оркестр.

Всю эту работу он проделал далеко от своего дома, в подвале, который снимал специально. Родным он говорил, что идет работать сверхурочно, а сам шел записывать «Аиду». Он записал и разные шумы — проход слонов, лошадей, аплодисменты после самых известных арий. Бурные аплодисменты в конце первого акта он тоже записал сам. Для этого он в течение минуты три тысячи раз хлопнул в ладоши. Он решил, что на спектакле присутствовало три тысячи человек, из которых четыреста восемнадцать должны были кричать «Браво!», сто двадцать один — «Брависсимо!», тридцать шесть — «Бис!» и только двенадцать — «Безобразия! Вон со сцены!»

И вчера, как я уже сказал, четыре тысячи человек, собравшиеся в оперном театре, присутствовали при первом прослушивании выдающейся оперы. И в конце все единодушно согласились: «Потрясающе! Звучит, как настоящая пластинка!»

Уменьшаюсь!

то ужасно — уменьшаться под насмешливыми взглядами всей семьи. Для них это просто шутка, им весело. Когда стол оказывается выше меня, все они становятся ласковыми, нежными, заботливыми. Внучата бегут за корзиной, как для котенка. Очевидно, хотят устроить в ней постель для меня. Затем, взяв за загривок, меня осторожно поднимают с полу, кладут на старую выцветшую подушку и зовут друзей и родственников полюбоваться на это зрелище — подушка в корзине! И я становлюсь все меньше. Теперь я уже могу поместиться в ящике буфета, где лежат салфетки, чистые или грязные. А еще через несколько

месяцев я уже перестаю быть отцом семьи, дедом, уважаемым специалистом, а превращаюсь в бездельнушку, которую пускают погулять по столу, когда не включен телевизор. Берут лупу, чтобы рассмотреть мои крохотные ноготки. Вскоре мне уже будет достаточно спичечного коробка. А потом кто-нибудь обнаружит, что он пуст, и выбросит его...

Птицы

Я знаю одного синьора, который очень любит птиц. Всяких — и лесных, и болотных, и полевых: ворон, трясогузок, колибри; уток, водяных курочек, зеленушек, фазанов; европейских птиц и птиц африканских. У него дома целая библиотека о птицах — три тысячи томов, и многие даже в кожаном переплете.

Он с большим увлечением изучает жизнь птиц. Он открыл, например, что аисты, когда летят с севера на юг, пролетают над Испанией и Марокко или над Турцией, Сирией и Египтом, делая таким образом большой круг, лишь бы не лететь над Средиземным морем — они очень боятся его. Не всегда ведь самая короткая дорога — самая надежная.

Вот уже многие годы, даже десятилетия, этот мой любознательный знакомый изучает жизнь птиц. Неудивительно, что он точно знает, когда они прилетают. Тогда он берет свое автоматическое ружье и — бах, бах! — стреляет без промаха.

Цепь

Я ешь стыдилась самой себя. «Увы, — думаю она, — все презирают меня. И это понятно. Люди любят свободу и ненавидят оковы».

Проходил мимо человек. Он взял цепь, забрался

на дерево, привязал оба ее конца к самому крепкому суку и сделал качели.

Теперь цепь служит для того, чтобы высоко взлетали на качелях дети этого человека. И она очень довольна.

Журналы

Как-то ехал я в поезде с одним синьором, который сел в Теронтоле. У него было с собой шесть журналов. И он принялся читать их. Сначала он прочел первую страницу первого журнала, затем первую страницу второго журнала, потом первую страницу третьего журнала и так далее — до шестого.

Затем он начал читать вторую страницу первого журнала, вторую страницу второго журнала, вторую страницу третьего журнала и так далее.

Потом принялся за третью страницу первого журнала, перешел к третьей странице второго... Он читал внимательно, углубленно и даже делал какие-то выписки.

Вдруг мне пришла в голову ужасная мысль: «Если во всех этих журналах одинаковое количество страниц, еще куда ни шло. Но что случится, если в одном журнале окажется шестнадцать страниц, в другом — двадцать четыре, а в третьем — только восемь? Что будет делать этот несчастный синьор в таком случае?»

К счастью, в Орте он вышел, и я не присутствовал при трагедии.

Кем я стану

Однажды учитель Грамматикус нашел где-то в старом шкафу пачку школьных сочинений. Они были написаны тридцать лет назад, когда он преподавал в другом городе.

«Тема: кем я стану, когда вырасту». Так был озаглавлен каждый листок, а рядом стояли имя и фамилия ученика. Всего двадцать четыре странички — Альберти Марио, Бонетти Сильвестро, Карузо Паскуале... Учитель Грамматикус поискал в своем альбоме фотографии этого класса и попытался припомнить ребят.

— Вот это, должно быть, Дзанетти Артуро. А может, наоборот, Риги Ринальдо? Нет, к сожалению, я уже совсем не помню этих ребят!

Он отложил фотографии и принялся читать пожелтевшие страницы сочинений, улыбаясь орфографическим ошибкам. Какое теперь может иметь значение пропущенный тридцать лет назад мягкий знак!

«Когда я вырасту,— писал Альберти Марио,— и буду летчиком. А пока я собираю фотографии самолетов, вырезаю их из газет. Рассматривая их, я МИЧТАЮ о своем будущем...»

Славный Марио написал мечтаю через «и» — МИЧТАЮ.

— Надеюсь,— вздохнул учитель,— эта ошибка не помешала ему осуществить свою мечту.

«Мой отец торгует сантехническим оборудованием и хочет, чтобы я, когда вырасту, продолжал его дело. А я хочу стать музыкантом. У меня есть двоюродный брат, который играет на скрипке и...»

Учитель Грамматикус поднялся из-за стола, чтобы включить свет, потому что, пока он читал сочинения, темно. И тут ему пришло в голову, что...

— Да нет, какая глупость! — воскликнул он.

Но тут он понял, что решение уже принято и завтра утром...

Наутро учитель Грамматикус сел в поезд и поехал в тот город, где когда-то учил ребят. Приехав туда, он пошел в адресный стол, достал из кармана список своих бывших учеников и стал искать их адреса. Он хотел узнать, сбылись ли их мечты, стали ли они теми, кем хотели стать, когда были маленькими.

И должен вам сказать правду, даже если она и нерадостна. Я должен вам сказать, что учитель очень расстроился и огорчился, когда закончил свои поиски.

Он узнал, например, что трое его бывших учеников погибли на войне, вдали от родины. Не сбылись их мечты. Оборвалась молодость.

Он узнал, что Альберти Марио стал не летчиком, а официантом. Профессия как профессия, хотя никто никогда не пишет в сочинениях: «Когда вырасту, стану официантом...» И все же официантов очень много.

Сын торговца сантехническим оборудованием тоже не стал, как хотел, музыкантом, а стал торговать газовыми баллонами.

Одни мечты со временем меняют кожу, словно иные животные в разное время года. Другие перечеркивают жизнь — так сильный ветер порой преждевременно срывает с деревьев листья. И наконец учитель узнал, что Корсини Ренцо, мечтавший стать электриком, тоже стал школьным учителем, и он решил разыскать его.

— Как поживаешь, дорогой Ренцо? Помнишь, ты когда-то хотел стать электриком?

— Я? Не может быть!

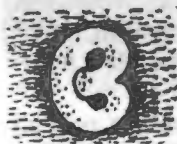
— Да, да! Посмотри — вот твоё сочинение.

— Странно! Действительно мое. Но я совершенно не помню об этом!

— Выходит, ты написал тогда неправду?

— Кто знает? Может, и так.

Учитель Грамматикус долго размышлял над этим. Больше того, он до сих пор еще размышляет.

Старые Пословицы

одном городе, о нравах и обычаях которого я еще как-нибудь расскажу вам, есть неказистое, пожалуй, просто старомодное здание. Это Приют для Старых Пословиц. Тут отдыхают на старости лет Старые Пословицы, которые когда-то были молодыми и полными сил и которые теперь уже мало кого интересуют. Я, кажется, сказал — отдыхают? Нет, правильнее было бы сказать — болтают и без конца спорят!

— Ослом родился, ослом и умрешь! — заявляет, например, одна Старая Пословица.

— Вовсе нет! — возражают ей собеседницы. — А если учиться? Прилежно и старательно, изо всех сил! И вообще, если очень захотеть, можно всего добиться!

— Счастлив тот, кто умеет довольствоваться малым! — заявляет другая Старая Пословица.

— Неправда! — тут же вмешивается еще одна Старая Пословица. — Если бы люди довольствовались тем, что имеют, они бы до сих пор жили на деревьях, как обезьяны!

— Тот, кто все делает сам, работает за троих! — слышится еще чей-то возглас.

И тут же кто-то возражает:

— Нет, кто работает сам, работает только за одного. Зато в единстве — сила!

Старые Пословицы на минутку умолкают. Потом самая Старая Пословица продолжает разговор:

— Кто хочет мира, готовит войну!

Тогда Старая Пословица помолже дает ей валерьяновых капель и терпеливо объясняет, что тот, кто хочет мира, должен готовить мир, а не бомбы.

Еще одна Старая Пословица заявляет:

— В своем доме каждый сам себе король!

— Но в таком случае, — возражают ей сразу все Старые Пословицы, — почему же всем приходится платить налоги? И за свет? И за газ? Ничего себе король!

Как видите, Старые Пословицы, споря друг с другом, говорят иногда и умные вещи, особенно когда критикуют друг друга. И главная задача — возразить, непременно сказать совершенно противоположное тому, что только что было сказано.

— Самое сладкое — в конце! — говорит, например, одна из Пословиц.

Но другая тут же возражает:

— Нет, самое трудное — в конце!

И мне становится жаль их. Они не замечают, что мир меняется, что со старыми пословицами теперь далеко не уедешь, что жизнь могут изменить только молодые, смелые люди с хорошими, умелыми руками и умной, светлой головой. Такие, как вы!

Когда осел полетит

а берегу реки в жалком домишке жила одна бедная семья, такая бедная, что еды никогда не хватало на всех и кому-то одному непременно приходилось голодать.

Дети спрашивали дедушку:

— Почему мы не богатые? Когда мы разбогатеем?

Дедушка отвечал:

— Когда осел полетит!

Дети смеялись. Но все-таки немножко верили в это. И время от времени забегали в хлев, где осел жевал свою солому, гладили его и говорили:

— Мы все ждем, когда же ты наконец полетишь.

Утром, едва проснувшись, они тоже бежали в хлев:

— Ну как? Сегодня? Смотри, какая хорошая погода, какое чистое небо! Самое подходящее время, чтобы полететь!

Но осел не обращал на них внимания и продолжал жевать свою солому.

Осенью начались сильные дожди, и река вышла из берегов. Плотины не выдержали напора, вода хлынула на равнину, затопила всю округу.

Несчастливым людям пришлось забраться на крышу. Они втащили туда и осла, потому что это было их главное богатство. Дети расплакались, и дедушка стал рассказывать им разные истории, а потом, чтобы расшевелить их, сказал, обращаясь к ослу:

— Глупый, видишь, какую беду ты навлек на нас! А умел бы ты летать, все было бы иначе!

Вскоре им помогли пожарные, которые подплыли к затопленному домику на моторной лодке. Они сняли людей с крыши и перевезли их в безопасное место. А осел ни за что не захотел спускаться в лодку. Дети опять расплакались и стали упрашивать его:

— Ну поехали с нами, поехали!

— Вот что,— решил пожарный,— пусть остается! Потом вернемся за ним. А сейчас нас еще много народу ждет. Такого ужасного наводнения никто и не припомнит.

Моторная лодка ушла, и осел остался на крыше.

И знаете, как его спасли? С помощью вертолета!

Красивая металлическая стрекоза с мотором, жужжа, полетела над крышей домика. Из вертолета спустился по канату человек. Он, видимо, хорошо знал, как надо обращаться с осликами, потому что ловко подвязал его веревками под живот, вернулся в кабину, и вертолет поднялся.

И дети, стоявшие на холме, увидели, что их осел летит по воздуху. Они вскочили, запрыгали, закричали, засмеялись:

— Осел полетел! Осел полетел! Теперь мы разбогатеет!

На крики ребят сбежался народ. Люди смотрели на ослика и спрашивали:

— Что случилось? Что происходит?

— Наш осел полетел! — радовались ребята. — Теперь мы разбогатеет!

Лица людей осветились улыбкой, словно над мрачной, затопленной равниной взошло солнце. И кто-то сказал:

— У вас впереди еще такая большая жизнь, что бедными вас никак не назовешь!

Бухгалтер и бора

Триесте в конторах разных пароходных компаний нередко встречаются невысокие, худощавые люди, которые всю свою жизнь заняты только тем, что выписывают бесчисленные колонки цифр и ведут учет корреспонденции с Нью-Йорком, Сиднеем, Ливерпулем, Одессой, Сингапуром. Люди эти свободно разговаривают на пяти или шести языках — на итальянском, немецком, английском, словацком, хорватском, венгерском — и переходят с одного языка на другой с легкостью птички, порхающей с ветки на ветку одного и того же дерева. Жены у этих людей, как правило, высокие, светловолосые, красивые, потому что в Триесте все женщины красивые. Дети у них тоже невысокие и крепкие, занимаются спортом, греблей, изучают ядерную физику и т. д. Но сами они, эти люди, бог знает почему, невысокого роста, худощавы. Не-

известно, впрочем, все ли они такие. Может быть, это только так кажется, потому что я вспоминаю сейчас бухгалтера Франческо Джузеппе Франца — того самого знаменитого бухгалтера Франца, которого унесла бора. Бора — это сильный северный ветер, который часто дует в Триесте. Он сильнее и быстрее курьерского поезда, идущего на полной скорости. Так вот, Франческо Джузеппе, когда был мальчиком и ходил в школу, весил не больше кошки. И в те дни, когда дул ветер, его мать, прежде чем выпустить сынишку из дома, давала ему тысячу наставлений и клала в портфель кирпич, чтобы ветер не унес его бог знает куда.

Однажды — это было летом 1915 года — этот самый легкий ученик Триеста спокойно шел в школу, неся портфель с учебниками и кирпичом, как вдруг австрийский жандарм, грозно указав на него пальцем, обвинил его в демонстрации протеста. Дело в том, что на Франческо Джузеппе было зеленое пальто, красный шарф и белый шерстяной берет¹, так что он двигался по улице, словно маленький итальянский флаг, сбежавший из ящика комода, для того чтобы нарушить общественный порядок в Австрийской империи².

Франческо Джузеппе уже тогда носил очки, потому что был немного близорук, но грозный палец жандарма он мог различить и среди тысячи других пальцев.

От испуга Франческо Джузеппе выронил портфель. Если бы воздушный шар сбросил сразу весь свой груз и даже кабину, он не смог бы взлететь вверх быстрее, чем это сделал Франческо Джузеппе. Оставшись без спасительного противовеса, припасенного мамой, он оторвался от земли, а бора подхватила его и понесла по воздуху, словно пушинку.

Минуту спустя маленькое итальянское знамя, зацепившись за фонарь, развевалось высоко над тротуаром.

— Спускайся! — кричала Австро-Венгерская империя.

— Не могу! — отвечал Франческо Джузеппе.

Он действительно не мог. Очень трудно карабкаться вверх, но еще труднее спускаться вниз, особенно когда мешает ветер.

¹ Зеленый, красный, белый — три цвета итальянского флага.

² В 1915 году Триест входил в состав Австрийской империи.

У фонаря вскоре собралась небольшая толпа, и многие добрые триестинцы притворились, будто сердятся на возмутителя спокойствия.

— Эй, мальчишка, слушайся синьора жандарма!

— Да где там! Нынешняя молодежь никакого уважения не питает к властям.

Жандарм ушел за подмогой. Тогда из лавки вышел колбасник с лестницей, а рассыльный из порта забрал по ней и спустил Франческо Джузеппе вниз. Мальчик схватил свой портфель и пустился бежать со всех ног, а вслед ему неслись аплодисменты и смех.

Прошли годы, десятилетия. Франческо Джузеппе стал образцовым служащим. Он выписывал длинные колонки цифр, отправлял письма в Мехико, сопровождал свою красавицу жену на концерты, а детей — на спортплощадку. Но в те дни, когда дула бора, он все-гда, в память о маме, клал в портфель все тот же старый кирпич.

Однажды утром — это было в 1957 году — дула сильная бора, и он с трудом шел против ветра. Вдруг его задела какая-то собака, и он уронил свой портфель. Тот упал ему прямо на ногу, а ведь в нем был кирпич. Но бухгалтер Франческо Джузеппе даже не успел почувствовать боли, потому что ветер тотчас же подхватил его и унес высоко в небо — он оказался над крышами магазинов, над дымами портовых буксиров, над торговыми кораблями, стоявшими на якоре в порту, и все летел и летел, пока не зацепился наконец за дымовую трубу какого-то корабля, отходившего в Австралию.

Спуститься он не решался, а снизу, с палубы, его никто не видел. Его заметили, только когда корабль уже покидал Адриатическое море и входил в Ионическое.

— Капитан, у нас на борту безбилетный пассажир, ссы-яц!»!

— Черт возьми! Придется везти его до Александрии, в Египет... Не станем же мы возвращаться из-за него с полпути.

Бухгалтер Франческо Джузеппе возмутился, что его называют «зайцем». Он рассказал про ветер, про кирпич и собаку, но когда заметил, что капитан готов повторить свои слова назад только для того, чтоб назвать его чокнутым, замолчал.

Из Александрии он телеграфировал жене и на службу и попросил, чтобы ему помогли вернуться домой.

Разумеется, в Триесте ему тоже не поверили.

— Унесен борой? Да бросьте вы сказки рассказывать! Уж я скорее поверю, что осел полетел по воздуху.

— Можно проверить на опыте,— предложил бухгалтер.— Могу показать, как это случилось.

А когда жена предложила ему вместо опыта сходить к хорошему врачу, он перестал уверять, что говорит правду.

«Ладно,— решил он про себя,— тем хуже для них. Пусть это будет мой секрет».

И он хранит его до сих пор. Каждый раз, когда начинает дуть бора, Франческо Джузеппе делает так: день или два живет спокойно, как ни в чем не бывало, чтобы никто ничего не заподозрил, а потом уходит за город и летает.

Он заполняет карманы камнями, привязывает веревку к поясу и к какому-нибудь дереву. Затем постепенно выбрасывает камни из карманов и поднимается в воздух до тех пор, пока не натягивается веревка. В таком положении он остается наверху столько времени, сколько ему хочется, если бора не прекращается. Что же он там, наверху, делает?

Он смотрит по сторонам, с интересом наблюдает, как удивляются ему птицы. Иногда читает книгу. Больше всего он любит стихи Умберто Сабы, великого триестинского поэта, скончавшегося несколько лет назад. Может быть, это вас очень удивит, но не должно бы. Почему, собственно, бухгалтер не может любить стихи? Почему обыкновенный человек, такой, как все, как многие другие, не может иметь свой собственный, сокровенный секрет?

Никогда не судите о людях по их внешнему виду, по их профессии, по их одежде. Каждый человек способен на самые необыкновенные дела, и многие их совершают только потому, что не знают, что могут.

Или потому, что не умеют вовремя освободиться от своего кирпича.

Встреча с волшебниками

...меня зовут Оскар Бестетти, родом я из Болоньи и работаю в одной торговой фирме. Чтобы подыскивать покупателей и рекламировать товары, мне приходится беспрестанно ездить на своей машине по всей Италии, так что давайте спрашивайте о чем угодно. Хотите знать, сколько шлагбаумов на виа Лурселиа между Гроссетто и Фоллоникой? Сколько поворотов на виа Кассия между Витербо и Сиеной? И знаю все обо всех дорогах нашего полуострова!

Бывает, что сажаю в машину тех, кто голосует на дороге — просит подвезти. Частенько кто-нибудь стоит у обочины и машет рукой — остановись, мол. Теперь так делают даже старушки, которые несут на рынок свежие яйца. С помощью такого автостопа они экономят деньги на поезд или автобус. Когда в машине есть место и можно не спешить, я охотно подсаживаю людей: и поболтать приятно, и время летит быстро, да и узнаешь немало интересного. В прошлом году — это было в июле — подъезжал я к Виареджо, как вдруг останавливают меня двое парней.

— Не в Турин ли едете?

— В Турин. Садитесь.

И они садятся со своими рюкзаками — двое славных парней, двое туринских рабочих, которые провели отпуск у моря и теперь возвращались домой. Веселые, компанейские ребята. Одного звали Берто, другого Джулио. Ну, это все ничего. Мы разговорились, конечно, о том о сем, и я не заметил, как кончился бензин. Вернее, заметил, да поздно, когда уже совсем ничего не осталось в баке. Мотор поворчал, почихал, покашлял, плюнул разок и замолчал. Машина остановилась.

— Ай, ай! — говорю. — Слыхали новость? До ближайшей бензоколонки всего каких-нибудь десять километров, и в каждом ровно по тысяче метров.

— Подумаешь! — говорит Берто. Или, может быть, Джулио? Ладно, оба смеются. — Туринцы мы или нет? — говорят. — К тому же опытные механики. У нас от нас нет секретов.

— Тут дело не в технике и не в секретах,— возражаю я.— У меня ни капли бензина, даже в зажигалке.

— Резиновая трубка у вас найдется?

— Конечно. Только бензин она не заменит.

— Сейчас посмотрим. Да, да, вот такая нам и нужна!

Берто берет трубку, выходит из машины и что-то делает возле бензобака. Джулио, оставшийся в машине, улыбается.

— А что он там делает? — спрашиваю.

— Сейчас кончит. Бензин — это его специальность.

Берто идет к обочине дороги, срывает штук десять крупных маков, затем выбирает один из них, засовывает его в трубку, тотчас же раздается славное бульканье и чувствуется сильный запах бензина. Бензобак наполняется за несколько секунд. И мы едем дальше. У меня от удивления глаза на лоб лезут, но я не решаюсь и слова сказать.

— Видали? — говорит Джулио.— Пустяки! Мы в автомобилях кое-что смыслим.

Я помалкиваю. И едва не врезаюсь в шлагбаум. Спихиваюсь, жму на тормоза...

— Да вы что,— смеясь, кричит Джулио,— с ума сошли, что ли!

И тут же изо всех сил жмет ногой на акселератор.

— Спасайся, кто может! — ору я и зажмуриваюсь, чтобы не видеть, как произойдет катастрофа. Только ничего не случилось. Открываю глаза — машина, слегка задрав капот, не замедляя движения, плавно перелетает шлагбаум и... проносится над товарным составом, несущимся на большой скорости, опускается на другой стороне и, коснувшись шинами асфальта, снова мчится вперед как ни в чем не бывало.

Парни на все это ноль внимания и продолжают болтать о каком-то туринском кафе, где можно попробовать лучшие во всей Солнечной системе грибы.

— Но как же так... — бормочу я.— Что это было?.. То есть я хочу сказать... Надо же!

Парни с недоумением и даже с тревогой смотрят на меня:

— Вам плохо? Что-нибудь случилось? Хотите комфетку? Жевательную резинку?

— Какая там резинка? Объясните лучше, что за чудеса вы творите!

Парни смотрят на меня с еще большей тревогой.

— Поосторожней в выражениях! — говорит Берто. А может быть, Джулио, или оба сразу. — Поосторожней! Мы честные рабочие люди, а вы что думаете? Мы можем собрать машину с завязанными руками и глазами, это верно. Так мы уже говорили об этом.

Я умолкаю. Уже проехали Геную, миновали Апеннины, приближаемся к Турину. День клонится к закату.

Некоторое время едем молча. Затем Джулио — видимо для того, чтобы восстановить мир, — предлагает:

— Послушаем музыку?

— Очень жаль, — говорю, — но у меня в машине нет радио.

— Ну, если дело только за этим...

Он каким-то особым образом нажимает рычажок включения «дворников». Как? Понятия не имею. Факт тот, что «дворники» неподвижны, а в машине звучит веселая музыка. Джулио и Берто крепко хлопают друг друга по плечу и клянутся, что, как только приедут в Турин, отправятся потанцевать в одно хорошее местечко на набережной По.

— Э, да сколько можно, уважаемый! Все-то вам не по праву.

— Я не...

— Поймите как следует только одно — для хорошего туринского механика нет ничего невозможного. Ясно?

«Бах! Бух! Бах!» Лопается шина.

Тяжело вздыхая, лезу в багажник за домкратом, чтобы сменить колесо. Но не успеваю и оглянуться, как шина уже в порядке. Она тверда, как камень. А Джулио кладет в карман своего пиджака карандаш. Готов поспорить, что он накачал шину этим карандашом!

Словом, я совсем перестал понимать, кого же все-таки я посадил к себе в машину — двух рабочих или двух волшебников. И подумать только, что таких людей, как они, в Турине десятки тысяч...

Гвидоберто и этруски

ного, очень много лет назад профессор Гвидоберто Доминициани отрастил себе щеголеватую черную бородку и отправился в Перуджу. Я не хочу сказать, что без бороды он не смог бы совершить визит в город, который, как уверяют путеводители, «был некогда крупным центром этрусской цивилизации». Я хочу сказать, что и та, и другая идея — отрастить бородку и побывать в Перудже — родились одновременно, в одном и том же году. И с тех пор, точнее, с того дня, когда Гвидоберто прошел под этрусской аркой, которую еще называют Аркой Августа, его борода и город Перуджа уже никогда не разлучались.

Надо вам сказать, что Гвидоберто до безумия любил... этрусков. Среди всех событий, всех народов и всех загадок истории только этруски обладали способностью привести его мозг в крайнее напряжение. Кто они такие? Откуда пришли в Италию? И самое главное: на каком таком чертовском языке они говорили?

Надо вам сказать также, что язык этрусков, словно неприступная крепость, тысячелетиями выдерживал атаки ученых всего мира. Но до сих пор никто так и не расшифровал его, никто не понимает ни единого слова.

Тем самым этруски словно отомстили за себя, как бы говоря: «Вы уничтожили нас? Ладно. Древние римляне захватили и покорили наши города? Прекрасно. Зато мы сделаем так, что никто никогда не сможет заниматься этрусками без головной боли и нервного истощения».

И вот Гвидоберто оказался в Этруско-романском музее. Он медленно, неторопливо, тщательно осматривал один зал за другим, растягивая удовольствие, словно сладкоежка, откусывающий шоколад крохотными кусочками, чтобы продлить приятное ощущение. Удар молнии разразился, когда он увидел знаменитый «чиппо» — могильный столбик без капители из местного камня травертина, на котором высечена знаменитейшая «этрусская надпись» — несколько строк, над которыми ломали свои светлые головы сотни виднейших ученых, головоломка, от которой бросало

дрожь лучших дешифровщиков и любителей ребусов и кроссвордов.

Увидеть этот знаменитый могильный столбик и влюбиться в него было для Гвидоберто минутным делом. Почтительно прикоснуться к нему и решить, вернее, поклясться, что он прочтет высеченную на нем надпись, тоже было вполне естественно.

Так уж устроены этрускологи, то есть те, кто изучает культуру этрусков. Профессор Гвидоберто Доминициани, приехав в Перуджу всего на один день, остался там на всю жизнь. Все рабочие дни с 9 до 12 и с 15 до 17 часов (в соответствии с расписанием работы музея) он проводил перед своим любимым столбиком, созерцая его.

Однажды утром, когда он размышлял над словом «расенна», пытаясь понять, означает ли оно «народ», «люди» или, может быть, «увитые цветами балконы», кто-то обратился к нему на незнакомом языке. Молодой голландец, жаждавший узнать что-нибудь про знаменитый столбик, надеялся получить у него хоть какие-нибудь сведения. Гвидоберто напрасно пытался объяснить с ним по-немецки, по-английски или по-французски. Ясно было, что они изучали эти языки у весьма различных преподавателей, потому что понимали друг друга не лучше, чем крокодил и утюг.

Молодой человек, похоже, очень хотел узнать как можно больше об этрусках. А Гвидоберто со своей стороны очень хотел поделиться с ним своими знаниями. Как быть? Гвидоберто не оставалось ничего другого, как изучить голландский язык, что он и сделал в те короткие промежутки времени, которые могильный столбик иногда оставлял ему. Через несколько недель грамматика и словарь Нидерландов уже не составляли для Гвидоберто никакого секрета, и молодой голландец — студент знаменитого перуджинского университета для иностранцев — уже клялся, что посвятит всю жизнь этрускам, по крайней мере, одну половину, а другую сохранит для Голландии.

На следующий год профессор Гвидоберто вынужден был — все так же урывками — освоить шведский, финский, сербскохорватский, португальский и японский языки. К этим национальностям принадлежали

иностранные студенты, увлеченные этрусской проблемой. И Гвидоберто волей-неволей пришлось изучать их языки, раз уж он хотел быть уверенным, что они правильно ухватили суть вопроса, а именно, что этрусский язык — поразительнейшая загадка и что тот, кто надеется понять в нем хоть одно слово, имеет полное право на льготный пропуск в сумасшедший дом.

В течение следующих быстро промелькнувших пяти лет профессор Гвидоберто, не отрывая ни одной минуты от созерцания могильного столбика, изучил турецкий, русский, чешский и арабский языки, а также дюжину наречий и диалектов стран Среднего Востока и черной Африки. Потому что теперь в Перуджу приезжали студенты и оттуда, и в городе можно было услышать языки всех стран мира. Неудивительно, что однажды какой-то иранец сказал другому (это были туристы — не студенты):

— Как на строительстве Вавилонской башни!

— Ошибаетесь! — тут же отозвался профессор Гвидоберто, который проходил мимо и услышал эту реплику. Он сказал это, разумеется, на чистейшем персидском языке. — Перуджа, дорогие господа, полная противоположность Вавилонии. Ведь там произошло смешение языков, и люди перестали понимать друг друга — родного брата, соседа по дому, сборщика налогов. Здесь наоборот. Сюда приезжают со всех концов света и прекрасно понимают друг друга. Наш университет для иностранцев — это, если позволите, прообраз будущего мира, в котором все народы будут жить в дружбе.

Иранские туристы, услышав от итальянца такой длиннейший и к тому же без единой ошибки монолог на их родном языке, от волнения чуть в обморок не попадали. Они тут же завладели Гвидоберто и ни за что не захотели отпускать его. Они пошли за ним в Этрусско-романский музей, позволили объяснить себе, что такое «чиппо» — могильный столбик, и очень быстро и охотно согласились, что этрусский язык — самая замечательная загадка во всей Вселенной.

Подобных эпизодов я мог бы привести вам сотни. А сегодня профессор Гвидоберто безупречно пишет и говорит на двухстах четырнадцати языках и диалектах планеты, которые он изучил, как вы понимаете, только

в свободное время. Его бородка поседела, а под шляпой прячется совсем жалкая прядь волос. Каждое утро он спешит в музей и отдается своему любимому занятию. Для него «чиппо» — сердце Перуджи, больше того — всей Умбрии и даже Вселенной.

Когда кто-нибудь изумляется его лингвистическим знаниям и начинает восхищаться его способностями, Гвидоберто резким жестом прерывает собеседника.

— Не говорите глупостей! — возражает он. — Я такой же невежда, как и вы. Ведь за тридцать лет я так и не смог освоить этрусский язык.

То, чего мы еще не знаем, всегда важнее того, что знаем.

Пигмалион

Давным-давно, во времена древних мифов, жил на Кипре молодой скульптор по имени Пигмалион. Он любил свое искусство больше всего на свете. Когда каменщики приносили ему новый блок мрамора, он внимательно осматривал его, обходил вокруг и спрашивал себя:

— Интересно, кто скрыт в этой мраморной глыбе? Человек или бог? Женщина или хищный зверь?

Однажды он представил себе, что в камне скрыта красивейшая девушка, какой еще никто никогда не видел на Кипре, да что там на Кипре — на всем средиземноморском побережье!

Он с таким волнением принялся за работу, что даже вслух заговорил сам с собой:

— Я знаю, знаю, ты спишь там многие тысячелетия! Но скоро я освобожу тебя из мраморного плена! Потерпи еще немного, и я выведу тебя оттуда!

День за днем работал он, не зная отдыха. И каждый удар его резца высвобождал из мрамора прекраснейшую девушку. И когда он касался резцом ее носа, губ, маленьких, скрытых под локонами ушей, он дрожал от страха, боясь причинить ей боль.

Он старательно разгладил складки ее туники. А пальцы ее рук все казались ему недостаточно утонченными. Он сделал ей изящные сандалии.

А когда последний раз коснулся резцом ее глаз и закончил работу, то заговорил с девушкой так, будто она могла понять его.

— Ты навсегда останешься со мной! — воскликнул он. — Мы никогда не разлучимся! Ты прекрасна! Такой я и представлял тебя. Никогда не будет на свете женщины красивее тебя!

Желая доставить статуе удовольствие, Пигмалион подкрасил ей губы, нарисовал длинные ресницы, покрыл лаком ногти на руках и ногах, уложил волосы.

Когда же наступила ночь, он с тысячью предосторожностей опустил ее с подставки, уложил в свою постель и укрыл одеялом, натянув его до самого подбора.

— Спи! — сказал он, укладываясь рядом с кроватью на полу. — А я посижу, чтобы никто не потревожил твой сон.

Каждый день он менял ей наряды: то брал для нее у матери красивый плащ, то вышитую тунику, то пояс, украшенный драгоценными камнями, то шелковое покрывало. Он без конца одевал и переставлял статую, как маленькие девочки своих кукол.

Он приносил ей игрушки, угощал самыми свежими фруктами, самыми изысканными сладостями. Он клал все это к ногам статуи, не замечая, что она ни к чему не притрагивается, ни на что не смотрит.

Долгими часами он ласково говорил с ней, рассказывал сказки, сообщал разные домашние и городские новости, если они доходили до него, потому что сам он почти никуда не выходил, никого не хотел видеть и грубо прогонял немногих друзей, которые навещали его, думая, что он заболел.

Он даже совсем перестал работать.

Его родители, не решаясь беспокоить сына, с тревогой упраскивали из-за двери:

— Сынок, приди в себя! Нельзя же любить кусок камня! Нельзя посвящать жизнь какой-то игрушке!

— Оставьте меня в покое! — отвечал он — У меня есть все, что мне надо, я не хочу ничего другого!

И он продолжал разговаривать со статуей, представляя, что она отвечала бы ему, если б могла говорить, и радовался:

— Ах, как ты мила, как остроумна!

Совсем как девочки, когда играют со своими куклами. Но девочки вырастают и забывают кукол. А Пигмалион — юноша высокий, сильный, и к тому же красивый — вел себя как ребенок, который не хочет расти.

Со временем, однако, он стал нервным и раздражительным. Даже когда он убеждал себя, что статуя отвечает ему и говорит приятные вещи, здоровая часть его мозга отлично понимала, что статуя остается немой и холодной и говорит ему:

— Глупец! Не видишь разве, что эта девушка мертва!

Пигмалион злился и подавлял в себе этот голос разума, но тот, приводя в отчаяние, звучал все громче. Радость его угасала быстро, как соломенный факел, и сердце было несчастно.

Если верить легенде, то однажды Пигмалион пришел в храм Венеры и обратился к богине любви с мольбой, а когда вернулся домой, увидел, что статуя превратилась в настоящую живую девушку, влюбленную в него так же сильно, как он в нее. Он назвал ее Галатеей и женился на ней.

На самом же деле все было не так.

Это верно, что он пошел в храм Венеры и обратился к богине любви с мольбой. А вот потом, возвращаясь домой, он встретил девушку, с которой прежде, когда был ребенком, вместе играл. Он не видел ее много лет, помнил маленькой девочкой, а теперь она выросла и стала просто красавицей.

Увидев его, девушка сказала только два слова:

— Привет, Пигмалион!

Но, говоря это, она посмотрела на него своими черными, смеющимися глазами. И, заглянув в эти живые, веселые глаза, Пигмалион позабыл мраморные глаза своей статуи. Он влюбился в эту настоящую, живую девушку и женился на ней, и создал много прекраснейших статуй, которые изображали не мечту его, а жену, его детей, друзей и саму жизнь, которая манила его в свой стремительный круговорот.

Трактат о Бефане — доброй волшебнице, которая приносит итальянским детям новогодние подарки

Бефаны есть, как известно, три волшебные вещи — метла, мешок и дырявые башмаки. Некоторые, может быть, думают иначе и, разумеется, могут поступать, как им угодно, но мне кажется, что прав все-таки я. А теперь я опишу вам одну за другой все эти вещи и постараюсь ни в чем не ошибиться.

Вещь первая. Метла

После Нового года Бефана, которая живет на площади Навона, использует метлу уже только для посещения других миров. Она летает на Луну, на Марс, на Антарес. Облетает туманности и галактики. Наконец возвращается в страну Бефан и сразу же обрушивается на свою сестру за то, что та не вымыла полы, не вытерла пыль с мебели и не сходила в парикмахерскую. Сестра Бефаны — тоже Бефана, но она не любит путешествовать. Она все время сидит дома, жует шоколад и сосет анисовые карамельки. Она ленивее двадцати четырех коров, вместе взятых.

Сестры держат магазин, в котором продают метлы. Тут покупают метлы все Бефаны Италии: из Оменьи, из Реджо-Эмилии, из Ривисондоли — отовсюду. Бефан тысячи, и они расходуют горы метел, так что дела у сестер идут хорошо. Когда же спрос на метлы падает, Бефана говорит сестре:

— Спрос падает. Надо что-то предпринимать. И ты, наверное, что-нибудь придумаешь, — ведь столько шоколада съедаешь!

— Можно устроить распродажу по сниженным ценам. В прошлом году мы таким образом продали старые реставрированные метлы за новые.

— Придумай что-нибудь получше. Иначе я ограничу расходы на карамель!

Сестра Бефаны сосредоточенно думает.

— Можно,— говорит она,— предложить новую моду. Например, мини-метлу.

— Что это еще такое?

— Совсем коротенькая метла.

— Но это будет выглядеть неприлично.

— Подумаешь! Повозмущаются какие-нибудь старые ханжи, а потом, вот увидишь, молодые Бефаны будут с ума сходить из-за таких метелок.

Мода на мини-метлу производит фурор. Поначалу пожилые Бефаны рвут и мечут от негодования, посылают петиции в газеты и организуют демонстрации протеста. Но затем и они начинают, плотно задвинув шторы, тайком примерять эту метлу. В один прекрасный день и они появляются на улице с мини-метлой. Самые скупые Бефаны просто отрезают ручку у своей старой метлы. Но это очень заметно, потому что нарушаются пропорции, да и скупость не делает им чести.

Спустя некоторое время спрос опять падает.

— Ну,— говорит Бефана своей сестре,— давай придумаю еще что-нибудь, а то я не дам тебе больше денег на кино!

— Но у меня даже голова заболела, столько я думаю!

— Не будешь думать — не пойдешь в кино!

— Уф! Предложи моду на макси-метлу.

— Что это значит?

— Длинная-предлинная метла. Вдвое длинней, чем нужно.

— Гм... Не будет ли это излишеством?

— Разумеется, это будет излишеством. Именно потому и будет спрос.

В тот день, когда первая Бефана — одна совсем юная, стройная Бефаночка — появляется в обществе с макси-метлой, все Бефаны просто с ума сходят от зависти. Зарегистрировано двадцать семь обмороков, тридцать восемь нервных припадков и сорок девять тысяч всхлипываний. Еще до наступления вечера перед магазином макси-метел выстраивается такая длинная очередь, что конец ее оказывается в Бусто Арсиццо.

На следующий год сестра Бефаны в обмен на коробку чернослива в шоколаде изобретает миди-метлу. Не большую и не маленькую — среднюю. Бефаны

становятся очень богатыми и открывают магазин пылесосов.

И тут начинаются несчастья, потому что Бефаны, летая не на метлах, а на пылесосах, засасывают облака, кометы, маленьких и больших птиц, парашютистов, бумажные змеи, метеориты, естественные и искусственные спутники, небольшие планеты, летучих мышей и даже преподавателей латинского языка. А одна Бефана по рассеянности даже засосала самолет со всеми пассажирами, и потом ей пришлось доставить всех домой через дымовую трубу.

Пылесос хорош, когда нужно навести чистоту. А для путешествий все же гораздо практичнее старая метла.

Вещь вторая. Мешок

Однажды Бефана не заметила, что продырявился мешок с подарками. Она летит себе как ни в чем не бывало, а подарки сыплются, куда им вздумается, без всякого смысла. Электрический паровозик оказывается на куполе святого Петра в Риме и начинает бегать вокруг него как сумасшедший. Какой-то служитель Ватикана смотрит в окно, видит эту карусель на куполе, и от ужаса его прошибает холодный пот.

— Это дьявол! — кричит он. — Конец света!

А другой служитель заглядывает в железнодорожное расписание и качает головой:

— Это, должно быть, скорый из Витербо ошибся колеей...

Кукла падает рядом с волчьей норой. И волки делают неправильный вывод.

— А, — решают они, — это, наверное, как в тот раз с Ромулом и Ремом. Слава совсем близко — стоит только протянуть лапу. Мы выкормим это создание, оно вырастет и построит тут город. И тогда сделают множество бронзовых скульптур, изображающих нас, волков. И мэр будет дарить их приезжим знаменитостям, чтобы как-то выйти из положения.

Много лет они заботливо растили куклу. Но она не росла, а только теряла туфли, волосы, глаза. Волки и волчица состарились, так и не прославившись. Но понимали, что им все равно повезло — ведь столько теперь развелось всяких любителей поохотиться.

Порковая шубка, подарок синьора Мамбретти его подружке, падает в Сардинии, в двух шагах от пастуха, пасущего своих овец. Но пастух не пугается и не убежит с криком: «Привидение! Привидение!», а надевает шубку, и она приходится ему весьма кстати. Бефана видит это в зеркало заднего вида, возвращается, никирует на оливковое дерево, но на полпути перемывается.

— Правильно! — говорит она. — Кому нужнее эта прекрасная шуба? Пастуху или той противной девице, у которой уже есть две шубы, а машина к тому же кондиционером?

А был случай, когда Бефаны в суматохе отъезда — прощания, советы, слезы — перепутали мешки. Бефана из Домодоссолы взяла мешок Бефаны из Массандомбарды, Бефана из Сараева — мешок Бефаны из Милана... А когда подарки были уже розданы, вдруг обнаружилось, что все перепутано. Тут началось! «Ты виновата!» — «Ты сама виновата...» — «Я тебе говорила...» — «Ты, наверное, своей бабушке говорила...» И так далее, и так далее...

— Не будем плакать над пролитым молоком, — сказала наконец Бефана из Рима.

— А я и не плачу, — ответила черноглазая Бефаночка со светлыми волосами, — стану я из-за этого юртить себе грим!

— Я хотела оказать, что остается только одно — вернуться, забрать подарки и отнести их тем, кому они предназначены.

— И не подумаю! — заявила хорошенькая Бефаночка. — У меня свидание с женихом, мы пойдем в кафе! Какое мне дело до всего этого!

И ушла, даже не обернувшись. Но другие Бефаны повздыхали, повздыхали и отправились в путь. К сожалению, поздно. Дети уже проснулись, чтобы посмотреть подарки, которые принесла Бефана.

О боже, какой ужас!

Да нет же, ничего страшного! Все дети остались очень довольны, и не нашлось ни одного ребенка, кому бы не понравилась бы игрушка, какая ему досталась. Ребята в Вене получили подарки неаполитанских ребят, но все равно были рады.

— Понимаю, — сказала римская Бефана, — дети

во всем мире одинаковы и любят одни и те же игрушки. Вот в чем дело!

— Глупости,— возразила ее сестра,— ты, как всегда, смотришь на мир сквозь розовые очки! Ну как ты не понимаешь, что дети во всем мире уже просто привыкли к одним и тем же игрушкам, потому что их производят одни и те же фабрики. Детям кажется, что это они сами выбирают игрушки... И выбирают одно и то же — то, что фабриканты уже выбрали за них!

Не очень понятно, кто же из двух сестер прав.

Вещь третья. Дырявые башмаки

Все дети знают, что башмаки у Бефаны просят каши — так и в песенке поется. Некоторые ребята смеются, потому что из таких дырявых башмаков торчит большой палец. Другие огорчаются и не спят целую ночь:

— Бедная Бефана, у нее мерзнут ноги!

Ребят, которые жалеют Бефану, гораздо больше. Они пишут в газеты, на радио, ведущей детской телепередачи. Предлагают собрать деньги, чтобы купить в складчину Бефане новые туфли. И какие-то мошенники сразу начинают ходить по домам сначала в Милане, а потом в Турине и во Флоренции (в Неаполе они почему-то не появляются) и собирать деньги на туфли для Бефаны. Они собирают двести двенадцать миллионов лир и убегают с ними в Швейцарию, Сингапур и Гонконг.

А Бефана так и остается в дырявых башмаках.

И тогда в новогоднюю ночь многие дети оставляют рядом с пустым чулком, куда Бефана обычно кладет свои подарки, большую коробку и записку: «Для Бефаны!» В коробке лежит пара новых туфель. Для пожилой синьоры, но элегантные. Почти все черные, но встречаются также темно-коричневые или бежевые. С высоким каблуком, со средним и вообще без каблука. С пряжками или со шнурками.

Бефана из Виджевано каким-то образом узнает об этом раньше других. И что же она делает? Ставит будильник на час раньше и облетает всю землю со сверхзвуковой скоростью. Нагружает три автопоезда новыми туфлями и возвращается в страну Бефан довольная-предовольная.

Тут история разделилась на две части, потому что специалисты по бифанологии так и не пришли к согласию относительно ее продолжения.

Одни специалисты — люди хорошие, добрые, другие — плохие и бездушные. Хорошие специалисты считали, что Бефана из Виджевано, глядя на все эти замечательные туфли всех размеров, думала о людях, которые ходят босиком, и сочувствовала им. Тогда она взяла свой груз и снова облетела весь мир, чтобы подарить туфли всем бедным женщинам, у которых их не было. И у нее еще остались туфли для многих бедных мужчин, у которых тоже нет обуви. Неважно, что эти туфли женские, они наденут их, лишь бы не ходить босиком.

А бездушные, напротив, утверждали, что Бефана из Виджевано открыла магазин обуви в стране Бефан и стала загребать деньги, продавая туфли, подаренные детьми, своим подругам. И получила огромный доход, потому что эти туфли не стоили ей ни одной копейки. Как же тут не купить себе великолепный автомобиль и трамвай целиком из золота!

Я не специалист, я не хороший и не плохой, поэтому мое мнение ничего не значит.

Постскрипtum

Когда я показал одному знатоку это мое описание трех волшебных вещей Бефаны, он усмехнулся:

— Все правильно. Но вы забыли самую важную деталь!

— Какую?

— Вы забыли сказать, что Бефана приносит подарки только хорошим детям, а плохим — нет.

Я смотрел на него ровно тридцать секунд, а потом сказал:

— Выбирайте — оторвать вам ухо или откусить нос?

— Как вы сказали, извините?

— Я спрашиваю, что вы хотите — получить хороший удар зонтиком по голове или килограмм льда на шиворот?

— Да как вы смеете! Вы забываете, с кем говорите!

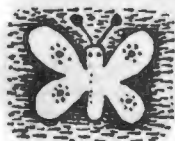
— А как вы смаете утверждать, что бывают плохие дети? Становитесь на колени и просите прощения!

— Что вы собираетесь делать этим молотком?

— Ударить по вашему мизинцу, если вы сейчас же не поклянетесь, что все дети хорошие. И особенно те, которые не получают подарков, потому что они бедные. Так вы клянетесь или нет?

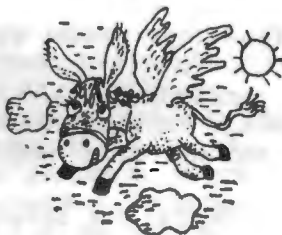
— Клянусь! Клянусь!

— То-то! А теперь, видите, я ухожу и даже не плюю вам в лицо. Это потому, что я слишком хороший.

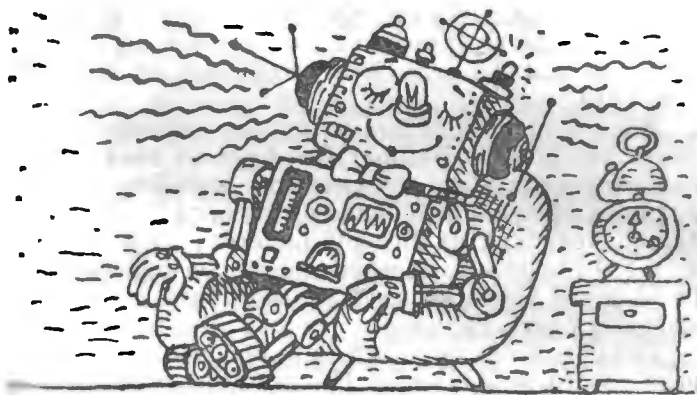
Страна Без Ошибок

ил однажды человек,
Беспокойный человек,
Он объездил всю планету,
Все искал по белу свету
Страну Без Ошибок.
Но, увы, надежды зыбки,
Всюду он встречал ошибки:
И на севере, на юге,
В самой маленькой округе —
Везде были ошибки.
Значит, он искал напрасно?
Нет, мы с этим не согласны!
Надо цель другую ставить,
Выбрать путь совсем иной:
Перестать бродить по свету,
Беспокоить всю планету,
А в своей стране исправить
Все ошибки до одной!

Мисс Вселенная с зелено-венерианскими глазами

то такая Дельфина? Бедная родственница синьоры Эулалия Борджетти — той самой, которая держит химчистку на Канале Гранде в Модене. Софрония и Бибиана, дочери вдовы Борджетти, немного стыдились своей двоюродной сестры, которая вечно ходила в поношенном сером халате и без конца чистила замшевые куртки, гладила брюки и рубашки. Между собой сестры называли ее «эта замарашка». Мать взяла ее в дом из милости, а также потому, что работала она за двоих и налог за нее платить не надо было — родственница.

Случалось порой, что и у сестер просыпались какие-то хорошие чувства, и тогда они брали ее с собой в кино, где покупали ей самый дешевый билет в самый последний ряд.

— Они такие хорошие, мои девочки! — говорила синьора Эулалия, внимательно следя за Дельфиной — вдруг она возьмет еще кусочек фаршированной свиной ножки. Но Дельфина и не думала брать еще кусочек. Она пила воду, а не сок. А из фруктов ела только самые дешевые яблоки, а не мандарины. И она же мыла по-

суду после обеда, пока Софрония и Бибиана ели шоколадные конфеты. И еще она же ходила в церковь, потому что должен ведь хоть кто-нибудь из семьи ходить туда.

А на грандиозный бал по случаю избрания президента республики Венера Дельфина не поехала. На бал отправились на космическом корабле торговой палаты Софрония и Бибиана с тетушкой Эулалией. На других кораблях на Венеру полетела еще половина жителей Модены и, наверное, половина Европы. В небо взлетели сотни космических кораблей с пылающими, как у ракет, хвостами.

Дельфина слыхала, что праздничные балы на Венере просто великолепны. На них слетаются юноши и девушки со всего Млечного Пути. Оранжеда и мороженого там сколько угодно. И все бесплатно!

Дельфина постояла у двери, повздыхала, завидуя счастливым, и вернулась в химчистку. Ей нужно было привести в порядок платье синьоры Фольетти, которое та наденет завтра, когда пойдет в оперный театр на «Золушку» Россини. Чудесное платье, черное, с золотым и серебряным шитьем, — ну прямо звездная ночь! Однако на бал синьора Фольетти это платье надеть не может — она уже была в нем два месяца назад на балу по случаю избрания другого президента Венеры. На этой планете то и дело меняют президентов, чтобы почаще устраивать празднества.

Дельфина решила (ошибочно, но она еще этого не знала), что ничего — ни плохого, ни хорошего — не случится, если она примерит это красивое платье. Оно прекрасно сидело на ней! И зеркало подтвердило это, лукаво подмигнув ей. Кружась в танце, Дельфина выскользнула за дверь. Улица была пустынная, и Дельфина стала танцевать на тротуаре. Вдруг послышались чьи-то шаги и голоса. О боже, куда бы спрятаться! Неподалеку стоял небольшой семейный космический корабль. Он назывался «Фея-2», и люк у него оказался открытым. Дельфина забралась в корабль и спряталась на заднем сиденье. Ах, как хорошо было бы взлететь на этом корабле в небо и полетать спокойно от звезды к звезде, без забот и обязанностей, без придирчивой тетушки, болтливых кузин и ворчливых клиентов... Шаги и голоса приближались. Вот они уже совсем рядом! Передний люк открылся, и в корабль

если двое людей. Дельфина узнала их, испугалась еще больше и соскользнула на пол, сжавшись в комочек, чтобы ее не заметили.

— Ой, мамочка! Это же синьора Фольетти! Если она увидит меня в своем платье... — прошептала Дельфина.

— Как бы не опоздать! — сказала синьора Фольетти своему мужу синьору Фольетти, владельцу фабрики запасных деталей для консервных ножей. — И ровно в полночь вернемся обратно. Я хочу завтра утром слетать в Коккокурино за свежими яйцами.

Синьор Фольетти пробурчал в ответ что-то невнятное, зажег спичку и закурил сигарету. В то же время он нажал на стартовую кнопку, и корабль взлетел со скоростью света (плюс два сантиметра в секунду). И еще раньше, чем спичка погасла, «Фея-2» прибыла на Венеру.

Дельфина подождала, пока синьор и синьора Фольетти вышли из корабля и удалились, а затем решила:

— Раз уж я тут, пойду и я взгляну на бал. Народу там будет, конечно, очень много, так что синьора Фольетти наверняка не заметит ни меня, ни своего платья.

Президентский дворец был совсем рядом. Ярko светился миллион его окон. В самом большом зале семьсот пятьдесят тысяч гостей разучивали новый танец «Сатурн». Лучшего места, чтобы потанцевать никем не узнанной, и не найти!

— Разрешите пригласить вас, синьорина?

К Дельфине подошел высокий элегантный молодой человек спортивного вида.

— Знаете, я только что прилетела и еще не умею танцевать «Сатурн».

— Но это очень просто! Я научу вас! Этот танец похож на танго-вальс и на самбу-гавот. Видите, танцевать его так же просто, как ходить.

— В самом деле, очень просто! А мы до сих пор танцуем менуэт-твист.

— Вы землянка, не так ли?

— Да, из Модены. А вы венерианин? Это видно по нашим зеленым волосам.

— Но и вас отличает чудесный зеленый цвет. Я бы даже сказал, наш венерианский зеленый цвет. Это наши глаза!

— Правда? А мои кузины говорят, что глаза у меня цвета цикория.

Дельфина и молодой венерианин станцевали «Сатурн» и еще двадцать четыре других бальных танца. Они остановились, лишь когда умолкла музыка и по громкоговорителю на всех языках Млечного Пути объявили, что через несколько минут президент республики Венера вручит приз самой красивой девушке праздника.

«Вот счастливая! — подумала Дельфина. — Но не пора ли мне бежать к кораблю? Слава богу, еще только половина двенадцатого. Фольетти улетят ровно в полночь. И вернуться я могу только с ними. Снова спрячусь на заднем сиденье». Но тут к ней подошли какие-то два господина в парадных мундирах. Один из них взял ее за руку и повел на сцену. «Это конец! — испугалась Дельфина. — Наверное, синьора Фольетти увидела меня и заявила о краже своего вечернего платья! Кто знает, куда отправят меня теперь эти венерианские карабинеры?»

А господа в парадных мундирах привели ее прямо на сцену, и кругом раздались аплодисменты. «Какие недобрые люди, — подумала Дельфина. — Радуются, что меня арестовали. Никому и в голову не приходит, что я невиновна».

— Дамы и господа! — прозвучал голос из громкогоговорителя. — Слово президенту республики Венера!

Как?! Это президент? Но это же тот самый молодой человек, который весь вечер танцевал с Дельфиной? Кто бы мог подумать... Да, так и есть. Президент республики Венера! Он подошел к микрофону и торжественно провозгласил Дельфину Мисс Вселенной. Он ласково улыбнулся ей, а его помощники тут же вынесли на сцену множество подарков: холодильник, автоматическую стиральную машину с двадцатью семью программами, флакончики шампуня, тюбики зубной пасты, пакетики с таблетками от головной боли и космических недомоганий, золотой консервный нож (подарок фирмы «Фольетти», Модена, Земля).

— А теперь, — объявил голос из громкоговорителя, — президент подарит синьорине кольцо с драгоценным камнем цвета ее глаз!

У Дельфины дрожали пальцы, когда президент надевал ей кольцо... Вдруг взгляд ее случайно упал на на-

ручные часы... Полторы минуты первого!.. Космический корабль супругов Фольетти!.. Химчистка!..

Дельфина вздрогнула, словно ее укусила оса, уронила кольцо, прыгнула со сцены и пустилась бежать, расталкивая толпу, которая, впрочем, вежливо расступалась перед Мисс Вселенной.

К счастью, «Фея-2» еще стояла на космодроме. Супруги Фольетти немного задержались на балу. Наверное, они захотели посмотреть, как чествуют Мисс Вселенную.

Дельфина проскользнула на свое место и затаилась в ожидании.

— Странно, — сказала синьора Фольетти мужу, когда они сели в корабль, — у девушки, которая весь вечер танцевала с президентом и потом была провозглашена Мисс Вселенной...

— Очень красивая девушка! — воскликнул синьор Фольетти. — Видела, как она обрадовалась нашему золотому консервному ножу? Сразу видно, знает в них толк!

— Я хотела сказать, — продолжала синьора Фольетти. — Тебе не кажется, что на ней было точно такое же платье, как мое? Ну помнишь, то черное, вышитое золотом и серебром, которое стоит пятьсот...

— Да что ты!

— Если б я сама не отдала его в химчистку...

Синьор Фольетти закурил сигару. И в Модене они приземлились, прежде чем он успел выпустить облачко дыма.

На следующее утро Софрония и Бибиана прибежали похвастаться перед Дельфиной — рассказать, что видели, слышали и делали на балу.

— Мы чуть не потанцевали с президентом!

— Я почти коснулась его руки!

— Такой красавец! Вот только этот недостаток...

— Какой недостаток?

— У него зеленые, как цикорий, волосы. Будь я его женой, непременно заставила бы покрасить их.

— А он женат?

— Почти. Говорят, женится на Мисс Вселенной. Она блондинка и какая-то чудная. Представляешь, в полночь убежала! Говорят, что, если она возвращается женой после двенадцати ночи, мать бьет ее.

Дельфина, разумеется, промолчала.

А в полдень вся Модена заволновалась. С чрезвычайной миссией, получив двойные командировочные, в город прибыли посланцы планеты Венера. Они начали обходить все улицы дом за домом.

— Что им надо? Кого они ищут?

— Представляете, говорят, будто Мисс Вселенная — это одна из девушек Модены.

— Модены или Рубьеры...

— В суматохе на балу забыли спросить, как ее зовут. А президент Вены непременно хочет сегодня же жениться на ней, иначе он подаст в отставку и вернется на свою фотоколонку.

Посланцы Вены ходили с кольцом и сравнивали цвет драгоценного камня с цветом глаз моденских девушек, но сходства так ни разу и не нашли.

Софрония тоже побежала примерить кольцо.

— Синьорина, но у вас черные глаза!

— Ну и что! Они у меня переменчивые. Вчера вечером, например, мои глаза вполне могли быть зелеными. Потом побежала примерить кольцо Бибиана.

— Нет, синьорина, не то! У вас же карие глаза!

— Ну и что! Если кольцо подойдет на мой палец, значит, девушка, которую вы ищете, — я.

— Синьорина, не мешайте работать!

Наконец посланцы с Вены добрались до Канала Гранде и подошли к химчистке Борджетти. Но их немного опередила синьора Фольетти, которая пришла за своим платьем.

— Вот оно, — вся дрожа, сказала Дельфина.

— Но оно еще не готово! — возмутилась синьора Фольетти.

— Как же так? — изумилась синьора Эулалия Борджетти. — Оно должно было быть готово еще вчера до захода солнца! Что это значит, Дельфина?

Дельфина побледнела. Но тут в дверях появились венерианские послы. От страха Дельфина приняла их за карабинеров, решила, что они пришли арестовать ее за воровство, и упала в обморок.

Когда же она очнулась, то увидела, что сидит на лучшем во всей химчистке стуле, а вокруг стоят посланцы с Вены, двоюродные сестры, тетушка, синьора Фольетти, клиенты. За дверью на улице собралась огромная толпа горожан, и все с волнением ждали, когда она придет в себя.

— Вот они! — вскричали посланцы. — Вот они, глаза зеленого, зелено-венерианского цвета!

— А вот и платье, в котором Мисс Вселенная была вчера на балу! — радостно воскликнула синьора Фольетти.

— Я... Я надела его... Но я не нарочно... — пролетала Дельфина.

— Что ты говоришь, детка? Это платье — твое! Какая честь для меня! Какая честь для Модены и Коккокурино! Наша Дельфина станет женой президента планеты Венера!

И начались поздравления.

В тот же вечер Дельфина улетела на Венеру и вышла замуж за президента Венерианской республики, который, чтобы никогда не расставаться с нею, тут же отказался от высокого поста и вернулся на свою фотошолонку.

Пришлось венерианцам выбрать нового президента и устроить еще один грандиозный бал. Туда отправилась и синьора Фольетти. Она передала Дельфине билет от тетушки Эулалии, Софронии и Бибианы, которые поехали лечиться на воды в Кьянчано-Терме. А еще синьора Фольетти привезла Дельфине дюжину крупных свежих яиц, купленных в Коккокурино.

Робот, который захотел спать

2222 году домашние роботы уже нашли широчайшее применение на всем земном шаре. Катерино был одним из них. Великолепный электронный робот, он призван был обслуживать семью профессора Нисидоро Корти — преподавателя истории одного из римских лицеев. Катерино, как и все прочие домашние роботы, умел делать массу вещей: готовить еду, стирать, гладить, вытирать пыль и так далее. Он ходил по магазинам, подсчитывал расходы, выключал и включал телевизор, помогал детям делать уроки, печатал на машинке корреспонденцию профессора, водил

автомобиль, разносил новости по соседям... Словом, это была отличная машина!

Будучи машиной, Катерино, естественно, не нуждался в сне. По ночам, когда все отдыхали, он, чтобы не скучать, снова и снова отутюживал складку на брюках профессора Исидоро, потом заканчивал вязание синьоры Луизы, мастерил игрушки детям, красил и перекрашивал стены в кухне, покрывал лаком стулья. Когда же он не находил себе совсем никакого, даже самого простого дела, то отправлялся в гостиную, усаживался в кресло и принимался решать кроссворды. Синьор Исидоро выписывал специальный журнал для роботов, в котором кроссворды были составлены из самых трудных слов, какие только можно отыскать в словаре. Так что роботам приходилось немало попытаться над ними.

Однажды ночью Катерино ломал голову над словом из семнадцати букв, как вдруг обратил внимание, как громко храпит в своей спальне профессор Исидоро. Он и прежде не раз слышал этот звук. Он даже нравился ему — такая приятная, нежная музыка. Она вносила некоторое разнообразие в ночную тишину. На этот раз, однако, Катерино поразила одна мысль. «Интересно, почему люди спят? — задумался он. — Любопытно, что они при этом чувствуют?»

Он встал и на цыпочках прошел в детскую. Детей было двое — Роландо и Лучилла. Дверь они всегда оставляли открытой, чтобы чувствовать себя поближе к родителям, спавшим в соседней комнате. На тумбочке между их кроватями горела небольшая настольная лампа с голубым абажуром. Катерино внимательно посмотрел на спящих детей. Лицо Роландо было спокойным и безмятежным, а на розовом личике Лучиллы, напротив, блуждала легкая улыбка.

«Улыбается! — с удивлением отметил Катерино. — Словно видит что-то хорошее. Но что можно видеть с закрытыми глазами?»

Катерино в задумчивости вернулся в гостиную. Сел в кресло, но теперь уже у него не было никакой охоты решать кроссворды.

«Надо будет как-нибудь и мне тоже попробовать поспать», — решил он.

Роботы существовали уже почти сто лет, но до сих

пор никому из них еще никогда не приходила в голову такая смелая мысль.

«Гм, а что, собственно, мешает мне сделать это сейчас же? Да просто немедленно!—подумал Катерино.— Спокойной ночи, Катерино! Приятных сновидений!»— добавил он, сказав самому себе слова, которые каждый вечер говорила детям, укладывая их спать, синьора Луиза.

Катерино припомнил, что его хозяева, чтобы уснуть, прежде всего закрывали глаза. Он попробовал сделать так же, но не сумел. Его глаза были устроены иначе, они все время — и днем, и ночью — оставались открытыми: у него не было век. Катерино поднялся, отыскал кусочек картона, вырезал из него два овала, поудобней устроился в кресле и прикрыл ими свои глаза. Сон, однако, не приходил, а сидеть с закрытыми глазами было ужасно скучно. Ведь он не видел при этом ничего такого, что могло бы вызвать у него ту же улыбку, что была у Лучиллы. Он видел только одну темноту, плотную и неприятную.

Всю ночь Катерино провел в тщетных попытках уснуть. И утром, когда пришел, как обычно, с чашечкой черного кофе будить профессора, решил хорошенько понаблюдать за ним.

В тот же день он обратил внимание на то, что обычно после обеда профессор Исидоро усаживался в кресло почитать газету. Некоторое время он действительно читал ее, а потом ронял на колени, глаза его закрывались, и из носа снова начинала звучать эта красивая и нежная музыка. «Песнь сна!» — подумал Катерино. Он с трудом дождался ночи и, едва вся семья улеглась спать, тоже уселся в кресло и принялся читать газету. Он прочитал ее всю насквозь, включая сообщения в траурных рамках и объявления, затем сосчитал все заглавные и точки, сосчитал все слова, которые начинались на «а», все, которые начинались на «б», все, в которых было две буквы «т», но так и не уснул до самого рассвета, оставаясь бодрым, как часы, что тикали у него на руке.

Катерино, однако, не прекратил на этом свои наблюдения и как-то раз за обедом обратил внимание на одну странную фразу, которую синьора Луиза сказала профессору:

— Вчера вечером, чтобы уснуть, я стала считать овец. Знаешь, сколько я их насчитала? 1528. Пришлось прекратить, и уснула я только после того, как приняла снотворное.

«Считать овец! — повторил про себя Катерино. — Что бы это значило? В квартире никаких овец нет и не было. И я не заметил, чтобы ночью проходило под окнами какое-нибудь стадо».

Он думал над этим еще два дня и наконец решил спросить об этом Роландо. Задавая свой вопрос, Катерино испытывал жгучий стыд: ему казалось, что он, пользуясь доверием ребенка, хочет выведать у него какой-то очень важный секрет. Но все же он набрался храбрости и спросил:

— Как нужно считать овец, чтобы уснуть?

— Да очень просто! — ответил Роландо, не подозревая, что предает в этот момент человечество. — Закрываешь глаза и притворяешься, будто видишь овец. Затем представляешь изгородь, представляешь, будто заставляешь овцу прыгать через изгородь и считаешь — раз! Затем представляешь то же самое заново и так далее: это так скучно, что в конце концов волей-неволей засыпаешь. Мне никогда не удавалось насчитать больше тридцати овец. Лучилла однажды дошла до сорока двух, во всяком случае, она так говорит, но я нисколько ей не верю!

Узнав такой волнующий секрет, Катерино с трудом удержался, чтобы тут же не помчаться в ванную и не попробовать посчитать овец. Но вот наконец настала ночь, и он смог начать свой эксперимент. Он растянулся в кресле, прикрыл глаза газетой и попытался представить овцу. Сначала он увидел только белое, неопределенной формы облачко. Затем облачко стало приобретать какие-то контуры — появилось нечто похожее на голову, и очень скоро это действительно оказалась овечья морда. Затем облако выпустило ноги и хвост — это была овца! Гораздо труднее оказалось вообразить изгородь. Катерино никогда не был в деревне и об изгородях имел довольно смутное представление. Поэтому он попробовал заменить изгородь стулом. Представил превосходный, покрытый белым лаком стул из кухонного гарнитура и заставил овцу перепрыгнуть через него.

— Прыгай! — приказал Катерино.

Овца послушно перепрыгнула через стул и исчезла. Катерино тут же попытался представить вторую овцу, но тем временем исчез и стул. Пришлось все начинать сначала, но, когда он наконец снова увидел стул, овца почему-то отказалась прыгать через него. Катерино взглянул на часы и с ужасом обнаружил, что только на двух овец он потратил больше четырех часов. Он вскочил и бросился в кухню заниматься своей обычной ночной работой.

«И все же, — подумал он, — одну овцу мне все-таки удалось заставить перепрыгнуть через стул. Надо не отступать, Катерино! Надо верить в себя! Завтра вечером будут две овцы, потом три, и ты добьешься своего!»

Не будем рассказывать во всех подробностях, как долго тренировался Катерино, чтобы научиться представлять целое стадо овец. Достаточно сказать, что месяца через три после эксперимента с первой овцой Катерино удалось насчитать их сто штук, но сто первую он уже не увидел, потому что сладко уснул. Всего несколько минут, но он действительно спал! Он мог засвидетельствовать это с точностью часов. Еще через неделю ему удалось поспать целых три часа. А когда он уснул в воскресенье, то даже впервые увидел сон. Ему приснилось, будто профессор Исидоро чистит его ботинки и завязывает ему галстук. Прекрасный сон!

В доме напротив жил профессор Тиболла. В ту ночь он проснулся незадолго до рассвета. Ему захотелось пить, и он пошел на кухню за водой. Прежде чем вернуться в спальню, профессор Тиболла случайно взглянул в окно, которое было как раз напротив гостиной профессора Корти. И что же он увидел там? В ярко освещенной комнате сладко спал в кресле робот Катерино! Профессор Тиболла рассмотрел его как спит, а когда прислушался, то ему показалось, будто он слышит какой-то негромкий звук. Неужели Катерино храпит?

Профессор Тиболла распахнул окно и как был, в одной пижаме, не страшась простуды, закричал на всю улицу:

— Тревога, тревога! Скорее сюда!..

Сразу же захлопали окна и двери, проснулись все соседи. В ночных рубашках и пижамах люди выбежали на балконы, а самые сердитые, едва только

поняли, в чем дело, поспешили на улицу и стали громко возмущаться под окнами профессора Корти. Профессор Исидоро и синьора Луиза тоже испуганно выглянули в окно и спросили:

— Что случилось? Землетрясение?

— Какое там землетрясение! — рассердился профессор Тиболла, который кричал особенно громко и создавал больше шума, чем пожарная сирена. — Землетрясение у вас в доме! Вы спите на динамите, уважаемый профессор!

— Вообще-то меня действительно интересует только античная история, — стал оправдываться профессор Исидоро, — но всем известно, что в древние времена на динамит еще не был изобретен.

— Мы мирные люди, — робко добавила синьора Луиза. — Никому не мешаем. И я просто не понимаю, из-за чего весь этот шум. Правда, наш сын вчера разбил мячом стекло, но мы уже сказали, что готовы возместить ущерб.

— Вы лучше посмотрите, что делается у вас в гостиной! — сурово потребовал профессор Тиболла.

Синьор Исидоро и синьора Луиза в недоумении посмотрели друг на друга, решили, что, пожалуй, не остается ничего иного, как последовать этому совету, и, шлепая домашними туфлями, направились в гостиную.

В это время Катерино продолжал спать. На его металлическом лице блуждала счастливая улыбка, которая словно солнце освещала все его болты. Катерино спал и блаженно храпел. Храпел со свистом и мелодичным жужжанием. Звуки эти чередовались подобно звукам скрипки и рояля в какой-нибудь прекрасной сонате Бетховена. Свист словно задавал вопрос, а жужжание как бы отвечало ему. Оно явно возражало против чего-то, и тогда свист становился еще шаловливее, точно маленький внук, убегающий от дедушки, который хочет наказать его. Профессор Корти и его жена пришли в такой ужас, как будто еще никогда никто в мире не издавал носом подобных звуков.

— Катерино! — вскричала синьора Луиза со слезами в голосе.

— Катерино! — вскричал в тысячу раз более строго профессор Исидоро.

С другой стороны улицы профессор Тиболла безапелляционно заявил:

— Тут нужен молоток, уважаемый коллега! Возьмите молоток и стукните его по голове. И я еще не уверен, что он при этом проснется. Не исключено, что понадобится хороший электрический разряд.

Профессор Исыдоро отыскал на кухне молоток и собрался привести в исполнение совет своего коллеги и соседа.

— Осторожно, не сломай его! — попросила синьора Луиза. — Ты ведь знаешь, во сколько он обошелся нам, к тому же за него еще нужно уплатить последний взнос.

На улицах, на балконах, во всем квартале люди стояли, затаив дыхание. В ночной тишине удары молотка профессора Корти по голове Катерино прозвучали подобно ударам судьбы, которая стучится в дверь, — «тук-тук-тук!»

Катерино сладко зевнул, вытянул руки и с удовольствием потянулся. Всеобщее «ох!» раздалось на всех наблюдательных пунктах. Катерино вскочил и сразу же понял, что полгорода, не считая профессора Корти, походившего на статую, олицетворяющую негодование, присутствовало при его пробуждении — Я спал? — спросил он.

Ужас! Просто кошмар!! И он еще спрашивает об этом, бессовестный!

Тут все услышали полицейскую сирену. Полиция, которую вызвала одна перепуганная старая дева из дома напротив, спешила, чтобы внести свой вклад в решение проблемы. Вклад этот был очень простым. Катерино арестовали, надели на него наручники, погрузили в фургон и отвезли в суд, куда срочно вызвали судью, который должен был разобраться в этом странном и необъяснимом случае. Судья, весьма благодушный старичок, тут же осудил Катерино на пятнадцать суток и посоветовал полиции поменьше распространяться о случившемся. Так или иначе, газеты ничего не сообщили об этой истории. Но, как читатель уже легко догадался, в толпе, которая присутствовала при пробуждении Катерино, было немало и домашних роботов. И прежде всего там был робот профессора Тиболлы — Терезио. Не вмешиваясь в разговор своего хозяина с профессором Корти, он наблю-

дал за всем происходящим из окна кухни и не упустил ни одной детали. Были там и роботы из соседних домов. Им не так хорошо было видно, как Терезио, но тот был настолько любезен, что на следующий день, в четверг, когда домашние роботы, имея право работать только полдня, прогуливались, как обычно, в парке, подробно информировал их обо всем, что видел.

— Могу заверить вас, многоуважаемые коллеги, что Катерино СПАЛ точно так же, как это делают люди. Больше того — и не считите это за преувеличение, — его манера спать отличалась совершенно особым изяществом. К тому же, это ведь был электронный сон. Он храпел, это верно, но лучше было бы придумать какое-нибудь другое, более красивое и музыкальное слово для определения того звука, который он издавал во сне. Так или иначе, это была электронная музыка!

Роботы — и мужчины, и женщины — с волнением слушали рассказ Терезио. В их железных головах, начиненных сложнейшими электромагнитными устройствами, транзисторами, предохранителями, проводами и болтами, уже пронеслась и загудела, словно под напряжением в три тысячи вольт, мысль о том, что, если сумел уснуть Катерино, значит, они тоже могут спать. Нужно только понять, каким образом это делается. Пока что это было секретом Катерино, а его окружали стены тюрьмы и молчание газет. Подождать, пока Катерино выйдет из-под ареста, и попросить поделить ся опытом? Нет, это было бы недостойно роботов с электронным мозгом.

Выход из положения нашел Терезио. Он знал, какая тесная дружба связывает Катерино с детьми профессора Корти. Маленький Роландо, когда умело расспросили его и угостили жевательной резинкой, охотно сообщил, что Катерино, по-видимому, научился заставлять овец прыгать через изгородь. В ту же ночь Терезио тоже провел эксперимент, и весьма успешно. Потому что всегда ведь так бывает — самые большие трудности выпадают на долю первооткрывателя, и те, кто следует за ним, идут уже по проторенной дорожке.

А на третью ночь весь город был разбужен какой-то неслыханной музыкой — тысячи роботов, распо-

жившись в креслах, устроившись на кухонных столах, на балконах среди горшков с геранью, на коврах в гостиных, спали и при этом блаженно храпели. Это была революция. В полиции, у пожарных, в муниципалитете телефон звонил не умолкая. Но ведь невозможно арестовать всех роботов в Риме! Не было даже такой большой тюрьмы, которая могла бы вместить их всех!

И тот же судья, который осудил Катерино, теперь заявил, выступая по телевидению, что «совершенно необходимо прийти к соглашению».

Действительно, не оставалось ничего другого, как договориться с роботами и признать их право спать по ночам. Иначе пришлось бы организовать специальную службу для ночного надзора за ними, понадобились бы тысячи стражников с молотками, которые должны были бы следить, чтобы роботы не засыпали. А кроме того, смогут ли уснуть под грохот стольких молотков сами горожане?

Городу пришлось пойти на уступки. И вслед за Римом на это пошел Милан, Турин, Цюрих, Марсель, Лондон и Тумбукту. Даже в Тумбукту, в сердце Черной Африки, долетела к домашним электронным роботам великая новость о том, что роботы тоже могут спать.

В тот день, когда Катерино вышел из тюрьмы, его радостно встретили десять или, быть может, пятнадцать тысяч коллег обоего пола.

Не будем описывать их аплодисменты и приветствия. Самое время сообщить, что робот Виллибальдо, принадлежавший дирижеру оркестра работников трамвайного парка, даже специально написал по этому случаю гимн, который был исполнен хором из ста семнадцати роботов с золотыми болтами. В гимне говорилось:

Пусть живет наш Катерино
Без поломок и починок
Целый век, целый век!
Он — великий человек!

Распевая гимн, роботы прошли по улицам Рима, и надо сказать, что славные римляне, забыв, как страдали недавно, наградили их аплодисментами.

Ведь единственное, что никогда никого не удивляло в Риме, это желание поспать. Римляне любят спать ночью, любят поспать утром, охотно спят и днем, про-

вода в объятиях Морфея трудные для пищеварения часы. Один остроумный ученый, изучив и проанализировав факты, которые мы сообщили здесь, изложил свои выводы в книге, насчитывающей 2400 страниц, со множеством цветных иллюстраций, и заключительный абзац этого фундаментального научного труда выглядел так: «Только в Риме могло возникнуть у электронного робота желание спать, ибо ни в каком другом городе на нашей планете нет для этого более благоприятных условий».

Принц Пломбир

Синьор Мольтени (третий этаж, квартира 12) был крайне обеспокоен. Он купил в рассрочку отличный холодильник марки «Двойной полюс», но вот уже два месяца не мог уплатить очередной взнос. А тут вдруг позвонили из магазина и говорят: «Или вы немедленно уплатите, или мы забираем холодильник!» А у синьора Мольтени нет ни денег, ни богатых друзей. Что делать?

В то утро он с тоской посмотрел на холодильник, ласково погладил его и поговорил с ним, как с человеком: «Дорогой мой, боюсь, что нам придется расстаться, а без тебя дом станет для меня пустыней!» Холодильник хранил ледяное молчание, но синьор Мольтени все равно понял, что он хотел сказать, и согласился с ним: «Да, я знаю, ты должен делать холод, а не деньги!»

В это же утро синьора Сандрелли (четвертый этаж, квартира 15) открыла свой холодильник — простенький «Пингвин», чтобы взять бутылку молока, и вдруг обнаружила, что он битком набит малюсенькими человечками, а один из них даже сидит на яйце.

Человечки были в серебряных комбинезонах и в прозрачных скафандрах, сквозь которые виднелись личики цвета сливочного масла и сиреневые волосы. Человечки спокойно посмотрели на синьору Сандрелли своими глазами цвета зеленого горошка и даже

не шелохнулись. Только тот, что сидел на яйце, помахал ей ручкой, как бы говоря: «Чао, чао!»

— О господи, марсиане! — вскричала синьора Сандрелли. — Вот уж не думала, что они такие крохотные! Эй, что вы там делаете в моей холодильнике? А ты давай слезай с яйца, еще разобьешь его!

Человечек, однако, не послушался. Тогда синьора Сандрелли, особа весьма энергичная, взяла его двумя пальцами и поставила на банку сардин.

— Марсианин ты или нет, а только заруби себе на носу — здесь команду я!

— Закройте дверцу, а то сюда входит горячий воздух! — услышала она строгий и властный голос.

— Что, что?

— Мы прилетели с планеты, которая вся покрыта льдом, и еще не привыкли к вашей температуре. Пожалуйста, закройте дверцу, как вам уже было приказано.

— Хотела бы я знать, — воскликнула синьора Сандрелли в совершеннейшем негодовании, — кто это смеет мне приказывать! А кроме того, как вы попали в мой дом?

— Через форточку в кухне. Вы ведь оставляете ее открытой на ночь, опасаясь случайной утечки газа.

— О, да вы, я вижу, неплохо осведомлены!

— Весьма неплохо. Мы многие месяцы изучали ваши нравы и обычаи, а также ваш язык, прежде чем начать оккупацию. Закройте дверцу!

— А почему надо было начинать оккупацию именно с моего холодильника?

— Это уж вас не касается. К тому же мы захватили все холодильники в этом доме. Так что закройте дверцу и оставьте нас в покое!

— И не подумаю закрывать! Вернее, закрою, но выключу холодильник, понимаете? Я вам покажу оккупацию!

Один из человечков указал пальцем — так во всяком случае рассказывала потом синьора Сандрелли — на стул и предложил:

— Ну-ка, взгляните!

Белый крашевый стул вдруг сделался красным и тут же сгорел без всякого дыма. От него осталась только кучка пепла. На все это понадобилось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы сосчитать до десяти.

— Выключите ток — сожжем весь дом.

Синьора Сандрелли с силой захлопнула дверцу холодильника и позвала привратницу:

— Синьора Анна, вы знаете, что происходит?

— Что, синьора Сандрелли? Батарей холодные?

— Дело в том, что...

И синьора Сандрелли обо всем рассказала привратнице. Та — всем жильцам. Спустя несколько минут на всех этажах — с первого по пятый — во всех квартирах происходило одно и то же: открывались и тут же захлопывались дверцы холодильников — где с удивлением, где со страхом, и повсюду с изумленными и взволнованными возгласами.

Синьор Мольтени тоже бросился к своему «Двойному полюсу» и в молчаливой толпе космических пришельцев в серебристых костюмах сразу же заметил человечка, который выделялся своим высоким ростом и прекрасным золотым комбинезоном.

— Так вы, наверное, самый главный? — полюбопытствовал синьор Мольтени, останавливая свою младшую дочь, которая уже протянула руки, чтобы завладеть этими великолепными игрушками.

— Я принц Пломбир, — ответил золотой комбинезон. — На нашем языке мое имя звучит, разумеется, иначе. Но для вас сойдет и это. Кроме того, ко мне следует обращаться — ваше высочество.

— Конечно, ваше высочество, — согласился синьор Мольтени. — А не может ли ваше высочество сказать, как долго вы собираетесь пробыть здесь?

— Это зависит от погоды, — ответил принц Пломбир. — Нам нужен свежий снег, чтобы заправить звездолеты. Как только выпадет снег, мы продолжим путешествие. Мы собирались приземлиться на Северном полюсе, но попали сюда.

— Значит, вы намерены обосноваться на Земле?

— На Северном полюсе, как я уже сказал. Вы ведь там все равно не живете. А нашей планете угрожает столкновение с кометой, которая может растопить лед. Поэтому нам пришлось искать убежище в этой части Млечного Пути. И я возглавляю наш передовой разведывательный отряд. Как только мы устроимся на Северном полюсе, мы дадим знать и нашу планету, и все остальные наши соотечественники тоже придут сюда.

— Интересно, сколько же вас, ваше высочество, если не секрет?

— Всего лишь полтора миллиарда. Мы займем очень мало места. Мы даже не думали сообщать вам о себе после прибытия на Северный полюс, но обстоятельства, как видите, изменились. А теперь, будьте любезны, закройте дверцу, потому что от такой жары у меня начинает болеть голова.

Синьор Мольтени повиновался, а затем бросился к окну. В февральском небе, голубом и прозрачном, солнце сияло со всей своей весенней силой. Синьор Мольтени с удовлетворением потер руки.

— Глупец! — рассердилась синьора Мольтени. — У тебя захватчики на кухне, а ты радуешься.

— Ты не понимаешь, — возразил синьор Мольтени, — ты просто не понимаешь, как нам повезло...

Но в ту минуту синьора Мольтени так и не смогла узнать, в чем же им повезло, потому что в квартиру позвонили.

Это был служащий фирмы «Двойной полюс».

— Синьор Мольтени, здравствуйте. Я пришел за холодильником. Или, быть может, вы все-таки уплатите очередной взнос?

— Ах, мне очень жаль, но у меня нет сейчас ни одной лиры.

— В таком случае...

— Разумеется, — сказал синьор Мольтени, — в таком случае вы должны будете... И так далее, и так далее. Только ничего этого вы сделать не сможете.

— Как это не смогу?

— Не думаю, чтобы его высочество позволило вам...

— Какое еще высочество? Что за глупые шутки, синьор Мольтени?

— Пройдите, пожалуйста, сюда, присядем тут, в кухне...

— Ну вот, это уже другой разговор!

— Да, только кончится он совсем не так, как вы думаете. Вот ведь какая история!

Синьор Мольтени открыл холодильник и поспешил принести принцу Пломбиру свои извинения.

— Ваше высочество, простите, этот синьор...

— Я слышал, я все слышал. У нас своя система связи, дорогой Мольтени. Не беспокойтесь, в данный

момент холодильник принадлежит мне. Так что его никто не тронет

— Что за шутки? — возмутился, вытаращив глаза, служащий фирмы «Двойной полюс». — Что это еще за гномики? Послушайте, сеньор Мольтени, я не знаю, что за фокус вы придумали, чтобы не платить, но должны вам сказать, что моя фирма еще никогда никому не позволяла обманывать себя, хотя уже многие пытались сделать это и находились люди похитрее вас. А вы, господа, извольте поискать себе другое пристанище, вот хотя бы в раковине. Моя фирма намерена вступить во владение этим холодильником, и несколько жалких кукол не смогут помешать ей осуществить это намерение.

Услышав такое оскорбление, принц Пломбир и его подданные ужасно возмутились. Но голос его высочества звучал громче всех и очень повелительно.

— Сеньор служащий, в наказание отправляйтесь под стол и засуньте руки в рот, так вы, по крайней мере, помолчите.

Это было и просто и необыкновенно — в ту же минуту служащий фирмы «Двойной полюс» засунул все десять пальцев в рот, забрался под стол и повернулся лицом к стене. Видно было только, как вздрагивают от рыданий его плечи. Семья Мольтени дружно зааплодировала.

— Ваше высочество, как вам это удалось?

— Пустяковая шутка. Мы хорошо изучили ваш мозг и знаем, как заставить вас повиноваться. Пожалуйста, закройте дверцу. До свидания.

— До свидания, ваше высочество! Всегда к вашим услугам!

Теперь уже сеньоре Мольтени не надо было ничего объяснять. Теперь она бросилась к окну.

— Как было бы хорошо, если бы такая погода продолжалась подольше! — воскликнула она.

И погода действительно долгое время стояла отличная — солнце без устали сияло на голубом, безоблачном небе. Между тем известие о том, что космические пришельцы захватили холодильники, обошло все газеты. Люди с интересом пожирали бесконечные статьи, в которых подробно излагались беседы пломбиров — так стали называть захватчиков — с земными учеными, съехавшимися со всех концов планеты.

Но больше всего людей, как обычно, интересовали разные подробности. Они хотели знать, что ел на завтрак принц Пломбир (скромное блюдо из подсахаренного льда), они записывали рецепты, которые синьора Сандрелли получала у своих гостей (рецепты разных сортов мороженого, разумеется, одно лучше другого), и переживали за синьора Мольтени, на которого фирма «Двойной полюс» подала в суд. Так что возле дома на улице Макмагон с утра до вечера в ожидании новостей стояла толпа.

— Принц Пломбир получил еще сорок предложений руки и сердца...

— Говорят, дочка привратницы тоже влюбилась в него...

— У пломбиров, что живут на втором этаже, в четвертой квартире, аллергия от сливочного масла...

Когда принц Пломбир согласился выступить с небольшим заявлением по телевидению, весь город с интересом прильнул к экранам, разглядывая его. А потом предложения руки и сердца уже тысячами посыпались со всех пяти континентов. Но принц Пломбир сообщил, что он уже обручен с девушкой, которая живет на его родине и которую зовут Лун-Лун, что означает «ледник в цвету».

Наконец небо затянули серые тучи, и метеорологические бюллетени сообщили, что ожидается снег. Пломбир извлекли свои звездолеты из-под листьев салата, которыми прикрыли их на нижней полке холодильника, и стали готовиться к отлету.

Синьор Мольтени очень заволновался. В суде все складывалось не в его пользу. Скоро он опять окажется в трудном положении: или придется платить задолженность, или расставаться с холодильником. Однажды утром он выглянул в окно и увидел, что улицы и крыши домов укрыты снегом. «Все кончено! — решил он. — Пойду хоть первым сообщу эту новость его высокочеству».

Но принц Пломбир уже знал, что выпал снег.

— Вижу, вижу, — сказал он. — У нас своя система наблюдений сквозь двери холодильников. Мы уже собрали снег на балконе, звездолеты готовы к старту.

— Итак, прощайте! — невольно вздохнул синьор Мольтени. А про себя добавил: «Прощай и мой холодильник!»

— Да нет,—улыбнулся принц Пломбир, словно прочитав его мысли.— Не надо с ним прощаться. Взгляните-ка на это!

«Это» был листок, на котором принц Пломбир собственноручно написал огромными буквами — можете себе представить, как это было трудно ему, такому крохотному,— следующее заявление: «Я считаю, мне очень повезло, что мне было оказано гостеприимство в одном из холодильников марки «Двойной полюс». И я со всей ответственностью заявляю, что это лучший холодильник во всей Солнечной системе. Принц Пломбир».

— Вот увидите,— продолжал его высочество,— получив такую рекламу, фирма «Двойной полюс» не только не вспомнит о неуплаченных взносах, но и не потребует от вас новых. Можете считать, что холодильник ваш и вам не придется больше платить ни центesimo!

Так и было. Вот почему синьор Мольтени, когда кто-нибудь из его друзей оказывается в затруднительном положении с деньгами, обычно утешает его так:

— Не унывай! Марсиане помогут!

Уйду к кошкам

синьора Антонио, пенсионера, в прошлом начальника железнодорожной станции, была большая семья — сын, невестка, внук Антонио, которого звали просто Нино, и внучка Даниела. Но у него не было никого, кто бы уделял ему хотя бы немножечко внимания.

— Помню,— начинал он вспоминать,— когда я был заместителем начальника станции в Поджибонси...

— Папа,— перебивал его сын,— дай мне спокойно почитать газету. Меня очень интересует правительственный кризис в Венесуэле.

Синьор Антонио обращался к невестке и начинал все сначала:

— Помню, когда я был помощником начальника станции в Галларате...

— Папа,— прерывала его синьора невестка,— почему бы вам не прогуляться немного? Вы же видите, что я натираю пол «голубым воском, который дает больше блеска».

Не больше успеха имел он и у внука Нино. Тому надо было прочитать захватывающий рассказ в картинках «Сатана против дьявола», запрещенный детям до восемнадцати лет (а ему было шестнадцать). Синьор Антонио очень надеялся на внуку, которой позволял иногда надевать свою фуражку начальника станции, чтобы поиграть в железнодорожную катастрофу, в результате которой сорок семь человек погибло и сто двадцать бывало ранено. Но Даннела тоже была занята.

— Дедушка,— говорила она ему,— не мешай мне смотреть детскую передачу, она очень познавательна.

Даниеле было семь лет, но она очень любила учиться. Синьор Антонио вздохнул.

— Да, видно, в этом доме нечего делать пенсионерам, бывшим служащим государственной железной дороги! Вот я обижусь когда-нибудь и уйду. Даю слово. Уйду к кошкам.

И действительно однажды утром он вышел из дома, сказав, что идет играть в лото, а сам направился на площадь Арджентина, где среди руин античного Рима нашли себе прибежище тысячи кошек. Он спустился по лестнице, перешагнул через железную перекладину, которая отделяет царство кошек от царства автомобилей, и превратился в кота. И сразу же стал облизывать свои лапы, чтобы не занести в эту новую жизнь пыль с человеческой обуви. Тут подошла какая-то довольно облезлая кошка и принялась внимательно разглядывать его. Разглядывала, разглядывала и наконец сказала:

— Извини, но ты не был прежде синьором Антонио?

— Не хочу даже вспоминать о нем! Он подал в отставку.

— Значит, мне показалось. Знаешь, а я была той учительницей-пенсионеркой, которая жила в доме напротив. Ты, конечно, видел меня. Или, быть может, мою сестру.

— Да, я видел вас. Вы всегда ссорились из-за канареек.

— Верно! Но мне так надоело ссориться, что я решила уйти к кошкам.

Синьор Антонио очень удивился. Он думал, что только ему одному пришла в голову такая хорошая мысль. И вдруг оказалось, что среди всех этих кошек, живущих на площади Арджентина, только половина — настоящие кошки, то есть такие, чьи родители были настоящими котами и кошками. А остальные — это все люди, которые расхотели быть людьми и превратились в котов и кошек. Был тут мусорщик, сбежавший из приюта для престарелых, были одинокие синьоры, которые не ужились со своими служанками, был тут даже судья — еще довольно молодой человек, женатый, имеющий детей, машину, четырехкомнатную квартиру с двумя ваянами, и никто не понимал, почему он пришел к кошкам. Однако он не важничал, и когда «кошкины мамы» приносили кульки с рыбьими головами, колбасной кожурой, сырными корочками, макаронами, косточками и куриными потрохами, он брал свою долю и удалялся на самую высокую ступеньку какого-нибудь античного храма.

Кошки-кошки не ревновали к кошкам-людям. Они держались с ними совершенно на равных, без всякого высокомерия. Друг другу, однако, они нередко говорили:

— А вот нам бы и в голову не пришло стать людьми — при теперешних-то ценах на ветчину!

— У нас тут очень славная компания, — сказала синьору Антонио кошка-учительница. — А сегодня вечером у нас лекция по астрономии. Придешь?

— Конечно. Ведь астрономия — моя страсть. Помню, когда я был начальником станции в Кастильон дель Лаго, то установил на балконе телескоп с двухсоткратным увеличением и по ночам рассматривал кольца Сатурна, спутники Юпитера, которые выстроились в ряд, словно косточки на счетах, и туманность Андромеды, похожую на занятую.

Послушать его рассказ собралось много кошек. В их компании еще никогда не было бывшего начальника станции. А они так много хотели разузнать о железной дороге. Спрашивали, например, почему в туалетах вагонов второго класса никогда нет мыла и так

далее. Когда же стемнело и на небе стали хорошо видны звезды, кошка-учительница начала свою лекцию.

— Вот,— сказала она,— посмотрите сюда. Это созвездие называется Большая Медведица. А это — Малая Медведица. Повернитесь, как я, и посмотрите направо от башни Арджентина. Это Змееносец.

— Ну прямо зоопарк,— заметил кот-мусорщик.

— Кроме того, тут есть Козерог, Овен и Баран, а также Скорпион.

— Даже? — изумился кто-то.

— А вон там созвездие Пса.

— Черт возьми! — заволновались кошки-кошки. Больше всех возмущался Рыжий Разбойник, которого так прозвали потому, что он, хоть и был совершенно белый, отличался очень воинственным нравом. Это он-то и спросил вдруг:

— А созвездие Кота есть?

— Нет,— ответила учительница.

— И звезды нет, хотя бы самой маленькой, которая называлась бы Кошка?

— Нет.

— Выходит,— возмутился Рыжий Разбойник,— дают звезды собакам и свиньям, а нам нет? Хорошенькая история!

Раздалось возмущенное мяуканье. Кошка-учительница повысила голос, чтобы оправдать астрономов: они знают, что делают, у каждого своя профессия, и если они решили, что не надо называть Котом даже астероид, значит, у них есть на то свои основания.

— Основания, которые не стоят и мышиного хвоста! — отрезал Рыжий Разбойник. — Послушаем, что скажет об этом судья.

Кот-судья объяснил, что ушел в отставку как раз для того, чтобы больше никого и ни о чем не судить. Но в данном случае он сделает исключение:

— Мое мнение таково: астрономы — негодяи!

Раздались оглушительные аплодисменты. Кошка-учительница выразила сожаление, что защищала их, и пообещала пересмотреть свои взгляды на жизнь. Собрание решило организовать демонстрацию протеста. Специальные послания были немедленно отправлены с курьером всему кошачьему населению Рима — и в форумы, и в мясные лавки, и в больницу Сан-Ка-

милло, где под каждым окном сидит по коту в ожидании, не выбросят ли им больные свой ужин, если он окажется невкусным.

Послания полетели также котам в Трастевере, бродячим кошкам римских пригородов, а также котам среднего сословия, на случай если они пожелают присоединиться, забыв на время свое изысканное меню, пуховую подушечку и бантик на шее. Встречу назначили в полночь в Колизее.

— Великолепно! — сказал кот-синьор Антонио. — Я был в Колизее туристом и просто посетителем, но котом еще никогда не был. Это будет для меня новый волнующий опыт.

На следующее утро посмотреть Колизей явились американцы — пешком и в машинах, немцы — в автобусах и старинных фаэтонах, шведы — с кожаными мешками через плечо, жители Абруцци — с тещами, миланцы — с японской кинокамерой. Но никто ничего не смог увидеть, потому что Колизей был оккупирован котами. Заняты все входы и выходы, арена, лестницы, колоннады и арки. Почти не видно было древних камней — повсюду только кошки и кошки, тысячи кошек. По сигналу Рыжего Разбойника появился транспарант (работы учительницы и синьора Антонио), на котором было написано: «Колизей захвачен! Хотим звезду Кот!»

Туристы, путешественники и прохожие, которые, остановившись, забыли, что им надо следовать дальше, с восторгом зааплодировали. Поэт Альфонсо Кот произнес речь. Не все поняли, что он хотел сказать, но один только вид его убедил всех, что если поэт может быть Котом, то уж звезда и подавно. Начался большой праздник. Из Колизея отправились коты-посланцы в Париж, Лондон, Нью-Йорк, Пекин, Монтепорцио Катоне. Агитацию решено было проводить в международном масштабе. Предусмотрено было захватить Эйфелеву башню, Биг-Бен, Эмпайр Стейт Билдинг, площадь Небесного Согласия, табачную лавку «Латини» — словом, все самые известные места. Коты и кошки всей планеты обратятся к астрономам со своим призывом на всех языках. И в один прекрасный день, вернее, ночь, созвездие Кот засияет собственным светом.

В ожидании новостей римские коты и кошки разошлись по своим «домам». Синьор Антонио и кошка-учительница тоже поспешили на площадь Арджентина, строя по пути новые планы захвата.

— Как было бы хорошо,— мечтал он,— если б вокруг купола святого Петра стояли кошки с поднятыми вверх хвостами!

— А что бы ты сказал,— спросила учительница,— если б я предложила занять Олимпийский стадион в тот день, когда там будут играть футбольные команды Рима и Лацио?

Синьор Антонио хотел было сказать: «Потрясающе!» — с восклицательным знаком, но не успел произнести и полслова, потому что услышал вдруг, как его зовут.

— Дедушка! Дедушка!

Кто это? Даниела! Она вышла из школы и узнала дедушку. Синьор Антонио уже приобрел некоторый кошачий опыт и притворился, будто не слышит. Но Даниела настаивала:

— Ну что же ты, дедушка! Зачем ты ушел к кошкам? Я уже столько дней ищу тебя повсюду — на суше и на море. Сейчас же возвращайся домой!

— Какая славная девочка! — заметила кошка-учительница. — В каком она классе? Наверное, у нее прекрасный почерк? И она хорошо моет руки? И, уж конечно, она не из тех детей, которые пишут на дверях туалета. «Долой учительницу!»?

— Нет, она большая умница, — сказал синьор Антонио, немного разволновавшись. — Пойду провожу ее. Посмотрю, чтобы не переходила улицу на красный свет.

— Все понятно! — вздохнула кошка-учительница. — Ну что ж, а я пойду посмотрю, как поживает моя сестра. Может быть, у нее начался деформирующий артрит, и она не может сама надеть туфли.

— Ну, дедуля, пошли! — приказала Даниела.

Люди, слышавшие это, не удивились. Они подумали, что так зовут кота. Что ж тут особенного, ведь есть же коты, которых зовут Бартоломео и Джерундио, что означает деепричастие. Придя домой, кот-синьор Антонио сразу же забрался в любимое кресло и пошевелил ухом в знак приветствия.

— Видели? — спросила Даниела, очень довольная. — Это же сам дедушка!

— Верно! — подтвердил Нино. — Дедушка тоже умел двигать ушами.

— Ладно, ладно, — сказали несколько смущенные родители. — Ну а теперь за стол!

Но лучшие, самые вкусные куски передавали коту-дедушке. Его угощали мясом, сгущенным молоком, печеньем. Его ласкали и целовали. Слушали, как он мурлычет. Просили дать лапку. Чесали за ушком. Сажали на вышитую подушку. Устроили для него туалет с опилками.

После обеда дедушка вышел на балкон. В доме напротив он увидел кошку-учительницу, которая поглядывала на канареек.

— Ну как? — спросил он ее.

— Великолепно! — ответила она. — Сестра обращается со мной лучше, чем с папой римским.

— А ты призналась, кто ты?

— Ну что я — дурочка! Узнает, так еще упрячет в сумасшедший дом. Она дала мне одеяло нашей бедной мамы, на которое прежде даже смотреть не позволяла.

— А я и не знаю, как быть, — признался кот-синьор Антонио. — Даниела хотела бы, чтобы я снова стал дедушкой. Все они очень любят меня.

— Ну и глупец! Открыл Америку и бросаешь ее. Смотри, пожалеешь!

— Прямо не знаю, — повторил он, — как быть. Готов сдаться. Так хочется закурить...

— Однако как же ты думаешь снова превратиться из кота в дедушку?

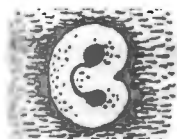
— О, это проще простого! — сказал синьор Антонио.

И действительно, он пошел на площадь Арджентина, переступил железную перекладину в обратном направлении, и на месте кота тут же появился пожилой синьор, закуривающий сигарету. Он вернулся домой в некотором волнении. Даниела, увидев его, запрыгала от радости. На балконе дома напротив кошка-учительница приоткрыла один глаз в знак доброго пожелания, но про себя проворчала: «Ну и глупец!»

Рядом с ней на балконе стояла ее сестра. Она нежно смотрела на кошку и думала: «Не надо

слишком привязываться к ней, ведь если она умрет, я буду очень страдать, и у меня начнется аритмия».

А потом настал час, когда кошки, живущие на форумах, проснулись и пошли ловить мышей, а кошки с площади Арджентина собрались в ожидании тех добрых женщин, которые приносят им кудечки с лакомством. Коты и кошки, живущие в больнице Сан-Камилло, расположились на клумбах и аллеях, надеясь, что ужин будет невкусным и больные тайком выбросят его за окно. И все эти бродячие коты, которые прежде были людьми, вспоминали, как они когда-то водили автопоезда, работали за токарным станком, печатали на пишущей машинке, были молодыми и влюблялись в красивых девушек.

Все началось с крокодила

Зачер, 23 марта, в 10 часов утра — я был дома один — у входа зазвонил колокольчик. Я открыл дверь и увидел перед собой крокодила.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы заметить, что поверх обычной пластинчатой кольчуги на пресмыкающемся надет коричневый костюм. Его дополняли белая рубашка в узкую голубую полосочку, черные ботинки, зеленый галстук, темная, недурного фасона шляпа и большие очки в роговой оправе.

Других подробностей так, с ходу мне разглядеть не удалось. Не столько потому, что я был ослеплен этим невероятным галстуком, сколько потому, что мои руки сами собой тут же захлопнули дверь и накинули цепочку.

Как журналист я привык встречаться с самыми разными людьми, но впервые ко мне явился, и к тому же без всякого предупреждения, крокодил.

«Куда только смотрит привратница! — рассердился я. — Мало того, что она позволяет разносчику из булочной пользоваться лифтом, хотя это строгойше и категорически запрещено всеми жильцами, мало того, что целые дни только и делает, что считает, кто сколь-

ко раз из соседей чихнул, теперь она еще пропускает в дом животных из зоопарка!»

— Синьор! — раздался между тем из-за двери вполне человеческий голос. — Синьор, послушайте меня! Отбросьте предрассудки и не судите по одежде.

— Я принимаю только тех, с кем заранее улаживаюсь о встрече, — твердо заявил я.

— Конечно, конечно. Но вы так нужны мне!

— Могу себе представить. И все же я бы посоветовал вам выбрать на завтрак какого-нибудь другого жильца. Я слишком тощ, вешу всего пятьдесят семь килограммов, в одежде. А кроме того, имейте в виду, что моя жена очень дорожит нашим персидским ковром. Если вы съедите меня, а затем начнете проливать, как обычно, свои крокодиловы слезы и намочите ковер, вы думаете, моя жена простит вам это?

— Синьор! Впустите меня! Я все объясню! За мною гонятся!

— Еще бы! Уверен, что служители зоопарка сейчас схватят вас и посадят в бассейн.

— Уверяю вас, я не имею никакого отношения к зоопарку! Впрочем, вы и сами должны были бы понять это. Разве вы видели когда-нибудь говорящего крокодила?

— Гм... Нет, — вынужден был согласиться я.

— То-то! — продолжал крокодил. — Так что успокойтесь?

— При закрытой двери и с заряженным револьвером я всегда чувствую себя совершенно спокойно.

Револьвер, по правде говоря, лежал в ящике письменного стола, но мой визитер ведь не мог узнать, что я обманываю его.

— Прошу вас, откройте! Мне грозит смертельная опасность!

В его голосе прозвучала такая мольба, что я заколебался.

— Подождите минуту, — сказал я.

— О, ради бога, скорее!

Я бросился к столу, схватил револьвер, убедился, что он заряжен, и вернулся к двери.

— Откройте, а то будет поздно!

— А по мне так наоборот — никогда не будет рано, — сердито возразил я, снимая цепочку.

Крокодил влетел в квартиру и остановился, тяжело

переводя дыхание. Я заметил, что у него была с собой большая кожаная сумка, а когда я увидел, что из кармана пиджака выглядывает фиолетовый платок, то чуть сознания не лишился от такой безвкусицы.

— Спасибо,— поблагодарил крокодил, падая на диван и вытирая пот своим ужасным платком.— Клянусь, вы не пожалеете, что помогли мне. Наша компания очень сильна и никогда не забывает оказанные ей услуги.

— Так вы не один? — невольно содрогнулся я.— Уж не хотите ли вы сказать, что все нильские крокодилы явились в Италию с моим адресом в кармане?

— Я не с Нила, уважаемый синьор. Я прибыл с планеты Дзерба.

— Понимаю, понимаю. Вы, значит, своего рода космический крокодил.

— Конечно, вам это кажется очень странным. Ведь у вас тут крокодилы влачат жалкое, бессмысленное существование в реках или сидят всю жизнь в зоопарках, ни о чем не беспокоясь. На планете Дзерба, напротив, мы, крокодилы, за многие тысячелетия создали высочайшую цивилизацию.

— А люди?

— Подобных четвероногих у нас там нет. Планету населяем только мы.

— Рад за вас,— сухо произнес я.— Вижу, у вас там выпускают превосходные зеленые галстуки...

— Мы выпускаем их всех цветов,— заявил дзербианский крокодил.— Однако я, например, ношу только зеленые. Это цвет моей фирмы.

— А, так вы, значит, занимаетесь коммерцией?

— Я работаю в фирме «Дзйру», которая выпускает знаменитый стиральный порошок для домашних стиральных машин. Наш девиз: «Где только «Дзйру» применяют, там о грязи забывают!» И на Землю я прилетел в специальную командировку, чтобы изучить возможности сбыта здесь нашей продукции. Командировка — разведка, понимаете? Нужно изучить местные товары, продукцию конкурирующих фирм, цены и так далее.

— Теперь я действительно начинаю кое-что понимать,— перебил я.— Очевидно, за вами охотятся представители наших земных фирм, выпускающих стиральные порошки. Наверное, хотят воспользоваться вашим,

извините, видом и посадить вас в зоопарк. Да, трудные настали времена, дорогой синьор, трудные! Тяжелая конкурентная борьба идет не на жизнь, а на смерть!

— Нет, нет, вы ошибаетесь. Подобной опасности, во всяком случае сейчас, еще нет. Я материализовался, прибыв с планеты Дзерба, всего каких-нибудь полчаса назад, на крыше этого дома. И вы первый землянин, с которым я вступил в контакт. По чистой случайности, должен признаться, не только по крайней необходимости. Опасность исходит для меня совсем с другой стороны — с планеты Морва, что значит мор.

Я вскочил с кресла так, словно сел на кнопку.

— Неужели еще одна планета, населенная крокодилами?

— К сожалению, нет, синьор. Морва населена чудовищными существами. Но самое ужасное, что морвиане тоже выпускают стиральный порошок. Причем он не идет ни в какое сравнение с нашим. Уж мне-то вы можете поверить — я ведь занимаюсь этим делом уже четверть века. И вся беда в том, что морвиане тоже, как говорится, положили глаз на вашу Землю.

— Должно быть, мы прославились во Вселенной как страшные грязнули и неряхи, — заметил я.

Дзербиянец не поддержал мою шутку. Он пояснил, что несколько минут назад едва не попался в лапы двум морвианам.

— Если они схватят меня, я исчезну, и Земля, можно сказать, пропадет.

— Для вашей фирмы, вы хотите сказать?

— Пропадет, пропадет, синьор. Вы, земляне, еще не знаете морвиан! По-плохому или по-хорошему они заставят вас покупать огромное количество их стирального порошка. Ваша экономика придет в упадок. Начнутся голод, нищета, войны и революции.

— Забавный вы, однако, тип! — прервал я его. — У нас отличные земные стиральные порошки, их вполне достаточно, и нам вовсе ни к чему, чтобы являлись сюда всякие дзербьянские крокодилы или морвианские... Кстати, а какие животные живут на Морве?

— Там живут...

Требовательный звон колокольчика украл у меня его ответ.

— Это они, — прошептал крокодил и в волнении вскочил с дивана. — Ради бога, спрячьте меня!

— Но это может быть почтальон или сантехник..
— Это они! Я узнаю их по запаху. Ради всего святого, спрячьте меня в какой-нибудь шкаф!

— У меня есть предложение получше. Раздевайтесь поскорее, и я посажу вас в ванну. Она как раз наполнена теплой водой, потому что я собирался принять ванну, как делаю это каждое утро. И я скажу, что ны мой личный крокодил. Сейчас многие держат дома крокодилов. Никакие законы не запрещают этого. Ну, давайте живее! Все равно другого выхода нет!

Крокодил покраснел.

— Мне неудобно... Раздеваться перед незнакомым человеком...

— О господи, нашли время думать о таких пустяках!

Колокольчик между тем продолжал упорно звенеть. Я затолкнул дзербиянца в ванную и постарался притвориться заспанным. Затем открыл дверь и широко зевнул, будто только что проснулся:

— Что вам угодно?

На лестничной площадке стояли два индюка. Я сразу понял, что это именно индюки, несмотря на красные фракы, в которые они были одеты, и желтые цилиндры, которые они приподняли, приветствуя меня.

— Вы, судя по всему, привыкли встречаться с индюками? — не без лукавства спросил один из них.

— Я встречаюсь с ними обычно за праздничным столом в новогодний вечер, — ответил я, — при этом они всегда хорошо зажарены, окружены гарниром из картофеля, а в качестве приправы я предпочитаю кремонскую горчицу.

— Остроумно, — заметил морвинанин, — но неправдоподобно! Впрочем, тот факт, что вы несколько не удивлены нашим появлением, все сразу упрощает. Совершенно ясно, что вы ждали нас и, значит, все знаете. Ясно также, что коммерческий разведчик фирмы «Дэйру» находится в вашем доме. Выдайте нам его. И без всяких фокусов. Имейте в виду — попытаетесь помешать нам, будете иметь неприятности.

— Какие еще неприятности? — спросил я, притворяясь, будто подавляю зевоту.

Морвинанин номер два, не отвечая на мой вопрос, прошел в прихожую и принялся осматривать квартиру.

— Эй, послушайте! — возмутился я. — Кто дал вам

право вторгаться в чужой дом? У вас есть ордер на обыск?

Морвианин номер один тоже вошел в квартиру, потянул два-три раза носом и решительно направился к ванной.

— Кто там? — спросил он, пытаясь открыть дверь, которую осторожный дзербиянец закрыл изнутри.

— Там купается мой крокодил. К вам это не имеет никакого отношения.

— Ваш крокодил, не так ли? Прекрасно. А с каких это пор крокодилы, купаясь, запираются в ванной?

— Он всегда так делает. Он не любит, чтобы его беспокоили, когда моется. Это очень скромное, застенчивое существо.

Морвианин бросил на меня уничтожающий взгляд своим левым глазом. Затем ткнул клювом в дверь, и та рассыпалась в прах. Если уж быть точным до конца, от нее осталось не больше чайной ложечки дымящегося пепла.

— Час от часу не легче! — вскричал я. — Врываю-ся в мой дом, сжигают двери... Да за такие дела полагается каторга!

Я бы, наверное, высказал еще множество других соображений, но тут меня сразило совершенно необыкновенное зрелище — удобно устроившись в моей ванне, спокойно тер себе спину розовый слоненок, причем делал это щеткой с длинной ручкой, которую обычно употребляю для этой операции я. Слоненок радостно затрубил в знак приветствия, а затем окатил морвианина из хобота парой ведер мыльной воды.

— И это, по-вашему, крокодил? — спросил морвианин номер один, вытирая глаза цилиндром.

— Это слон, — пробормотал я, — но зовут его Крокодил. Его могли бы также звать Джумбо, Дум-Дум или Верчинджеторидже... А вам разве не все равно?

— Все равно заберем его, — сказал морвианин номер два. — Уж очень это все подозрительно!

— Не стоит, — сказал первый. — Нам некогда возиться тут со всякими слонами. Этот проклятый дзербиянец все-таки провел нас, но он не мог уйти далеко!

— А моя дверь? — возмутился я, следуя за ними к выходу. — Кто мне заплатит за дверь?

— Отправьте счет фирме «Дзйру», — ответил морвианин номер один.

За подобное внезапное остроумие я готов был задушить его. Расставшись с индюками, я бросился в ванную. Зеркало отразило мое лицо — с открытым от удивления ртом оно выглядело на редкость идиотским. А розовый слоненок исчез.

Я вздрогнул, потому что снова зазвонил колокольчик.

— Что еще стряслось? — заорал я в совершеннейшем бешенстве. — Меня нет дома ни для крокодилов, ни для индюков, ни для слонов, ни для носорогов!

И все же я пошел и открыл дверь. В квартиру влетел дзерббианский крокодил.

— Извините, — воскликнул он, — я забыл у вас свою сумку!

— Постойте! — сказал я, придерживая его за рукав. — Вы же должны были сидеть в ванне?

— Только этого еще не хватало! — ответил он, передернувшись. — Они поймали бы меня! Я вылез в окно и забрался на крышу.

— А розовый слоненок?

— Какой еще слоненок?

— Ну тот, что сидел в ванне вместо вас и что без разрешения воспользовался моей щеткой!

Крокодил упал на пол и забился в рыданиях.

— Это конец! — застонал он. — Я не посмею теперь вернуться домой!

— Простите, но в чем дело? Объясните наконец. Имею же я право знать, что происходит в моей ванне!

— Этот слон — агент с планеты Цокка, он работает на фирму «Песс». Если б вы только знали, какие это негодяи! Они выжидают, пока мы сделаем всю черновую работу, пока отыщем рынки сбыта, подготовим почву, а затем заявляются и продают свой стиральный порошок за полцены, подрывая все наши планы.

Крокодил безутешно рыдал. И вдруг я в ужасе заметил, что он льет свои слезы на персидский ковер, которым так дорожит моя жена.

— Несчастный! Посмотрите, что вы наделали! Уходите, и чтоб чешуи вашей тут не было больше!

Он ушел, утирая слезы своим ужасным фиолетовым платком.

Когда он уже спускался по лестнице, я нагнал его и спросил, почему же морвианские индюки не узнали цоккианского слона.

— Да потому что он переоделся, разве не понимаете?

— Нет, совершенно ничего не понимаю!

— Цоккианцы — не слоны. Это леопарды! И только мне одному известны все их трюки. Да что толку! Прощайте, синьор, прощайте.

Вот так-то. Потом было опубликовано много разных сообщений по этому поводу, но никто лучше меня не знает истинную причину наших несчастий. Все началось у меня дома, именно так, как я рассказал.

Остальное, к сожалению, уже всем известно. Морвиане, дзербианцы и цоккианцы сговорились и поделили между собой нашу планету, так что теперь нашу старушку Землю и не узнать!

Дзербианцы получили право на монопольную торговлю в Европе и Африке. Видите, во что они превратили Альпы? И следа не осталось от гор Монблан и Червино. Исчезла и Мармолада. И вместо горного хребта, высоких, укрытых ледниками вершин, вместо прекрасных долин на многие километры растянулась высеченная на остатках альпийского хребта гигантская надпись: «Где только «Дзіру» применяют, там о грязи забывают!» Ночью, подсвеченная гигантскими прожекторами, она хорошо видна с Луны. Ничего не поделаешь — межпланетная реклама! Новинка для нашей Галактики.

Морвиане и дзербианцы то же самое сделали с континентами и океанами, которые достались их фирмам. Так что Земля вертится теперь в космическом пространстве простым рекламным шариком.

А звезды на небосводе располагаются ночью так, что образуют рекламу крупной фирмы «Дзер-Мо-Цок», которая была создана недавно предпринимателями трех прежде соперничавших планет. Сейчас эта фирма «выбросила» на Землю новую мастику для паркета. Навсегда изуродован прекрасный рисунок Большой Медведицы, расколоты и другие созвездия, разбит на куски Млечный Путь. И всего лишь маленькой деталькой в буквах «и» светятся звезды Арктур, Антáрес и Сириус. По всему небосводу без конца повторяется теперь по вечерам все одна и та же назойливая реклама: «Мастика «Билибонц» блестит, как сотня солнц!»

Мотти и Пакетик

Портрет синьора Корнелиуса

Мотти был умным воров. Инспектор Джерониимо всегда говорил это своему помощнику Де Доминичису:

— Де Доминичис, знаете, что я вам скажу?

— Да, да, слушаю, инспектор.

— Этот Мотти не похож на других воров. У него есть воображение, вот что его отличает. Он изобрел больше трюков, чем Гульельмо Маркони¹. Вот я и хотел бы знать, что он теперь задумал. Ведь уже больше года, как он не дает о себе знать — ни разу не попался. А о Пакетике что-нибудь слышно?

— Нет, инспектор.

— Вот-вот. А ведь он всегда работает с Мотти. Это его тень.

— Интересно, почему Мотти, такой умный, связывается с этим Пакетиком, таким глупым?

— Чтобы голова отдыхала. Гению всегда нужен более или менее глупый помощник, чтобы он мог передохнуть, пока тот говорит или слушает. Ведь невозможно все время думать только о чересчур умных вещах.

В это время на другом конце города Мотти показывал Пакетiku свое новое изобретение. Разница в характерах и способностях отражалась в их именах. Мотти — это настоящее имя, а Пакетик — всего лишь прозвище. Воришка получил его однажды, когда, ограбив ювелирный магазин, вместо того чтобы сунуть добычу в карман и поскорее смыться, принялся упаковывать часы, кольца и драгоценные камни в пакетик и перевязывать его шелковой ленточкой. Так что полиция смогла сразу же без труда задержать его.

— Не пройдет и двух месяцев, как благодаря этой штуке мы станем богачами, — сказал Мотти, показывая какой-то аппарат.

— Но это, конечно, не фотоаппарат? — спросил Пакетик.

— А что же, по-твоему?

— Очень похоже, но я бы все-таки не стал утверждать, чтобы не ошибиться.

¹ Знаменитый итальянский ученый и изобретатель.

— Можешь утверждать, Пакетик, без всякого опасения. Это действительно фотоаппарат. И сейчас ты увидишь, как он работает. Встань вон там и подумай о чем-нибудь.

Пакетик послушно встал в позу и постарался подумать о чем-нибудь умном. К сожалению, на ум ему пришла только колбаса, которую он видел однажды в одном колбасном магазине и которая поразила его своей длиной.

Мотти щелкнул затвором, удалился ненадолго в темную комнату, вернулся со снимком и принялся изучать его с помощью лупы.

— Наверное, я плохо вышел,— сказал Пакетик.— Интересно, почему у меня на снимках всегда такой глупый вид?

— Колбаса зато вышла очень хорошо,— сказал Мотти.

— Что? Мотти, не уверяй меня, что с помощью этой машины ты можешь фотографировать мысли!

— И все же дело обстоит именно так. Посмотри сам.

Пакетик взял лупу, присмотрелся и увидел колбасу. В его голове она тоже была такой длинной, что занимала весь мозг от уха до уха.

— Ты просто молодец, Мотти! Тебе хорошо заплатить, если ты запатентуешь эту штуку.

— Очнись, Пакетик! Есть другой способ заработать деньги, и побыстрее.

Система Мотти оказалась исключительно простой и продуктивной, как, впрочем, и все другие его изобретения. Дня через два в городе начались прямо-таки фантастические кражи. Один богатый человек, который никогда никому не доверял секрет своего сейфа, обнаружил, что тот пуст. И инспектор Джеронимо не нашел ни малейших следов взлома. А по ночам банки, казалось, сами открывались, чтобы пропустить воров. Один старый скупец, который прятал свои деньги на балконе в горшке с геранью и никогда ни одной душе не говорил об этом, чуть не сошел с ума от огорчения, когда горшок исчез.

— Это работа Мотти,— сказал инспектор Джеронимо, когда зафиксировали уже двадцатую кражу.— Пойдем-ка навестим его.

Пошли он и Де Доминичис. И обнаружили, что Мотти и Пакетик занялись честнейшим делом. Они

стали фотографиями. Пакетик снимал клиентов в ателье. Мотти ходил по городу и снимал на улицах.

— Новый год — новая жизнь! — улыбнулся Пакетик, с поклоном встречая гостей.

— Новый год? Но ведь у нас сейчас август!

— Иногда не поздно начать честную жизнь, — возразил Мотти, появляясь из темной комнаты с пленкой в руках.

Когда полицейские ушли, Мотти подмигнул Пакетику и показал ему свою новую жертву. Он незаметно снял синьора Корнелиуса, самого богатого человека в городе, и в его мыслях можно было легко, как в книге, прочитать, что тот собирается на следующий день уехать в Париж и взять с собой в черной кожаной сумке сто миллионов. Когда он уезжал, Мотти и Пакетик тоже были на вокзале, и сумка исчезла.

Сто миллионов это не сто орешков. Мотти и Пакетик разделили их по-братски, закрыли фотоателье и удалились от дел.

— Эти двое обвели меня, — проворчал инспектор Джеронимо, узнав об этом. — Нужны, однако, доказательства. Мотти так хитер, что, если мы арестуем его без улик, он может высмеять нас на суде. Давай сначала заглянем к Пакетику.

Пошли он и Де Доминичис. Пакетик жил в скромном домике на окраине города. Он принял их в огороде, в домашней одежде, потому что окучивал клубнику.

— Мое почтение, инспектор, — радостно улыбнулся он, — приветствую вас, бригадир Де Доминичис. Не хотите ли пройти в дом?

А там инспектор Джеронимо увидел над комодом фотографию, вставленную в красивую серебряную рамку.

— Это мой дядя Густав, — объяснил Пакетик. — Очень хороший человек! Оставил мне небольшое наследство, поэтому я и бросил дело.

— Твой дядя Густав почему-то как две капли воды похож на синьора Корнелиуса, — заметил инспектор.

— Ну что вы! Они даже незнакомы. Корнелиус... Надо же! Ах, будь у меня его миллионы...

— Кто знает, — заметил инспектор Джеронимо. — Может статься, они именно у тебя.

Он снял портрет со стены и просто так, по привычке, словно его интересуют отпечатки пальцев, принялся рассматривать его с помощью лупы, с которой никогда не расставался. Ну и, разумеется, поскольку зрение у него было хорошее, он увидел то, что нужно было. Он увидел в голове синьора Корнелиуса мысль о черной сумке со ста миллионами и даже время отхода поезда.

— Вот, значит, что изобрел Мотти! — воскликнул он не без восхищения.

Пакетик побледнел и проклял про себя тот день, когда решил выразить признательность синьору Корнелиусу, повесив на стене его портрет — тот самый фотопортрет, который Мотти так советовал сжечь.

Мотти и Пакетик оказались в одной камере, что, впрочем, вполне справедливо. Пакетик поначалу со страхом ожидал упреков от своего руководителя. Но Мотти был истинным джентльменом — он никогда не опускался до грубых слов.

— Идея Мотти была гениальна, — комментировал позднее инспектор. — Ведь в самом деле большинство людей только и думает, что о своих деньгах, хотя можно думать о стольких других прекрасных вещах. Не так ли, Де Доминичис?

— Совершенно с вами согласен, инспектор.

Заколдованная пластинка

Пакетик был большим любителем современной эстрадной музыки. Он целые дни проводил в магазинах грампластинок и с увлечением слушал там разные песенки. Вечером он возвращался с горящими глазами, возбужденный, и ноги его танцевали сами собой даже в кровати.

— Сегодня слушал такую пластинку!.. Чуть с ума не сошел! — рассказывал он Мотти.

— Вижу, — отвечал Мотти, отрываясь от рассказа в картинках, который он рассматривал, чтобы пополнить свое образование.

— Каким образом, Мотти, дорогой мой?

— Ты же знаешь, я хорошо разбираюсь в людях.

— И что же ты еще увидел, Мотти, в своем драгоценном Пакетике?

— Я заметил, что с некоторых пор ты очень часто употребляешь выражение «сойти с ума».

— Это опасно? Может быть, мне следует показаться какому-нибудь врачу или специалисту по грамматике?

— Думаю, что выражение «сходить с ума» принесет нам именно то, что нужно.

— Нужно, Мотти? Но ведь нам ничего не нужно. У тебя еще гора рассказов в картинках, а у меня — еще двести магазинов грампластинок, в которых надо побывать.

— Нужно что-то отложить и на старость, Пакетик. И нам придется самим позаботиться об этом, потому что правительство, к сожалению, пока еще не установило пенсию для воров.

— Я не умею думать, Мотти, ты ведь прекрасно знаешь это. Последний раз после того, как я думал, у меня две недели болела голова.

Мотти подумал, подумал, а потом недели две что-то делал. Ходил в какие-то лаборатории... Принес домой множество странных приборов... Он забросил рассказы в картинках и читал труды по электронике, от страха перед которыми у Пакетика мурашки пробежали по коже.

— Оставь ты все это, Мотти,— советовал он.— У меня голова кружится от одного вида этих книг.

Однажды вечером Мотти вернулся домой с квадратным конвертом.

— Постой, Мотти,— сказал Пакетик,— на этот раз я точно знаю, что ты купил. Пластинку!

— Я не покупал ее.

— Но это же пластинка. Как это мило с твоей стороны! Ты знаешь, что я обожаю музыку...

— Успокойся, Пакетик. Сядь и послушай.

— Хорошо, Мотти, сажусь и слушаю.

Он действительно приготовился слушать — сидел весь внимание. А через секунду он уже сходил с ума в диком, безудержном танце — вскакивал на стол, прыгал по стульям, размахивал как безумный руками, тряс головой и издавал такие вопли, что стекла дрожали.

— Что такое, Мотти? Что случилось? — удивился он, отирая пот со лба, когда музыка умолкла. — Почему не ставишь пластинку?

— Я поставил ее.

— Так что же, она беззвучная, что ли? Или это какая-нибудь шутка?

— Это заколдованная пластинка, Пакетик. Пластинка, которая сводит с ума. Ты танцевал все время, пока она звучала, но даже не помнишь этого.

— А ты? Ты тоже танцевал? Я не видел. Ты все время сидел за столом, Мотти.

Мотти вынул из ушей два больших ватных тампона.

— У меня было вот это,— объяснил он.

— Ради бога, Мотти, объясни мне, что происходит? Что ты изобрел на этот раз?

— Пластинку, которая сводит с ума. В буквальном смысле, а не в переносном. Слишком долго было бы объяснять, как я это сделал, какие использовал акустические законы и так далее. Достаточно сказать, что эта пластинка действует на нервную систему. Тот, кто слушает ее, не может не танцевать. И пока танцует, так захвачен танцем, что ничего не замечает. А когда музыка умолкает, тут же обо всем забывает.

Пакетик подумал немного, рискуя вызвать головную боль.

— Не понимаю,— сказал он затем,— если я ничего не замечаю — какое же это развлечение?

Мотти объяснил ему, терпеливо и старательно подбирая самые простые и ясные слова, чтобы Пакетик не очень пострадал от них, в чем состоит развлечение. К концу объяснения Пакетик так широко открыл глаза, что даже не смог закрыть их, и в ту ночь ему пришлось спать и видеть сны с открытыми глазами.

Утром Мотти и Пакетик вместе вышли из дома.

Выбрали магазин грампластинок, где было особенно много народу.

Прежде чем войти, хорошенько заткнули себе уши ватой.

— Смотри, Пакетик, горе тебе, если вздумаешь вынуть вату. Забудь свою любовь к музыке. На повестке дня стоят более важные вопросы.

— Я скорее отрежу себе уши, чем выну вату, Мотти.

На этот раз Пакетик сдержал слово. Он устоял

перед всеми соблазнами, не вынул вату и вел себя как настоящий, вполне сложившийся вор, каким он, в сущности, и был. Все прошло великолепно. Мотти попросил у продавца какую-то пластинку, прошел в кабину для прослушивания, поставил на проигрыватель заколдованную пластинку, которую принес с собой, и, не сомневаясь в успехе, распахнул дверь кабины...

Стоило музыке зазвучать на весь магазин, как начался конец света. Затанцевали даже продавцы и продавщицы — они прыгали по прилавкам, забирались на самые высокие шкафы и, словно обезьяны, цеплялись за люстры. Покупатели вели себя точно так же. Солидные мужчины, которые пришли в магазин, чтобы купить Девятую симфонию Бетховена в исполнении оркестра под управлением Тосканини, танцевали, как студенты-первокурсники на карнавале. Элегантные дамы средних лет, которые минуту назад еще колебались, не зная, что же выбрать — танго Бьянки или романс Тости, плясали, как девчонки в джинсах на концерте Битлз. Все буквально сошло с ума.

Пакетик, вежливый и спокойный, ходил между танцующими и не упустил никого.

— Позвольте! Я только на минуту возьму ваш бумажник. Благодарю, все в порядке. Можете продолжать танец, приятного развлечения! Синьора, будьте добры, вашу сумочку. Спасибо, вы очень любезны! Молодой человек, можно вас на минутку? Мне нужно осмотреть ваши карманы. Вот и все. Вы свободны! Танцуйте, танцуйте!

В три минуты он наполнил баул, который принес с собой, бумажниками, дамскими сумочками, кошельками и разной мелочью. Когда же ему показалось, что работа закончена, он подмигнул Мотти и вышел из магазина.

А Мотти спокойно дождался, пока пластинка доигрывает до конца. Он снял ее, положил в большой карман, который был у него на подкладке пальто, протиснулся сквозь толпу покупателей, которые уже вернулись в прежнее состояние и совершенно не помнили, что с ними только что было, вернул продавцу пластинку, сказал, что зайдет в другой раз, поблагодарил, попрощался и ушел, насвистывая веселую песенку.

Минуту спустя в магазине грампластинок снова начался конец света, только теперь уже совсем другого свойства. Синьор, который решил купить Девятую симфонию, обнаружил, что у него нет бумажника. То же самое произошло и со всеми остальными.

— Моя сумочка!

— Мои деньги!

— У меня все украли!

Кассирша упала в обморок — Пакетик не забыл прихватить и всю утреннюю выручку.

Комиссар Джеронимо, прибывший на место происшествия по вызову хозяина магазина, ничего не понимал. Карманник может украсть один бумажник, может украсть три. Но каким образом этот вор, который побывал тут, смог обчистить десятки и десятки карманов, да еще так, что этого никто не заметил?

— Знаете, мы слушали музыку... — попыталась объяснить одна синьора.

— И все были в невероятном экстазе, не так ли? — с иронией подхватил комиссар. — Ну-ка, Де Доминичис, соберите показания. Пока нам не остается ничего другого.

Бригадир Де Доминичис составил протокол допроса на двенадцати страницах. У него рука заболела — столько он писал. К великому огорчению, часа через три ему снова пришлось поработать шариковой ручкой — таинственный карманник побывал еще в одном магазине грампластинок.

А в это время Мотти и Пакетик в спокойной домашней обстановке составляли опись награбленного. Пакетик разложил на столе в строгом порядке тридцать семь бумажников, двадцать пять сумочек и разные другие емкости для денег: конверты, сложенные вдвое открытки и даже один завязанный узелком платочек.

— Находятся же еще люди, которые носят деньги в платочке! — недовольно проворчал он. — Это же просто оскорбление для фирм, которые выпускают кожгалантерею. Интересно...

— Что тебе интересно, мой славный Пакетик?

— Интересно, у кого я взял этот узелок? Там, во втором магазине, была одна старушка... Совсем седая старушка! Очень похожа — теперь я вспоминаю —

ня мою бедную маму. Может, она выбирала пластинку для внука, в подарок ко дню рождения. Ай-ай-ай...

— Что еще, Пакетик?

— А вдруг он болен?

— Кто?

— Этот мальчик. Тот, которому старушка хотела подарить пластинку. Представляешь, Мотти, а вдруг у него краснуха? И он должен лежать в постели, все время один — ведь детей к нему не пускают. Ты же знаешь, Мотти, что больных краснухой изолируют! Бедный малыш!

— Прости, но с чего ты взял, что он болен?

— Я чувствую это, Мотти. Мне говорит об этом какой-то голос... Мотти, дорогой, он болен! И его бабушка, совсем седая бабуленька, достала из комода свои сбережения, завязала их в узелок и пошла покупать пластинку, чтобы внуку было не так скучно... И вместо этого...

— Пакетик, ты хочешь, чтобы я прослезился?

— Нет, Мотти, не надо плакать. Я сам уже плачу, видишь... Не знаю, что со мной творится. Это все из-за платочка. Он напомнил мне мою бедную маму. Мотти, дорогой, а нельзя было бы хотя бы этот платочек...

— Что, Пакетик? Объясни же наконец толком, а то действуешь на нервы.

— Не сердись, Мотти. Я подумал, что хотя бы раз... Ну что нам стоит отказаться от этой горсти монет в узелке? Там и двух тысяч лир¹ не наберется...

— Ладно, Пакетик. Договорились. Завтра утром вернешься в магазин и сделаешь вид, будто нашел этот узелочек на полу.

— Ну, а как они узнают, что он принадлежит старушке? Ах, Мотти, Мотти, если б ты мог вернуть его ей. Ты такой умный, Мотти! Ты бы просто осчастливил меня.

Пакетик горестно рыдал, вспоминая свою бедную маму, платочек, старушку, краснуху...

Мотти пришлось довольно долго думать, чтобы найти способ осушить эти слезы.

— Пакетик, — сказал он, поразмыслив, — Что было в магазинах, после того как мы ушли?

---

¹ Тысяча лир — примерно один рубль.

— По-моему, Мотти, ничего особенного. Вызвали полицию, полиция опросила присутствующих и составила список ограбленных. Вот и все, Мотти, больше ничего, уверяю тебя.

— Значит, в полиции есть и адрес старушки.

— О господи, Мотти! Ну конечно!

— Так вот, если мы вернем только платочек, это вызовет подозрение, и старушка будет иметь неприятности.

— О нет, только не это, Мотти! Ни за что на свете!

— Тогда нужно вернуть все, Пакетик! И не только во второй, но и в первый магазин. Полиция совсем прекратит следствие, и старушку оставят в покое. Ты ведь знаешь этого несчастного комиссара Джеронимо — дай ему хоть какой-нибудь след, дай ему старушку, даже самую маленькую, и он доведет дело до конца. Ну как, решено?

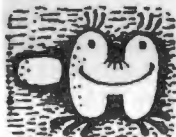
— Решено, Мотти. Ты просто ангел!

На следующее утро владельцы обоих магазинов нашли возле дверей узлы с бумажниками, сумочками и тому подобным.

С помощью списков, составленных бригадиром Де Доминичисом, быстро отыскивали пострадавших и вернули им все, что было украдено. И старушке тоже вернули узелочек, хотя у нее не было никаких внуков — ни больных, ни здоровых, она просто любила музыку и экономила на ужине, чтобы купить пластинку с прелюдиями Шопена.

— Поистине загадочный случай, комиссар,—заявил Де Доминичис.

Комиссар Джеронимо не ответил. Он подумал, что никогда не угадаешь, что творится в душе человека, даже если этот человек вор, и закрыл дело.

Кукла на транзисторах

у и что же? — спросил синьор Фульвио у синьоры Лизы, своей жены, и синьора Ремо, своего шурина. — Что же мы подарим Энрике на Новый год?

— Красивый барабан! — с готовностью предложил синьор Ремо.

— Что?

— Ну да, большой барабан. С палочками, чтобы бить в него! Бам! Бум! Бам! Бум!

— Ну что ты, Ремо! — удивилась синьора Лиза, которой он приходился братом. — Такой барабан занимает слишком много места. И потом, что скажет жена мясника?!

— Я уверен, — продолжал синьор Ремо, — что Энрике очень понравилась бы пепельница из цветной керамики в виде лошади, а вокруг нее много других маленьких пепельниц, тоже из цветной керамики, только в виде головки сыра качкавала.

— Энрика не курит, — строго заметил синьор Фульвио. — Ей всего семь лет.

— Ну тогда серебряный череп, — снова нашел выход из положения синьор Ремо. — Или медный ящик для ящериц, а можно еще открывалку для черепах или пульверизатор для фасоли в виде зонтика...

— Ну, что ты, Ремо, — возразила синьора Лиза, — мы же серьезно говорим.

— Ладно. Буду серьезен. Два барабана. Один, настроенный на до, другой — на соль.

— Я знаю, — перебила его синьора Лиза, — что понравится Энрике! Хорошая электронная кукла на транзисторах, исполняющая множество команд. Знаете, из тех кукол, которые умеют ходить, говорить, петь, записывать телефонные разговоры, ловить стереофонические радиопередачи и ковырять в носу.

— Согласен! — заявил синьор Фульвио со всей категоричностью отца семейства.

— Ну, а мне все равно. Покупайте что хотите. Я пошел спать, — сказал синьор Ремо.

Прошло несколько дней, и наступил Новый год со множеством ярких игрушек, украшающих витрины всех магазинов, со множеством пепельниц в виде маленького флорентийского писца, выставленных повсюду, где только можно, и со множеством волынщиков — подлинных и поддельных, со снегом на альпийских вершинах и туманом в Поданской долине.

Новая кукла уже сидела под новогодней елкой и ждала Энрику. Дядя Ремо — это все тот же синьор Ремо, который синьору Фульвио приходится шури-

ном, синьоре Лизе — братом, а для дворника просто счетовод, для продавца в газетном киоске — покупатель, для городского стражника — пешеход, а для Энрики — дядя (как же много разных людей может соединиться в одном человеке!), так вот, этот дядя Ремо с насмешкой посмотрел на куклу. Надобно вам сказать, что потихоньку от всех он очень серьезно изучал колдовство и мог, к примеру, одним только взглядом расколоть мраморную пепельницу. А теперь он прикоснулся к кукле в нескольких местах, передвинул кое-какие транзисторы, снова усмехнулся и ушел в кафе. Тут в комнату вбежала Энрика и испустила радостный крик, который родители с наслаждением подслушали из-за двери.

— Какая красивая! Какая чудесная кукла! — в совершеннейшем восторге вскричала Энрика. — Я сейчас же приготовлю тебе завтрак!

Она принялась торопливо рыться в углу, где лежали игрушки, отыскала там большие чашки для кофе, блюдца, стаканы, вазочки, бутылочки и так далее и расставила все это на кукольном столике. Затем велела новой кукле пойти на свое место, позвать несколько раз «маму» и «папу», наконец, повязала ей на шею салфетку и собралась кормить ее. Но кукла, едва девочка отвернулась на минутку, хорошим пинком отшвырнула накрытый стол. Блюдца разбились, чашки покатались по полу и, ударившись о батарею, тоже раскололись, и от них остались одни черепки...

Тут, разумеется, прибежала синьора Лиза. Она испугалась, что Энрика ударилась или поранилась. Прибежала и, не разобравшись, в чем дело, тут же накричала на дочь, назвав ее «плохой, противной девчонкой», и добавила:

— Какая ты нехорошая! Обязательно в Новый год надо что-то натворить. Смотри, будь осторожна, а то заберу у тебя куклу, и ты больше не увидишь ее!

И ушла в ванную комнату.

А Энрика, оставшись одна, схватила куклу, отшлепала ее как следует, назвала ее «плохой, противной девчонкой» и упрекнула в том, что она устраивает неприятности как раз в Новый год:

— Смотри, води себя хорошо, а то запру в шкаф и не выпущу больше оттуда!

— Почему? — спросила кукла.

— Потому что ты разбила блюдца.

— А я вовсе не хочу играть с ними,— заявила кукла.— Я хочу играть с машинками.

— Я тебе покажу машинки! — рассердилась Энрика и шлепнула ее еще разок. Кукла не растерялась и вцепилась ей в волосы.

— Ой! Что ты делаешь? Почему бьешь меня?

— Законная самозащита,— ответила кукла.— Ты же сама научила меня драться! Ты первая ударила. Я и не знала, как это делается.

— Ну ладно,— ответила Энрика, желая сменить тему разговора.— Будем играть в школу! Я буду учительницей, а ты — ученицей. Вот твоя тетрадь. Я вижу, ты сделала в диктанте много ошибок, и я ставлю тебе двойку!

— А при чем здесь эта цифра «два»?

— При том, разумеется. Так делает в школе учительница. А кто пишет без ошибок, тому она ставит пять.

— Почему?

— Потому что так учатся!

— Ну и насмешила ты меня!

— Я?!

— А кто же! — ответила кукла.— Ну подумай сама — ты умеешь ездить на велосипеде?

— Конечно!

— А когда училась и падала с него, тебе кто-нибудь ставил двойку или кол?

Энрика в смущении замолчала. А кукла продолжала:

— Вот подумай: когда ты только еще училась ходить и вдруг ни с того ни с сего садилась на пол, твоя мама ставила тебе на попку двойку?

— Нет...

— Но ходить ты все равно научилась? И говорить научилась, и пить, и есть, и пуговицы застегивать, и шнурки завязывать, и зубы чистить, и уши мыть, и открывать и закрывать двери, и звонить по телефону, и включать проигрыватель и телевизор, и спускаться и подниматься по лестнице, и бросать и ловить мяч, и отличать своего дядю от незнакомого человека, собаку от кошки, холодильник от пепельницы, ружье от штопора, сыр пармезан от горгонцолы, правду от лжи,

воду от огня. И все это без каких бы то ни было отметок, плохих или хороших. Не так ли?

Энрика притворилась, будто не заметила вопросительного знака, и предложила:

— Давай я вымою тебе голову!

— Ты с ума сошла? В Новый год...

— Но я очень люблю мыть куклам голову!

— А я очень не люблю, когда мне мыло попадает в глаза!

— Ну знаешь! Ты — моя кукла, и я могу делать с тобой что захочу. Ясно?

Это «ясно?» было из словаря синьора Фульвио. И синьора Лиза тоже нередко завершала свои разговоры этим выразительным «ясно?». Теперь настала ее, Энрики, очередь заставить уважать свои родительские права. Но кукла, похоже, даже не обратила внимания на это веское слово. Она забралась на самую верхушку елки, разбив по пути несколько цветных лампочек, и стала раскачиваться, как на качелях.

Энрика, чтобы не ругаться с нею, отошла к окну. Во дворе мальчишки играли с мячом, катались на самокате, на велосипеде, пускали стрелы из лука, играли в кегли.

— Почему не пойдешь во двор поиграть с ребятами? — спросила кукла, засунув палец в нос, чтобы подчеркнуть свою независимость.

— Там одни мальчишки, — ответила Энрика. — Они играют в мальчишеские игры. А девочки должны играть в куклы. Они должны учиться быть хорошими мамами и хозяйками, должны уметь накрывать на стол, стирать, чистить обувь для всей семьи. Моя мама всегда чистит ботинки папе. И сверху и снизу.

— Бедняжка!

— Кто?

— Твой папа! У него, значит, нет рук...

Энрика решила, что настал самый подходящий момент дать кукле пару хороших пощечин. Чтобы добраться до нее, надо было залезть на елку. Ну а елка, разумеется, не растерялась и тут же воспользовалась случаем, чтобы свалиться на пол. Вдребезги разбились лампочки и стеклянные игрушки — ужас! А кукла оказалась под столом и решила, что в этой ситуации лучше всего захныкать. Однако она первая забеспокоилась и бросилась к Энрике:

— Ты не ушиблась?

— Я не хочу с тобой разговаривать! — заявила Энрика. — Это ты во всем виновата! Ты невоспитанная кукла. Уходи! Ты не нужна мне больше!

— Наконец-то! — воскликнула кукла. — Теперь-то ты наконец поиграешь с машинками!

— И не подумаю! — возразила Энрика. — Возьму свою старую тряпичную куклу и буду играть с ней.

— Ах, вот как! — вскричала новая кукла. Она осмотрелась, нашла тряпичную куклу, схватила ее и вышвырнула в окно — сквозь стекла, даже не открывая его.

— Я буду играть с моим плюшевым мишкой! — заявила Энрика.

Новая кукла отыскала плюшевого мишку и бросила его в мусорный бак. Энрика расплакалась. Родители услышали ее плач и прибежали как раз вовремя, чтобы увидеть, что новая кукла завладела ножницами и напропалую кромсает наряды из кукольного гардероба.

— Что это за безобразие! — вскричал синьор Фульвио.

— Ох я несчастная! — вскричала синьора Лиза. — Думала, что купила куклу, а оказывается, принесла в дом ведьму!

Папа и мама бросились к маленькой Энрике, подхватили ее на руки, стали ласкать, жалеть, целовать.

— Паф! — сказала кукла с самого верха шкафа, куда она забралась, чтобы подрезать свои волосы, которые, по ее мнению, были слишком длинными.

— Ты слышала? — испугался синьор Фульвио. — Она сказала «паф!» Этому ее мог научить только твой брат!

Синьор Ремо появился в дверях, словно его кто-то позвал. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что происходит.

Кукла подмигнула ему

— Что случилось? — спросил дядя, притворившись, будто с неба свалился.

— Она не хочет быть куклой, — захныкала бедная Энрика. — Бог знает что о себе возомнила!

— Я хочу пойти во двор и играть в кегли! — заявила кукла, посыпая сверху пряди волос. — Я хочу барабан! Хочу в лес, на луг, в горы! Хочу кататься на самокате! Хочу стать физиком-атомщиком, железнодорожницей, педиатром. И еще сантехником! И если у меня будет дочь, я пошлю ее в спортивный лагерь. И если она вздумает мне сказать: «Мама, я хочу быть домашней хозяйкой, как ты, и чистить обувь своему мужу. Сверху и снизу», — я отправлю ее в наказание в бассейн, а затем поведу в театр.

— Да она с ума сошла! — сказал синьор Фульвио. — Наверное, у нее испортился какой-нибудь транзистор.

— Ну-ка, Ремо, — попросила синьора Лиза, — взгляни, в чем там дело. Ты ведь разбираешься в этом.

Синьор Ремо не заставил себя долго упрашивать. И кукла тоже. Она прыгнула ему на голову и стала делать сальто-мортале. Синьор Ремо прикоснулся к кукле в нескольких местах, что-то повернул, что-то подкрутил, и кукла превратилась в микроскоп.

— Ты ошибся, — заметила синьора Лиза.

Синьор Ремо снова что-то подкрутил. Кукла превратилась, в диапроектор, потом в телескоп, в роликовые коньки, в стол для игры в пинг-понг...

— Но что ты делаешь? — удивился синьор Фульвио. — Ты сейчас совсем испортишь ее! И где ты видел куклу, которая походила бы на стол?

Синьор Ремо вздохнул и еще что-то покрутил. Кукла опять стала нормальной говорящей куклой с длинными волосами.

— Мама, — сказала она на этот раз кукольным голосом, — я хочу устроить стирку.

— О, наконец-то! — воскликнула синьора Лиза. — Вот это другой разговор. Ну-ка, Энрика, поиграй со своей куклой. Еще успеешь провести хорошую стирку до обеда.

Но Энрика, на глазах у которой происходили все эти превращения, похоже, была в чем-то не уверена. Она посмотрела на куклу, на дядю Ремо, на родителей и наконец с глубоким вздохом произнесла:

— Нет, я хочу пойти во двор и играть там с ребятами в кегли. И может быть, даже стану делать сальто-мортале.

Зеленое яйцо

Старый Омобоно жил в маленьком домишке на окраине села совсем один. Жена его давно умерла, а детей у него не было. Так что компанию ему составляли куры в курятнике, боров в свинарнике да осел в хлеву. Осел помогал обрабатывать землю. Боров ни в чем не помогал. Однако Омобоно знал, что кормит его не напрасно,— рано или поздно он обернется ветчиной, колбасой и сосисками. Ну а куры несли ему яйца.

И вот однажды утром Омобоно сходил в курятник за свежими яйцами и, вернувшись в дом, вдруг обнаружил в корзине среди белых яиц одно зеленое.

— Такого я еще никогда не видел,— проворчал он. Старики, известное дело, нередко разговаривают сами с собой вслух.— Зеленое яйцо! Готов спорить, что его снесла Пимпа. Эта курица уже давно стала какой-то странной, будто кто-то запугал ее. Зеленое яйцо! Прямо хоть пиши об этом в газету!

Он взял яйцо и поднес к уху.

— Надо же! Вот так новости! Яйцо, а гудит, как машина. Словно там мотор вместо желтка.

Старик положил белые яйца в буфет, а зеленое — на стол и принялся разглядывать его. Гула вроде не было, но стоило Омобоно приложить яйцо к уху, как он снова слышал его.

Тогда Омобоно взял ложечку, осторожно разбил скорлупу и отколупнул два или три кусочка, чтобы заглянуть внутрь, но испугался и положил яйцо на стол. И тут из отверстия в скорлупе вдруг один за другим начали выскакивать крохотные, ростом не больше ногтя, человечки. Омобоно насчитал сначала десять человечков, потом еще десять и еще... И каждый что-то нес на спине или тащил за собой на невидимой веревочке, только непонятно было, что именно. В одно мгновение человечки разбежались во все стороны. Кто спешил сюда, кто — туда. Некоторые как будто что-то забивали молоточками, другие пилили. А все вместе — работали дружно, быстро, старательно и совершенно бесшумно. Но когда Омобоно наклонился к столу и

прилушался, ему показалось, что он слышит удары топора, скрип, скрежет и даже чьи-то повелительные голоса.

«Это, наверное, какие-нибудь начальники», — решил Омобono.

А минут через десять человечки уже построили что-то очень похожее на железную дорогу, которая вышла из яйца и очертила вокруг него исключительно ровную окружность радиусом в пятьдесят сантиметров. Затем из яйца выехал поезд, состоящий из двадцати вагонов, каждый из которых был не длиннее спички. Локомотив (это был, наверное, электровоз, потому что он не дымил) был короче, но довольно массивный. Поезд бежал по рельсам, точно игрушечный. Он часто останавливался, и человечки что-то выгружали из вагонов. Тут Омобono вспомнил, что у него где-то есть лупа. Он отыскал ее в ящике буфета и увидел с ее помощью, что они выгружали автомобили, велосипеды, тракторы, подъемные краны, строительные конструкции, детали домов, двери, окна, разного рода мебель и машины, много машин, бесконечное множество легковых машин. Разгрузив вагоны, человечки тут же принялись разносить вещи во все стороны, словно у них в голове был четкий план. Впрочем, план этот скоро стал ясен и Омобono.

— Да ведь они строят у меня на столе целый город. И как отлично все делают!

Поезд, совершив круг, возвращался к яйцу, въезжал в него и спустя немного выезжал с новым грузом. А кроме того, из яйца беспрестанно появлялись все новые и новые человечки. Омобono насчитал их сначала несколько десятков, затем несколько сотен, а потом и считать перестал — ясно, что их было теперь уже не меньше десяти тысяч. А из яйца все выбегали и выбегали новые — парами, группами, в одиночку. И казалось, они уже хорошо знают, куда именно им надо идти, потому что сразу же без колебания направлялись в тот или иной квартал города... Да, да, уже появились кварталы, улицы, и по ним пронеслись туда и сюда машины, куда-то спешили пешеходы, работали магазины, из окон домов выглядывали люди, во дворах играли дети...

— Ай да молодцы! — подивился Омобono, рассматривая сквозь лупу то один, то другой уголок города.

А потом вдруг из яйца вынесся целый табун лошадей, а за ними выбежали собаки, кошки, вылетели птички — маленькие, еле видимые, меньше самой малюсенькой мошки — и полетели над крышами домов, а некоторые даже принялись строить гнезда.

От удивления Омобоно даже выронил лупу. К счастью, она упала рядом с городом, иначе, наверное, убила бы кого-нибудь. И тут человечки вдруг замерли. Очевидно, удар лупы о стол показался им оглушительным раскатом грома. Затем, как будто кто-то успокоил их, они снова принялись за работу.

— Жаль, что не слышно, о чем они говорят, — огорчился Омобоно. — Интересно, что же все это значит...

И тут ему пришла в голову одна мысль. Он вышел из дома, осторожно закрыв двери на ключ, и отправился на поиски того, что ему понадобилось.

Продавец в магазине очень удивился:

— Усилитель? Динамик? Микрофон? Зачем вам все это?

— Хочу послушать, о чем говорят муравьи, — отрезал Омобоно. — Какое вам дело? Скажите, сколько это стоит, и до свидания.

— Ладно, не сердитесь. В конце концов мое дело продавать, а не интересоваться, кто и зачем покупает эти вещи.

— Вот и отлично. Сколько?

Омобоно уплатил, попросил объяснить, как пользоваться этими устройствами, и вернулся домой, не обращая внимания на людей, которые оборачивались ему вслед, потому что привыкли видеть его с лопатой или мотыгой на плече.

А дома Омобоно ожидал новый сюрприз.

— Черт возьми, готов поклясться, что человечки выросли, а город стал больше и дома выше. Не резиновые же они, чтобы так раздуваться.

Город занимал теперь почти весь стол, а человечки были уже в два раза выше ростом.

— Ну-ка посмотрим, — решил Омобоно, — что из этого выйдет?

Он расположил приборы так, как ему объяснили в магазине, надел наушники, как у телеграфиста, поправил держатели и стал слушать. Теперь звуки слышны были громко и отчетливо: шум двигателей, тархтенье моторов, крики детей, голоса на стройплощадке,

шум поезда, который без устали ездил в яйцо и обратно.

— Алло, алло! — услышал он вдруг голос, перекрывший все остальные звуки.

И тут умолкли все другие голоса, машины остановились, и город замер в полной тишине.

— **Внимание, внимание! Выходим на связь с землянином!** Нам неизвестны его намерения, поэтому объявляется Малая Тревога!

— Вот это да! — удивился Омобоно. — Они хотят говорить со мной... Надо полагать, именно со мной, ведь единственный землянин тут — это я... Гм, а они? Разве они не земляне? Ведь их же снесла моя курица!

— Алло, алло! — снова раздалось в наушниках. — Мы обращаемся к землянину, который слушает нас. Вам хорошо слышно?

— Да куда уж лучше! — ответил Омобоно. — Только объясните мне, кто же вы такие и что делали в яйце моей курицы? Да, и долго ли собираетесь занимать мой стол?

— Прежде всего, — услышал он в ответ, — предупреждаем вас, что вы лишены возможности причинить нам какой-нибудь вред. То обстоятельство, что мы пока еще такие маленькие, не должно вводить вас в заблуждение. Мы способны спастись от любого нападения. К тому же мы его не провоцируем.

— Хорошенькое дело, — ответил Омобоно. — Понимаем, что вы еще расскажете.

— Да будет вам известно, что мы прибыли с очень далекой и совершенно не известной вам планеты. К сожалению, в последние века условия жизни там стали совершенно невыносимыми. Наше солнце начало остывать, вся растительность погибла, ледяной панцирь покрыл один за другим все наши города. Спастись можно было, только покинув планету и переселив всех ее обитателей в другие миры Вселенной. Вы меня слышите?

— Слышу, слышу и даже записываю ваш рассказ на магнитофон.

— Мы делаем то же самое. Наш Комитет общественного спасения после тщательного изучения проблемы предложил следующее. Все население планеты и животные, которые еще не погибли, а также города, фабрики, заводы и вообще вся техника, созданная на-

шей цивилизацией, все с помощью особой системы, которую я не стану вам объяснять, потому что вы все равно не поймете...

— Вот уж спасибо!

— ...одним словом, все и вся было уменьшено до ультрамикроскопических размеров и помещено в семечко тыквы, которое с помощью специальной системы передачи на расстояние было сброшено на вашу Землю.

— Вернее, ко мне во двор... А моя курица склевала его... И снесла яйцо... И вы вышли из него...

— Да, именно так все и было.

— Сколько же вас всего?

— Очень мало, к сожалению. Не более тридцати миллионов.

— Тридцати — чего?

— Миллионов.

— И что же вы от меня хотите? Чтобы я держал в доме тридцать миллионов гостей? Думаете, я в силах вас всех прокормить? Дорогие мои, я начинаю думать, что вам было бы лучше вернуться внутрь яйца... Эй, что случилось? Что такое? Куда вы делись?

Город, машины, человечки, железная дорога — все вдруг исчезло, словно по мановению волшебной палочки. На столе лежало только зеленое яйцо с дырочкой на боку.

— Вы там, что ли, внутри? — спросил Омобоно.

Никто не ответил. Но из яйца теперь, как и прежде, снова доносился гул. А затем все повторилось сначала: выбежали человечки ростом не больше ногтя... Построили железную дорогу... Появились дома, машины... Город был восстановлен в мгновение ока. Не прошло и часа, как весь стол снова был занят человечками и в наушниках снова раздался голос:

— Алло, алло!

— Слушаю! — ответил Омобоно. — Куда вы делись?

— Сами того не желая, — услышал он в ответ объяснение, — вы объявили Большую Тревогу.

— Я? Каким образом? Я ничего не объявлял.

— Выслушайте нас, и ради бога в следующий раз будьте осторожны! Дело в том, что мы изобрели особую систему сигнализации. Она, как вы видели, совершенно безотказна, но и опасна. Стоит произнести сло-

ва: «Внутри яйца!» — как наш рост прекращается, и мы все немедленно возвращаемся в яйцо.

— Удобно, — заметил Омобоно.

— Не совсем. Нам ведь приходится делать все заново... К сожалению, теперь мы в ваших руках. Послушайте, что мы вам предлагаем. Нам известно, что на вашей планете есть совершенно необитаемые пустыни, например, Сахара, Гоби и другие. Отдайте нам одну из этих пустынь, с помощью нашей техники мы сделаем ее обитаемой и будем жить там, насколько не беспокоя землян.

— Минутку, — сказал Омобоно, — вы что-то говорили о росте. А на сколько вы еще можете вырасти?

— Наш нормальный рост — пять метров, но мы приспособимся к земным меркам и во всем станем походить на людей.

— А кто поручится, что вы не вздумаете завладеть всей нашей планетой?

— Вы же в любую минуту можете вернуть нас в яйцо. Вы же знаете сигнал Большой Тревоги.

Омобоно задумался, разглядывая зеленое яйцо.

— А знаете, — сказал он наконец, — я хочу произвести небольшой опыт.

Он осмотрелся, остановил взгляд на шапке, висевшей на гвозде у двери, и воскликнул:

— Шапка, внутрь яйца!

Шапка тут же исчезла. Омобоно заглянул в яйцо и с помощью лупы разглядел, что она лежит там — крохотная, не больше точки. И тогда он засмеялся:

— А вот этого вы мне не сказали!

— Что не сказали? Мы все объяснили вам.

— Но вы умолчали о том, что яйцо «забирает» и другие вещи, не только вас.

— Но мы и сами этого не знали! Это вы только что показали нам.

— Ладно, ладно. Вполне возможно, что один крестьянин хитрее тридцати миллионов космических пришельцев. Вполне возможно. Только яйцо, с вашего позволения, я заберу себе.

А человечки между тем продолжали расти. Теперь они были уже больше мизинца Омобоно, а из яйца один за другим выходили все новые и новые пришельцы.

— Надо, пожалуй, поскорее предупредить вла-

сти,— решил Омобоно,— а то вы еще взорвете мой дом. И вот что еще я думаю. Ведь переправить тридцать миллионов человек в Сахару — это не шутка. Не лучше ли вам всем вернуться на некоторое время туда... обратно?

Человечки посоветовались, и затем голос в наушниках со вздохом произнес:

— Вы правы. Мы вернемся в яйцо...

— Тогда до свидания,— сказал Омобоно.

— До свидания. Народ Азима, внутрь яйца!

В то же мгновение со стола все исчезло, и на нем осталось только зеленое яйцо.

Омобоно взял его, сел на свой мотоцикл и поехал в город.

Не будем рассказывать о том, как он докладывал обо всем случившемся правительству, как велел человечкам выйти из яйца еще раз, чтобы доказать, что он ничего не сочиняет, а затем вернул их обратно в яйцо, как потом вместе с членами правительства полетел на самолете в Сахару и передал пустыню народу Азима и оставался с ними до тех пор, пока они не стали ростом с землян, а затем вернулся к себе в деревню с зеленым яйцом, которое держал в красивой овальной шкатулке.

«Оно еще не раз позабавит меня»,— решил про себя Омобоно.

И действительно, однажды он достал яйцо и отправил в него то, что ему не нравилось больше всего. Он приказал:

— Все пушки, какие только есть на свете,— внутрь яйца!

И войны прекратились как по волшебству.

В другой раз он сказал:

— Все комары — внутрь яйца!

И никто уже не мог найти ни одного комара на всей земле — от Южного полюса до Северного.

А плохого Омобоно никому ничего не сделал, потому что он был хорошим человеком, ведь даже имя его означает Добрый Человек. Незадолго до смерти он разбил зеленое яйцо, растолок скорлупу в ступке, растер ее в порошок и развеял на своем поле, чтобы никто не мог использовать яйцо с каким-нибудь злым умыслом.

Я мог бы рассказать вам и о том, как однажды, когда яйцо еще было цело, он и сам попробовал войти в него.

— Омобоно, внутрь яйца! — приказал он сам себе.

Но сидеть там внутри, в темноте, оказалось так скучно, что он поспешил выбраться оттуда.

Неопознанный самолет

иньор начальник, неопознанный самолет просит разрешения на посадку.

— Неопознанный самолет? А как он сюда попал?

— Не знаю, синьор начальник. У нас не было с ним раньше никакой связи. Он говорит, что у него кончается горючее и он сядет, даже если мы будем против. Станный какой-то тип, однако.

— Станный?

— Чудак, по-моему. Я слышал сейчас, как он по-смеивался в микрофон: «Тем более что все равно никто не может остановить меня...»

— Так или иначе, пусть лучше сядет, а то еще натворит каких-нибудь бед.

Самолет приземлился на маленьком летном поле на окраине Столицы ровно в 23 часа 27 минут. До полуночи оставалось 33 минуты. Притом это была не обычная, а самая важная в году полночь. Это было 31 декабря. И на всем континенте миллионы людей ожидали наступления Нового года.

Никому не известный летчик выпрыгнул из кабины на землю и сразу же распорядился:

— Выгрузите мой багаж! Там двенадцать баулов, не забудьте ни одного! И вызовите три такси, иначе их не перевезти! Может кто-нибудь позвонить по телефону от моего имени?

— Не знаю, не знаю, — уклончиво ответил синьор начальник. — Сначала надо прояснить кое-какие детали, вам не кажется?

— Не вижу никакой необходимости! — улыбнулся летчик.

— А я, однако, вижу! — возразил синьор начальник. — И прошу вас предъявить документы и борт-журнал.

— Простите, но я не стану этого делать.

Он заявил это так категорично, что синьор начальник чуть не взорвался от возмущения.

— Как угодно, — сказал он. — а пока, будьте любезны, пройдите сюда!

Летчик ответил легким поклоном. И начальнику показалось, что поклон этот был чересчур вежливым. «Уж не насмехается ли он надо мной? — подумал он. — Во всяком случае, из моего аэропорта он выйдет с совсем другой миной».

— Имейте в виду, — продолжал между тем загадочный путешественник, — что меня ждут. Очень, очень ждут.

— И должно быть, к полуночи, чтобы отпраздновать Новый год?

— Совершенно верно, дражайший!

— А я, как видите, нахожусь при исполнении служебных обязанностей и всю новогоднюю ночь проведу здесь, в аэропорту. И вам, если будете упорствовать и не пожелаете предъявить документы, придется составить мне компанию.

Незнакомец (тем временем они вошли в кабинет начальника) спокойно расположился в кресле, закурил трубку и с интересом осмотрелся вокруг.

— Документы? Но ведь они уже у вас, синьор начальник.

— В самом деле? Выходит, вы, как фокусник, сумели засунуть их мне в карман? И сейчас еще достаете у меня из носа яйцо, а из уха часы?

Вместо ответа незнакомец указал на новый красочный календарь, висевший на стене у письменного стола.

— Вот мои документы. Я — Время. В моих двенадцати баулах находятся двенадцать месяцев, которые должны начаться через... Ну-ка, посмотрим... Через двадцать девять минут.

— Если вы — Время, — невозмутимо ответил синьор начальник, — то я в таком случае реактивный самолет. Я вижу, вы шутник. Отлично! Значит, мне не придется скучать. И все же я включу, если не возражаете, телевизор. Не хотелось бы пропустить начало Нового года.

— Включайте, включайте! Только не будет никакого Нового года, пока вы меня держите тут.

По телевизору передавали праздничный концерт. Время от времени красивая дикторша, посмотрев на большие часы, висевшие на сцене за оркестром, прямо над головой ударника, напоминала:

— До Нового года осталось двадцать пять минут... Осталось двадцать две минуты...

Неизвестный пилот, казалось, от души развлекался телевизионным зрелищем. Он подпевал певцу, отбивал такт ногой вместе с оркестром и весело смеялся над шутками клоунов.

— До полуночи осталась одна минута,— улыбнулся синьор начальник.— Очень жаль, что не могу предложить вам бокал шампанского. На службе я никогда не пью.

— Спасибо, но в шампанском уже нет нужды. Время остановилось. Посмотрите на свои часы.

Синьор начальник невольно перевел взгляд на циферблат своих наручных часов и поднес их к уху. «Странно,— подумал он,— они тикают, но секундная стрелка стоит на месте — видимо, испортилась»

И он стал отсчитывать секунды. Отсчитал шестьдесят и обнаружил, что минутная стрелка тоже не двигается и по-прежнему показывает без одной минуты двенадцать. И на больших часах на экране телевизора она тоже замерла

— Должно быть, возникла какая-то маленькая неисправность...— смущенно объяснила дикторша

Музыканты, певцы, клоуны, зрители, находившиеся в телестудии,— все словно по команде принялись изучать свои часы, трясти их и с удивлением прислушиваться к ним. И вскоре все убедились, что стрелки и в самом деле больше не двигаются.

— Ха-ха! Время остановилось! — со смехом крикнул кто-то.— Наверное, выпило слишком много шампанского и уснуло, не дождавшись полуночи.

Начальник аэропорта бросил тревожный взгляд на странного незнакомца, и тот снова вежливо улыбнулся ему:

— Видели? Это вы виноваты!

— Как это я?.. При чем здесь я?

— Вы все еще не верите, что я — Время? Взгляните на эту розу...

На письменном столе красовалась в вазе свежая роза — начальник любил, чтобы у него были цветы в кабинете.

— Хотите посмотреть, что с нею станет, если я прикоснусь к ней?

Незнакомец подошел к столу и легонько дунул на цветок. Лепестки тут же сморщились, высохли, опали и рассыпались в прах. От прекрасной розы осталась лишь горстка пыли...

Синьор начальник вскочил и бросился к телефону.

Были времена, когда новости развозили по свету на лошадях, и немало проходило времени, пока они объезжали весь мир. Скажем, известие о том, что началась война в Бризговии, приходило в Брисландию, когда бои уже закончились и солдаты — те, что остались в живых, — уже были дома.

В наши дни радио и телевидение опутывают всю землю гигантской невидимой сетью. Новости ловятся в эту сеть, словно рыбки, и в несколько мгновений переносятся от одного полюса к другому.

Спустя несколько минут после звонка синьора начальника министру, уже всюду — и в Америке, и в Сингапуре, и в Танзании, и в Новосибирске — знали, что Время задержано в каком-то маленьком аэропорту из-за отсутствия документов. Миллионы людей, ожидавших наступления Нового года, тут же открыли бутылки шампанского, наполнили бокалы и стали обмениваться радостными тостами. Праздничные шествия двинулись по улицам Милана, Парижа, Женевы, Лондона И Т. Д. Написав «и так далее» с большой буквы, мы имеем в виду и все другие города, которые невозможно перечислить тут все подряд.

— Ура! — кричали люди на всех языках планеты. — Время остановилось! Мы не будем больше стареть! И никогда не умрем!

В кабинете синьора начальника аэропорта беспрестанно звонил телефон. Начальника вызывали со всех концов земли и требовали:

- Держите Время крепче!
- Наденьте на него наручники!
- Сверните ему шею!
- Подсыпьте ему снотворного!
- Какое там снотворное — крысиный яд нужен!

Премьер-министр сообщил о случившемся своим коллегам. Срочно собрался Совет Министров. На повестке дня был только один вопрос: какие нужно принять меры? Превратить задержание Времени в арест или же освободить его?

Министр внутренних дел гремел:

— Освободить? Никогда этому не бывать! Стоят только позволить людям разгуливать повсюду без всяких документов, и мы пропадем! Этот синьор должен сообщить нам свое имя, отчество, фамилию, место рождения, место прописки, место жительства, гражданство, национальность, номер паспорта, размер обуви, номер шляпы. Он должен предъявить справку о прививках, свидетельство о благонамеренности, диплом об окончании начальной школы, квитанцию об уплате налогов. К тому же у него целых двенадцать баулов! А таможенный сбор он уплатил? Он отказывается открывать их! А если у него там бомбы?

Министру было семьдесят два года, так что вы понимаете, конечно, как он был заинтересован в том, чтобы часы стояли...

Совет Министров решил узнать мнение Организации Объединенных Наций. А там в ту пору был только швейцар, потому что все члены ООН разъехались по домам встречать Новый год.

— Сколько времени понадобится, чтобы созвать Ассамблею?

— Недели две... Хотя, если Время остановилось, две недели не пройдут, так что Ассамблею не собрать! Эта новость тоже облетела весь мир, вызвав повсюду еще большую радость.

А спустя немного...

Впрочем, эту фразу я не вправе писать: если Время остановилось, слова «спустя немного» уже не имеют смысла.

Короче говоря, один мальчик, разбуженный шумом, узнал, в чем дело, быстро сосчитал, сколько будет два плюс два, и возмутился:

— Что? Всегда будет СЕЙЧАС? Выходит, я никогда не вырасту? И всю жизнь буду получать подзатыльники от отца? Всю жизнь должен решать задачу про колбасника, который покупает оливковое масло, а мы, бедные школьники, вынуждены считать, сколько

он потратил денег и сколько у него осталось? Ну нет, спасибо вам большое! Я против!

Он тоже схватился за телефон и принялся бить тревогу — звонить друзьям. У его друзей тоже были, естественно, друзья, братья, двоюродные сестры, всякие другие родственники. Телефону пришлось немало поработать, соединяя их друг с другом.

Ребята и слышать ни о чем не хотели. Они накинули пальто поверх пижам, вышли на улицы и тоже устроили демонстрацию. Но их требования и лозунги сильно отличались от тех, с которыми шли взрослые.

— Освободите Время! — кричали ребята. — Не хотим всю жизнь оставаться малышами!

— Хотим расти!

— Хочу стать инженером!

— Хочу, чтобы наступило лето!

— Хочу купаться в море!

— Несмышленыши! — вздохнул какой-то прохожий. — В такой исторический момент они думают о море!

— Однако, — заметил другой прохожий, — в одном они, пожалуй, правы. Если Время не будет идти, то всегда будет 31 декабря!

— Всегда будет зима...

— Всегда будет без одной минуты полночь! И мы никогда не увидим восхода солнца!

— Мой муж в отъезде, — забеспокоилась какая-то синьора. — Как же он вернется домой, если не пройдет Время?

Больной, что лежал в постели, стал жаловаться:

— Ай-ай... Надо же было Времени остановиться как раз в тот момент, когда у меня болит голова! Значит, теперь у меня всегда будет головная боль, всегда, раз и навсегда?

Заключенный, ухватившись за оконную решетку в своей камере, тоже негодовал:

— Значит, я никогда не выйду на свободу?

И крестьяне встревожились:

— И так урожай все хуже и хуже... Если не пройдет Время и не наступит весна, все погибнет... Нам нечего будет есть!

Словом, у начальника аэровокзала вскоре стали раздаваться совсем другие звонки:

— Ну так вы отпустите его наконец? Я жду почтовый перевод. Или, может, вы мне сами его пришлете, если не отпустите Время?

— Синьор начальник, пожалуйста, освободите Время! У нас кран испортился, и если завтра не наступит завтра, мы не сможем вызвать сантехника...

А синьор Время отдыхал в удобном кресле и, улыбаясь, курил свою трубку.

— Что же мне делать? — растерялся синьор начальник. — Один говорит одно, другой — другое... Я уываю руки! Я отпущу вас...

— Молодец, спасибо.

— Но... Без приказа свыше... Вы же понимаете, я рискую своим положением...

— Тогда не отпускайте. Мне и тут очень неплохо! Затем раздался еще один звонок:

— Вспыхнул пожар! Если не пройдет Время, не придут пожарные! Все сгорит! Мы все сгорим! Тут старики и дети... Неужели вы ничего не можете сделать, синьор начальник?

И тут начальник стукнул кулаком по столу:

— Ладно. Будь что будет! Беру на себя эту ответственность. Идите. Вы свободны!

Синьор Время сразу поднялся:

— Позвольте, синьор начальник, я пожму вам руку. Вы добрый человек!

Синьор начальник открыл перед ним дверь:

— Уходите. Быстро. А то еще передумаю.

И синьор Время вышел из кабинета. Стрелки на часах вновь задвигались. Спустя шестьдесят секунд часы пробили полночь, и повсюду вспыхнули бенгальские огни. Новый год начался.

Как Марко и Мирко ловили бандитов

Марко и Мирко — близнецы. Но их легко было отличить друг от друга, потому что Марко всегда ходил с молотком, у которого ручка белая, а Мирко — с молотком, у которого ручка черная. Братья ни

когда не расставались со своими молотками. Никогда, даже если мыло попадало в глаза.

Их родителей — синьора Аугусто и синьору Эменду — тоже нетрудно было различить, потому что у синьора Аугусто был магазин бытовых электроприборов, а у синьоры Эменды — магазин одежды для собак. Утром, уходя, они ласково сказали детям:

— Марко и Мирко, пожалуйста, никому не открывайте двери! Повсюду бродят эти ужасные бандиты, которые воруют тальк.

— Хорошо, мама! Хорошо, папа!

Разумеется, едва родители исчезли с горизонта, близнецы тут же побежали и открыли дверь в сильной надежде увидеть хотя бы одного бандита, прячущегося на площадке. Но их ожидало разочарование. Бандитов не было. Тогда они вышли на балкон и принялись тренировать свои молотки — учили их вести себя подобно бумерангу и разным другим игрушкам. Запущенные высоко в небо, молотки пикировали на улицу, трижды облетали шляпу какого-нибудь прохожего и затем, негромко посвистывая, возвращались на балкон.

— Посвистывают, — заметил Марко. — Но еще не свистят по-настоящему.

— Научатся! — заверил Мирко.

Вдруг в доме напротив распахнулось окно, и какая-то синьора, в ужасе схватившись за голову, закричала страшным голосом:

— На помощь! На помощь! Украли тальк!

— Седьмая! — констатировал Марко, который вел счет кражам в их квартале.

— На помощь! На помощь! Помогите! — продолжала кричать женщина.

— У той синьоры, которую обокрали вчера, — заметил Мирко, — зубы были белее.

Но тут другая картина привлекла внимание близнецов. Из-за ограды дома напротив вышел какой-то человек в маске. Он был довольно подозрителен. Тем более что нес, прижимая к груди, коробочки с тальком и явно собирался поскорее удалиться.

— Вот случай, которого мы так ждали! — вскричал Марко.

— Он самый! — согласился Мирко.

В ту же минуту братья запустили свои молотки. Теперь они уже издавали в полете нечто похожее на

вой сирены. Человек в маске посмотрел вверх... Лучше бы он посмотрел себе на ноги! Потому что молоток с белой ручкой нацелился на его левый ботинок, а молоток с черной ручкой — на правый. От удивления человек в маске уронил коробочки с тальком и тоже закричал:

— На помощь! Спасите!

Молотки с головокружительной скоростью вертелись вокруг его ног и не давали ему шагнуть.

— Хватит! — взмолился человек в маске. — Сдаюсь!

— Слишком быстро, — недовольно заметил Марко.

— Сначала нам нужно ваше полное и чистосердечное признание, — уточнил Мирко. — Кто вы такой, почему воруете тальк, кто ваши сообщники, кто ими руководит, как звать жену главаря, сколько ей лет и так далее.

— Меня зовут Человек-в-маске. А ворую я для известного преступника Эм-Эм, по его указанию. Больше ничего не знаю. Все.

— Адрес Эм-Эм?

— Проспект Гарибальди, 3567 с половиной, корпус два, стучать четыре раза, напевая песенку «Сердце красавицы».

Марко и Мирко отпустили человека в маске под честное слово. Молотки с радостным свистом и с сознанием выполненного долга вернулись на балкон, но им сразу же пришлось снова спуститься вниз. Правда, теперь уже другим путем — в карманах близнецов, которые отправились с визитом к знаменитому преступнику Эм-Эм.

Братья пришли по указанному адресу, постучали четыре раза. Никто не ответил. Они снова постучали четыре раза.

— Не то! — раздался голос из-за двери. — Вы должны еще спеть песенку «Сердце красавицы», иначе не открою!

— Ах да, песенку!

Марко и Мирко запели «Гимн Гарибальди», но Эм-Эм сердито прервал их:

— Все не так! Сначала!

Тут Марко и Мирко пустили в ход молотки, и дверь сразу же открылась.

— Нам очень жаль,— объяснили они,— но песенку «Сердце красавицы» мы забыли.

— Вы же сломали мне двери! — возмутился Эм-Эм.

— Извините, пожалуйста. И все-таки расскажите нам всю правду о бандитах, которые воруют тальк.

— Зачем? Вам нужно написать сочинение для школы?

Эм-Эм, сам того не зная, нечаянно затронул самое болезненное место. При слове «школа» близнецы закачались, а молотки, чтобы их не отобрала учительница, сделались совсем крохотными. Эм-Эм удачно поставил точку, но, к сожалению, не заметил этого.

— Вы убежали из дома, чтобы записаться в иностранный легион? Хотите пойти юнгами на торговое судно?

Он хотел высказать еще несколько предположений, но не успел, потому что близнецы перешли в наступление — их молотки уже принялись изучать его нервные рефлексы на коленках.

— Ай! Ой! Тюремщики! Что вам от меня надо? Я ведь только скромный организатор! Двадцать семь человек под моим началом воруют тальк и приносят ко мне на склад. Каждое утро приезжает Лысый и увозит этот тальк на зеленом грузовичке. Он платит мне за него на вес золота и серебра. Жду его и сегодня.

— Когда?

— Ровно через две минуты. Спрячьтесь, и вы все увидите.

Две минуты прошли не спеша, можно даже сказать, равнодушно. Затем приехал зеленый грузовичок, которым управлял какой-то лысый человек. Эм-Эм нагрузил в него мешки с тальком и протянул руку за деньгами. Но лысый человек плюнул в нее и сказал:

— Последнюю партию можно оплатить и таким образом!

Он хотел уехать, но не тут-то было. Молоток Марко пригвоздил его левую руку к рулю, а молоток Мирко — его правую руку к рычагу скоростей.

— Ну разве так бьют? Предательски и без предупреждения! — обиделся Лысый.

— Заплатите этому честному специалисту! — предложили Марко и Мирко.

Эм-Эм получил несколько слитков золота, вымыл руки и уехал в Ливан.

Марко и Мирко вскочили в грузовичок.

— Поехали! — обрадовался Лысый. — Поехали в зоопарк! Я куплю вам по пакетiku орешков, и вы угостите обезьян.

— Никаких зоопарков! Едем к главарю!

— Ах нет! — взмолился Лысый. — Только не к нему! Лучше уж кофе без сахара!

Молотки быстро вынудили его изменить свое мнение и двинуться в путь. По дороге Лысый открыл Марко и Мирко свое сердце:

— Главарь — это профессор Дьяволус!

— Кто? Знаменитый дьявольский ученый?

— Ужасный человек! Стоит хоть чуточку послушаться, как от одного его взгляда сразу начинает болеть живот. Знаете, как он заставил меня стать его ассистентом?

— Нет, никто никогда не рассказывал нам об этом.

— Он сделал так, что я увидел во сне своего дедушку, и тот всю ночь бил меня по щекам. Я проснулся в холодном поту. А ведь мое любимое занятие — созерцать платаны.

— А как это делается?

— Выбираете какой-нибудь платан, ставите рядом шезлонг, садитесь в него и рассматриваете дерево. Можно сделать интереснейшие наблюдения. Кстати, меня зовут Второй.

— Вернемся к тальку. Что с ним делает профессор Дьяволус?

— Он нужен ему для Ансельмика. Это робот, обладающий сверхинтеллектом. Дьяволус построил его после нескольких лет научных исследований и назвал так в честь своего дяди Ансельмо.

— А зачем Ансельмику тальк?

— Он ест его. По центнеру в день. Он только и делает, что ест тальк и думает.

— О чем же он думает, синьор Второй?

— Он говорит это только профессору Дьяволусу. Когда они разговаривают, меня всегда выгоняют. По-сылают колоть дрова. Ну вот, приехали! Видите, вон тот небольшой дом — белый в голубой горошек?

Марко и Мирко посмотрели туда, куда указал Второй. Вот так сюрприз! Это же их дом! Они живут тут

на втором этаже вместе со своими родителями и своими молотками.

— Лаборатория находится в подвале,— объяснял Лысый.— Дьяволус выходит из дома только под видом торговца сантехническим оборудованием.

— Синьор Джачинто! — сразу догадались Марко и Мирко.— Тот, который часто дарит нам старые водопроводные краники. Надо же!

Синьор Джачинто — в костюме дьявольского ученого — очень рассердился на Второго, когда увидел, что тот привел с собой близнецов. А робот Ансельмик при виде талька даже затанцевал от радости:

— Бебимикс! Бебимикс! Ура!

Он повязал себе салфетку на шею, схватил большую ложку и принялся жадно есть. А профессор Дьяволус тем временем попытался своим дьявольским взглядом вызвать боль в животе у Марко и Мирко, чтобы избавиться от них. Но ему не удалось сконцентрировать свои усилия, потому что молотки с улюлюканием завертелись вокруг его ушей и вызвали у него морскую болезнь.

— Не сопротивляйтесь, синьор Джачинто-Дьяволус! Вы окружены!

— Хватит, хватит! — со слезами взмолился ученый.— Я во всем вам признаюсь!

Но все-таки он не смог этого сделать, по крайней мере в тот момент, потому что Ансельмик, оторвавшись от еды, испустил радостный вопль:

— Нашел! Нашел! Послушай, хозяин! «Тальк «Никсон» даже крадут!» Какой тонкий намек, а?

Профессор Дьяволус огорчился еще больше и заговорил чуть не плача:

— Нет, это уж слишком! Как раз сегодня, когда я решил отказаться от своей затеи, потому что это очень сложно, Ансельмик вдруг заработал! Но опоздал на две минуты! Потому что вы нашли меня и разоблачили! Сколько совпадений сразу! Ведь я чуть было не достиг цели моей жизни...

— Какой цели, профессор Дьяволус?

— Найти удачную фразу для рекламы талька «Никсон» в телевизионной рекламной передаче «Карусель». Надо вам сказать, что десять лет назад фирма «Никсон» взяла меня на службу с этой секретнейшей целью. Я построил поразительного робота! Он весь це-

ликом сделан из монеток в пять лир... Можете убедиться! Ансельмик со своим сверхинтеллектом и должен был сочинить эту фразу. Для этого я и кормил его тальком. Я продолжал кормить его даже тогда, когда фирма перестала снабжать меня кормом. Пришлось заняться воровством. А теперь вы разоблачите меня как главаря банды, которая ворует тальк... Меня приговорят к каторжным работам! А вдруг я окажусь в камере с четным номером? Это я-то!.. Я же так люблю нечетные числа!.. Трагедия!

Ансельмик между тем продолжал прыгать по комнате, распевая во всех тональностях: «Тальк «Никсон» так хорош, что его даже крадут!»

— Хватит! — приказал ему Марко.

— Тальк «Никсон» — дрянь! — строго добавил Мирко.

— В самом деле? — удивился Ансельмик. — А я и не знал!

И он тоже расплакался.

— Ну-ну, не плачь! — успокоили его Марко и Мирко. — Не мыло же тебе попало в глаза! Сделаем так. Мы никого не будем разоблачать. Но при условии. Первое. Профессор Дьяволус подаст в отставку и целиком посвятит себя торговле водопроводными кранами. И возвратит украденный тальк его владельцам по почте.

— Но как? Я же не знаю их адреса!

— Найдете в телефонном справочнике. Второе условие. Синьор Второй целиком посвятит себя созерцанию платанов.

— Ура! Бегу покупать шезлонг!

— Третье условие. Ансельмика запрут в шкаф, и он будет выходить оттуда только для того, чтобы сделать уроки за нас и наших друзей. Для этого его будут кормить учебниками.

— Ура! — в восторге закричал Ансельмик. — Школьные учебники так хороши, что их даже крадут!

И побежал сам себя запирасть в шкаф. Затем открыл дверцу и выглянул оттуда:

— Начнем сегодня же?

— Нет, после каникул.

— Буду с нетерпением ждать, когда они окончатся!

Что еще оставалось сделать? Больше ничего. Марко и Мирко попрощались с синьором Джачинто и вер-

нулись домой. Как раз вовремя, потому что вскоре пришли их родители — синьор Аугусто и синьора Эменда. Они были очень довольны, что их дети живы и здоровы и весь день просидели дома, избежав опасностей большого города.

— Вы были умницами! — сказала синьора Эменда. — В награду за это я устрою вам сегодня головомойку, иначе говоря — вымою вам головы.

Марко и Мирко предпочли бы пару хороших оплеух. Но гордость не позволила им признаться в этом. Увы, не все в жизни так же увлекательно и приятно, как поиски бандитов, которые воруют тальк.

Карлино, Карло, Карлино, или Как отучить ребят от плохих привычек

от ваш Карлино, — сказала акушерка синьору Альфио, показывая ему младенца, которого только что привезли из родильного дома.

«Ну что значит — Карлино! — тут же услышал синьор Альфио громкий детский крик. — Кончайте с этими уменьшительными именами! Зовите меня Карло, Паоло или Верчиндженторидже, зовите хоть Леопардом, но пусть это будет нормальное, полное имя! Вы меня поняли?»

Синьор Альфио с изумлением посмотрел на младенца, который еще даже рта не открывал. Но его слова каким-то образом возникли прямо у него в сознании. И акушерка тоже поняла, что он сказал.

— Надо же, — удивился синьор Альфио, — такой маленький, а уже передает мысли на расстоянии!

«Умница, — заметил мальчик, — правильно понял! Я же не могу говорить с помощью голосовых связок, которых у меня еще нет».

— Давайте положим его пока в кроватку, — предложил синьор Альфио, совсем растерявшись. — А дальше видно будет.

Онн положили его в кроватку рядом со спящей матерью. Синьор Альфио вышел на минутку из комнаты. Он хотел сказать своей старшей дочери, чтобы она выключила радио, потому что оно мешает малышу. Но малыш успел остановить его:

«Папа, ну что ты еще придумал! Дай же мне дослушать эту сонату Шуберта для арпеджоне...»

— Арпеджоне?— изумился синьор Альфио.— По моему, это звучит виолончель...

«Разумеется, виолончель! Теперь только на ней исполняют это сочинение, которое Шуберт написал в 1824 году. В ля миноре, если уж быть точным до конца. Но писал он ее именно для арпеджоне — большой шестиструнной гитары, которую годом раньше изобрел венский мастер Иоганн Георг Штауфер. Этот инструмент называли еще гитарой любви или гитарой-виолончелью. Он, однако, не получил распространения и жил недолго. А соната очень мила».

— Прости, пожалуйста,— пробормотал синьор Альфио,— но откуда ты все это знаешь?

«О боже! — ответил все тем же телепатическим способом новорожденный.— Ты ставишь передо мной тут в шкафу великолепный музыкальный словарь и вдруг удивляешься, почему я вижу, что на восьмидесят второй странице первого тома говорится как раз об арпеджоне?»

Синьор Альфио сделал из этого вывод, что его сын не только способен передавать мысли на расстоянии, но и умеет читать закрытые книги. Даже не выучившись еще грамоте.

Когда мама проснулась, ей крайне осторожно сообщили о происшедших событиях, но она все равно расплакалась. К тому же у нее не оказалось под рукой носового платка, чтобы утереть слезы. Но тут она увидела, как один из ящиков комода вдруг открылся сам по себе, без всякого шума, и из него выпорхнул, оставаясь аккуратно сложенным, белоснежный платочек, выстиранный с помощью «Бронка» — любимого стирального порошка прачки королевы Елизаветы. Платочек лег на подушку рядом с синьорой Аделе, и маленький Карло подмигнул ей при этом из своей кроватки.

«Понравилось?» — мысленно спросил он у присутствующих. Акушерка бросилась из комнаты, воздев

руки к потолку. Синьора Аделе, хоть и лежала в постели, все равно упала в обморок. Синьор Альфио закурил сигарету, но тут же погасил ее — он не это хотел сделать.

— Сын мой,— сказал он затем,— у тебя появились дурные манеры, которые никак не вяжутся с общепринятыми правилами поведения. С каких это пор воспитанные дети открывают мамин комод, не спросив на то разрешения?

Тут в комнату вошла старшая дочь Антония, или, как ее еще называли — Чиччи, в возрасте пятнадцати лет и пяти месяцев. Она радостно приветствовала брата:

— Чао! Как поживаешь?

«Вообще-то неплохо. Разволновался немножко. Впрочем, это понятно — я ведь первый раз родился».

— Черт возьми! Ты разговариваешь телепатически? Молодец! Объясни мне, как это делается?

«Да это же совсем просто! Хочешь что-нибудь сказать, не открывай рот, а закрой его — вот и все. Это к тому же гигиеничней».

— Карло!— воскликнул синьор Альфио, очень рассердившись.— Не начинай, пожалуйста, сразу же дурно влиять на свою сестру, такую воспитанную девочку.

— Господи!— вздохнула синьора Аделе, придя в себя.— Что-то скажет привратница, что скажет мой отец, банковский служащий старой закалки и строгих нравов, последний потомок целой плеяды кавалерийских полковников!

— Ну,— сказала Чиччи,— пока! Я пошла делать уроки. Мне осталась математика.

«Математика? — задумчиво переспросил Карло.— А, понял! Эвклид, Гаусс и все прочее. Но если ты пользуешься этим учебником, что у тебя в руках, то имей в виду, что ответ на задачу № 118 неверен. Искравняется не одной трети, а двум сорока третьим».

— Нет, вы только подумайте! Он уже позволяет себе, подобно левым газетам, критиковать школьные учебники! — с горечью произнес синьор Альфио.

На другой день он сидел в кабинете у врача и подробно рассказывал ему обо всем, что происходит с его сыном, а в приемной за дверью синьора Аделе с трудом удерживала маленького Карло.

— Да,— вздохнул доктор Фойетти,— уже не осталось ничего святого! Что-то будет дальше со всеми этими забастовками! Домработницу найти невозможно! Полиции запрещено стрелять! Крестьяне не хотят разводить кроликов! А попробуйте вызвать сантехника, и вы увидите... Да, так покажите ребенка.

Едва оказавшись в кабинете, Карло сразу же по каким-то одному ему понятным приметам догадался, что синьор Фойетти несколько лет жил в Загребе. Поэтому он обратился к нему на хорватском языке (мысленно, понятное дело): «Доктор, врло тешко пробавлям, често осьекам кисели укус, особито нека йела не могу пробавити».

(Перевод: «Доктор, у меня плохо работает желудок, часто бывает изжога, и некоторые вещи я совсем не могу есть»).

Доктор от неожиданности ответил ему на том же языке:

— Изволите лечи на постелю, молим вас... (Лягте, пожалуйста, на кушетку...)

Затем он схватился за голову и принялся за работу. Полное обследование младенца длилось два дня и тридцать шесть часов. Оно показало, что маленький Карло в возрасте сорока семи дней от роду может:

— прочесть в голове доктора Фойетти имена всех его родственников вплоть до кузенов в четвертом колене, а также усвоить все научные, литературные, философские и футбольные знания, которые отложились в ней с самого раннего детства;

— отыскать марку Гватемалы, спрятанную под восемнадцатью килограммами книг по медицине;

— перемещать как угодно одним только взглядом стрелку на весах, на которых медсестра взвешивает больных;

— принимать и передавать радиопередачи, в том числе коротковолновые и стереофонические;

— проецировать на стену телепередачи, не скрывая при этом некоторой неприязни к викторине «Рискуй всем»;

— зашить дыру на рубашке доктора наложением рук;

— посмотрев на фотографию больного, установить у него острую боль в животе и безошибочно определить аппендицит;

— сварить на расстоянии и без огня манную кашу.

Кроме того, он может подняться над землей на высоту пять метров и девятнадцать сантиметров, одной только силой мысли извлечь медаль из коробки для сигар, заклеенной тремя роликами скотча, убрать со стены картину Джулио Туркано, материализовать черепашку в шкафчике с медицинскими инструментами и барсука в ванне, магнетизировать вянувшие хризантемы, вернув им свежесть и яркость красок; потрогав уральский камень, подробно, со множеством цитат изложить историю русской литературы XIX века; мумифицировать рыб и мертвых птиц; остановить брожение вина и так далее.

— Это опасно? — спросила потрясенная синьора Аделе.

— Почти безнадежный случай, — ответил доктор Фойетти. — Если он способен на такое в сорок семь дней, представляете, что он сможет сделать, когда ему будет сорок семь месяцев!

— А в сорок семь лет?

— О, к этому времени он уже давно будет на ка-
торге.

— Какой позор для его прадедушки! — воскликнула синьора Аделе.

— И ничего нельзя сделать? — спросил синьор Альфио.

— Прежде всего его надо унести отсюда, — ответил доктор, — и дать ему подшивку «Официальной газеты». Он займется ею и не будет слушать наш разговор. Во всяком случае, можно надеяться, что не будет.

— А теперь что делать? — снова спросил синьор Альфио после того, как операция «Официальная газета» была закончена.

Доктор Фойетти минут десять шептал ему что-то прямо в правое ухо, очевидно, давая самые прямые указания и самые необходимые инструкции, которые синьор Альфио так же прямо передал синьоре Аделе в левое ухо.

— Но это же Колумбово яйцо! — радостно воскликнул синьор Альфио.

¹ Остроумное решение трудной задачи, неожиданно простой и смелый выход из затруднительного положения. Выражение «Колумбово яйцо» стали употреблять после того, как Христофор Колумб в ответ на безуспешные попытки присутствующих поставить яйцо на столе сам сделал это: разбив яйцо с тупого конца, он укрепил его стоямя,

«Какого Колумба? — телепатически спросил Карло из-за двери. — Христофора или Эмилио? Надо быть точным в своих формулировках».

Доктор подмигнул синьору Альфио и синьоре Аделе. Все улыбнулись и промолчали.

«Я спросил, о каком Колумбе идет речь!» — рассердился малыш, силой своего пронизательного разума делая в стене дырку.

А они опять промолчали, как варенные рыбы. Тогда Карло, чтобы его слышали, вынужден был прибегнуть к другим средствам коммуникации и жалобно заплакал:

— Уа, уа, уа!

— Действует! — в восторге шепнул синьор Альфио.

Синьора Аделе схватила руку доктора Фойетти и поцеловала ее, воскликнув:

— Спасибо, целитель вы наш! Я запишу ваше имя в своем дневнике!

— Уа, уа! — настаивал маленький Карло.

— Действует! — обрадовался синьор Альфио, закружившись в вальсе.

— Вполне естественно. Секрет очень прост — стоит притвориться, будто не воспринимаете его мысли, и Карло вынужден будет вести себя, как все нормальные дети, и говорить, как последний из неграмотных.

Дети быстро усваивают все и так же быстро могут забыть то, чему научились. Спустя полгода маленький Карло уже не помнил, что превосходил своими способностями транзисторный приемник.

А из дома тем временем исчезли все книги, в том числе энциклопедии. Не имея больше возможности практиковаться в чтении закрытых книг, малыш утратил и эту способность. Он было выучил наизусть «Божественную комедию» Данте, но забыл. Выздоровев от своих недугов, он стал гораздо спокойнее для окружающих.

Года два или три еще он развлекался, поднимая стулья одним взглядом или заставляя кукол танцевать, не прикасаясь к ним, снимал на расстоянии кожуру с мандаринов, менял пластинки на проигрывателе простым засовыванием пальца в нос, но затем богу было угодно, чтобы он пошел наконец в детский сад, где

первые, чтобы позабавить друзей, показал, как нужно ходить по потолку вниз головой. Но за это его наказали — поставили в угол. Карло так огорчился, что поклялся увлечься вышиванием бабочек, втыкая иголку в точки, специально для него намеченные заботливой воспитательницей на кусочке ткани.

В семь лет он пошел в начальную школу и материализовал на столе учительницы великолепный экземпляр лягушки. Но учительница, вместо того чтобы воспользоваться случаем и объяснить детям, что собой представляют прыгающие амфибии и как они хороши в бульоне, позвала дежурного и отправила Карло к директору. А этот синьор объяснил мальчику, что лягушки — это несерьезные животные, и пригрозил исключить его из всех школ страны и Солнечной системы, если он еще раз позволит себе подобную шутку.

— А можно хотя бы убивать микробов? — спросил Карло.

— Нет! Для этого есть доктора.

Размышляя над этим важным замечанием, Карло по рассеянности материализовал в корзине для бумаг цветущую розу. К счастью, он вовремя успел аннигилировать ее, и директор ничего не заметил.

— Иди, — торжественно произнес директор, указывая на дверь указательным пальцем (жест совершенно излишний, потому что в комнате имелась только одна дверь и было крайне трудно спутать ее с окном), — иди, будь послушным ребенком, и ты станешь утешением своих родителей.

Карло ушел. Пришел домой и стал делать уроки, и все сделал неверно.

— Ну какой же ты глупый! — сказала Чиччи, заглянув к нему в тетрадь.

— В самом деле? — воскликнул Карло, и так обрадовался, что у него чуть сердце не выпрыгнуло из груди. — Неужели я и в самом деле поглупел?

На радостях он материализовал на столе белку, но сразу же сделал ее невидимой, чтобы не вызвать подозрений у Чиччи. Когда же Чиччи ушла в свою комнату, он снова попробовал материализовать белку, но ничего не получилось. Тогда он попробовал материализовать морскую свинку, навозного жука, блоху. И опять ничего не вышло.

— Тем лучше,— вздохнул Карло,— значит, я уже совсем отучился от дурных привычек.

И действительно, теперь его снова зовут Карлино, и он даже не помнит, что когда-то возражал против этого.

Венецию надо спасти, или как просто стать рыбой

Однако,— сказал однажды синьор Тодаро, страхового агент, синьоре Дзанце, своей жене,— ты только посмотри, что пишут в газетах! «По мнению профессора Со Хио Со Хио из Токийского университета в 1990 году Венеция вся целиком уйдет под воду. Из лагун будет торчать только верхушка колокольни Сан-Марко». До 1990 года осталось немного. Не пора ли искать убежище?

— И где же ты думаешь спрятаться, дорогой мой? Может, поедem к моей сестре в Каварцере?

— Бежать из Венеции? — удивился синьор Тодаро. — Нет, лучше давай превратимся в рыб! Тогда сможем жить здесь и под водой! И еще сэкономим на обуви. Ну-ка, труби скорей сбор!

Синьора Дзанце протрубила сбор, и сразу же прибежали дети — Бепи, Нане и Нина, они играли на площади Сан-Паоло. Затем пришла племянница Рина (дочка той самой сестры, что жила в Каварцере) — она проводила время у ворот, высматривая жениха.

— Так, мол, и так,— объяснил синьор Тодаро,— давайте превратимся в рыб и благополучно перенесем экологическую катастрофу.

— Я не люблю рыбу,— сказал Бепи. — Мне больше нравится кура с рисом!

— Однако,— возразил синьор Тодаро,— это не имеет никакого значения! — И скорчил сынишке гримасу.

— Но это означает,— ответил Бепи,— что ты слишком любишь командовать!

— Ладно, в рыбу так в рыбу,— согласился Нане. Но в какую?

— Я хочу превратиться в кита! — заявила Нина.

— Двойка тебе с минусом! — воскликнул синьор Тодаро. — Разве ты не знаешь, что кит — не рыба? Ну ладно, не будем углубляться в скучные споры о классификации.

— Как это понимать? — спросила синьора Дзанце.

— А так — примемся за работу! Недаром говорят: «Начало — половина дела!», «Время не ждет!» и «Поживем — увидим!» Пошли!

— Но куда, дорогой мой? — удивилась синьора Дзанце. — Уже поздно. Все порядочные венецианские семьи наслаждаются уютом домашнего очага, и мамы — ангелы-хранители этого очага — включают телевизор.

— Однако, — прервал ее синьор Тодаро, — сейчас самое подходящее время. Быстро! Один за другим! Построились! Животы подтянуты! Грудь колесом! Вперед, шагом марш! Минутку, я только захвачу шляпу.

Они вышли на берег канала, вошли в воду и стали превращаться в рыб.

— Сначала, я советую, позаботьтесь о плавниках, — поучал синьор Тодаро. — Надо вырастить один на правой руке, другой — на левой.

— А чешуя? Какого цвета мне выбрать чешую? — спросила племянница Рина. — Может быть, фиолетовую, поскольку я блондинка?

Синьоре Дзанце захотелось сделать себе красный хвост, но она вспомнила о другом и спросила мужа:

— Однако, Тодаро, а дети завтра пойдут в школу?

— Не отвлекайся, Дзанце, сосредоточься!

Но ребята уже обрадовались. Перспектива неожиданных каникул засверкала перед ними, словно канал Гранде вечером во время какой-нибудь исторической регаты. Они удвоили усилия и в несколько мгновений сделали себе великолепные боковые плавники, которые вылезли наружу, продырявив рукава.

— Однако что стало с вашими новыми свитерами! — огорчилась синьора Дзанце.

— Молодцы! Молодцы! — похвалил синьор Тодаро.

Впрочем, он тоже вошел в воду в пиджаке, теперь и у него выглядывали из рукавов плавники.

— А вдруг мы станем маленькими рыбками? — испугалась Нина. — Тогда большие рыбы сразу съедят нас...

— Не бойся,— успокоила Рина.— Мы станем самыми крупными рыбами в лагуне и сами съедем всех!

— Я предпочитаю куру с рисом,— снова напомнил Бепи, держась на всякий случай подальше от отца.

Утро на канале Гранде было туманным. Туда-сюда сновали речные трамвайчики, в самых разных направлениях двигались гондолы и моторные лодки. Синьор Рокко вел свою большую лодку с грузом горчицы, как вдруг увидел в воде крупную рыбину, которая вежливо приподняла шляпу, приветствуя его:

— Так вы будете страховаться или нет? Смотрите, какой туман! Столкнетесь ненароком с кем-нибудь и оставите тут и деньги и горчицу! Подумайте о своих детях, однако!

— Синьор Тодаро... Неужели это вы? Бедняга, не завидую вам, если вас увидят городские стражники! Вы же знаете, что в канале Гранде запрещено купаться!

— Я не купальщик. Я страховой агент.

Люди на пароходиках, в гондолах и моторных лодках с любопытством оборачивались, стараясь рассмотреть говорящую рыбу. Только один английский турист отвернулся и недовольно проворчал:

— Господи, что я вижу! При сером костюме... коричневая шляпа! С ума сойти можно!

Молодой человек по имени Себастиано Морозини — родом из Падун, студент факультета изящных искусств, а также наследник виллы, украшенной фресками знаменитого Тьеполо, и четырех ферм, где изготавливали знаменитые итальянские сыры «речото» и «амароне» — стоял на мосту у Академии и печально смотрел на след, который оставляла позади себя большая лодка с грузом черничного варенья. Молодой Себастиано был влюблен в графиню Новеллу, но графиня предпочла ему доктора экономических и коммерческих наук из Козенцы, с которым и уехала в Египет. Они встретят Новый год на вершине пирамиды. Молодой Себастиано размышлял, стоит ли покончить жизнь самоубийством сразу, тут же бросившись с моста, или лучше сначала съездить в круиз на Галапагосские острова, чтобы хотя бы раз в жизни посмотреть на игуан, живущих на воле.

Вдруг — сон это или явь? — он увидел грациозно изгибавшуюся в воде Рину из Каварцере, дочь сестры жены синьора Тодаро, особенно привлекательную в этой своей фиолетовой чешуе, которая так замечательно контрастировала с ее золотистыми волосами. Померкло — при сравнении — воспоминание о графине Новелле, у которой волосы были выкрашены перекисью водорода, а нос, по правде говоря, был уж очень длинный.

— Синьорина, — обратился к Рине молодой Себастиано, охваченный волнением, — позвольте проводить вас?

Рина заметила, что у молодого человека голубые глаза, и интуитивно догадалась, что он наследник виллы, расписанной знаменитым Тьеполо. Она улыбнулась ему, давая понять, что его общество не будет ей безразлично. Молодой Себастиано, не колеблясь, бросился в воду, превратился в рыбу и стал прогуливаться с красавицей Риной по каналу, описывая ей одну за другой все четыре свои фермы. Он рассказал ей также о своей несчастной любви к графине и изложил некоторые свои планы на будущее, как, например: нарисовать воду лагуны белой в понедельник, желтой — во вторник, красной — в среду и так далее, объединить Италию, Австрию и Югославию в одно государство со столицей в Венеции, написать роман в тысячу страниц, каждая из которых будет состоять только из точек и запятых, без единого слова, и так далее.

Красавица Рина слушала его и была счастлива.

Между тем синьора Дзанце¹ приплыла вместе с Беппи, Нане и Ниной в район Каннареджо. И многие местные ребяташки, воспылав азартом здорового соревнования, тоже попрыгали в воду и стали учиться у детей синьора Тодаро, как превращаться в рыб. Те же немногие, кто не сумел научиться, вернулись на берег и пошли домой переодеваться. Остальные радовались и помахивали новенькими плавниками.

Но тут на беду их увидела со своего балкончика одна старая учительница-пенсионерка. Вместо того чтобы думать о своих делах, эта настырная синьора,

вдова отличного игрока в деревянные шары, подумала о детях: «Жаль, что так много ребят превращается в рыб! Они же останутся без школы, без чтения, которое так любят, без дополнительных материалов по истории, географии и другим предметам, которые обожают, без тех замечательных диктантов, сочинений и изложений, в которых они души не чают».

И чем больше она думала об этом, тем больше огорчалась. В конце концов она не выдержала, надела свою старую добрую униформу учительницы, поцеловала фотографию покойного чемпиона деревянных шаров, бросилась в канал и превратилась в рыбу-учительницу.

— Дети! Идите сюда! — приказала она, хлопая плавниками.

Детям-рыбам очень хотелось уплыть куда-нибудь подальше — к острову Мурано, к острову Бурано и даже к Торчилло. Но в то же время, будучи учениками, они не могли не повиноваться повелительному призыву учительницы. Правда, они тут же принялись толкать друг друга, ябедничать, показывать язык и упражняться в десятичной системе.

Больше всех огорчились Бепи, Нане и Нина, которые ожидали, что в новых условиях у них будут вечные каникулы. Синьора Дзанце, напротив, была очень довольна, потому что, пока учительница занималась с ребятами, она могла поболтать с приятельницами, которые сидели на берегу и чистили зеленый горошек. Ее красный хвост произвел на них неотразимое впечатление.

Примечательные события произошли и в других районах города. Синьор Тодаро, используя любопытство окружающих, сумел заключить немало договоров о страховании жизни на случай пожара, на случай отравления плохой рыбой и так далее. Однако он, пожалуй, уж слишком был на виду у всех. Слух о том, что в канале плавает большая рыбина, которая, приподнимая шляпу, приветствует знакомых, привлек внимание разных бездельников, в том числе и хозяина дома, в котором снимал квартиру синьор Тодаро.

— Однако,— удивился этот хозяин,— вот, значит, какой ты придумал способ не платить мне за квартиру. Хитро! Но ты от меня не отвертись!

Он тут же бросился в воду, превратился в рыбу и поплыл за синьором Тодаро, требуя ответа:

— Так когда же ты заплатишь мне эти сорок тысяч лир? Когда? Сорок тысяч лир!

Услышав, что речь идет о деньгах, продавец бытовых электроприборов внезапно вспомнил, что синьор Тодаро еще не уплатил ему очередной взнос за телевизор. И он тоже прыгнул с мостика...

В другом конце канала один священник увидел, как прогуливаются увлеченные своими разговорами красавица Рина и молодой Себастиано. Будучи человеком прозорливым и деятельным, он сразу же понял, что влюбленные, ставшие рыбами, не смогут обвенчаться в церкви и им нужна помощь. И он немедленно принял решение стать рыбой-священником, чтобы оказывать поддержку всем новым рыбам. Сказано — сделано. И вот он уже поплыл с двумя плавниками, похожими на крылья архангела. Словом, лагуна заселялась.

Маленький Бепи не любил десятичную метрическую систему исчисления. Миллиметры ничего не говорили ему. Гектолитры тоже оставляли совершенно равнодушным. Ему больше нравилась, как мы уже знаем, кура с рисом. Вот почему он решил покинуть школьные воды и уйти на дно, чтобы поразмышлять там в гордом одиночестве. И что же он там обнаружил? Что лагуна совершенно засорена. Там, где должны были быть мягкий песок и теплый ил, лежали глиняные черепки и водоросли, высились горы не получивших хода прошений. Они были заключены в тяжелейшие контейнеры, вес которых можно было измерить только тысячами кубических метров, центнерами тонн и бесконечным количеством мегатонн.

«Однако,— подумал Бепи,— вот где скопилось все зло десятичной метрической системы. Понятно теперь, почему так поднялся уровень воды. Хотел бы я посмотреть, что стало бы с их умывальниками, бросай они туда столько бумаги!»

Не совсем ясно, кого он имел при этом в виду, но нас это не касается. Бепи, впрочем, уже побежал бить тревогу. Он остановил катер пожарных и с жаром рассказал им о своем открытии:

— Так, мол, и так. Во всем виноваты бюрократические препоны! Устраните их, и все станет на свои места!

— Однако,— воскликнул начальник пожарной команды,— а рыбий паспорт у тебя есть?

Он спросил так, разумеется, только потому, что, будучи венецианцем, не мог не пошутить. Но потом он уже больше не терял времени даже на вопрос, кто отец Бепи. Он собрал стражей огня и воды и сразу же начал прочищать каналы, устраняя вышеназванные бюрократические препоны. И через несколько часов уже стали заметны первые положительные результаты операции. Дно освободилось от этих чудовищных тяжестей, и уровень воды в лагуне понизился. Острова, фундаменты зданий, мосты и вообще вся суша как бы выплыла наверх и заняла нормальное положение по отношению к поверхности лагуны. Венеция была спасена!

«Дин-дон! Дин-дон!» — празднично зазвонили колокола города.

Синьор Тодаро созвал семью, дал отбой тревоги и вывел своих близких на сушу.

— Больше нет нужды оставаться рыбами. Теперь мы можем снова стать венецианцами. Молодец, Бепи! Сегодня же вечером отпразднуем это событие жареными раками и кальмарами.

— Нет! — возразил Бепи, рассердившись. — Хочу куру с рисом.

Мама, брат и сестра поддержали его. Не возражали против куры с рисом и красавица Рина с молодым Себастиано, которые завтра поженятся и уедут в свадебное путешествие в Местре — в ту часть Венеции, что находится за лагуной, на суше.

— Ну ладно,— согласился синьор Тодаро,— пусть будет кура с рисом!

И ускорил шаги, чтобы оторваться от кредиторов.

Как Марко и Мирко играли с чертом

Марко и Мирко, как я уже дважды сказал (и больше уже не повторю), совершенно одинаковые близнецы-братья. Но их легко различали, потому что Марко всегда носил с собой молоток с белой ручкой, а Мирко — молоток с черной ручкой.

Однажды Марко и Мирко остались дома одни и сели делать уроки. Им надо было написать сочинение на тему «Что вы знаете о черте?».

Они старательно вывели в тетрадях слово «Сочинение» и задумались.

— Ну и что же мы можем сказать о черте? — спросил Марко.

— Скажем, что он дурак! — предложил Мирко.

— Идет! — одобрил Марко. — Только надо объяснить почему.

— Он дурак, — объяснил Мирко, — потому что делает сковородки без крышек.

Они принялись записывать эту умную фразу, забыв поставить запятую перед словом «потому», но тут из кухни донесся какой-то странный звук — словно кто-то постучал молотком по железу: «Тук-тук-тук!»

Ребята немедленно отправились на разведку. И увидели черта, занятого своим делом.

— Вот теперь я вам покажу! — воскликнул черт. — Видите, я уже сделал сковородку, а теперь делаю к ней крышку. Так что вам придется перестать писать эти глупости!

Это был небольшой чертик, вернее, не очень большой, но, судя по тому, как дымились его рога и как сильно стучал по полу хвост, очень сердитый.

— Вот на эту сковородку я и посажу вас, — продолжал черт, — накрою крышкой и поджарю!

— Ничего не выйдет, — возразил Марко.

— Конечно, — поддержал Мирко. — Сегодня же забастовка газовщиков, и газ не горит.

— А мне наплевать на газовщиков! — заявил черт. — Если мне понадобится огонь, он у меня будет!

— Выходит, ты еще и штрейкбрехер! — с негодованием воскликнули близнецы.

— Ну вот и все! — сказал черт. — И сковородка и крышка готовы!

— Проверим, — предложил Марко и запустил свой молоток. Крышка звякнула: «Дзины!» — и скатилась в раковину.

— Она должна была звякнуть по-другому: «Дзень!», а не «Дзины!» — возмутился Мирко. — Сразу видно, что ты использовал второсортный материал. Послушаем, как звучит сковородка.

Он запустил свой молоток, сковородка произнесла: «Дзаны!» — и свалилась в мусорное ведро.

— Все неверно! — сказал Марко. — Она звякнула: «Дзаны!», а не «Дзины!» С ума сойти можно! Мы никогда не позволим жарить себя на такой фальшивой и притворной сковородке!

— А это мы еще увидим! — заявил черт, поднимая крышку и сковородку.

— Что увидим? — спросил Мирко.

Тем временем молотки, выполнив свой долг, быстро вернулись в руки к близнецам, потому что это были дрессированные молотки — подражать бумерангу было для них сущим пустяком.

— Увидим, как я вас поджарю на ней! — сказал черт и сразу же понял, что солгал, потому что увидел совсем другое — увидел, как из глаз у него посыпались искры: молотки так застучали по его рогам, словно решили вогнать их внутрь навсегда.

— Ой, ой, ой! — завопил черт.

— Хорошо сказано! — одобрили Марко и Мирко.

— Так не играют! Вы должны были задрожать, как осиновый лист, броситься на колени и, проливая горькие слезы, просить у меня прощения. Да бросьте вы, наконец, эти молотки, а то у меня уже голова разболелась! Ай, ай, ай!

— Сдаешься?

— Сдаюсь!

— Как тебя звать?

— Вильям.

— Вот и иди ко всем чертям!

Черт ужасно рассердился, топнул ногой и исчез. Марко и Мирко успели только увидеть какое-то легкое облачко, которое ускользнуло в щель между кафельными плитками пола, словно сороконожка, убегающая от метлы.

Черт явился к своему начальству и доложил:

— Так, мол, и так, близнецы Марко и Мирко не питают ни малейшего уважения к чертям.

Начальник вскипел от возмущения. Чертей у него было — что волос на голове. Он вырвал один из них, явился другой черт и получил командировку на Землю — улица такая-то, номер такой-то — проучить как следует этих плутов!

Марко и Мирко тем временем продолжали писать сочинение.

— Ну а теперь что напишем? — спросил Марко.

— Чистую правду, — предложил Мирко, — то, что видели, — у черта клетчатые штаны!

Не успели они записать эту историческую фразу, как в дверь кто-то постучал — тук-тук-тук!

— Кто там?

— Это я, черт!

— Тот же самый или другой?

Вместо ответа черт со свистом влетел в замочную скважину. Сначала он был тонюсеньким, как волосок, но едва коснулся пола, как превратился в огромную овчарку с дымящимися ушами. Полаяв, он обернулся совой с огненными глазами. Уселся на люстру — все лампочки тотчас погасли, и светились только его глаза.

— Ну и что дальше? — спросили Марко и Мирко.

— Неужели не страшно?

— Нисколько! Потому что ты не вспомнил про буку.

Сова слетела на пол и превратилась в дракона, с длинными острыми клыками, из которых вылетали искры.

— Опять не испугались?

— Ни капельки! Ты опять забыл про буку. А ведь

мы тебе только что подсказали! Зубы у тебя длинные, а память короткая!

— Коротче,— заявил черт,— я сейчас посажу вас в мешок и унесу.

— Ничего не выйдет! — возразил Марко. — Мама не велела нам выходить из дома, а мы дети послушные.

— Поэтому сейчас,— добавил Мирко,— мы займемся твоими зубами.

Молотки немедленно отправились в нужном направлении и принялись за работу. Клыки дракона рассыпались на кусочки, упали на пол и звякнули: «Динь-динь!» А потом с легким шипением растаяли, будто масло на сковородке. Черт превратился в муху и уселся на оконное стекло.

— Тут уж вы ничего со мной не сделаете! — сказал он. — Не станете же вы бить своими молотками стекла?

— Наш дядя — стекольщик,— объяснил Марко.

— И он вставит нам стекла бесплатно,— уточнил Мирко.

— Дядя — стекольщик?! Это уже слишком! — завопил черт, стукнул лапкой по стеклу и исчез, оставив черную точку, как это делает настоящая муха.

Черт явился к начальству, доложил обо всем, и тот от злости чуть не разорвал его на части.

— Вы все предатели! — загремел он, изрыгая дым из ноздрей и ногтей. — Теперь я сам отправлюсь туда! Я покажу вам, как надо действовать, недоумки!

Марко и Мирко продолжали делать уроки. Они писали в тетрадях левой рукой (потому что в правой держали молотки): «Черт очень боится детей!»

Черт-начальник явился к ним прямо в тетрадь — в виде маленького рисунка. Станный, однако, это был рисунок — он подмигивал, пахнул серой и громко свистел. Затем он выскочил из тетради и превратился в огромного трехметроворостого черта, широкого, как диван. Одной рукой он схватил Марко, другой — Мирко, и у него еще остался хвост, чтобы лишить их молотков.

— Как невоспитанно,— сказали в один голос близнецы,— разве можно входить в чужой дом без разрешения?! Мы скажем папе,

Черт держал их на весу и поднес поближе, чтобы рассмотреть получше.

— У вас красные глаза,— сказал Марко.— Вам не помешал бы альбуцид!

— А я могу посоветовать хороший дезодорант,— добавил Мирко.— А еще лучше, просто почаще принимать душ. Уж очень от вас паленым пахнет.

Черт захохотал:

— Послушаем, какие вы мне еще дадите советы, когда я зажарю вас на медленном огне!

В это время в замочной скважине повернулся ключ, дверь открылась, и замогильный голос произнес:

— Бука пришла!

Черт испугался и выпустил Марко и Мирко вместе с их молотками.

Кто же это? Не может быть! Да это же синьора Де Маджистрис, услужливая соседка, которую родители Марко и Мирко просили присматривать за их сокровищами. Она пришла узнать, не надо ли им что-нибудь, не слишком ли они много перебили тарелок и не сломали ли какой-нибудь шкаф.

Синьора Де Маджистрис увидела черта, прятавшегося за диваном, и схватилась за метлу:

— А вы кто такой? Выходите оттуда немедленно!

Черт, увидев метлу, очень обрадовался. Он решил, что синьора Де Маджистрис ведьма. Вышел из своего укрытия и попытался вновь захватить поле боя. Но молотки тут же безжалостно остановили его: тот, что с белой ручкой, принялся стучать по хвосту, а тот, который с черной,— по рогам.

— Синьора! — взмолился черт, кривясь от боли.— (Образумьте их наконец!

— Ну, ну, дети! — сказала синьора Де Маджистрис.— Оставьте в покое этого несчастного черта! По моему, он не замышляет ничего дурного. И вообще нельзя так обращаться с теми, кто просит пощады. В таких случаях в виде милостины всегда нужно давать людям обеды, а можно еще и фальшивую монетку, чтобы им хотя бы казалось, что вы хотите помочь.

— Молодец, синьора,— сказал черт,— правильно!

Марко и Мирко дали черту передышку, и он тут же исчез. Синьора Де Маджистрис даже не заметила этого, потому что ушла в кухню за обедами для черта. А когда вернулась с куриной требухой, удивилась:

— Ушел? Вы прогнали его? Мне показалось, это милый черт! Ну ничего, я сейчас утешу вас — расскажу сказку о Красной Шапочке.

Марко и Мирко побледнели. И вздрогнули от ужаса, словно их ударило электрическим током.

— Нет! — запротестовали они. — Ради бога не надо! Только не Красную Шапочку!

— Но почему? — удивилась синьора Де Маджистрис. — Такая хорошая сказка. Я очень любила ее, когда была маленькая. Итак, жила-была одна девочка...

Марко и Мирко в ужасе прижались друг к другу. Они уже сто раз слышали эту сказку про Красную Шапочку, но всякий раз — как впервые. Даже больше боялись, чем в первый раз. Потому что тогда они еще не знали, когда на сцене появится плохой волк... А теперь знали... Точно знали, когда именно появится этот ужасный волк... И они пугались при одной только мысли об этом. Они испытывали прямо-таки дьявольский страх.

А синьора Де Маджистрис неумолимо продолжала рассказывать сказку. Вот Красная Шапочка попрощалась с мамой, вот она бежит по тропинке, входит в темный лес... И вот из-за куста... Так и есть — плохой волк! Марко и Мирко бросились под диван, стуча от страха зубами и умоляя о пощаде. Они обнялись там и затаили дыхание. А молотки их валялись на полу, словно забытые вещи.

— Хватит! Хватит! — взмолились братья.

Но синьора Де Маджистрис не слышала их, потому что слушала только собственный голос. И не видела их, потому что смотрела только на свои спицы. Так и застали ее синьор Аугусто и синьора Эменда, когда вернулись домой. Сначала они заметили не детей, а только их ботинки — все остальное было спрятано под диваном.

— Ах, вот вы где, мои милые чертенята! — ласково сказала синьора Эменда.

— Ну-ка вылезайте, вылезайте, плутишки! — весело добавил синьор Аугусто.

Марко и Мирко поспешно вылезли из-под дивана и крепко уцепились за мамину мини-юбку — теперь они спасены! А мама улыбнулась и сказала:

— Ах вы, милые мои молотки!

Почтальон из Чивитавеккья

Чивитавеккья — городок возле Рима — почти город, поскольку он почти большой и даже портовый — пароходы уходят отсюда в Сардинию. Естественно, что почтальонов в нем хоть отбавляй: их там более двенадцати. И самый молодой — почтальон Грилло, что значит Кузнечик. Вообще-то его зовут Анджелони Джам Готтардо, но в почтовых кругах он известен как Троттино, потому что он всегда «тротта», то есть бежит трусцой. А горожане называли его Грилло, потому что это прозвище имел еще его дед.

Грилло был так молод, что даже был еще не женат. Правда, у него была невеста по имени Анджела, девчонка прехорошенькая, спортсменка. Грилло болел за команду из Тернаны, поскольку его отец был оттуда родом. А девушка вообще не любила футбол. Она любила только Грилло.

— Ты лучший почтальон в Чивитавеккья! — говорила она. — Да что там — на всем Тирренском побережье! Попробовал бы кто-нибудь таскать такую тяжелую сумку, как ты. А когда ты несешь телеграмму, то вручаешь ее так быстро, что адресат получает ее за секунду до ее отправления.

Анджела любила Грилло так сильно, что, когда он попадал под дождь, даже высушивала феном его зонтик.

Грилло работал главным образом в отделе посылок. А что для него посылка? Пустяк! Он взваливал на себя сразу две дюжины ящиков и шутя разносил их по городу, даже не вспотев при этом нисколько. Так что носовой платок его всегда был чист, а это — экономия на мыле!

Однажды утром вместо посылки ему поручили доставить бочку вина. Очень тяжелую! Судите сами: вино было крепостью в 14 градусов! Грилло водрузил бочку на руль своего мопеда и помчался. В пути кончился бензин. Мопед остановился. Подумаешь! Грилло подцепил бочку большим пальцем и отнес адресату.

Вернулся на почту, и начальник тут же позвал его к себе:

— Так, мол, и так. Что же это получается! Носишь бочку одним пальцем, и смотри, он у тебя даже не погнулся?

— Но ведь это только одна бочка, начальник. А я привык к настоящим трудностям. На моей шее сидит целая семья, огромная, как голод,— мать, бабушка, две тетушки — обе старые девы — и семеро братьев: Ромул, Рем, Помпилий, Туллий, Тарквиний...

— Достаточно! Разве это не имена римских императоров?

— Конечно. Рим — как-никак столица. А мой отец был хорошим патриотом.

— Послушай,— продолжал начальник,— почему бы тебе не заняться тяжелой атлетикой? Ты бы стал чемпионом мира.

— Думаете?

— Я всегда думаю. А ты когда подумаешь?

— Сегодня вечером, в девятнадцать тридцать.

В девятнадцать тридцать Грилло встретился с Анджелой, и она, сама спортсменка, с восторгом заявила, что теперь будет болеть за тяжелоатлетов.

— Однако надо все сохранить в тайне,— посоветовала она.— И тренироваться ночью. Ты станешь сюрпризом спортивной арены! Неожиданно всех победишь и сразу же прославишься. Тебя будут интервьюировать на радио, и ты скажешь, что у тебя есть невеста и ее зовут Анджела!

Так они и решили. Едва стемнело, и все жители Чивитавеккья заперлись по домам и прильнули к телевизорам (так поступают повсюду: в Милане, Нью-Йорке и Форлиппополи), Грилло начал тренироваться. Сначала он поднял чей-то японский мотоцикл весом в два центнера, потом — малолитражный автомобиль, затем — огромный «кадиллак» и наконец — целый автофургон с прицепом.

— Ты сильнее Мачисте! — заявила Анджела, очень довольная.

Мачисте — портовый грузчик, который одной рукой поднимал ящик с болтами. И при этом у него не сидела на шее бабушка, а братьев было всего двое. Семейой он был не обременен.

На следующее утро начальник снова вызвал Грилло:

— Подумал?

— Да. От девятнадцати тридцати до одиннадцати пятнадцати. Но пока все держу в секрете. Хотите, приходите в полночь, увидите.

— В полночь, говоря по правде, ничего не разглядишь.

— Моя невеста захватит карманный фонарик.

В полночь они отправились в порт и взяли лодку. Анджела настояла на том, чтобы самой сесть за весла — Грилло необходимо беречь силы.

Начальник проворчал:

— Подумаешь... Не китов же мы едем искать, чтобы поднимать их?

Грилло в одних трусах прыгнул в воду и подплыл к грузовому пароходу под турецким флагом водоизмещением 1500 тонн.

— Але-оп! — скомандовал он и приподнял корабль над водой настолько, что обнажился винт.

На борту кто-то что-то прокричал по-турецки, но Грилло по-турецки не понимал ни слова и поэтому ничего не ответил.

— Вы видели, синьор начальник?! — воскликнула Анджела и погасила карманный фонарик.

От восторга начальник прямо в одежде бухнулся в воду, обнял Грилло и чуть было не утопил. К счастью, Анджела захватила с собой портативный фен на полупроводниках и быстро обсушила обоих, а также всю одежду начальника, в том числе и белый платочек в нагрудном кармане пиджака.

— Ты станешь гордостью всех почт и телеграфов! — воскликнул начальник. — Только советую набрать в рот воды. Никто не должен ничего знать вплоть до самого последнего дня, когда ты внезапно станешь чемпионом. Тебя будут интервьюировать на радио, спросят, кто открыл тебя, и ты ответишь: мой начальник доктор Такой-то!

— И скажешь, что у тебя есть невеста, которую зовут Анджела! — добавила Анджела.

— Можно мне это сказать? — уточнил Грилло, обращаясь к начальнику.

— Разумеется, можно! — ответила Анджела.

На следующую ночь, сделав вид, будто едут в Гросето, они приехали в Рим, чтобы тайком потренироваться в столице. Грилло поднял Колизей, оторвав его от фундамента, а потом бережно поставил на место.

— Слишком торопишься,— недовольно заметил начальник.— Я просто не успел увидеть. Слишком уж ты проворен.

— Эх, начальник, будешь тут проворным, когда у тебя на шее — мать, бабушка, две тетушки — обе старые девы — и семеро братьев.

— А кроме того,— добавила Андже́ла,— он ведь собирается жениться.

— А вот это мне совсем непонятно,— зашептал Андже́ле начальник, пока Грилло мыл руки у фонтана.— Такая красивая девушка, ростом один метр семьдесят три сантиметра, весом пятьдесят четыре килограмма, с такими чудесными зелеными глазами, с такими волосами, и вдруг влюбилась в какого-то жалкого почтальонишку, да еще с такой огромной семьей на шее!

— Имейте в виду,— ответила ему Андже́ла,— что я тоже занимаюсь тяжелой атлетикой. Если вы еще раз скажете что-либо подобное, я усажу вас на арку Константина, и тогда посмотрим, что будет дальше...

— Будем считать, что я ничего не говорил!— тут же согласился начальник.— Давайте думать о нашем чемпионе. Через две недели начнется чемпионат мира. Я финансирую участие Грилло.

Будущий чемпион потренировался еще немного. Подбадриваемый невестой и начальником, он стал подряд поднимать одно за другим — этрусские гробницы, развалины канала в Монтерано, остров на озере Больсена, гору Соратте, государственный винный склад в Черветери, ну и тому подобное. Словом, потренировался как следует и решил ждать начала мирового чемпионата, который должен был проходить в Александрии.

Начальник оплатил проезд и Андже́ле тоже. На корабле она так сразила всех своей фигурой, что не было ни одного моряка, кто не поинтересовался бы, нет ли у нее сестры, на которой можно жениться.

Грилло слегка нервничал. Он чувствовал себя точно так же, как в тот день, когда доставил телеграмму за сутки до отправления.

— Успокойся,— посоветовал начальник,— ты самый сильный тяжелоатлет во всей Солнечной системе. Только не испорти все своей вечной поспешностью.

— Хорошо, синьор начальник,— пробормотал Грилло,— просто я не привык зря тратить время, а этот корабль, похоже, не собирается идти в Египет.

Но корабль в Египет все же пришел, спортсмены высадились в Александрии и отправились в гостиницу. Начальник и Анджела сказали Грилло:

— Тебе надо немножко поспать, чтобы успокоить нервы. А мы тем временем заглянем в спортзал, проверим, все ли там в порядке, нет ли каких подвохов...

И Грилло пошел спать. Но во сне он так торопился, что проснулся... вчера. Посмотрел на календарь и убедился, что сегодня еще понедельник, когя в Александрию они прибыли во вторник.

— Так и знал,— подумал он,— теперь надо спать вдвое медленнее, чтобы проснуться вовремя.

Он снова уснул, но спал еще поспешнее и проснулся за три или четыре тысячелетия до нашей эры. Проснулся в пустыне, потому что гостиницы в те времена на этом месте еще не было, и увидел перед собой человека в древнеегипетском одеянии. Тот спросил Грилло:

— Квик, квек, квак и квок?

— Ничего не понимаю,— вежливо ответил Грилло.— Мы в Чивитавеккья говорим на другом языке.

Человек повторил еще несколько раз: «Квик! Квек!» — потом позвал двух рабов, те подняли Грилло, отнесли в лодку, полную людей в древнеегипетских одеждах, и сунули в руки весло.

— Квик! — приказал хозяин лодки.

— Это я понял,— проговорил Грилло,— это значит: гребите!

И едва он начал грести, как все опустили весла — в них просто не было надобности. Достаточно было усилий одного Грилло, чтобы лодка стрелой полетела вниз по Нилу. Крокодилы в испуге шарахались кто куда, а хозяин так ликовал, что от радости сошел с ума, и его пришлось связать.

Грилло между тем догадался, что его везут на строительство египетских пирамид. Чтобы помочь немного. И он не ошибся. Вскоре в пустыне показалась недостроенная пирамида, а вокруг — тысячи рабов, которые с трудом волочили огромные камни. Тут же оказался и фараон. Он кричал своим секретарям все то же: «Квик! Квек!» Но было совершенно ясно, что фараон сердится, потому что работы идут ужасно медленно.

Его секретари со страху попрятались кто куда — боялись потерять голову, а заодно и уши.

«Я, конечно, могу помочь,— подумал Грилло,— мне это нетрудно. Но только до обеда. А потом — премного благодарен, и а риведерчи! ¹».

Он поднял эти чудовищные камни, даже не затянув потуже пояс. Каждой рукой — по дюжине. Народ обступил его, и все кричали: «Ой! Квек! Квек!» А фараон от изумления упал в обморок, и к его носу пришлось поднести дохлого кота, чтобы тот очнулся (таков фараонский обычай).

Не прошло и двух-трех часов, как пирамида была закончена. Конечно, сразу же — обед для начальства, тосты, речи, поздравления... Фараон захотел поближе посмотреть на чужеземного раба, так удивившего его. С помощью пальцев и некоторых иностранных слов он попытался объясниться с ним и спросил, откуда он родом.

— Вавилония?

— Нет, ваше величество, Чивитавеккья.

— Содом и Гоморра?

— Я же сказал вам, многоуважаемый,— Чивитавеккья.

Фараону надоело расспрашивать, и он сказал что-то вроде этого: ну и катись туда, откуда явился. Грилло из осторожности помалкивал: когда расспрашивают, всегда лучше говорить поменьше. Он поел, когда дали есть, попил, когда дали пить, а потом ему знаками объяснили, что он может отдохнуть под пальмой.

«Тем лучше,— подумал Грилло,— теперь постараюсь спать медленно-медленно, как можно дольше, чтобы вернуться в наши дни».

Поначалу он не торопясь отсчитывал во сне века, тысячелетия, но привычка спешить все же взяла свое, и он начал беспокоиться, не пора ли проспать, не проспал ли.

Он проснулся как раз в тот момент, когда его помощь была совершенно необходима, чтобы закончить Суэцкий канал. Тут, к счастью, Грилло встретил земляка из Чивитавеккья. Звали его Анджелони Мартино. Он оказался школьным товарищем его прапрадедуш-

---

¹ До свидания (ит.).

ки. На радостях Грилло даже заплатил за него, когда они немного выпили.

Засыпая снова, Грилло решил быть умнее и совсем не торопиться. Но перестарался. Он проснулся в гостинице, в Александрии, когда чемпионат мира уже закончился и победили все, кроме участников из Чивитавеккья. Начальник почты улетел в Италию первым же самолетом. А Анджела сидела рядом и помешивала ложечкой кофе.

— Выпей,— сказала она,— уже остыл. Его принесли еще три дня назад. Видимо, тебя обманули, чтобы ты никого не победил. Подсыпали сильное снотворное. Начальник грозит, что подаст в суд. Ну, ничего, в будущем году состоятся Олимпийские игры, и ты непременно победишь и станешь чемпионом!

— Нет,— ответил Грилло,— больше я не хочу побеждать. С таким грузом на шее, как у меня, нет смысла носиться по свету и поднимать тяжести.

— Постой, а на мне не женишься?

— На тебе я женюсь тотчас же, даже на прошлой неделе.

— О нет, меня вполне устраивает завтра.

Прежде чем вернуться в Чивитавеккья, чтобы пожениться, они побывали у пирамид. Грилло сразу же узнал свою работу — труды своих почтово-телеграфных рук. Но он ничего не сказал. Великие чемпионы обычно очень скромны. А самые великие — скромнее всех. Такие скромные, что их имена навсегда остаются неизвестными. Каждый день они поднимают невероятные тяжести, но никому не приходит в голову взять у них интервью.

Подарочные мышки

Однажды кот задумал разбогатеть. У него было трое дядюшек, и он решил отправиться к ним за советом, как это лучше сделать.

— Надо стать вором, — сказал ему дядя Первый. — Нет лучшего способа разбогатеть без особого труда.

— Я слишком честен для этого, — ответил кот.

— Ну и что? Среди воров немало честных людей, а среди честных сколько угодно воров. Так на так не получается. К тому же ночью все кошки серы.

— Ну я подумаю, — ответил кот.

— Можно стать певцом, — сказал ему дядя Второй. — Нет лучшего способа разбогатеть и прославиться без всякого труда.

— Но у меня нет голоса.

— Ну и что? Многие певцы поют, как петухи, но все равно превращаются в богатых акул. Надо же, как я удачно выразился! Постой, я запишу эту мудрую мысль. Ну так что, решил?

— Я подумаю, — ответил кот.

Дядя Третий сказал:

— Займись торговлей. Открой какую-нибудь милую лавочку, и люди будут выстраиваться в очередь, чтобы принести тебе свои деньги.

— А чем бы стоило торговать?

— Роялями, холодильниками, электровозами...

— Слишком громоздкие вещи.

— Ну тогда дамскими перчатками.

— Но в таком случае я потеряю половину покупателей — мужчин.

— Сделай так: открой табачную лавку на Капри. Великолепный остров. Круглый год прекрасная погода. Туда приезжает множество туристов, и каждый покупает хотя бы одну открытку и марку, чтобы отправить ее родным.

— Ладно, подумаю, — ответил кот.

Он думал целую неделю и наконец решил открыть небольшой продовольственный магазин. Снял подходящее помещение на первом этаже нового здания, разместил там шкафы, прилавки, кассу и усадил за нее кассиршу. А затем, чтобы не тратиться на художника, сам нарисовал вывеску: «Подарочные мышки (Новый консервный деликатес)».

— Какая прелесть! — сказала кассирша. Это была совсем молоденькая кошечка, впервые поступившая на службу. — Подарочные мышки! Гениальная мысль!

— Если б она не была гениальной, — уточнил кот, — она не пришла бы мне в голову.

На другой вывеске, поменьше, кот написал: «Тот, кто купит сразу три банки, в награду получит бесплатный консервный нож».

Кассирша нашла, что у ее хозяина прекрасный почерк.

— Так уж я устроен, — ответил кот, — пишу только прекрасно. Я бы не смог ошибиться, даже если б мне прищемили хвост.

— Однако, — заметила кассирша, — где же эти консервы?

— Будут. Всему свое время. И Рим не сразу строился.

— А если придут покупатели, что мне делать?

— Записать их заказы вот на этом листе. Пусть оставят адреса. Мы будем доставлять товар на дом.

— Синьор кот, — спросила кассирша, — а рас-
сылного вы уже нашли? Я потому спрашиваю, что, если не возражаете, мой брат мог бы...

— Пусть придет и поработает недельку. Посмотрим, годится ли. Оплата — две банки в день.

— А мне сколько?

— Вам — три.

— С консервным ножом?

— Консервный нож вы будете получать на Новый год, в День национального праздника, а также в день моего рождения.

Кассирша нашла, что ее хозяин очень щедр.

На следующий день были получены консервные банки.

— Синьор кот, — сказала кассирша, — но ведь они пустые.

— Так и должно быть. О мышках позабочусь я сам. А вы пока наклейте на банки этикетки. И пусть вам поможет ваш брат.

Брат кассирши был совсем маленьким трехмесячным котенком. У него было прекрасное настроение, и он носился по магазину, засунув голову в банку.

— Ну-ка, води себя получше, — сказал синьор кот, — не то я запишу тебе штраф.

Этикетки были яркие и блестящие. На каждой была нарисована мышка, подмигивающая одним глазом, и внизу такая надпись: «Подарочные мышки. Высший сорт. Следите за сроком годности. Остерегайтесь подделок».

— Как? — изумилась кассирша. — Банки еще пустые, а уже есть подделки? А что же в них? Кроты, хомяки...

— Разумеется, подделок пока еще нет,— объяснил синьор кот, — но, когда торговля пойдет полным ходом, они непременно появятся. А если и не появятся, то такая надпись все равно не помешает. Покупатели будут думать: вот как, если эти консервы даже подделывают, значит, они очень хорошие!

— А они и в самом деле будут очень хорошие?

— Великолепные! Экстра-класс!

Кассирша вздохнула. Как умен ее хозяин! У него определенно исключительные способности к торговле. К тому же он еще не женат.

Брат кассирши наклеил этикетку себе на нос и теперь не мог отодрать ее.

— Глупец! — строго сказала кассирша. — Хочешь, чтобы тебя уволили в первый же день? А ведь ты еще не знаешь, что значит заработать банку «Подарочных мышек»!

— Прошу вас, — сказал синьор кот, — присмотрите за магазином. А я отправлюсь на поиски сырья.

Кассирша проводила его томным взглядом. Она находила, что ее хозяин очень красив и усы у него, как у настоящего преуспевающего коммерсанта. Так элегантен! И какой властный взгляд!

«Коммерсант, — подумала она, — это, конечно, не генерал, но почти. А мне к тому же генералы не нравятся, потому что они, как правило, все женаты».

На следующий день кот нашел в подвале первую мышку. Она пряталась там за кучей угля.

— Добрый день, — сказал кот.

— Не знаю, — ответила мышка.

— Ну что это за ответ, любезная?

— А я не знаю, будет ли день добрым. Обычно коты не приносят мне счастья.

— Это будет великолепный день,— заверил кот,— больше того — исторический! Вы будете иметь честь стать первой подарочной мышкой на планете. Разве этого мало?

— Не знаю, — ответила мышка.

— Вы никогда ничего не знаете, — рассердился

кот. — Ну-ка сделайте маленький прыжок, заберитесь в эту красивую, нарядную баночку и увидите.

— Что увижу?

— Увидите, что я прав!

— Я бы предпочла посмотреть мультфильм. Кстати, я вспомнила, он как раз сейчас начнется. Всего доброго!

Мышка шмыгнула в свою норку и, сколько кот ни просил и ни умолял ее, не высунула наружу даже кончик хвоста.

Вторая мышка, которую нашел кот, жила на чердаке, и ее норка была за старым чемоданом.

— Вам повезло, — издали крикнул синьор кот, едва увидел ее.

— Не знаю, — ответила мышка.

— Плохо, — рассердился кот. — Такой ответ я уже слышал от одной вашей подружки, что живет там, в подвале. Придумайте что-нибудь другое.

— Сначала скажите, в чем же мне повезло.

— Да в том, что моя фирма выбрала именно вас для открытия торговли «Подарочными мышками».

— Если мне надо выступить с речью, то я не согласна.

— Никаких речей. Вам нужно только войти вот в эту красивую баночку. Затем вас продадут по нормальной цене и оценят по достоинству.

— Прекрасно!

— В самом деле?

— Жаль, но я не могу принять ваше предложение. Мне нравится идея, и я не могу не оценить мастерство, с каким выполнена этикетка. Только сейчас я собираюсь в отпуск, у меня уже есть билет в Палермо. Не могу же я обидеть государственную железную дорогу и отложить поездку. Всего доброго, и привет жене!

— Я не женат! — выходя из себя, заорал кот.

— Неважно. Передадите, когда женитесь.

Третья мышка наслаждалась свежим воздухом на полянке, на краю города, но хвостик свой опустила в норку, и его держал там ее кузен, готовый по первому же сигналу втянуть ее обратно.

— Как поживаете? — спросил кот.

— Да как вам сказать... — ответила мышка. — В вашем присутствии я обычно чувствую себя неважно.

— Уж очень вы, мышки, пугливы,— сказал синьор кот.— А ведь я пришел сюда с наилучшими намерениями...

— Наилучшими для кого?

— Для вас, разумеется! Знаете, что я думаю? Что вы будете отличным компаньоном в моей торговле продовольственными товарами. Вас устраивает?

— Что именно?

— Вот эта баночка. Смотрите, какая красивая! Будем торговать «Подарочными мышками»! Я возьму на себя большую часть работы, так как займусь продажей.

— Недурно.

— Спасибо.

— Недурно.

— Спасибо. Но почему вы дважды повторили это?

— Один раз для правого уха, другой раз — для левого.

— Ну так пошли?

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что мне надо навестить мою бабушку и покатаť ее на карусели.

— Вот! — вскипел синьор кот. — Вот все вы, мыши, такие! Вам нет никакого дела до торговли! Вы пальцем не пошевеливаете для ее развития, для подъема экономики и укрепления финансов. И вдобавок у вас еще какие-то сумасшедшие бабушки — они еще способны кататься на карусели!

— Ну да, и на качелях тоже. И вы лучше оставьте мою бабушку в покое. Она потому и славная такая, что почти сумасшедшая. Всего доброго, и привет вашим детям!

— Но у меня нет детей! Я не женат.

— Так женитесь и пришлите мне свадебных конфет.

Мышка дала сигнал, и ее кузен, с силой дернув за хвост, так быстро утянул ее в норку, что коту показалось, будто она растаяла в воздухе, словно мыльный шарик, — только что была и уже нет.

— Дела идут прекрасно, синьор кот, — промяукала кассирша, встретив хозяина. — Мы получили уже 117 заказов. Графиня де Фелинис заказала двести ба-

нок. Я подсчитала, и получилось, что мы должны дать ей также 66 с половиной консервных ножей. А какую половину ножа нужно дать ей — ту, что с лезвием, или ту, что с ручкой?

Синьор кот проворчал себе в усы что-то невнятное.

— Посмотрите, как хорошо поработал мой брат, — снова заговорила кассирша.

Котенок-рассыльный уложил банки в витрине в виде пирамиды. Некоторые он, правда, перевернул, потому что не умел читать. Но радость от проделанной работы сверкала в его молодых усах.

Синьор кот сказал:

— Ладно, ладно. На сегодня хватит. Идите домой.

— Нашли хороших мышек, синьор кот? — поинтересовалась кассирша, поглаживая свою шубку, как это делают все кассирши, уходя домой.

— Я сказал — хватит! Я плачу вам за работу, а не за расспросы.

Кассирша и ее братец поняли, что разговор окончен, и удалились, опустив хвосты.

Синьор кот запер магазин и снова пошел за советом к Третьему дядюшке.

— Дорогой дядюшка, так, мол, и так. Мышки ни за что не хотят забираться в банки, а завтра я должен доставить графине де Фелинис важный заказ. Что делать?

— Дитя мое, — сказал дядюшка коту, — ты забыл о рекламе. Разве ты не знаешь, что реклама — двигатель торговли?

— Конечно, знаю. Я даже пообещал покупателям консервные ножи.

— Такая реклама хороша для покупателей, но совершенно не годится для мышей.

— Но если я им тоже дам консервные ножи, они откроют банки и разбегутся...

— Лучшая реклама для мышей — это сыр.

— Швейцарский или пармезанский?

— Швейцарский, пармезанский, пошехонский — какой угодно, лишь бы они могли делать в нем дырки. Даже твердокаменный качкавал сойдет.

— Хорошо! — воскликнул синьор кот. — Я все понял!

— У тебя толковая голова! — похвалил его дядя Третий. — Впрочем, в нашей семье только такими все и растут. У твоего деда, например, всегда было два дома, и в каждом на кухне — миска для молока и блюдец с мясом.

— Каким образом?

— Днем он жил у ночного сторожа. А вечером и ночью — у учительницы. Когда она уходила в школу, он притворялся, будто провожает ее, и шел к сторожу. А когда сторож уходил на работу, провожал его тоже и возвращался к учительнице.

— Потрясающе! А как звали деда?

— В доме учительницы — Пушок, а у ночного сторожа он был Наполеоном. Мы его звали Умноженный-На-Два.

Синьор кот купил большой круг пармезанского сыра, отнес его в подвал и закрыл им вход в норку. Чтобы выбраться наружу, мышке надо было прогрызть сыр.

— А я поставлю здесь банку наготове, — посмеивался кот, — и как только она выскочит из сыра, тут же — прыг! — и окажется в банке. А я — хлоп! — и закрою ее крышкой. И отнесу в магазин!

Поначалу все шло, как он задумал. Мышка, чтобы вылезти из норки, забралась в сыр, проделав в нем ход. Эта работа была ей вполне по душе, потому что сыр был вкусный, выдержанный и ароматный, высшего сорта. Мышкин муж тоже немного потрудился над ним. А семеро мышиных ребятишек всю забавлялись, делая разные боковые ходы и переходы во всех направлениях. Они прекрасно усваивали этот продукт и толстели прямо на глазах.

Мышка, не переставая грызть сыр, размышляла. Делать сразу два дела не составляло для нее труда, потому что это была умная мышка.

«В этом мире, — думала она, — никто не станет дарить тебе круг сыра просто так, ничего не попросив взамен. Очевидно, этот сыр поставлен тут не случайно. И прежде всего надо разузнать, кто положил его на порог моего дома».

Чтобы узнать это, она сделала совсем крохотную дырочку в корке и увидела синьора кота, притаившегося с банкой наготове.

— Добрый день, — сказала мышка.

Синьор кот услышал тонкий голосок, доносившийся из сыра, но ничего не увидел. И все же из вежливости ответил на приветствие. Тем более что узнал мышкин голос.

— Добрый день!

— Что вы тут делаете?

— Не видите? Рекламирую свою продукцию. Что вы об этом скажете?

— Сыр прекрасный!

— Вот видите. А теперь согласитесь — если хорош сыр, то «Подарочные мышки» будут еще лучше. Не хотите ли расположиться в этой баночке? Помочь вам войти?

— Нет, ради бога не беспокойтесь!

— Ну что вы, я рад помочь вам!

— Нет, благодарю. Я не собираюсь выходить.

Синьор кот рассердился так, что и не передать:

— Вот вы какие, мыши! Сыр едите, а взамен ничего не хотите дать! Разве так поступают? В торговле нужно быть корректным: я тебе даю одно, а ты мне — другое.

— Хорошо. Я оставлю вам корку. И мы в расчете.

— Я подам на вас в суд за обман! Вы мне ответите!

— Согласна. В тот день, который никогда не наступит.

— Нет! Сегодня же!

И, говоря так, кот схватил сыр и покатил его к лесням, не обращая внимания на испуганный писк серых мышат, которые перекатывались внутри.

— Не бойтесь, — успокоила их мышка. — Этот сыр не будет для нас ни ловушкой, ни тюрьмой. Он станет нашей крепостью. Хотела бы я посмотреть, кому удастся вытащить нас отсюда. Спокойствие, хладнокровие и классическая музыка. Для бодрости духа споем наш гимн. — И тут же затянула первую строфу:

Да славятся мышки в сыре,
Самые храбрые в мире!

Муж мышки присоединил к ней свой голос, а затем и семеро мышат перестали плакать и тоже зашлепн:

Дя славится на весь мир
Наш пармезанский сыр!

Синьор кот выкатил круг сыра, словно автомобильную шину, из подвала и направился в суд. Люди обоглачивались и с удивлением смотрели на него.

— Как странно — поющий сыр!

— Чего же удивляться — это же пармезанский. А в Парме, как известно, все очень любят оперную музыку.

— Да, они, конечно, мастера делать сыр. Только до одного не могут додуматься.

— До чего же?

— Как есть, не работая.

— Этого только ты, чудак, не знаешь! А людей, которые не работают, но едят, сколько угодно!

Кот прикатил сыр к судье и потребовал разбирательства:

— Ваша милость, мышки украли у меня сыр!

— Было бы правильное сказать, — заметил судья, — что сыр украли мышей.

— Вот именно! Вот именно! — пропищала мышка, выглядывая из дырки в сыре. — Нас захватили в плен, ваша милость. Нас девять человек! В том числе дети младше четырнадцати лет!

— Но вы же съели почти весь мой сыр! — закричал синьор кот.

— Мы его ели, потому что нам его предложили. Это был рекламный сыр. Подарок фирмы, так сказать.

— Это верно? — спросил судья.

— К сожалению, — должен был признать синьор кот.

— Тогда я тоже его попробую, — сказал судья. — Я уважаю рекламу и люблю рекламные передачи по телевидению. А потом я прикажу выдать мышкам охранный пропуск, чтобы они могли спокойно вернуться домой. Синьор кот оплатит судебные издержки. Всм!

Ударом молотка судья положил конец судебному разбирательству и облизал усы.

Мышек проводили домой, и они всю дорогу распе-

нали свой гимн, который был написан их предком по имени Иоганн Себастьян.

А синьор кот вернулся в свой магазин, где кассирша с радостью бросилась ему навстречу:

— Маркиза де Сорианис заказала 715 баночек! Они нужны ей сегодня без двадцати восемь. Я подсчитала, что моему брату, чтобы доставить весь товар, придется съездить к ней семь раз!

— Разве я не молодец? — спросил котенок-рассылный. — Разве я не заслуживаю повышения зарплаты?

Синьор кот, не говоря ни слова, уселся на прилавок и задумался. «Вот, — вздохнул он, — благодарность публики. Ты выкладываешься, открываешь новый магазин, покупаешь банки, наклеиваешь на них этикетки, нанимаешь людей, заботишься об интересах покупателей, и что получается? Ничего. Только расходы на сыр и судебные издержки! И все потому, что мыши не хотят понять условия торговли и совершенно не интересуются проблемами питания.

Конец света! — думал синьор кот, машинально облизывая лапу, все еще пахнущую пармезанским сыром. — Вот и делай после этого добро ближнему. Особенно мышам!

«Мыши, — размышлял синьор кот, вконец расстроенный, и хвост его свисал с прилавка, словно приспущенный в день траура флаг, — живут жалкой, бесглавной жизнью. Я готов обеспечить им хорошее будущее, выставить их в витрине на всеобщее обозрение. Я предлагаю им — за свой счет — прочные жестяные, хорошо закрытые банки, с красивыми этикетками работы первоклассных художников. На них мышки выглядят даже лучше, чем в действительности. Я предлагаю в награду покупателям консервные ножи, устанавливаю вполне доступную всем цену. И вот результат. Они саботируют мое предложение и, подкупая судью пармезанским сыром, восстанавливают его против меня. Нет справедливости на этом свете! Нет ничего святого! Лучше бы я стал бандитом!»

И синьор кот на минуту представил себе, как бы это выглядело. Вот он — бандит, разбойник и пират. В черной повязкой на левом глазу. На хвосте черный флаг с черепом и скрещенными костями. Его девиз: «Там, куда ступают мои лапы, мыши не растут».

Он уже видел огромные заголовки в газетах, восхищенно рассказывающие о его подвигах: «Снова нападение Грозы Подвалов!», «Миллион мышей в награду тому, кто поймает Кота-бандита!», «Дрожат все хвосты в городе!»

— Синьор кот, — спросила в этот момент кассирша, — что мне делать с графией де Фелинис и маркизой де Сорианис?

— Синьор кот, — поинтересовался брат кассирши, — для доставки товаров на дом мне взять мой трехколесный велосипед или фирма предоставит фургончик?

— Синьор кот, — снова заговорила кассирша, — приходил налоговый инспектор. Он посмотрел в кассу, увидел, что там нет ни одного сольдо, и сказал, что вернется завтра, даже если будет идти дождь.

— Синьор кот, — продолжал брат кассирши, — раз уж сегодня тут нечего делать, можно я пойду играть с друзьями в футбол? Знаете, я ведь стою на воротах. Беру самые трудные мячи. И, может быть, в будущем году стану играть в национальной сборной.

Синьор кот вздохнул. Какая ответственность! Товар, покупатели, кассирша, налоги, рассылный, национальная сборная...

— Друзья мои, — решительно сказал кот, — перевернем страницу. Торговля «подарочными мышками» закончена. Наверное, эта идея родилась несколько преждевременно. Люди не всегда сразу оценивают гениальные идеи. Галилео Галилей, сказав, что Земля вертится вокруг Солнца, тоже вынужден был пережить немало неприятностей. Я уж не говорю про Христофора Колумба, который хотел открыть Америку, и никто не давал ему для этого трех каравелл. Обо мне будут судить потомки.

— Да, — пропела кассирша, тая от восторга.

— Я принял решение. С подарочными мышками покончено. Теперь я буду продавать яд против мышей.

— Какая потрясающая мысль! — вздохнула кассирша.

— Если б она не была потрясающей, — сказал синьор кот, — она не пришла бы мне в голову. Начнем торговать ядом против мышей, и дела у нас пойдут отлично. В этом вопросе я дока.

— Какой же вы молодец! — промяукала кассирша.
— И тоже будем доставлять товар на дом?
— Будем.
— А как вы будете нам платить? Надеюсь, не мышиным ядом?

— Буду платить наличными.
— Тогда мне придется научиться считать, — вздохнул рассыльный. — А пока я могу идти играть в футбол?

— Иди, иди! — великодушно разрешил кот. И, сняв с витрины старую вывеску, тут же написал новую, которая гласила: «Яд для мышей, высшего качества. Тот, кто купит сразу три банки, в награду бесплатно получит четвертую».

— Какой прекрасный почерк! — восхитилась кассирша.

— Это еще что, — ответил синьор кот, — когда я пишу на пишущей машинке, у меня еще лучше выходит.

— Вы превосходите самого себя, — сказала кошка.

— Что поделаешь, таким уж я уродился. Представляете, когда я веду машину, то мне удается обогнать даже самого себя.

— Потрясающе! Я расскажу об этом моей маме. А знаете, что она все время расспрашивает о вас? Синьор кот не сказал, знает он это или нет.

Но в конце концов все-таки узнал. И в самом деле, кот и кошка поженились и жили счастливо и дружно, ссорясь с утра и до вечера. Они царапали друг друга носы, швырялись банками с ядом, набрасывались друг на друга с консервными ножами. Мышки немало развлекались, глядя на этот спектакль. Больше того, одна из них устроила свою норку прямо в магазине, и ее друзья, родственники и знакомые приходили к ней в гости только для того, чтобы посмотреть на семейный скандал этой милой и чудесной супружеской пары.

За каждый такой «просмотр» мышка брала с гостей по десять лир.

Все говорнили, что это дорого. Но платили и смотрели.

Мышка стала такой богатой, что поменяла имя и стала называться баронессой.

Мистер Каппа и «Обрученные»

Было десять часов утра. Шел урок литературы. Со старым учителем Ферретти ученики обычно вполне разумно использовали эти драгоценные пятьдесят минут. Они обменивались через парты и даже через ряды парт записками самых различных размеров на самые животрепещущие темы. Например, о немецком кино в период между двумя войнами, о футболе, о бурном росте числа мотоциклистов на японских островах, о любви, о деньгах (заклячая пари на мороженое или сдобную булочку), о книжках-картинках, сигаретах и так далее. Но все сильно изменилось с тех пор, как старого учителя сменил новый — синьор Феррини. Он сразу дал понять, что для него литература — это действительно урок литературы, а сама литература — это прежде всего «Обрученные»¹. И вот теперь они сидели и пыхтели над изложением по этому роману.

Синьор Феррини, вооружившись девятихвостой плеткой, ходил по классу и заглядывал в тетради, желая убедиться, что в каждой найдет изложение двенадцатой главы бессмертного романа и что ученики не списывают друг у друга, иначе все изложения будут похожи, как зеркальные отражения.

Ученик Де Паолис дрожал мелкой дрожью — он пересказал только первый и последний абзацы главы, а промежуток между ними заполнил образцом газетной прозы, который наугад выхватил из передовой статьи газеты «Паэзе сера»². Так что при внимательном чтении его изложение прозвучало бы так: «В этой главе Автор вспоминает, что урожай зерна в 1628 году оказался еще более жалким, чем в предыдущий год. Но только упорная борьба за перемены как в области политики, так и в социальной структуре общества может вновь открыть социалистам возможность войти в правительство, при условии, что...»

¹ Известный исторический роман выдающегося итальянского писателя Алессандро Мандзони.

² «Паэзе сера» — газета итальянских социалистов.

Убедившись, что слово Автор написано, как и полагается, с заглавной буквы, синьор Феррини хотел пройти дальше, но вдруг закричал от ужаса — он обнаружил, что ученик Де Паоллис, экономя бумагу и чернила, исправил заголовок предыдущего изложения — «Глава одиннадцатая» на «Глава двенадцатая». Незадачливый ученик тут же понес наказание — получил семь ударов плеткой по бржкам. И надо отдать ему должное, даже не пикнул.

А потом суровое лицо синьора Феррини осветилось радостной улыбкой.

— Я вновь хочу воздать хвалу ученице Де Паолоттис, — торжественно заявил он, — за ее безупречное изложение, написанное, как всегда, изящным слогом. Де Паолоттис проявила себя тонким наблюдателем и аналитиком, глубоко раскрыла содержание главы, работа ее превосходна, а пунктуация безошибочна! Вы же, господа, хорошо знаете, какое большое значение придавал Мандзони пунктуации.

Ученица Де Паолоттис скромно опустила глаза и очки и потеряла косу в знак легкого смущения. Мальчики и девочки поздравили ее, преподнесли ей букеты цветов и коробки шоколадных конфет с брелоком внутри, на котором выделялся знак Зодиака — созвездие Девы. Хорошо придумано, ничего не скажешь!

Когда же синьор Феррини вернулся к учительскому столу, все увидели, как он внезапно вытаращил от ужаса глаза и побледнел от отвращения, словно притронулся к сколопендре. Он нервно скомкал листок бумаги, лежавший на столе, и сунул его в карман. Потом сказал, что у него начался приступ полиневрита, выбежал из класса, а затем и из школы, поймал такси и велел водителю ехать к мистеру Каппа, самому знаменитому и высокооплачиваемому частному детективу по всей области Лацио.

Мистер Каппа не дал ему и слова выговорить.

— Подождите! — приказал он. — Садитесь вот сюда! Шляпа — коричневая, галстук — черный... Учитель, не так ли? Нет, нет, молчите! Все вопросы только ко мне. Учитель литературы, верно? Судя по вашим тупоносным ботинкам, речь пойдет, видимо, об «Обручениях», не так ли?

— Как вы угадали?

— Я не угадал, а понял это по вашей нервозности. Итак, рассказывайте.

— Я получил анонимное письмо, в котором лучшая ученица класса Де Паолоттис обвиняется в том, что списывает изложение бессмертного романа из какой-то тайной тетради. Я в это не верю, но...

— Вполне понятно. Истина превыше всего! Надо провести расследование. Сто пятьдесят тысяч лир в качестве аванса и по сто тысяч в день на мелкие расходы. Вас это устраивает?

Синьор Феррини покачулся. При его-то заработке... да при нынешних ценах на ветчину... Ему придется продать даже шляпу, чтобы уплатить по счету. Но неважно — истина превыше всего. Истина любой ценой!

— Согласен! Я оплачу также и кофе, который вы будете пить.

— Благодарю вас. Встретимся через семьдесят два часа в это же время. Давайте сверим часы.

Синьор Феррини, выйдя из дома детектива, упал от волнения с лестницы и сломал зонтик, а мистер Каппа немедленно принялся за дело. Он переоделся продавцом детских энциклопедий в рассрочку и отправился к ученице Де Паолоттис, у которой как раз был брат девяти с половиной лет. Объясняя членам семьи Де Паолоттис достоинства «Малой научной библиотеки» в трехстах четырех томах и девяноста восьми словарях, детектив незаметно спрятал в цветочном горшке телекамеру, пристроил под телефоном портативный магнитофон, а счетно-решающее устройство на батарейках засунул за портрет дедушки в форме лейтенанта-берсальера. Затем он предоставил семейству Де Паолоттис восемь дней на раздумье, покупать энциклопедию или не покупать, и укрылся в подвале, в котле парового отопления (он обладал исключительной способностью легко переносить высокую температуру). Благодаря этим инструментам и вышеописанной хитрости мистер Каппа за несколько часов узнал:

первое, что ученица Де Паолоттис время от времени действительно переписывает изложение из тайной тетради, которую старательно прячет в том ящике комода, где лежат колготки;

второе, что эта тетрадь была ей подарена в день рождения двоюродной сестрой, которая живет в Верх-

нем Бергамо в холодную погоду и в Нижнем Бергамо в теплое время года;

третье, что двоюродную сестру зовут Роберта, ей девятнадцать лет, она блондинка, рост ее 170 сантиметров, и глаза у нее зеленые. Как раз такой тип девушек, какой особенно нравится мистеру Каппа.

Не теряя времени даром, мистер Каппа на своем личном боевом самолете немедленно поспешил в Бергамо, представился синьорине Роберте, влюбил ее в себя и в обмен на обручальное кольцо добился полного признания:

— Изложение по «Обрученным»? Ну конечно, дорогой! Я обменяла эту тетрадь много лет назад на блок американских сигарет у одного паренька, который одолжил ее у своей тетушки, но так и не вернул.

— Имя!

— Да разве вспомнить! Может быть, Дамиано, а может, и Теофрасто.

— Да нет же! Как звать его тетушку?

— Анджелина Педретти. Она живет в Бусто Арсицио, проспект Мандзони, номер 3456, квартира 789. Куда ты, дорогой?

— У меня тут одно срочное дельце. Я вернусь завтра, чтобы жениться на тебе. Давай сверим наши часы.

Пренебрегая густым туманом, мистер Каппа полетел в Бусто Арсицио. Он отыскал дом Анджелины Педретти, ловко расспросил привратницу и выяснил, что «синьорина Анджелина» умерла несколько месяцев назад, отравившись грибами.

Что делать? Мистер Каппа купил газету и стал лихорадочно листать ее, отыскивая объявления. Наконец он нашел то, что искал: «МЕДИУМ высшей категории. Связь с потусторонним миром гарантируется. Вексели в оплату не принимаются».

Медиум жила в Бризигелле, в Романье, и любила сладости. За сто килограммов анисовой карамели она немедленно провела спиритический сеанс, во время которого вызвала сначала дух вождя галлов Верчинджеторидже и Карла Великого. Но они нисколько не интересовали мистера Каппа. Наконец появилась синьорина Анджелина Педретти. Это она раскачивала столик. Похоже, она не прочь была пооткровенничать. Столик прямо дрожал от нетерпения. Муж женщины-медиум переводил разговор.

— «Обрученные»? Нет, я их не читала.
— Разве вы не проходили этот роман в школе?
— Вот поэтому-то я и не стала его читать.
— Но разве не вы одолжили тетрадь с изложением
ми вашему племяннику... то ли Дамиано, то ли Тео-
фрасто?

— Нет, нет, совсем не Теофрасто. Его звать Габри-
елло.

— Так, значит, это вы писали изложения?

— Боже упаси! Эту тетрадь я получила в наслед-
ство от моей бедной бабушки.

— А, понятно. Значит, их писала ваша бабушка?

— Вовсе нет! Ей тоже подарили эту тетрадь.

— Да кто же, черт возьми!

— Один гарибальдиец, который был почти что же-
нихом бабушки до того, как она вышла замуж за де-
душку. Он воевал вместе с Гарибальди, и бабушка
говорила, что это был очень красивый парень. Только
дедушка был еще красивее, и к тому же у него был
обувной магазин в Виджевано. Поэтому она и вышла
замуж за него, а не за гарибальдийца.

Мистер Каппа не ожидал столь патристического
рассказа, но терпеливо дослушал до конца и сказал
женщине-медиуму:

— Спросите-ка у синьорины Анджелины, не помо-
жет ли она нам отыскать этого гарибальдийца и при-
вести его сюда в качестве свидетеля.

— Попробую, — ответила синьорина Анджелина. —
Но на это потребуется время. Нас тут так много и все
так перемешалось... Дайте мне хотя бы пять минут.

Мистер Каппа и женщина-медиум закурили, но не
успели докурить свои сигареты, как медиум снова впа-
ла в транс и заговорила:

— Кто-то там есть, кто-то есть...

— Синьорина Анджелина, это вы? — спросил ми-
стер Каппа.

— Нет, — отчетливо произнес чей-то баритон.

— Чудеса! — воскликнул муж женщины-медиума. —
Даже столик не нужен. Духи сами говорят!

— Ты гарибальдиец? — спросила медиум.

— Я личный секретарь сенатора Алессандро Ман-
дзонни, — ответил баритон.

— Бессмертного создателя «Обрученных»! — вос-

кликнул мистер Каппа, уронив от волнения пепел на свой жилет.

— Чудеса! — повторил муж женщины-медиума. — Оказывается, он был сенатором!

— Его превосходительство, — продолжал голос, — поручил мне передать вам, что эти изложения написал он сам, собственноручно, чтобы помочь племяннику своей жены, который был не в ладах с учителем литературы.

— Выходит, — поспешил заключить мистер Каппа с присущей ему остротой мышления, — тайная тетрадь, которую гарибальдиец подарил бабушке синьорины Анджелины и которая сейчас находится у синьорины Де Паолоттис, это не что иное, как бесценный автограф великого Мандзони?

— Ничего подобного, — ответил личный секретарь, — это лишь простая копия. Его превосходительство велел племяннику жены сделать двенадцать экземпляров изложений, а сам оригинал сжечь. Племянник подарил двенадцать копий своим лучшим друзьям, каждый из которых согласно воле дона Алессандро Мандзони сделал еще двенадцать копий. И так далее...

— Чудеса! — опять воскликнул муж женщины-медиума. — Выходит, этот синьор Мандзони изобрел непрерывную цепочку.

Мистер Каппа погрузился в долгое размышление и наконец обратился к духу:

— Если я не ошибаюсь, то сейчас в Италии должно быть по меньшей мере шестьдесят две тысячи восемьсот двадцать девять копий знаменитой тетради?

— Совершенно точно, — подтвердил дух. — Но все это должно остаться тайной. Ни слова школьному начальству и журналистам! Таково повеление Алессандро Мандзони. Договорились? Чао!

Мистер Каппа бессильно опустил на пол. Техническая сторона дела выяснена. Но факты оказались куда более серьезными, чем это следовало из анонимного письма, и затрагивали интересы куда более важных лиц, чем скромная ученица Де Паолоттис. В душе мистера Каппа шла смертельная борьба двух противоположных начал: чувства профессионального долга перед клиентом, который платит ему, и чувства уважения к пожеланию великого писателя, который требовал хранить гробовое молчание. От столь тяжелых пере-

живаний у него закружилась голова и начались такие боли, что даже буйвол обезумел бы от них. Тогда он принял две таблетки аспирина, и головная боль прошла.

Он расплатился с женщиной-медиумом, полетел в Бергамо и женился на Роберте, отвез ее на личном свадебном самолете в Рим и примчался в свою контору за три минуты до назначенной заранее встречи с синьором Феррини. В течение ста восьмидесяти секунд ожидания мистер Каппа непрерывно задавал себе один и тот же вопрос: «Что же я теперь скажу ему?»

Минуту спустя в дверь постучали... Но вошел не синьор Феррини, а посыльный. Он принес письмо от учителя. В письме говорилось: «Глубокоуважаемый мистер Каппа, прошу вас прекратить расследование. Ученица Де Паолоттис в порыве благородства чисто-сердечно призналась мне в невинном обмане. Но я не смог наказать ее, потому что накануне ночью мне явился во сне Джузеппе Гарибальди и сурово сказал: «Как ты можешь требовать, чтобы обыкновенный ученик в нескольких строках рассказал обо всем том, о чем великий писатель смог рассказать лишь на многих страницах?» По-моему, Герой двух континентов был, как всегда, прав. Аванс, так и быть, оставьте себе. Ваш покорный слуга Гвидоберто Феррини».

Роза и хлыст

Синьор Мамбретти, владелец фабрики запчастей для штопоров, о котором мы уже не раз говорили, купил себе сад со множеством фруктовых деревьев. Садовником он взял к себе Фортунينو.

— Что за дурацкое имя дал тебе отец? — спросил синьор Мамбретти, едва услышал, как его зовут.

— В честь маэстро Верди, синьор.

— Но Верди, кажется, звали Джузеппе?

— Джузеппе — это точно. А второе его имя было Фортунино. И третье — Франческо.

— Ну, ладно, ладно, — сказал синьор Мамбретти. — Лучше поговорим о грушах. Завтра у меня обедают

синьор Мамбрини и синьор Мамбрилло, и я хочу угостить их плодами из моего сада. Так что подай к столу вазу с самыми красивыми грушами.

Фортунино побледнел:

— Синьор, но сейчас еще нет никаких груш!

Мамбретти посмотрел на него с удивлением.

— Но как же так? — сказал он. — Грушевое дерево, по-моему, крепкое, здоровое...

— Это верно. Я хорошо ухаживал за ним — подкормка, инсектициды, окучивание и так далее. По всем правилам.

— Молодчина! Тогда что же это дерево делает в моем саду? Надо отколотить его как следует палкой. Пробовал? А двойку ему поставил в регистрационном журнале?

— В каком журнале, синьор?

— Значит, у тебя даже нет журнала? А еще говоришь — по всем правилам! Дорогой Фортунино, с растениями надо быть строгим. Дисциплина и порядок — прежде всего! Вот смотри!

Синьор Мамбретти взял палку, спрятал ее за спиной и направился к грушевому дереву, которое, если б могло, наверное, запело бы: «Слышу шаги Командора...»

— Ну и что же это получается? — обратился синьор Мамбретти к дереву. — Капризничаем, значит? Вбил себе в голову всякую блажь?

— Но, синьор... — перебил его Фортунино.

— Молчать! Кто здесь хозяин?

— Синьор Мамбретти.

— Так-то! Молодчина! Ну и как хозяин я воспользуюсь палкой.

И он принялся колотить палкой по стволу дерева, которое тут же обронило от страха все свои цветы.

— Для первого раза, пожалуй, хватит, — сказал синьор Мамбретти, отбросил палку и вытер пот со лба. — Все хорошо в меру. Нужно быть справедливым. Вот увидишь, какие замечательные груши появятся завтра на этом дереве!

Бедный Фортунино хотел было возразить, что теперь это дерево уже не даст больше плодов ни завтра, ни через полгода, потому что оно осталось без цветов. Но так как говорить он был не мастер, то еще раньше, чем открыл рот, синьор Мамбретти скрылся в доме.

— Господи,— прошептал Фортуннино,— что же будет завтра? Я почти уверен, что хозяин рассердится, и груше достанется новая порция палочных ударов.

Он думал об этом целый день и наконец придумал, как спасти несчастное дерево. Он пошел домой, открыл свою копилку и поспешил в город — в магазин, где продаются самые ранние фрукты и овощи и где груши бывают в любое время года. Он купил два килограмма, подождал, пока стемнеет, вернулся в сад и подвесил эти прекраснейшие груши на ветки дерева одну за другой, но не как попало, а покрасивее. Один плод, сияющий своей красотой, тут, два других, совершенно одинаковых, там, а на ветке повыше сразу три груши — две крупные и одну маленькую — ну прямо счастливое семейство на прогулке!

Настало утро, и синьор Мамбретти пришел посмотреть, что происходит в саду. Он увидел на дереве груши и потерял руки от удовольствия:

— Ты видел? Видел? Дорогой Фортуннино, это самые прекрасные плоды, какие давало когда-либо грушевое дерево на юг от Вероны и на север от Листойи! И это все потому, что тут поработала палка. Собери их и отнеси моей жене. И запомни — с деревьями не зачем деликатничать. От них нужно требовать слепого, полного, абсолютного повиновения! И если они не вытягиваются в струнку, наказывать. Ты меня понял?

Славный Фортуннино покраснел и опустил голову. Он не мог сказать правду, а врать ему совесть не позволяла. И он решил промолчать. Впрочем, сегодня хозяин был доволен, а завтра видно будет.

На следующее утро синьор Мамбретти снова пришел в сад и сказал, что ему нужны розы.

— И обязательно белые! — объяснил он Фортуннино. — Потому что для моей сестры, а ее зовут Бьянка. Это же значит белая. Понял, как тонко задумано?

— Понял, синьор, — ответил садовник. — Только, видите ли, белые розы еще не распустились.

— Не распустились? А почему это они себе позволяют такое? Разве они не знают, что хозяин здесь я?

— Видите ли, синьор...

— Я ничего не вижу! И ничего не слышу. И ничего не хочу знать. Принеси-ка мне хлыст!

— Не хотите же вы... отхлестать это несчастное растение?

— Растение растению рознь. Это уже достаточно взрослое, чтобы понимать свои обязанности. Упрямство надо ломать в молодости! Когда любят, наказывают! Дай-ка сюда...

— О я несчастный...

— А при чем здесь ты? Я же не тебя собираюсь бить, вот еще! Я хочу только показать тебе, как можно заставить розу расцвести, когда это нужно хозяину, а не сообразно ее капризам и причудам.

Пока синьор Мамбретти хлестал розу, Фортунино стоял, прикрыв глаза. Он слышал как-то поговорку: глаз не видит, сердце не болит. Но сердце у него все равно болело.

— Ну вот, все в порядке! Вот увидишь, как прекрасно расцветет завтра утром эта милая синьорина. Тут нужна воля! Понятно, Фортунино? Твердая рука! Железная хватка!

Оставшись один, Фортунино стал утешать розу, говоря ей разные ласковые слова, не сомневаясь, что она его понимает. И даже положил к ее корням пару таблеток аспирина — может быть, ей не так будет больно. Но потом опять заволновался.

— А что будет завтра?

Вся беда в том, что у него не было другой копилки, которую можно было бы открыть, и ему пришлось сесть на велосипед и поехать к свояку, чтобы одолжить у него пять тысяч лир.

— Мне очень жаль,— сказал свояк Филиппо,— но как раз сегодня утром я заплатил очередной взнос за телевизор. У меня осталась только тысяча лир. Если это тебя устроит...

— Спасибо,— вздохнул Фортунино.

Чтобы собрать пять тысяч лир, ему пришлось навестить одного за другим свояка Риккардо, свояка Радамеса (которого называли так в честь маэстро Джузеппе Верди, автора оперы «Аида»), свояченицу Бертолину, которая прочитала ему лекцию о язве желудка, тетюшку Бенедетту, которая долго расспрашивала его о разнице между хреном и редькой (ведь хрен редьки не слаще), а также тетюшку Энеа (которую так называли по ошибке — ее отец думал, что Энеа — женское имя). Он едва успел в цветочный магазин, чтобы купить пять роз, доставленных с юга. Когда стемнело, он пошел в сад, подвязал розы к кусту и прошептал:

— Хоть бы ему хватило этих роз! Больше я не смог купить для тебя. Ты же знаешь, как растут сейчас цены. Синьор Мамбретти тоже повысил цену на запчасти для штопоров.

Но хозяину пяти роз оказалось мало.

— Я же сказал — две дюжины!

— Да нет же, вы не говорили этого, синьор!

— Что? Ты еще начинаешь спорить со мной! Забываешь свое место! А ну-ка дай сюда хлыст!

— Нет, ради бога, только не хлыст!

— Именно хлыст!

Синьор Мамбретти сам пошел за ним и начал расправляться с розой. А потом заодно, раз уж он был в саду, наказал тую за то, что она пожелтела с одной стороны, отколотил палкой кипарис за то, что у него скривилась ветка, а кедр за то, что у него слишком высоко растут шишки — их не достать даже с лестницы.

— А эта плакучая ива почему не плачет? А эта ель почему совсем не растет? А этот ливанский кедр даст наконец кедровые орешки или нет?

— Хватит, хватит! — умолял его Фортунينو со слезами на глазах.

— Хватит? — вскипел синьор Мамбретти. — Действительно хватит возиться с тобой и твоим маэстро Верди! Ты уволен! Можешь получить деньги в конторе.

Теперь вместо плакучей ивы плакал Фортунينو. И это было очень некстати, потому что слезы застилали ему глаза, и он не видел, куда надо идти за деньгами, все время попадал не в ту дверь, и его отовсюду выгоняли.

— Завтра я приду посмотреть на вас! — крикнул синьор Мамбретти, обращаясь к деревьям, кустарникам и цветам своего сада. — И горе вам, если вы не возьметесь за ум! Всем поставлю двойки по поведению!

Настал вечер. Пришла ночь (как раз в тот момент, когда ей и положено, — ни минутой раньше, ни минутой позже). Сад укрылся в темноте и замкнулся в тишине. Но под землей, где корни, переплетаясь, уходили на разную глубину, возник таинственный сговор. Растения договорились приступить к действиям. Не надо думать, что они — существа неодоушевленные. Они очень даже могут постоять за себя.

Всю ночь переговаривались под землей корни, и им не мешали ни беготня мышей, ни кроты, ни черви.

Утром синьор Мамбретти пришел в сад, полный самых твердых намерений, гордо осмотрелся и прежде всего направился, конечно, к розе.

— Ни одного цветка,— отметил он.— Отлично. Так и должно быть. А я, выходит, дурак, способный только болтать языком. Или, быть может, я говорю по-турецки? Так вот, ты ошиблась, дорогая! Еще никто никогда не мог устоять передо мной.

Говоря так, синьор Мамбретти угрожающе взмахнул своим хлыстом и двинулся к розе, собираясь прочистить ее. Но едва он сделал шаг, как запнулся о корень, который выставила в этот момент из-под земли ива. Чтобы не упасть, он ухватился за розовый куст, и тот всадил в него длинный, как кинжал, шип, который глубоко процарапал ему руку. Ель, даже не обращаясь за помощью к ветру, стала сильно раскачивать верхние ветки и сбросила на него свою самую тяжелую — с полкилограмма — шишку. Она раскололась, орешки высыпались на землю, тут же прибежала белочка и собрала их.

Синьор Мамбретти упал и сердито закричал на слез:

— Бессовестная! Вот погоди, я тебе еще покажу!

Тогда ель сбросила ему на голову другую шишку. Затем третью. Четвертую — еще больше. Синьор Мамбретти пустился наутек. И этим тотчас же воспользовался кипарис. Своей самой низкой веткой он подставил ему ножку. Мамбретти снова оказался на земле, теперь уже на лопатках. Грушевое дерево, не имея возможности сделать что-то другое, метнуло ему в глаза дохлую цакаду.

— Так это, выходит, заговор! — вскричал синьор Мамбретти. — Вооруженное восстание! Бунт!

Вместо ответа сосна зашвырнула ему в рот горсть иголок. И синьор Мамбретти долго выплевывал их.

— Я еще покажу вам! — снова закричал он, как только смог произнести хоть слово. — Я искореню вас, как пырей! Раскромсаю на мелкие кусочки и сожгу на костре! От вас не останется даже семян!

Тут акация протянула свои ветки и схватила его за горло, словно хотела задушить, но ограничилась

тем, что заставила его замолчать и не отпускала, пока мимоза щекотала его под носом.

Наконец синьор Мамбретти вырвался из ее объятий и убежал, крича:

— На помощь! На помощь! Фортунينو!

— Меня здесь нет! — ответил Фортунينو, который любовался спектаклем, сидя верхом на ограде. — Неужели вы не помните, что уволили меня? Так что я сейчас иду в кино.

Синьор Мамбретти вернулся домой и как следует запер двери. Потом подбежал к окну. Сад был спокоен, как никогда. Деревья как ни в чем не бывало стояли на своих местах.

— Ну и фарисей! — проворчал синьор Мамбретти. Потом он пошел в ванную и наклеил себе по меньшей мере дюжину пластырей.

Рыболов с моста Гарибальди

Синьор Альберто, по прозвищу Альберто-не, был заядлым городским рыболовом. Он ловил рыбу в Тибре с моста Гарибальди и с других римских мостов всегда одной и той же удочкой, но не всегда на одну и ту же наживку. Потому что одни рыбы любят сушеные фиги, другим больше нравятся сверчки, а третьи предпочитают простых червячков. Но вот беда — самого Альберто-не рыбы нисколько не любили! На его приманку они не клевали ни зимой, ни летом. А ведь он просиживал на мосту целыми днями и все ждал, вдруг клонет лещ или сжалится над его поплавком какая-нибудь скромная плотвичка и рванет его наконец с такой силой, что утащит под воду заодно и сердце упрямого рыболова. Если вам доводилось проезжать по мосту Гарибальди рано утром и возвращаться той же дорогой на закате, если ваши друзья по вашей просьбе заглядывали на мост в самое разное время дня, то вы, конечно, уже убедились, что он сидит там всегда. Его нетрудно узнать по сутулой спине. К вечеру от огорчения, что так и не удалось ниче-

поймать, он горбится еще больше, но это все он — задлый рыболов Альбертоне.

В трех метрах от него сидел какой-то человек, который на вид не имел ничего общего с настоящим рыболовом и, казалось, самое большее, на что он способен, это продавать в рассрочку энциклопедии. Но едва он успевал размотать леску и забросить в воду удочку со свинцовыми грузиками, как на крючок сразу же попадался какой-нибудь голец, да еще хвостом вилял от радости, что его вытащили из воды со всеми его серебристыми отблесками. Длинной он был сорок сантиметров и весил два килограмма. Но разве кто-нибудь поверит в такое!

Удачливый рыболов совал рыбу в корзину, цеплял на крючок какого-нибудь жалкого червячка, и не прошло и минуты, как он уже вытаскивал усача, тоже килограмма на два весом, и тот счастливо улыбался себе в усы.

— Этого типа рыбы, можно сказать, просто на руках носят, — пробормотал Альбертоне.

Сосед его тоже что-то бормотал всякий раз, как закидывал удочку. Альбертоне подошел поближе и услышал:

Рыбка-синьорина, плыви к Джузеппино!

И рыба сразу же клевала. Альбертоне не выдержал.

— Простите, синьор Джузеппино, — сказал он, — я не хочу совать нос в ваши дела, но, может быть, вы мне все-таки объясните, как это у вас получается?

— О, это очень просто, — улыбнулся Джузеппино. — Вот посмотрите. — Он снова быстро забросил удочку и снова быстро проговорил заклинание:

Рыбка-синьорина, плыви к Джузеппино!

И сразу же на крючок попался угорь, который в этой части Тибра вообще и не водится.

— Здорово у вас получается! — сказал потрясенный Альбертоне. — А можно, я попробую?

— Пожалуйста! — ответил удачливый рыбак.

И Альбертоне попробовал, но у него почему-то ничего не вышло.

— Ах да, я же забыл! — сказал удачливый рыбак. — нас тоже зовут Джорджо?

— Нет, а что?

— А то, что меня зовут Джорджо, по прозвищу Джузеппино. Поэтому-то рыбы и откликаются. Знаете, с заклинаниями надо быть во всем очень точным.

Альбертоне собрал свои вещи и побежал на виа Биссолати, где находится Хроно-Тур, туристское агентство, которое проводит экскурсии в прошлое. Он объяснил дежурному, в чем дело. Тот что-то посчитал на ЭВМ, проверил расчеты на конторских счетах, запрограммировал машину времени и сказал:

— Ну вот, все в порядке! Садитесь в это кресло, и счастливого вам пути!.. Минутку! А вы заплатили?

— Разумеется. Вот чек.

Дежурный нажал кнопку, и Альбертоне оказался в 1895 году — в том самом, когда родился его отец. Сам Альбертоне превратился в подкидыша, которого поместили в приют. Прошло несколько поистине адских лет, прежде чем он выбрался оттуда и отправился работать на шахту, где трудился и его отец. Вскоре они стали друзьями. Когда его отец женился и у него родился сын, Альбертоне посоветовал ему:

— Назови его Джорджо, по прозвищу Джузеппино! Вот увидишь, это принесет ему счастье!

Отец сначала не соглашался:

— Вообще-то своего первенца я хотел назвать Альберто. Ну да ладно, сделаю, как ты советуешь.

Словом, мальчика назвали Джорджо, по прозвищу Джузеппино. Он пошел в детский сад, в школу и так далее. В общем, в точности повторил жизненный путь Альберто, только под другим именем. Альбертоне, которого теперь звали Джорджо, по прозвищу Джузеппино, по правде говоря, очень надоело повторять все сначала. Но ему ведь нужно было добраться до сорока пяти лет и пяти месяцев, чтобы вернуться на мост Гарибальди в настоящее время. И он утешался тем, что теперь рыбы волей-неволей будут повиноваться ему.

Настал наконец тот день и час — прежний час, когда он встретился с удачливым рыболовом. И бывший Альбертоне прибежал на мост, размотал леску, насадил наживку, забросил удочку и прерывающимся от волнения голосом прошептал:

Рыбка-синьорина, плыви к Джузеппино!

Поплавок не шелохнулся.

Он подождал еще немного.

По-прежнему никакого результата.

Джузеппино опять подождал немного.

И опять ничего. Рыбы самым бессовестным образом не обращали на него никакого внимания. А в трех метрах от Альбертоне-Джорджо-Джузеппино по-прежнему сидел тот, другой рыболов и варил на спиртовке кукурузу. Потом насаживал хорошо разваренное зернышко на крючок, закидывал удочку и вытаскивал... двенадцатикилограммового карпа с покрасневшими от радости плавниками.

— Так не пойдет! — вскричал бывший Альбертоне. — Меня тоже теперь зовут Джорджо, по прозвищу Джузеппино! А почему рыбы плывут только к вам? Это чудовищно несправедливо, и я подам на вас в суд!

— Как!?! — воскликнул удачливый рыболов. — Разве вы не знаете, что пароль изменился? Слушайте внимательно!

Он нацепил наживу, забросил удочку, и, пока крючок опускался ко дну, весело произнес:

Рыбка-синьорина, плыви к Филиппино!

И все в порядке. Он опять вытащил из реки карпа, должно быть родного брата первого. И если он весил не двенадцать килограммов, то двенадцать раз по сто граммов — это уж точно!

— Да кто такой этот Филиппино?

— Мой брат, — объяснил удачливый рыбак. — Он физик-атомщик, и ему некогда заниматься рыбной ловлей. А у меня времени сколько угодно, потому что я безработный.

«Черт возьми! — подумал Альбертоне. — Где бы найти брата по имени Филиппино? У меня только сестра, да и ту зовут Витториа Эмануэла. Что делать?»

Он вернулся в агентство Хроно-Тур и рассказал о своей беде дежурному специалисту. Тот немного подумал, посоветовался с вычислительной машиной, позвонил своей тетушке и сказал:

— Идите платить в кассу.

На этот раз Альбертоне надо было вернуться во времени назад на многие века и стать близким другом пра-пра-пра-прадедушки, своего пра-пра-пра-пра-дедушки, отправиться вместе с ним паломником в монастырь и остановиться по пути в одной оsterии. Когда пра-пра-пра-прадедушка уснул, он сделал ему не-

заметно укол, и в результате их родственные взаимоотношения несколько изменились, но произошло это совсем незаметно, и к тому времени, когда должна была родиться Витториа Эмануэла, родился мальчик, которого называли Филиппо, или попросту Филиппино. На все это ушло немало времени, но когда Альбертоне вернулся в наши дни, у него зато оказался брат Филиппино, тридцати шести лет, который работал поваром на океанском лайнере. И все еще был не женат.

Альбертоне схватил удочку, помчался на мост Гарибальди и забросил ее так ловко и красиво, что водитель троллейбуса № 43 крикнул ему из своей кабины:

— Bravo!

Ну а он тем временем произносил новый пароль:

Рыбка-синьорина, плыви к Филиппино!

Да какое там! Все равно что со стеной разговаривать. А тот, другой, опять выловил плотвичку, но даже не снял ее с крючка. Подержал чуть-чуть в воде, и на живую приманку клюнул великолепный окунь, который вообще-то водится только к северу от Энельской плотины, и тут в Тибре оказался, по-видимому, лишь для того, чтобы доставить особое удовольствие удачливому рыболову.

— Это нечестно! — закричал Альбертоне так громко, что на площади Арджентина образовалась автомобильная пробка. — Меня зовут Джузеппино, как и вас! У меня есть брат Филиппино, как и у вас! И между прочим, чтоб заполучить его, мне пришлось пожертвовать моей любимой сестрой. А рыбы по-прежнему избегают меня так, будто у меня скарлатина. И не уверяйте меня, будто опять изменился пароль!

— Ну, конечно, изменился! Теперь надо говорить «Рыбка-синьорина, плыви к фра Мартиньо!»

— А это кто еще такой — фра Мартиньо?

— Мой кузен, монах-францисканец, и ему некогда заниматься рыбной ловлей, потому что он собирает пожертвования!

— Я сейчас покажу вам пожертвования!

Он схватил удачливого рыболова, поднял его над перилами моста и сбросил в Тибр, хотя его и упрекнула за это какая-то учительница-пенсионерка, которая видела все из окна троллейбуса № 75.

— Молодой человек, чему только вас учили в школе? — возмутилась она.

Альбертоне не слышал ее. И даже не видел. Он видел только, что внизу под мостом сотни рыб подхватили удачливого рыболова и понесли его к берегу, заботясь о том, чтобы даже пиджак его не намок. К сожалению, волна все-таки окатила его брюки, но какая-то рыбка сразу же высушила их феном на батарейках (в Тибре нет штепселей). Синьор Джорджо-Джузеппино поднялся по лестнице на мост как раз вовремя, чтобы освободить Альбертоне из рук полицейских, которые хотели арестовать его за бросание с моста рыболовов.

— Ничего, ничего! — сказал синьор Джорджо-Джузеппино. — Это была просто шутка, довольно грубая правда. Детская шалость, понимаете?

— Но этот человек хотел утопить вас!

— Какое там утопить! Не надо преувеличивать! Я ручаюсь за синьора Альбертоне и даже готов организовать складчину, чтобы купить ему новую удочку, потому что старая упала в реку.

И в самом деле, Альбертоне в гневе швырнул свою удочку рыбам, которые принялись играть поплавком.

Короче говоря, все обошлось. Полицейские отправились в кино, прохожие разошлись в разные стороны, машины двинулись дальше, навстречу судьбе, и пока Альбертоне стоял, молча уставившись на пуговицы своего жилета, синьор Джорджо-Джузеппино снова принялся ловить рыбу.

Рыбка-синьорина, плыви к фра Мартинио!

Рыбы так и повалили к нему. Теперь они уже плыли даже из Фьюмичино, лишь бы только попасться ему на крючок. Приплывали даже из моря — кефали и краснебородки, сольоле и вырезубы, золотые рыбки и окуни, омбрины и тунцы. Они толкались, били друг друга головами и хвостами, лишь бы первыми попасть на крючок. Чтобы вытащить из воды одного здоровенного тунца, синьору Джорджо-Джузеппино пришлось позвать на помощь двух водителей троллейбуса № 66 и двух барменов с площади Соннино. Однако, когда из-за острова Тиберино, выпуская праздничные фонтаны, появился небольшой кит, весьма похожий на Моби-Дика, синьор Джорджо-Джузеппино замахал руками и отказался ловить его.

— Никаких млекопитающих! Только рыбы! — закричал он.

Альбертоне смотрел на все это и молчал. Он сошел с ума, но никому не сказал об этом — иначе его отправили бы в сумасшедший дом. Его всегда можно видеть то на одном мосту, то на другом, днем или ночью, потому что он по-прежнему продолжает терпеливо изучать воды Тибра. И если вы подойдете поближе, то услышите, как он бормочет:

— Рыбка-синьорина, плыви к Робертино... Рыбка-синьорина, плыви к Дженнарино... Плыви к Эрнестино... К Гоффридино... К Джокондино... К Катерино... Терезино... Аввеллино... К битве под Бородино...

Он ищет пароль, повинаясь которому стали бы приплывать к нему эти вечно ускользающие рыбы. Он не чувствует жаркого летнего солнца. Зимой не замечает холодного северного ветра, дующего с Тибрской долины и прочищающего все мосты. А ведь даже гольцы в своих ледяных водах не отказались бы от хорошей шубы и шапки-ушанки. Он в отчаянии ищет нужное слово. Но не всегда тот, кто ищет, находит,

Волшебники на стадионе

резидент футбольного клуба «Барбарано» был в отчаянии. Его команда, несмотря на то что и ее состав входили такие безусловно выдающиеся футболисты, как Брокко I и Брокко II, и такие молодые, многообещающие игроки, как Брокко III, Брокко IV и Брокко V (которого болельщики зовут «Золотая бутса»), проигрывала каждое воскресенье и во все другие выходные дни. Посоветовавшись со своими консультантами, придворными и мажордомами, президент обнародовал в своем царстве такое заявление: «Отдам, говорилось в этом заявлении, которое все газеты напечатали на первых страницах, — мою дочь в жены и Замок Любимой Куклы в приданое тому, кто спасет «Барбарано» от поражения».

На следующий день к президенту явилось множество молодых людей, исполненных самых радужных надежд. Некоторые из них были тайно влюблены в Ллуретту, неотразимую дочь президента футбольного клу-

ба,—ростом она была метр семьдесят пять, глаза — зеленые, готовилась в олимпийские чемпионки и училась пользоваться проигрывателем. Молодые люди предлагали самые разнообразные, надежнейшие системы одержать победу. Например, переманить лучших игроков из других клубов: Риву, Риверу, Нетцера и Беккенбауера; угостить противников отравленными грибами; предложить судье разрешение на охоту на кабанов. Но, чтобы купить Беккенбауера, нужно было сначала изучить немецкий язык, а это сложно. Так что все эти способы оказались не очень практичными.

А вечером пришел последний претендент на руку Лауретты — некий Рокко из Пишарелли, которого все знали как торговца кроличьим мехом. Прежде всего он потребовал фотографию Лауретты, внимательно изучил ее и вроде бы остался доволен.

— Какое отношение вы имеете к футболу? — спросил президент.

— Ну, видите ли, мое второе имя Элениум¹ — объяснил Рокко.

— Что ж, это уже рекомендация. А дальше?

— А дальше сделаем так, — предложил Рокко. — В следующее воскресенье, когда начнется игра, посажу меня на скамью рядом с тренером, и, если результат вам понравится, продолжим разговор при свидетелях.

— Согласен, — ответил президент.

В воскресенье должна была состояться встреча с командой «Формелло» — той самой, которая играет в белых майках в белую полоску. Рокко вышел на поле и прошел к скамье, где сидел тренер — человек, давно разочарованный в жизни, печальный, словно песня без слов, и распространявший вокруг себя аромат увядших хризантем². Судья, как обычно, дал свисток к началу, и в первые же пятнадцать минут «Формелло» забила три гола, а еще десять не засчитали, потому что они были забиты из офсайта.

Во время перерыва Рокко прошел в раздевалку и, переходя от одного игрока к другому, что-то шепнул каждому на ухо. Президент вслед за ним тоже обошел всех игроков и поинтересовался, что же он им говорил.

---

¹ Название транквилизатора — успокоительного лекарства.

² В Италии хризантему принято приносить покойным и на кладбище.

— Мне он сказал: «Трижды девять — двадцать семь!» — сообщил Брокко I.

— А мне: «Шестью четыре — двадцать четыре!» — признался Брокко II.

— Таблицу умножения он знает, — задумчиво произнес президент. — Ну что ж, посмотрим.

Начался второй тайм. И уже через минуту Брокко I забил гол головой. Две минуты спустя гол забил Брокко II слева. Затем справа один за другим били прямо по воротам Брокко III, Брокко IV и Брокко V (которого болельщики зовут «Золотая бутса»). Брокко VI забил гол коленом. Брокко VII забил гол ухом. «Барбарано» победила со счетом 12:3. От волнения президент упал в обморок и даже не заметил, как болельщики подняли его на руки, и потому не сумел извлечь из этого никакой пользы.

Придя в себя, он тут же послал за Рокко, а тот уже сажился на мотоцикл, чтобы уехать к себе в Пишарелли. Президент пригласил его в команду новым тренером. Прежнего отправил в изгнание в Опорто, в Португалию.

— А теперь, — попросил президент, — скажи мне, в чем твой секрет.

— Никакого секрета нет, — объяснил Рокко. — Дело в том, что торговля кроличьим мехом оставляет мне много свободного времени, так что я смог изучить парапсихологию и стал футбольным волшебником. Я могу послать мяч куда угодно одной только силой мысли. Могу запугать игроков противника, вызвав у них страшнейшие галлюцинации. Все это очень просто, как видите.

— Согласен. Однако лучше, чтобы печать об этом не знала.

— Я вполне удовольствуюсь славой, — сказал Рокко. — И Замком Любимой Куклы. Кстати, ваша дочь любит рыбу под майонезом?

— Да, а что?

— Да нет, просто для сведения. Собирать информацию — мое хобби.

В несколько недель «Барбарано» поднялась к вершине футбольной таблицы и стала победителем чемпионата. Рокко и Лауретта поженились, стали жить в Замке Любимой Куклы и раз в неделю ели рыбу под майонезом.

В ближайшие годы «Барбарано» перешла в лигу А, выиграла первенство, завоевала кубок чемпионов, кубок кубков, победила в ночном чемпионате в Тольфе и так далее. Она стала самой знаменитой командой всех времен и народов, а Рокко — самым знаменитым в мире тренером.

— Вы, наверное, даже козла могли бы научить забивать голы? — пошутил однажды какой-то журналист.

— Разумеется, — ответил Рокко. Он велел привести козла, поставил в воротах локоть к локтю двенадцать вратарей из лиги А. И когда козел ударил по мячу, они все полетели вверх тормашками. Гол! Дело в том, что двенадцать вратарей вместо мяча увидели несущийся прямо на них рояль. Однако им было стыдно признаться в этом, потому что мгновение спустя они уже сомневались, был ли это рояль или электронный орган.

Один только раз за многие годы Рокко потерял спокойствие. Какой-то судья отметил, что Брокко V (которого болельщики зовут «Золотая бутса») оказался «вне игры», хотя на самом деле это было не так. Мгновение спустя этот судья в черных гольфах вдруг полез по штанге ворот и забрался на перекладину.

— Рокко, что ты делаешь?! — занервничал президент «Барбарано».

Рокко понял, что перестарался и злоупотребил своей парапсихологической мощью, рискуя вызвать подозрение в некоторых сомневающихся умах. Он дал судье слезть с ворот и довольствовался тем, что вызвал у него галлюцинацию анаконды: судья бегал по полю и ему все время казалось, что он вот-вот наступит на змею длиной десять метров и пятьдесят сантиметров, и, чтобы не наступить на нее, он делал совершенно изумительные прыжки. Публика с восторгом аплодировала ему. «Барбарано» победила со счетом 47:0, и все ее игроки стали кавалерами Ордена Любимой Куклы.

А затем вдруг распространился слух, что где-то там, в Англо-Пруссии, появилась другая команда, которая тоже всегда побеждает со счетом 40 или 50:0, что она одолела даже команду ФРГ, и Беккенбауер от огорчения расстался с футболом и стал владельцем банка.

Рокко переоделся текстильным промышленником и, притворившись, будто едет в инспекционную поездку, отправился посмотреть встречу команды «Робур»

из Англо-Пруссии и команды «Ветралло». Ему достаточно было одного взгляда, чтобы сразу же узнать в тренере знаменитого тибетского волшебника, замаскированного под бризговийца. Чтобы проверить это, он сконцентрировался, сосредоточился, собрал всю свою сверхвласть и превратил правого крайнего нападающего англо-прусской команды в кузнечика, который непрестанно стрекотал от страха, что его вот-вот раздавят. Но прошло три минуты, и кузнечик вновь превратился в правого крайнего, получил передачу и забил гол. Перемещая мяч силой мысли, Рокко сумел забить «Ветралло» еще пару голов, но третий уже не удалось — мысль тибетского волшебника, очевидно, оказалась сильнее. Не потому ли, что он думал по-тибетски — на древнем языке волшебников?

Рокко разволновался, и у него даже вскопился ячмень на глазу. Конечно же, он знал, что рано или поздно, а может быть, даже еще раньше, две лучшие футбольные команды мира встретятся. Чтобы подготовиться к этому исключительному событию, Рокко принялся изучать тибетский язык. В три дня и три ночи он запомнил сорок тысяч слов и решил, что этого достаточно. Однако, чтобы подготовиться еще лучше, он изучил между прочим языки китайский и хинди, а также десяток диалектов племени бантú.

И вот настал день суперматча. Игра должна была состояться на Олимпийском стадионе в Риме. Радиотелесвязь была установлена со ста восемнадцатью странами. Присутствовало двадцать тысяч журналистов, многие из которых были с супругами или приятельницами. На трибунах было полно всяких министров, архиепископов, торговцев кроличьими шкурками, обнищавших аристократов, временно находившихся на свободе воров, разного рода лауреатов, лысых, левшей. Оба тренера, прежде чем пройти на свои места, пожали друг другу руки и сказали: «Пусть победит сильнейший!» Разумеется, они сказали это на языке арамаико, чтобы скрыть свои истинные чувства. Во время рукопожатия пальцы тибетского волшебника превратились в змей со смертельным укусом. Рокко незамедлительно нанес ответный удар, превратив свои пальцы в дикобразов, которые, как известно, являются лучшими пожирателями змей. Разумеется, никто

ничего не заметил, и фотографии делали свои снимки, тоже ничего не подозревая.

Сразу же после свистка судьи Рокко послал на поле целое стадо динозавров, но англо-прусссы, обученные своим волшебником, не сдались.

«Выходите, гигантские спруты!» — мысленно приказал Рокко. Не видимые для всех других, кроме игроков «Робура», на футбольном поле появились одиннадцать гигантских спрутов — по одному на каждого игрока. Своими щупальцами длиной в двадцать четыре метра они могли бы скрутить и кита, могли утащить под воду трансатлантический лайнер и разломать на куски, как она того и заслуживает, атомную подводную лодку. Но англо-пруссские игроки, подготовленные своим волшебником, показали спрутам язык, и те, ужасно обидевшись, ушли в ничто.

В этот момент Брокко I увидел вдруг... Белоснежку.

— Извините, вам не повстречались тут мои гномики? — обратилась она к нему.

Брокко I невероятно изумился и потратил на ответ драгоценное время.

— Нет, синьорина, — сказал он, — мне очень жаль, но я их не видел. Только будьте осторожны, здесь нельзя находиться — тут идет футбольный матч тысячелетия!

— Что вы говорите? А я и не знала! — ответила Белоснежка. — Тогда будьте добры, объясните мне, почему все бьют ногами этот несчастный мяч, который не сделал никому ничего плохого...

Пока Брокко I объяснял Белоснежке, что такое футбол, англо-прусссы отняли у него мяч и начали стремительную атаку на ворота «Барбарано». Вратарь готов был парировать удар, как вдруг увидел, что навстречу ему бежит, запыхавшись, Золушка.

— Синьорина, — крикнул ей вратарь, — вы потеряли туфельку!

— Пустяки, — ответила Золушка, — у меня еще одна есть!

Тем временем центральный нападающий англо-прусссов так мощно пробил по воротам, что мяч мог бы расколоть и стену Колизея. К счастью, собрав всю свою волю, Рокко удалось силой мысли отклонить мяч и направить в штангу.

«Вот, значит, какова твоя тактика,— подумал Рокко, мысленно обращаясь к тибетскому волшебнику.— Прекрасно! Я отвечу сказкой на сказку!»

Минуту спустя англо-прусссы увидели, что на поле появилась Красная Шапочка и за нею гонится злой Волк. Самые благородные чувства вынудили их помочь бедной девочке — они бросились на Волка. «Барбарано» воспользовалась этим и забила гол. 1:0! Семь тысяч двести восемнадцать болельщиков упали от волнения в обморок, и их унесли на носилках.

Тибетский волшебник ответил Девочкой с голубыми волосами, которую вот-вот схватит Карабас-Барабас. Игроки «Барбарано» отвлечлись, спасая ей жизнь, и англо-прусссы сравняли счет. 1:1! Упали в обморок еще четыре тысячи болельщиков и триста полицейских.

С этого момента волшебники уже перестали сдерживать себя, и футбольное поле заполнилось колдуньями, ведьмами, драконами, чертями, домовыми, мачехами, падчерицами, феями, принцессами на горошине, блуждающими огоньками, говорящими лошадьми, ворами, разбойниками, бременскими музыкантами, верблюдами с погонщиками — короче говоря, чудовищами минувших столетий и наших дней — прежде всего персонажами мультфильмов, и даже героями будущего. Но зрители ничего этого не заметили. Они видели только, что двадцать два футболиста и судья как безумные мечутся по полю, а мяч лежит себе в стороне, забытый и всеми покинутый. Вся беда была в том, что обоим волшебникам никак не удавалось убрать с поля эти призраки, вызванные силой их мысли. На поле стало уже невероятно тесно, негде было бегать. И футболисты уселись на землю, чтобы перевести дыхание. Стадион взорвался возмущенными криками и свистом.

И вдруг произошло что-то странное. Рокко и тибетский волшебник в один и тот же момент подумали о дудочнике Гаммелине, причем подумали с такой силой, что тот не только появился в центре поля, но даже стал видимым для всех зрителей, а также для министров, журналистов и лысых.

Что же сделал этот дудочник, оказавшийся в центре внимания?

Наступила необыкновенная тишина, и, будь на стадионе деревья, слышно было бы, как опадают с них листья; будь, конечно, еще и холодный ветер, который обрывал бы эти листья. Но слышно было совсем другое... Слышно было, как дудочник заиграл на своей дудочке... И что же он заиграл? Невероятно! Но все услышали шутивную мелодию из знаменитой оркестровой сюиты Иоганна Себастьяна Баха!

Дудочник сыграл партию флейты семнадцать раз. Дело в том, что она довольно короткая и, чтобы получить от нее удовольствие, мало прослушать ее только шестнадцать раз.

Закончив играть, дудочник направился к выходу. Футболисты спокойно последовали за ним. И судья тоже пошел за ним. И оба волшебника тоже двинулись следом. И зрители — тоже. Все разошлись по домам, забыв про футбольный матч тысячелетия, забыв про футбол (только на три месяца), и принялись учиться играть на флейте.

Десять килограммов Луны

Омню ли я первых людей, высадившихся на Луну? Еще бы! Прекрасно помню. Вернее, я не могу сказать, в каком году это было и в каком месяце, но отлично помню, что во вторник утром в квартиру ко мне позвонили, я открыл дверь и увидел перед собой крайне взволнованного командора Ципа.

— Невероятное дело! — воскликнул он и рухнул на диван.

Командор Цип весил не меньше центнера, и пружины дивана жалобно застонали.

— Что случилось? — встревожился я.

— Неслыханное дело! Самое грандиозное за всю историю! Сколько книг в вашей библиотеке? Две тысячи. Считайте, что у вас две тысячи томов крупных банкнот. Я сразу же побежал к вам, как только узнал об этом. И не только потому, что мы соседи, и не потому, что вы одолжили мне градусник, когда мой сын заболел корью, а потому, что вы умный человек.

А это дело исключительно для умных людей. Дуракам тут вход воспрещен, ясно?

— Не мучайте меня, командор, объясните же наконец, в чем дело?

Командор надел на себя маску таинственности, подозрительно осмотрелся, заглянул под письменный стол, убедился, что никого нет и никто не подслушивает, выглянул в окно — непонятно зачем, ведь я живу на четвертом этаже и за многие годы в это окно только однажды влетела чья-то потерявшаяся канарейка, которую я тут же передал привратнице.

Наконец командор Цип снова уселся на диван и крайне осторожно извлек из кармана пиджака какой-то пакетик из простой оберточной бумаги, перевязанный шпагатом.

— Я ношу его так, — сказал он со вздохом, — чтобы все думали, будто тут пара сосисок или бифштекс — одним словом, завтрак. А знаете, что это?

— Нет, командор. Но уже сгораю от желания узнать.

— Вот — смотрите и судите сами. Вы ведь умный человек — умный!

В пакете лежало что-то очень похожее на кусок мела или глины размером не больше кулака. Я хотел было рассмотреть этот предмет получше, но командор уже забрал пакетик и спрятал в карман.

— Видали?

— Нет

— Как нет? Что у вас глаз нет, что ли?

— Ну, положим, видел. Только не понял.

— Жаль. А я думал, что умные люди могут обойтись без лишних слов. То, что я вам показал, друг мой, не что иное, как... КУСОК ЛУНЫ!

Говоря это, командор Цип невольно повысил голос, но тут же спохватился и предупредил меня:

— Тс-с! Молчите, ради бога! Все это под строжайшим секретом. Я получил этот образец от одного очень надежного человека — двоюродного брата зятя второго привратника в доме, где живет полковник Ноп.

— Космонавт? Первый человек, высадившийся на Луну?

— Именно! И никто не знает, что он привез из своего необыкновенного путешествия целых десять килограммов лунной породы — десять килограммов

Луны. Вы меня поняли? И он готов недорого продать все это. Вы понимаете, ему же неудобно самому заниматься торговлей и вести все дело.

— Понимаю, что неудобно, но не понимаю, о каком деле идет речь.

— В таком случае, у вас нет не только глаз, но и никакого воображения. Вы когда-нибудь бывали в Лизе?

Этот вопрос подействовал на меня словно удар кулака в челюсть — скажу честно, я не ожидал его.

— Вы видели когда-нибудь,— продолжал он допытывать меня,— с какой жадностью туристы набрасываются на сувениры, изображающие Пизанскую башню? Их ценят на вес золота! Хотя стоит эта ерунда гроши. А теперь представьте себе, что будет, если мы выбросим на рынок лунные сувениры — маленькие полулуния весом всего в два-три грамма, не больше, но сделанные из настоящего лунного камня и со стопроцентной гарантией....

— Двоюродного зятя второго брата привратника?

— Нет, уж, пожалуйста, не путайте! Речь идет о двоюродном брате зятя, а не наоборот. Вот посмотрите, почитайте! Это заключение профессора Рапа, известного во всем мире английского астронома. Здесь подтверждается, что проданный мне образец действительно состоит из породы, взятой с лунной поверхности... А вот справка доктора Брека, американского геолога... Это письмо профессора Проппа из Московской Академии наук... Все эти господа, лучшие умы планеты, заверяют, что это КУСОК ЛУНЫ!

И командор Цип швырнул мне на колени все эти бумаги с печатями, гербовыми марками, математическими и химическими формулами. Но тут же быстро собрал их, сунул в карман, торжествующе посмотрел на меня и сказал:

— Десять миллионов, и весь кусок наш! По миллиону за килограмм Луны. Да ведь это же просто даром, вы не считаете? Я уже отдал задаток в двести тысяч лир. И знаете ли, я не дурак — я получил взамен этот образец. И вот послушайте, что я подсчитал. Продавая сувениры по двадцать тысяч лир за штуку, мы сможем получить сто миллионов лир. Чистая прибыль составит девяносто миллионов. Совсем ма-

ленький кусочек Луны за двадцать тысяч лир... Да эти сувениры пойдут нарасхват, уверяю вас! А пока не будем терять связи с...

— Привратником второго зятя брата...

— Пожалуйста, постарайтесь запомнить: речь идет о двоюродном брате зятя второго привратника. А если понадобится, то свяжемся и с самим полковником Нопом, предложим ему проценты, он обеспечит нам новые поставки, и у нас будет полная монополия, понимаете! Мы сможем продавать Луну центнерами, и вам придется выбросить все эти книги, чтобы освободить место для денег, вы меня хорошо поняли?

И он еще долго продолжал в таком духе, рисуя дело во всех подробностях. «Лунные сувениры» будут продаваться во всех книжных магазинах, на всех вокзалах, а также в аптеках и даже у входа на кладбище. Люди будут выстраиваться за ними в очередь. К каждому сувениру будет приложена копия свидетельств, писем и заверений, подписанных Рапом, Бреком и Проппом.

— Ладно,— прервал я его,— но я-то чем могу быть вам полезен?

Командор Цип с изумлением вытаращил глаза.

— Друг мой,— сказал он,— я очень люблю вас, но позвольте вам сказать, что как нет у вас глаз, чтобы видеть, точно так же нет и ушей, чтобы слышать! Разве я не сказал вам, что у меня, к сожалению, сейчас довольно затруднительное положение с деньгами?

— Нет, командор, об этом вы ничего не сказали мне.

— Возможно, возможно. Так или иначе, я говорю вам об этом теперь. Я могу собрать только пять миллионов. Другие пять должны дать вы. Тогда у нас все будет делиться поровну. Я охотно уступил бы вам и большую долю, но вы же понимаете, мне надо думать о детях, о семье. Пять миллионов даю я, пять — вы.

Я поостерегся признаться, что у меня нет не только пяти миллионов, но и пяти тысяч лир. Как раз в это утро я уплатил за квартиру, отдав последние остатки семейного бюджета. Мне пришла в голову другая мысль, но и тут я решил воздержаться от каких бы то ни было заявлений, а просто предложил:

— Пойдемте к привратнику брата...

— Пойдемте! — подхватил командор Цип, вскакивая с дивана.

На радостях он даже не заметил, что я опять что-то перепутал.

— Он ждет нас ровно в час у Траянской колонны.

— Прекрасное место для свиданий!

— Правда? Мы будем походить на обычных туристов. И никто, посмотрев на нас, не догадается, что у одного из нас лежит в кармане кусок Луны.

Было двенадцать пятьдесят, когда мы добрались до знаменитого монумента. Десять минут ожидания показались командору Ципу долгими, как десять столетий. Он буквально танцевал от нетерпения, и пакетик с лунной породой вдруг выскользнул у него из кармана и упал ему прямо на ногу.

— Ой! — невольно вскричал он, но тут же поправился. — Надо же, как удачно упал! Просто повезло!

— Bravo! Я вижу, вам нипочем даже такой удар камнем.

— Да что вы! Ведь упали он на землю... Он разбился бы!

— Все равно, чтобы сделать сувениры, его придется разбить, — сказал я.

Но командор Цип уже не слушал меня.

— Вот наш человек! — воскликнул он, указывая на кого-то в толпе прохожих.

Навстречу нам шел представительный синьор в нарядном костюме. Широкие поля соломенной шляпы закрывали его лоб, а глаза были скрыты за стеклами больших темных очков. Издали его можно было принять за адвоката, которому захотелось немного пройтись пешком, или за служащего префектуры, который шел в кафе выпить чашечку кофе. Он мог ввести в заблуждение кого угодно, только не меня. По той простой причине, что я его хорошо знал.

— Здравствуйте! — радостно приветствовал его командор Цип.

— Добрый день, добрый день, — церемонно ответил этот субъект, протягивая для приветствия обе руки. — Итак, все в порядке?

— В полном порядке! — ответил Цип. — Я привел своего друга. Он в курсе дела. Позвольте, я представлю вам его — доктор...

— Не надо, командор,— перебил я его,— мы уже знакомы.

— В самом деле? — удивился синьор в темных очках и почему-то вдруг забеспокоился.— По правде говоря, я что-то не припоминаю, чтобы имел честь...

— Не припоминаете? Впрочем, это понятно — вы же так заняты... У вас так много разных дел...

— Ну, значит, все в порядке! — обрадовался командор Цип, преисполненный энтузиазма.— Раз вы уже знакомы, можно считать, что дело сделано.

— Да,— ответил я,— дело завершено. И синьор вернет вам сейчас ваши двести тысяч лир...

— Как? Что? — изумился командор Цип.— Что вы такое говорите?

— А то, что этот синьор не далее как полгода назад и мне предлагал превосходнейшую сделку. Представляете, командор, он предлагал купить у него за сущие пустяки — всего за каких-нибудь полмиллиона — подкову коня императора Калигулы. Знаете, того самого коня, которого хозяин ввел в сенат и сделал сенатором... Синьор показал мне одну из его подков и дюжину разного рода документов, подписанных немецкими, французскими, чехословацкими и норвежскими учеными. Синьор, наверное, довольно близорук, потому что спустя два месяца он снова подошел ко мне и предложил купить у него мотыгу, которой Ромул, мир праху его, при известных обстоятельствах разбил голову своему брату Рему. Так что, как видите, этот синьор — крупный специалист по продаже разного рода сенсационных редкостей. И янисколько не удивлюсь, если он сейчас достанет из кармана яблоко, которым Ева соблазнила Адама, и предложит купить его по дешевке.

Синьор в темных очках повернулся и хотел было удалиться, но я успел ухватить его за рукав.

— Ну а теперь,— сказал я,— будьте благоразумны — верните деньги командору. И заберите этот кусок известки, который вы всучили ему.

Командор Цип выбрал именно этот момент для того, чтобы упасть в обморок. Видимо, слишком много волнений досталось бедняге в это утро.

Мы наклонились, чтобы поднять его, и пока он потихоньку приходил в себя, продавец Луны — в общем-то, наверное, добрый малый — объяснил мне:

— Я ведь только хотел пошутить! Клянусь вам, я пошутил. Ну можно ли верить первому встречному, что он продает кусок Луны? А он поверил! Вот я и догадался, что он такой же командор, как я. Никогда не встречал таких... таких наивных командоров.

— А он вовсе и не командор,— объяснил я.— Просто его так стали называть, потому что он очень толстый, вот кличка и приклеилась.

— Так, значит, он тоже из тех, кто торгует лунной породой! Ну, держите, вот его деньги. Тысячи лир не хватает. Я истратил их час назад на обед.

И я оставил ему еще тысячу — на ужин.

Могущество пустых банок

Мейство Дзербини провело выходной день в горах и собралось возвращаться в город по дороге через Чивитавеккья. Синьор Дзербини, большой любитель природы и порядка, посоветовал остальным Дзербини — супруге Оттавии, сыновьям Анджело и Пьеро, дочери Розелле, а также ее жениху Пьерлуиджи — не оставлять после себя мусора:

— Только не сгребайте в кучу, как обычно, а аккуратно разложите его повсюду. Посмотрите на этот куст — вы не оставили возле него ни одного бумажного стаканчика! Да, да, пусть каждое дерево получит свое! Не будем пристрастны. Грязные бумажные салфетки положите вон туда, под тот дуб. А пустые бутылки — под этот каштан. Вот так! Прекрасно получилось!

Пустых бутылок было три — из-под пива, оранжада и минеральной воды. Возле каштана они составили чудесный натюрморт. Анджело и Пьеро охотно поиграли бы в тир, кидая в них камнями, но, к сожалению, уже не было времени. Нужно было садиться в машину, не забыть при этом приемник, громкими гудками попрощаться с лесом и двигаться в путь. И они поехали. Вскоре стали спускаться с горы. Анджело и Пьеро сидели сзади и, глядя в окошко, строили рожицы едущим за ними шоферам, как вдруг с изум-

лением обнаружили, что бутылка из-под пива вовсе не осталась под каштаном, а ловко скачет за их машиной по шоссе, совсем рядом с бампером.

— Смотри, папа! — дружно воскликнули братья. — Бутылка из-под пива бежит за нами!

— Я посмотрю в чем дело, — сказала синьора Оттавиа мужу. — Не отвлекайся от руля.

Она обернулась и увидела, что к пустой бутылке из-под пива присоединились бутылки из-под оранжада и минеральной воды. Это милое трио прыгало, пританцовывало и старалось не отстать от машины.

— Ну прямо как собачки, — заметила Розелла, и жених согласился с ней.

— Ну-ка, папа, прибавь газу! Давай оторвемся от них! — предложили Анджеоло и Пьеро.

Но синьор Дзербини не мог прибавить скорость, потому что впереди шла машина, за которой тоже, постукивая по асфальту, бежала пустая бутылка из-под пива. И с нею за компанию спешили банки из-под мясных консервов и персикового компота. Пустые, разумеется. А следом за великолепной машиной самой последней марки, которая только что обогнала скромную малолитражку синьора Дзербини, презрительно фыркнув на нее выхлопной трубой, прихрамывая и перекатываясь, подскакивая и кувыркаясь, несло сразу несколько бутылок из-под шампанского и минеральной воды, а также банки из-под сардин и черной икры, дюжина пластмассовых тарелок и тому подобное. Все вместе они производили чудовищный грохот — не хуже группы ударников!

— Видите, — заметил синьор Дзербини, — за всеми бегут, не только за нами. Однако, если б полетела шина, я думаю, было бы хуже.

По виа Аурелиа тянулась уже целая вереница машин в сопровождении пустых пластмассовых и стеклянных бутылок и жестяных консервных банок — каждая со своим особым стуком и ритмом. Одни бежали совсем мелкими шажками, другие делали огромные прыжки, и всех сильно заносило на поворотах. В целом получалось довольно забавное зрелище, и синьор Дзербини даже вспомнил, что мальчиком играл на медных тарелках в «джазе оглашенных», в том самом, в котором еще раньше играл на мусорном ведре и на печной трубе его дядя.

Теперь Анджели и Пьеро попросили отца замедлить ход. Им хотелось посмотреть на пролетавшие мимо роскошные гоночные машины, за которыми мчались, не утрачивая своей элегантности, небольшие оплетенные соломкой бутылки, огромные пяти- и десятилитровые бутылки и разные другие достойные внимания сосуды.

Некоторое затруднение возникло дома — у лифта. Пустые бутылки, принадлежавшие семейству Дзербини, первыми прошли в кабину, не пропустив вперед даже синьору Оттавию, и пока поднимались вверх, ни минуты не стояли спокойно. Они отдавили ноги ребятам, порвали колготки Розелле, залезли в отвороты брюк Пьерлуиджи. Словом, ясно было, что прогулкой они остались недовольны. Войдя в квартиру, бутылки принялись носиться по коридору, а затем забрались в спальню.

Пивная бутылка залезла под подушку синьора Дзербини, бутылка из-под оранжада устроилась под ковриком на полу, а бутылка из-под минеральной воды ушла в ванную. О вкусах, как говорится, не спорят.

Ребят все это очень забавляло. Взрослых уже не очень. Розелла немного успокоилась после разговора по телефону с Пьерлуиджи. Он позвонил ей, чтобы пожелать спокойной ночи, и заодно сообщил:

— Знаешь, в моей постели оказалась банка из-под очищенных помидоров! А ведь я никогда не ем макароны с томатным соусом!

Банки и бутылки заснули быстро. Спали не толкаясь и не храпели. Словом, никому не мешали. Утром они раньше всех пошли в ванную и не бросили полотенца где попало, а повесили на место. Вскоре взрослые и дети разошлись по своим делам — кто в школу, кто на работу. А синьора Оттавия отправилась на рынок. Бутылки остались дома. Только теперь пустых емкостей было уже четыре, потому что из мусорного ведра выскочила банка из-под молотого кофе, с новенькой этикеткой, и сразу же принялась наводить порядок в раковине. Она с грохотом переставляла тарелки и стаканы, но ничего не разбила.

«Пожалуй, сегодня я не буду покупать продукты в банках и бутылках», — решила синьора Оттавиа.

По дороге ей то и дело встречались пустые банки и бутылки, которые шли по своим делам, строго соблюдая правила уличного движения: улицу они переходили только на зеленый свет. Вдруг синьора Оттавиа увидела, что какой-то синьор сунул в урну коробку из-под обуви. Но едва он отвернулся, как коробка выскочила из урны и — топ-топ-топ! — поспешила следом за ним.

— Слава богу, хоть тут ни для кого нет привилегий! — облегченно вздохнула синьора Оттавиа.

Во время обеда три бутылки и кофейная банка семейства Дзербини сидели на балконе — дышали свежим воздухом.

— Интересно, что они собираются делать дальше? — спросила синьора Оттавиа.

— По-моему, толстеть, — ответил синьор Дзербини.

— То есть?

— А ты посмотри! Видишь, бутылка из-под пива стала двухлитровой бутылкой. Сколько кофе было в этой банке?

— Полкило...

— Ну вот! А теперь в ней уместится пять кило, если не больше.

— Отчего же они так растут? Чем они питаются? — удивились Анджело и Пьеро, проявив научный интерес к проблеме.

— Очевидно, пустотой. Ведь они же пустые! — объяснил синьор Дзербини.

Вечерние газеты подтвердили его догадку. Они привели заявление профессора Банки-Банкини, специалиста по таре и упаковке, доцента коробковедения и консервологии, в котором говорилось:

«Речь идет о совершенно нормальном явлении. По причине, которая нам неизвестна и которую мы называем «причиной икс», пустые сосуды определенно стремятся стать еще более пустыми. Для этого они, разумеется, должны увеличиться в объеме. Нас крайне интересует, лопнут они в конце концов или нет».

— О боже! — воскликнула синьора Оттавиа, заметив, что бутылка из-под минеральной воды стала сзади нее и, заглядывая через плечо, читает газету.

А к вечеру эта бутылка стала выше холодильника. Две другие почти догнали ее в росте. Банка из-под кофе раздулась, как шкаф, и заполнила собой полови-

ну детской комнаты, куда заглянула из любопытства.

— Профессор сказал, что это совершенно нормальное явление,— успокоил жену синьор Дзербини.— Иными словами, нефеноменальный феномен, ясно? Впрочем, ты ведь не разбираешься в феноменологии.

— Я не разбираюсь, спору нет,— вздохнула синьора Оттавиа.— Но ты зато отлично разбираешься. Вот и скажи мне, где мы будем спать сегодня ночью?

Говоря это, синьора Оттавиа повела мужа в спальню и показала на кровать. На ней удобно устроились бутылки из-под пива и оранжада — словно две горы, накрытые одеялом, а на подушках сладко спали два горла без голов, вернее — без пробок.

— Ничего, ничего,— опять успокоил жену глава семьи.— В тесноте, да не в обиде! Тут и для нас места хватит. Нельзя же в конце концов думать только о себе.

За неделю банка из-под кофе так растолстела, что заняла всю детскую комнату. Пришлось прямо в нее поставить кровати и тумбочки. Анджело и Пьеро забавлялись игрой в консервированный зеленый горошек.

В комнате Розеллы вырос такой большой тюбик из-под крема, что в нем легко уместились диван-кровать, трюмо, многотомное издание «Мастера живописи», три большие вазы с цветами, рекламная афиша «Битлзы», проигрыватель, восточные туфельки, которые жених привез Розелле из Сараева, а также большая корзина, где хранились куклы и иногда спал кот.

На кухне бутылки из-под минеральной воды хватило ума расти невширь, а только в длину, и теперь она торчала из окна, словно пушечное дуло. Из многих окон соседних домов тоже торчали такие стеклянные дула, так что удивляться не приходилось.

Бутылки, спавшие в постели супругов Дзербини, тоже росли в горизонтальном направлении и нисколько не мешали им двигаться по комнате. Кроме того, в этом оказалось и свое преимущество — каждый мог теперь спать в своей бутылке. Синьора Оттавиа выбрала, разумеется, бутылку из-под оранжада — она терпеть не могла запах пива. Очень интересно было бы посмотреть на них ночью, когда они лежали в своих бутылках, словно модели парусников, сделанные ка-

ким-нибудь старым морским волком или каторжником, трудившимся над ними с бесконечным терпением. Но посмотреть нельзя — ведь на ночь они гасят свет.

Нечто подобное происходило во всех других домах в городе. Люди быстро научились залезать в бутылки и вылезать из них, а также из банок, в которых прежде было варенье или свежемороженые фрукты. Адвокаты принимали теперь клиентов, сидя в коробках из-под обуви или в книжных футлярах. В каждой семье нашлись свои пустые емкости, и каждая пустая емкость имела свою семью. Жить в банке или в коробке оказалось вполне удобно.

Емкости, которым не нашлось места в домах, что вполне понятно при нынешнем жилищном кризисе, расположились на площадях, улицах, в садах и скверах, заняли окрестные холмы. Огромная банка из-под мясных консервов накрыла памятник Гарибальди. Закрученная консервным ножом крышка этой банки немного мешала движению транспорта. Но городские власти, как всегда, позаботились о людях. Они построили над крышкой легкий деревянный мостик, и машины без труда преодолевали это препятствие. Розелла встречалась теперь со своим женихом в банке из-под соленых грибов — там стояла зеленая скамеечка. Мечтать, как известно, можно где угодно, было бы о чем. А запах грибов даже приятен.

Впрочем, кому какое дело до мелких забот семейства Дзербини? У каждого из ста тысяч жителей города были такие же заботы. Могущество пустых банок ставило другие, куда более важные проблемы. Однажды утром огромная коробка из-под макарон «Мамбретти» («Если они не «Мамбретти», то это уже не спагетти!») одним махом проглотила Колизей. В полдень того же дня купол святого Петра исчез в большой железной банке, на которой даже невооруженным глазом и на большом расстоянии можно было прочитать: «Мармелад». Газеты сообщили, что синьора Сеттимиа Дзерботти родила двух близнецов в банке, и муж на радость подарил ей золотой консервный нож. Телевидение передавало прямые репортажи о том, как консервные банки заглатывали гору Червино, Эйфелеву башню и Виндзорский замок. Как всегда, превосходно комментировал события Тито Жестянкини.

Тем временем один западногерманский астроном обменивался шифрованными телеграммами со своим американским коллегой. Оба заметили какой-то странный предмет, который, похоже, двигался из глубин космоса по направлению к Земле.

— Не комета ли это, профессор Бокс?

— Не думаю, профессор Шахермахер, хвоста ведь нет!

— Это верно. Однако какая странная форма... Похоже на...

— На что, профессор Шахермахер?

— А, вот на что! На коробку! На очень большую коробку!

— Действительно! Прямо какая-то суперкоробка! В ней уместится, пожалуй, не только Земля, но и Луна!

— Кстати, профессор Бокс, вы получили коробку из-под сигар, которую я вам послал?

— Да, спасибо! В ней очень удобно спать. А вы получили мою байку из-под крабов?

— Ну как же! Я устроил в ней библиотеку и поставил стереопроигрыватель.

— Тогда спокойной ночи, профессор Шахермахер!

— Спокойной ночи, профессор Бокс!

Профессор Угрозный, или Смерть Юлия Цезаря

Сегодня профессор Угрозный был выше своего обычного роста. Такое с ним часто случалось, особенно в те дни, когда он вел оярос. Студенты наловчились уже довольно точно определять его рост на глаз: «Ого! Он вырос по крайней мере на четверть метра!» Даже фиолетовые носки вылезли из-под коричневых брюк, а над носками виднелась белая полоска южки, которую обычно стыдливо прикрывают.

— Ну вот, — вздохнули студенты, — начинается! Надо было сегодня пропустить занятия...

Профессор Угрозный полистал свои бумаги и объявил:

— Я созвал вас, чтобы вырвать у вас истину, и никому не удастся уйти отсюда ни живым, ни мертвым, пока я не выведаю все. Ясно? Так вот... Посмотрим-ка списки ответчиков... Альбани, Альберти, Альбини, Альбони, Альбуччи... Ну ладно, попрошу сюда Цурлетти.

Студент Цурлетти, последний по алфавитному списку, уцепился за стол, пытаясь отдалить удар судьбы, прикрыл глаза и постарался представить себе, будто занимается подводной охотой у острова Эльба. Наконец он поднялся — медленно, точно многотонный корабль в шлюзах Панамского канала, и неохотно направился к кафедре, делая шаг вперед и тотчас же два назад. Профессор Угрозный просверлил его убийственным взглядом и осыпал градом ехидных реплик:

— Дорогой Цурлетти, я требую признания в ваших же интересах. И чем быстрее вы ответите, тем скорее обретете свободу. Кроме того, вы же знаете, что у меня достаточно средств, чтобы развязать вам язык. Отвечайте быстро, не утаивая: когда, как, кем, где и почему был убит Юлий Цезарь? Уточните, как был одет в этот момент Брут, какой длины была борода у Кассия и где находился во время убийства Марк Антоний? Не забудьте сказать, какого размера обувь носила супруга диктатора, а также сколько и каких монет она потратила в то утро, покупая на базаре сыр.

От этой лавины вопросов студент Цурлетти закачался... У него задрожали уши... Но Угрозный был неумолим.

— Сознавайтесь! — грозно потребовал он и вырос еще на пять сантиметров.

— Я требую адвоката... — пролепетал Цурлетти.

— Не выйдет! Здесь не квестура и не трибунал. На адвоката у вас такое же право, как на бесплатный билет до Азорских островов. Ну-ка отвечайте незамедлительно, какая была погода в день преступления?

— Не помню...

— Еще бы! Уверен, вы не помните даже, присутствовал ли там Цицерон и запасся ли он зонтиком или слуховой трубкой, прибыл он в коляске или на такси...

— Не помню... — снова пролепетал Цурлетти, но наконец пришел в себя. Он почувствовал поддержку товарищей, которые, видя, какие титанические усилия ему нужны, чтобы выдержать натиск инквизитора, знаками подбадривали его. Он вскинул голову и заявил:

— Вы не выжмете из меня ни слова!

Аудитория взорвалась аплодисментами.

— Тихо! — возмутился Угрозный. — Или я прикажу очистить помещение!

Но тут последние силы покинули Цурлетти, и он упал в обморок. Угрозный велел позвать служителя, и тот вылил на несчастного ведро воды. Цурлетти открыл глаза и жадно слизал капли:

— Господи, вода-то соленая!

Муки его достигли предела.

Профессор Угрозный тем временем вытянулся до самого потолка и набил себе шишку.

— Признавайся, разбойник! Иначе я возьму твою семью в заложники!

— Ах, только не это, только не это...

— Нет, будет именно это! Служитель!

Сейчас же появился служитель. Он втолкнул отца Цурлетти, почтового служащего тридцати восьми лет. Руки у него были связаны за спиной, голова опущена. Едва слышным голосом — его не хватило бы даже, чтобы произнести «Алло!» в телефонную трубку, — он сказал сыну:

— Признайся, дорогой Альдуччо! Сделай это ради отца твоего! Ради матери, что обливается слезами! Ради сестер-монашек...

— Хватит! — загремел профессор Угрозный. — Уходите!

Цурлетти-отец ушел, постарев прямо на глазах. Пряди седых волос бесшумно сыпались с его головы.

Студент Цурлетти громко всхлипнул. Тогда поднялся со своей скамьи великодушный, как всегда, студент Цурлини и твердо заявил:

— Профессор, я согласен отвечать!

— Наконец-то, — облегченно вздохнул профессор. — Наконец-то вы всё скажете мне.

Студенты пришли в ужас при мысли, что вскормили у себя на груди фискала. Они еще не знали, на что способен великодушный Цурлини.

— Юлий Цезарь, — произнес он, притворяясь, будто краснеет от стыда, — скончался, получив двадцать четыре удара кинжалом.

Профессор Угрозный так изумился, что не в силах был даже шевельнуть губами. Его рост мгновенно уменьшился на несколько дециметров.

— Как? — пробормотал он. — Разве их было не двадцать три?

— Двадцать четыре, ваша честь! — не колеблясь, повторил Цурлини.

— Но у меня есть доказательства! — возразил Угрозный. — В моем сейфе хранится ода нашего прославленного Поэта, где он описывает переживания статуи Помпея в тот миг, когда Цезарь упал, сраженный кинжалами заговорщиков. Вот точная цитата, прямо из подлинника:

Недвижный мраморный Помпей
Шептал неслышно: «Ах, злодей!
Он ранен. Боже! Посмотри,
Ты видишь, Цезарь, двадцать три!»

Вы слышите — двадцать три! — повторил профессор. — И нечего наводить тень на плетень своими выдумками!..

Но студенты, сообразив, в чем дело, поддержали Цурлини и хором закричали: «Двадцать четыре, двадцать четыре!..»

Теперь наступила очередь Угрозного испытать муки сомнения. Рост его стремительно уменьшился. Он стал ниже преподавательницы математики. Да что там — его лоб оказался уже на уровне кафедры, и, чтобы видеть студентов, ему пришлось привстать на цыпочки.

Это зрелище не могло не тронуть золотое сердце студента Альберти, о котором все говорили, что в Новый год он получит премию за доброту.

— Профессор, — робко заговорил он. — Показания статуи Помпея можно легко проверить. Достаточно провести учебную экскурсию в Древний Рим, присутствовать при убийстве Цезаря и самим сосчитать раны, которые он получит.

Угрозный охотно схватился за якорь спасения. Он немедленно связался по телефону с агентством «Хроно-Тур», и через минуту студенты уже садились в машину времени, а пилот настраивал приборы на марс 44 года до нашей эры. Достаточно было всего нескольких минут, чтобы пересечь века, которые не создают никакого трения ни в воздухе, ни в воде. Студенты вместе с профессором оказались в толпе возле Сената, где ожидалось прибытие сенаторов.

— А Юлий Цезарь уже прибыл? — спросил Угрозный какого-то незнакомца, которого звали Кай.

Тот не понял его и обратился к своему приятелю:

— Что надо этому чудаку?

Угрозный вспомнил, что в античном Риме говорили на латинском языке, и повторил вопрос по-латыни. Но древние по-прежнему ничего не понимали и только усмехались:

— Интересно, откуда взялись эти дикари? Явились в Рим и даже не потрудились выучить ни одного слова по-римски!

Очевидно, школьная латынь не годилась для общения с античными римлянами и помогала не больше, чем миланский диалект или каракалпакский язык. Студенты откровенно посмеивались. Не все, однако. Цурлини был весьма озабочен. Он солгал, чтобы спасти Цурлетти, а сейчас все узнают, что кинжальных ударов было на самом деле двадцать три. Он будет выглядеть лгуном и обманщиком. Что делать? Вот Угрозный уже нарисовал в блокноте двадцать четыре кружочка и держал карандаш наготове. С каждым ударом он будет зачеркивать кружочек... Мамбретти, известный шутник, надул двадцать четыре воздушных шарика. Он будет прокалывать их по одному с каждым ударом и записывать звук лопающихся шариков на магнитофонную ленту... Зубрилы прихватили с собой японский калькулятор на транзисторах... Брагулья приготовил кинокамеру с двойным фильтром и телеобъективом, чтобы снять происходящее на цветную пленку.

«Что же делать?» — думал Цурлини.

Но тут на сцену ввалилась целая толпа американских туристов. Они очень шумели, жевали резинку и подняли такой гвалт, что заглушили даже сигнал трубы, объявивший о прибытии Цезаря. Внезапно возникла группа итальянских телевизионщиков. Они намерены были снимать документальный фильм для рекламы кухонных ножей. Режиссер энергично распоряжался:

— Эй вы, заговорщики, давайте левее!

Переводчик повторял его приказы на древнеримском языке. Сенаторы протискивались вперед, чтобы попасть в кадр, и махали ручкой: «Чао, чао!» Юлию Цезарю все это порядком надоело, но он ничего не мог сделать. Теперь он больше не командовал здесь. Режиссер приказал слегка попудрить его, а то он слиш-

ком бликовал. А затем события стали разворачиваться еще стремительнее. Заговорщики выхватили кинжалы и нанесли Цезарю ужасные удары. Но режиссер остался недоволен.

— Стоп! Стоп! Зачем так столпились? Не видно даже, как льется кровь. Все сначала!

— Какая досада! — проворчал Мамбретти. — Напрасно истратил тринадцать шариков.

— Мотор! — раздался голос. — «Смерть Юлия Цезаря». Дубль два.

— Начали! — скомандовал режиссер.

Заговорщики вновь нанесли удары. И опять все было испорчено, потому что кто-то из американских туристов выплюнул на землю жевательную резинку. Брут поскользнулся на ней, упал у ног какой-то дамы из Филадельфии, и та, испугавшись, уронила сумочку. Все сначала!

«Черт побери, надо же!» — ругался про себя Цурлини.

Но тут его мучениям неожиданно пришел конец. Студенты вновь оказались в машине времени и направились в двадцатый век.

— Предательство! — вскричал профессор Угрозный.

— Ошибаетесь, — ответил пилот. — Контракт был заключен на час, и время истекло. Наша фирма не виновата, если вы не увидели все, что хотели. Требуйте возмещения убытков от телевидения. Так или иначе, у меня есть для вас приятная новость. Фирма «ХроноТур» предлагает вам в качестве подарка пятиминутную остановку в средних веках, где вы можете присутствовать при изобретении пуговиц.

— Пуговиц? — удивился Угрозный. — Вы предлагаете мне пуговицы вместо кинжалов? Но какое нам дело до ваших пуговиц?

— Ну как же, это очень нужная вещь, — спокойно объяснил пилот. — Не будь пуговиц, вы потеряли бы свои брюки.

— Хватит! — зарычал Угрозный. — Немедленно доставьте нас в наши дни.

— Что касается меня, так я с большим удовольствием, — ответил пилот. — Раньше освобожусь и успею побриться, прежде чем идти в кино.

— А что вы собираетесь смотреть? — спросили студенты.

— «Фантомас разбушевался».

— Потрясающе! — вскричали студенты. — Профессор, а что, если и нам махнуть вместе с ним?

Профессор Угрозный явно колебался. Что-то в это утро было сделано неверно. Но что именно? Может быть, в таинственной полутьме кинозала он сможет поразмышлять над этим и найдет верный ответ...

— Ладно, идем на Фантомаса, — вздохнул он.

Цурлетти и Цурлини обнялись. Остальные издали восторженные крики.

Альберти, золотое сердце, как раз в этот момент, когда они пересекли границу прошлого века, потихоньку выбросил из машины свой охотничий нож, которым собирался продырявить Цезарю двадцать четвертую рану, чтобы не обнаружилась ложь Цурлини. Замечательный человек, этот Альберти! И если в Новый год ему вручат премию за доброту, это будет очень хорошо, просто прекрасно!

Пришельцы и Пизанская башня

Однажды утром синьор Карлетто Палладино пришел, как всегда, к подножию Пизанской башни продавать сувениры. И вдруг, взглянув случайно на небо, увидел, что высоко в воздухе висит огромный золотисто-серебристый космический корабль, а от него отделяется какой-то предмет, скорее всего вертолет, и опускается прямо на знаменитую Пизанскую Площадь Чудес.

— Смотрите! — воскликнул синьор Карлетто. — Космические пришельцы!

— Спасайся кто может! — закричали туристы на всех языках.

Но сам синьор Карлетто и не подумал бежать. Как же он может бросить свой лоток, на котором аккуратными рядами стоят десятки миниатюрных копий Па-

дающей башни, сделанных из гипса, мрамора и алебаstra.

— Сувенир! Купите сувенир! — закричал он, предлагая космическим пришельцам свой товар, и они приветливо замахали ему сразу двенадцатью руками, хотя из космического корабля вышло всего трое. У каждого, оказывается, было по четыре руки.

— Бегите сюда, синьор Карлетто! — звали его издали другие продавцы сувениров, притворяясь, будто тревожатся за него. На самом же деле они досадовали, что у него, возможно, купят сувениры, а у них нет. Но подойти ближе, чтобы предложить гостям свои статуэтки, они не решались.

— Сувенир! Купите сувенир!

— Ладно, низаец, подожди! — ответил вдруг ему космический голос. — Сначала надо познакомиться.

— Карлетто Палладино, к вашим услугам.

— Дамы и господа, — продолжал голос с великодушным итальянским произношением. — Просим извинить нас за беспокойство. Мы прилетели с планеты Карп, которая находится от вас на расстоянии тридцати семи световых лет и двадцати семи сантиметров. Мы пробудем здесь всего несколько минут. Не бойтесь нас, потому что мы тут в командировке по торговым делам.

— Я-то сразу это понял, — заметил синьор Карлетто. — Деловые люди всегда быстро находят общий язык.

Усиленный невидимым громкоговорителем космический голос несколько раз повторил обращение, и вскоре туристы, продавцы сувениров, ребятишки и любопытные выглянули из укрытий, куда сирятались поначалу, и, постепенно набираясь храбрости, стали подходить ближе. С воем сирен подлетели машины полиции, carabinieri, пожарных и городских стражников, чтобы поддержать общественный порядок. Прибыл и мэр города — верхом на белой лошади.

— Дорогие гости! — произнес он, после того как трижды протрубили фанфары. — Мы рады приветствовать вас в древнем и прославленном городе Пиза у подножия древней и прославленной колокольни. Если бы мы знали заранее о вашем визите, мы устроили бы вам встречу, достойную древней и прославленной планеты Карп. К сожалению...

— Спасибо,— перебил его один из космических пришельцев, двигая двумя из своих четырех рук.— Вы не беспокойтесь. Дела у нас самое большое на четверть часа.

— Не хотите ли вымыть руки? — предложил мэр.— Я как раз принес вам несколько гостевых билетов в дневную гостиницу.

Космические пришельцы, не обращая на него никакого внимания, направились к колокольне и, подойдя ближе, потрогали ее, словно проверяя, действительно ли она существует. Потом они заговорили о чем-то между собой на языке, очень напоминающем каракалпакский, но в то же время и не очень отличающемся от кабардино-балкарского. Судя по лицам, видневшимся в скафандрах, гости, как все настоящие карпианцы, очень походили на краснокожих индейцев.

Мэр опять обратился к ним с любезным предложением:

— Не хотите ли встретиться с нашим правительством, с нашими учеными и прессой?

— Зачем? — удивился главный из трех пришельцев.— Зачем мы будем беспокоить столько важных людей? Мы заберем башню и улетим.

— Заберете... что?

— Башню.

— Извините, синьор карпианец, я, наверное, плохо вас понял. Должно быть, вы хотите сказать, что вас интересует башня. Вернее, что вы и ваши друзья хотите подняться наверх, полюбоваться панорамой и заодно, чтобы не терять время, провести несколько научных экспериментов с падением тела?

— Нет,— снова терпеливо разъяснил карпианец,— мы прилетели сюда для того, чтобы ЗАБРАТЬ башню. Нам надо отвезти ее на нашу планету. Видите вон ту синьору? — И он показал на одного из своих спутников.— Это синьора Болл-Болл, которая живет в городе Бульон, в нескольких километрах от столицы Северной Карпианской республики.

Космическая синьора, услышав свое имя, живо обернулась и встала в позу, думая, что ее собираются фотографировать. Мэр извинился, что не умеет фотографировать, и снова заговорил о главном:

— При чем тут синьора Болл-Болл? Речь идет о том, что без разрешения начальника управления по охране памятников искусства вы не смеете даже пальцем тронуть башню, не то что забрать ее!

— Вы не поняли меня,— объяснил главный карпианец,— синьора Болл-Болл выиграла Пизанскую башню в нашем конкурсе покупателей. Постоянно покупая знаменитые бульонные кубики «Брик», она набрала миллион очков, и ей полагается вторая премия, то есть ваша Падающая башня.

— Вот как! — воскликнул мэр. — Неплохо придумано!

— Вообще-то мы немножко иначе выражаем эту мысль. У нас говорят: «Какой шик, этот бульон «Брик»!»

— Д-да... А первая премия что собой представляет?

— Какой-то остров в Средиземном море.

— Ничего себе! У вас, я вижу, особое пристрастие к нашей Земле.

— Да, ваша планета у нас очень популярна. Наши летающие тарелки отсняли ее вдоль и поперек, и многие фирмы, производящие бульонные кубики, намеревались предлагать разные земные вещи в качестве призов на своих конкурсах. Но фирма «Брик» сумела добиться у правительства монополии на это.

— Теперь я вас понял как нельзя лучше! — воскликнул мэр. — Я понял, что Пизанская башня, по вашему мнению, ничья! И ее может взять каждый, кто захочет.

— Синьора Болл-Болл поставит ее у себя в саду. Она будет иметь, конечно, успех, большой успех. К ней станут съезжаться карпианцы со всей планеты, чтобы посмотреть на башню.

— Моя бабушка! — вскричал мэр. — Видите, на этом снимке моя бабушка. Я дарю вам его! Пусть синьора Болл-Болл поместит его в своем саду, чтобы похвастаться перед приятельницами. Но башню трогать нельзя! Вы меня поняли?

— Видите? — спросил глава космических пришельцев, указывая на одну из пуговиц своего костюма. — Вы это видите? Стоит нажать, и вся ваша Пиза, вместе с башней разумеется, взлетит на воздух и больше никогда не вернется на Землю.

Мэр окаменел от изумления. Толпа вокруг тоже замерла в жутком испуге. Слышно было только, как на другом конце площади какая-то женщина звала:

— Джорджина! Ренато! Джорджина! Ренато!

А синьор Карлетто Палладино подумал про себя: «Вот как очень вежливо можно добиться чего угодно!»

Он не успел закончить эту важную мысль, как башня... исчезла, и на ее месте осталась ямка, в которую со свистом устремился воздух.

— Видели? — спросил глава космических пришельцев. — Все очень просто.

— Что вы наделали? — вскричал мэр.

— Да вот же она, — сказал карпианец. — Мы только немного уменьшили ее, чтобы легче было транспортировать. А потом, когда установим в саду синьоры Болл-Болл, снова увеличим до нормальных размеров.

И действительно, на том месте, где только что висел Падающая башня, стояла совсем крохотная башенка, совершенно такая же, как на лотке синьора Карлетто Палладино.

Толпа испустила долгое: «О-о-ох!» И в то же время с другого конца площади снова донесся голос женщины, которая звала своих детей:

— Ренато! Джорджина!

Синьора Болл-Болл наклонилась было, чтобы взять мини-башню и положить ее в сумочку, но тут кто-то, а точнее синьор Карлетто Палладино, опередил ее, кинувшись на жалкие остатки древнего и прославленного памятника, подобно тому как собаки (во всяком случае, так говорят) бросаются на могилу хозяина. От неожиданности и удивления карпианцы замерли на мгновение, но затем всеми своими многочисленными руками легко подхватили синьора Карлетто, приподняли и отставили подальше.

— Ну вот, все в порядке, — сказал глава пришельцев. — Теперь у нас есть башня, а вам остаются многие другие красивые вещи. Дело, по поводу которого мы прилетели сюда в командировку за счет фирмы «Брик», закончено. Нам остается только поблагодарить вас и попрощаться.

— Идите вы к черту! — вскипел мэр. — Пираты! Вы еще пожалеете об этом! Рано или поздно у нас тоже будут летающие тарелки...

— А бульонные кубики и конкурсы покупателей уже есть! — добавил кто-то из толпы.

— Вы еще пожалеете об этом! — повторил мэр.

Громко щелкнул замок сумочки, которую синьора Боля-Болл захлопнула с чисто карпинским темпераментом. Громко заржала лошадь мэра, но неясно было, что она хочет этим сказать. А затем все услышали робкий голос синьора Карлетто:

— Извините, синьор карпинанец...

— Ну что еще?

— У меня к вам просьба...

— Прощение? Тогда, пожалуйста, с гербовой маркой.

— Но это совсем пустяк! Поскольку синьора Болл-Болл уже получила свою премию... Может быть, вы...

— Что еще?

— Видите ли, у меня тут есть небольшая модель нашей прекрасной колокольни. Мраморная безделушка, как видите. Вам ведь никакого труда не составит увеличить ее до натуральной величины. А у нас таким образом останется приятное воспоминание о нашей башне.

— Но это же будет подделка, не имеющая никакой историко-художественно-падающей ценности? — удивился глава пришельцев. — Это все равно что пить цикорий вместо кофе.

— И все-таки, — настаивал синьор Карлетто, — нас это устроит.

Глава пришельцев объяснил странную просьбу своему коллеге и синьоре Болл-Болл, и те рассмеялись.

— Что за глупость! — возмутился мэр. — Не нужен нам никакой цикорий!

— Подождите, синьор мэр, подождите! — попросил его синьор Карлетто.

— Ладно, — согласился глава пришельцев, — давай сюда!

Синьор Палладино вручил ему свою модель. Глава пришельцев поставил ее на то место, где прежде висела башня, направил на нее пуговицу своего костюма (другую, не ту, которая взрывает) и... Вот она! Готова! Пизанская башня снова оказалась на своем месте.

— Тоже еще! — продолжал возмущаться мэр. — За версту видно, что фальшива, как Иуда. Сегодня же прикажу снести этот позор.

— Как вам угодно, — ответил глава пришельцев. — Ну, а мы полетели. До свидания, и привет семье!

Карпианцы сели в свой вертолет, вернулись в золотисто-серебряный космический корабль, и в тот же момент в небе остался лишь одинокий воробышко, который подлетел к башне и уселся на самом верху.

А затем произошла совсем странная вещь. На виду у всей этой огорченной толпы, прямо перед рыдающим мэром синьор Карлетто Палладино затанцевал тарантеллу.

— Бедняжка, — сказал кто-то. — Он сошел с ума от огорчения.

— Это вы сошли с ума! — вскричал синьор Карлетто. — Глупцы и недоумки — вот вы кто! И такие же невнимательные, как лошадь мэра. Вы и не заметили, как я подменил башню под самым носом у карпианцев?

— Но когда?

— Когда упал на маленькую башню, притворившись, будто кидаюсь, словно собака, на могилу хозяйна. Я подменил ее одним из моих сувениров. В сумочке синьоры Болл-Болл лежит фальшивая башня! А настоящая — вот она! И они даже снова увеличили ее до прежних размеров. И еще посмеялись над этим. Да посмотрите, посмотрите! Почитайте надписи, которые мы нацарапали на ней...

— Это верно! Верно! — закричала какая-то женщина. — Вот имена моих детей — Джорджины и Ренато. Они написали их шариковой ручкой как раз сегодня утром!

— Ай да молодцы! — заявил городской стражник, внимательно осмотрев надпись. — И в самом деле шариковой ручкой. А вы, синьора, штраф уплатите сейчас или счет прислать домой?

Но штраф на этот раз великодушно оплатил из своего кармана синьор мэр. А синьора Карлетто Палладино все стали превозносить до небес. Впрочем, для него это была только пустая трата времени, потому что он терял покупателей, — ведь туристы покупали сувениры у его конкурентов.

Для кого прядут три старушки

х и зловерные же были боги в древних мифах! Однажды, например, Зевс обидел Аполлона, просто так, из прихоти. Аполлон не забыл этого и, как только представился случай, отомстил ему — убил нескольких циклопов, одноглазых чудовищ.

Спрашивается, что общего между маслом и железной дорогой и какое отношение имеют циклопы к Зевсу?

Имеют! И самое прямое! Ведь они поставляют ему молнии. Зевс надышаться на них не мог. Ведь не было другой фирмы, которая производила бы молнии такого же отличного качества, как эта. Когда же ему сказали, что из-за Аполлона приостановилось их производство, Зевс не на шутку разгневался и послал ему обвинение в преступлении. Пришлось Аполлону предстать перед Зевсом — все-таки как-никак царь богов.

— Так, мол, и так,— сказал Зевс.— В наказание отправишься в ссылку. На землю. На семь лет. И все это время будешь прислуживать, словно раб, Адмету, королю Фессалии.

Аполлон не стал спорить с Зевсом. Он был парень сильный, здоровый, умел расположить к себе. С Адметом они жили в согласии и даже подружились. А спустя семь лет Аполлон вернулся на Олимп. Идет он домой, а его приветствуют с балкона какие-то старушки, которые сидят там и прядут пряжу.

— Как поживает ваш ревматизм? — вежливо осведомился он.

— Не жалуемся,— ответили три старушки — три Парки.

(Догадались? Ну да, те самые богини, от которых зависит судьба каждого человека на земле — с самого рождения до смерти. Каждому человеку они прядут нить его судьбы, а когда обрезают ее, то человек, значит, уже может писать завещание.)

— Вижу, работа у вас продвинулась,— заметил Аполлон.

— Что верно, то верно. Эту нить мы уже, пожалуй, закончили. А знаешь, кстати, чья она?

— Нет.

— Короля Адмета. Нам осталось прясть всего два или три дня.

«Черт возьми! — подумал Аполлон. — Вот не повезло бедняге. Я оставил его в добром здравии, а он, оказывается, вот-вот умрет».

— Послушайте, — сказал он старушкам, — Адмет мой друг. Не могли бы вы дать ему пожить еще несколько лет?

— Каким же это образом? — удивились Парки. — Мы ничего не имеем против него. Прекрасный человек! Но раз пора, значит, пора. Смерть должна взять свое.

— Но ведь он не так уж и стар!

— Дело не в возрасте, сокровище наше! А ты что, очень дружен с ним?

— Ну да, я же сказал вам, что мы большие друзья!

— Пожалуй, мы могли бы сделать так. Мы могли бы оставить его нить на некоторое время в покое и не рвать ее, но при одном условии — если найдется человек, который согласится умереть вместо него. Согласен?

— Еще бы! Спасибо большое!

— Не за что!

Аполлон даже не забежал домой посмотреть почту, а сразу же вернулся на землю и поспешил к Адмету. Тот как раз собирался в театр.

— Послушай, Адмет, — сказал он. — Так, мол, и так и так далее. Словом, ты был на волосок от смерти, но теперь зато надо устроить другие похороны. Найдешь кого-нибудь, кто согласится лечь вместо тебя в гроб?

— Да уж наверное, — ответил Адмет, наливая себе рюмочку вина покрепче, чтобы прийти в себя от испуга. — Король я или не король? Моя жизнь слишком важна для государства! Черт возьми, ты, однако, заставил меня поволноваться!

— Что поделаешь! Се ля ви! ¹

— Нет, нет! Тут как раз наоборот...

— Ну ладно, чао!

— Чао, Аполлон, чао! Даже не знаю, как и благодарить тебя. Пошлю тебе ящик того вина, которое так нравилось тебе когда-то.

¹ Такова жизни! (фр.).

«Черт возьми! — подумал Адмет, едва остался один. — Надо же, как получается! Хорошо еще, что у меня есть знакомства в верхах!»

И он велел позвать своего самого верного слугу, рассказал ему, как обстоят дела, дружески хлопнул его по плечу и велел приготовиться.

— К чему, ваше величество?

— И ты еще спрашиваешь? К смерти, разумеется. Не откажешь ведь ты мне в этой услуге? Разве я был плохим хозяином для тебя? Разве не платил тебе всегда сверхурочные, не давал ссуды и тринадцатую зарплату?

— Конечно, конечно.

— Вот и я так думаю. Так что поторопись, не теряя времени даром. Ты подумай о смерти, а я позабочусь обо всем остальном — похороны по первому разряду, мраморное надгробие, пенсия вдове, стипендия сыну... Согласен?

— Согласен, ваше величество. Завтра утром буду готов.

— Почему завтра утром? Никогда не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня!

— Мне нужно написать письма, сделать кое-какие распоряжения...

— Ну ладно, завтра утром. Только пораньше.

— На рассвете, сир, на рассвете.

Однако на рассвете верный слуга был уже далеко в море, на финикийском корабле, который увозил его в Сардинию. И нельзя было даже напечатать его фотографию в газетах под рубрикой «Кто его видел?», потому что газеты тогда еще не были изобретены. И фотография тоже.

Для Адмета это был тяжелый удар. Он даже заплакал. Вот и доверяйся после этого верному слуге в трудную минуту.

Адмет велел подать карету и отправился к родителям, которые жили за городом в прелестной вилле с паровым отоплением и прочими удобствами.

— Что ж, — сказал он, — вы единственные люди, кто по-настоящему любит меня.

— О да, в этом ты можешь не сомневаться!

— Вы единственные, к кому я могу обратиться с любой просьбой!

— Хочешь попробовать эту прекрасную редиску с нашего огорода? — осторожно спросили старики.

Когда же они узнали, что ему нужно, у них начался нервный тик.

— Адметик, — сказали они, — мы дали тебе жизнь, а теперь ты хочешь взамен взять нашу. Вот так благодарности!

— Но вы ведь одной ногой и так уже стоите в могиле!

— Вот придет наш час, тогда и умрем. А пока еще рано. И тогда мы не станем просить тебя умереть вместо нас.

— Понимаю, понимаю. Очень вы меня любите, конечно, очень...

— И он еще недоволен! Это после того, как мы оставили ему трон и виноградник.

Адмет машинально взял редиску с тарелки, которую мать поставила перед ним, и положил ее в рот. Потом выплюнул ее, вскочил в карету и вернулся в свое королевство.

Одного за другим стал он вызывать своих министров, генералов, адмиралов, придворных, мажордмов, адвокатов, нотариусов, астрологов, драматургов, богословов, музыкантов, поваров, егерей... И все они один за другим отвечали:

— Ваше величество, я бы со всей радостью умер за вас, но у меня три старые тетушки! Что будет с ними?!

— Сир, хоть сию минуту, немедленно! Но я только вчера ушел в отпуск...

— Хозяин, поймите бога ради, я же должен закончить свои воспоминания...

— Подлецы! — вскричал Адмет, топая ногами. — Выходит, все вы так боитесь смерти? Я прикажу отрубить вам головы! Мне это все равно не поможет, потому что только доброволец может спасти меня, зато я по крайней мере умру не один... И мы всей компанией отправимся в ад.

Придворные заплакали, застучали от страха зубами. Адмет приказал сунуть всех до одного в самую мрачную камеру, а палачу велел наточить топор. Сам же тем временем пошел к жене выпить апельсинового соку, чтобы утолить жажду.

— Альчести, дорогая, — сказал он ей с обреченным видом, — нам придется проститься раз и навсегда. Так,

мол, и так. Парки и так далее. Аполлон — настоящий друг и тому подобное. Все очень любят меня, но никто не соглашается умереть вместо меня.

— Из-за этого ты так расстраиваешься? А меня почему не спросил?

— Тебя?

— Ну конечно! Я умру вместо тебя. Это так просто.

— Ты с ума сошла, Альчести! Я не перенесу этого! Ты не представляешь, как я буду плакать на твоих похоронах!

— Поплачешь, а потом все пройдет.

— Нет, не пройдет.

— Да уж поверь мне, пройдет, и ты еще будешь долго жить, счастливый и довольный.

— Думаешь?

— Уверю тебя!

— Ну тогда... Если так... Раз ты так хочешь...

Они расцеловались на прощание. Альчести ушла в свою комнату и умерла. Королевство огласилось плачем и криками. Адмет рыдал громче всех. Тем не менее выпустил на свободу министров, поваров и всю прочую компанию, велел звонить по усопшей и приспустить флаги, вызвал представителя похоронного бюро и договорился с ним о похоронах. И когда он обсуждал, какие должны быть ручки у гроба, слуга объявил ему, что пришел гость.

— Геракл, друг мой!

— Чао, Адмет! Я тут шел мимо, по пути в сады Гесперид, где мне надо украсть золотые яблоки, и решил заглянуть к тебе ненадолго.

— И прекрасно сделал! Я б тебе не простил, если б ты не зашел ко мне.

— Кстати, — сказал Геракл, — я вижу, у вас траур.

— Да, — ответил Адмет торопливо, — умерла тут одна женщина. Но тебе незачем огорчаться. Гость для нас дороже всего. Я велю приготовить тебе хорошую ванну, а потом мы поужинаем и вспомним старые добрые времена.

Легендарный гигант отправился принимать ванну. Это было весьма кстати. Постоянно совершая свои героические подвиги, убивая чудовищ, чистя Авгиевы конюшни и делая разного рода другие тяжелые и трудные работы, он, конечно, не часто имел возможность

принять душ. Он с удовольствием потирал себе спину щеткой и напевал любимую песенку:

О, Геракл,
Мой Геракл,
Ты силен, как Геракл,
Ты...

— Господин,— шепнул ему слуга,— вам бы не следовало петь, ведь умерла наша добрая хозяйка.

— Что? Кто умер?

Словом, Геракл все узнал и очень удивился, что Адмет не сказал ему, как обстоят дела. Бедная Альчести! И бедный Адмет! Он чуть не расплакался, когда подумал...

— А зачем, собственно, плакать! — воскликнул он, выскочив из ванны.— Тут надо действовать, а не плакать! Эй, кто там... Слуга! Где моя палица? Кажется, я оставил ее в прихожей, рядом с зонтиком.

Геракл схватил свою палицу, побежал на кладбище и спрятался у могилы, где должны были похоронить Альчести. И когда увидел Смерть, бесстрашно набросился на нее и давай дубасить своей палицей. Смерть защищалась ударами косы, но так как она была умна, то быстро поняла, что Геракл сильнее ее, и пошла на попятную.

Геракл радостно рассмеялся и, напевая песенку, вернулся в королевство. Люди неодобрительно смотрели на него: кто же поет, когда в стране траур! Но он знал, что делает.

— Адмет! Адмет! Все в порядке.

— Что в порядке?

— Я прогнал эту старуху с косой! Альчести будет жить!

Адмет побледнел так, что белее уже и нельзя быть. И страх вновь обрушился на него. Он услышал чьи-то шаги. Обернулся... Это была Альчести! Живая! Она шла к нему с таким видом, будто хотела попросить прощения...

— Так вы недовольны? — растерялся Геракл.— В чем дело? Давайте же веселиться!

Но где там! Кажется, похороны только начались. Адмет упал в кресло и задрожал так, что на него было

жалко смотреть. Альчести стояла, виновато опустив глаза.

— Ну так я же...— сказал Геракл, вытирая со лба пот.— Я же хотел порадовать вас, а выходит вроде наоборот... Да, в наши дни не всегда угадаешь, как вести себя с друзьями! Ну ладно, я, пожалуй, пошел... Пишите, если что...

И он ушел недовольный, помахивая своей палицей. Адмет прислушался. Ему показалось, он слышит какой-то очень далекий шум... Где-то далеко, на своем балконе три старушки прядут... Прядут. Интересно для кого...

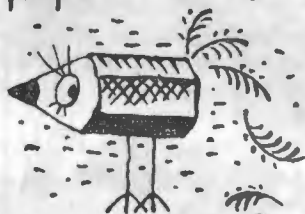

Давайте

играть!

Эта книжка, ребята,— игра. Сказки в ней необычные — у каждой сразу три конца.

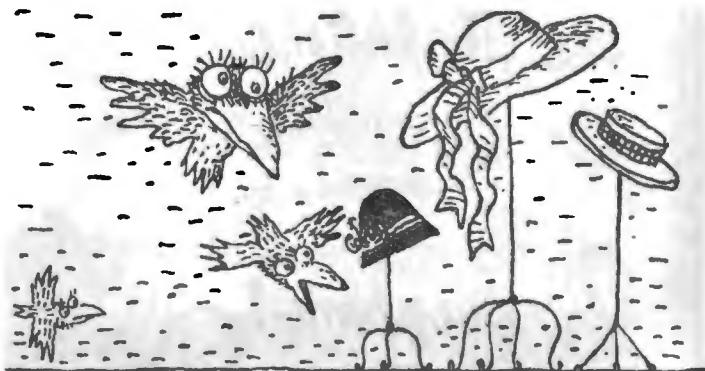
А играть надо так. Прочитайте сказку, рассмотрите картинку, подумайте над ними и решите, какой же все-таки у сказки должен быть конец — настоящий конец — и почему. Очень может быть, что вам не понравится ни один. В таком случае сами придумайте сказке конец, напишите его или нарисуйте картинку.

Если же хотите знать мое мнение, загляните на страницы 684, 687. Там я коротко написал, какой из трех концов и почему нравится мне больше других.

И еще. Мне кажется, играть лучше вместе с друзьями. Так всегда веселее. А главное, можно посоревноваться: у кого богаче фантазия, кто придумает лучше и интересней.

Желаю успеха!

Джанни Родари

Волшебный барабан

ел однажды с войны барабанщик. Был он очень беден. Все-то его богатство составлял барабан. Но настроение у солдата было прекрасное—ведь он возвращался домой, где не был долгие годы. И потому далеко вокруг разносился веселый грохот его барабана: «Трам-тара-там! Трам-там-там!»

Шел он, шел и вдруг встретил старушку.

— А, славный солдатусшка! Не найдется ли у тебя случаем хоть одного сольдо?

— Я охотно дал бы тебе и два, бабуля, и даже дюжину, если б были. Но у меня и вправду нет ни одного сольдо!

— Ой, так ли уж?

— Еще утром я обшарил свои карманы, но ничего не нашел.

— А ты посмотри еще разок, поищи как следует.

— В карманах? Что ж, посмотрю, раз тебе так хочется. Но уверен... Ой, а это что такое?

— Сольдо! Видишь, выходит, есть?

— Клянусь тебе, я и не знал об этом! Вот красота! Держи, бабуля, мне не жалко. Тебе оно, должно быть, нужнее.

— Спасибо, солдат! — поблагодарила старушка.— А я взамен тоже дам тебе кое-что.

— Да? Но мне ничего не надо.

— Подарю тебе маленькое волшебство. Слушай

внимательно. Всякий раз, как зазвучит твой барабан, все вокруг будут пускаться в пляс.

— Какое забавное волшебство! Спасибо, бабуля.

— Подожди, это еще не все. Затанцуют люди и не смогут остановиться, пока не перестанешь играть на своем барабане.

— Вот здорово! Не знаю еще, что стану делать с таким подарком, но, наверное, пригодится.

— Еще как!

— Прощай, бабуля!

— Прощай, солдат!

И барабанщик снова двинулся в путь — домой. Шел он, шел... Вдруг из леса выскочили трое разбойников.

— Кошелек или жизнь!

— Ох, да ради бога! Берите еще и сумку. Только и в ней пусто.

— Руки вверх или будем стрелять!

— Слушаюсь, слушаюсь, господа разбойники.

— Где прячешь деньги?

— Будь они у меня, наверное, спрятал бы в шапке. Разбойники посмотрели в шапку — пусто.

— А может, сунул бы в ухо.

Посмотрели в ухо — тоже пусто.

— Нет, пожалуй, я положил бы их на самый кончик носа, будь они у меня.

Разбойники искали, искали и, разумеется, не нашли даже гроша ломаного.

— Да ты и в самом деле нищий! — рассердился главарь разбойников. — Ну, ладно, заберем у тебя барабан, хоть повеселимся иногда — и то хорошо.

— Берите, — вздохнул солдат, — жаль, конечно, расставаться со старым другом, столько лет дружили. Но раз уж он так вам нужен...

— Нужен!

— Дайте только мне сыграть на нем напоследок, а потом забирайте. А заодно я покажу вам, как надо играть. Идет?

— Ладно, так уж и быть, играй.

— Вот хорошо! — обрадовался барабанщик. — Я поиграю: «Трам-та-ра-там-там! Трам-там-там!» А вы потанцуйте!

И надо было видеть, как затанцевали эти негодяи! Словно медведи на ярмарке.

Поначалу им нравилось, они смеялись и шутили:

— Давай, давай, барабанщик! А ну-ка, вальс!

— А теперь польку!

— Мазурку!

Но вот они устали, задыхаются. Хотят остановиться, да не могут! Выбились из сил, ноги не держат, голова кружится, а волшебный барабан все заставляет их плясать.

— На помощь!

— Пляшите!

— Пощады!

— Пляшите!

— Господи!

— Пляшите, пляшите!

— Хватит, хватит!

— Не отнимете у меня барабан?

— Не отнимем! С нас достаточно...

— Оставьте меня в покое?

— О, мы отдадим тебе что угодно, только прекрати эту музыку!

Но барабанщик перестал играть только тогда, когда они, совсем обессиленные, свалились на землю.

— Вот и хорошо! Теперь вы меня не догоните!

И пустился наутек, время от времени ударяя палочками по барабану — на всякий случай. И тогда сразу же начинали танцевать зайцы в своих норках, белки на деревьях и проснувшиеся среди бела дня совы.

Так и шел дальше славный барабанщик, возвращаясь домой.

Первый конец

Шел он, шел и вдруг подумал: «А ведь это волшебство — неплохая штука! И с разбойниками я поступил в общем-то довольно глупо. Я же мог заставить их отдать мне все деньги, какие у них были. Может, вернуться и поискать их?»

И он повернул было обратно, как вдруг увидел, что навстречу едет почтовая карета.

— Вот это, пожалуй, меня даже больше устроит!

Лошади бежали быстро, позванивая бубенчиками, и кучер на козлах весело насвистывал песенку. Рядом с ним сидел вооруженный жандарм.

— Привет, барабанщик! Тебя подвезти?

— Нет, мне и тут хорошо.

— Тогда сойди с дороги, дай проехать.

— А вы сначала потанцуйте!

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!» — загремел барабан. И тотчас затанцевали лошади, соскочил на землю кучер и давай притоптывать ногами. А уж как смешно плясал жандарм, выронивший свое ружье! И пассажиры все тоже пустились в пляс.

А надо вам сказать, что в этой почтовой карете везли в банк золото — три ящика. Наверное, килограммов триста. Солдат одной рукой продолжал бить в барабан, другой сбросил ящики на дорогу и ногой задвинул их в кусты.

— Пляшите! Пляшите!

— Хватит! Хватит! Больше не можем!

— Тогда уезжайте, да побыстрее! И не оборачиваться!..

Почтовая карета уехала без своего драгоценного груза. А солдат стал богатым-пребогатым, как миллионер... Теперь он мог купить себе виллу, жить бездельником и жениться на дочери какого-нибудь важного чиновника. А еще понадобятся деньги, так ему и в банк идти не надо — достаточно вспомнить о барабане.

Второй конец

Шел солдат, шел и вдруг увидел охотника, который целился в дрозда.

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!»

Охотник выронил ружье и пустился в пляс. А дрозд улетел.

— Несчастный! Ты мне ответишь за это!

— Там видно будет, а пока попляши! Ну как?

— Эх, оил нет!

— Хочешь остановиться, так обещай, что никогда больше не будешь стрелять в птиц!

— Обещаю!

Шел он дальше, шел и увидел крестьянина, который колотил своего осла.

— Пляши!

— На помощь!

— Пляши! Перестану играть, только если поклянешься, что никогда больше не будешь бить своего осла.

— Клянусь!

Шел дальше славный солдат, шел и бил в свой барабан каждый раз, когда нужно было положить

конец какому-нибудь безобразию, восстановить справедливость или наказать злодея. А злодеев всяких и несправедливостей разных встречалось почему-то так много, что ему никак не удавалось добраться до дома. Но он все равно был доволен. «Мой дом,— решил он,— будет там, где я смогу делать добро с помощью моего барабана».

Третий конец

Шел солдат, шел и размышляя: «Интересный барабан! Любопытно, как он устроен? И в чем заключается его волшебство?» Повертел в руках палочки, разглядывая их,—вроде обыкновенные деревянные палочки.

— Может, секрет спрятан внутри барабана, под этой туго натянутой кожей? Загляну-ка туда,— решил он. И прорезал ножом небольшую дырочку. А внутри оказалось пусто — совсем пусто!

— Ну, ладно, ничего не поделаешь...

И отправился солдат дальше своей дорогой, весело стуча палочками. Но теперь зайцы, белки и птицы больше не танцевали под звуки его барабана, и совы тоже не просыпались...

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!»

Звук вроде бы тот же, а волшебства нет как нет!

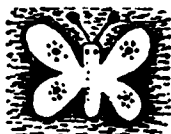
Вы не поверите, но барабанишек почему-то обрадовался этому.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

Барабанишек
заставит
пятьсот два
враждующих
войска,
и между ними
был заключен
мир.

Нельзя
пятьсот
и воцелить
одновременно

Хитрый Буратино

Ил да был однажды... Пинокио-Буратино. Нет, не тот, про которого рассказал итальянский писатель Карло Коллоди, и не тот, про которого написал сказку Алексей Толстой, а совсем другой. Правда, он тоже был деревянный, но все равно — другой. И сделал его не папа Карло. Он сам себя сделал.

Этот Буратино, как и знаменитый деревянный человечек из сказки, любил привирать. И всякий раз, когда он говорил неправду, его нос тоже удлинялся прямо на глазах. И все-таки это был совсем другой Буратино. Тем более что, когда нос вытягивался, он не пугался и не плакал, не звал на помощь, а брал нож или пилу и опойкой отрезал лишний кусок носа. Он ведь был деревянный — не так ли? — а потому ему нисколько не было больно. Ну а так как врал он довольно часто, даже, пожалуй, слишком часто, то очень скоро у него в доме скопилось множество деревянных обрезков — кусков носа.

— Вот и хорошо! — решил он. — Пожалуй, хватит, чтобы сделать мебель. Изготовлю ее сам, и не придется платить столяру.

Сказано — сделано. Потрудился Буратино как следует, и появились у него в доме кровать, стол, шкаф, стулья, полки для книг, скамья. Наконец он принялся делать тумбочку для телевизора, как вдруг обнаружил, что материала недостаточно.

— Не беда! — решил он. — Надо только соврать разочек.

Он выбежал на улицу и поискал, кому бы что-нибудь наврать. И тут увидел крестьянина.

— Добрый день! — приветствовал его Буратино. — А вы знаете, что вам здорово повезло?

— Мне? Каким образом?

— Еще не знаете?! Вы же выиграли сто миллионов в лотерею! Об этом только что сообщили по радио.

— Не может быть!

— Как это не может быть... Вас, простите, как зовут?

— Роберто Бизлунги.

— Вот видите! По радио называли ваше имя — Роберто Бизлунги. А чем вы занимаетесь?

— Да крестьянин я, землю пашу...

— Ну, тогда никаких сомнений быть не может! Именно вам достался выигрыш в сто миллионов! Поздравляю!..

— Спасибо, спасибо...

Синьор Бизлунги растерялся от такой новости, разволновался и зашел в кафе — выпить воды. И тут только сообразил, что никогда в жизни не покупал лотерейных билетов. Значит, здесь какая-то ошибка...

А Буратино тем временем вернулся домой. Он был очень доволен своей выдумкой, потому что нос удлинился как раз настолько, что он мог сделать ножку для тумбочки. Он отпилил нужный кусок, зачистил шкуркой, сколотил — и готово! Тумбочка получилась на славу. Захочешь купить такую, надо выложить ни много ни мало, а целых двадцать тысяч лир! Так что неплохая получилась экономия. Изготовив обстановку для своего дома, Буратино решил заняться торговлей.

— Буду продавать строительный материал и разбогатею!

И в самом деле, он так наловчился придумывать всякие небылицы и врать направо и налево, что очень скоро построил огромный склад для деревянных строительных материалов — там работали сто рабочих и двенадцать бухгалтеров, которые выписывали счета, — и купил четыре автомашины и два автопоезда. Они нужны были не для прогулок, а для перевозки обрезков его носа. Он отправлял их даже за границу — во Францию и Шотландию.

И он все врал и врал — чем дальше, тем больше. Нос его никогда не уставал расти. Буратино становился все богаче и богаче. Теперь на его складе работали три тысячи пятьсот рабочих и счета выписывали четыреста двадцать бухгалтеров.

К сожалению, со временем от беспрестанного вранья фантазия Буратино иссякла. Чтобы сказать какую-нибудь ложь или небылицу, ему приходилось теперь подслушивать, как врут другие, и повторять чужие выдумки — и те, что сочиняют взрослые, и те, что придумывают дети... Но это были, как правило,

совсем крохотные неправды, и от них нос вырастал всего на несколько сантиметров.

Тогда Буратино решил завести подсказчика. Новый сотрудник целый день сидел в конторе, придумывал разные небылицы, записывал на листки и отдавал хозяину:

— Скажите, что купол собора святого Петра построили вы, а не Микеланджело.

— Скажите, что город Форлимпополи стоит на колесах и может путешествовать.

— Скажите, что вы оказались однажды на Северном полюсе, просверлили дырку сквозь Землю и вышли на Южном полюсе.

Подсказчик неплохо зарабатывал на таком вранье, но к вечеру от бесконечных упражнений во лжи у него начинала сильно болеть голова.

— Скажите, что гора Монблан — ваша тетушка.

— ...что слоны спят не лежа и не стоя, а встав на хобот.

— ...что реке По надоело впадать в Адриатическое море, и она хочет броситься в Индийский океан.

Теперь, став богатым-пребогатым, Буратино уже не сам отпиливал свой нос. Это делали за него лучшие мастера-столяры. Для этого они надевали белые перчатки и брали золотую пилу. Хозяин платил им дважды — сначала за саму работу, а потом за то, чтобы они молчали и никому не говорили про его удивительный нос. А если день выдавался особенно удачный, Буратино, случалось, даже угощал их стаканом минеральной воды.

Первый конец

Буратино богател не по дням, а по часам. Но не подумайте, что он стал жадным. Подсказчику, к примеру, он даже делал иногда подарки. Дарил, скажем, мятную конфетку, грушу или сенегальскую марку...

Горожане очень гордились Буратино и даже задумали избрать его мэром, но он не соглашался, потому что не хотел брать на себя такую большую ответственность.

— Но вы так много можете сделать для нашего города! — говорили ему.

— Сделаю, и так сделаю. Построю детский сад, если, конечно, он будет носить мое имя. Поставлю скамейку в городском парке, чтобы старики-рабочие могли отдохнуть, когда устанут.

— Да здравствует Буратино! Да здравствует Буратино!

Люди так обрадовались, что решили воздвигнуть на главной площади города мраморный памятник Буратино. И воздвигли. Мраморный Буратино был ростом в три метра, а нищий мальчик, тоже мраморный, который стоял рядом, — ростом всего девяносто пять сантиметров. Мраморный Буратино дарил ему сольдо. Возле памятника играл оркестр, в небо взлетали огни фейерверка... Это был большой праздник.

Второй конец

Буратино богател не по дням, а по часам. И чем больше богател, тем более становился жадным. Подсказчик, трудившийся день и ночь, придумывая все новые и новые неправды, давно просил хозяина прибавить ему оплату, но Буратино всякий раз находил какой-нибудь предлог, чтобы отказать.

— Это вы быстро придумали — требовать прибавки! А сами вчера подсунули мне небылицу всего на четыре сольдо — нос вырос только на двенадцать миллиметров. Из такого кусочка не сделать и зубочистки!

— У меня семья, — объяснял подсказчик, — а картошка подорожала.

— Зато куличи подешевели! Почему бы вам не покупать куличи вместо картошки?

Кончилось тем, что подсказчик возненавидел своего хозяина и задумал отомстить ему.

— Я ему покажу! — грозился он, записывая на листки новые неправды.

И вот однажды на одном из этих листков он, сам того не заметив, написал: «Автор «Приключений Пинокио» — Карло Коллоди, а «Золотого ключика» — Алексей Толстой»

Листок этот оказался среди других бумаг с неправдами. И Буратино, не прочитавший за всю жизнь ни

одной книжки, решил, что это, как и все другие выдумки подсказчика, тоже неправда, и запомнил эту фразу, чтобы соврать, когда понадобится.

Вот так и случилось, что он первый раз в жизни — по чистому неведению — сказал правду. И как только он это сделал, все деревянные строительные материалы, которые появились в результате его вранья, превратились в пыль и опилки, и все богатство исчезло, словно его ветром сдуло. Буратино снова стал бедным и оказался в своем старом доме; где не было даже стула, даже носового платка, чтобы утереть слезы.

Третий конец

Буратино богател не по дням, а по часам и, конечно, стал бы в конце концов самым богатым человеком на свете, если б однажды не появился в тех краях один хитрый, всезнающий человечек. Он знал даже то, что все богатства Буратино растают как дым в тот же момент, как только он скажет правду.

— Синьор Буратино, так, мол, и так. Смотрите, не скажите случайно даже самую маленькую правду, иначе кончен бал. Поняли? Вот и хорошо! Кстати, это ваша вилла?

— Н-нет,— ответил Буратино.

— Тогда я поселюсь тут. Она очень нравится мне! А эти склады тоже не ваши?

— Н-нет,— неохотно произнес Буратино, не желая говорить правду.

— Прекрасно! Значит, станут моими...

Таким вот образом человечек забрал у Буратино машины, автопоезда, телевизор, золотую пилу... Буратино становился все мрачнее и мрачнее, но скорее дал бы отрезать себе язык, чем сказал бы правду.

— Кстати,— спросил под конец человечек,— а это ваш нос?

Тут Буратино не выдержал:

— Конечно мой! И вы не сможете забрать его у меня! Нос мой, и горе тому, кто тронет его.

— Вот это истинная правда! — улыбнулся человечек.

И в тот же миг все богатство Буратино действительно превратилось в опилки, рассыпалось в прах.

Налетел сильный ветер, и все развеял, все унес прочь, подхватив заодно и загадочного человечка. И Буратино остался один, остался ни с чем, даже мятной конфетки от кашля не было у него.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

Эти бедные привидения

а планете Борт жили привидения, много привидений. Жили? Нет, правильнее было бы сказать — владели жалкое существование, кое-как сводили концы с концами. Обитали они, как и все привидения, где придется — в пещерах, в старинных полуразрушенных замках, в пустых, заброшенных домах, на чердаках. В полночь они выбирались из укрытий и расходились по всей планете — пугать бортианцев.

Но бортианцы их несколько не боялись. Это были умные люди. В привидения они не верили. И если сталкивались с ними, то смеялись, пока те, краснея от стыда, не исчезали.

Например, начинает какое-нибудь приведение греметь цепями, издавая скрежещущий звук, как тут же кто-нибудь из бортианцев кричит:

— Эй, привидение, смазало бы получше свои цепи! Уж очень скрипят!

А другое привидение начнет, к примеру, размахивать изо всех сил своей белой простыней... А кто-нибудь из бортианцев, скорее всего какой-нибудь мальчишка, кричит ему:

— Ну чего ты там крутишься? Тащи сюда свою простыню да суй скорее в стиральную машину. Давно пора отправить ее в биологическую стирку.

К утру привидения возвращались в свои укрытия сами совсем запуганные, упавшие духом и жаловались друг другу:

— Черт знает что творится! Представляешь, что сказала мне одна синьора, которая сидела на балконе и наслаждалась ночной прохладой? «Смотри, говорит, опоздаешь! У тебя часы отстают. Неужели нет среди вас, привидений, часовщика, чтобы починить их?»

— А мне? Они подсунули мне записку! Прикололи кнопкой к двери. И знаешь, что в ней было написано? «Уважаемый синьор привидение! Когда закончите свою прогулку, прикройте дверь. Прошлой ночью вы оставили ее открытой, в дом забрели бродячие коты и вылакали молоко моей кошечки».

— Никакого уважения к привидениям!

— Никакого почтения!

— Надо что-то предпринимать!

— А что, например?

Кто-то предложил провести демонстрацию протеста! Кто-то другой — ударить во все колокола, что есть на планете, чтобы помешать бортианцам спать.

Наконец слово взял самый старый и самый мудрый призрак.

— Дамы и господа! — сказал он, штопая дыру на своей ветхой простыне. — Дорогие друзья! Ничего не поделаешь! Больше нам не напугать бортианцев! Никогда! Они привыкли к нашему шуму, знают все наши фокусы, и наши протесты их нисколько не тронут. Нет, нам здесь нечего больше делать...

— Что значит «здесь»?

— Я хочу сказать — на этой планете. Надо эмигрировать, покинуть ее...

— Ну да, чтобы оказаться на какой-нибудь планете, где живут только комары да мухи!

— Нет, господа, я знаю одну подходящую планету.

— И как же она называется?

— Она называется Земля. Я узнал от одного вер-

ного и надежного человека, что на Земле живут миллионы ребят, которые, едва только услышат про привидения, сразу же прячут головы под подушки.

— Какая прелесть!

— Не может быть!

— Мне рассказал это,— продолжал старый призрак,— один человек, который никогда в жизни не говорит неправду.

— Ну ладно, давайте голосовать! Голосовать!

— За что голосовать?

— Кто согласен переселиться на Землю, махните своей простыней. Подождите, я сосчитаю... Один, два, три... сорок... сорок тысяч... сорок миллионов... Кто против? Один, два... Ну что же, подавляющим большинством принято, решение — едем!

— А те, кто против, тоже могут поехать?

— Разумеется. Меньшинство должно следовать за большинством.

— Когда отправляемся?

— Завтра вечером, как только стемнеет.

И на следующий вечер, еще до того как появилась Луна (кстати, на планете Борт четырнадцать Луи, и непонятно, как это им удается вертеться вокруг нее и не столкнуться), бортианские привидения выстроились в стройную колонну и замахали своими простынями, словно большими бесшумными крыльями... И вот они полетели... Полетели в космическое пространство, словно белые ракеты.

— А не собьемся с пути?

— Не бойтесь, старик знает небесные маршруты так же хорошо, как дырки на своей простыне...

Первый конец

Через несколько минут, двигаясь со скоростью света, бортианские привидения подлетели к Земле и опустились в той ее части, которая была тогда в тени — там ночь только еще начиналась.

— Теперь разомкнем наши стройные ряды и разлетимся,— сказал старый призрак.— Пусть каждый осмотрится и действует в зависимости от обстановки. К рассвету соберемся здесь и обсудим положение. Согласны?

И привидения растаяли в ночной темноте.

Когда же они вновь встретились на рассвете, то едва не выпрыгивали из своих простыней от радости.

— Ребята, да это же просто рай!

— Какое счастье!

— Какой праздник!

— Кто бы подумал, что столько людей еще верит в привидения.

— И не только дети, даже взрослые!

— И даже образованные люди!!!

— Я напугал одного доктора!

— А я — министра! Он даже поседел от страха!

— Наконец-то мы нашли подходящую планету! Я голосую за то, чтобы остаться тут.

— И я!

— И я!

На этот раз во время голосования взметнулись все простыни, ни одна не осталась неподвижной.

Второй конец

Через несколько минут, двигаясь со скоростью света, бортианские привидения улетели очень далеко от своей планеты. К сожалению, в суматохе перед отъездом никто не заметил, что во главе колонны оказались те самые два привидения, которые возражали против путешествия на Землю. А это были, надо вам сказать, земные привидения. А еще точнее — миланские привидения, которые убежали из ломбардской столицы, не устояв под градом гнилых помидоров, какими их закидали мальчишки. Привидения тайком пробрались на планету Борт и спрятались среди местных привидений. О том, чтобы вернуться на Землю, они, разумеется, и слышать не хотели. Но если бы кто-нибудь узнал, что они — земные, им пришлось бы не сладко. И тогда они задумали... Впрочем, что задумали, то и сделали.

Они встали во главе колонны. Все полагали, что путь указывает старый, мудрый призрак, а он между тем задремал на лету. И земные привидения, вместо того чтобы лететь к Земле, взяли курс совсем в другую сторону — к планете Пиккьо, которая находится на расстоянии трехсот миллионов миллиардов километров и семи сантиметров. На этой планете обитали только какие-то говорящие лягушки. Бортианским привидениям неплохо жилось там по крайней мере несколько столетий. А потом, похоже, и лягушки перестали бояться их.

Третий конец

Через несколько минут, двигаясь со скоростью света, бортианские привидения оказались вблизи Луны и уже собирались опуститься на землю и приняться за свое дело, как вдруг увидели, что с Земли им навстречу движется такая же плотная колонна привидений.

— Эй, кто вы такие?

— А вы кто?

— Нечестно! Мы первые спросили! Отвечайте!

— Мы привидения с планеты Земля. Улетаем отсюда, потому что здесь нас уже больше никто не боится.

— И куда же вы летите?

— На планету Борт. Нам говорили, там есть кого поугаать.

— Несчастные! Так знайте же — мы покинули эту планету именно потому, что привидениям там уже больше нечего делать!

— Черт возьми, как же быть?

— Давайте объединимся и поищем какую-нибудь планету, где живут трусишки. Неужели не найдется хотя бы одна такая планета во всей Вселенной...

— Ну конечно, так и надо сделать!..

Так и сделали. Бортианские и земные привидения объединились, поворчали немного и скрылись в глубинах Космоса.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

*Привидения
на Землю, но
в них мало кто верит, и они
оказались безработными. Работу
они всё же нашли — снимать
себя в фильмах ужасов.*

Собака,

которая не умела лаять

Ила-была однажды собака, которая не умела лаять. Ни лаять, ни мяукать, ни мычать, ни ржать — никак не умела разговаривать! Это была самая обыкновенная маленькая собака. И никто не знал, откуда она взялась в этом селе, где прежде никто никогда не видел ни одной собаки. И уж, понятное дело, сама она даже не подозревала, что не умеет лаять. Но вот кто-то спросил ее:

— А почему, интересно, ты никогда не лаешь?

— Лаять?.. А как это? Я ведь не здешняя, я не умею...

— Вот чудачка! Разве ты не знаешь, что все собаки лают?

— Зачем?

— Не зачем, а потому. Потому что они собаки! Лают на прохожих, на подозрительных кошек, на луну. Лаут, когда довольны жизнью, когда нервничают или злятся. Лаут чаще всего днем, но, случается, и ночью.

— Очень возможно, но я...

— А ты что за птица такая особенная? Или хочешь, чтоб о тебе написали в газетах?

Собака не знала, что и отвечать. Она не умела лаять и не знала, как этому научиться.

— А ты делай, как я,— из жалости посоветовал какой-то петушок. И он несколько раз прокричал свое звонкое «ку-ка-ре-ку!».

— По-моему, это совсем непросто,— заметила собака.

— Да что ты! Очень даже просто! Послушай еще и обрати внимание на мой клюв. Короче, смотри и подражай!

И петушок еще раз пропел «ку-ка-ре-ку!».

Собака попробовала повторить, но у нее получилось только какое-то жалкое «кхе-кхе», и курицы, испугавшись, бросились врассыпную.

— Ничего,— успокоил собаку петушок,— для первого раза очень даже неплохо. А теперь повтори. Ну!

Собака еще раз попыталась покуракаться, но у нее опять ничего не вышло. И тогда она стала потихоньку

тренироваться изо дня в день, иногда уходила в лес — там совсем никто не мешал и можно было кукарекать сколько угодно.

Но вот однажды утром в лесу ей удалось выкрикнуть «ку-ка-ре-ку!» так хорошо, так звонко и красиво, что лиса, услышав этот петушиный клич, подумала: «Наконец-то петенька собрался навестить меня! Надо скорей поблагодарить его за визит...» И поспешила ему навстречу, не забыв при этом захватить нож, вилку и салфетку, потому что для лисы, как известно, нет блюда лакомее, чем хороший петушок. Можете себе представить, как огорчилась она, когда вместо петушка увидела собаку, которая сидела по-щенячьи на своем хвосте и одно за другим испускала громкие «ку-ка-ре-ку!».

— Ах,— воскликнула лиса,— так, чего доброго, и в ловушку можно попасть!

— В ловушку?

— Ну да! Я подумала, что ты нарочно притворилась петушком, заблудившимся в лесу, чтобы поймать меня. Хорошо еще, что я тебя вовремя заметила. Но это нечестная охота! Собаки обычно лают, предупреждая, что приближаются охотники.

— Уверю тебя... Я совсем не собиралась охотиться. Я пришла сюда только поупражняться.

— Поупражняться? В чем?

— Я учусь лаять. И уже почти научилась. Послушай, как у меня хорошо получается.

И она снова звонко пропела «ку-ка-ре-ку!».

Лиса так хохотала, что чуть не лопнула. Она каталась по земле, хватаясь за живот, и никак не могла остановиться. Наша собака ужасно обиделась, что над нею смеются,— ведь она так старалась! Поджав хвост и чуть не плача, побрела она домой. Но тут встретила ей кукушка. Увидела она печальную собаку и пожалела ее:

— Что случилось с тобой?

— Ничего.

— Отчего же ты такая грустная?

— Эх... Так вот и так... Все оттого, что не умею лаять. И никто не может научить меня.

— Ну если дело только за этим, я научу тебя в два счета! Послушай хорошенько, как я пою, и повтори точно так же: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку!» Поняла?

— Вроде не так уж и трудно...

— Да совсем просто! Я с самого детства умею куковать. Попробуй: «Ку-ку, ку-ку...»

— Ку...— попробовала собака,— ку...

Она повторяла это «ку-ку!» еще много раз и в этот день, и на следующий. И через неделю стала уже совсем неплохо куковать. Она была очень довольна собой и думала: «Наконец-то, наконец-то я начинаю по-настоящему лаять! Теперь уж никто не станет смеяться надо мной».

Как раз в эти дни начался охотничий сезон. В лесу появилось много охотников, в том числе и таких, которые стреляют куда попало и в кого попало. Могут выстрелить даже в соловья, если услышат его. И вот идет один такой охотник по лесу и слышит в кустах: «Ку-ку... ку-ку...» Он поднимает ружье, целится и — бух! бах! — стреляет.

Пули, по счастью, не задела собаку. Пролетели и просвистели над самым ухом. Но собака испугалась и пустилась наутек. Она очень удивилась: «Наверное, этот охотник сошел с ума, если стреляет даже в собаку, которая лает...»

А охотник тем временем искал свою добычу. Он был уверен, что попал в цель.

«Наверное, птицу утащила эта собака, которая выскочила вдруг откуда-то», — подумал он.

И, чтобы отвести душу, выстрелил в мышонка,глянувшего из своей норки, но не попал и в него.

А собака бежала, бежала...

Первый конец

Бежала, бежала собака и оказалась на лугу, где спокойно паслась корова.

— Куда так спешишь?

— Сама не знаю...

— Ну так остановись. Здесь прекрасная трава.

— Эх, если б в траве было дело...

— Ты что — нездорова?

— Хуже. Я не умею лаять!

— Но ведь это самое простое, что только может быть на свете! Послушай меня: «Му-у! Му-у! Му-у!..» Разве некрасиво?

— Неплохо. Но я не уверена, что это как раз то, что мне надо. Ты ведь корова...

- Разумеется, я корова.
— А я — нет. Я собака.
— Разумеется, ты собака. Ну и что? Что тебе мешает выучить мой язык?
— А знаешь, это мысли! Превосходная мысли!
— Какая?
— Да вот эта, которая только что пришла мне в голову. Я выучу языки всех животных и буду выступать в цирке. Все будут аплодировать мне, я разбогатею и выйду замуж за сына короля. Короля собак, разумеется.
— Молодец, ты очень хорошо придумала это! Ну, так за работу. Слушай внимательно: «Му-у... Му-у... Му-у...»
— Му-у... — промычала собака.
Это была собака, которая не умела лаять, зато обладала большими способностями к языкам.

Второй конец

Бежала, бежала собака... И встретился ей крестьянин.

- Куда так несешься?
— Сама не знаю...
— Тогда идем со мной. Мне как раз нужна собака — курятник сторожить.
— Я бы пошла к вам, но только вот лаять не умею.
— Тем лучше. Собаки, которые лают, только помогают вора́м удирать. А тебя они не услышат, подойдут поближе, тут ты их схватишь, укусишь как следует, и они получают по заслугам.
— Согласна! — ответила собака.

Так и случилось, что собака, которая не умела лаять, нашла наконец себе занятие, цепь и миску с костями — раз и навсегда, на всю жизнь.

Третий конец

Бежала, бежала собака... И вдруг остановилась. Какой странный голос она услышала. «Гав-гав! — говорит кто-то. — Гав-гав!»

«Что-то очень родное и знакомое, — подумала собака. — Хотя никак не могу понять, что это за животное говорит».

— Гав-гав!

— Жираф, может быть? Нет, наверное, крокодил. Это злое животное — крокодил... Надо быть осторожнее.

Прячась за кустами, собака двинулась туда, откуда доносилось это «гав-гав!», от которого, бог знает почему, так сильно забилося ее сердце.

— Гав-гав!

— Вот так раз — собака!

Да, да! Причем это оказалась собака того самого охотника, который недавно стрелял, услышав кукование.

— Привет, собака!

— Привет, собака!

— Что это за звуки ты издаешь?

— Звуки? Да будет тебе известно, что это не просто звуки, а лай.

— Лай? Ты умеешь лаять?

— Вполне естественно. Не стану же я трубить, как слон, или рычать, как лев.

— Тогда научи меня!

— А ты разве не умеешь лаять?

— Нет...

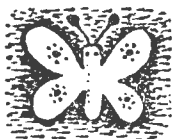
— Слушай внимательно! Это делается так: «Гав, гав!..»

— Гав, гав! — сразу же залаяла собака. И подумала про себя, радостная и счастливая: «Наконец-то я нашла хорошего учителя!»

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

*Собака стала
выступать
в рок-группе,
где пека
на разные
голоса.*

Дом в пустыне

ил-был как-то очень богатый синьор. Богаче самого богатого американского миллиардера. Одним словом, богатый-пребогатый! Свои деньги он хранил на огромных складах. До самого потолка они были забиты золотыми, серебряными и никелевыми монетами. Тут были итальянские лиры, швейцарские франки, английские фунты стерлингов, американские доллары, русские рубли, польские злотые, югославские динары — центнеры, тонны монет всех стран мира и всех национальностей. Бумажных денег у него тоже было несметное количество — тысячи туго набитых, запечатанных сургучными печатями мешков. Звали этого синьора Монетти.

И вот однажды захотел он построить себе дом.

— Построю его в пустыне,— решил он,— подальше от людей.

Но в пустыне нет камня для строительства, нет кирпичей, извести, досок, мрамора... Ничего нет — один песок.

— Неважно! — заявил синьор Монетти сам себе. — Построю дом из своих денег. Вместо камней, кирпичей, досок и мрамора использую монеты.

Он позвал архитектора и велел ему сделать план дома.

— Пусть в нем будет триста шестьдесят пять комнат,— приказал синьор Монетти,— по одной на каждый день года. И двенадцать этажей — по одному на каждый месяц года. И пятьдесят две лестницы — по одной на каждую неделю года. И все это пусть будет сделано из монет, понятно?

— Но гвозди. Без них не обойтись... Придется привезти.

— Ни в коем случае! Нужны гвозди? Берите мои золотые монеты и отливайте из них золотые гвозди.

— А для крыши нужна черепица...

— Никакой черепицы! Возьмите мои серебряные монеты, и получится очень хорошая крыша.

И архитектор сделал план. Чтобы привезти в пустыню все монеты, необходимые для строительства дома, понадобилось три тысячи пятьсот автопоездов.

А чтобы разместить строительных рабочих, пришлось поставить четыреста палаток.

И работа закипела. Сначала вырыли котлован под фундамент, но не стали забивать в него железобетонные сваи и укладывать плиты, а заполнили монетами. Один за другим подъезжали доверху груженные деньгами самосвалы и ссыпали свой драгоценный груз в котлован. Затем стали класть стены: монету за монетой — одну на другую. Монета — чуть-чуть раствор — другая монета... Первый этаж весь выложили из итальянских серебряных монет по 500 лир. Второй этаж — целиком из долларов...

Двери тоже сделали из монет — старательно склеивали их друг с другом. Потом взялись за окна, но стекло не понадобилось. Его заменили бумажными деньгами — австрийские шиллинги сложили с немецкими марками и изнутри, со стороны комнаты, закрыли, как занавеской, турецкими и шведскими банкнотами.

Крышу, трубы и камин тоже выложили из металлических денег. Мебель, ванны, водопроводные краны, ковры, ступеньки лестниц, решетки в окнах подвала, туалеты — все сделали из монет. Монеты, монеты, повсюду монеты, одни монеты...

А вечером синьор Монетти непременно обыскивал рабочих, уходивших со стройки: вдруг кто-нибудь из них унес в кармане или в ботинке несколько сольдо?!

Он даже заставлял их показывать язык, потому что при желании можно ведь и во рту спрятать рупию, пиастр или пезету.

Когда закончили строительство, остались еще целые горы металлических денег. Синьор Монетти велел ссыпать их в подвалы, сложить на чердаке и заполнить ими почти все комнаты, оставив между горами монет только узкий проход, чтобы можно было пробраться к ним и пересчитать, если понадобится.

А затем все ушли — архитектор, прораб, рабочие, водители грузовиков. И синьор Монетти остался один в своем огромном доме, стоящем среди пустыни, — в этом денежном дворце. Куда ни посмотришь — на пол, на потолок, направо, налево, вперед, назад, куда ни обернешься — всюду видишь только деньги, деньги, деньги. Потому что даже сотни драгоценных картин, что висели на стенах, были сделаны из денег. И сот-

ни статуй, стоявших в залах, тоже были отлиты из бронзовых, медных или никелевых монет.

Вокруг дома синьора Монетти расстилалась бескрайняя пустыня. Она тянулась далеко, во все стороны света. Случалось, что с севера или с юга налетал сильный ветер, и тогда ставни и двери хлопали, издавая необычный звук, похожий на легкий музыкальный перезвон. И синьор Монетти своим тончайшим слухом умел различить в нем звон монет разных стран мира.

«Такое «дзинны!», — отмечал он, — издают датские кроны. Это «дины!» — голландские флорины... А вот слышны голоса Бразилии, Замбии, Гватемалы...»

Когда синьор Монетти поднимался по лестнице, он распознавал монеты, по которым ступал, не глядя, — по их звучанию под каблуками (у него были очень чувствительные ноги). И, поднимаясь с закрытыми глазами, он бормотал: «Румыния, Индия, Индонезия, Исландия, Гана, Япония, Южная Африка...»

Спал синьор Монетти на кровати, которая тоже, разумеется, была сделана из монет: изголовье было выложено золотыми старинными монетами — маренгами, а простынями служили сшитые двойной ниткой банкноты по сто тысяч лир. Простыни он менял каждый день, потому что был человеком чрезвычайно чистоплотным. Использованные простыни он складывал в сейф.

Перед сном он обычно читал какую-нибудь книгу из своей библиотеки. Тома состояли из аккуратно переплетенных банкнот стран всех пяти континентов.

Синьор Монетти никогда не уставал читать эти книги, потому что был очень образованным человеком.

Однажды ночью, когда он читал книгу, состоящую из денежных купюр Австралийского государственного банка...

Первый конец

Однажды ночью синьор Монетти услышал вдруг, что кто-то стучится в дверь. И сразу же безошибочно определил: «Стучат в дверь, которая сделана из старинных талеров австрийской императрицы Марии Терезии».

Он пошел посмотреть и убедился, что не ошибся. Это оказались разбойники.

— Кошелек или жизнь!

— Прошу, господа, входите и убедитесь — у меня нет кошелька.

Разбойники вошли в дом, но даже и не подумали взглянуть на стены, двери, окна, мебель, а сразу же бросились искать сейф. Нашли, но в нем оказались одни простыни. Не станут же разбойники изучать, из какого материала они сделаны — из льна или из бумаги с водяными знаками. Во всем доме — от первого до двенадцатого этажа действительно не оказалось ни одного кошелька, ни одной сумки или мешка. Лежали только повсюду в комнатах груды каких-то вещей, и в подвалах тоже, и на чердаке, но в темноте не рассмотреть было, что это такое. А кроме того, разбойники и без того хорошо знали, что им надо — им нужен был бумажник. А у синьора Монетти его не было.

Сначала разбойники рассердились, а потом даже расплакались от досады. Ведь они проделали такой путь через всю пустыню ради этого грабежа и теперь вынуждены были возвращаться с пустыми руками. Синьор Монетти, чтобы успокоить их, предложил им лимонаду со льдом. Разбойники утолили жажду и ушли в темноту ночи, роняя в песок горькие слезы.

Второй конец

Однажды ночью синьор Монетти услышал, что кто-то стучится в дом. И сразу же безошибочно определил: «Стучат в дверь, которая сделана из старинных эфиопских талеров». Он спустился вниз и открыл эту дверь. Перед ним стояли двое затерявшихся в пустыне ребятишек. Голодные и замерзшие, они горько плакали.

— Помогите нам, пожалуйста...

Синьор Монетти сердито захлопнул перед ними дверь. Но дети все продолжали стучать и стучали еще очень долго. В конце концов синьор Монетти сжался над ними.

— Ну вот что, забирайте-ка эту дверь!

Дети взяли дверь. Она оказалась очень тяжелой, потому что целиком была сделана из золота. Зато, если они донесут ее до дома, можно будет купить хлеба и молока и даже немножко кофе.

Через несколько дней к синьору Монетти пришли еще двое бедных ребятишек, и он подарил им другую

дверь. А потом, когда все узнали, что он стал добрым и щедрым, бедняки поспешили к нему отовсюду, со всех концов земли. И никто не уходил с пустыми руками. Кому он дарил окно, кому стул, сделанный из монет по 50 центезимо, и так далее. Через год дошла очередь до крыши и последнего этажа.

А бедняки все шли к нему и шли, со всех концов земли, и выстраивались в длинную очередь.

«Я и не знал, что их так много!» — удивлялся синьор Монетти.

И он помогал им год за годом, постепенно разрушая свой дворец. Когда же от дворца ничего не осталось, он переселился в палатку, как бедуин или турист. И на душе у него стало легко-легко, ну просто совсем радостно.

Третий конец

Однажды ночью, когда синьор Монетти листал перед сном книгу с денежными купюрами, он вдруг обнаружил среди них фальшивую банкноту. Как она оказалась здесь? И может быть, тут не одна такая фальшивая? С волнением принялся он листать одну за другой все свои книги и нашел еще штук двенадцать таких же фальшивых банкнот.

— А нет ли случайно в моем доме и фальшивых монет? Надо присмотреться!

А он, как вы уже знаете, очень тонко все чувствовал. И сама мысль о том, что где-то, в каком-то уголке его дворца, на крыше ли, в паркете, в дверях или в стене, может оказаться фальшивая монета, не давала ему покоя, буквально лишала сна.

И он стал разбирать свой дворец в поисках фальшивых монет. Начал с крыши и этаж за этажом опускался вниз. И если находил фальшивую монету, очень радовался!

— Узнаю! Эту монету мне подсунул мошенник такой-то!

Он знал свои монеты все наперечет. И фальшивых среди них были считанные единицы, потому что он всегда был очень аккуратен и внимателен, когда имел дело с деньгами. Но на какую-то минутку, понятное дело, каждый может отвлечься.

В конце концов синьор Монетти разобрал весь дом на кусочки и оказался сидящим на груде серебряных

и золотых обломков. Строить дом заново ему уже не хотелось. Просто неинтересно. А гору денег было жаль. Так и сидел он там злой-презлой, не зная, что делать. А потом, то ли от злости, то ли от долгого сидения на этой груде монет, стал вдруг потихонечку уменьшаться — все меньше и меньше делался, пока и сам в конце концов не превратился в монету. В фальшивую монету. И люди, которые забрали потом его деньги, просто выбросили ее — подальше в пустыню.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

Дудочник и автомобили

Ил да был однажды волшебник-дудочник. Впрочем, это старая сказка, ее все знают. Про то, как город заполнили мыши, и один мальчик с помощью волшебной дудочки вывел их всех к реке, и они утонули в ней. А мэр города не захотел поблагодарить его, и тогда дудочник увел из города всех ребят...

Моя сказка тоже про дудочника. И может быть, даже про того же самого. А может, и нет.

На этот раз городом завладели... автомобили. Они запрудили все улицы, все тротуары и площади, за-

били все подворотни. Повсюду, куда ни глянешь, стояли всевозможнейшие автомобили — легковые, грузовые, маленькие, как коробочки, и длинные, как пароходы, автобусы, грузовики, самосвалы, целые автопоезда, фургоны, фургончики... Многие из них двигались с трудом, толкаясь, гремя бамперами, сплющивая себе крылья. Но, пожалуй, еще больше было таких машин, которые уже не могли двигаться, потому что им просто некуда было двинуться — места не было! И они вынуждены были стоять. Так что людям приходилось ходить пешком. Но и это было не так-то просто. Ведь машины занимали все свободное пространство. И людям приходилось обходить машины, перелезать через них и даже проползать под ними. С утра и до вечера там и тут только и раздавалось:

— Ах! — Это какой-то пешеход ударился о капот.

— Ох! — Это двое прохожих столкнулись лбами, проползая под грузовиком. Люди, понятное дело, просто из себя выходили от возмущения.

— Пора кончать с этим безобразием!

— Надо что-то предпринимать!

— Почему мэр не думает об этом?

Мэр слушал эти разговоры и ворчал: «Думать-то я думал. Днем и ночью думал. И даже весь выходной думал. Да вот беда, ничего не могу придумать! Прямо не знаю, что и делать, что сказать и вообще, за что хвататься! А ведь моя голова не глупее других».

Однажды пришел к мэру какой-то странный мальчик. Он был в курточке из овчины, в деревянных башмаках, а на голове у него был колпак, украшенный голубой лентой, так что он очень походил на деревенского волынщика. Но волынки у него не было. Мальчик попросил пропустить его к мэру, но стражник очень строго заявил:

— Оставь мэра в покое! Ему не до твоей волынки сейчас.

— Да у меня и нет ее!

— Тем хуже. Нет, так зачем ты ему нужен?!

— Скажите ему, что я знаю, как освободить город от автомобилей.

— Что, что? Послушай, уходи-ка ты лучше отсюда подобру-поздорову, не то за такие шуточки можно и по шее схлопотать!

— Но вы все-таки доложите обо мне мэру! Уверяю вас, не пожалеете...

Он так настаивал и так упрашивал, что стражник в конце концов смиростивился и пропустил его.

— Добрый день, синьор мэр!

— Для кого добрый, а для кого и нет! Для меня он станет действительно добрым, только когда...

— ...город будет освобожден от автомобилей! И я знаю, как это сделать.

— Ты? И кто же это тебя научил? Уж не коза ли такая рогатая?

— Кто научил, неважно. Давайте попробую. Вы ведь ничего не потеряете. А если пообещаете мне кое-что, то уже завтра у вас не будет никаких забот с автомобилями.

— Интересно, что же я должен пообещать тебе?

— Что начиная с завтрашнего дня на главной площади всегда смогут играть дети, и там поставят для них карусели, качели, катальные горки и другие аттракционы.

— На главной площади?

— На главной площади.

— И больше ты ничего не хочешь?

— Ничего.

— Тогда по рукам! Обещаю. Когда начнешь?

— Сейчас же, синьор мэр...

— Ну давай! Не теряй ни минуты!

Станный мальчик не потерял и одной секунды. Он достал из кармана маленькую дудочку, вырезанную из ветки жасмина, тут же, в кабинете мэра, заиграл веселую песенку, затем вышел на улицу и, продолжая играть, направился к реке. И тогда...

— Смотрите! Что случилось с этой машиной? Она сама завелась!

— И эта тоже!

— Ой, да это же моя! Кто-то хочет увести мою машину? Держите вора! Держите вора!

— Да нет тут никакого вора, разве не видите? Машины сами заводятся!..

— Набирают скорости!.. Уезжают!

— Куда же они так спешат?

— Моя машина! Стой, стой! Вернись ко мне!

Все машины в городе вдруг устремились в одном направлении, ревом своих моторов, гудками, сиренами

создавая невероятный, неслыханный грохот... И все двигались сами — без водителей!

Но в этом чудовищном шуме, что стоял над городом, можно было различить, если прислушаться, звонкую и радостную мелодию песенки, которую играл на дудочке мальчик...

Первый конец

Машины неслись к реке. А дудочник стоял у моста и все играл и играл... Когда на мост въехала первая машина — по чистой случайности это оказался автомобиль мэра — мальчик слегка изменил мелодию и взял высокую ноту. И, словно по сигналу, мост рухнул. Машина свалилась в реку, и течение сразу же отнесло ее. Точно так же полетела в воду вторая машина, затем третья — все машины одна за другой, а то и сразу несколько летели вниз, взревев напоследок мотором, издав прощальный гудок, и течение быстро уносило их прочь.

А на улицы, освободившиеся от машин, уже высыпали ребята. Радостные, довольные, они принялись бегать и играть в мяч. Девочки прогуливали своих кукол в игрушечных колясках, мальчики катались на велосипедах...

Но взрослые пришли в ужас. Они хватались за голову, звонили пожарным, в полицию и требовали навести порядок.

— Почему никто не остановит этого сумасшедшего? Да схватите же его, черт возьми! Пусть замолчит этот проклятый дудочник!

— Надо его самого сбросить в реку вместе с этой дудкой!

— Мэр тоже с ума сошел! Уничтожить все наши прекрасные автомобили!..

— Они так дорого стоят!

— А сливочное масло тоже недешево!

— Долой мэра! В отставку его!

— Долой дудочника!

— Верните мне мою машину!

Самые решительные бросились к дудочнику, чтобы схватить его, но не смогли и притронуться к нему. Между мальчиком и толпой словно выросла какая-то невидимая стена, оградившая его. И люди напрасно ко-

лотили в нее кулаками и ногами. Дудочник подождал, пока не исчезла в воде последняя машина, а потом и сам прыгнул в реку, переплыл на другой берег, поклонился всем и скрылся в лесу.

Второй конец

Машины устремились к реке и одна за другой, издав прощальный гудок, ушли на дно. Последней исчезла в реке машина мэра. К этому времени главную площадь уже заполнила радостная детвора. Звонкие, веселые голоса ребят заглушали жалобы горожан, которые чуть не плакали, видя, как исчезают машины.

Наконец дудочник перестал играть, поднял глаза и увидел, что навстречу ему движется грозная толпа во главе с мэром.

— Ну как, вы довольны, синьор мэр? — спросил он.

— Я покажу тебе сейчас, как я доволен! И ты думаешь, это — удачная затея? Разве не знаешь, сколько труда и денег вложено в каждую машину? Нашел, называется, способ освободить город!..

— Но я... Но вы...

— Да ты негодяй, вот ты кто! И если не хочешь провести остаток своих дней в тюрьме, возьми сейчас же свою дудку и выведи все машины обратно из реки! И чтоб все до одной вернулись, от первой до последней!

— Bravo! Прекрасно! Да здравствует синьор мэр!

И мальчик сделал так, как его попросили. Повинуясь волшебным звукам его дудочки, машины вернулись на берег, снова двинулись по дорогам и площадям, снова заняли свои прежние места, прогнав ребят с мячами и велосипедами. Словом, все стало как прежде. А дудочник тихо ушел куда-то. Ушел очень грустный. И никто никогда больше ничего не слышал о нем.

Третий конец

И машины, повинуясь приказу дудочки, поехали... И приехали к реке, словно мыши Гаммелина? Да нет! Все нет! Машины поехали, поехали... И очень скоро

в городе не осталось ни одной, даже самой маленькой машины. Опустела главная площадь, опустели улицы, освободились аллеи и тротуары. Куда же подевались машины?

Ну-ка, прислушайтесь, и вы поймете, в чем дело. Теперь машины мчатся под землей! С помощью волшебной дудочки этот забавный мальчик проложил под улицами и площадями города подземные дороги. Вот по ним-то и побежали машины. Останавливались, забирали своих владельцев и мчались дальше. Теперь места хватало всем. Под землей — машинам. На земле — людям, которым хотелось беззаботно бродить по городу и спокойно, не шараясь то и дело в сторону, разговаривать о том о сем — о политике, о футболе, о Луне... Места хватало теперь и ребятам, которым хотелось бегать и прыгать, и женщинам, спешившим в магазины.

— Как же я был глуп! — в восторге закричал мэр. — Как же я был глуп, что сам не додумался до этого раньше!

А дудочнику поставили памятник. Даже два памятника. Один — на главной площади, другой — тоже на главной площади, только под землей. И он стоит там среди машин, которые неумоимо несутся по своим подземным магистралям.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

Дудочник увёл машины на волшебную фабрику. Машины, вышедшие из этой фабрики, вместо грохота издают приятную музыку, а вместо гари и дыма выпускают аромат цветов, трав и свежего сена.

Круг по городу

Паоло был очень деятельным мальчиком. Он ни минуты не мог оставаться без какого-нибудь интересного и полезного дела. Он никогда не скучал, потому что всегда умел придумать себе какую-нибудь игру, работу, занятие. И он был к тому же очень упрямым человеком: однажды решив что-то, не отступал, не бросал дела, не доведя его до конца. Как-то раз во время каникул Паоло расстелил на столе большую карту города и принялся внимательно рассматривать сложное переплетение улиц, особенно запутанное в центре и немного попроще на окраинах.

Рядом оказался компас. Паоло положил его на карту и обвел карандашом. Зачем он это сделал, он и сам не знал. А когда отодвинул компас и увидел, какой ровный получился круг, то подумал, что было бы очень интересно... Конечно, это была довольно странная идея, но все же почему бы не попробовать? И он тут же решил сделать по городу точно такой же круг, какой благодаря компасу получился на карте. Вообще-то улицы редко бывают прямыми как стрела. Чаще всего они куда-нибудь поворачивают, заворачивают то направо, то налево, все время меняя направление. Даже кольцевые бульвары — это весьма условные круги. Их ведь никто не рисует с помощью компаса. А Паоло задумал пройти по городу в точном соответствии с тем кругом, который получился на карте, ни на шаг не отступая от тонкой линии окружности — четкой и ясной, как прекрасная мысль.

По чистой случайности круг проходил по той самой улице, где жил Паоло. Мальчик сложил карту и сунул ее в карман. В другой карман запрятал булку — на случай если в дороге захочется есть — и, недолго думая, отправился в путь.

Выйдя из дома, он решил пойти налево. Некоторое время круг вел его прямо по улице. А затем вдруг пересек ее по проезжей части, там, где нет «пешеходной зебры». Но Паоло не отступил от своего намерения. Он тоже вслед за кругом пересек улицу и остановился перед воротами. Улица шла себе прямо, а линия круга заворачивала в эти ворота. А дальше, по-

хоже, вела к той группе домов, что виднелась вдали, и затем к маленькой площади, что была левее. Паоло еще раз взглянул на карту, прошел в ворота и оказался во дворе. Двор пересечь недолго. А дальше что? Дальше — подъезд. В нем — лестница. Подняться? Ну окажется он на последнем этаже, допустим, вылезет на крышу... Но перебраться на крышу соседнего дома не сможет. Это карандашу легко перескочить с дома на дом, а пешком и без крыльев уже не так-то просто.

К счастью, на лестничной площадке оказалось окошко. Высоковато, правда, да и узкое очень. Паоло опять посмотрел на карту — сомнений нет: чтобы двигаться точно по кругу, нужно пройти именно тут. Остается только одно — пролезть в это окошко.

Когда он уже ухватился за раму и хотел подтянуться, кто-то вдруг окликнул его, и Паоло так и замер на стене, словно напуганный паучок.

— Эй, мальчик, куда ты лезешь? Что это тебе взбрело в голову? А ну-ка, слезай оттуда! — приказал ему какой-то человек, спускавшийся по лестнице.

— Это вы мне?

— А кому же еще? Ну-ка признавайся, не воришь ли ты? Да нет, ты совсем не похож на вора! Тогда в чем же дело? Или, может быть, ты занимаешься гимнастикой?

— По правде говоря, синьор... Я только хотел перебраться в тот двор...

— Но для этого надо выйти из подъезда, обогнуть дом и пройти в другие ворота.

— Нет-нет, не могу...

— Понимаю. Ты, наверное, натворил что-нибудь и боишься, что тебе влетит?

— Нет, уверяю вас, я ничего не натворил...

Паоло внимательно посмотрел на человека, который задержал его. Похоже — добрый. В руке — палка, но он не угрожал ею, а только опирался на нее. К тому же он улыбался. И Паоло решил довериться ему и открыть свой план.

— Круг по городу, — повторил синьор, — следуя кругу на карте? Именно это ты хочешь сделать?

— Да, синьор.

— Сын мой, но это невозможно! А что ты станешь делать, если окажешься перед стеной, в которой нет окон?

— Перелезу!

— А если стена будет слишком высокая и ты не сможешь перелезть?

— Сделаю дыру и пролезу!

— А что будешь делать, когда окажешься у реки? Смотри, круг на твоей карте проходит через реку в самом широком месте, и тут нет моста.

— Но я умею плавать!

— Понимаю, понимаю. Ты не из тех, кто легко отступает, не так ли?

— Ну да.

— У тебя в голове четкий план, как круг на карте и... Что же тебе сказать? Попробуй!

— Тогда позвольте мне пролезть в это окошко?

— Конечно! И даже помогу тебе. Давай подставляю руки. Ну ставь сюда ногу, лезь... Осторожно, не упади!..

— Спасибо, синьор! До свидания!

И Паоло двинулся дальше. Он шел точно по кругу, ни на шаг не отступая от окружности, которую нарисовал на карте с помощью компаса. И вот он оказался на площади возле конной статуи. Бронзовый конь застыл на мраморном пьедестале в своем вечном движении. Герой, имени которого Паоло не знал, одной рукой крепко держал поводья, а другой указывал куда-то вдаль. Похоже, как раз туда, куда вела Паоло линия его круга. Что делать? Пролезть между ногами коня? Забраться на голову героя? Или попросту обогнуть памятник?..

Первый конец

Паоло обдумывал, что делать, как вдруг ему показалось, будто человек, сидящий на коне, кивнул ему. И даже совсем незаметно — но подмигнул.

— Мне уже начинают мерещиться разные чудеса, — испугался Паоло.

Но бронзовый герой настаивал. Теперь он даже опустил руку, которой прежде указывал цель, и жестом пригласил мальчика.

— Ну, — сказал он, — залезай! На этом коне хватит места для двоих.

— Но я... Видите ли...

— Ну! Хватит испытывать мое терпение! Думаешь, я не сумею проехать по ровному кругу без помощи

циркуля? Садись! Я сам повезу тебя в твоё геометрическое путешествие. Ты этого заслуживаешь, потому что не останавливаешься перед трудностями.

— Спасибо! Большое спасибо! Только...

— Уф, как много лишних слов! И ты к тому же ещё гордец. Не любишь, когда тебе помогают?

— Не в этом дело...

— Ну тогда, выходит, только в том, что ты очень любишь болтать попусту! Забирайся, и поехали! Ты нравишься мне, потому что умеешь придумывать интересные дела и не боишься трудностей. Быстрее! Лошадь уже просыпается. Не знаю уж по какому волшебству, но ты оказался здесь как раз в тот единственный день в году, когда нам позволено сойти с пьедестала и окакать, как в былые времена. Ну так ты решишься наконец или нет?

И Паоло решился. Он ухватился за руку героя... И вот он уже в седле! И уже летит... И под ногами у него весь город! А на нем светится золотой круг — прекрасная сверкающая дорога, ровная и точная, как и та, которую он нарисовал на карте с помощью компаса.

Второй конец

Размышляя, как же быть, Паоло оглядел площадь, на которой стоял памятник. Линия круга пересекала её и вела прямо к старинному собору с высоким куполом. Линии не требуются двери. А как быть ему? Как он пройдет через эту толстую, словно у старинной крепости, стену? Чтобы не отклониться от окружности, нужно забраться на купол. Легко сказать! Без веревки и гвоздей этого не сделает и самый опытный альпинист, самый смелый скалолаз. Нет, тут ничего не выйдет. Придется отступить. Мечта неосуществима. Дороги жизни никогда не бывают такими ровными, четкими и безупречными, как геометрические фигуры.

Паоло ещё раз взглянул на героя. Недвижный и суровый, он продолжал указывать с высоты своего пьедестала на какую-то далекую и недостижимую цель. Медленно и печально побрел Паоло домой, невольно следуя причудливым и необъяснимым поворотам привычной дороги.

Третий конец

Размышляя у памятника, как же быть, Паоло вдруг почувствовал, что кто-то тронул его маленькой теплой ручкой.

— Хочу домой! — услышал он детский голосок.

Это был маленький мальчик, лет трех. В глазах у него стояли слезы, и он доверчиво смотрел на Паоло.

— Где ты живешь?

Мальчик показал куда-то в сторону.

— Хочу к маме!

— А где она?

— Там!

Это «там!» он тоже показал весьма неопределенно. Ясно было только одно — ребенок потерялся и не знает дороги домой. Он ухватился за руку Паоло и не отпустил ее.

— Отведи меня к маме!

Паоло хотел было сказать, что не может, что у него есть дела поважнее, но мальчик с такой надеждой посмотрел на него... Ладно, круг подождет... В другой раз...

— Идем! — сказал Паоло. — Идем искать твою маму!

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

Паоло вместе с бронзовым всадником полетели, но не по кругу, а вперед. Они увидели много разных стран, гор и морей. Только двигаться вперед, можно что-то достичь, а движение по кругу абсолютно бесполезно.

Шляпный дождь над Миланом

днжды утром — это было в Милане — счетовод Бьянкини шел из банка в свою торговую фирму. День выдался прекрасный. На небе — ни облачка! Оно сверкало чистотой, синевой и в нем к тому же — просто невероятно для ноября — ярко сияло солнце! Счетовод Бьянкини был в отличном расположении духа. Бодро шагая, он весело напевал про себя: «Какой прекрасный день, прекрасный день! В такой чудесный день не улыбнется разве пень, разве пень...» Но вот он случайно взглянул на небо да так и замер на месте, открыв от удивления рот. Какой-то прохожий наткнулся на него и не преминул высказаться по этому поводу:

— Эй вы! Чего ворон считаете? Смотреть надо, куда идете!

— Но я не иду, я стою... Смотрите!

— Куда еще «смотреть»? Мне некогда терять время. Ой что это? Ой! Ай! Эй!

— Вот-вот, видели! И что вы об этом скажете?

— Да ведь это же... шляпы...

И в самом деле с голубого, безоблачного неба на землю вдруг обрушился шляпный дождь. Не просто летела какая-нибудь одна шляпа, которую мог сорвать с чьей-то головы ветер и понести по воздуху. И летели не две шляпы, которые могли просто упасть с подоконника. С неба сыпались, вернее, плавно опускались сотни, тысячи, десятки тысяч шляп! Это были мужские шляпы и дамские шляпки, шляпы с пером, цветами, фуражки, бескозырки, жокейские шапочки, меховые шапки-ушанки, папахи, береты, вязанные шапочки для лыжников...

Рядом со счетоводом Бьянкини и тем синьором, который наткнулся на него, остановилось много других прохожих. Все стояли, задрав головы, и смотрели в небо — и мальчик из булочной, и постовой-регулирующий, что стоял на перекрестке улиц Мандзонни и Монтенаполеоне, и водитель трамвая номер восемна-

дцать, и водитель трамвая номер шестнадцать, и даже водитель первого номера... Вагоновожатые вышли из трамваев и тоже стали смотреть в небо, и пассажиры вышли, и все начали обмениваться впечатлениями.

— Вот так чудеса!

— Неслыханное дело!

— И чего тут удивительного! Наверное, опять рекламируют кулич!

— Но при чем тут кулич?

— Значит, рекламируют сыр!

— Ах, оставьте! У вас на уме только съестное. А шляпы, насколько мне известно, пока еще несъедобны.

— А что, это и в самом деле шляпы?

— Нет, велосипедные звонки! Да неужели вы не видите, что это?

— Похоже, шляпы. Шляпы, которые надевают на головы?

— А вы, интересно, на что надеваете шляпу? На нос, что ли?

Впрочем, дискуссия скоро окончилась. Шляпы приземлялись на тротуары, на дороги, на крыши автомобилей, некоторые залетали в окна трамваев, другие — прямо в магазины. Люди подбирали их и примеряли.

— Эта велика!

— Примерьте вот эту, синьор Бьянкни!

— Но это же дамская шляпа!

— А вы отнесите ее своей жене.

— Наденете потом на маскарад!

— Верно! Не пойду же я в контору в дамской шляпке...

— Подайте-ка мне, пожалуйста, вон ту! Она подойдет моей бабушке!

— И сестре моего двоюродного брата тоже!

— Но я первый взял ее!

— Нет, я!

Некоторые подхватывали по три-четыре шляпы — для всей семьи сразу.

И чем больше люди собирали шляп, тем больше их сыпалось с неба. Шляпы покрыли тротуары и проез-

жую часть улиц, заполнили балконы, засыпали крыши. Шляпы, шляпки, береты, котелки, цилиндры, сомбреро, ковбойские, островерхие, с лентами и без... Счетовод Бьянкини держал в руках уже семнадцать шляп, но все не решался уйти.

— Шляпный дождь ведь не каждый день случается, — рассуждал он. — Надо воспользоваться этим. Можно сделать запас на всю жизнь, тем более что голова моя в размерах не увеличится...

— Разве что станет меньше!

— Как это меньше?! На что вы намекаете? Ума, что ли, станет меньше?

— Ладно, не обижайтесь! Возьмите лучше еще вот эту красивую бескозырку.

А шляпы все падали с неба и падали...

Одна опустилась прямо на голову постовому-регулировщику, который, впрочем, уже и не регулировал уличное движение, так как шляпы падали куда хотели. Это оказалась генеральская фуражка, и все решили, что это доброе предзнаменование и что скоро постовой получит повышение по службе.

Ну а дальше?

Первый конец

Несколько часов спустя в аэропорту Франкфурта-на-Майне приземлился огромный авиалайнер итальянской авиакомпании «Алиталия». Он совершил кругосветное путешествие исключительно для того, чтобы собрать всевозможные головные уборы для необычной международной выставки шляп, которая должна была открыться здесь.

Встречать драгоценный груз пришел сам мэр. Городской оркестр заиграл гимн: «О шляпа, шляпа, ты — украшение головы!», написанный по столь торжественному случаю профессором Иоганном Себастьяном Людовиком Бахлейном.

Но не успели доиграть гимн до конца, как выяснилось, что авиалайнер привез шляпы... только командира корабля и членов экипажа!

Оказывается, пилот по ошибке вместо рекламных выставочных плакатов и листовок выбросил над Мили-

ном шляпы. Этим и объясняется шляпный ливень, хлынувший на ломбардскую столицу. А пилот, допустивший такую оплошность, был строго наказан — его обязали целых полгода водить самолет без фуражки.

Второй конец

В тот день с неба сыпались шляпы.

На следующий день — зонтики.

А на третий день — коробки шоколадных конфет. Затем посыпались холодильники, стиральные машины, проигрыватели, бульонные кубики в пачках по сто штук, галстуки, пирожные, фаршированные индейки. Наконец полетели новогодние елки, увешанные всевозможными подарками... Город был буквально засыпан всякими вещами. Дома были набиты ими от пола до потолка. И торговцам пришлось очень плохо, потому что расстроились их планы набить потуже свой карман.

Третий конец

Шляпный дождь шел до четырех часов дня. К этому времени на площади у знаменитого Миланского собора гора шляп поднялась выше памятника. Вход в галерею был завален стеной из соломенных шляп. А затем ровно в четыре часа и одну минуту поднялся сильный ветер, и шляпы покатались по улицам. Они катились все быстрее и быстрее, а потом стали подниматься в воздух и некоторые запутывались в трамвайных проводах.

— Они улетають! Улетають! — закричали люди. — Но почему?

— Наверное, теперь полетят в Рим?

— Откуда вы знаете? Они сами вам сказали?

— При чем здесь Рим! Смотрите, они летят в сторону озера Комо.

Шляпы, словно огромная стая ласточек, поднялись высоко над головами прохожих, над крышами домов и улетели прочь. И никто так и не узнал, куда они

делись. Потому что они так и не упали ни в Комо, ни в Бусто Арсицио. И миланские торговцы шляпами облегченно вздохнули — для них это был черный день.

В чем люди одинаковы

дин мальчик разбирал как-то вечером свои игрушки. Вот он вынул из коробки гору, которую папа помог ему сделать из старых газет и крахмального клейстера, вот — маленькую пластмассовую елочку, затем кусочек зеркала — блестит, как настоящее озеро, и наконец — сверкающие звезды — елочные украшения. А из другой коробки он достал пластмассовые фигурки — двух пастухов и несколько овец, старушку, сидящую у жаровни с каштанами, доброго волшебника в восточной чалме... Мальчик поставил пастухов и овец на склоне горы, на самую вершину посадил волшебника, а старушку поместил на берегу озера. Мало фигур! А что вон в той коробке на шкафу? А! Там лежат совсем старые, давно забытые игрушки! Заглянем-ка туда! И он достал из коробки краснокожего индейца — последнего представителя какого-то племени, ма-

ленький самолет без пропеллера, в кабине которого сидел пилот, и какую-то девочку в брючках и с гитарой в руках — как она тут оказалась, непонятно. Мальчишки, как известно, в куклы не играют... Но эта девочка, если присмотреться, была совсем неплоха... И мальчик поставил ее рядом со старушкой, которая жарила каштаны. А краснокожего индейца с боевым топориком на плече поместил неподалеку от овец. Самолет с пилотом и звезды он подвесил на елочку. «Неплохо получилось! — подумал мальчик. — Как настоящая театральная декорация!» Но тут мама позвала его, и он ушел. Пора было ложиться спать. И вскоре мальчик уснул.

И тогда пробудились его игрушечные фигурки. Первым открыл глаза один из пастухов. Он осмотрелся и остался очень недоволен тем, что происходило вокруг. «Кто это идет за моим стадом с топором в руках?» — подумал он.

— Эй! Ты кто такой? Что тебе надо тут? Уходи отсюда, не то собак натравлю!

— Ауф! — только и ответил ему краснокожий индеец.

— Что? Говори яснее! А впрочем, можешь и помолчать, только убирайся отсюда поскорее!

— Я остаюсь, — произнес краснокожий. — Ауф!

— А топорик у тебя зачем? Уж не овечку ли собираешься у меня украсть?

— Топор рубить дрова. Ночь холодно. Я хотел делать огонь.

Тут проснулась старушка у своей жаровни и увидела девочку с гитарой.

— Что это еще у тебя такое?

— Гитара.

— Не слепая, сама вижу, что гитара. А нам тут не нужна гитара! Мы больше любим волынку и дудочку!

— Но у гитары замечательный звук. Послушайте!

— Ох, да перестань ты ради бога! С ума сошла! Ужас какой! Ох уж эта современная молодежь! Знаешь что, убирайся-ка ты отсюда, пока я не запустила в тебя этими каштанами. А они, между прочим, обжигают! Уже поджарились.

— А я люблю каштаны! — сказала девочка.

— Еще и насмехаешься?! Хочешь отнять у меня

каштаны? Бессовестная воровка! Я покажу тебе сейчас!.. На помощь! Держите вора! Вернее — воровку!

Но старушку никто не услышал, потому что как раз в это время проснувшийся пилот завел мотор своего самолета. Он сделал два-три круга над озером и горой, приветливо помахал всем и приземлился возле краснокожего индейца. Недовольные пастухи тотчас же подошли к нему:

— Зачем прилетел? Пугать наших овец?

— Разрушить наши хижины своими бомбами?

— Но у меня нет никаких бомб,— ответил пилот.— Это спортивный самолет. Хотите, покатаю?

— Сам катаясь! И лучше, если подальше, чтоб мы больше не видели тебя!

— Да, да! — закричала старушка.— И забери с собой эту девчонку, которая хочет отнять у меня каштаны...

— Бабуленька,— сказала девочка,— не говорите неправду! За ваши каштаны, если вы дадите мне их, я заплачу.

— Заберите ее вместе с этой проклятой гитарой!

— И ты, красная морда,— сказал один из пастухов, обращаясь к краснокожему индейцу,— тоже убирайся восвояси! Нам не нужны тут грабители!

— Ни грабители, ни гитара! — добавила старушка.

— Гитара — музыка самый красивый,— ответил краснокожий.

— Вот слышали! Я с ним согласна!

— Бабушка,— вмешался пилот,— зачем вы так сердитесь? Попросите лучше синьорину, чтобы она сыграла нам что-нибудь. И мы сразу подобраем.

— Ладно, кончайте! — заявил один из пастухов.— Или вы все трое сейчас же уберетесь отсюда подобру-поздорову или услышите совсем другую музыку!

— Я остаюсь здесь. Я сказал.

— Я тоже остаюсь,— поддержала девочка,— как мой друг Свирепый Бык. Я тоже сказала.

— А я,— добавил пилот,— прилетел издалека. Конечно, мне не хочется уходить. Ну-ка, девочка, сыграй нам что-нибудь, посмотрим, не исправит ли твоя музыка настроение.

Девочка не заставила себя долго упрашивать и тронула струны гитары...

Первый конец

И пастухи тотчас же замахнулись на нее своими палками. И позвали собак.

— Убирайтесь отсюда! Убирайтесь!

— Взять, Верный! Взять их, Волк!

— А ну-ка, прогоним их!

Краснокожий индеец не двинулся с места, только приподнял свой боевой топорик.

— Я будет стоять,— сказал он.— Ауф!

Но пилот решил иначе.

— Ладно,— сказал он,— не устраивать же тут драку! Залезай в самолет, девочка! И ты тоже, Свирепый Бык! Мотор включен. Ну, все залезли? Полетели!

И самолет, взревев мотором, поднялся над озером и горой и стал летать по комнате.

— А куда мы летим? — спросила девочка, прижимая гитару, чтоб ее не унесло ветром.

— Я знаю одну хорошую большую коробку, где мне когда-то очень неплохо жилось!

— И я знаю такую!

— И я знать! Ауф!

— Тогда, ауф, летим к этой коробке! Вот она там внизу. И еще не закрыта, слава богу. Садимся!

— Ауф! — сказал краснокожий индеец. Но он, похоже, был не очень доволен.

Второй конец

Едва девочка заиграла на гитаре, пастухи угрожающе замахнулись на нее своими палками.

— Ладно, ладно! — вздохнула девочка.— Не нравится вам гитара? Так я разобью ее. Только, пожалуйста, уберите собак, а то они порвут мне брюки.

— Вот это другой разговор,— сказала старушка.— Иди, я дам тебе каштанов.

— Сначала дайте мне немного муки,— попросила девочка.— Мы перекрасим Свирепого Быка. И тогда пастухи перестанут нервничать, глядя на него.

— Хорошо придумала! — сказали пастухи.— А ты, краснокожая образина, согласен?

— Ауф,— ответил краснокожий. И спокойно позволил перекрасить себя в белый цвет.

— А самолет? — спросили пастухи.

— А с самолетом,— ответил пилот,— мы вот что сделаем — мы его подожжем, получится костер, и мы согреемся.

— Тоже правильно! Тем более что ночь такая холодная.

И костер принес наконец-то мир всем этим людям. И пастухи даже танцевали вокруг него тарантеллу под звуки своих дудочек.

Третий конец

Едва девочка заиграла на гитаре, пастухи набросились на непрошенных гостей, но чей-то властный голос остановил их:

— Перестаньте!

— Кто это?

— Волшебник! Он спустился с горы и идет к нам! Какая честь для нас, ваша милость!

— Меня зовут Гаспаре, а не «ваша милость».

— Привет, Гаспаре! — сказала девочка.

— Добрый вечер, дочка! Я услышал твою музыку, и она мне очень понравилась.

— Ауф! — вставил краснокожий индеец.

— Привет и тебе, Свирепый Бык, Черный Орел, Гремящее Облако, или как тебе еще хочется называться. Приветствую тебя, пилот. И вас тоже, пастухи, и тебя, бабушка. Чувствую, пахнет жареными каштанами...

— Эта девочка хотела отнять их у меня...

— Да нет, тебе показалось! Она вовсе не похожа на воровку!

— А этот тип с топором! — закричали пастухи. — Зачем он пришел сюда?

— Вы спросили его об этом?

— Зачем спрашивать! И так видно — он хотел забить наших овец....

— Я хотел мир,— сказал краснокожий индеец,— я любить мир.

— Ну вот, слышали? — сказал Гаспаре. — Мир нужен всем людям — и белым, и краснокожим, и тем, кто ходит пешком, и кто летает на самолете, и кто играет на волынке, и кто на гитаре. Люди все очень разные, очень непохожие друг на друга. Но в одном они все одинаковы — все хотят мира.

Пастухи пристыженно замолчали. А потом услышали, как старушка сказала девочке:

— Послушай, ты и вправду любишь каштаны? На, бери! Да я же угощаю тебя, а не продаю... А вы, пилот, не хотите? А вы, синьор Любимый Вык.... Извините, я не расслышала ваше имя... Вы любите каштаны?

— Ауф! — ответил краснокожий индеец.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

*Девочка,
индеец,
пастухи, пилот
и старушка
организовали
ансамбль
и взяли
первый приз
на фестивале
в Сан-Ремо.*

Профессор Ужасниус

Профессор Ужасниус вместе со своим ассистентом Дьяволусом уже давно втайне работал над одним очень опасным изобретением. Это был, как нетрудно догадаться по его имени, очень страшный ученый, причем не только исключительно талантливый, но и невероятно злой. Все свои знания и необычайные способности он направлял на осуществление поистине чудовищных замыслов.

— Вот увидишь, дорогой Дьяволус, — говорил он ассистенту, — наш атомный сверхдомкрат, который уже почти готов, потрясет весь мир!

— Не сомневаюсь, синьор профессор! Представляю, как изумятся наши дорогие соотечественники, когда вы поднимете с помощью этого сверхдомкрата

Пизанскую башню и поставите ее на вершину самой высокой в Европе горы — Монблан!

— Пизанскую башню?— усмехнулся Ужасниус.— На Монблан? Что за глупости? С чего ты взял?

— Ну как же, профессор, когда мы проектировали...

— Мы? Мы проектировали? А что спроектировал именно ты, высокочтимый синьор Дьяволус? Что избрал лично ты? Обертку для шоколада? Зонтик без ручки? Горячую воду?

— Исправляю свою ошибку, профессор Ужасниус,— смиренно произнес пристыженный Дьяволус.— Когда вы, и только вы, проектировали сверхдомкрат, мне помнится, вы упомянули Пизанскую башню и высочайшую из альпийских вершин...

— Да, я прекрасно помню, что говорил об этом. Но только из чистой предосторожности, мой прекрасный и уважаемый Дьяволус. Зная твою ужасную привычку болтать со всеми на свете — с подручным молочника и учеником булочника, со швейцаром и сестрой двоюродного брата швейцара...

— Я незнаком с ней! Клянусь, синьор профессор, я совсем незнаком с сестрой двоюродного брата швейцара и обещаю вам, что никогда даже не попытаюсь познакомиться с ней!..

— Хорошо, в таком случае не будем больше говорить о ней. Я только хотел объяснить тебе, милейший и глупейший Дьяволус, что я не надеялся на тебя и нарочно придумал эту историю с Пизанской башней, чтобы скрыть от тебя свои настоящие планы. Они должны были оставаться в полнейшем секрете.

— До каких же пор, профессор?

— До вчерашнего дня, мой любопытнейший Дьяволус. Но сегодня ты уже можешь узнать, что я задумал. Через несколько часов мы закончим нашу работу. И вечером уедем.

— Уедем?

— Ну да! На этом же самом атомном сверхдомкрате, разумеется.

— А куда мы направимся, нельзя ли узнать?

— В космос, мой дорогой Дьяволус, столь любящий вопросительный знак!

— В космос!

— А еще точнее — на Луну.

— На Луну!

— Я вижу, ты переходишь от вопросительного к восклицательному знаку. Но не будем затягивать дело. Слушай меня внимательно. Вот мой план. С помощью атомного сверхдомкрата я подниму Луну, выведу ее с орбиты и перемещу в какое-нибудь другое место космического пространства по своему усмотрению.

— Колоссально!

— Оттуда, дорогой Дьяволус, мы начнем переговоры с землянами.

— Потрясающе!

— Хотите, чтобы Луна вернулась на место? Выкупайте ее у нового владельца — профессора Ужасниуса! Сколько надо заплатить? Столько золота, сколько она весит.

— Невероятно!

— На вес золота! Понимаешь, мой милый Дьяволус? Зо-ло-та.

— Сверхневероятно!

— Ты уловил теперь суть?

— Уловил, профессор! Это самая гениальная идея двадцатого века!

— И я надеюсь также — самая коварная. Я решил войти в историю, как самый дьявольский, самый ужасный человек всех времен и народов. А теперь, Дьяволус, за работу!..

Вскоре атомный сверхдомкрат был окончательно готов. Любопытный аппарат этот очень походил на тот самый домкрат, который обычно применяют, когда нужно приподнять автомобиль, чтобы поменять проколотую шину. Только был он немного побольше и соединялся с космической кабиной, в которой находились два больших кресла. В них-то и расположились ко времени, которое профессор Ужасниус выбрал для начала своей дьявольской затеи, изобретатель и его ассистент, с большим трудом скрывавший какую-то странную дрожь.

— Успокойся, Дьяволус!

— Д-да... си-нь-ор... проф-ф-ф-фес-сор...

— Перестань заикаться!

— Д-да... синь-ор... проф-фессор...

— Вот прими эту таблетку. Сразу станет легче.

— Спасибо, профессор Ужасниус, я уже совершенно спокоен!

— Прекрасно! Считай наоборот, Дьяволус...
— Минус пять... минус шесть... минус семь...
— Я же сказал — наоборот! Наоборот!
— Ах да, извините, пожалуйста! Минус пять... минус четыре... минус три... минус два...
— Старт!

Первый конец

В тот вечер Луна не вышла на небо. Поначалу люди решили, что она прячется в облаках. Но небо было чистое, звездное, а Луна все равно блистательно отсутствовала.

После долгих наблюдений астрономы все же отыскали ее. Крохотной точечкой виднелась она очень далеко, где-то в районе созвездия Скорпиона.

— Надо же, куда запряталась! Как это она умудрилась?

И в этот момент голос профессора Ужасниуса зазвучал во всех радиоприемниках, какие только были на Земле:

— Внимание! Внимание! Говорит Ужасниус! Ужасниус вызывает Землю! Как вы уже убедились, я отнял у вас Луну. Если хотите, чтобы она снова вернулась на свою орбиту, заплатите за нее золотом. Столько, сколько она весит. Астрономам известен ее вес с точностью до грамма. Жду ответа ровно сутки. Если не примете мои условия, я взорву Луну, и вы никогда больше не увидите ее! Вы хорошо поняли меня? Никогда! Внимание! Внимание! Говорит Ужасниус...

И, чтобы его хорошо поняли, дьявольский ученый еще дважды повторил свое заявление. Для него, человека исключительно талантливого, выйти в эфир сразу по всем радиостанциям планеты не составляло, как вы понимаете, ни малейшего труда.

На его беду, однако, никто на Земле почему-то не огорчился из-за исчезновения Луны. Соединенные Штаты Америки, Советский Союз, Италия, Франция, Китай, Япония и многие другие крупные страны тут же отправили в космос множество искусственных Лун, одну ярче другой. Так что лунного света стало вдруг больше чем достаточно, и некоторые люди даже были недовольны — он мешал спать.

А профессору Ужасниусу пришлось остаться на старой Луне и грызть с досады ногти.

Второй конец

Исчезновение Луны очень взволновало людей во всех концах Земли.

— Как же мы теперь будем вздыхать без лунного света?— спрашивали мечтатели.

— А я всегда ложился спать при свете Луны, чтобы экономить электричество. Что же, теперь мне придется включать свет? — огорчился какой-то скупец.

— Верните нам нашу Луну! — требовали газеты.

А какой-то мошенник стал ходить по домам, говоря, что специальный комитет поручил ему собрать золото для выкупа Луны. И нашлось немало простофилей, которые поверили ему и отдали кольца, серьги, ожерелья и цепочки. Собрав несколько килограммов золота, мошенник удрал в Венесуэлу, и никто больше ничего не слышал о нем.

К счастью для человечества и любителей лунного света, жил в то время в Оменье, что на озере Орта, один ученый, не менее талантливый и изобретательный, чем профессор Ужасниус, но не такой коварный и злой. Звали его Магнитиус. За какие-то несколько часов, никому ничего не сказав, он изготовил атомный сверхмагнит и с его помощью вернул Луну на старую орбиту. Напрасно профессор Ужасниус привел в действие всю чудовищную энергию своего сверхдомкрата. Он ничего не смог сделать против сверхмагнита Магнитиуса. От огорчения Ужасниус уединился на Юпитер.

А люди так и не узнали никогда, кто и каким образом вернул Луну на место, и к тому же без всяких расходов. Магнитиус не стремился к славе и никому ничего не сказал. Впрочем, он был уже занят другим исключительно важным изобретением — придумывал пуговицы, которые никогда не отрываются. И в историю вошел, как известно, именно как изобретатель этих пуговиц.

Третий конец

Вслед за командой «Старт!», которую подал профессор Ужасниус, раздался резкий звук, и соседи по дому приняли его за сирену полицейской машины.

А изобретатель и его ассистент через несколько мгновений уже оказались в каком-то маленьком кратере на Луне.

— Потрясающе, синьор профессор! — восхитился Дьяволус, потирая руки. — Сверхпотрясающе!

— Тише! — рассердился Ужасниус. — Тише! — снова крикнул он спустя некоторое время, хотя Дьяволус и рта не открывал.

Когда профессор Ужасниус в третий раз приказал: «Тише!», даже Дьяволус понял — что-то не ладится. Огромный сверхдомкрат напрасно высвобождал всю свою дьявольскую энергию. Луна ни на миллиметр не сдвинулась со своей вечной орбиты. А надо вам сказать, что профессор Ужасниус, талантливый и изобретательный во всех областях науки, был не совсем в ладах с системой мер и весов. Высчитывая вес Луны, он ошибся, когда переводил тонны в центнеры. И оказалось, что сверхдомкрат сделан для Луны, которая в десять раз легче нашей. Профессор Ужасниус даже застонал от огорчения. А потом сел в космический корабль и умчался в космическое пространство, бросив своего бедного Дьяволуса в лунном кратере даже без стакана воды, без карамельки, чтобы прийти в себя от испуга.

Старт!

и профессор

Ужасниус

проснулся

в сумасшедшем

доме

в смирительной

рубашке.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

Кто-то плачет

Если вы помните старую сказку про принцессу, которая не могла уснуть на груде матрацев, потому что под ними лежала горошина, то вы, конечно, сразу поймете и эту историю, какую я хочу рассказать вам про одного пожилого, доброго, может быть, даже самого доброго человека на свете.

Как-то раз, когда он уже лег спать и собрался погасить свет, он вдруг услышал чей-то плач.

«Странно,— удивился пожилой синьор,— кто бы это мог быть? Может, в доме кто-то есть?»

Он встал, накинул халат и обошел свою маленькую квартирку, в которой жил один, включил всюду свет, заглянул во все углы...

— Нет, никого нет! Наверное, у соседей...

Он снова улегся в постель, но вскоре опять услышал — кто-то плачет...

— Теперь мне кажется, это на улице,— сказал синьор сам себе.— Конечно, это там! Надо пойти посмотреть, в чем дело.— Он встал, оделся потеплее, потому что ночь была холодной, и вышел на улицу.

— Вот тебе и на! Казалось, совсем рядом, а тут никого и нет! Наверное, на соседней улице...

И он пошел на этот плач — улица за улицей, площадь за площадью, через весь город, пока не добрался до окраины. И тут он увидел в подворотне какого-то старика. Тот лежал на груде тряпья и горестно стонал.

— Что вы тут делаете?— удивился пожилой синьор.— Вам нездоровится?

Услышав, что к нему обращаются, старик испугался.

— А? Кто здесь? Хозяин дома?.. Ухожу... Сейчас, сейчас уйду...

— Куда же вы пойдете?

— Куда? Не знаю, куда... У меня нет дома, нет близких. Вот я и устроился здесь... Сегодня такая холодная ночь. Попробовали бы сами поспать на

скамейке в парке, укрывшись газетой! Так можно и навсегда уснуть... Вам-то что за дело? Я ухожу, ухожу...

— Нет, постойте, подождите! Я не хозяин дома...

— Тогда что вам от меня надо? А, подвинуться... Давайте устраивайтесь! Одеяла у меня нет. А места на двонх хватит!

— Я хотел сказать... У меня дома, видите ли, не-много теплее... И диван есть...

— Диван? Тепло?

— Ну вставайте же, пойдете! И знаете, что мы сделаем? Прежде чем уляжемся спать, выпьем по чашке горячего молока...

И они отправились в путь — пожилой синьор и бездомный старик. А на другой день пожилой синьор отправил старика в больницу, потому что после ночей, проведенных в парке и подворотне, тот получил сильный бронхит. Домой пожилой синьор вернулся уже к вечеру. Хотел лечь спать, как вдруг снова услышал, что кто-то плачет.

— Ну вот опять,— вздохнул он.— В доме можно и не искать. И так знаю, что никого нет. Как хочется спать... Но с таким плачем в ушах разве уснешь! Надо пойти посмотреть...

Как и накануне вечером, пожилой синьор вышел из дома и пошел на плач, который, казалось, доносился откуда-то издалека. Шел он, шел, прошел через весь город. А потом с ним случилось вдруг что-то странное, потому что он каким-то чудом оказался совсем в другом городе, а потом таким же непонятным образом в третьем, но и тут никак не мог понять, кто же это плачет. Вот он уже прошел всю свою область и добрался наконец до маленького селения высоко в горах. Здесь-то он и увидел бедную женщину, которая плакала у постели больного ребенка, потому что некому было сходить за врачом.

— Я же не могу оставить малыша одного! И вывести на улицу тоже нельзя — там много снега намело!

Кругом действительно все белело от снега.

— Не надо плакать! — успокоил женщину пожилой синьор.— Объясните мне, где живет доктор, и и

схожу за ним. А вы пока положите на голову ребенку мокрую тряпочку, ему станет легче.

Пожилой синьор помог женщине, сделав все, что мог. И наконец вернулся домой. И едва только собрался уснуть, опять услышал, что кто-то плачет, да так явственно, будто совсем рядом, на кухне. Нельзя же, чтоб человек плакал! Пожилой синьор вздохнул, оделся, вышел на улицу и отправился на этот зов. И с ним опять произошло что-то странное. Потому что он таким же непонятным образом оказался в какой-то другой стране, далеко за морем. Там шла война, и многие люди остались без крова, потому что их дома разрушили бомбы...

— Мужайтесь, мужайтесь! — ободрял их пожилой синьор и старался помочь по мере своих сил. Но сил у него было немного. И все же людям становилось легче, они перестали плакать, и тогда он вернулся домой. А тут уже наступило утро — не время укладываться спать.

— Сегодня вечером, — решил пожилой синьор, — лягу пораньше.

Но всегда ведь кто-нибудь где-нибудь плачет. Всегда кому-нибудь где-нибудь плохо — в Европе или в Африке, в Азии или в Америке. И пожилой синьор всегда слышал чей-нибудь плач, который добирался до его подушки и не давал покоя. И так было каждую ночь — изо дня в день. Все время преследовал его этот плач. Иной раз кто-то плакал уж очень далеко — на другом полушарии, а он все равно слышал. Слышал и не мог уснуть...

Первый конец

Потому что этот пожилой синьор был очень добрым человеком. К сожалению, от постоянного недосыпания он сделался нервным, очень нервным.

— Если б я мог спать, — вздыхал он, — хотя бы через ночь! В конце концов не один ведь я на этом свете! Неужели никого больше не тревожит этот плач и никому не приходит в голову подняться с постели и посмотреть, кто же это плачет?

Иногда, опять услышав плач, он пытался уговорить себя:

— Сегодня не пойду! Я простужен, у меня болит спина... В конце концов никто не может упрекнуть меня в том, что я эгоист.

Но кто-то где-то продолжал плакать, да так горестно, что пожилой синьор все-таки поднимался и шел на помощь.

Он уставал все больше и больше. И становился все раздражительнее. Как-то раз он решил заткнуть себе уши ватой на ночь, чтобы не слышать плача и поспать наконец хоть немного спокойно.

«Я сделаю это только разок-другой,— убеждал он себя,— только чтоб отдохнуть немного. Устрою себе как бы каникулы».

И он затыкал уши целый месяц.

А однажды вечером не заложил в них вату. Прислушался. И ничего не услышал. Он не спал полночи — все ожидал, что вот-вот услышит чей-то плач, но так ничего и не услышал. Никто не плакал, только собаки лаяли где-то далеко.

— Или никто больше не плачет,— решил он,— или я оглох. Ну что же, тем лучше.

Второй конец

И с тех пор каждую ночь в течение многих-многих лет пожилой синьор вставал и в любую погоду спешил с одного края земли на другой, чтобы помочь кому-то. Спал он теперь совсем немного и только после обеда, даже не раздеваясь, в кресле, которое было старше его.

И соседи заподозрили тут что-то неладное.

— Интересно, куда это он ходит по ночам?

— Шляется бог знает где! Да он же просто бродяга, разве не ясно?!

— Может быть, еще и вор...

— Вор? Ну да, конечно! Вот вам и ответ!

— Надо бы последить за ним...

А однажды ночью в доме, где жил пожилой синьор, кого-то обокрали. И соседи обвинили в этом пожилого синьора. В квартире у него устроили обыск, перевернув все вверх дном. Пожилой синьор протестовал изо всех сил:

— Я ничего не воровал! Я тут ни при чем!
 — Ах, вот как? Тогда скажите-ка нам, куда это вы ходите по ночам?
 — Я был... Ах, видите ли... Я был в Аргентине, там один крестьянин никак не мог отыскать свою корову и...
 — Вот бесстыдник! В Аргентине!.. Искал корову!..
 Словом, пожилого синьора отправили в тюрьму. И он сидел там в полном отчаянии, потому что по ночам по-прежнему слышал чей-то плач, но не мог выйти из камеры, чтобы помочь тому, кто так нуждался в его помощи.

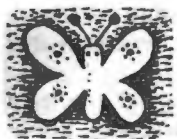
Третий конец

А третьего конца пока нет.
 Хотя, впрочем, он мог бы быть вот таким. В одну прекрасную ночь на всей земле не оказалось ни одного человека, даже ни одного ребенка в слезах... И на следующую ночь тоже... Не стало больше на земле плачущих и несчастных людей!

Может быть, когда-нибудь так и будет. Пожилой синьор уже слишком стар, чтобы дожить до этого счастливого дня. Но он по-прежнему встает по ночам и идет на плач, потому что таков уж его характер и он никогда не теряет надежду на лучшее.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

Волшебник Вклю-Чу

ил-был на свете один бедный волшебник... Вы, наверное, уже удивились: волшебник, и вдруг — бедный! Обычно в сказках эти два слова никогда не стоят рядом. Но этот волшебник, хоть и самый пренастоящий, все-таки был очень бедным. Потому что уже давно растерял всех своих клиентов.

— Неужели, — отчаивался он, — я больше никому не нужен? Прежде у меня было столько заказчиков, что я едва успевал выполнять их просьбы! Кому одно надо, кому — другое. А ведь я — без хвастовства скажу — дело свое знаю!.. Надо, пожалуй, побродить по белу свету и посмотреть, что случилось. Может быть, появился еще какой-нибудь волшебник, лучше меня? Надо бы познакомиться...

Сказано — сделано. Волшебник собрал свои драгоценные инструменты — волшебную палочку, книгу заклинаний и несколько чудодейственных порошков — и отправился в путь.

Шел он, шел, целый день шел. К вечеру добрался наконец до какого-то домика. Стучит: «тук, тук!»

— Кто там?

— Друзья, синьора, друзья!

— Вот хорошо! Войдите! Друзья редко навещают меня. Присаживайтесь! Чем угостить вас? Чем могу быть полезна?

— Это вы мне? Нет, синьора, благодарю вас! Не беспокойтесь ни о чем! Мне ничего не нужно! Может быть, это я могу быть вам чем-нибудь полезен? Знаете, я ведь волшебник! Меня зовут Вклю-Чу.

— Волшебник! Как интересно!

— Ну да — волшебник. Видите вот эту палочку? Простая вроде бы на вид палочка, а на самом деле — волшебная! Стоит мне произнести всего два слова — два слова, которые знаю только я и никто больше, — и с неба опустится звезда, чтобы осветить ваш дом...

Но тут синьора перебила его:

— Ах, кстати, сейчас *включу* свет! Я знаете ли,

задумалась и даже не заметила, как стемнело. Извините, пожалуйста! Ну вот, все в порядке. Так что вы мне говорили в связи со светом?

Но волшебник был так изумлен, что не мог и слова вымолвить. Он смотрел на лампочку, открыв от удивления рот, словно хотел проглотить ее.

— Но... Синьора, как вы это сделали?

— Что именно? А, свет! Просто включила его, и лампочка зажглась. Очень хорошая вещь — электричество!

Волшебник Вклю-Чу отметил про себя это новое слово — «электричество». «Вот, значит,— подумал он,— как зовут волшебника, который сильнее меня!»

Затем он набрался смелости и продолжил разговор:

— Так я говорил вам, синьора, что я волшебник и умею делать самые невероятные чудеса. Например, стоит мне положить щепотку вот этого порошка в стакан с водой, как вы услышите голос человека, который находится очень далеко отсюда.

— Ах,— снова перебила его синьора,— вы мне напомнили, что надо позвонить сантехнику! Извините, пожалуйста! Вот номер... Алло? Это сантехник? Вы не могли бы зайти ко мне завтра и починить кран на кухне? Спасибо, спасибо! Всего хорошего. Ну вот, все в порядке.

Волшебник Вклю-Чу не сразу обрел дар речи.

— Синьора, но с кем вы разговаривали сейчас?

— С сантехником... Вы ведь слышали? Очень удобная вещь — телефон...

Волшебник снова отметил: «Еще один чародей, о котором я никогда и не слышал! Надо же, какие у меня, оказывается, конкуренты...»

Затем он сказал:

— Послушайте, синьора, а может быть, вы хотели бы увидеть какого-нибудь человека, который находится сейчас очень далеко отсюда? Только скажите! У меня тут есть еще один волшебный порошок, с помощью которого...

— О, господи! — воскликнула синьора, перебивая его.— Я сегодня такая рассеянная! Сейчас *включу* телевизор! Я ведь хотела посмотреть соревнования лыжников. Знаете, мой сын — чемпион по горнолыж-

ному спорту! Сейчас включу, может быть, еще успеем... Да, да, смотрите, как хорошо! Вот это мой сын! Вот этот, которому все пожимают руку! Значит, он опять победил! Смотрите, какой замечательный парень! Надо же, а я чуть было не прозвала передачу! Хорошо, что вы напомнили мне... Вы и в самом деле просто волшебник!

— Да, синьора, я уже вам говорил, я действительно волшебник. Меня зовут Вклю-Чу!

— Ах! — воскликнула синьора, не слушая его. — Какая прекрасная вещь — телевизор!

Бедный волшебник попросил ее дважды повторить эту фразу, чтобы как следует запомнить и это новое слово. И подумал: «Вот еще один конкурент! Теперь понятно, почему у меня мало работы — ведь кругом столько разных волшебников, и все отзываются на мое имя...»

Затем он снова стал терпеливо предлагать свои услуги:

— Итак, послушайте меня, синьора! Как я уже говорил, я великий, знаменитый волшебник! Я пришел, чтобы узнать, не могу ли быть вам чем-нибудь полезен. Вот взгляните: это — книга заклинаний, это — волшебная палочка...

Первый конец

Надо ли пояснять, что в тот день волшебник Вклю-Чу не сотворил ни одного чуда. Мир слишком изменился с тех пор, как он последний раз путешествовал по нему. После электрической лампочки, телефона и телевизора бедный волшебник обнаружил еще сотни других чудес, над которыми прежде труднились бы тысячи волшебников, а теперь все они были подвластны обычным людям, которые управляли ими, нажав кнопку, — просто включали.

Волшебник решил понять, как устроен этот мир, и купил целую пачку газет. Из них он узнал, что много еще на нашей планете таких мест, куда его конкуренты пока еще не добрались — не везде есть электричество, телефон, телевизор и разные прочие удобства, и много еще на свете людей, у которых нет денег, чтобы купить себе эти современные чудеса.

«Вот и хорошо! — подумал волшебник, потирая

руки,— из них тут же посыпались искры.— Пойду туда! Там еще много работы для меня! И там еще, должно быть, уважают старых добрых волшебников!»

Второй конец

Волшебник послушал старую синьору, посмотрел на ее дом, начиненный разного рода бытовой техникой, и понял, что в современном мире уже не осталось места для старинных чудес.

«Люди стали умнее,— подумал он,— и напридумали столько всякой чертовщины, что нам, волшебникам, и не снилось. Так что, дорогой Включу, ничего не поделаешь. Очевидно, нужно приспособиться, как теперь говорят. Другими словами — или меняй ремесло, или смирись с печальной старостью».

Волшебник был, конечно, неглуп и, поразмыслив еще немного, вскоре составил себе план действий. Он снял просторное помещение и открыл магазин бытовых электроприборов. Он продавал их даже в рассрочку и вскоре так разбогател, что купил себе машину, красивую виллу на лучшем курорте — на озере Лаго Маджоре, купил яхту и по воскресеньям катался по озеру. Если ветра не было, он не огорчался, а надувал паруса с помощью одного небольшого волшебства и за несколько минут добирался до другого берега. Мотор на свою яхту он так и не поставил — сэкономил деньги на бензине.

Третий конец

Какой урок получил в тот день волшебник Включу! Будь он глуп, наверное, просто растерялся бы. Но поскольку он был неглуп, то понял, что чудеса, которые он увидел в доме синьоры, это вовсе не чудеса, а достижения науки. Ну а поскольку он был к тому же человеком, не лишенным воображения, то рассудил так:

Вот ведь как много сумели сделать люди без всякой волшебной палочки — только с помощью своего ума и рук. И кто знает, что еще они могут сотворить! Уж лучше мне, видимо, подать в отставку, стать обыкновенным человеком и засесть за учебу — может быть, тогда и я смогу придумать что-нибудь новое.

Чтобы подать в отставку, волшебнику даже не надо было писать прошение в общество волшебников. Достаточно было просто выбросить в ближайшую канаву все свои, теперь уже ненужные магические инструменты. Он так и сделал и, довольный, налегке отправился навстречу новой жизни.

Приключение Ринальдо

Однажды Ринальдо упал с велосипеда и явился домой с огромной шишкой на лбу. Тетушка, у которой родители оставили его, когда уехали в другую страну искать работу, ужасно испугалась. Она была как раз из тех тетюшек, которые всегда и всего пугаются.

— Ринальдо, мальчик мой, что случилось?

— Ничего страшного, тетя Роза. Упал с велосипеда. Вот и все.

— О боже, какой ужас!

— Но ты ведь даже не видела, как это было!

— Вот именно, поэтому мне и страшно!

— В другой раз я позову тебя, прежде чем падать!

— Не шути так, Ринальдо! Скажи лучше, зачем ты притащил велосипед в квартиру?

— В квартиру? Нет, я оставил его, как всегда, внизу, в подъезде.

— Тогда чей же это велосипед? — И тетушка указала в угол кухни.

Ринальдо обернулся и увидел у стены красный велосипед.

— ~~Этот?~~ Это не мой, тетя Роза! У меня зеленый велосипед.

— Действительно, зелёный... Тогда чей же? Он ведь не мог сам подняться сюда?

— А что? Может, тут поработали привидения?

— Ринальдо, не говори о них, прошу тебя!

— А ведь красивый велосипед!

Тетушка Роза громко вскрикнула.

— Что с тобой?

— Смотри, еще один!

— В самом деле! И тоже красный!

Синьора Роза была просто в панике — так она еще никогда не пугалась.

— Но откуда берутся все эти велосипеды?

— Да очень просто, — объяснил Ринальдо, — работает, наверное, какое-нибудь славненькое чудо! А нет ли, случайно, велосипеда и в моей комнате? ЕСТЬ! Смотри-ка, тетя Роза. И тут велосипед! Теперь их уже три! Если так дело пойдет и дальше, скоро у нас весь дом будет заставлен велосипедами...

И тут тетушка снова закричала так испуганно, что Ринальдо даже уши зажал. Оказывается, не успел он до конца произнести слово «велосипедами», как они тут же заполнили всю квартиру. «Двенадцать велосипедов в ванной комнате, — невольно сосчитала тетушка Роза, бросив туда ошеломленный взгляд, — и два в самой ванне».

— Хватит, Ринальдо! — взмолилась бедная женщина, падая на стул. — Хватит, я больше не могу!

— А что хватит? При чем тут я? Не я же их фабрикую! Вот придумала! Мне не собрать и трехколесного велосипеда, не то что эти...

— «Динь-динь!»

На столе, словно из воздуха, возник великолепный трехколесный велосипед, совершенно новенький — колеса еще были обернуты бумагой. А звонок весело звенел, точно говоря: «И я здесь!»

— Ринальдо, прошу тебя!

— Тетя Роза, неужели вы в самом деле думаете, что это хоть в какой-то мере зависит от меня?

— Конечно, сынок! Я хочу сказать... Нет, я не думаю... Но все равно, Ринальдо, прошу тебя, будь осторожен — не произноси больше слово «велосипед» и даже просто «трехколесный»!

Ринальдо рассмеялся.

— Ну, если дело только в этом, то я могу поговорить и о чем-нибудь другом. О будильниках, к примеру, или — арбузах... Или, скажем, о шоколадном пудинге или резиновых сапогах.

Тетушка упала в обморок. По мере того как Ринальдо называл эти вещи, дом заполнялся будильниками, арбузами, пудингами и сапогами. Эти необычные и неожиданные вещи возникали прямо из ничего, словно призраки.

— Тетя! Тетя Роза!

— А? Что? Ах! — пролепетала тетушка, приходя в себя. — Ринальдо, дорогой, сядь, пожалуйста, вот там и помолчи! Ты любишь свою тетю? Тогда сядь и не шевелись! А я схожу за профессором Де Волшебнис. Он разберется, в чем дело.

Профессор Де Волшебнис, к которому устремилась тетушка Роза, был пенсионером и жил в соседнем доме. Когда тетушке Розе нужно было решить какой-нибудь сложный вопрос, она всегда спешила к нему, потому что он никогда не заставлял себя упрашивать, всегда охотно выслушивал ее и давал советы. Только пожилые люди умеют быть такими терпеливыми и добрыми! На этот раз профессор тоже не заставил себя уговаривать.

— Так в чем же дело, молодой человек, что случилось?

— Добрый вечер, профессор! Не знаю! Похоже, в этом доме появились...

Но он не успел произнести слово «призраки», потому что тетушка Роза зажала ему рот рукой.

— Нет, Ринальдо, не произноси это слово! Все что угодно, только не призраки!

— Синьора! Объясните же, в чем дело? — продолжал профессор Де Волшебнис. — Что происходит?

— Да что же тут объяснять! Он упал с велосипеда и набил себе шишку на лбу. И вот, пожалуйста: стоит

ему назвать какую-нибудь вещь, как она сразу же появляется тут...

— Смотрите, профессор,— сказал Ринальдо,— я говорю, например, «кошка»...

— Мяу! — пропищала кошка, материализуясь на стуле у печки.

— Гм! — произнес профессор. — Гм! Понимаю!..

— Видите, что творится! А его родители уехали за границу! Такая ужасная болезнь...

— Разве это болезнь?! — удивился Ринальдо. — Это очень удобная штука! Хочу, например, фисташкового мороженого...

Хлоп! — и на столе появилась вазочка с фисташковым мороженым.

— По-моему, отличное мороженое! — заметил профессор. — Только вот ложечки нет.

— Ложечка! — позвал Ринальдо. — И еще одна порция! И еще одна ложечка! А ты, тетя, не хочешь мороженого?

Но тетушка Роза не ответила — она опять упала в обморок.

Первый конец

Профессор Де Волшебнис спокойно съел мороженое и продолжал разговор.

— Итак,— сказал он,— наш Ринальдо — неважно, как именно, может быть, в результате падения с велосипеда,— оказался обладателем чудодейственной силы, которая позволяет ему получать любую вещь, всего лишь произнося ее название.

— О небо! — воскликнула синьора Роза

— Не спешите туда, синьора,— продолжал профессор. — Теперь у вас и на земле будет рай.

— Как это?

— Да очень просто! Ринальдо скажет «миллиард», и вы станете миллионершей. Скажет «вилла с бассейном», и вы сможете нырять в воду. Скажет «автомобиль с шофером», и можете отправляться на прогулку. Его родителям не придется искать работу за границей. И может быть, Ринальдо вспомнит также о своем старом друге, профессоре, и скажет... Подожди, подожди! Не говори ничего... «Собака!» — вот что ты должен сказать. Хорошая такса, не слишком старая, не слишком молодая... Она будет мне другом. Знаете, одному в доме так одиноко...

— Такса такая-то и такая-то! — тут же повторил Ринальдо.

И такса радостно залаяла, привстала и положила лапы на колени профессору Де Волшебнису. И на глазах у него выступили слезы благодарности.

Второй конец

Короче, профессор Де Волшебнис объяснил, в чем дело.

— И я советую,— добавил он,— никому ни слова! Иначе Ринальдо будет в опасности.

— О господи! Но почему?

— Да очень просто: чудодейственная сила, которой он располагает, может стать источником несметных богатств. Если об этом узнают, можете себе представить, сколько всяких негодяев захотят завладеть Ринальдо, чтобы воспользоваться этой его силой!

— О господи!

Тетушка и племянник переглянулись и помолчали.

— Завтра,— сказал профессор, вставая,— завтра решим, что делать.

— Завтра...

А надо вам сказать между тем, что этот профессор Де Волшебнис вел двойную жизнь. Днем он был профессором, пенсионером, а ночью — главарем знаменитой шайки разбойников, которые опустошали банки по всей Европе. Де Волшебнис позвонил своим людям и приказал им украсть Ринальдо. А затем заставил его столько раз произнести слово «золото», что драгоценного металла хватило на десять автопоездов с прицепами. Он сел в первый автопоезд, посигналил и уехал. И никто больше никогда не видел его. А Ринальдо, бедняга, так устал повторять это несчастное слово «золото», что даже осип, потерял голос. Когда же он снова смог заговорить, волшебства как не бывало! Но кое-что тетушке Розе все-таки перепало — когда она продала все эти велосипеды, будильники, арбузы и прочее,

Третий конец

Съев мороженое, Ринальдо потребовал вторую порцию. Но сделал это так быстро, что вазочка с мороженым не успела опуститься на стол, а упала прямо

ему на голову. Ничего страшного, сами понимаете, если б речь шла только о мороженом. Но беда в том... что вазочка стукнула прямо по шишке, которую Ринальдо получил, когда упал с велосипеда. И этот удар оказался роковым. С этого момента Ринальдо напрасно перечислял разные вещи: ничто больше не появлялось перед ним — ни автомобиль, ни даже вареная картошка.

*Ринальдо еще
много раз
произнес
слово*

*"Мороженое"
и пригласил
к столу
всех мальчиков и девочек.*

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

Кольцо пастуха

теперь я расскажу вам про одного пастуха, который пас свое стадо в долине неподалеку от Рима. Вечером, загнав овец в хлев, пастух ужинал хлебом и сыром, укладывался на соломенную подстилку и засыпал крепким сном. А наутро, какая бы ни была погода — жара ли, сильный ветер, дождь или снег, он снова отправлялся со своими овцами и собакой на луга. Долгие месяцы жил он так — вдали от дома. Не позавидуешь!

И вот однажды вечером он уже хотел улечься на свою солому, как вдруг услышал, что кто-то зовет его:

— Пастух! Эй, пастух!

— Кто там?

— Друзья, пастух, друзья!
— По правде говоря, у меня не так уж много друзей. Вот разве что мой верный пес. Кто вы такой? И что вам нужно?

— Путник я. Я шел сегодня весь день, и завтра мне тоже предстоит долгая дорога. У меня нет денег на поезд, я голоден... Вот и подумал, может быть, ты...

— Входите, садитесь. У меня тут только хлеб да сыр. А пить захотите — вот молоко. Устроит — пожалуйста!

— Спасибо, ты очень добр! Какой вкусный сыр! Сам делал?

— Конечно, сам. А хлеб — черствый. Только завтра мне привезут свежего. Если б сегодня было уже завтра...

— Не беспокойся! Этот хлеб тоже хорош. Когда хочешь есть, то лучше сегодня черствый хлеб, чем завтра — свежий.

— Я вижу, вы неплохо разбираетесь в том, что касается желудка...

Путник поел, попил молока. И пастух пододвинул ему часть своей соломы, чтобы он мог отдохнуть. Утром они поднялись с первыми же лучами солнца.

— Спасибо тебе, пастух!

— Да не за что... Клочок соломы...

— Но я спал лучше, чем на царской кровати!

— Вижу, вы хорошо разбираетесь и в том, что касается сна...

— Я отдохнул так хорошо, — продолжал путник, — что хочу оставить тебе на память подарок.

— Подарок? Но это... это же кольцо!..

— Ну да, простенькое железное колечко. На память, я уже сказал. Только смотри, не потеряй его!

— Постараюсь.

— Может пригодиться...

— Ну, раз вы так считаете...

И они разошлись в разные стороны. Пастух сунул кольцо в карман и тут же забыл о нем.

В ту ночь ворвались к нему в хлев два вооруженных до зубов разбойника.

— А ну-ка, забей ягненка! — приказали они пастуху. — И зажарь его на вертеле!

С такими типами, понятное дело, не очень-то будешь спорить.

— И чтоб соли было в меру — ни много ни мало! — потребовали они.

Пастух постарался не пересолить, и ужином они, слава богу, остались довольны. А тот из разбойников, который все приказывал и выглядел главарем, даже сказал под конец:

— Не знаю, чего ты стоишь как пастух, но как повар ты молодец!

— Как умею...

— Верно. Что ты мог сделать? Приготовить ужин. И ты приготовил его. А мы что могли сделать? Съесть его. И мы съели. А все остальное будет потом.

— Остальное? Не понимаю...

— Поймешь, пастух, поймешь! Твое несчастье, что ты видел нас в лицо!

— Не такое уж несчастье, — ответил пастух, как бы говоря, что не такие уж они уроды.

Но разбойник объяснил ему, что он ошибается:

— Дело в том, дорогой мой, что, вернувшись в село, ты непременно станешь рассказывать о нас, и тогда дело может обернуться плохо, не так ли? Ты можешь рассказать о нас и в полиции: один, мол, старый, кривой, а другой — помоложе и на носу у него бородавка...

— Да нет у него никакой бородавки на носу!..

— Это я так, к слову. Факт тот, что для нас ты теперь опасен. Но не бойся, мы выроем тебе хорошую могилу и даже цветочки посадим...

— Могилу? Но... Что вы задумали?

— Ну как ты считаешь — неужели мы положим тебя в могилу живым?

— Хотите убить меня?

— Долго же до тебя доходит, пастух! Придется убить. Впрочем, это несложное дело. Гораздо легче умереть, чем работать. Это ведь... Эй, пастух... Слушай! Куда ты делся? Пастух! Ну-ка, приятель, поищи его там, а я здесь. Пастух, выходи, мы пошутили! Никто не собирается тебя убивать! Ну хватит играть в прятки... Пастух!

Так что же произошло? А то, что пастух, слушая угрозы разбойников, сунул руку в карман и коснулся при этом железного колечка. И тотчас же стал невидимкой. Он оставался на том же месте, где и сидел, — у огня, но разбойники не видели его! Они звали его и

искали по всему хлеву, с оружием наготове, намереваясь тут же убить, но не находили! А пастух боялся обнаружить себя и сидел, замерев, не шелохнувшись.

Первый конец

Наконец разбойники устали искать пастуха и решили уйти в горы, где у них было тайное убежище. Пастух оставил своих овец на попечение собаки — он знал, что она надежный сторож, — и пошел, стараясь не шуметь, следом за ними. Случалось все же, он задевал сухой лист или камушек выскакивал у него из-под ноги. Тогда разбойники останавливались и встревоженно оглядывались, но никого не видели и, вздохнув, шли дальше.

— Странно, — сказал наконец главарь, — мне все время кажется, будто кто-то идет за нами следом.

Другой кивнул в знак согласия.

— А никого нет, — продолжал главарь.

И другой разбойник снова согласился. У него было правило — никогда не противоречить главарю.

Долго шел пастух за ними следом по лесу и по горам, пока не пришли они к пещере, где их ждали остальные разбойники. Тут он подслушал их разговоры и узнал, что они собираются захватить какой-то поезд и ограбить пассажиров. И вскоре все разбойники, хорошо вооружившись, ушли. Оставшись один, пастух осмотрел пещеру, обшарил все углы, заглянул под один камень, под другой, поискал под соломой и нашел наконец яму, где лежали завернутые в волчью шкуру награбленные разбойниками сокровища — множество золота, драгоценностей и денег.

Пастух наполнил ими свою сумку, потом расстелил на земле плащ и в него завернул еще сколько мог всякого добра. Так что обратно он шел, сгорбившись под тяжестью богатства. Но не думайте, что он вернулся в свой хлев к овцам и собаке. На что ему теперь это стадо? И зачем жить одному, когда он стал таким богатым и мог при желании купить себе сто таких стад? Пастух направился в город. И по дороге напевал веселую песенку: «Ах, Рим, прекрасный Рим! Идет к тебе пастух, богаче короля! Тра-ля-ля-ля! Тра-ля-ля-ля! Идет к тебе пастух, богаче короля!»

Второй конец

Когда разбойники, устав искать, ушли, пастух поцеловал кольцо, которое спасло его, и в тот же момент, благодаря этому поцелую, снова стал видимым. Он понял это, потому что собака, которая прежде спокойно дремала, вскочила и радостно залаяла.

— Молодец! — сказал пастух. — Ты тоже понимаешь, что нам здорово повезло! Да, друг мой, давай кончать с этой беспросветной жизнью. Распрощаемся теперь с этими скучнейшими овцами. Знаешь, что я придумал? Стану-ка я детективом, частным сыщиком! Ведь с помощью этого кольца я смогу легко расследовать любые, самые запутанные дела, смогу входить в дома, ловить негодяев, собирать доказательства, искать улики, делать снимки и так далее. Короче, выловлю всех самых ловких и хитрых воров, самых умелых фальшивомонетчиков и самых дерзких грабителей. И стану знаменитым на всю Италию и Швейцарию. И может быть, даже на всю Африку!

Так и случилось. Несколько месяцев спустя газеты почти по всей Европе только и писали, что о подвигах «Короля сыщиков», который предпочитал другое прозвище — Доктор Невидимус.

Третий конец

Пастух очень обрадовался, что ему так повезло.

— Какое замечательное кольцо! — сказал он. — Пусть счастлив будет тот, кто дал мне его!

Но теперь он утратил всякий покой, боясь потерять это волшебное кольцо.

— В кармане, — рассуждал он, — его нельзя держать — можно случайно выронить, доставая платок. Уронил и — прощай! На пальце тоже не стоит носить. Лучше, пожалуй, спрятать его, а то еще кто-нибудь захочет украсть... Но где? А, вот здесь! В этом дереве есть хорошее дупло...

Так он и сделал — спрятал кольцо в дупле дерева. А затем повел своих овец на пастбище и стал думать, как бы использовать волшебное кольцо. Он придумал очень много интересного, но ни одной из его затей не суждено было осуществиться. Потому что, по-

ка он пас овец, кольцо увидела сорока. Она схватила его и унесла к себе в гнездо, а где оно, это гнездо, — никому не известно! Так что пастух теперь перестал быть невидимкой, а кольцо навсегда затерялось где-то.

Такси к звездам

эта история приключилась с миланским таксистом Пеппино Компаньони. Как-то вечером вел он не спеша свою машину по направлению к Генуэзским воротам, собираясь поставить ее в гараж. Настроек у него было неважное. Ездить в тот день пришлось мало, да и пассажиры попадались все какие-то ворчливые и неприятные. Особенно разозлила одна синьора. Целых сорок восемь минут заставила она его ждать у магазина, так что даже штраф пришлось уплатить. И теперь, возвращаясь с работы, Пеппино все же поглядывал на прохожих — не понадобится ли кому его машина? О, вот как раз какой-то синьор машет ему!

— Такси! Такси!

— Пожалуйста! — сразу же притормозил Пеппино. — Только имейте в виду, я уже заканчиваю работу и еду к Генуэзским воротам. Вам туда же?

- Поезжайте, куда хотите, только побыстрее!
- Да нет, поедem, куда скажете, о чем разговор! Хорошо бы, конечно, не слишком далеко...
- Поезжайте! Поскорее и все время прямо!
- Хорошо, синьор!

Пеппино нажал на педаль газа, и машина понеслась. В зеркальце заднего вида Пеппино поглядывал на пассажира. Ну и тип! «Поезжайте, куда хотите... Поезжайте только прямо!» А лица не видно — уткнулся в поднятый воротник пальто и низко надвинул шляпу. «Ну и ну! — подумал Пеппино. — А вдруг это вор? Надо понаблюдать, не гонится ли за нами кто-нибудь? Нет, вроде никто не гонится. Ни портфеля у него, ни сумки... Только какой-то пакетик. Вот он его открывает.. Интересно, что это такое? Что это может быть? Шоколадный батончик? Ну да! Только почему-то голубой! Где это видано — голубой шоколад! Но он ест его — кладет в рот! Впрочем, кому что нравится... Дело вкуса. К тому же мы уже почти приехали...»

— Эй, послушайте.. Да что же это? Что происходит? Что вы делаете? Что вы задумали?

— Не волнуйтесь,— спокойно сказал пассажир,— и поезжайте все время только прямо.

— Да какое прямо! Теперь уж и не разберешься, где тут прямо, где криво... Мы же летим по воздуху! На помощь! Спасите!

Пеппино круто свернул вправо, чтобы не врезаться в телевизионную антенну, стоявшую на крыше какого-то небоскреба, и снова возмутился:

— Что это вы натворили с моей машиной? Что за чертовщина такая!

— Не бойтесь. Ничего не случится.

— Ну да — ничего! Такси летит по воздуху, а вы уверяете — ничего! Можно подумать — самое обычное дело. Ой, смотрите, мы уже поднялись над Миланским собором! Упадем, так прямо на его шпиль. Ох, пиши пропало! Но можно все-таки узнать, что это за дурацкие шутки?

— Вы и сами должны были бы уже понять, что это совсем не шутки,— ответил пассажир.— Мы летим. И на чем?

— Как это «на чем»? Мое такси — не ракета!

— Считайте, что сейчас это космическое такси.

— Какое там космическое! К тому же у меня нет прав на вождение самолета. И мне придется платить штраф из-за вас! Да объясните мне наконец, как же это мы летим?

— Это проще простого. Видите этот голубой батончик?

— Конечно. Я и раньше еще заметил, что вы откусили от него.

— Да, надо съесть кусочек, и он заработает. Это антигравитационный двигатель, который позволяет нам развивать скорость света плюс еще один метр.

— Хорошо! Все это очень хорошо и даже прекрасно! Только мне, уважаемый синьор, надо домой. Я живу у Генуэзских ворот, а не на Луне!

— А мы и не на Луну летим.

— Вот как? Куда же, позвольте узнать?

— На седьмую планету звезды Альдебаран. Я живу там.

— Очень приятно! Но я-то живу на Земле!

— Ладно, я объясню вам, в чем дело. Я не землянин, я — альдебарнианин. Видите?

— Что это я еще должен видеть?

— Вот здесь у меня третий глаз.

— Черт возьми, и в самом деле — третий!

— А теперь посмотрите на руки. Сколько на них пальцев?

— Раз, два, три... шесть... двенадцать... Двенадцать пальцев на руке?!

— Двенадцать пальцев. Ну, теперь вы убедились? А на Земле я был в командировке. Меня послали сюда посмотреть, как вы тут живете. Теперь я возвращаюсь на свою планету.

— Прекрасно! Вы честно выполняете свой долг. А я? Что я должен делать? Как я теперь вернусь домой?

— Я дам вам кусочек голубого батончика, пожуете его и через минуту окажетесь в Милане.

— Зачем же вам при таком-то голубом батончике вообще понадобилось такси?

— Мне хотелось путешествовать сидя. Такое объяснение вас устраивает? Смотрите, мы подъезжаем.

— Это что же, вон тот шарик, что ли, ваша планета?

«Тот шарик» через несколько секунд превратился в гигантский глобус, к поверхности которого с чудовищной скоростью несло такси Пеппино Компаньони.

— Вот туда, левее,— показал пассажир,— приземлимся вон на той площади.

— Интересно, где вы тут нашли площадь? Я вижу только чистое поле.

— На моей планете нет полей!

— Тогда, выходит, это площадь, закрашенная зеленым цветом.

— Уф!.. Еще ниже... Еще немного... Вот так! Вот мы и приехали!

— Что я вам говорил? Разве это не трава? Ой, а это что такое?

— О чем вы?

— Смотрите!.. Гигантские курицы... Они несутся к нам, вооруженные луками и стрелами.

— Лук? Стрелы? Гигантские курицы?.. На моей планете ничего подобного нет!

— Нет? Тогда, знаете, что я вам скажу?

— Не надо! Знаю. Мы сбились с пути! Дайте подумать...

— Думайте, да побыстрее, однако, потому что они приближаются. О, вы слышали? Это просвистела стрела! Ну, синьор Альдебаран, быстрее глотайте свой шоколад да припустим отсюда поживее, потому что Пеппино Компаньони хочет вернуться в Милан живым, а не мертвым. Ясно вам?

Космический путешественник поспешил откусить кусочек таинственного вещества, которое Пеппино Компаньони называл голубым шоколадом.

— Глотайте скорее! Да не жуйте, а то не успеем! — крикнул таксист.

Первый конец

Такси рванулось с места и помчалось дальше, но одна стрела все-таки успела пробить заднюю шину, и та с шипением выпустила воздух.

— Вы слышали? Села! — огорченно воскликнул Пеппино. — И вам придется заплатить за нее!

— Заплачу! Заплачу! — ответил синьор Альдебаран.

— Ну а теперь вы не ошибаетесь? Или мы опять прилетим на какую-нибудь дикую планету?

К сожалению, пассажир не смог в спешке точно отмерить нужную дозу шоколада, и космическое такси еще довольно долго носилось туда и сюда по разным Галактикам, прежде чем добралось до планеты Альдебаран.

Когда же они приземлились наконец на ней, то она оказалась такой прекрасной, ее обитатели такими добрыми, а их голубое рагу (местное блюдо) таким вкусным, что Пеппино Компаньони уже вовсе не спешил вернуться в Милан. Знакомясь с разными чудесами этой планеты, он пробыл там целых две недели и сделал за это время много заметок. А когда вернулся на Землю, написал книгу и поместил в ней двести фотографий. Книга была переведена на девяносто семь языков, и автору присудили Нобелевскую премию. Сегодня Пеппино Компаньони — самый известный таксист-писатель-исследователь Солнечной системы.

Второй конец

Такси взмыло в воздух и помчалось намного быстрее тех стрел, что преследовали его, так что очень скоро оба путешественника оказались вне опасности.

— Насколько я понимаю, — заметил Пеппино, — вы тоже не очень-то хорошо знаете космические дороги, не так ли?

— Ваше дело — вести машину, — проворчал космический путешественник, — а об остальном позабочусь я.

— Отлично, только постарайтесь не повторять ошибок.

Так на скорости света — плюс один метр — они пролетели еще несколько минут, покрывая невероятные космические расстояния, и наконец оказались... в Милане, на площади у собора!

— Проклятье! Я опять ошибся! — вскричал синьор Альдебаран, всеми своими двадцатью четырьмя пальцами хватаясь за голову. — Поехали!

— Нет уж, спасибо! — воскликнул таксист и вылез из машины. — Мне и тут очень неплохо. Вы можете,

конечно, если у вас хватит совести, отнять у меня машину, но только имейте в виду, что эти четыре колеса кормят мою семью.

— Ладно уж,— проворчал пассажир,— пойду пешком...

Он вылез из машины, откусил кусочек своего «голубого шоколада» и исчез. А Пеппино Компаньони, прежде чем идти домой, зашел в кафе и выпил чашечку крепкого кофе, чтобы прийти немного в себя от испуга.

Третий конец

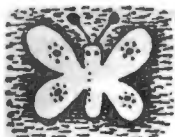
Было бы очень долго рассказывать про этот конец, поэтому я передам лишь самую суть. Таксист и его пассажир попали в плен к Гигантским Курицам. Тюрьмой им служило яйцо, но вскоре они убежали вместе со своей тюрьмой. Синьор Альдебаран отправился дальше — на свою планету, а Пеппино с летающим яйцом и запасом «голубого шоколада» возвратился в Милан и открыл агентство по космическим путешествиям на линии Земля — Марс — Сатурн и обратно, а также построил птицеводческую фабрику, где разводит кур, которые несут яйца, хоть и некрупные, но для яичницы вполне подходящие.

Пеппино

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

Благодаря
отъезду Альдебаран своего
пассажира. Вернувшись
в Милан, он ушел
из такси и стал
работать на грузовике.
Так оно спокойнее.

Как болел Тино

ил в Милане один бухгалтер. Звали его Бьянки и работал он в банке. Жену его звали синьора Роза. И был у них маленький сын, совсем маленький — еще грудной. Был он красивый, очень славный, черноволосый, с умными, живыми глазами — словом, замечательный ребенок.

Звали его Джованни-Баттиста, но имя это казалось слишком длинным для такого маленького мальчика, и родители звали его просто Тино.

Поначалу Тино рос нормально, как все дети. Исполнился ему годик, затем второй, а вот когда пошел третий, появились вдруг у него первые признаки какой-то совершенно необычной болезни.

Однажды синьора Роза, возвратившись из магазина, увидела, что мальчик сидит на полу, на ковре, и играет с резиновой игрушкой. И тут у синьоры Розы сжалось сердце... Тино... Ее Тино вдруг показался ей очень маленьким, *гораздо меньше, чем он был до того, как она ушла в магазин...* Она бросилась к нему, взяла на руки, стала звать, ласкать... Ну слава богу, ей только показалось! Тино был такой же большой и такой же тяжелый, как прежде, и так же весело играл с резиновой лошадкой.

В другой раз бухгалтер Бьянки и синьора Роза на минуту оставили Тино в гостиной, а вернувшись, страшно удивились:

— Тино!

— Тино!

Мальчик поднял на них глаза и улыбнулся... Синьора Роза облегченно вздохнула:

— О господи, как я испугалась!

— И я тоже!

— Мне показалось, что он вдруг... как будто уменьшился — стал худеньким и *совсем маленьким*.

— И мне тоже в первую минуту показалось, что он стал маленьким, как кукла.

— Что же это было?

— Странно, что мы оба...

— Знаешь, а ведь так уже было однажды. Я вер-

нулась из магазина, а он сидит такой маленький-маленький, совсем крохотный...

В тот день бухгалтер Бьянки и синьора Роза более или менее успокоились. Но потом такая же история повторилась еще несколько раз. Тогда, понятное дело, они решили обратиться к врачу. Врач осмотрел Тино, измерил его рост, вес, велел ему произнести «тридцать три», попросил покашлять, послушал легкие, сунув ложечку в рот, посмотрел горло и наконец сказал:

— По-моему, прекрасный ребенок. Крепкий, здоровый, совершенно здоровый!

— Но, доктор... Как же тогда понимать...

— Как понимать?.. Давайте проведем опыт. Выйдем из комнаты, оставим его на минутку одного и посмотрим, что будет.

Так и сделали — вышли из комнаты, стали за дверью, прислушались и... ничего не услышали! Тино не плакал и не двигался, словно его там и не было. А вернувшись в комнату, они увидели, что Тино опять стал маленьким, совсем маленьким, просто крохотным. Но только на несколько мгновений! Едва он увидел папу, маму и доктора, тотчас снова стал таким же, как прежде, — замечательным краснощеким крепышом и для своего возраста даже довольно крупным.

Тогда доктор сказал:

— Я понял! Я понял, в чем дело! Это не просто болезнь. Это редчайшее явление. Такое отмечали только однажды в Америке, сто лет назад.

— Что же это такое? — заволновался бухгалтер Бьянки.

— Это опасно? — забеспокоилась синьора Роза.

— Нет, не опасно, думаю, что нет. Это... Как бы вам сказать...

— Что же это?

— Скажите, доктор, не мучайте нас!

— Успокойтесь, синьор, — ответил врач, — нет никаких оснований для волнений. Просто ваш ребенок совсем не может оставаться один. *Когда он остается один, он уменьшается.* Вот и все. Ему непременно нужно чье-то общество, понятно?

— Но мы никогда не оставляем его одного!

— Почти никогда...

— Понимаю, понимаю. Но речь идет не об этом. Ребенок должен играть с детьми своего возраста, вы

понимаете? С братиком, с друзьями, соседскими детьми. Очевидно, надо отправить его в детский сад, чтобы у него были товарищи по играм. Вы меня поняли?

— Да, доктор.

— Спасибо, доктор. А долго он будет болеть?

— Как это — долго?

— Я хочу сказать... Когда он вырастет, ему тоже нельзя будет оставаться одному? Он так же будет уменьшаться?

— Сейчас трудно сказать,— ответил доктор.— Но даже если б это было и так, может, это не так уж плохо?

Бухгалтер Бьянки и синьора Роза вернулись с маленьким Тино домой, впрочем, не такой уж он был теперь и маленький, и стали заботиться о нем еще больше. Со временем у Тино появился братик, сам он пошел в детский сад, потом в школу, рос высоким, здоровым, умным и очень живым ребенком. К тому же он был добрым мальчиком, и все любили его, потому что он никогда сам не затевал драк и всегда старался помирить драчунов. Потом он стал юношей, поступил в университет...

Однажды — ему было уже двадцать лет — он сидел у себя в комнате и занимался. На этот раз он был один, хотя обычно у него всегда собирались друзья и товарищи. Бухгалтер Бьянки и синьора Роза вдруг вместе подумали об одном и том же.

— Посмотрим?

— Не знаю... Прошло столько лет...

— Давай посмотрим!.. Интересно, неужели до сих пор...

Они на цыпочках подошли к двери и один за другим заглянули в замочную скважину...

Первый конец

...Посмотрев в нее, супруги Бьянки бросились друг другу в объятия и расплакались.

— Бедный Тино!

— Бедный наш сынок!

— Он так и не вылечился, никогда не вылечится...

Оставшись один, Тино и в самом деле сразу уменьшился и стал ростом с трех- или четырехлетнего ребенка. Лицо у него было взрослое, брюки на нем были

длинные, и майка была все та же, зеленая, но выглядел он карликом!

— Выходит, по-прежнему нельзя оставлять его ни на минуту одного,— вздохнул бухгалтер Бьянки.

— Может быть, это мы виноваты, может быть, мы мало давали ему витаминов? — всхлипнула синьора Роза.

— Что делать? — спросили они доктора, позвонив ему по телефону.

— Только не отчаиваться! — ответил доктор. — Тем более что есть прекрасный выход из положения. Жените его на какой-нибудь славной девушке, у них появятся дети. И уж они-то не оставят его ни на минуту в покое! И болезнь его пройдет, словно ее и не было.

— Ну конечно! — радостно воскликнул бухгалтер Бьянки.

— Ну разумеется! — обрадовалась синьора Роза. — Как это мы сами не догадались?

Второй конец

Посмотрев в замочную скважину, супруги Бьянки бросились друг другу в объятия и заплакали от радости.

— Какое счастье!

— Как хорошо!

— Он не уменьшился!

— Он здоров!

Тино и в самом деле не уменьшился не только ни на один сантиметр, но даже ни на один миллиметр и продолжал спокойно заниматься, даже не подозревая о волнениях, которые испытывали его родители.

У него было теперь много друзей, много интересных дел и занятий, которые привязывали его к жизни, у него было много планов, много надежд и еще больше желания работать. А это все такие вещи, которые всегда остаются с человеком, даже если он сидит в комнате совсем один и рядом никого нет. Так что по-настоящему человек никогда не остается в одиночестве.

Третий конец

...Посмотрев в замочную скважину, бухгалтер Бьянки и синьора Роза с изумлением уставились друг на друга, не в силах произнести ни слова, да так и стояли целую минуту.

— Что же это такое?

— Как же это понимать?

— Роза, будь добра, приготовь мне кофе, да по-
преле, прошу тебя...

— Да, да, мне тоже надо бы выпить чашечку...
Что бы это значило?

— Неслыханное дело!

Что же они там увидели?

Они увидели, что их сын Тино стал в два раза выше ростом, и ему пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой о потолок. Руки и ноги у него стали длинными, как у жирафа. Но он, казалось, даже не замечал этого. Он продолжал заниматься и что-то писал карандашом, который в его огромных руках казался крохотным, как зубочистка.

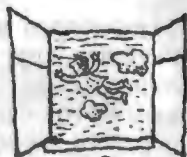
— Теперь у него другая болезнь, — вздохнул бухгалтер Бьянки, дую в чашечку с кофе.

— И тоже очень редкая! — заключила синьора Роза.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

Посмотрев в замочную скважину, супруги Бьянки увидели, что в комнате никого нет. Войдя, они заметили открытое окно.

Тино, потеряв способность уменьшаться, научился летать и сейчас полетел немного отдохнуть от занятий.

История с телевизором

Как-то вечером синьор Веруччи возвращался с работы домой. Он был служащим и работал, если не ошибаюсь, на почте. Впрочем, он мог быть и

зубным врачом и инженером... Мы можем представить его себе кем угодно. Можем представить его себе с усами? И с бородой? Прекрасно, значит, с усами и бородой. Попробуем вообразить теперь, как он одет, какая у него походка, как он говорит. Сейчас он что-то говорит про себя. Послушаем его тихонько.

— Домой, домой, наконец-то!.. «Дом родной, уютный счастливый, скромный, тихий, дорогой...» Не могу больше! Так устал! Целый день спешка, кругом столько народу, на улице толпа, сплошной поток машин... Сейчас приду, закрою дверь, дамы и господа, и — привет вам всем! Только я вас и видел! Переступлю порог своего дома, и весь мир останется там, за дверями... Хотя это я еще могу сделать... Вот так! Вот я наконец-то и один... Какая красота... И прежде всего — прочь этот галстук!.. Теперь сбросим ботинки... Включим телевизор... И наконец сядем в кресло, положим ноги на скамеечку, возьмем сигарету... Ну вот, теперь мне хорошо! И самое главное — я наконец один! Я... А вы кто такая? Откуда вы тут взялись?

Синьору Веруччи мило улыбалась прехорошенькая синьорина. Мгновение назад ее еще не было в комнате, а теперь она сидела напротив него на диване и, улыбаясь, поправляла свои бусы.

— Не узнаете? Я же диктор телевидения. Вы включили свой телевизор, и вот я здесь. Сейчас сообщу вам последние известия...

Синьор Веруччи возмущился:

— Имейте совесть! Вы же не на экране телевизора, как должно было бы быть, а в моем доме и сидите на моем диване...

— А какая, скажите вы мне, разница? Ведь когда я на экране телевизора, я все равно в вашем доме и все равно разговариваю с вами...

— Но как вы сюда попали? Я даже не заметил... Вы что же, вошли тайком от меня?

— Ну не стоит ломать над этим голову... Так вас интересуют последние известия или нет?

Синьор Веруччи смирился:

— Это, конечно, не совсем убедительно... Впрочем, как хотите...

Хорошенькая синьорина прочистила голос и начала:

— Итак: «По всей Англии продолжаются поиски опасного бандита, сбежавшего из тюрьмы «Ридинг».

Комиссар полиции заявил, что, по его мнению, бандит скрывается в лесу...»

Тут синьор Веруччи услышал голос, который доносился не с экрана телевизора и не от дикторши, а откуда-то из-за его собственной спины. Голос произнес:

— Чепуха!

— А это кто еще? — подскочил синьор Веруччи.

— Да ведь это же бандит! — воскликнула дикторша, не двигаясь, однако, с места. — Смотрите, он прячется за вашим креслом.

— Чепуха! — повторил голос. — Так я вам и скажу, где прячусь...

Синьор Веруччи вскочил, посмотрел в сторону, откуда доносился голос, и вскипел:

— Да как вы смее! И к тому же вооружен! Бандит у меня в доме! С ума сойти!

— Но вы сами меня пригласили! — ответил бандит, выходя из своего укрытия.

— Я? Неплохо придумано! Чтобы я да стал приглашать бандита к себе в гости выпить рюмочку...

— Кстати, я не откажусь.

— От чего?

— От рюмочки.

— Да вы не просто бандит! Вы к тому же еще и наглец! Во-первых, я заявляю вам, что знать вас не знаю! Во-вторых, вы находитесь тут вопреки моему желанию! Вы, синьорина, свидетель.

— Нет, синьор Веруччи, — ответила дикторша, — я не могу быть свидетелем, как бы вам этого ни хотелось. Вы ведь сами включили телевизор...

— Ах, выходит и бандит...

— Да, разумеется, и он попал в ваш дом из телевизора, как и я.

— Короче, — сказал бандит, — вы угостите меня рюмочкой вина или нет?

— Пожалуйста, — ответил синьор Веруччи, — проходите, садитесь, располагайтесь, как у себя дома! Теперь мне уже ясно, что я тут никто. Это мой дом, но я здесь не хозяин. Дверь закрыта, окна тоже, но люди свободно входят сюда и делают здесь, что хотят...

— Как вы, однако, тянете с этой рюмкой, — заметил бандит.

— Ну, а мне продолжать новости? — спросила дикторша.

И синьор Веруччи ответил:

— А почему бы и нет? Мне даже интересно, чем закончится эта история.

И синьорина бесстрастным дикторским голосом стала читать:

— «Генерал Боло, комадующий семантическими войсками, заявил, что вновь начнет военные действия против республики Планавии и что война окончится не раньше Нового года».

— Это не совсем верно,—прервал ее какой-то голос, и дверь платяного шкафа с силой распахнулась.

Синьор Веруччи вздрогнул:

— Что? Ах, да, понял... Генерал Боло, не так ли? А что вы делали в моем шкафу?

— Вряд ли это заинтересует вас,—спокойно ответил генерал.

— И все же я бы хотел знать,—твердо продолжал синьор Веруччи.—Что вы там делали? Бомбы?.. Бомбы в моем шкафу... В моей квартире! Но какое я имею отношение к вашей войне, хотел бы я знать?!

— Мое дело, дорогой синьор,—произнес генерал Боло,—командовать семантическими войсками и захватывать территорию Планавии, а не отвечать на ваши вопросы. Я пришел сказать синьорине, что мое заявление было передано неверно. Я выразился иначе! Я сказал так: «Война окончится до Нового года, потому что я уничтожу всех планавийцев, всех до одного, сотру с лица земли их города, превращу их страну в пустыню!»

Тут в разговор пожелал вмешаться бандит:

— Нет, вы только послушайте его! Какое рвение! Какие планы! А за мной, жалким воришкой, гоняются по всей Англии. Хотел бы я все-таки знать, кто же из нас двоих настоящий бандит?..

— А я,—закричал синьор Веруччи,—хотел бы знать, когда вы все уберетесь отсюда? А вы, милая синьорина, и вы, синьор бандит, и вы, синьор генерал!.. Это мой дом, и я хочу остаться в нем один! Что вы делаете и что болтаете, меня совершенно не интересует. Но я найду на вас управу и выпровожу вас всех вон! Я вызову полицию и обвиню вас в том, что вы ворвались в мой дом. Вот так! Я позову и карабинеров, и регулировщиков уличного движения, и по-

жарных... Всех позову! Я хочу наконец понять, хозяин я в своем доме или нет... Я хочу наконец...

Но, по мере того как диктор телевидения продолжала читать последние известия, квартира синьора Веруччи, который намеревался спокойно отдохнуть, заполнялась самыми различными людьми. Тут оказались какие-то изнуренные от голода люди, замученные муштрой солдаты, выступающие с речами политические деятели, застрявшие в дорожной «пробке» автомобилисты, тренирующиеся спортсмены, бастующие рабочие и даже пилот, которому предстояло сбрасывать бомбы... Разноголосая речь, крики, шум, гвалт, пение и ругань на всех языках мира смешивались с ревом моторов, взрывами бомб и грохотом танков.

— Хватит! — закричал синьор Веруччи. — Это предательство! Насилие! Хватит! Хватит!

Первый конец

Внезапно раздался громкий звонок в дверь.

— Кто там?

— Откройте!

О, слава богу, это были карабинеры. Их вызвал сосед, обеспокоенный сильным шумом и взрывами в квартире синьора Веруччи.

— Ни с места! Руки вверх! Предъявите документы!

— Спасибо! — вздохнул синьор Веруччи, опускаясь на свой любимый диван. — Спасибо! Уведите их всех! Я никого не хочу видеть! Это все подозрительные люди.

— И синьорина?

— И она тоже! Она не имела никакого права приводить ко мне в дом всю эту свору.

— Согласен, синьор Веруччи, — сказал сержант карабинеров, — вы имеете полное право на свою личную жизнь. Я всех отправлю в тюрьму. Хотите, я приготовлю вам кофе?

— Спасибо. Я сам. Только без кофеина. Иначе не усну.

Второй конец

Вдруг... синьор Веруччи умолк. У него мелькнула одна очень неплохая мысль. Улыбаясь всем, кто с лю-

бопытством поглядывал на него, он тихонько приблизился к телевизору, и, убедившись, что никто не сумеет помешать ему, неожиданно резким движением выключил его.

Первой исчезла дикторша. За нею один за другим пропали бандит и генерал, певцы и атлеты, армии и народы. Как просто, не правда ли?

Достаточно выключить телевизор, и мир тут же исчезнет, останется за пределами нашего дома, вернет нам покой...

Оставшись победителем на поле боя, синьор Веруччи улыбнулся сам себе и закурил трубку.

Третий конец

Вдруг... синьор Веруччи замолчал.

Он понял?

Да, он понял.

Что?

Что недостаточно закрыть двери, чтобы отключиться от мира, от людей, от их горестей и проблем.

Что никто не сможет радоваться жизни, зная — а для этого достаточно включить телевизор, — что есть еще люди, которым плохо, которые страдают и умирают, далеко или близко, но на одной с нами Земле, а она у нас у всех одна, она — наш общий дом

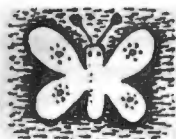
ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

Синьор Веруччи

Купил еще один телевизор, тоже волшебный. Когда он выключил его, то все, кто появился из первого телевизора, убралось во второй. — так и Синьор Веруччи с тех пор держит-таки один телевизор напротив другого

Сто лир в кармане

или-были три брата. И были они такие бедные, что просто не знали, как свести концы с концами. Однажды вечером укладывались они спать, как всегда, на голодный желудок, а старший из них вдруг и говорит:

— Знаете, братья мои, так дальше жить нельзя. Наш клочок земли не может прокормить нас всех. Завтра я уйду от вас. Пойду бродить по свету, счастья искать. И если оно мне улыбнется, вернусь домой, и вы заживете богачами.

И на следующее утро он ушел. Шел он, шел, наступил вечер, а он все идет.

Наконец пришел он в одну остерию, поужинал куском хлеба с сыром и поискал, где бы прилечь. В комнате собралось уже немало народу, но одна свободная кровать все же нашлась. Он улегся на нее и уснул крепким сном.

Проснулся он рано, как все крестьяне, до зари. Оделся, расплатился с хозяином и пошел дальше. Он уже предостаточно прошагал, как вдруг понадобилось ему высморкаться. Сунул он руку в карман за платком и удивился

— Что это? Монетка в сто лир! Да у меня никогда не было таких денег в карманах... А, понимаю! Это, должно быть, чужие штаны. Наверное, в темноте я перепутал их со своими. Да только они ничуть не лучше моих — такие же старые да рваные. Стоит ли возвращаться, чтобы менять их. А что еще тут в кармане? Еще одна монетка в сто лир!.. Мне казалось, тут была только одна... Говорят, где две, там и три... Посмотрим, нет ли там и третьей... Так и есть! Выходит, у меня теперь триста лир! Мой дневной заработок!

И даже больше, чем дневной, потому что всякий раз, как только он опускал руку в карман, находил там сто лир. И он уж, разумеется, не уставал доставать эти монеты — все вытаскивал и вытаскивал, вытаскивал и вытаскивал. Целая горка монет набралась уже, а карман неутомим — все выдает и выдает ему по

сто лир. Парень был прямо вне себя от радости и бегом пустился обратно домой. Примчался и кричит:

— Братья! Братья мои! Мне повезло! Смотрите, что я нашел! — и стал доставать из кармана монеты.

— В самом деле — сколько денег!

— А я могу и еще достать! Сколько хотите!

— Может, ты нашел машину, которая делает деньги?

— Ну да! Удивительная и совсем простая машина... Смотрите, вот сто лир... Вот еще... Еще... И еще...

— Молодец, — сказал второй брат. — Только мы не можем жить за твой счет. Это было бы несправедливо. Завтра и я отправлюсь на поиски счастья. Раз оно улыбнулось тебе, улыбнется, конечно, и мне, и мы вдвоем заживем как настоящие господа...

И на следующее утро он отправился в путь. Остановился, как и старший брат, в той же остерии, переспал ночь в той же комнате, а поутру, проснувшись, надел штаны своего соседа и ушел. Отойдя подальше, он остановился и принялся шарить в карманах:

— Посмотрим, повезет ли и мне... В этом кармане пусто... А в этом... Что-то есть!.. Нет, это не монетка... Какая-то бумажка... Да ведь это тысяча лир! Может, еще одна найдется? Так и есть! И еще одна... И еще! Ну, теперь я богат!

Действительно, карман, стоило сунуть туда руку, всякий раз выдавал ему тысячу лир. Выходит, эти штаны тоже были волшебные!

Второй брат, понятное дело, поступил, как и первый. Довольный-предовольный, он поспешил домой и еще издали закричал:

— Братья! Братья! Мне тоже повезло! И даже еще больше! Смотрите!

В самом деле. — как много денег!

— И я могу достать из своего кармана еще сколько угодно, стоит только захотеть!

— Выходит, и ты нашел машину, которая делает деньги, — вздохнул младший брат. — Ладно, завтра и я отправлюсь искать удачи. Раз повезло вам двоим, почему же не попробовать и мне?

— Да в этом вовсе нет никакой нужды! — сказали старшие братья. — Мы вдвоем теперь можем иметь столько денег, сколько нам нужно.

— Спасибо за вашу доброту, но я не хочу жить за ваш счет. Я сам хочу найти свое счастье.

И, собрав пожитки, младший брат тоже отправился в дорогу. Шел он шел, пришел в ту же оsterию, поужинал и лег спать. А когда проснулся...

Тут история обрывается, и мы сами должны закончить ее. Я, например, думаю, что она могла бы иметь три таких конца.

Первый конец

Младший брат нашел в кармане миллион лир. Всякий раз, как сунет туда руку, достает миллион. Еще миллион. И еще... Так что денег в кармане оказалось, пожалуй, побольше, чем в итальянском банке.

Возвратился он домой. Братья устроили большой праздник с музыкой и фейерверком. И, чтобы им никто не завидовал, раздали деньги всем соседям, всем знакомым и даже совсем незнакомым людям.

И никому даже в голову не пришло украсть у них эти волшебные штаны. В самом деле — зачем? Ведь братья никому не отказывали в деньгах, сколько бы у них ни просили — сто лир или сто миллионов лир.

Сейчас братьев уже давно нет в живых. Но если вы придете в город, где они жили, вам непременно покажут в местном музее их штаны, которые лежат в витрине рядом с саблей знаменитого генерала Паструфациетто.

Второй конец

Младший брат нашел в кармане такую записку: «А теперь хватит. Уж очень вы все жадные!» И подпись: «Волшебник, который дарит волшебные штаны кому захочет».

Третий конец

Младший брат тоже нашел в кармане миллион лир. Он положил его в мешок и снова полез в карман. И снова достал миллион лир. «Хотел бы я знать, — подумал он, — чьи же все-таки это деньги? И могу ли я их взять? Может быть, кто-то дарит их мне? Я лично не собираюсь ни у кого ничего воровать».

Он тут же вернулся в оsterию и стал спрашивать у людей:

— Признавайтесь, кто надел мои штаны вместо своих?

Постояльцы стали рассматривать свои штаны. Кое-кто осмотрел даже свою куртку и рубашку.

А в дальнем углу сидел какой-то неприметный человечек, который и не подумал посмотреть на свои штаны, а продолжал есть. На нем-то и оказались штаны младшего брата.

— Извините,— говорит младший брат,— мы с вами перепутали штаны. Надо, наверное, поменяться? А человечек пьет свой кофе и молчит.

— Ну так как же? — продолжает младший брат. Человечек намазывает маслом ломтик хлеба и опять как будто не слышит.

— Не хотите ли забрать свои штаны?

— Ох-ох, и надоед ты мне! — рассердился вдруг человечек.— Поесть спокойно нельзя! Забирай свои проклятые штаны...

Он снял штаны и швырнул их на стол. Младший брат переоделся, оставил чужие штаны и ушел.

А потом, пройдя немного, сунул руку в карман и нашел там... миллиард! А затем еще миллиард. И еще один. С ума сойти, какие бывают истории!

Большая морковка

теперь я расскажу вам историю про самую большую на свете морковку. Вы, конечно, уже не раз слышали про нее, но, по-моему, все же дело было так.

Как-то раз посадил крестьянин в своем огороде морковь и стал ухаживать за ней: поливал, выпалывал сорняки — словом, делал все как полагается. Когда пришло время, принялся собирать урожай — выдергивать морковь из земли. И вдруг ему попалась какая-то особенно большая морковка. Тянет он ее, тянет, а вытянуть не может. Пробует и так, и этак, да не может! Наконец не выдержал, позвал жену:

— Джузеппина!

— Что случилось, Оресте?

— Иди-ка сюда! Такая морковка попалась... Ни за что не хочет вылезать из земли! Иди, взгляни-ка....

— И в самом деле, большущая какая!

— Давай сделаем так: я потяну морковку, а ты тяни меня за куртку. Ну готова? Взяли! Еще, еще! Тяни!

— Лучше я потяну тебя за руку, а то куртка порвется.

— Давай за руку. Ну сильнее! Нет, никак не вытяну! Позови-ка сына, а то я уже весь выдохся...

— Ромео! Ромео! — зовет Джузеппина,

— Что случилось, мама?

— Иди-ка сюда! Да побыстрей!

— Но я делаю уроки.

— Сделаешь потом, а сейчас помоги! Смотри, вот эта морковка никак не хочет вылезать из земли. Я потяну отца за одну руку, а ты за другую, а сам он потянет морковку. Может, так и вытянем...

Оресте поплевал себе на ладони, потер руки, собрался с силами.

— Ну готовы? Раз-два! Взяли! Тяните! Ну еще! Еще! Нет, ничего не получается...

— Это, должно быть, самая большая морковка на свете,— решила Джузеппина,

— Надо дедушку позвать на подмогу! — предложил Ромео.

— А ну позови! — согласился отец. — Мне одному не вытянуть.

— Дедушка! Дедушка! Иди-ка сюда! Да поспеши!

— Спешу, родной, спешу!.. Да только нелегко мне... В твои годы я тоже быстро бегал, а теперь... Что стряслось?

Дедушка прибежал запыхавшийся и уже усталый.

— Тут у нас выросла самая большая на свете морковка, — объяснил Ромео. — Втроем не можем вытянуть. Поможешь?

— Как не помочь, родной!

— Сделаем так, — сказал Ромео. — Ты тяни меня, мы с мамой потянем папу, а он морковку... Если и на этот раз не вытянем...

— Ладно, — согласился дедушка, — погоди только...

— А что?

— Да вот положу трубку в сторонку. Нельзя же делать сразу два дела. Надо или курить или работать, не так ли?

— Ну начали! — сказал Оресте. — Все готовы? Раз-два! Взяли! Еще раз! Еще раз! Взяли!

— Ой, помогите!

— Что случилось, дедушка?

— Не видишь разве — упал! Поскользнулся и упал. Да к тому же прямо на трубку...

Бедный старик даже штаны себе прожог.

— Нет, так ничего не выйдет, — решил Оресте. — Ромео, а ну-ка сбегай к Андреа да позови его на помощь.

— Пусть уж тогда придет с женой и сыном — всей семьей, — предложил Ромео.

— И то верно, — согласился отец. — Надо же, какая морковища!.. Про такую можно и в газету сообщить.

— Может, телевидение позовем? — предложила Джузеппина. Но ее никто не поддержал.

— Телевидение... — проворчал Оресте. — Лучше позовем соседей и вытащим ее сначала...

Короче говоря, пришел Андреа, пришла его жена, пришел их сын, правда, еще совсем маленький — пя-

тилетний мальчик, так что силенок у него было немного...

А тем временем уже все село прослышало про большую морковку. Шутя и переговариваясь, люди потянулись к огороду.

— Да это вовсе и не морковка,— сказал кто-то,— тут у вас кит сидит!

— Киты в море плавают!

— Не все! Я видел одного на ярмарке...

— А я видела в книжке...

Люди подзадоривали друг друга:

— Ну-ка, попробуй и ты, Джироламо,— ты же у нас силач!

— Я не люблю морковь! Предпочитаю картошку.

— А я — фрикадельки!

С шутками да прибаутками тянут-потянут, а вытянуть не могут. Уже и солнце к закату клонится.

Первый конец

А морковку так и не вытащить!

Все село пришло помогать, а не вытащить!

Собрался народ из соседних сел — ни в какую!

Пришли люди из дальних сел, а морковка ни с места.

В конце концов обнаружили, что большая морковка проросла через весь земной шар, а на противоположной стороне Земли ее тянет другой крестьянин, и ему тоже помогает вся деревня. Так что получилось как бы перетягивание каната, и конца ему, видно, никогда не будет.

Второй конец

Уже и солнце к закату клонится, а они все тянут и тянут. Наконец вытянули! Только и не морковку вовсе, а тыкву. А в ней сидят семь гномиков-сапожников и шьют башмачки.

— Что же это такое? — рассердились гномики. — С какой стати вы огниваете у нас наш дом и нашу мастерскую? Ну-ка, суньте тыкву обратно в землю!

Люди испугались и убежали. Все убежали, кроме дедушки. Он и спросил у гномиков:

— Нет ли у вас спичек? У меня трубка потухла.
Подружился дедушка с гномиками.

— Я бы с удовольствием, — сказал дедушка, — перебрался жить к вам в вашу тыкву. Не найдется ли там места и для меня?

Услышал это Ромео и закричал издали:

— Если ты пойдешь туда, дедушка, то и я хочу!

И Джузеппина закричала:

— Ромео, сыночек, я за тобой!

И Оресте закричал:

— Джузеппина, а как же я без тебя?!

Гномики рассердились и скрылись под землей вместе со своей тыквой.

Третий конец

Тянут они тянут... Народу собралось много — значит, и силушки немало. И вот морковка вылезает — медленно, сантиметр за сантиметром, но вылезает из земли. И такая она большая оказалась! Чтобы отвезти ее на рынок, понадобилось двадцать семь грузовиков и один трехколесный велосипед.

Нет такого дела, которое было бы не под силу людям, если они берутся за него все вместе и работают дружно и весело.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

Как и в русской
сказке „Репка“,
всем помогла маленькая мышка.
Только с ее помощью удалось
вытащить эту
морковку.

Кот-путешественник

Как-то раз в поезд, который должен был отправиться из Рима в Болонью, вошел кот. Вообще-то коты в поездах не такая уж редкость, правда, чаще всего они сидят в корзинках или в каких-нибудь продырявленных — чтобы не задохнулись — коробках. Бывает, даже бродячие коты встречаются иной раз в поездах, и ничейные, и просто заглянувшие сюда случайно в поисках мышей... Но этот кот, о котором идет речь, был настоящий путешественник и ехал он вполне самостоятельно.

На плече у него висела черная сумка, как у адвоката, но при этом он все же был не адвокатом, а котом. На носу у него сидели очки, как у близорукого счетовода, но он не был счетоводом, и зрение имел отличное. Он был в очень модном пальто и очень модной шляпе, как знаменитые артисты, но он был не артистом, а котом.

Он вошел в купе первого класса и расположился на свободном месте у окна. В купе уже сидели другие пассажиры — синьора, которая ехала в Ареццо навещать сестру, почтенный господин, направлявшийся в Болонью по делам, и молодой человек, который ехал неизвестно куда. Появление кота вызвало среди пассажиров некоторое оживление.

Синьора сказала:

— Какой замечательный кот! Кис-кис-кис... Ты едешь совсем один, как взрослый, да?

Почтенный господин сказал:

— Будем надеяться, что у него нет блох.

— Разве не видите, какой он чистый? — заметила синьора.

— Будем надеяться... Но вообще-то, уважаемая синьора, у меня аллергия от кошек. Будем надеяться, что я не заболел гриппом.

— Но он же не болен гриппом, чего же вы беспокоитесь?

— Меня, уважаемая синьора, заражают даже те, кто сам не болеет.

— Кис-кис-кис... Ты, наверное, занял место для своей хозяйки, да?

— Мяу!

— Какой приятный голос! Интересно, что он сказал?

Тут впервые заговорил молодой человек:

— Он сказал, что у него нет хозяйки. Что он совершенно свободный кот и к тому же королевских кровей.

— Как интересно!

— Вернее было бы сказать — бродячий кот, — неодобрительно заметил почтенный господин. — Будем надеяться, что у меня не начнется коклюш.

— Коклюш? — удивилась синьора. — Но кошки не болеют коклюшем. Это детская болезнь.

— Я, уважаемая синьора, в детстве не болел этой болезнью. А вам бы следовало знать, что для взрослых она гораздо опаснее!

Тут поезд тронулся, и в купе вошел контролер.

— Ваши билеты, господа!

Синьора открыла сумочку:

— Ах, этот билет, куда же я его засунула?.. Подождите, наверное, он у меня здесь... Да, да, слава богу!

— Спасибо, синьора. А на кота?

— Но это не мой кот!

— Значит, ваш, синьор?

— Еще чего не хватало! — рассердился почтенный господин. — Терпеть не могу кошек! У меня от них поднимается давление!

— Знаете, а он ведь и не мой, — сказал молодой человек. — Он путешествует самостоятельно.

— Но билет-то у него должен быть!

— Не будите его! Он так сладко спит... Такой милый, смотрите, какая славная мордочка!

— Какая бы ни была мордочка, а билет его я должен проколоть!

— Кис-кис-кис! — позвала синьора. — Котик, милый котик, ну проснись, посмотри, кто пришел...

Кот открыл сначала один глаз, затем другой и произнес:

— Мяу, мяу!

— Еще недоволен! — проворчал почтенный господин. — Черт знает что! Ему, наверное, спальный вагон нужен, не иначе...

— Ничего подобного, — объяснил молодой человек, — он сказал: «Извините, я задремал...»

— Задремал, да?

— Да, похоже, он любит выражаться изысканным слогом...

— Мяу, мяу! — снова протворил кот.

— А теперь что он сказал? — поинтересовалась синьора.

— Он сказал: «Прошу вас, вот мой билет», — перевел молодой человек.

— А вы проверьте как следует, — посоветовал контролеру почтенный господин, — а то ведь, знаете, бывают еще такие бесстыжие пассажиры, которые с билетом второго класса едут в первом классе.

— Билет в порядке, синьор.

— Мяу, мяу, мяу! — громко заговорил кот.

— Он сказал, — объяснил молодой человек, — что должен был бы обидеться на вас за все ваши замечания, но не делает этого из уважения к вашим сединам.

— Сединам? Но у меня же нет волос! Я лыс!

— Мяу, мяу!

— Он говорит, что прекрасно это видит, но если бы у вас были волосы, то они были бы седые.

Синьора вздохнула:

— Какой вы молодец, что понимаете кошачий язык! Как это вам удастся?

— Это нетрудно. Надо только быть очень внимательным.

— Мяу! Мяу!

— Сколько можно болтать! — проворчал почтенный господин. — Ни минуты не может помолчать!

— А что он теперь сказал? Что сказал? — опять заговорила синьора.

— Он спросил, не разрешите ли вы ему закурить, — перевел молодой человек.

— Да, конечно, конечно! О, смотрите, он и мне предлагает сигарету... И помогает закурить! Как настоящий курильщик.

— Если он курит, значит, он и есть курильщик, — проворчала почтенный господин. — Что ж он, по-вашему, должен быть охотником на львов, что ли?

— Мяу, мяу!

— Он сказал: «Какая сегодня хорошая погода! А вчера был такой пасмурный день. Будем надеяться,

что и завтра будет так же хорошо, как сегодня. Вы далеко едете, синьоры? А я в Венецию, по семейным делам».

Первый конец

Оказалось, молодой человек, который ехал неизвестно куда, был чревовещателем, фокусником и иллюзионистом. И все это были его проделки.

Второй конец

Оказалось, что это был совсем не настоящий кот, а робот — очень дорогая, роскошная игрушка, которая поступит в продажу еще только к Новому году.

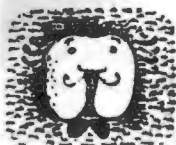
Третий конец

Такого кота, конечно, нет и никогда не было. Но как было бы прекрасно, если бы мы когда-нибудь и в самом деле научились разговаривать с животными! Если не со всеми, то хотя бы с кошками.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНЕЦ

Какие концы сказок нравятся автору

Волшебный барабан

Первый конец этой сказки мне не нравится — как может веселый, славный барабанщик стать вдруг ни с того ни с сего грабителем с большой дороги? Третий конец меня тоже не устраивает. Мне кажется, глупо нарушать такое хорошее волшебство ради удовлетворения простого любопытства, хотя любопытство, конечно, не порок. Если бы ученые не были любопытными, они никогда не сделали бы никаких открытий. Я за второй конец.

Хитрый Буратино

Первый конец никуда не годится, потому что не может быть, чтобы хитрый Буратино после всех этих обманов вдруг ни с того ни с сего стал таким добрым. И я не знаю, какой же выбрать конец — второй или третий. Второй — забавнее, а третий — хуже.

Эти бедные привидения

Первый конец невозможен. Я не верю, чтобы на Земле оказались все эти страшилища. Второй конец — забавен, но не для бедных лягушек. Я за третий конец, еще и потому, что он позволяет продолжить сказку.

Собака, которая не умела лаять

Я решительно за третий конец. Важно найти хорошего учителя. Это важнее, чем стать звездой конного цирка или каждый день получать миску с едой.

Дом в пустыне

Первый конец — веселый, но нелепый. Второй был бы хорош, но невероятен: этот синьор Монетти не из тех, кто способен посочувствовать человеку в беде. Предпочитаю третий конец, хоть он и довольно грустный.

Дудочник и автомобили

Мне нравится третий конец. Надо объяснять, почему? Не думаю.

Круг по городу

Первый конец — для мечтателей. Второй — для пессимистов. Я за третий конец — мне нравится, что Паоло пожертвовал своей мечтой, прекрасной, но абстрактной, ради того, чтобы помочь делом тому, кто нуждается в его помощи.

Шляпный дождь над Миланом

Примитивен первый конец, слишком загадочен второй. Пожалуй, неплох третий, но непонятно, почему пошел этот шляпный дождь. А впрочем, так ли уж надо это объяснять? Ведь эти падающие с неба шляпы — такое веселое зрелище, что невольно возникает надежда — может быть, с неба не будут падать другие, более опасные предметы, например бомбы, снаряды...

В чем люди одинаковы

Первый конец — неприятный. Второй — очень несправедливый — зачем красить бедного индейца белой краской? А вот третий вполне годится, но я, разумеется, могу и ошибаться.

Профессор Ужасниус

Откровенно говоря, я не знаю, на чем остановиться. Все три конца кажутся мне занимательными и поучительными. А вам?

Кто-то плачет

Я за третий конец, то есть за тот, которого нет. Это довольно грустно, но не все же сказки кончаются благополучно.

Волшебник Вклю-Чу

Первый конец неудачный: отсталые страны нуждаются не в волшебниках, а в помощи других, более развитых стран. Во втором конце волшебник думает только о себе, и это плохо. Мне нравится третий конец, потому что волшебник не боится начать свою жизнь сначала.

Приключение Ринальдо

Третий конец, хоть и шуточный, мне кажется самым разумным. Первый — слишком слащавый, второй — слишком печальный.

Кольцо пастуха

Сразу же отбрасываю первый конец, потому что не верю, что у этих несчастных разбойников были такие сокровища. Второй понравится тем, кто любит приключения, и оптимистам. Третий понравится пессимистам. Думаю, что и второй и третий позволяют придумать много разных историй и приключений.

Такси к звездам

Мне больше всего нравится третий конец, потому что я люблю яйца. Вообще-то он едва обозначен, так что, если хотите, напишите его сами подробнее.

Как болел Тино

Довольно занимателен первый конец. Немного сумасшедший третий. Самый хороший, по-моему, второй, потому что верно говорит пословица, — у кого много друзей, тот никогда не будет страдать от одиночества.

История с телевизором

Какие могут быть споры! Лучший конец — третий. А почему — и так все ясно.

Сто лир в кармане

Все три конца, по-моему, никуда не годятся. Дело-то ведь в том, что это не сказка, а просто фантазия человека, который не хочет трудиться. Но и его, беднягу, можно понять,— он ведь работал всю жизнь и всегда зарабатывал так мало, что не мог наскрести в своем кармане и ста лир.

Большая морковка

Первый конец — чтоб посмеяться. Второй — чтобы все перепутать. Третий — самый короткий, но содержит мораль. Я знаю, что теперь уже не пишут истории с моралью. Но один-то раз можно...

Кот-путешественник

И здесь я за конец, которого еще нет. Я всегда за будущее!

Любому человеку присущ интерес к чудесному. В каждом из нас, даже если мы не признаемся в этом, живет мечта о чем-то необычном, таинственном, поражающем воображение, и это ожидание чуда начинается еще в детстве, когда мы с живейшим интересом слушаем сказки.

Сказки, эти ароматнейшие цветы поэзии, словно покрытые утренней росой, сверкающей всеми красками радуги, сопровождают нас всю жизнь. Без сказок не становятся взрослыми, говорит народная пословица. Они учат добру и учат увлекательно, без прописных истин, а ярко, образно, занимательно. Сказки учат нас правде, хотя в них немало волшебства.

Когда-то в детстве будущий великий сказочник Ханс Кристиан Андерсен спросил отца, что такое сказка, тот ответил:

— Если только сказка настоящая, в ней прекрасно сочетаются действительная жизнь и та, к которой мы стремимся.

Жизнь и сказка удивительно переплетены в сознании ребенка. Все, что происходит в мире, малыш рассматривает через волшебное стекло воображения.

Когда добрый сказочник из Рима, известный итальянский писатель Джанни Родари, впервые приехав в нашу страну, прогуливался по Москве вместе со своей черноволосой дочкой Паоллиной (сейчас она уже взрослая, художница), девочка остановила отца у витрины «Детского мира».

— Посмотри, папа,— в восторге закричала она,— это же Чиполлино! А это принц Лимон! И барон Апельсин!

Персонажи, рожденные богатым воображением Джанни Родари, сошли со страниц книги. Веселую неаполитанскую рожицу своего героя-луковки сказочник с дочкой встречали во Дворце пионеров, в фойе кукольного театра, в квартирах московских ребят, к которым были приглашены в гости, в пионерских уголках школ. Сбылась мечта писателя. Игрушки, которые он делал из

слов в своих книгах, превратились в настоящие, и ими можно было великолепно играть всей семьей, всем классом, вместе с учителем. Книжки Родари — такие же игрушки, помогающие родителям и воспитателям сблизиться с детьми, вместе посмеяться, поспорить, и разница в возрасте не чувствуется. Всех — и детей, и взрослых увлекают сказки итальянского волшебника и, как всякие сказки, вызывают чувство «крылатой радости» (А. М. Горький).

Можно без преувеличения сказать, что в нашей стране Джанни Родари читают и стар и млад. Его книги любят за жизнерадостность и неистощимую фантазию, за добрый, душевный юмор. Ценят за уважение к искусным рукам тружеников. Он отлично знал, чем пахнут ремесла, какого они цвета, сколько весит следа — и вообще почем фунт лиха. «Слеза капризного мальчика весит меньше ветра, — утверждал Родари в одной из «Сказок по телефону». — Слеза голодного мальчика — тяжелее всей Земли!»

Не скрывая, что в мире много еще несправедливости — в мире, где всем управляет капитал, — писатель верит в победу света и добра и этой верой увлекает читателей. В его стихах и фантастических историях за вымышленными событиями всегда просматриваются подлинные картины жизни, так как, по словам Андерсена, «нет сказок лучше тех, которые создает сама жизнь».

Детские сказки Джанни Родари адресованы читателям всех возрастов — от двух до восьмидесяти и старше. «Тут многое предназначено для взрослых, — предупреждал он. — Впрочем, я всегда, когда пишу для детей, одним глазом вижу папу, который склонился над читающим сыном. Да и сыновья понимают гораздо больше, чем нам кажется. И даже то, чего не понимают, все равно впитывают в себя...»

Писатель никогда не снисходил до якобы несмышленого еще детского понимания. Он говорил с детьми, как со взрослыми, и ребята чувствовали это уважение к себе и доверяли ему.

Джанни Родари был убежден, что детям нужно предоставлять как можно больше самостоятельности, простора для развития своего «я». Он любил рассказывать, как однажды его дочь Паола, когда ей было восемь лет, принесла ему аккуратно написанный большими буквами «контракт», в котором говорилось: «Я, отец Паолы Родари, заявляю, что, когда ей исполнится восемнадцать лет, я разрешу ей жить так, как ей захочется». Отец принял этот «документ со всей серьезностью» и охотно подписал его.

— Я всегда с уважением относился к Паоле, — говорил Родари, — даже когда она была совсем маленькой. Я не хотел, чтобы она смотрела на мир моими глазами — пусть у нее будет свой взгляд. Дети — это всегда новое в мире, и если мы будем стараться, чтобы наши дети только копировали нас, то мир катастрофически начнет стареть.

И сам он всю жизнь оставался на редкость молодым.

Джанни Родари родился 23 октября 1920 года в городке Оменья, на севере Италии, у подножия Альп. Узенькие улицы, низенькие домики, утопающие в зелени и цветах. Городок мало чем отличался от селений, расположенных поблизости. Самой большой достопримечательностью Оменья было озеро д'Орта. Вода в нем синяя и прозрачная, как небо над хребтом Моттароне, откуда можно любоваться восходом солнца. В центре озера

был островок Сан-Джулио со старинным замком. Не раз плавал мальчик на этот остров вместе со сверстниками, такими же смелыми, как он, и осматривал все уголки загадочного замка. Возможно, уже тогда возникали в его воображении приключения, которые потом превратятся в сюжеты его волшебных историй, где найдется место и «чудесам острова Сан-Джулио».

Джанни любил озеро. По праздникам девушки из соседних сел, одетые в яркие национальные костюмы, собирались вокруг озера, водили хороводы и пели. И мальчик заслушивался удивительными мелодиями народных песен.

Однако праздники редко выпадали на долю Джанни. Мальчик рано узнал, что такое изнурительный труд. Отец его, Джузепе Родари, был булочником — владельцем крохотной пекарни и магазинчика «Хлебобулочные изделия и продовольственные товары». Почти все детство провел Джанни возле пышущей жаром печи, среди мешков с мукой и углем. «Слева — тестомешалка, прямо — белая изразцовая печь, то разевающая, то закрывающая пасть, — вспоминал он, — и отец-хлебопек: вот он замешивает тесто, формует булки, сует их в печь, вынимает. Специально для нас с братом, зная, что мы до них очень охочи, он каждый день выпекал дюжину особых, непременно поджаристых булочек». Дети, как могли, помогали отцу в его нелегкой работе.

Позднее у Родари появятся стихи:

Вот перед вами
Булочник белый,
Белые волосы,
Брови, ресницы.
Утром встает он
Раньше, чем птицы.

Еще не зачирикали воробьи, а братья вместе с отцом уже ворочали огромной лопатой в чане, замешивая упругую белую массу. Она пузырилась, словно морская пена. Тяжело дышала. И Джанни слышал не только вздохи теста. Ему чудилось, что в чане живут крохотные волшебники, которые проделывают себе ходы, чтобы выбраться наружу. И стоит лишь отвернуться, как они начинают проказничать.

Тяжелые времена настали для семьи после смерти отца. Пришлось переехать в Варезе, окружной город провинции Комо, где легче можно было найти работу. Матери удалось подыскать место служанки в богатом доме.

Вечно ворчит
На служанку хозяйка:
Плохо погладила
Платье, лентяйка...

Дня не проходит
Без новой придирки:
Соус без соли,
Крендель без дырки...
Лопнул стакан
И разбиты две банки...
Туго приходится
Бедной служанке!

О многом мечтал Джанни Родари в детстве. Хотел стать скрипачом и пытался учиться играть на старенькой скрипке. Любовь к музыке осталась на всю жизнь. Музыкальны его стихи, музыка звучит и в прозе. Достаточно вспомнить об удивительном голосе Джельсомино, который пел «так прекрасно, с таким чувством, таким звучным голосом, что с первой же ноты театр буквально затрепал по швам». В поэтичном рассказе «Песня железной ограды», где писатель с поразительной тонкостью сумел коснуться самого потаенного уголка души мальчика, играющего ланейкой на прутьях старой ограды, ребенку представлялось, что под его ударами возникают чудесные звуки: «Ритмично ударяя по прутьям, он складывал все новые и новые песни. Он сложил песню для каждого дерева в саду — для сосны, ели, ливанского кедра, для тонкого кипариса, устремленного в небо, словно палец, который хочет пощекотать тучи. Он придумал песню для аллен, что вела к дому в глубине сада, для тропинок, что разбегались в разные стороны, для кустов и для ярких цветочных клумб». И не он был виноват в том, что окружающие не слышали всего этого звукового богатства, а замечали только беспорядочный стук по прутьям, который почему-то раздражал их,— песня все равно звучала в душе мальчика. Этот рассказ, конечно, всплыл в сознании писателя из детства — настолько он правдив и пронизан искренним чувством грусти по невозвратимой поре.

Мечтал маленький Джанни стать мастером игрушек. «Мне хотелось,—вспоминал он,—чтобы игрушки были неожиданными, с выдумкой, чтобы они годились каждому. Такие игрушки долго живут и никогда не надоедают. Игрушки, по-моему, так же важны, как книги: если б это было не так, ребята не любили бы их. А раз они их любят, значит, игрушки учат их чему-то такому, чему иначе научиться нельзя».

Хотел Родари стать художником. Но попал в духовную семинарию. «К сожалению,— писал он,—в школе нас заставляли делать такие нудные вещи, что они могли вывести из терпения даже корову». Приходилось терпеть, потому что здесь кормили и одевали. В семинарии Джанни мог читать, помимо обязательной Библии, и много других книг, созданных великими писателями.

Джанни Родари не стал священником,—слишком он любил жизнь, чтобы посвятить себя служению богу. Он не верил в рай на небесах. Ему хотелось, чтобы рай был для всех на земле.

Больше двух лет в стенах семинарии Родари не выдержал. В 1937 году, в семнадцать лет, он уже преподает итальянский язык эмигрантам из Германии, которые скрывались в Варезе от преследований. Вскоре, однако, им пришлось бежать и от итальянских фашистов.

Родари слушает лекции в университете и преподает в начальной школе, потому что очень любит детей. Он считает, что детей плохих не бывает — все дети хорошие. И особенно те, которые не получают подарков, потому что бедные. «Ученым» учителем он не был, но был веселым учителем. «Я рассказывал ребятам,— писал Родари,—разные смешные истории — истории без всякого смысла, и чем абсурднее они были, тем больше дети смеялись. Это уже кое-что значило. В школах, которые я знаю, по-моему, мало смеются. Много, что можно было бы выучить смеясь, учат со слезами — горькими и бесполезными». И ребятам было интересно учиться, потому что, по словам писателя, «в действительности

можно войти с главного входа, а можно влезть в нее — и это детям куда забавнее — через форточку».

С помощью этих историй учитель сообщал детям об очень многих полезных вещах, а самое главное — будил фантазию. Он вовлекал школьников в игру, побуждая их к творчеству. Например, он задавал ребятам неожиданные вопросы: «Что бы ты сделал, если бы в дверь постучался крокодил?», «Что было бы, если бы Милан внезапно оказался посреди моря?», «Что было бы, если бы ты, забросив сеть, вместо рыбы поймал русалку?» Попробуйте ответить на эти вопросы, и вы увидите, какое это интересное занятие. А вот на вопрос: «Что было бы, если бы лифт рухнул, провалился бы в сердцевину земного шара или взлетел бы на Луну?» Джанни Родари ответил сам сказкой «Лифт к звездам», которую вы уже прочли в этом сборнике. Эта сказка, как и многие другие, родилась на одном из школьных уроков, проведенных молодым учителем.

На интересные вопросы и отвечать интересно. Не случайно великий русский режиссер К. С. Станиславский назвал «если бы...» магическим словом, открывающим всякое творчество. «Что сделал бы я,— задает себе вопрос актер, приступая к работе над новой ролью,— если бы оказался на месте Конька-Горбунка и мне нужно было бы поймать Жар-птицу?..» Найдя ответ, а для этого нужно хорошенько пофантазировать, артист найдет интересные приспособления и верное самочувствие в образе Конька-Горбунка.

Педагогическую карьеру Родари прервала вторая мировая война. Не раздумывая, он встал в ряды итальянского Сопротивления, активно борясь против фашизма. Тогда же он вступил в ряды Итальянской Коммунистической партии — ИКП.

А когда отгремели последние залпы войны и Италия сбросила с себя ярмо фашизма, Джанни Родари возглавил в Варезе местный еженедельник коммунистической федерации молодежи «Ордине нуово» («Новый порядок»). Статьи молодого журналиста обнаруживали незаурядный талант, умение увидеть важное в жизни и рассказать об этом увлекательно. На страницах еженедельника появились и его первые рассказы под псевдонимом Франческо Арикокки.

В 1948 году Джанни Родари пригласили сотрудничать в миланской редакции газеты «Унитар» («Единство»), в главный орган итальянских коммунистов. Журналист много ездил по стране, бывал на фабриках и заводах, посещал села и деревни. Он своими глазами видел, как бастуют батраки, как крестьяне борются за каждый клочок земли, как рабочие защищают свое право на труд. Видел расправы с простым народом. Он смотрел на Италию не глазами туриста, которого восхищают блестящие гляncем открытки с видами городов. Его интересовала подлинная жизнь людей труда — та, что скрыта «за открыткой».

А что скрывается внутри,—
Ты за открытку посмотри...
Кто горюет, веселится,
Кто без ужина ложится,
Кто зимой не защищен
От дождя и снега,
У кого отличный сон,
Только нет ночлега...

Джанни Родари не только писал правдивые корреспонденции в свою газету, но и сам активно вторгался в борьбу за справедливость.

— Я участвовал в демонстрациях против войны, в борьбе за свободу,— рассказывал журналист.— Когда живешь среди всего этого, невозможно говорить только о цветочках и мыльных пузырях — не получается! И я говорил в своих стихах о том, что видел, разъезжая по стране.

Детским писателем корреспондент Родари сделался, по его собственному признанию, «нечаянно». Однажды главный редактор миланского выпуска газеты «Унита» выделил ему в воскресном номере «Уголок для детей».

— Это должен был быть своего рода уголок юмора,— вспоминал Джанни Родари.— Я попробовал, и то, что у меня получилось, оказалось более или менее утешительным. Мои истории охотно читали и взрослые, и дети. Тогда главный редактор решил систематически печатать этот «Уголок для детей» по воскресеньям и готовить его поручил мне. Тут я и опубликовал свои первые стихи, написанные ради шуток.

Поэт называл эти шуточные стихи филастрокками и подписывал их псевдонимом Лино Пикко. Филастрокка — понятие чисто итальянское. Слово это означает откровенную чепуху, за которой, однако, скрывается нечто серьезное. Родари подметил, что детям нравятся словесные несурезицы и нелепицы. Вспомните его веселую историю «Про дедушку, который не умел рассказывать сказки», опубликованную в этой книжке. Хорошо известная детям всего мира сказка про Красную Шапочку искажается забывчивым дедушкой, и это вызывает у маленького слушателя искренний смех. Надо ли говорить, что если забавная несурезица еще и удачно зарифмована, то дети охотно будут повторять ее: они хорошо чувствуют скрытый в ней подтекст и радуются ему.

Филастрокка для Сусанны,
Что обожает сметану,
Любит свой велосипед —
Посмотрите ей вослед:
Это вовсе не ребенок,
Не ребенок, а котенок —
Маленького ростика,
Не хватает хвостика...

— Писать стихи для детей — это было открытие и для меня самого,— говорил Родари.— Оно заинтересовало и увлекло меня.

«Детский уголок» имел большой успех у читателей. Стихи и сказки молодого журналиста выгодно отличались от массовой продукции для детей, которую выпускали тогда в Италии. В то время детские писатели предпочитали издавать для ребят «книжки-карамельки» с нелепыми похождениями розового жирафа или приключениями ангелочков. Детям итальянских рабочих нужна была «книжка-хлеб», которая рассказывала бы о труде, учебе, о подлинной жизни людей труда.

Чиччо в подвале живет, у помойки,
Спит на скрипучей, расшатанной койке.
Стол хромоногий да табурет —
Больше в подвале мебели нет,

— Я не писал вообще для любых детей,—утверждал Джанни Родари,—а только для тех, которые держали в руках политическую газету — газету коммунистов. И я обязан был разговаривать с ними иначе, чем предписывали правила детской литературы.

И на страницах «Детского уголка» регулярно появлялись веселые, занимательные стихи и сказки Лино Пикко (Джанни Родари). Стихи, полные глубокого смысла.

Плетет он стулья,
Чтоб вы сидели,
А сам сидит он на панели.
Кто делает автомобили,
Бредет по улицам пешком.
А те, что вам ботинки шили,
Частенько ходят боснком.
Порой у пчел нет меда в улье,
У земледельца нет земли,
А человек, плетущий стулья,
Сам на земле сидит в пыли.

— Я люблю писать сказки,—признавался он,—потому что эта форма дает мне возможность говорить обо всех без исключения проблемах на языке, доступном детскому пониманию.

Дети охотно читали и заучивали наизусть стихи Джанни Родари. Они засыпали редакцию вопросами. Чтобы ответить на них, писатель придумал неутомимого, любопытного Почему. Этому Почему до всего было дело, на все он мог дать забавный, но точительный ответ.

Скажем, спрашивают Почему: для чего пахнут цветы? Тот с готовностью отвечает:

— Цветы пахнут для того, чтобы привлечь жуков, стрекоз, кузнечиков и пчел. Ведь насекомые, перелетая с цветка на цветок, переносят с собой цветочную пыльцу. А только тогда, когда на один цветок попадет пыльца с другого такого же цветка, он сможет в конце лета дать семена... Есть, правда, цветы, которые пахнут не очень приятно. Поэтому они никому не нравятся, кроме мух... Да, кстати, я чуть не забыл, что бывают еще и поддельные цветы, из бумаги. Но, как ты хорошо знаешь, у них нет никакого запаха.

Ложь —
Все равно
Что бумажный цветок.
Увидит простак
И в восторге ахнет.
Хоть стебель у джи
И бывает высок,
Правдою
Ложь никогда не пахнет!

Выходит, Джанни Родари стал детским писателем вовсе не случайно, как утверждал он сам. Он уже был им, когда вместе с ребятами выдумывал веселые истории на уроках, когда, работая корреспондентом прогрессивных газет, вглядывался в жизнь итальянского народа или же в ранней юности записывал в специ-

альную «Тетрадь Фантастики» свои размышления о том, как «оживлять слова и образы».

В 1950 году Джанни Родари пригласили в столичную редакцию газеты «Уинтá» и предложили создать приложение к газете — еженедельный детский журнал «Пионьере» («Пионер»). «Поначалу,— вспоминал он,— я и слышать не хотел об этом. Но это было партийное поручение, и хотя оно не вызывало у меня особого энтузиазма, пришлось согласиться. Каждый из нас готов был выполнить любую работу, которую поручит партия».

С сентября 1950 года по декабрь 1953 года Родари вместе с писательницей Диной Ринальди возглавлял журнал «Пионьере». В эти годы выходит его первая книжка стихов для детей. На страницах журнала впервые появилась повесть-сказка «Приключения Чиполлино», сделавшая имя Родари известным всему миру.

В чудесный мир фантазии Джанни Родари ввела, по его собственным словам, классическая детская книжка Карло Коллоди «Приключения Пинокио». Он знал ее почти наизусть. И приключения Чиполлино, находчивого мальчика-луковки, написаны под влиянием сказки Коллоди (у нас ее пересказал А. Н. Толстой, назвав «Золотой ключик, или Приключения Буратино»). В сказке Джанни Родари присутствуют тот же юмор, фантазия, та же глубокая человечность и сочувствие к беднякам, которые пропахли луком, те же яркие, живые характеры. И хотя здесь действуют овощи, но они удивительно похожи на людей — и добрых, и злых — потому что, по утверждению автора, «говорить о людях можно и, рассказывая о котях, говорить о важных, серьезных вещах можно, рассказывая веселые сказки».

«Приключения Чиполлино» переведены более чем на тридцать языков народов мира — от французского до кабардино-балкарского, от немецкого до японского, от шведского до якутского.

Русских читателей с творчеством Джанни Родари впервые познакомил С. Я. Маршак. Он начал переводить стихи своего итальянского коллеги, когда тот еще делал первые шаги в художественной литературе. Переводы эти классические. В статье «Почему я перевел стихи Джанни Родари» Маршак писал: «Сочинять стихи, достойные стать рядом с народной песней и считалкой, умеют только те поэты, которые живут с народом общей жизнью и говорят его языком. Таким поэтом представляется мне Джанни Родари. В его стихах я слышу звонкие голоса ребят, играющих на улицах Рима, Болоньи, Неаполя». Под редакцией замечательного советского писателя была переведена на русский язык и главная книга Родари «Приключения Чиполлино», которая выдержала в нашей стране не один десяток изданий.

Выдающийся талант Джанни Родари был оценен в Советском Союзе раньше, нежели на его родине.

— Советский Союз,— радовался писатель,— был первой страной, которая с такой щедрой теплотой отнеслась к моим сказкам и детским стихам, признав их даже раньше, чем Италия, где лишь в последние годы мои сочинения стали проникать в школьные учебники.

Джанни Родари часто бывал в нашей стране как участник различных делегаций и член жюри международных кинофестивалей (последний раз в 1979 году). Он объездил немало городов СССР, интересуясь системой преподавания в советских школах.

Свои впечатления он изложил в цикле статей, опубликованных в Италии. «Отличаются ли советские дети от наших, итальянских?» — писал он. — Это первый вопрос, который задают тем, кто, как я, побывал в Советском Союзе с целью познакомиться с условиями жизни ребят, с постановкой школьного дела, школьной и внешкольной работы, с взаимоотношениями учителей и учеников, между школой и родителями и другими сторонами педагогического процесса. Мне было бы ответить просто: советские дети похожи на наших, как две капли воды, — те же достоинства и недостатки, в том числе и шалости, которые нам, взрослым, кажутся обычно нестерпимыми... Однако сразу же надо отметить, что поле деятельности советских школьников гораздо шире, чем у их итальянских сверстников, иные взаимоотношения между ними и взрослыми... Сравнение советских учреждений (школы, спортивные и развлекательные комплексы, внеклассное воспитание, взаимоотношения между школой и семьей и т. д.) с аналогичными итальянскими учреждениями было бы, к сожалению, явно не в нашу пользу: ничего похожего нет даже в самых крупных городах, даже в наиболее развитых областях Италии... Советская школа может иметь свои недостатки, которые, впрочем, широко и открыто обсуждаются советскими людьми, но ее нельзя назвать замкнутым в себе миром, с закрытыми дверями, через которые не проникает ни живая действительность, ни время, в какое мы живем, как это нередко, к сожалению, происходит у нас».

Три десятилетия, начиная с пятидесятих годов, были особенно плодотворными для Джанни Родари. В 1953 году ему поручили руководить органом молодых итальянских коммунистов — журналом «Авангард». Здесь он организовал анкету с просьбой ответить, какие у итальянской молодежи самые любимые произведения. Выяснилось, что в Италии хорошо знают и любят советскую литературу, в частности роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Через три года писатель перешел в другую демократическую газету, «Паэзе сера» («Вечерняя страна») — орган социалистической партии, где работал литературным сотрудником до конца жизни.

Но главное для Джанни Родари — художественное творчество. Писатель выпустил в свет более дюжины книг стихов, сказок и фантастических историй, где обыкновенное превращалось в удивительное, а немислимое в возможное: «Поезд стихов», «Джельсомино в Стране Лгунов», «Приключения Голубой стрелы», «Сказки по телефону», «Планета Новогодних елок», «Джип в телевизоре», «Торт в небе», «Жил-был дважды барон Ламберто» и многие другие. Почти все эти книги переведены на русский язык.

В любой из этих книг за, казалось бы, невероятной ситуацией, какие бывают только в сказках, просвечивают глубокие мысли, которые неназойливо, как бы играючи, входят в сознание ребят. Объясняя, почему он написал сказку про Джельсомино, Родари, обращаясь к советским детям, писал: «Мне кажется, что самые опасные враги человечества — это лжецы. На свете есть сотни тысяч лжецов. Лжец — это журналист, который пишет «свобода» и думает при этом о свободе, с которой капиталисты эксплуатируют рабочих, а империалисты выжимают соки из колониальных народов. Лжец — это тот, кто говорит «мир», а на деле стоит за войну... Я очень верю в силу правды... Правда похожа на голое певца — тот голос, от которого дрожат оконные стекла».

В «Сказках по телефону», поражающих богатством фантазии, светлым юмором и оптимизмом, почти в каждой вы найдете основную мысль, выраженную в афористической форме, — обычно в конце истории. Скажем, Джованнинно мечтает вернуться в «Страну, где нет ничего острого», чтобы «жить по самым вежливым законам на свете». В «Дороге, которая никуда не ведет» писатель делает вывод, что «некоторые сокровища открываются только тем людям, которые первыми проходят по нехоженным путям». В «Стране, где все слова начинаются с «не», никогда не бывает войн. «Если вдруг начинается война, — объясняет горожанин, — мы сразу же трубим в нетрубу, стреляем из непущки, и война тотчас же прекращается». А «человек, который купил Стокгольм» у какого-то пройдохи, не может догадаться, что «каждому ребенку, что появляется на свет, принадлежит весь мир, и ему ничего не надо платить за него — ни единого сольдо! Ему нужно только засучить рукава, хорошо поработать, и все на земле окажется в его руках». Вчитайтесь в забавные истории, приведенные в «Сказках по телефону», и вы обнаружите в них много полезного для себя.

Сказка «Джип в телевизоре», написанная четверть века назад, звучит в наши дни удивительно современно. Она призывает к сотрудничеству всех ученых мира для мирного освоения космоса, против космических войн. К единению всех цивилизаций, какие только могут быть обнаружены во Вселенной, зовет сказка «Планиета Новогодних елок».

Другая сказка Джанни Родари, «Торт в небе», несмотря на фантастический поворот событий — атомная бомба при взрыве превратилась в огромный торт, который повис над Римом, — прямо говорит о необходимости всем людям, даже детям, бороться за мир, против ядерной войны. В одной из своих статей, опубликованных в советской прессе, писатель рассказывает, как родился замысел «Торта в небе»: «Кто-нибудь может подумать, что я долго вынашивал эту тему, пока не набрел на мысль о торте. А было-то совсем наоборот.

Однажды мы сидели с товарищами в редакции газеты «Паэзе сера» и говорили о том о сем. Кто-то из нас поделился какой-то своей мечтой, осуществить которую было совершенно невозможно. Не помню, о чем именно шла речь, но один наш старый коллега, долгое время живший в Америке, в ответ на это воскликнул: «Ну, знаешь, это просто торт в небе!» Возможно, выражение «торт в небе» звучит для американца привычно и обыденно. Мне же оно показалось забавным, и я поспешил записать его на спичечном коробке...

Спустя какое-то время меня пригласили в начальную школу в предместье Рима прочитать или рассказать одну из своих новых историй. Тут мне и пришел на память «торт в небе». Вот было бы радости, подумал я, если бы торт появился в небе именно над этим предместьем (одним из самых убогих и мрачных в Риме) и опустился на холм рядом со школой и ребятишки могли бы забраться в него и наесться до отвала...

Мало-помалу образ стал оживать: вокруг торта задвигались фигуры, завязывались диалоги. Сюжет развивался сам по себе, следуя неотразимой логике: *раз появился в небе торт, значит, должно произойти то-то и то-то, и не как-нибудь, а вот так...*

Сейчас я попытаюсь объяснить вам (или, вернее, самому себе), почему мне пришла в голову мысль связать все с атомной бомбой. Если бы я был верующим, то я бы решил, что торт — дар небес, испосланный детям, чтобы сделать их счастливыми. Я нарисовал бы в своем воображении, а вотом и рассказал историю о чуде. И мораль тогда была бы иной: мадейтесь на бога — и получите все, в чем вы нуждаетесь. Но я таков, каков есть: под влиянием самой жизни в моей голове созрели определенные идеи, я участник движения, которое занимает в истории свое место и ведет борьбу в определенном направлении... Мораль сказки пресерьезна: если бы огромные богатства и ресурсы, которые люди тратят на гонку вооружений, были использованы на добрые дела, то можно было бы не только накормить миллионы голодных, но и сделать так, чтобы шоколадные торты стали доступными всем.

Так, отталкиваясь от образа, я нашел его смысл.

За книгу «Торт в небе» Джанни Родари получил общеевропейскую премию и золотую медаль. Высокими наградами были отмечены «Джип в телевизоре» и «Книга ошибок» («Каким бы ваяют ошибки»), в которой доказывается, что иной раз «ошибки необходимы и полезны, как хлеб», но «мир был бы непередаваемо прекрасен, если бы ошибались в нем только дети». В 1967 году Джанни Родари был признан лучшим писателем Италии. А в 1970 году за все свое творчество он был удостоен Международной премии Андерсена, своего рода Нобелевской премии в детской литературе. Выступая на церемонии вручения этой премии, писатель сказал:

— Можно говорить о вещах важных и серьезных, рассказывая сказки. Кстати, кого мы называем «серьезными» людьми? Возьмем, к примеру, сеньора Исаака Ньютона. По-моему, это был очень серьезный человек. Так вот однажды, если верить преданиям, ему на голову упало яблоко. Другой на его месте сказал бы пару неласковых слов и поискал бы себе для отдыха иное дерево. А сеньор Ньютон, напротив, задумался: «Почему яблоко упало вниз, а не улетело в небо? Ни вправо, ни влево, а непременно вниз? Какая таинственная сила притянула его?» Человек, лишенный воображения, подумал бы, что этот Ньютон — субъект несерьезный, раз он верит в сказки: думает, что внутри Земли сидит волшебник, который и притягивает яблоки... В его-то годы верить в подобные глупости... А сеньор Ньютон сделал важное открытие, известное теперь всем. Именно потому, что не был ограниченным человеком, имел хорошее воображение и был способен объяснить неведомое. Чтобы быть великим ученым, нужна огромная фантазия. Только обладая сильным воображением, можно представить себе будущее и приняться за работу, чтобы приблизиться к нему. Я считаю, что сказки — и старые, и новые — могут помочь воспитывать ум. Сказка — это кладовая всевозможных гипотез. Сказка может дать нам ключи для того, чтобы войти в действительность новыми путями, может помочь ребенку узнать мир, может одарить его воображением и научить критически воспринимать окружающее... Нет ничего прекрасней в мире, чем смех ребенка, и если в один прекрасный день все без исключения дети смогут рассмеяться все сразу, все вместе, согласиться, это будет великий день!

Великим днем было для самого Джанни Родари присуждение ему премии самого прославленного сказочника мира — Ханса

Кристиана Андерсена. «Это такое поощрение к работе, что я чувствую себя львом и хотел бы, чтобы в сутках было тридцать часов...», — писал Родари члену жюри Андерсеновской премии, профессору Пертини.

Писатель был необыкновенно требователен к себе. Он часто встречался с детьми и рассказывал им свои новые сказки, чтобы посмотреть, как они воспринимают их. Если ребята слушают, затаив дыхание, переживают судьбу героев, смеются и грустят или гневно сжимают кулаки, когда совершается несправедливость, значит, все в порядке — история поправилась, дошла до сердца ребенка. Если же дети отвлекаются, скучают, значит, надо еще поработать, прежде чем отдавать сказку в печать.

— Ты был уверен, — делился своими впечатлениями Родари, — что в таком-то месте дети обязательно будут смеяться, а они не смеются. Ты замечаешь, что какое-то предложение содержит слово или мысль, которые ставят их в затруднение. И вдруг они смеются там, где ты совсем этого не ожидал, как бы подсказывая: вот как ты должен писать, это хорошая находка...

У Джанни Родари была своя заветная «Белая книга». Так он называл тетради, в которые постоянно записывал свои наблюдения, выдумки, любопытные факты, неожиданные фразы, смешные выражения. Много накопилось в этой книге и размышлений о природе фантазии. Итогом раздумий о творчестве писателя-сказочника стала необычная книга «Грамматика фантазии (Введение в искусство придумывать истории)», вышедшая в 1973 году, в которой Родари объяснил свои приемы сочинения детских волшебных сказок. Это книга для взрослых, хотя ее «по ошибке», шутили писатель, прочли многие ребята. Написана она просто, по-родари-евски остроумно. «Идея, лежащая в основе «Грамматики фантазии», — подчеркивал Родари, — сводится к тому, что воображение не есть привилегия немногих выдающихся людей, что им наделены все». И сказочник пытается научить родителей, как надо придумывать занимательные истории, чтобы пробудить фантазию своих детей, помочь им развить столь ценное для человека качество. Однако, предупреждает автор, не надо воспринимать эту книжку как сборник рецептов для приготовления сказок: «Она всего лишь скромный экскурс в область фантазии как орудия познания действительности. Путь, следуя которому окунаешься в гущу жизни, а не витаешь в облаках».

А фантазия, как мы знаем, необходима не только писателю, художнику или артисту, но и математику, инженеру, рабочему или труженнику полей. Воображение так же нужно человеку, как и умение логически мыслить.

— Фантазия и наука, — утверждал Джанни Родари, — не соперники, не враги, а союзники, руки и ноги одного тела, дочери и матери одного интеллекта.

Писатель был убежден, что нет такого предмета, такого слова, природа которого не давала бы зацепки для сказки. Придумав, например, принца Пломбир, сразу можно найти для него и место, где он может обитать, — конечно же, это холодильник. Его высокое вместе со своими подданными прилетел с планеты, которая вся покрыта льдом. Но попал он в Италию, где свои законы: холодильник должен быть возвращен фирме за неуплату очередного взноса. Тогда принц Пломбир делает заявление по телевиде-

нию, что холодильник этой фирмы — лучший в мире. Реклама сыграла свою роль. И холодильник остался у хозяина. Вот и сказка готова!..

Чтобы родилась фантастическая история, советует Родари в книге «Грамматика фантазии», достаточно обычного слова, ну, хотя бы «камень». Если слово подсказать ребенку, то оно всколыхнет сознание, подобно камню, упавшему в пруд. Пойдут концентрические круги ассоциаций. Камень, устремляясь вниз, растапливает водоросли, распугивает рыб, достигая дна, он вздымает ил, натывается на давно забытые предметы, некоторые из них оголяются, другие, напротив, покрываются слоем песка. За кратчайший период происходит множество событий или микрособытий. Так и слово, запавшее в сознание детей, пробуждает цепь образов, извлекая при своем «западании» звуки и картины, представления и мечты.

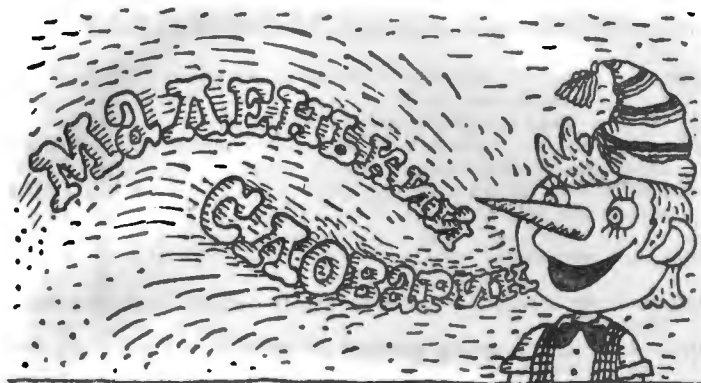
Слова, подчеркивает писатель, подобны верхнему слою воды над омутом. Чтобы сочинять истории, нужно как раз глубоко нырять под воду.

В «Грамматике фантазии» мы находим глубокие размышления о природе творчества.

«Творчество,—пишет Родари,—синоним оригинального склада мышления, то есть способности постоянно ломать привычные рамки накопленного опыта. Творческий ум — это ум активный, пытливый, обнаруживающий проблемы там, где другие их не видят, считая, что на все есть готовый ответ; он чувствует себя, как рыба в воде, в переменчивой ситуации, там, где другим мерещатся опасности; он способен принимать свои, ни от кого (ни от отца, ни от профессора, ни от общества) не зависящие, самостоятельные решения, он отрицает то, что ему навязывают, по-новому оперирует предметами и понятиями, не давая себя опутать никакими конформистскими соображениями. Все эти качества проявляются в процессе творчества. И процесс этот — слушайте! слушайте! — веселый, игровой всегда, даже когда речь идет о «строгой» математике».

Начав свою творческую жизнь журналистом, Джанни Родари завершил ее писателем-сказочником, признанным во всем мире. Он не знал ни минуты покоя, постоянно жил творчеством. Многое задумал он, но осуществить не успел. Писатель умер неожиданно 14 апреля 1980 года, не дожив несколько месяцев до своего шестидесятилетнего юбилея. Но остались его мысли, его труды — умные и озорные истории, которым суждено еще долго жить на свете. Создавая книги, в которых утверждаются благородные мысли и чувства, писатель-сказочник помогает воспитывать людей завтрашнего дня. Он хотел, чтобы наши дети выросли мужественными и добрыми, отзывчивыми и честными, веселыми и общительными, наделенными обширным умом и богатой фантазией. Ведь богатая фантазия нужна еще и для того, чтобы «никто не был рабом». К этой цели Джанни Родари стремился всем своим творчеством.

Л. Тарасов

Аннигилировать — уничтожать.

Арка Августа — памятник, воздвигнутый в Древнем Риме в честь побед императора Октавиана Августа.

Армада — большая группа кораблей, самолетов или танков, объединенных общим командованием.

Астероид — большой метеорит или малая планета Солнечной системы.

Берсальер — солдат специальной части итальянской пехоты, которая отличается меткой стрельбой и быстротой бега.

Квестура — полицейское управление.

Клавичембало — так в Италии называли клавесин, предшественник фортепиано.

Клан — в буржуазных странах большое влиятельное семейство.

Командор — одно из высших званий в рыцарском ордене.

Медиум — человек, якобы обладающий способностью общаться с «потусторонним миром».

Оранжад — шипучий апельсиновый напиток.

Остерия — небольшое кафе или ресторанчик, иногда — гостиница.

Пантеон — один из древнейших соборов в Риме, служащий усыпальницей великих людей.

Регалии — знаки отличия, которыми удостаиваются за подвиги или большие заслуги (ордена, медали).

Ромул и Рем — легендарные основатели Рима — братья-близнецы, по преданию вскормленные молоком волчицы.

Сколопендра — ядовитое насекомое, похожее на гусеницу.

Травертин — легкий пористый камень, из которого в Италии построено множество домов.

Траттория — кафе или маленький ресторанчик.

Троянский конь — огромный деревянный конь, в котором были спрятаны древнегреческие воины, осаждавшие Трою. Обманом он был введен в город. Греки вышли из коня и открыли ворота для своих войск.

Фарисеи — лицемеры.

Эмпайр стейт Билдинг — один из самых высоких небоскребов в Нью-Йорке.

Этруски — древний народ, живший до римлян на территории Северной Италии.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказки по телефону	5
Джельсомнио в Стране Лгунов	103
Планета Новогодних елок	207
Торт в небе	273
Джип в телевизоре	331
Какне бывают ошибки	365
Римские фантазии	413
Сказки, у которых три конца	583
 <i>Л. Тарасов. Волшебник из Рима . . . . .</i>	 688
 Маленький словарь	 701

Родари Дж.

Р 60 Римские фантазии: Пер. с ит. И. Г. Константиновой и Ю. Н. Ильина / Послесл. Л. М. Тарасова; Ил. В. Д. Сергеева.—М.: Правда, 1987.—704 с., ил.

В издание включены повести, сказки и фантазии итальянского писателя Джанни Родари «Джеллессомини в Стране Лгунов», «Планета Новогодних елок» и др.

4703000000—1348
Р. $\frac{080(02)-87}{080(02)-87}$ 1348—87 84. 4 Ит

ДЖАННИ РОДАРИ РИМСКИЕ ФАНТАЗИИ

Редактор Н. А. Галахова

Художественный редактор Г. О. Барбашнинова

Технический редактор Т. В. Мешкова

ИБ 1348

**Сдано в набор 18.08.86. Подписано к печати 28.08.86
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.**

**Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 38,96. Усл. кр.-отт. 37,17. Уч.-изд. л. 35,94.
Тираж 500 000 экз. (1-й завод: 1—150 000).
Заказ № 2988. Цена 4 р. 10 к.**

**Набрано и сматрицировано в ордена Ленина и ордена
Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП Москва, А-137, улица «Правды», 24.**

**Отпечатано в типографии издательства
«Советское Зауралье».
640627, г. Курган, ул. Карла Маркса, 106,**

4 p. 10 r.